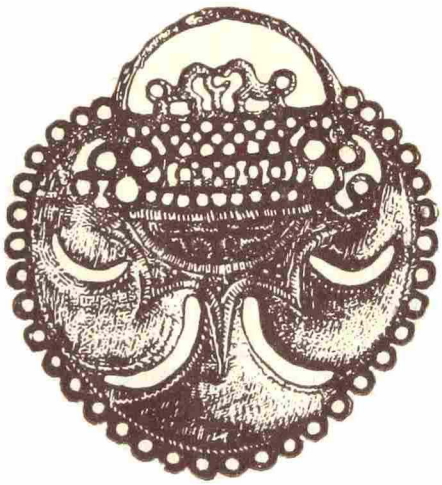
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1978

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф. (Самарканд). Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане 5
Филиппов А. К. (Ленинград). Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите 23
Кореневский С. Н. (Москва). О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур 33
Фролова Н. А. (Москва). О времени правления Динамии 49
Хомутова Л. С. (Москва). Металлообработка на поселениях дьяковской культуры 62
Березкин Ю. Е. (Ленинград). Хронология среднего и позднего этапов культуры мочика (Перу) 78
Якобсон А. Л. (Ленинград). К изучению фресок из южного нефа «Базилики 1935 г.» в Херсонесе 96
Сымонович Э. А. (Москва). О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период 105
Алешковский М. Х. (Москва). Социальные основы формирования территории Пскова X—XVI веков (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) 117
К 70-летию академика Б. А. Рыбакова 127

Публикации

Чернов Г. А. (Москва). Мезолитическая стоянка Сандибейю I 135
Смирнов А. С. (Москва). Неолитическая стоянка Лупево II 147
Третьяков В. П. (Ленинград). Некоторые стоянки каменного века Посожья и Подесенья 155
Казаков Е. П. (Казань). Неолитические погребения в восточных районах Татарии 165
Нечитайло А. Л. (Киев). Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры 178
Сарианиди В. И. (Москва). Древнейшие топоры Афганистана 186

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», № 2, 1978 г.

Палимпсестова Т. Б. (Ессентуки). Укрепление и поселение «Ясная Поляна» у г. Ессентуки . . . 195
Брашинский И. Б., Марченко К. К. (Ленинград). Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону . . . 204
Дрбоглав Д. А. (Москва). Эпиграфическое значение меча из Московского Кремля (миф о Гицелине) . . . 222
Голубева Л. А., Варёнов А. Б. (Москва). Полые коньки-амулеты древней Руси . . . 228
Ершевский Б. Д. (Новгород). Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.) . . . 240

Заметки

Грехова Л. В. (Москва). Бивень с нарезками из стоянки Елисеевичи . . . 249
Гольцева Н. В., Букарский В. Б. (Кишинев). Два новых экспоната из собрания Кишиневского музея . . . 253
Барцева Т. Б. (Москва). О химическом составе бронзового котла из с. Гайдары . . . 256
Воронов Ю. Н., Гунба М. М. (Сухуми). Новые памятники колхидской культуры в Абхазии . . . 257
Косяненко В. М., Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. (Ростов-на-Дону). Два шлема из фондов Ростовского областного музея краеведения . . . 265
Симонова Е. Н. (Будапешт). Результаты исследования позднеаварского могильника в Фейсерлак . . . 268
Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н. (Москва). Древнерусские памятники района озера Верестово . . . 272
Галкин Л. Л. (Москва). Двусторонняя литейная форма XIV века из Сарайчика . . . 282
Федоров-Давыдов Г. А. (Москва). Браслет с надписью с Селитренного городища . . . 286
Пуцко В. Г. (Калуга). Крест-мощевик XIV века . . . 288
Белецкий С. В. (Москва). О рейнской керамике в Пскове . . . 292
Спирина Л. М. (Загорск). Клад монет XVII в. из Загорска . . . 294

Критика и библиография

Сергин В. Я. (Москва). Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976 . . . 297
Окладникова Е. А. (Ленинград). Новые данные по первобытному искусству Аляски . . . 304
Русанова И. П. (Москва). Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковині V—XI ст. Київ, 1976 . . . 312
Вихляев В. И., Мартьянов В. Н. (Саранск). Жиганов М. Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск, 1976 . . . 318
Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В. (Ленинград). (Рец. на сб.). Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18 bis 24 April 1972, T. I, II, Göttingen, 1973, 1974 . . . 321

Хроника

Арутюн Арташесович Мартиросян . . . 331

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.

INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 2

1978

Rédacteur en chef | A. V. ARTSIKHOVSKI |

SOMMAIRE

Askarov A. A., Bouriakov You. F. (Samarkand). Quelques résultats et perspectives du développement de l'archéologie en Ouzbékistan 5
Filippov A. K. (Léningrad). Technologie de fabrication des pointes osseuses du Paléolithique supérieur 23
Korénevski S. N. (Moscou). Les couteaux en métal des cultures de Poltavkino, et à inhumations en fosse et en catacombe 33
Frolova N. A. (Moscou). Sur les dates du règne de Dynamie 49
Khomoutova L. S. (Moscou). Le traitement du fer dans les villages de la culture de Diakovo 62
Bérezkine You. E. (Léningrad). Chronologie des étapes moyenne et tardive de la culture de Mochica (Pérou) 78
Iakobson A. L. (Léningrad). Les fresques de la nef sud de la basilique découverte en 1935 à Chersonèse 96
Symonovitch E. A. (Moscou). Les conceptions cultuelles de la population du Sud-Ouest de l'U.R.S.S. à la fin de la période antique 105
Alechkovski M. Kh. (Moscou). Les bases sociales de la formation du territoire de Pskov du Xe au XVIe siècle. (A propos de la question d'une étude archéologique de cette ancienne ville russe) 117
Le 70ème anniversaire de B. A. Rybakov 127

Publications

Tchernov G. A. (Moscou). La station mésolithique de Sandibéïou I 135
Smirnov A. S. (Moscou). La station néolithique de Lounévo II 147
Trétiakov V. P. (Léningrad). Quelques stations de l'Age de Pierre dans la région de la Soj et de la Diesna 155
Kazakov E. P. (Kazan). Les sépultures néolithiques dans l'Est de la Tatarie 165
Netchitaïlo A. L. (Kiev). Les statuettes anthropomorphes en albâtre des plus anciens monuments de la culture du Caucase septentrional 178
Sarianidi V. I. (Moscou). Les plus anciennes haches de l'Afghanistan . . . 186
Palimpsestova T. B. (Essentouki). Les ouvrages défensifs et l'agglomération «Yassnaïa Poliana» (environs d'Essentouki) 195
Brachinski I. B., Martchenko K. K. (Léningrad). Les ensembles de constructions du goroditché d'Elizavètovka sur le Don 204
Drboglav D. A. (Moscou). La signification épigraphique d'une épée au Kremlin de Moscou. (Le mythe de Gicelin) 222
Goloubéva L. A., Varionov A. B. (Moscou). Les amulettes en forme de petits chevaux dans la Russie ancienne 228
Erchevski B. D. (Novgorod). Les plus anciens sceaux des «possadniks» de Novgorod (1096—1117) 240

Notices

Grékhova L. V. (Moscou). Une défense de mammouth avec des rices provenant de la station d'Eliseévitchi 249
Goltséva N. V., Boukarski V. B. (Kichinev). Deux nouvelles pièces de la collection du musée de Kichinev 253
Bartséva T. B. (Moscou). La composition chimique de la chaudière de bronze trouvée dans le village de Gaïdara 256

Voronov You. N., Gounba M. M. (Soukhoumi). De nouveaux monuments de la culture de Colchide en Abkhazie 257
Kossianenko V. M., Loukiachko S. I., Maximenko V. E. (Rostov-sur-le-Don). Deux casques conservés dans les fonds du musée d'art régional de Rostov 265
Simonova E. N. (Budapest). Les résultats de l'étude d'un champ funéraire avare d'époque tardive situé à Fészerlak 268
Léontiev A. E., Pronine G. N. (Moscou). Les anciens monuments russes du lac Verestovo 272
Galkine L. L. (Moscou). Un moule de fondeur à deux faces du XIVe s. trouvé à Saraïtchik 282
Fédorov-Davydov G. A. (Moscou). Un bracelet portant une inscription trouvé dans le goroditché de Sélitrennoïé 286
Poutzko V. G. (Kalouga). Une croix-reliquaire du XIVe siècle 288
Béletzki S. V. (Moscou). La céramique rhénane à Pskov 292
Spirina L. M. (Zagorsk). Un trésor de monnaies du XVIIe siècle trouvé à Zagorsk 294

Critique et bibliographie

Serghine V. Ia. (Moscou). I. G. Pidoplitchko: Les habitations en os de mammouths de Méjéritchi. Kiev, 1976 297
Okladnikova E. A. (Léningrad). De nouvelles données sur l'art préhistorique en Alaska 304
Roussanova I. P. (Moscou). Timochtchouk B. O.: Slov'iani Pivnitchnoï Boukovini V-XI st. Kiiv, 1976 312
Vikhliaev V. I., Martianov V. N. (Saransk). M. F. Jiganov: La mémoire des siècles. Saransk, 1976 318
Kirpitchnikov A. N., Lébédiev G. S., Doubov I. V. (Léningrad). Critique du recueil: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18 bis 24 April 1972. T. I, II; Göttingen 1973, 1974 321

Chronique

A. A. Martirosian 331

А. А. АСКАРОВ, Ю. Ф. БУРЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Узбекистан богат памятниками материальной культуры различных эпох истории человечества. Своеобразие богатой и высокоразвитой древней культуры края привлекало внимание передовых ученых и любителей старины со второй половины XIX в., но предметом специальных, систематических научных исследований в масштабе государственного значения она стала лишь в годы Советской власти. Большие работы по изучению древней культуры республики начались с 30-х годов, когда создаются первые специализированные и комплексные археологические экспедиции [1], но наиболее широкий размах археологические исследования приобрели за последние 30 лет. Основная территория республики была охвачена комплексными исследованиями Узбекистанской археологической экспедиции АН УзССР (Я. Г. Гулямов, В. А. Шишкин и их ученики), проводившей изучение памятников от поры каменного века до развитого средневековья [2]. Наряду с нею работает ряд крупных комплексных экспедиций союзных и республиканских научных учреждений.

История Хорезма с древнейшей поры до наших дней плодотворно изучается Хорезмской археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР (С. П. Толстов, М. А. Итина) [3], на территории древней Ферганы широкие археологические работы проводят ферганская экспедиция Государственного Эрмитажа (Н. Г. Горбунова) [4] и экспедиция ЛОИА АН СССР (Ю. А. Заднепровский) [5], большие стационарные исследования на юге Узбекистана осуществляют искусствоведческая экспедиция Института искусствознания Министерства культуры УзССР (Г. А. Пугаченкова) [6], Бактрийская экспедиция ЛОИА АН СССР и Института археологии АН УзССР (В. М. Массон) [7] и объединенная экспедиция Государственного Эрмитажа, Музея искусств народов Востока и Всесо-

---

[1] *Массон М. Е.* Археологические исследования в Узбекистане. В сб.: Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939). Ташкент, 1939.

[2] *Шишкин В. А.* Сорок лет советской археологии в Узбекистане (1924—1964).— ИМКУ, вып. 7, 1966; *Мухамеджанов А. Р.* Развитие археологической науки в Узбекистане в годы Советской власти.— СА, 1967, № 4; *Аскаров А.* Развитие археологической науки в Узбекистане.— ОНУ, 1972, № 11—12; *Гулямов Я., Аскаров А., Буряков Ю.* Археология.— В сб.: Наука в Узбекистане. Ташкент, 1974.

[3] *Толстов С. П.* Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956).— СА, 1957, № 4; *Итина М. А.* Основные итоги работ Хорезмской экспедиции в минувшем пятилетии.— ПИИЭ — 1975. М., 1977, с. 187—210.

[4] *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АСб. ГЭ, вып. 5, 1962.

[5] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962.

[6] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966;— В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

[7] *Массон В. М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974.

южной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации Министерства культуры СССР (Б. Я. Ставиский) [8].

В исследовании памятников Ташкентской и Кашкадарьинской областей участвуют кафедра археологии ТашГУ им. В. И. Ленина (М. Е. Массон, С. Б. Лунина) [9], в разработке проблемы каменного века Узбекистана — кафедра археологии СамГУ им. А. Навои (Д. Н. Лев, М. Д. Джуракулов) [10], проблемы античности и средневековья — музеи республики [11].

Многочисленный новый фактический материал позволил внести существенные дополнения в разработку археологической периодизации с более детальным хронологическим расчленением всего каменного века, сделать вывод о заселении территории Узбекистана с эпохи мустье (Тешик-Таш, Аман-кутан, Обирахмат, Кульбулак, Кутурбулак и др.). Обнаружены памятники верхнего палеолита (верхние слои стоянки Кульбулак, стоянки Самаркандская, Спабча, Ходжамазгиль и др.), мезолита (группа стоянок Обишир, Мачай, Кушилиш и др.) и неолита (большое число стоянок в дельтах Амударьи, в низовьях Зарафшана, в центральных Кызылкумах, объединенных под общим названием кельтеминарская культура). Выявлены местные корни происхождения культур и их локальные особенности; изучены хозяйство и быт первобытных охотников, открыты наскальные изображения, бесценные памятники первобытного искусства.

Раскрыты первые шаги производственной деятельности, направленной на освоение природных богатств, в частности сырьевой базы для кремнеобрабатывающей индустрии первобытного общества. Открытие и изучение древних шахт и мастерских в Капчигае и Ахангаране, Каратау, Учтуте, Иджонте, Вауше, Кызылкыре показали, что Узбекистан имел обширную базу для изготовления каменных орудий. Морфологические особенности различных месторождений способствовали освоению различных форм разработки сырья. Наиболее ранние, начинающиеся с поры нижнего палеолита (ашель), связаны с открытой добычей, но уже со среднего палеолита начинается систематическая разработка сырья, переходящая в последующие периоды в более сложный технологический процесс — подземную добычу методом закладки шахт, а с неолита используется и огневой способ [12].

Комплексные исследования шахт, мастерских и стоянок в сочетании с экспериментальным моделированием процессов добычи и расщепления сырья [13], применение статистических методов в его обработке [14] позволили проследить этапы совершенствования первобытной техники и ее роль в развитии производительных сил первобытного общества на территории Узбекистана.

Результаты исследования памятников последующих периодов показали, что уже в пору каменного века на территории Средней Азии намечается зарождение культуры земледелия, что можно было наблюдать на примере джейтунской культуры VI тысячелетия до н. э. [15] в юго-запад-

[8] Сб.: Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в старом Термезе. М., 1964; сб.: Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе. М., 1969; сб.: Буддийский культовый центр Кара-Тепе в Старом Термезе. М., 1972; сб.: Новые находки в Кара-Тепе в Старом Термезе. М., 1975.

[9] *Лунина С. Б.* Группа Караултепа и некоторые археологические памятники Бостандыкского района.— Тр. ТашГУ, вып. 295, 1966, с. 44, 55; *Массон М. Е.* Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.

[10] *Лев Д. Н.* Древний палеолит в Аман-кутане (исследования 1953—1954 гг.).— Тр. УзГУ, № 61, 1956; *его же.* Поселение древнекаменного века в Самарканде.— Тр. СамГУ, вып. 135, 1964.

[11] *Садыкова Н. Д.* Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975.

[12] *Касымов М. Р.* Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века в Средней Азии. Ташкент, 1972.

[13] *Мирсаатов Т. М.* Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1975.

[14] *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби Рахмат. Ташкент, 1972.

[15] *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики).— МИА, № 180, 1972.

ных областях Средней Азии. В этот период в горных, предгорных и равнинных зонах Узбекистана обитали еще первобытные охотники-рыболовы и собиратели дикорастущих плодов и злаков. Однако на отдельных его участках, где физико-географические условия и экологические возможности создавали предпосылки для зарождения производящего типа хозяйства, намечается формирование локальных хозяйственно-культурных областей.

Проведенные в последние годы иссследования У. Исламова показали, что уже с эпохи позднего мезолита на территории Узбекистана выделились две хозяйственно-культурные зоны, в значительной степени определившие дальнейшее развитие племен Средней Азии. Южная зона (Мачай, Туткаул) своими благоприятными климатическими условиями и высоким потенциалом экологического преимущества пошла по пути развития производящей, экономики на основе одомашнивания животных (овцы, козы, коровы) [16].

В более северных районах, в зоне распространения кельтеминарской неолитической культуры, значительные успехи были достигнуты в изучении низовий Амударьи (Хорезм) — этого эталона для исследователей этой культуры в северных районах Средней Азии и Казахстана [17]. В последнее время особое внимание было уделено исследованию первобытной культуры Устюрта и Внутренних Кызылкумов [18]. Существенный вклад в фонд источников по первобытной истории пустынных районов дали материалы Лявляканских стоянок, показавшие, что неолит был эпохой исключительно интенсивного освоения Кызылкумов человеком, когда были заселены не только долины и дельты, но и берега обводненных тогда бессточных впадин. Люди эпохи неолита были не только охотниками и рыболовами, но, вероятно, на завершающем этапе неолита начинают осваивать скотоводство, хотя первые четкие свидетельства производящего хозяйства связываются уже с энеолитом [19].

Развитие хозяйства производящего типа впервые в Узбекистане удалось четко проследить на примере раннесуярганских памятников и культуры Заманбаба [20]. Но наиболее яркий материал в этом плане дает изучение памятников эпохи бронзы на юге Узбекистана. Широкое изучение памятников этого времени показало, что зарождение хозяйства производящего типа, намечавшееся с позднего мезолита, в эпоху бронзы приобретает совершенно новое содержание. Теперь мы видим комплексное развитие производящей экономики, основанной на земледелии и скотоводстве, с одной стороны, и зональном разделении хозяйственно-культурных регионов на общины степных скотоводов и оседлых земледельцев — с другой.

Археологические работы по изучению памятников этого времени показывают, что в конце III — начале II тысячелетия до н. э. в истории племен Средней Азии начинается новый этап, ознаменовавшийся большими изменениями социально-экономического порядка. В зоне племен с прогрессирующим хозяйством культуры земледелия намечается расселение племен на север и на восток и формирование новых древнеземледельческих оазисов. Соответственно меняется граница хозяйственно-культурных зон, расширяется зона распространения древних земледельцев.

Сплошные раскопки на таких памятниках, как поселение Сапаллитепа с богатым разнообразным материалом, поселения и некрополя Джаркутан и Дашлинского оазиса в северном Афганистане, показали, что в этих

---

[16] *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в южном Таджикистане.— СА, 1971, № 2; *Исламов У.* Пещера Мачай. Ташкент, 1975.

[17] *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

[18] *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.

[19] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948.

[20] *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

районах сложился новый очаг древних земледельцев — сапаллинской культуры, для которой характерно наличие развитой сырцовой архитектуры с жилищным строительством и фортификацией, квартальное расчленение жилищ с уличной планировкой [21].

Анализ материалов показал, что этот очаг протогородской культуры на юге Узбекистана находился в тесном контакте с целым рядом древнеземледельческих центров, находящихся в зоне между городскими цивилизациями Шумера и Элама, с одной стороны, и цивилизацией долины Инда — с другой. Эти очаги раннегородских цивилизаций второго порядка формировались на основе местных древних традиций, тогда как приамударьинский очаг возник в результате расселения племен, принесших уже готовые культурно-хозяйственные достижения. Вместе с тем здесь были выработаны и своеобразные черты культуры этого нового очага, начиная от планировки крепостей, вплоть до формы печатей-амулетов с изображениями в специфическом стиле.

Сложная оборонительная система в сочетании с глубокой традицией строительно-планировочных приемов памятников типа Сапалли является уникальным образцом раннегородских элементов на территории Узбекистана и северного Афганистана и представляет собой прототип укрепленной квадратной крепости Вары, известной по авестийской традиции.

Расцвет приамударьинского очага падает на середину и вторую половину II тысячелетия до н. э., т. е. как раз на время, когда историческая ситуация в зоне между Шумером и Индией существенным образом изменилась в связи с упадком древних земледельческих центров — Алтына, Гиссара, Шахри-Сохта, Мундигака. В этих условиях именно приамударьинский очаг высокоразвитых культур древневосточного типа сохранял и развивал дальше основные культурно-хозяйственные достижения.

Таким образом, на базе приамударьинского очага высокоразвитых культур древневосточного типа выявлен местный пласт архаической культуры, который являлся недостающим звеном в цепи развития культур ряда областей Узбекистана и был той базой, на которой сложилась более поздняя городская культура железного века, определив ее высокий уровень. Это открытие отметает ранее бытовавшие в научном мире точки зрения о привнесенном из Ирана характере городской цивилизации ряда областей Узбекистана середины и второй половины I тысячелетия до н. э. и ставит ее на автохтонную основу [22].

В связи с этими исследованиями на повестку дня ставится вопрос о пересмотре времени сложения своеобразной заманбабинской культуры в низовьях Зарафшана, так как в свете новых данных становятся более реальными параллели между комплексами культуры Сапалли и Заманбабы, что может указывать на генетические связи между ними. Последние четко прослеживаются на ряде форм парадно-столовой и культурно-ритуальной керамики, украшениях и бронзовых изделиях и даже типах гончарных горнов. Но основной результат влияния — формирование орошаемого земледелия, вследствие чего меняется экономический уклад этих племен. Влияние не ограничивается материальной культурой. Нам кажется, что подбойно-катакомбное устройство могил Заманбабы заимствовано не у культур восточноевропейских степей, как это предполагалось раньше, а от южной культуры. Возможно, во второй половине II тысячелетия до н. э. население культуры Сапалли в поисках плодородных земель расселяется по всей территории северной Бактрии и какая-то группа по Амударье достигает плодородных земель древнебухарского оазиса. Здесь,

---

[21] *Аскаров А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973; *его же.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977; *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса.— В сб.: Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1964—1973 гг. М., 1976.

[22] *Аскаров А. А.* Бронзовый век Южного Узбекистана. Автореф. докт. дис. М., 1977.

ассимилировавшись с автохтонными племенами, пришельцы участвуют в формировании своеобразной скотоводческо-земледельческой культуры Заманбабы. При такой постановке вопроса более четко вырисовывается время формирования культуры Заманбабы — вторая половина II тысячелетия до н. э.[23].

Исследованиями Хорезмской археолого-этнографической экспедиции установлено сложение в низовьях Амударьи в первой половине II тысячелетия до н. э. культуры аборигенного населения — суярганской [24]. Позже, в середине II тысячелетия до н. э. проникающие с северо-запада срубно-андроновские племена смешиваются на этой территории с исконным населением, результатом чего является сложение тазабагъябской культуры [25], широко распространившейся во второй половине II тысячелетия до н. э. вплоть до низовий Зарафшана [26]. На более позднем этапе суярганская традиция вновь отчетливо проявилась в материальной культуре Хорезма [27]. В это время в большей части северных и северо-восточных районов Средней Азии распространяется культура племен андроновско-тазабагьябского типа. Она встречена, в частности, в северной Фергане, в Кайраккумах. Исследовавший эти памятники Б. А. Литвинский выделил их в кайраккумскую культуру [28].

Погребения и развеянные стоянки выявлены в Ташкентской, Самаркандской и Кашкадарьинской областях вплоть до границы древнеземледельческих оазисов подгорной полосы южного Туркменистана [29].

Особую важность представляет прослеживание путей перехода огромного массива степного населения к оседлости и формирования земледельческого хозяйства в бассейне Сырдарьи.

Исследования показывают, что в конце II и начале I тысячелетия до н. э. происходят существенные изменения в культурно-хозяйственном облике степных племен. В этот период в пределах огромных просторов степей и равнин северной зоны, в тех местах, где физико-географические и экологические условия благоприятствовали развитию культуры земледелия, намечается переход к оседлому образу жизни групп племен из среды «степняков», которые организовывали свое хозяйство в поймах и низовьях равнинных рек и небольших саев. Так возникали локальные древнеземледельческие центры в окружении общин степных скотоводов. Это племена чустской культуры древней Ферганы, раннебургулюкской культуры древнеташкентского оазиса, амирабадской культуры в дельтах Амударьи.

Несколько неожиданным является для этого времени появление культуры племен расписной керамики эпохи поздней бронзы в зоне высокоразвитых культур древневосточного типа. Это поселения Кучуктепа, Миршади, Бандыхан I на юге Узбекистана, Тиллятепа в северном Афганистане, комплекс Яз I в Мургабском оазисе, культуры Анау IV А и Теккем II в подгорной полосе южного Туркменистана и т. д. Эта сложная историческая ситуация конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Средней Азии связывается с расселением северных индоевропейских племен в зону распространения высокоразвитых культур древневосточного типа. Однако ос-

---

[23] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура..., с. 114, 115.

[24] *Толстов С. П., Итина М. А.* Проблема суярганской культуры.— СА, 1963, № 1, с. 14—35.

[25] *Итина М. А.* О месте тазабагьябской культуры среди культур степной бронзы.— СЭ, 1967, № 2.

[26] *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура в низовьях Зарафшана..., с. 187—223.

[27] *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.

[28] *Литвинский Б. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайраккумах.— Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., с. 191—196.

[29] *Аскаров А.* Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана.— ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, с. 35—41.

нову экономики синтезированной культуры в значительной степени составлял местный древний пласт, который обеспечил дальнейшее развитие племен на базе производящего типа хозяйства и заложил прочную основу для формирования нескольких локально-территориальных хозяйственно-культурных регионов в пределах Средней Азии, превратившихся в очаги высокоразвитых городских культур рабовладельческого и феодального общества. Это Древняя Бактрия, Согдиана, Хорезм, Паркана, Чач и окружающий кочевой мир среднеазиатского региона, на базе традиций которых еще на заре цивилизации сложились бактрийский, согдийский, хорезмийский, сакский и другие народы.

Изучение проблем перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, формирования раннегосударственных образований, генезиса и развития архаических и античных городов на примере материалов Узбекистана — один из основных вопросов современных направлений исторической науки. К числу важнейших достижений следует отнести выявление внутренних генетических связей с культурами предшествующих эпох, способствующих раскрытию социально-экономической основы становления государства, путей культурно-исторического развития регионов на автохтонной основе. Археологические иссследования позволяют выделить для поры архаического периода два крупных региона с характерными для них хозяйственно-экономическими комплексами и проследить соответственно две линии культурно-экономического развития. Первая линия развития архаической и античной культуры Узбекистана характеризуется материалами бассейна Амударьи — Бактрии, Согда, Хорезма и представляет собой высокоразвитую городскую культуру, впитавшую в себя хозяйственно-культурные традиции оседлоземледельческой ойкумены Древней Бактрии и Мургабского оазисов предшествующего времени. Развитие второго региона, включающего Фергану, Чач, Среднесырдарьинские районы, базируется в своей основе на местных культурах эйлатанского и бургулюкского типов, представляющих собой синкретические комплексы скотоводческой и земледельческой культур с значительно развитыми скотоводческими традициями. Для него характерны легкие постройки, лепная, преимущественно круглодонная, частично расписная керамика, слабо дифференцированное ремесленное производство, широкое использование зооморфных мотивов культурного характера в прикладном и изобразительном искусстве.

Наиболее высокий уровень культуры выявляется при исследовании памятников Северной Бактрии. Процесс урбанизации здесь прослеживается с первой половины I тысячелетия до н. э. и особенно расцветает в античную эпоху. Характерно появление укрепленных поселений с цитаделями, перерастающих в города.

Детальное изучение всего региона позволяет выделить в нем не менее четырех районов со своими культурно-экономическими и, вероятно, политическими центрами. К числу наиболее ранних пунктов принадлежит городище Джандавляттепе с многогранной линией валов и квадратной цитаделью в углу. Отсутствие четкой планировки исследователи связывают с длительным и сложным процессом формирования здесь городского центра с постепенным ограждением разрастающихся его участков [30].

Резко отличается от него четкой прямоугольной формой с выступающими из плоскости стен крепостными башнями Зартепе, возведение которого рассматривается как результат целенаправленной государственной градостроительной политики в античный период [31]. В центре города

[30] *Массон В. М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 5.

[31] *Альбаум Л. И.* Некоторые данные по изучению Ангорской группы археологических памятников (1948—1950 гг.) — Тр. ИИА АН УзССР, т. VII. Ташкент, 1955; *Массон В. М.* Страна тысячи городов. М., 1966, с. 39, 40.

вскрыт дворцовый комплекс с четырехколонным и 12-колонным залами и окружающими их хозяйственными подсобными помещениями.

В античное время процветает крупный городской центр Дальверзинтепе, занимающий второе место после Термеза. Дальверзинтепе — прямоугольник площадью в 30 *га*, с мощными крепостными стенами, четким делением города на три составные части, дворцовыми, культовыми и жилыми комплексами. Наличие центрального святилища местных культов позволило исследователям отнести город к разряду столичных центров крупных историко-культурных областей, где развивались государственный, военный и культовый аппарат, и отождествить его со столицей древнего Чаганиана [32]. К числу менее значительных городских центров принадлежит Халчаян. Характер застройки здесь иной. Под защитой стен цитадели располагается обширная площадь свободной застройки жилых, парадных и культовых сооружений с развитыми формами архитектурно-декоративного убранства и прекрасной скульптурой [33].

Подлинным центром Северной Бактрии кушанской поры является Термез [34], один из крупнейших городов Средней Азии, со сложной системой фортификации, крупной цитаделью, многогранной линией крепостных стен и обширными торгово-ремесленными предместьями. В них располагались крупные античные мастерские, примером которых может служить квартал металлургов. Это высокоразвитый, военно-административный и торгово-политический центр правобережного Тохаристана. На его периферии расположены буддийские пещерные и наземные храмы Каратепе, Фаязтепе с уникальной росписью, скульптурой, образцами письменности, характеризующие высокий уровень культуры античного Тохаристана.

Наиболее значительные успехи в исследовании древнейших этапов архаического и античного городов первой группы связываются с раскопками столицы Согда — городища Афрасиаб в Самарканде. История изучения этого памятника насчитывает более 100 лет [35], но наиболее широкие и плодотворные работы проведены в последнее десятилетие. Еще недавно в науке предметом дискуссии являлся вопрос о тождестве Афрасиаба с Маракандой античных авторов. Однако стратиграфические раскопки и изучение фортификационных сооружений в сочетании с анализом письменных источников доказали, что городской субстрат Афрасиаба датируется не менее чем 25 столетиями [36]. Работами последних лет в ряде пунктов внешней четвертой линии оборонительного вала Афрасиаба, еще недавно относимой к VIII—IX вв. н. э.[37], открыты древнейшие крепостные стены VI—V вв до н. э., возводившиеся из крупноформатного сырцового кирпича прямоугольного стандарта, перекрываемые античными стенами из

---

[32] *Пугаченкова Г. А.* Новое в изучении Дальверзинтепе.— СА, 1971, № 4; *ее же.* Работа в Шурчинском районе Узбекской ССР.— АО—1972. М., 1973; *ее же.* Изучение культуры бактрийских городов в южном Узбекистане.— Вестн. АН СССР, 1973, № 3; *ее же.* Ювелирные изделия дальверзинского клада.— Советское искусствоведение, № 73. М., 1974.

[33] *Пугаченкова Г. А.* Халчаянтепе. Ташкент, 1966, с. 22—26.

[34] Труды Термезской археологической комплексной экспедиции, т. I—II. Ташкент, 1940, 1945.

[35] Историю изучения городища см. *Шишкин В. А.* К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей.— В сб.: Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, с. 3—121; *его же.* Кала-и Афрасиаб.— Там же, с. 122—152.

[36] *Тереножкин А. И.* Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г.— КСИИМК, XVII, 1947, с. 116—121; *его же.* Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда.— ВДИ, 1947, № 4, с. 127—135; *Массон М. Е.* К периодизации древней истории Самарканда.— ВДИ, 1950, № 1; *Тереножкин А. И.* Раскопки на городище Афрасиаб.— КСИИМК, XXXVI, 1951, с 136—140. В последней своей работе А. И. Тереножкин углубил раннюю ступень Самарканда до VII—VI вв. до н. э. см. *Тереножкин А. И.* Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда.— СА, 1972, № 3, с. 97.

[37] *Пачос М. К.* К изучению стен городища Афрасиаб.— СА, 1967, № 1, с. 69, 70.

квадратного кирпича с внутристенными коридорами, системой бойниц и пилонами укреплений внешнего фаса стены.

Исследование внешней стены городской округи Самарканда — Девори Кыёмат — дает основание утверждать, что первичное возведение ее относится к позднеархаической или раннеантичной поре. Этот вывод позволяет на реальной основе сопоставить современные археологические материалы с данными античных авторов о размерах Мараканды в пользу локализации последней в пределах Самарканда [38]. Значительные комплексы керамики поры Афрасиаб I, синхронной Яз II Туркмении, Кобадиан I южного Таджикистана, а также бронзовых наконечников стрел, орудий труда из металла и камня этого же времени найдены не только на Афрасиабе, но и к югу от него, где раскрыта довольно плотная застройка вдоль искусственного ирригационного сооружения со следами ремесленного производства, металлообрабатывающего, ювелирного и иных видов ремесел. Таким образом, и за пределами Афрасиаба застройка носит характер ремесленно-торгового предместья.

Открытие канала середины I тысячелетия до н. э., проходящего со стороны Даргома в сторону Афрасиаба, заставляет пересмотреть вопрос и о водоснабжении города, который, вероятно, получал воду с помощью канала, проходившего с юга, с первых этапов своего функционирования, тем более что и на самом Афрасиабе обнаружены следы древнейших водных протоков, возможно, каналов. Изучение керамики древнейших слоев Самарканда дает основание углубить его датировку вплоть до VII—VI вв. до н. э. и генетически связать с комплексами протогородских культур Северной Бактрии.

В целом материалы Афрасиаба позволяют совершенно по-иному представить организационно-планировочный облик города. Еще недавно древнейший Самарканд представлялся ученым как примитивное укрепление в виде обширного загона для сохранения людей и скота на период нашествия врагов, типа легендарной «вары» [39]. Новейшие исследования показали, что Самарканд формировался как сложный городской организм, сочетавший административные, военно-политические и хозяйственные функции, обладавший системой искусственного водоснабжения, окруженный ремесленным предместьем. Развитие города в стратегически удобном пункте бассейна Зарафшана способствовало его быстрому превращению в центр земледельческого Согда. Уже к IV в. до н. э. город состоял из укрепленного ядра «верхнего города» или «кремля», вероятно, в пределах первой крепостной стены и «нижнего города», окруженного стеной в пределах Девори Кыёмат на севере и Девори Кундаланг на юге, а также водными источниками [40].

Не случайно Квинт Курций Руф характеризует Самарканд как «город красивейший, а также весьма защищенный благодаря обилию той реки, которая обтекает город; непрерывная стена охватывает его в окружности на 70 стадиев» [41]. Пострадавший в 329—327 гг. до н. э. во время греко-македонского нашествия, когда были разрушены оборонительные сооружения, Самарканд в III—I вв. до н. э. расцветает вновь. Его обносят крепостной стеной, возведенной по всем правилам античной фортификации; территория города расширяется на восток, где были выявлены довольно мощные наслоения первых веков до нашей эры с прекрасной ке-

---

[38] Там же, с. 72 сл.

[39] Подобная точка зрения высказана Я. Г. Гулямовым в кн. «История Самарканда», т. I. Ташкент, 1969, с. 31, 32.

[40] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского, VII, 6, 10; см. *Пьянков И. В.* Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972, с. 12, 13.

[41] *Пьянков И. В.* Ук. соч., с. 13.

рамикой, бронзовыми наконечниками стрел, украшениями и редкой медной монетой Антиоха Сотера [42].

Город, естественно, вырастал не по единому плану, свидетельством чего являются многочисленные перепланировки как кварталов, так и системы водоснабжения. Однако длительное функционирование его на изолированном лёссовом массиве способствовало устойчивому положению основных компонентов городского организма — цитадели, культового ядра, основных магистралей и ворот.

Данный путь формирования городов подтверждается материалами городища Еркурган в Кашкадарьинской обл., отождествляемого рядом исследователей с античной Наутакой [43]. Представляющий собой руины древнейшей столицы южного Согда, он интересен тем, что в отличие от Самарканда, разрушенного в начале XIII в. татаро-монголами, жизнь здесь прекратилась в основном к середине I тысячелетия н. э., поэтому древнейшие слои сохранились в более чистом непереотложенном виде. Кроме того, в нижних горизонтах архитектурные остатки с материалами VI—IV вв. до н. э. подстилаются наслоениями с лепной расписной керамикой IX—VII вв. до н. э., находящей аналогии с Кучуктепе, чустской и бургулюкской культурами [44]. Таким образом, Еркурган дает уникальные материалы трансформации архаического поселения в крупный город VI—V вв. до н. э. Площадь Еркургана превышает 150 *га*, незначительно уступая Афрасиабу. Город окружен двумя рядами крепостных стен, древнейшая из которых восходит к ахеменидской эпохе, а расцвет городской жизни относится к первым векам до нашей эры — первым векам нашей эры. Как и на Афрасиабе, ранняя внутренняя стена возводилась из прямоугольного сырцового кирпича, характерного для середины I тысячелетия до н. э., а внешняя стена — из квадратного кирпича античного стандарта с ритмически повторяющимися округлыми фланкирующими башнями. Хорошая сохранность наслоений позволяет видеть по плану руин дворцово-общественные, храмово-культовые объекты, жилые и ремесленно-производственные кварталы. Дворцовый комплекс — монументальное, не менее чем двухэтажное сооружение с парадными лестницами на уровне разных этажей, с полихромной росписью.

Храм — длительно функционировавший подквадратный в плане комплекс, насчитывающий не менее пяти архитектурно-строительных этапов, относящихся к двум крупным периодам жизни. Центральное святилище — крупный прямоугольный зал с колоннадой. На полах найдены фрагменты глиняной и ганчевой скульптуры, курильницы, культовые ювелирные изделия из самоцветов и золота, бронзовые зеркала. Красная поверхность колонн была украшена символическими знаками и силуэтными изображениями дароносцев, обращенных к алтарю.

На втором этапе, датируемом первой половиной I тысячелетия н. э., святилище имело характер айвана с двумя колоннами. Среди находок на полах интересны скульптурные изображения мужского лица с семилепестковой розеткой на лбу и щеках, золотая фигурка ежа с инкрустацией бирюзовых перлов и раковины, агатовые скульптурки лягушки и идольчика, фрагменты сюжетной живописи.

За пределами внутренней крепостной стены обнаружены два одинаковых обособленных холма. Раскопки одного из них позволили выявить уникальный объект погребального культа — зороастрийскую дахму. Дахма имеет два периода функционирования, поздний из которых датируется первыми веками нашей эры. Время сооружения ее пока не известно. Аналогии этому уникальному сооружению дает только дахма Чильпыка в Хо-

---

[42] *Страбон.* География, XI, II, 4 (с. 517); *Пьянков И. В.* Ук. соч., с. 19.

[43] *Массон М. Е.* Столичные города..., с. 5—19.

[44] *Сулейманов Р., Исамиддинов М., Сабиров К., Нефедов Н.* Раскопки на городище Еркурган.— АО — 1974. М., 1975, с. 513, 514; *Сулейманов Р., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н.* Раскопки на городище Еркурган.— АО — 1975. М., 1976, с. 536—538.

резме. Характерно, что один из холмов расположен близ дворцового комплекса, второй тяготеет к жилым кварталам. Не исключено, что дахмы обслуживали различные социальные слои: одна — знать дворцового комплекса, другая — простых горожан.

В целом на городище широко представлены этапы архаической и особенно античной эпох с развитыми формами фортификации, монументальной парадной архитектурой, ремесленным производством, находящие широкие аналогии в северной Бактрии и Согде.

Особо следует остановиться на работах в низовьях Зарафшана в Бухарском оазисе. Обширные исследования в этом районе до недавнего времени не давали таких результатов, которые помогли бы преодолеть значительный хронологический разрыв между датировкой памятников заманбабинской и последующими культурами [45].

Однако работами последних лет в Бухаре выявлены древнейшие культурные наслоения середины I тысячелетия до н. э. Наслоения VI—IV вв. до н. э. зафиксированы на соперничавшем по древности с Бухарой Рамитане. А в северной части оазиса, в Кызылтепинском районе, открыт уникальный памятник — городище Ходжа-Бустан, представляющий собой бухарский аналог Еркургану. В его нижних слоях обнаружена лепная керамика, близкая по облику к заманбабинской. Ее перекрывают напластования VI—IV вв. до н. э.

Интересные жилые и культурные объекты больших и малых размеров открыты на границах Согда с кочевым миром. Они представляют собой многокомнатные, более 200 м², большесемейные укрепленные дома и оригинальной формы храм — Сеталяк — II—III вв. н. э., имевший форму четырехлепестковой розетки, окруженной квадратом стен. Планировка его напоминает буддийскую ступу, но примыкающие помещения, возведенные одновременно с полубашнями, мощные культурные слои с зольниками, находки костей человека не соответствуют характеру буддийских храмов. По-видимому, это культовое сооружение должно быть связано с оседающими кочевниками. Яркие материалы, свидетельствующие об оседании кочевников и формировании синкретической культуры в зонах контакта скотоводческих и земледельческих племен, представлены в бассейне Сырдарьи — в Фергане, Чаче и памятниках средней Сырдарьи.

В Фергане курганные группы сочетаются с укрепленными замками, поселениями и крупными городищами типа Мархамата (40 *га*) и Шурабашата (70 *га*). Большой интерес представляют материалы древнего Ахсикета — столицы Ферганы. Город этот неоднократно менял свое местоположение, что позволяет вести изучение его в различных хронологических плоскостях. Однако изучение Ахсикета находится еще на начальном этапе.

Самые ранние материалы относятся пока ко II—I вв. до н. э. Выявлены остатки стен из квадратного кирпича, сводчатые коридоры, гончарные печи, краснолощеная и красноангобированная керамическая посуда [46].

В целом же следует отметить, что узбекистанские районы Ферганы изучены значительно слабее, чем киргизские и таджикистанские. Большой интерес в связи с этим приобретают исследования курганных могильников в адырной части долины — Кунгайского, Актамского, Суфанского, Урюкзарского. Принадлежат они осевшим на землю скотоводам и содержат материалы, сочетающие черты культуры и скотоводческого населения и оседлого земледельческого [47].

---

[45] *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963, с. 20.

[46] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, с. 244—247; *Чуланов Ю. Г.* Городище Ахсыкет.— СА, 1963, № 3, с. 197—206.

[47] *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСб. ГЭ, 1962, № 5, с. 91—122; *ее же.* Раскопки курганов в Ферганской области.— УСА, вып. 3, 1975, с. 29—33.

Полнее исследованы памятники Ташкентского оазиса. В последние годы здесь изучена целая группа поселений раннебургулюкской культуры (IX—VII вв. до н. э.) с однокомнатными жилищами — землянками, сочетавшими и жилые и хозяйственные и производственные функции. Комплекс находок из землянок включает лепную круглодонную керамическую посуду, набор каменных орудий — зернотерки, лощила, бронзовые орудия труда — серпы, ножи, бритвы, шилья, наконечники стрел. Эта культура осевших на землю скотоводов сочетается с продолжающейся кочевой жизнью другой части сакских племен, оставивших погребальные курганы.

Однако наиболее значительный земледельческий пласт в этой контактной зоне выявлен для поры античности и связывается с каунчинской культурой. Для нее характерны сочетание груболепной плоскодонной посуды (скотоводческие традиции) и монументальной архитектуры.

В этот период формируется ряд городских центров, в том числе такой крупный, как городище Канка, площадью более 150 *га*, включающее цитадель и несколько городских территорий, окруженных двойными крепостными стенами с внутристенными коридорами, полукруглыми выступающими башнями, возведенными из пахсовых блоков и крупноформатного сырцового кирпича на мощной платформе с бермой.

Особенностью городской культуры Чача можно считать многообразие путей формирования городов, отразившееся в их планировке. Наряду с крупными городами с монументальной фортификацией и плотной внутренней застройкой, выраставшими в долинах рек в центре оазиса и на магистральных караванных путях, мы встречаем и тип городов, формирующихся на границе с кочевыми районами с застройкой различной плотности. Можно предположить, что городские кварталы в них сочетались с более легкой застройкой оседающих кочевников, включая юрты.

Особое место в истории античности занимает Хорезм, в котором скрещиваются культуры бассейнов обеих крупнейших среднеазиатских рек. Развитие устойчивой системы земледелия на базе искусственного орошения, протянувшейся параллельно затухающим речным протокам, потребовало строительства крупных ирригационных сооружений, что явилось одним из экономических стимулов социальных и политических преобразований, прослеживаемых в первую очередь на памятниках Присарыкамышья и Южной Акчадарьинской дельты. Здесь открыты крупные крепости архаического и античного времени, а общая освоенная в этот период площадь оазиса в бассейне Амударьи и Сырдарьи охватывает около 4 млн. *га*[48]. Изучение городищ Кюзелигыр, Калалыгыр, усадьбы Дингильдже, храма-крепости Койкрылганкала, городища Топрак-Кала раскрыло мощный очаг своеобразной хорезмийской земледельческой культуры с развитой фортификацией, парадными комплексами загородных построек и сложной системой культово-погребальной архитектуры[49]. Материальная культура, в первую очередь керамика, показала тесные связи Хорезма с южным очагом земледельческой культуры Узбекистана и Туркмении[50]. Проведены широкие работы по изучению сельских районов правобережного и левобережного Хорезма, позволившие проследить историю формирования сельских поселений, сложение народного жилища Хорезма от начала нашей эры до поры позднего средневековья и на базе материальной культуры реконструировать социальную структуру общества[51].

---

[48] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 89—245; *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

[49] *Толстов С. П.* По древним дельтам, с. 89—135, 204—226; Сб.: Кой-крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967. (Отв. ред. Толстов С. П. и Вайнберг Б. И.).

[50] *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода.— Тр. ХАЭЭ, т. IV. М., 1959.

[51] *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.

Каракалпакским филиалом АН УзССР проведены комплексные исследования Устьюрта и районов юго-западного Приаралья, позволяющие стереть еще одно «белое пятно» в древнейшей истории северного Узбекистана.

Археологические исследования в Узбекистане в сочетании с письменными источниками позволили проследить кризис рабовладельческой формации, одним из ярких проявлений которого явился спад городской жизни, сокращение ирригационной системы. Упадок городской жизни с конца III—IV вв. прослеживается и в южных районах Узбекистана и в Хорезме, где происходит иногда полное запустение городов и перемещение центров экономической деятельности в сельские замки новой нарождающейся феодальной знати. Выявлены большие сдвиги в динамике ирригационного освоения «земель древнего орошения», в результате чего в правобережье Амударьи забрасываются целые оазисы зоны Кельтеминарского канала. Самыми обжитыми становятся Беркуткалинский, Яккепарсанский, Аязкалинский оазисы, на примерах которых четко читается характерный облик афригидского сельского поселения [52]. Резко сокращается площадь городской застройки Термеза, крепостные стены, отделяющие лишь часть обжитой ранее территории, появляются на Афрасиабе в Согде и Канке в Чаче, происходит запустение северобактрийских античных городских пунктов (Халчаянтепе).

Новые страницы вписаны в историю раннефеодальной культуры. Широкое изучение памятников этого времени в Северной Бактрии — Тохаристане — позволило не только понять социальное содержание нового типа замковой архитектуры, но и получить ценнейшие материалы по истории культуры южного Узбекистана. Особенно интересными явились исследования Болалыктепе, Джумалактепе, Зангтепе, позволившие реконструировать тип феодальной застройки V—VII вв. н. э.[53].

Изучение раннесредневековых памятников привело к выявлению новых принципиальных фактов среднеазиатской истории, важнейшим из которых является определенное перемещение центра культуры из южных районов Узбекистана в более северные, в долину Зарафшана, где наряду с замковой архитектурой быстро восстанавливаются и развиваются крупные городские пункты — Самарканд, Бухара, Варахша, Рабинджан, Пенджикент.

В столице Согда исследовались его укрепленное ядро — цитадель Афрасиаба, оборонительные сооружения, дворцовый комплекс, жилые и ремесленные кварталы. После кризиса город обносится могучими двойными стенами с рвом, системой ловушек, усиливавшей оборону ворот, а по мере дальнейшего развития окружается дополнительными рядами стен. Цитадель и выросший к западу от нее монументальный, вероятно, храмовый комплекс определяли планировочную композицию северной части города. Вдоль магистралей, ведущих к восточным Китайским и западным Наубехарским воротам, вырастают ремесленные кварталы [54]. В южной же части раннефеодального Самарканда (ныне в центре Афрасиаба) концентрировались дома знати и дворцовый комплекс самаркандского правителя.

Большой интерес представляет парадный аудиенц-зал, украшенный прекрасной монументальной живописью с изображением типичных для той эпохи сцен парадных дипломатических приемов, торжественных шествий, героических битв с хищными животными. Однако многие сцены

---

[52] *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.

[53] *Альбаум Л. И.* Балалык тепе. Ташкент, 1960; *Нильсен В. А.* Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.

[54] *Буряков Ю. Ф.* Некоторые материалы к исторической топографии шахристана Самарканда.— В сб.: Афрасиаб, вып. III, 1974, с. 56—62; *Шишкина Г. В.* Бухарские ворота средневекового Самарканда.— В сб.: Афрасиаб, вып. IV, 1975, с. 23—41.

не только парадны, но и документальны. К их числу принадлежит сцена приемов послов Тохаристана и Чача ихшидом Вархуманом. В реальной манере переданы не только костюмы, но и характерные атрибуты дароносцев и облик послов, что позволяет выделить представителей ряда соседних стран Среднего и Дальнего Востока. Исключительно интересны ритуальные сцены, связанные с почитанием сил природы и космогонические мотивы. Завершенность многоплановых композиций, совершенство линий, сочность красочной цветовой гаммы позволяют утверждать, что согдийцы вписали новую страницу в историю монументального искусства.

Единство архитектурного замысла и декоративного, скульптурного и живописного оформления демонстрируют и объекты общественной архитектуры Варахши. Тяжелая монументальность оформления цитадели, подчеркнутая парадность многозального, украшенного монументальной росписью дворца бухархудата дополняется резным алебастровым декором, переходящим в горельефную скульптуру с изображением в этом материале тех же традиционных сцен охоты, природы. Росписи, покрывающие стены трех зал, также представляют собой выполненные в красочной манере сцены из жизни среднеазиатской знати — традиционную триаду: борьбу, пир и торжественные приемы знати. В реалистической манере они отражают жизнь и быт своей эпохи — этнографические типы и костюмы, оружие, предметы быта и украшения, религиозные обряды, т. е. являются красочным слепком жизни тех эпох [55].

Значительно слабее выяснена история этого времени восточных районов республики — Ферганы и Чача, хотя они являются в настоящее время объектами специальных исследований. Работы в Ташкентском оазисе показали, что в пору раннего феодализма интенсивно развивается городская культура Чача, насчитывавшего в этот период около 30 городских пунктов. Интересно перемещение центра тяжести городской культуры от бассейна Сырдарьи вглубь оазиса в горные и степные районы.

Ценные материалы для истории Ферганы представило изучение столицы ее восточных районов — Кувы [56]. Раскопки крепостных сооружений, городских кварталов и пригородов показали, что Фергана в раннефеодальную пору выходит из состояния замкнутости и расширяет связи с северными и западными оазисами, особенно в VII — начале VIII в. Большой интерес представило вскрытие буддийского храма в пригороде Кувы, представляющего собой сочетание двух самостоятельных комплексов: прямоугольного храма и квадратного святилища общей площадью около 450 $м^2$, с айваном, под которым стояли выполненные из глины с росписью позолотой статуи Будды, конных божеств и сопровождающих их воинов, в храме — скульптуры богини Шри-Деви и других скульптурных групп. Эти материалы открывают новые страницы в истории городской культуры раннего феодализма. Археологическое изучение раннефеодальных городов заставляет отказаться от тезиса, рассматривающего раннефеодальный город Средней Азии преимущественно как военно-административный центр, сосредоточение замков знати с беспорядочной застройкой, и присоединиться к точке зрения А. М. Беленицкого о городе этой поры как торгово-ремесленном центре с густой застройкой домами различных социальных групп.

Отмечая значительные успехи советских археологов в исследовании среднеазиатского города VIII—XII вв. за последние 20 лет, О. Г. Большаков подчеркивает, что средневековая археология Средней Азии в основном связана с раскопками городов [57]. Изучение памятников ведется

---

[55] *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963.

[56] *Булатова В. А.* Древняя Кува. Ташкент, 1972.

[57] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Город в VI — середине VIII в. Раздел в сб.: Средневековый город Средней Азии. Л., 1973; *Большаков О. Г.* Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII—XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока.— КСИА АН СССР, № 122, 1970, с. 96.

в трех планах: 1) исследование исторической топографии регионов, 2) стратиграфические раскопки городов для создания хронологической шкалы, 3) широкое исследование жилых, производственных и общественных сооружений на отдельных историко-культурных горизонтах с целью исследования планировки и датировки городов. Работы по исторической топографии Согда, Чача, Бухарского, Каршинского оазисов позволили создать историко-археологические карты регионов для отдельных исторических этапов.

В Согде изучены караванные пути в Бухару и горные районы, городища и пункты на этих путях — городище Дурменьтепе, Рабинджан, Дабусия, Кафыркала.

Особое внимание уделено столице средневекового Согда — Самарканду. Раскопки в цитадели показали временное запустение ее в саманидскую пору. Затем при караханидах и хорезм-шахах цитадель снова играет роль крепостного ядра, перестраиваются крепостные стены и возводится дворец. Большие раскопки проведены в крупнейшем культовом сооружении города IX — начала XIII в.— соборной мечети близ цитадели [58].

Уникален раскоп гончарного квартала, позволивший выявить около полутора десятков хозяйств ремесленников-керамистов с социальной дифференциацией, высоким уровнем их специализации и степенью концентрации ремесел. Изучались улицы и площади, водопроводы и городские водохранилища-хаузы, бани.

Раскопки Самаркандского рабада показали сложную картину формирования торгово-ремесленного предместья, органического сращивания его с городом, превращения в одну из важнейших его социально-экономических частей ни по времени, ни по генетическим изменениям, ни по характеру формирования не соответствующих нарисованной для среднеазиатского города В. Н. Куренным. Из других городов самаркандского Согда следует отметить раскопки Рабинджана, крупного средневекового города, стоявшего вдоль царской дороги на Бухару.

Наряду с исследованием самаркандского Согда большие работы проведены в Кашкадарье. Только в Каршинском оазисе выявлено около 200 памятников, являющихся основой историко-топографических карт южного Согда. Исследования показали, что в пору раннего феодализма его древнейшая столица Еркурган приходит в упадок. Роль центра переходит к новому городу, руины которого некоторые исследователи отождествляют с городищем Калап Захоки Марон в г. Карши [59]. Однако есть не менее веские основания для отождествления со средневековой столицей Каршинского оазиса городища Шуллюктепе, лежащего на левом берегу р. Кашкадарьи в 2 *км* от Еркургана [60]. Его территория начала обживаться еще в III—IV вв. н. э., а с V в., с замиранием древней Наутаки, к Шуллюктепе переходит роль столицы Южного Согда.

Расцвет новой столицы Каршинского оазиса, именовавшейся Нахшебом или Несефом, приходится на X—XII вв., когда за счет расширения рабада, обнесенного валом, площадь его достигла примерно 200 *га*. В XIII в., после монгольского завоевания, город прекратил свое существование, но в XVIII—XIX вв. его цитадель была восстановлена и интенсивно обживалась. Роль столицы оазиса перешла с XIV в. к городу, развалины которого находятся на территории современного Карши.

Значительные работы проведены по топографии Ташкентского оазиса, включавшего два феодальных владения — Чач и Илак — и отличавшего-

---

[58] *Буряков Ю. Ф., Садиев М., Федоров М. Н.* Соборная мечеть Самарканда в XI — начале XIII в.— В сб.: Афрасиаб, вып. IV, с. 77—99.

[59] *Массон М. Е.* Столичные города..., с. 20—29.

[60] *Кочнев Б. Д.* Исследования средневекового Несефа.— АО — 1974. М., 1975, с. 501, 502.

ся на средневековом Востоке необычайным развитием городской культуры. По данным средневековых географов, регион насчитывал до 50 городских пунктов. Наиболее крупные раскопки проводятся в столице Чача — Ташкенте (древнем Бинкете), в связи с большими современными строительно-планировочными работами.

Интересные материалы по истории градостроительства Чача дают материалы второго крупнейшего города оазиса — Харашкета (городище Канка), в котором изучены дома богатых горожан и ремесленников, производственные мастерские и караван-сарай, оборонительные сооружения, получены нумизматические материалы, раскрывающие новые страницы истории караханидов Восточного Мавераннахра.

Аналогичные вопросы решаются при изучении городов Ферганского оазиса, в первую очередь Ахсикета.

В противоположность архаическому и античному периоду значительно слабее изучена средневековая история южных районов республики. В отличие от античного периода северная Бактрия в последующее время постепенно теряет роль ведущего региона в связи с интенсификацией оседания кочевых элементов. Количество феодальных городов здесь не столь велико, как в Согде и Чаче. Постепенно меняется и этнический облик населения, а с приходом кунградских племен вообще древний тип населения остается в основном в городах. В рамках централизованных феодальных государств приходят в упадок и теряют свою первоначальную роль городские цитадели. Ремесленно-торговый пригород-рабад, наоборот, с увеличением экономического веса в жизни города начинает застраиваться домами торговой и феодальной знати, оставляющей даже шахристан, в пределах которого появляются ремесленные кварталы, вырастающие иногда на месте богатых усадеб предшествующего времени. В рабады зачастую передвигаются даже дворцы правителей и культовые постройки.

Однако, несмотря на широкие исследования древних и средневековых городов, проблема генезиса и развития городской культуры Узбекистана и ее роли в сложении хозяйственно-культурных регионов остается ведущей при разработке вопросов истории классового общества Узбекистана. Стационарные раскопки главных городских центров регионов, таких, как Афрасиаб, Еркурган, Ахсикет, Канка, Ходжа Бустан, дают возможность разработать типологическую периодизацию городов и хронологические этапы их внутреннего развития; выявить локальное своеобразие городской культуры регионов; исследовать социально-экономическое развитие городов на разных этапах их развития, взаимоотношения городов с сельской округой и кочевым населением степей, вопросы идеологии, культуры и искусства.

Наиболее слабо изученными остаются северо-восточные районы республики. Бассейн Сырдарьи — древняя граница тюркоязычных и ираноязычных народностей — был не только зоной контакта оседлых и кочевых племен. Здесь ранее, чем в других районах, началась монголизация населения, проходило внедрение тюркского языка, отразившееся в названиях древних городов. Чач и Фергана ранее, чем другие владения на территории Узбекистана, были связаны с тюркским каганатом. В этом плане очень важно дальнейшее археологическое и этническое исследование носителей джетыасарской и каунчинской культур в сопоставлении с данными письменных источников о народах Средней Азии поры античности, дальнейший сбор материалов о языковом составе населения Сырдарьинского бассейна.

Важным разделом экономической истории является изучение вопросов становления и развития рудно-сырьевой базы и формирования ремесленных центров, и в первую очередь изучение источников горного дела и металлургического ремесла. В течение ряда лет исследовались Фергана и Ташкентский оазис, южные районы республики и районы

Согда [61]. Одним из интересных в этом плане районов является Ташкентский оазис — известный на древнем Востоке район по добыче цветных и благородных металлов, в первую очередь золота и серебра [62].

Большое значение для экономической истории Узбекистана играет и изучение истории ирригации, ибо все основные этапы истории республики связаны с развитием земледелия на базе искусственного орошения. В то же время организация и развитие оросительных и мелиоративных работ в свою очередь тесно связаны с социально-экономическими и политическими условиями жизни народов. Истории ирригационного строительства в Средней Азии уделяли внимание еще дореволюционные историки, в первую очередь В. В. Бартольд [63]. С первых десятилетий Советской власти эту работу вели Д. Д. Букинич [64], затем Б. А. Латынин, С. П. Толстов и Я. Г. Гулямов [65]. Развернувшиеся в последние десятилетия комплексные археологические работы создали базу для разработки истории ирригации Хорезма [66] и Ферганской долины [67], бассейна Зарафшана [68], с дешифровкой аэрофотосъемок и наземными археологическими маршрутами, изучением древних архивов и сбором этнографического материала. Наиболее полно динамика развития ирригационной сети исследована в Хорезме, интенсивные работы ведутся в долине Зарафшана и Фергане, значительно слабее — в Ташкентской области и южном Узбекистане. С помощью этих исследований в настоящее время рекомендовано для нужд народного хозяйства несколько сотен тысяч гектаров бывших пустынных и залежных земель в Хорезме и Бухарской области.

Широкие по масштабу полевые исследования привели к накоплению антропологического материала с эпохи бронзы до современности, имеющего важную роль в решении вопросов этногенеза не только народов Узбекистана, но и всей Средней Азии. Наиболее полные комплексы для эпохи бронзы получены на юге (Сапаллитепа и Джаркутан) и на северо-западе (Кокча 3) Узбекистана. Население первого в антропологическом отношении характеризуется одним из вариантов восточносредиземноморской расы, второго — восточносредиземноморской и протоевропейской расы в ее андроновском варианте [69]. В целом, основываясь на материалах антропологического исследования, можно сказать, что в эпоху бронзы на территории Узбекистана обитали люди, характеризующиеся восточносредиземноморским протоевропеоидным расовым типом. Они жили на территории Узбекистана и в эпоху рабовладельческого строя.

---

[61] *Массон М. Е.* К истории горного дела и металлургии на территории Узбекистана. Ташкент, 1953; *Литвинский Б. А.* Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX–XII вв.).– Тр. АН ТаджССР, т. XXVII. Сталинабад, 1954.

[62] *Буряков Ю. Ф.* Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.

[63] *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана. Соч., т. 3. М., 1965.

[64] *Букинич Д. Д.* История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросами о происхождении земледелия и скотоводства.— «Хлопковое дело». Ташкент, 1924, № 34.

[65] *Латынин Б. А.* К вопросу об истории ирригации. Сборник АН СССР, посвященный академику Н. Я. Марру. М.— Л., 1935; *его же.* Вопросы истории ирригации древней Ферганы.— КСИИМК, вып. 64, 1956; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948; *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

[66] *Толстов С. П., Андрианов Б. В.* Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме.— КСИЭ АН СССР, вып. XXVI, 1957, с. 5 сл.; *Толстов С. П., Андрианов Б. В., Игонин Н. И.* Использование аэрометодов в археологических исследованиях.— СА, 1962, № 1, с. 89—96; *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта; *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

[67] *Латынин Б. А.* Вопросы истории ирригации древней Ферганы.— КСИИМК, вып. 64, 1956.

[68] *Мухамеджанов А.* Куйи Зарафшан водийсининг сугориши тарихи. Ташкент, 1972.

[69] *Ходжайов Т. К.* Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент, 1977; *Трофимова Т. А.* Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3.— МХЭ, вып. 5, 1961.

Примерно с середины I тысячелетия до н. э. в северных районах Узбекистана, в Приаралье, Древнебухарском оазисе появляются иные этнические группы. С этого периода начинается процесс становления памиро-ферганского типа. С первых веков н. э. и особенно с середины I тысячелетия н. э. этот расовый тип становится преобладающим на территории между Амударьей и Сырдарьей. Представляется, что установленная монголоидная примесь у равнинных таджиков и особенно различных этнографических групп узбеков увеличивается на рубеже I—II тысячелетия н. э. и еще больше после XVI в., когда даштыкипчакские узбекские племена расселяются на территории современного Узбекистана.

Необходимо отметить, что памиро-ферганский тип в свое время был выделен в самостоятельную расовую единицу путем исследования лишь современного населения Среднеазиатского междуречья. Известно, что на территории Средней Азии в античный период и в эпоху раннего средневековья происходит ряд крупных этнических перемещений племен и народностей. И именно в этот период начинается процесс формирования внешнего облика современных узбеков и равнинных таджиков, что требует интенсивного исследования памятников как равнинных земледельцев, так и кочевников-скотоводов Средней Азии, которые сыграли большую роль в сложении памиро-ферганского расового типа. Для успешного решения данной проблемы пока недостаточен фактический материал как в области археологии, так и антропологии.

Нельзя не остановиться еще на одной важной стороне работы археологов республики — активном участии в решении народнохозяйственных задач. Археологами республики разрабатываются такие вопросы, как определение границ земель древнего орошения в Узбекистане, основные водные ресурсы, площади древнейших ирригационных систем, динамика их развития в различные эпохи и причины запустения отдельных районов, древние гидротехнические сооружения, вопросы водораспределения и водопользования и т. д.

Принятие Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а также включение в Конституцию СССР пункта о сохранении исторических памятников как почетном долге каждого гражданина нашей страны ставит перед археологической наукой большие задачи по дальнейшему учету всех памятников материальной культуры.

Современность выдвигает перед нами в качестве первоочередной задачи дальнейшую интенсификацию работ по составлению Свода памятников истории и культуры Узбекистана с целью выявления, классификации и использования их в качестве источника для изучения сложных этапов освоения регионов. Эта работа включает в себя проведение рекогносцировочного исследования объектов; составление историко-археологических карт; выявление этапов ирригационного освоения оазисов.

В период осуществления грандиозных планов развития народного хозяйства, предусматривающего увеличение в течение 15 лет вдвое посевных площадей республики, перед археологами встает большая задача по исследованию памятников в зонах новостроек — в чашах водохранилищ и на трассах каналов, в районах строительства дорог и промышленных объектов, при реконструкции городов и возведении новых поселков, при освоении целинных и залежных земель.

Значительный объем раскопочных работ, вскрытие целых объектов, которые могут явиться составной частью экспозиции музеев под открытым небом, ставит в ряд основных задач работы по сохранению уникальных археологических памятников.

Даже краткий обзор итогов показывает, что за 60 лет Советской власти археология Средней Азии проделала большой путь и добилась существенных успехов. Перед археологами Узбекистана в настоящее время стоит еще более широкий круг вопросов и сложных проблем, требующих новых углубленных исследований.

A. A. Askarov, You. F. Bouriakov

QUELQUES RESULTATS ET PERSPECTIVES DU DEVELOPPEMENT DE L'ARCHEOLOGIE EN OUZBEKISTAN

Résumé

Les auteurs de l'article relatent les résultats des fouilles archéologiques effectuées en Ouzbékistan depuis l'instauration du pouvoir soviétique. Les travaux archéologiques dans ce pays, représentés par des prospections et des fouilles menées sur une vaste échelle, ont permis de distinguer les monuments de toutes les étapes du régime de la communauté primitive, ainsi que des sociétés esclavagiste et féodale. Sur la base des succès obtenus dans les recherches archéologiques entreprises en Ouzbékistan, on a élaboré une division en périodes des étapes anciennes et antiques de l'histoire des peuples de l'Ouzbékistan, et on a établi les limites chronologiques des monuments étudiés, distingué les cultures et leurs variantes locales, étudié la culture matérielle, l'idéologie et l'art des peuplades et des peuples de chaque époque. De plus, on expose brièvement les résultats des nouvelles recherches archéologiques, qui permettent d'apporter d'importantes corrections à certaines étapes de l'histoire des périodes antiques et anciennes de la contrée étudiée.

А. К. ФИЛИППОВ

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОСТЯНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

В настоящее время хорошо известно, что кость использовалась первобытным человеком в эпоху нижнего и верхнего палеолита как материал для изготовления орудий. В нижнем палеолите технология обработки кости связана, как правило, только с ударом. О разнообразии технических приемов при изготовлении многочисленных костяных предметов можно говорить только для верхнего палеолита. В эту эпоху возникают комплексы функционально различных костяных орудий, предметы быта, орнаментированные украшения и произведения предметно-изобразительного искусства. Значение костяного материала в эту эпоху возрастает. В работу шли самые разнообразные кости крупных животных: бивни, рога, трубчатые кости, ребра, лопатки — все это преобразовывалось в наконечники копий, кинжалы, гарпуны, шилья-проколки, иглы, лощила, выпрямители дротиков, копьеметалки, браслеты, диадемы, фигурки животных и людей.

Глубокое понимание роли косторезного мастерства проявил в свое время П. П. Ефименко. Он писал, что обработка пластичных материалов, а именно — дерева, кости, мягкого камня, способствовала приобретению навыков сложных работ объемной резьбы [1].

Качественно новый этап в изучении технологии обработки кости, бивня, рога начался с разработкой С. А. Семеновым экспериментально-трасологических методик определения приемов работы и способов обработки [2]. Специальных работ по обработке кости на тех или иных местонахождениях очень мало. В настоящее время, после публикации работ С. А. Семенова на английском и других языках, появляются описания наблюдений по обработке костяных изделий в небольших исследованиях и этюдах иностранных авторов [3].

В отечественной археологической литературе следует упомянуть М. М. Герасимова [4]. Заслуга М. М. Герасимова в том, что он сделал по-

[1] *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953, с. 300.

[2] *Семенов С. А.* Первобытная техника. М.— Л., 1957; *его же.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; *его же.* Техника обработки кости в палеолите.— Тр. КИЧП, № 13, 1957, с. 366—373; *его же.* Костяные орудия из древнепалеолитических стоянок Киик-Коба и Кош-Коба.— КСИИМК, № 49, 1953, с. 143—147.

[3] *Rigaud A.* La technologie du burin appliquée au matériel osseux de la Garenne (Indre). In: Bulletin de la Société préhistorique française (далее — BSPF), t. 69, 1972; Comptes rendus de séances mensuelles (далее — CRSM), № 4, p. 104—108; *Massaud J.* Observations sur l'utilisation des burins multifacettes. BSPF, t. 69, CRSM, № 8, p. 231—234; *Newcomer M. H.* Study and replication of bone tools from Ksar Akil (Lebanon).— WA, v. 6, № 2, 1974, p. 138—153; и др.

[4] *Герасимов М. М.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта.— МИА, № 2, 1941. Интересные наблюдения по обработке кости, рога, бивня встречаются во многих археологических исследованиях. (См.: *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— МИА, № 39, 1953; *Рогачев А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону.— МИА, № 45, 1955, с. 78—88, 145—149).

пытку проанализировать обработку кости комплексно. Глубокое понимание технических вопросов позволило М. М. Герасимову наметить своеобразный подход к изучению техники поселения в целом. Его стремление на основании практических реконструкций технологических процессов воссоздать назначение некоторых каменных инструментов и соотнести их с обработкой кости заслуживают непосредственного продолжения.

Мной под руководством С. А. Семенова были проделаны большие серии технологических опытов по расчленению и обработке кости, рога и бивня. Результаты некоторых опытов будут изложены в данной статье.

Наиболее распространенным приемом расчленения, если исключить рог с губчатой массой, является расщепление. Таковое мы наблюдаем в Мальте, частично в поселении Межирич и на других местонахождениях. На всех стойбищах с мамонтовой фауной люди каменного века использовали пластины естественно расслоившегося бивня. Резцовое расчленение свежих бивней на большие заготовки происходило редко. Оно заключалось в следующем: первичное расчленение бивня и рога после глубокого резцового надрезания осуществлялось с помощью клиньев из камня, кости и дерева.

Моделирование продольного членения рога в экспериментально-трасологической лаборатории Института археологии производилось с целью получения заготовок для различных изделий. Часть рога была надрезана продольными желобами с помощью срединных и угловых резцов в основном до губчатой массы. Об эффективности резания получены следующие данные. За час работы срединным резцом по сухому рогу получено 3,5 *г* стружки, по слегка смоченному — 5,0 *г*. За такое же время боковой резец в рукоятке по сухому рогу дал 7,8 *г* стружки, а по размягченному в воде (в течение 20 часов) дал 36 *г* за час работы. Таким образом, относительная эффективность работы резцов по сырому материалу повышается более чем в четыре раза. Иначе говоря, по своим характеристикам сопротивления каменным режущим инструментам рог после длительного вымачивания приближается к плотному дереву.

Надрезанный участок рога был отчленен от основного ствола при помощи надрубания по кругу заостренным кусочком плиточного кремня (время работы 45 мин.). После перерубания компактной массы рог был легко переломлен ударом о землю. Поперечное членение рога производилось в сухом виде.

Для отделения надрезанных заготовок друг от друга была сделана попытка провести эту операцию с помощью каменных отщепов-клиньев, которые забивались вдоль пазов деревянной колотушкой. Отщепы ломались, крошились и в качестве клиньев были признаны неэффективными. Значительно продуктивнее оказался роговой клин-долото. В полученные таким способом трещины легко вгонялись кремневые отщепы, разрывающие губчатую массу рога. По другим пазам членение было произведено с помощью рогового долота и частично дубового клина. Роговое долото существенных признаков износа не имело. Рабочий конец слегка залощился. При длительной работе возможно уплотнение компактной массы [5].

Насыщенная влагой губчатая масса была удалена у заготовок с помощью приемов отески крупным, слегка отретушированным отщепом. В некоторой части она была удалена способом строгания и скобления. Подсыхание и отвердение рога частично ликвидировалось поверхностным смачиванием.

Расчленение бивня (рис. 1, *1*). Бивень мамонта, состоящий из твердой компактной массы и достигающий в сечении 150 *мм* и более, видимо,

[5] Долота аналогичного действия широко бытовали в верхнем палеолите. С. А. Семенов в Костенках обнаружил такую уплотненность и залощенность рабочей части, которые позволили хорошо сохраниться именно этой части предмета. Об этом же говорит и проведенный нами трасологический анализ материалов Мальты.

подвергался более глубокому прорезанию, но в целом расчленялся близким способом. Мы провели расчленение бивня при помощи каменных резцов. Обрубок бивня имел следующие размеры: длина 300 *мм*, диаметр 150 *мм*. С одного торца видна глубокая кольцевая трещина, отстоящая от поверхности бивня на 20 *мм*. Технологическая задача состояла в том, чтобы, проведя вдоль бивня два глубоких паза, образующие между собой как бы перегородку в виде пластины, отчленить эту пластину при помощи ударов через деревянный или костяной клин, вставленный в один из пазов.

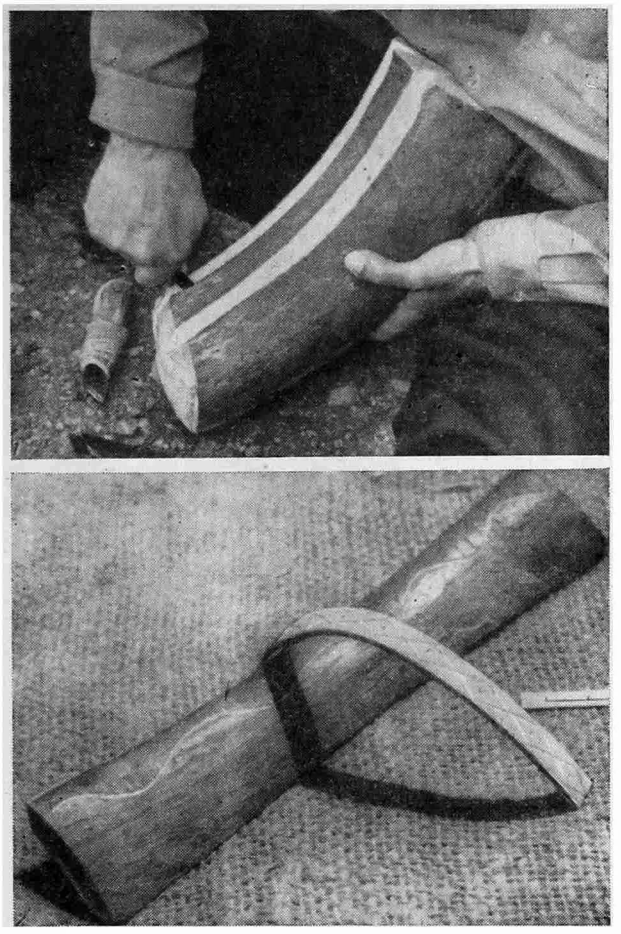


Рис. 1. *1* — Расчленение бивня. Прием работы срединным резцом на заключительной стадии изготовления второго паза; *2* — изделия из бивня

Разметка произведена срединным резцом (брюшковая грань — рабочая). Пазы были изготовлены поочередно. Для их изготовления было использовано 18 резцов, каждый из которых неоднократно подправлялся. Если считать каждую подправку за изготовление нового инструмента (в принципе так оно и есть), то в процессе расчленения участвовало 45 изготовленных резцовых негативов. Количество подправок, т. е. повторного резцового скалывания, не определяет эффективности резца. Затупление резцовых кромок каменного инструмента в виде микрофасеток зависит от многих не контролируемых факторов. Одним из важнейших факторов производительности является степень насыщенности костяного материала влагой. В нашем опыте мы использовали поверхностное смачивание разрезаемого участка бивня и инструмента. Производительность резцовых кромок в минуту колебалась от 0,02 до 0,20 *г* стружки в зависимости от затупления резца и характера операции. В среднем каждый резец имел производительность около 0,10 *г* в 1 мин (стружка перед взвешиванием высушивалась). Перегородка между двумя пазами с поперечным сечением внизу пазов до 1,3—2,0 *см* была сбита с большим трудом посредством дубового клина. На получение данной заготовки было затрачено чистого времени около 30 часов. Повторные опыты показали, что с приобретением достаточного навыка время может сократиться примерно в два раза, а с более частыми подправками вся операция должна пройти значительно быстрее. На верхнепалеолитической стоянке Мезин подобные заготовки делались более тонкими[6]. Необходимо отметить, что по сравне-

[6] Аналогичный прием расчленения бивня палеолитическими жителями Тимоновки подробно изучен и описан С. А. Семеновым (*Семенов С. А.* Техника обработки кости в палеолите, с. 371).

нию с рогом расчленение даже небольших, сравнительно тонких кусков бивня представляло значительные трудности в связи с большой плотностью компактной массы.

Крупные массивные заготовки были подвергнуты расчленению вторично для последующего изготовления больших иголок с прорезным отверстием. Время, затраченное на отчленение пластины, включая резанье и расщепление, составило 35 мин. Несколько более трудоемким было отщепление заготовки для наконечника копья или гарпуна. Работа производилась угловыми и боковыми резцами.

Изготовление наконечника с лезвием из кремневых вкладышей. После грубой отески, определившей форму наконечника, был намечен паз вдоль необработанного ребра заготовки из рога. Паз прорезался специально изготовленными тонкими резцами (рис. 2, I, *2—7*). Причем наиболее тонкие были использованы на заключительном этапе работы. Смена резцов разного сечения оставила следы на стенках паза в виде продольных линий-уступов. Схематическое изображение следов на резцах и на одной из стенок паза представлено на рис. 2. Время, затраченное на производство паза, составило 35 мин.

Для выравнивания со стороны губчатой массы, придания формы и заострения лезвия были применены скобели в виде отщепа нересушированного, а затем с зубчатыми и выемчатыми кромками. После 9 *мин* работы лезвие первого скобеля приобрело четкие признаки утилизации в виде «ретуши». Следующие 5 мин работы дали 2,0 *г* стружки. Последующая трансформация края в зубчатый с помощью подправки отжимной ретушью снизила эффективность орудия. Зубчики быстро затупились, а обрабатываемая мягкая губчатая масса при большом угле заострения инструмента не дала эффекта самозаточки. За 5 мин. работы было получено 1,5 *г* стружки. Попытка найти на этом же отщепе другой рабочий участок привела к тому, что производительность резко увеличилась: за 5 *мин* — 3,2 *г*. Такой эффект легко объясняется наличием скобляшего карниза и вязкостью материала. Применение выемчатого скребка с аналогичным карнизом в качестве скобеля дало за 5 мин 3,6 *г* стружки.

В обработке крепежной части наконечника участвовали долото (скребковая форма), стамеска или струг (массивное изделие с резцовым сколом) и нож (пластина с рукояточной частью, обмотанной сыромятной кожей). В среднем эти орудия употреблялись по 4 мин. каждое. Окончательная отделка роговой основы наконечника производилась скоблением отщепом и предметами с резцовым сколом. Рабочее время 45 мин. Скобель-отщеп с углом заострения 30° быстро приобрел угол 60—65°. Он оставил на роговом острие волнистые пересекающиеся четко видные линейные следы. Еще один скобель (боковая кромка негатива резцового скола), употреблявшийся для обработки другой стороны острия, имел угол около 90°. Следы утилизации на нем обнаружены в виде мельчайших коротких фасеток, видных через микроскоп; угол заострения не изменился. Линейные макроследы на роговом острие после обработки ее такой кромкой более регулярны, менее глубоки, роговая поверхность гладкая. Еще более мелкие, слабо различимые и четко параллельные следы — от обработки трением о поверхность мелкозернистого песчаника.

В процессе изготовления наконечника наибольшее время застрачено на подбор и ретушь вкладышей из призматических пластин (3 часа 30 мин.). Пластинки ретушировались давлением на наковальне и подгонялись друг к другу. Их подправка была необходима для углубления в паз при сохранении общей режущей линии. Лезвие каждого сечения должно было точно продолжать лезвие предыдущего, что крайне замедляло процесс подборки. Изготовление черенковой части древка заняло 46 мин. Общее время изготовления копья составило около 5 часов.

Изготовление гарпуна (бивень мамонта). Из заготовки было намечено сделать гарпун с двумя рядами зубцов. Заготовка размером 2,2×1,0×

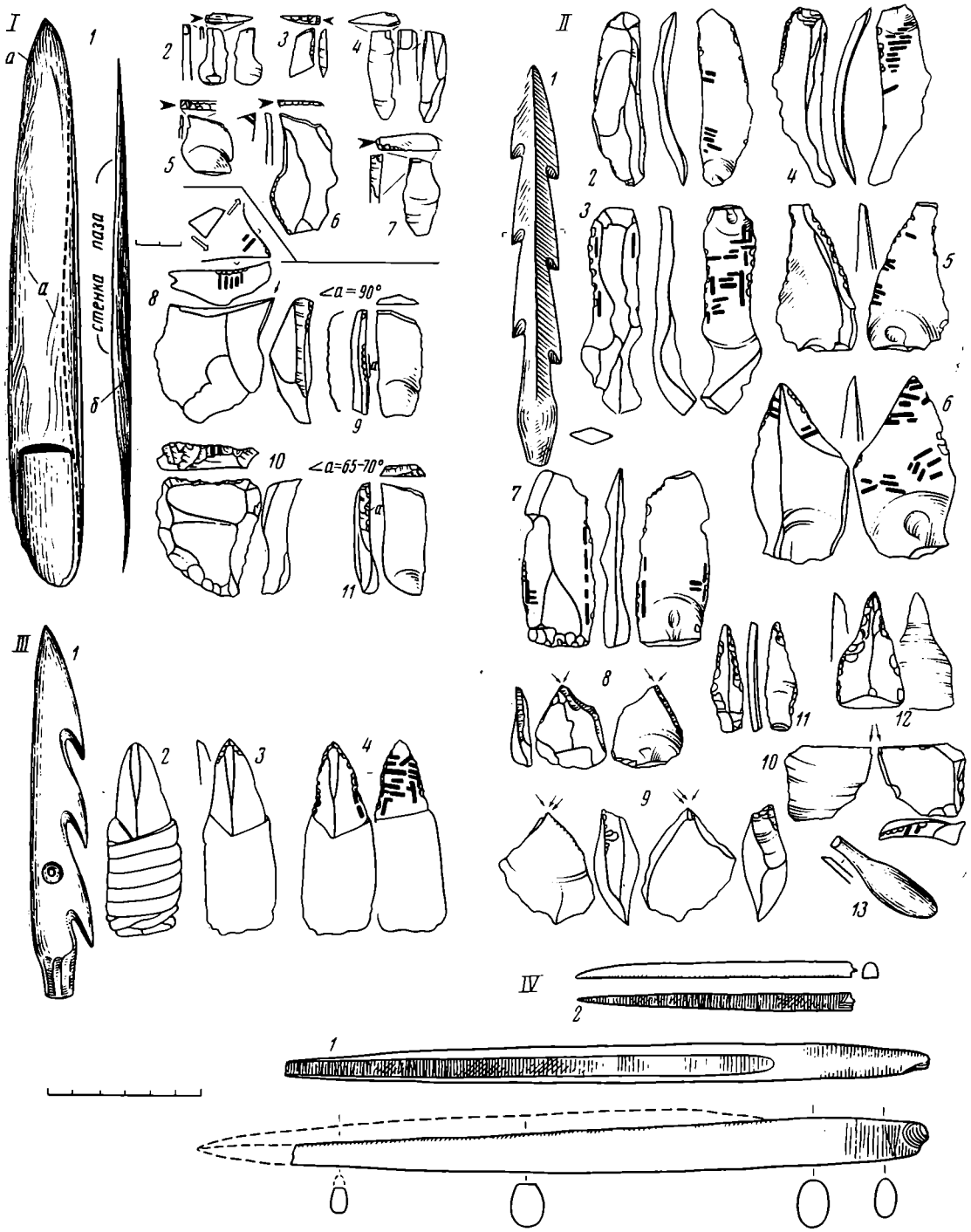


Рис. 2. Костяные изделия и каменные орудия (при помощи этих каменных инструментов были изготовлены гарпуны и наконечник копья). Толстыми линиями показаны места возможного образования линейных следов в произведенных операциях. *1* — наконечник из рога с пазом для вкладышей: *1а* — следы скобления; *1б* — следы прорезания резцами; *2—7* — резцы, стрелки показывают направление фасеточного износа и микровыкрашивания углов и поперечной кромки; *8, 10* — поперечные скобели, износ в виде миниатюрных фасеток; *9, 11* — скобели (употребление продольной кромки «резца»), износ *а* в виде фасеток. II — *1* — гарпун (бивень); *2, 3* — строгание, резание-пиление; *4—6* — строгание, *7* — резание-пиление; *8—10* — скобление; *11, 12* — провертывание; *13* — костяное долото, долбление; III — *1* — гарпун (рог); *2* — нож без вторичной обработки; *3* — нож с отретушированным острием; *4* — нож со следами износа в виде фасеток. IV — реконструкция наконечника копья из Мальты

×18,0 *см* имела одну неровную бугристую сторону после продольного разрезания-расщепления. Попытка снять эту бугристость при помощи отщепа-скобеля не привела к сколько-нибудь ощутимому результату. Слой соскабливался как на выпуклых частях поверхности, так и выемках. Неровности мешали прямолинейному движению орудия, оно соскальзывало по кривой линии то в одну, то в другую сторону под разными углами и с различной силой. Линейные микроследы от скобления на предмете обработки получались путаные — «волосообразные».

Подобную бугристую поверхность необходимо было или выровнить ножом при помощи строгания (кость бивня плохо поддается этой операции), или иссечь ее с последующим выравниванием при помощи скобления. Иссечение одного из неровных участков поверхности привело к общему выравниванию, но даже интенсивное последующее скобление полностью не стерло следов иссечения, которые приняли вид легкой волнистости. Только абразивное истирание дало идеальный выравнивающий эффект. Достаточно строгая параллельность этих следов на костяном материале хорошо выделяет их в ряду следов, образованных скоблением. Абразивное выравнивание и последующее утончение заготовки при помощи скобления заняло 3 часа.

В процессе скобления замечено, что следы на кости зависят от характера первичной поверхности. Обработка гладкой поверхности дает более регулярные следы. Этому же способствует работа «от себя». В направлении «к себе» движение руки менее устойчиво. Разметка и обработка поверхности — вырезание зубьев, выработка среднего продольного осевого ребра, «заточка» наружных кромок — потребовали большой точности и навыка (рис. 2, II).

Весь процесс изготовления наконечника гарпуна из подготовленной, утонченной заготовки бивня занял 3 часа 45 мин. Кроме того, более трех часов было затрачено на древко, у которого наиболее трудоемкой частью оказалась выемка в торце для закрепления черешковой втулки гарпуна. Эта выемка оказалась очень сложной для изготовления каменными орудиями, потому что не была круглой. Ее некоторая уплощенность заставила употребить различные сверла-провертки с удлиненным жалом и миниатюрное костяное долото. Рабочее время в целом составило около 10 часов.

Боковые кромки резцов, употребляемых для скобления, оказались чрезвычайно эффективными и стойкими на износ. На основании многих опытов мы можем подтвердить использование резцового скалывания для получения специальных активных кромок для обработки кости. Инструменты, с помощью которых был сделан гарпун из бивня мамонта, и их утилизация показаны на рис. 2, II.

Изготовление гарпуна (рог). Следующий опыт состоял в проверке возможности изготовления гарпуна с помощью одного орудия — остроконечной пластины-ножа. Рукояткой служила часть, обернутая куском сыромятного ремня (рис. 2, III). Заготовка из рога была замочена в течение 10 часов.

С самого начала процарапывание контура изделия потребовало более остроконечного ножа. Необходимое острие было получено при помощи ретуши. Криволинейность незначительных по величине выемок между зубцами гарпуна и наличие одного ножа потребовало от исполнителя навыков значительно больших, чем при изготовлении первого гарпуна. Разметка заняла 9 мин. Соструживание губчатой массы по типу стального ножа «от себя» и («к себе») продолжалось 5 мин. Вырезание ножом общего контура, а также попытка врезаться в пазы заняли 25 мин. и потребовали разнообразного положения рук. Особенно сильно пришлось манипулировать самим изделием, которое поворачивалось разными сторонами, по-разному ориентировалось по отношению к ножу, наглядно выражая здесь же возникающую мысль о способе удаления той или иной

части материала. Нож, изготовленный из относительно массивной пластины с углами заострения 30—40°, оказался устойчивым к износу, но не позволял легко проникать в узкие выемки. В этом отношении большое число инструментов с богатым выбором активных участков значительно упрощает работу. Если работа производится только пластиной-ножом, то абсолютно необходимыми его элементами являются лезвие и острие. Это сочетание универсально.

Дальнейшая работа по выбиранию материала из пазов, по расширению пазов производилась острым концом ножа способом выскабливания, напоминающим кинематику срединного резца с ведущей «брюшковой» гранью, в течение 33 мин. Следующие операции: выстругивание черешка (3 мин.); надпиливание у острия для отчленения лишнего отрезка рога (8 мин.); выстругивание острия и скобление всего изделия (7 мин.); просверливание отверстия (5 мин.). Общее время изготовления гарпуна составило 1 час 35 мин. Предварительное замачивание рога значительно ускорило и упростило работу.

Последующее хранение костяных изделий даже при комнатной температуре 17—22° привело к небольшому искривлению всех стрежневидных предметов. В археологических материалах часто встречаются искривленные острия. Встречаются и наоборот, выпрямленные. Опыты показывают, что после выравнивающей обработки массивные длинные заготовки из бивня нередко оказывались с косой структурой слоев. Из бивня вообще крайне затруднительно изготовить более или менее длинный предмет с прямой слоистостью из-за его конусовидного слоистого строения. Такая структура ослабляет прочность предмета на поперечный излом, особенно при ударе. Вдоль косой слоистости легко образуются трещины как бы по плоскостям скольжения. Другим отрицательным свойством данного материала является его определенная гигроскопичность. Различные стержневидные изделия со временем изгибаются, что, собственно, и породило особое приспособление — выпрямитель или, как его называют по традиции, «жезл начальника».

В Мальте обнаружены, как пишет М. М. Герасимов, неизвестные по назначению изогнутые стержни из бивня мамонта. Мы представили один из них в выпрямленном виде на рис. 2, IV. Основанием к такой реконструкции послужил морфологический анализ следов обработки. Дело в том, что, вопреки мнению М. М. Герасимова, обитатели Мальты широко употребляли абразивную технику, хотя, действительно, абразивных орудий обнаружено не было [7].

На представленных стержнях сделано по одной грани с многочисленными поперечными пропилами. Эти грани имеют настолько ровную поверхность, что их изготовление можно реконструировать только как абразивное истирание на какой-то плоской каменной плите, возможно, у выхода на поверхность скальных пород. Это подтверждается наличием признаков истирания, которые особенно хорошо заметны на фрагменте (рис. 2, IV, *2*). С помощью этого фрагмента, который хорошо прикладывается к граням наконечников, можно представить наконечники в целом. Детали: 1 — основа и 2 — укрепляющая части склеивались.

По нашему заключению, надпилы служили для лучшего сцепления граней при помощи природных клеящих веществ. Думается, что только так можно объяснить и выравнивание граней на плоском абразиве, и поперечные надпилы, которые не параллельны, а в беспорядочном чередовании пересекают друг друга, чем, собственно, и доказывают отсутствие

---

[7] *Герасимов М. М.* Указ. соч., с. 80, 81. В свое время П. П. Ефименко указывал на существование на стоянках верхнего палеолита составных гарпунов, могущих служить аналогией стержням из Мальты. Наши трасологические наблюдения по существу подтверждают эту догадку (имеется в виду технологическая сторона их изготовления). См., также: *Ефименко П. П.* Ук. соч., 1953, с. 478; *Герасимов М. М.* Ук. соч., с. 73.

какого-либо автономного символического значения. Изготовление граней на плоском абразиве доказывает, что стержни во время абразивной обработки были прямыми.

Конструкция рассмотренных нами наконечников Мальты технически оправдана. Во-первых, наконечник приобретал продольно-желобчатую форму, разнонаправленную слоистость, от чего резко снижалась ломкость материала, и, во-вторых, последующие искривления его по длинной оси

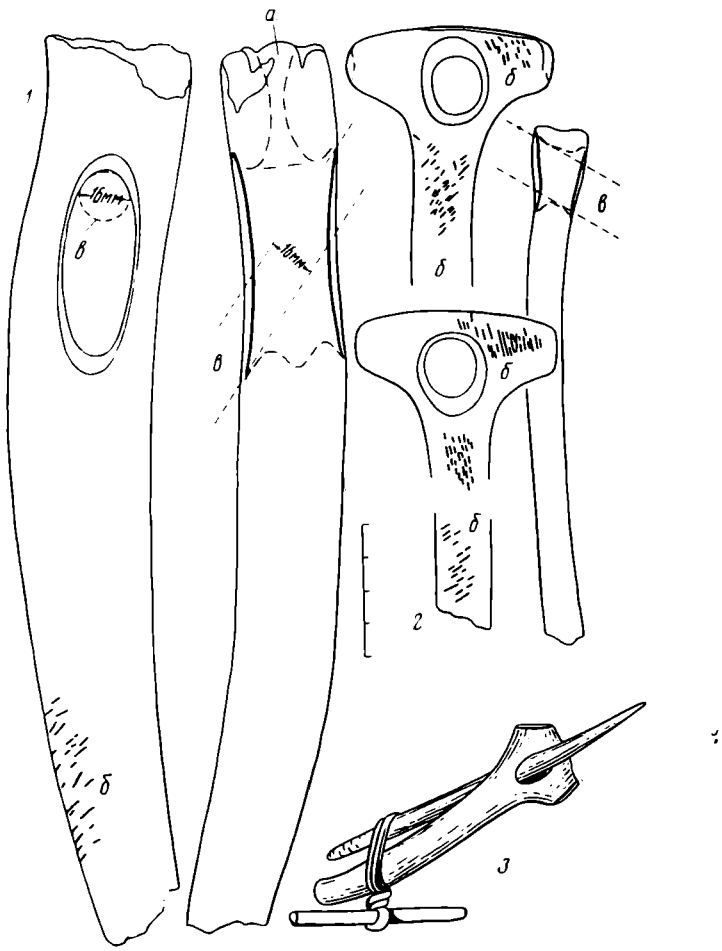


Рис. 3. Выпрямители древков и костяных стержней из Афонтовой горы II *1, 2* (*а* — отверстие для крепления на узелке ремешка (?); *б* — следы вторичного употребления выпрямителя в качестве ударного и отжимного ретушера-отбойника; *в* — максимальный диаметр и положение стержней в отверстии); *3* — реконструкция операции выпрямления стержней

сводились к минимуму. Видимо, не случайно в Мальте нет или было мало выпрямителей древков.

О выпрямителях древков, функция которых достоверно определена этнографией, писалось много. С. А. Семенов подвел итог, подробно описав технологический прием выпрямления [8]. Мы можем добавить, что с помощью выпрямителей исправляли различные костяные стержни. На рис. 3 представлены некоторые выпрямители древков из Афонтовой горы II. Кроме того, что данные изделия употреблялись как отжимники и отбойники в другой функции, они служили для выпрямления стержней и древков толщиной в одном случае до 1,6 *см*, в другом — до 1—1,2 *см* (рис. 3, *б*).

[8] *Семенов С. А.* Выпрямители эпохи палеолита.— ВА, 1968, № 28.

Наибольший диаметр стержней определяется наклоном внутренних стенок того или иного отверстия с наличием износа и положением этих стенок. Короткие рычаги указывают на то, что выпрямлялись сравнительно небольшие, скорее всего костяные, стержни. Простейший процесс выпрямления состоял из намачивания естественно изогнутого изделия и изгибания — выпрямления его в отверстии, как показано на рис. 3, *3*. В этом положении стержень высушивался, сохраняя приобретенную прямизну.

Как показывают опыты, свежие или отмоченные стержни из кости, бивня и рога хорошо поддаются постепенному изгибанию и выпрямлению, если длина их превышает толщину более чем в 10 раз. Тонкий длинный сильно уплощенный стержень нам удалось согнуть в кольцо в виде браслета: такой стержень в отмоченном виде был обернут вокруг круглого обрубка дерева и высушен; при дальнейшем хранении, если концы не связаны друг с другом, стержень разгибается. Основываясь на опыте, можно допустить, что более толстые, но также и более длинные стержни из бивня выпрямлялись близкими приемами. Таковы знаменитые копья из Сунгирского двойного погребения. Возможное приспособление для такого рода операций было бревно с пазом. Бивень продольно расчленялся в изогнутом состоянии. Выпрямление стержня происходило следующим образом: 1) отчлененная часть размачивалась; 2) один из концов, небольшой участок, укладывался в глубокий паз, а изогнутая часть притягивалась ремнями; притягиваемая изогнутая часть должна всегда находиться в плоскости вертикальных стенок паза; а так как стержень имел спиралевидный изгиб, его время от времени поворачивали в пазу; 3) все приспособление замачивалось (в реке, озере), и процедура выпрямления периодически повторялась, пока весь стержень не укладывался в паз, после чего изделие (в пазу) высушивалось. Окончательная доводка прямизны, видимо, совершалась приемом, предложенным С. А. Семеновым в своей статье о выпрямителях. Сущность этого приема заключалась в неоднократном смачивании и нагревании древка над огнем с последующим перегибанием его в выпрямителе [9]. К этому следует добавить операцию высушивания.

Таким образом, процесс изготовления сложного наконечника из кости не является трудоёмким. Значительно труднее сохранить его прямизну при перепадах температуры и влажности в обыденной жизни людей каменного века. Инструменты, которыми изготавливались орудия, не имеют полных аналогий в современных обрабатывающих ручных инструментах. Все технические формы: так называемые остроконечники, скребла, ножевидные пластины с ретушью, без нее, с резцовым сколом или со скребковидной обработкой того или иного края (конца) были относительно универсальными орудиями в силу необходимости. Каждая из этих технических форм создается и сохраняется определенным функционально-кинематическим типом механических процессов. Костяные же наконечники более специализированы и более совершенны. Существуют как бы две группы предметов: первая — простейшие орудия для обработки и изготовления предметов второй группы, вторая — предметы с замкнутой целостной структурой, обработанные, как правило, целиком; это предметы более сложной конструкции или с особым для общины символическим значением.

Существуют определенные технические требования к качеству орудий. Эти требования находятся в зависимости от силы направленного движения и сопротивления материала: чем меньше движущая сила и чем больше сопротивление материала объекта функционального воздействия, тем технически более совершенным должно быть орудие. В данном случае функционально-техническое совершенство является тем пределом,

[9] *Семенов С. А.* Выпрямители эпохи палеолита.

ниже которого качество орудия не может опуститься. Копье, которое бросают в цель, должно обладать не только определенными аэродинамическими свойствами, но и динамическими при проникновении в тело дичи. Чем дальше цель, тем слабее сила удара. Наконечник копья должен быть прямым, гладким и острым. Большие требования к качеству гарпунов возникают при охоте на морского зверя с чрезвычайно плотной, толстой и упругой кожей. В некоторых же способах охоты достаточно простой деревянной, но обязательно прямоосной рогатины.

Конкретный вариант той или иной функции может внести свои требования к форме предмета. И пропорции, взаимоотношения частей в своей основе (!) также устанавливаются в истории развития конкретных функциональных процессов, навыков, способов и приемов пользования. Пропорции связаны с размерами руки и вообще с масштабом непосредственной среды. Например, костяная игла для шитья хорошо обработанных шкур может быть достаточно тонкой, должна быть очень гладкой и минимальная длина ее несколько превысит ширину двух пальцев: острие иглы нужно протолкнуть сквозь материал настолько, чтобы можно было его захватить и вытащить с другой стороны.

Говоря о технике и технологии в эпоху палеолита, часто недооценивают больших возможностей простейших технических приемов и простейших инструментов. И поскольку функциональные назначения предметов часто раскрываются с известной долей неопределенности (чаще не раскрываются совсем), то любые наблюдения из области первобытной техники и технологии, различные технические реконструкции представляют большой интерес не только для воссоздания хозяйственной жизни людей палеолита, производительности труда, но и для выяснения тех или иных закономерностей в развитии форм вещей.

A. K. Filippov

TECHNOLOGIE DE LA FABRICATION DES POINTES OSSEUSES DU PALEOLITHIQUE SUPERIEUR

Résumé

On décrit dans cet article les différents processus techniques du travail des matières dures à l'aide d'instruments de pierre (fig. 2). Les traces d'opérations techniques laissées sur les pièces expérimentales ainsi que sur les pointes qui proviennent de Malta, ont servi de base à une reconstitution archéologique (fig. 2, IV). L'analyse des données expérimentales et archéologiques a permis de tirer les conclusions suivantes: 1) la fabrication des pointes osseuses n'exige pas beaucoup de travail; mais il est bien plus difficile d'obtenir qu'elles ne gauchissent pas sous l'influence des changements de température et d'humidité; c'est pourquoi on recourait à différentes méthodes pour les renforcer ou les redresser (fig. 2-3); 2) les instruments lithiques de fabrication — burins, grattoirs, racloirs, etc.,— avaient une vaste étendue fonctionnelle. Ils se sont rapidement transformés, perdant leur forme initiale.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

О МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НОЖАХ ЯМНОЙ, ПОЛТАВКИНСКОЙ И КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУР

Металлические ножи являются одной из наиболее часто встречаемых категорий орудий в погребениях ямной, полтавкинской и катакомбной культур. Накопление большого нового материала и учет уже известных предметов позволяет перейти к решению вопросов их общей классификации. Основная задача предлагаемой работы сводится к определению конкретных видов металлических ножей, которыми пользовались племена ямной, полтавкинской и катакомбной культур, и решению наиболее общих вопросов их производства, возможных при помощи данных типологического и спектрального анализов. Всего нами учтено 36 ножей из памятников ямной культуры, девять — из полтавкинской, три ножа — из погребений культуры многоваликовой керамики, 99 — из захоронений катакомбной культуры и 23 случайные находки из Северного Причерноморья и Поволжья, которые типологически, территориально и по составу металла можно связать с этими племенами. Учитывая близость состава металла орудий степных племен эпохи ранней и средней бронзы, их большое морфологическое сходство с северокавказскими предметами этого времени [1], в качестве аналогий было привлечено 53 ножа с территории Северного Кавказа. Они найдены в памятниках куро-араксинской культуры, майкопской и северокавказской культур, а также как случайные находки. Таким образом, всего в работе собрано более 200 находок. В подавляющем большинстве эта коллекция построена на материалах картотеки кабинета спектрального анализа лаборатории ИА АН СССР с привлечением литературных и архивных данных.

При систематизации материала использовалась методика ступенчатой классификации, предложенная Е. Н. Черных [2]. За исходное положение при анализе орудий была принята позиция ножа лезвием вниз. При сравнении форм предметов использовались следующие термины и замеры: продольная линия ножа (линия, соединяющая верхний конец рукояти и нижний конец лезвия), поперечная линия (линия, перпендикулярная последней, проводимая в месте максимального расширения лезвия). Измерялись длина ножа, ширина лезвия, длина лезвия, расстояние от нижнего конца рукояти до места наибольшего расширения лезвия. Вычислен коэффициент степени расширения лезвия путем отношения расстояния от нижнего конца рукояти до поперечной линии к длине лезвия (рис. 1). Методические трудности классификации ножей заключаются в большом однообразии форм, сильных сточках лезвий, которые срабатывались иногда вплоть до рукояти. Многие сломанные и затупленные ножи могли подправляться и перезатачиваться. Их первоначальные очертания

[1] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 69, 70.

[2] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 50—53.

а размеры при этом изменялись. Рукояти ножей не подвергались таким деформациям, но они очень однообразны. Поэтому мы были вынуждены строить классификацию, исходя из особенностей форм лезвий ножей, которые дают больше вариаций, учитывая, насколько возможно, степень их деформации.

Очевидные качественные признаки анализируемых предметов позволяют разделить их на три вида: 1 — ножи с расширяющимся книзу лезвием и скругленным острием; максимальное расширение лезвия у них приходится на его нижнюю половину; 2 — ножи со специально выделенным (т. е. расширенным) и подостренным лезвием в нижней части; верхняя часть лезвия у таких ножей часто притуплена; 3 — ножи с подовальным, сужающимся к концу лезвием; как правило, их называют листовидными ножами. Лезвия листовидных ножей могут иметь максимальное расширение у рукояти или, примерно, посредине. Однако такие вариации форм лезвий имеют слишком расплывчатые границы, как показывает гистограмма коэффициента степени расширения лезвий (рис. 2, *1*). Длина листовидных ножей колеблется от 50 до 210 *мм*, но какие-либо закономерности форм по длине установить трудно (рис. 2, *2*). Особое внимание привлекает распределение ножей в зависимости от ширины их лезвия. Судя по гистограмме, можно отметить заметное выделение орудий, имеющих лезвия, равные или большие 45 *мм* (рис. 2, 3*а*). Ножи со столь широким лезвием четко отделяются на материалах Калмыкии, Поволжья, Северного Кавказа (рис. 2, *3б, в, г*). В Северном Причерноморье их не обнаружено (рис. 2, *3д*). Таким образом, эти формы явно связаны с определенными локальными традициями производства и распространения листовидных ножей, которые предстоит выяснить ниже. Поэтому в целом классификацию ножей племен ямной, полтавкинской и катакомбной культур можно представить четырьмя конечными типологическими разрядами: ножи с расширяющимся книзу лезвием и скругленным острием, ножи со специально выделенным и подостренным лезвием в нижней части, листовидные ножи с широким лезвием (равным и большим 45 *мм*) и листовидные ножи с узким лезвием (меньшим 45 *мм*). Графическая схема классификации представлена на рис. 3. Ниже выделенные конечные типологические разряды будут называться группами.

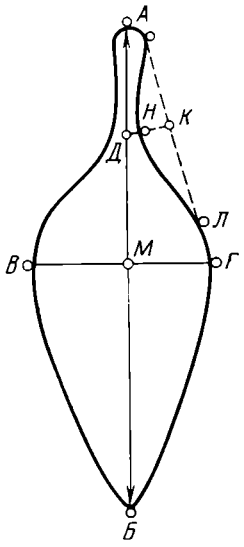


Рис. 1. Нож-схема. *АБ* — длина ножа (продольная линия), *ВГ* — ширина ножа (поперечная линия), *ДБ* — длина лезвия, *ДМ* — расстояние от нижнего конца рукояти до поперечной линии. Точка *Д* определяется следующим образом. От хорды *АЛ* дуги *АНЛ* проводится перпендикуляр к вершине дуги, *НК*. Затем от точки *Н* строится перпендикуляр к линии *АБ*. Пересечение прямых *НД* и *АБ* дает точку *Д*, обозначающую нижний конец рукояти и верхний конец лезвия

Группа 1. Ножи с расширяющимся книзу лезвием и скругленным острием. Всего учтено восемь таких орудий. Четыре из них найдены в памятниках ямной культуры Нижнего Поднепровья: Михайловское поселение, верхний слой (рис. 4, *1*, *2*) [3]; с. Отрадное Бештанского р-на Николаевской обл. (рис. 4, *4*), к. 1, п. 5 [4]; курган «Высокая Могила» Васильевского р-на Запорожской обл., п. 6 (рис. 4, *3*) [5]. На Северном Кавказе такие ножи известны главным образом в Прикубанье: центральная

[3] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 124, рис. 34, *434, 426*.
[4] Ан. 16319, раскопки О. Г. Шапошниковой.
[5] Ан. 17892, раскопки В. И. Бидзиля и Э. В. Яковенко.

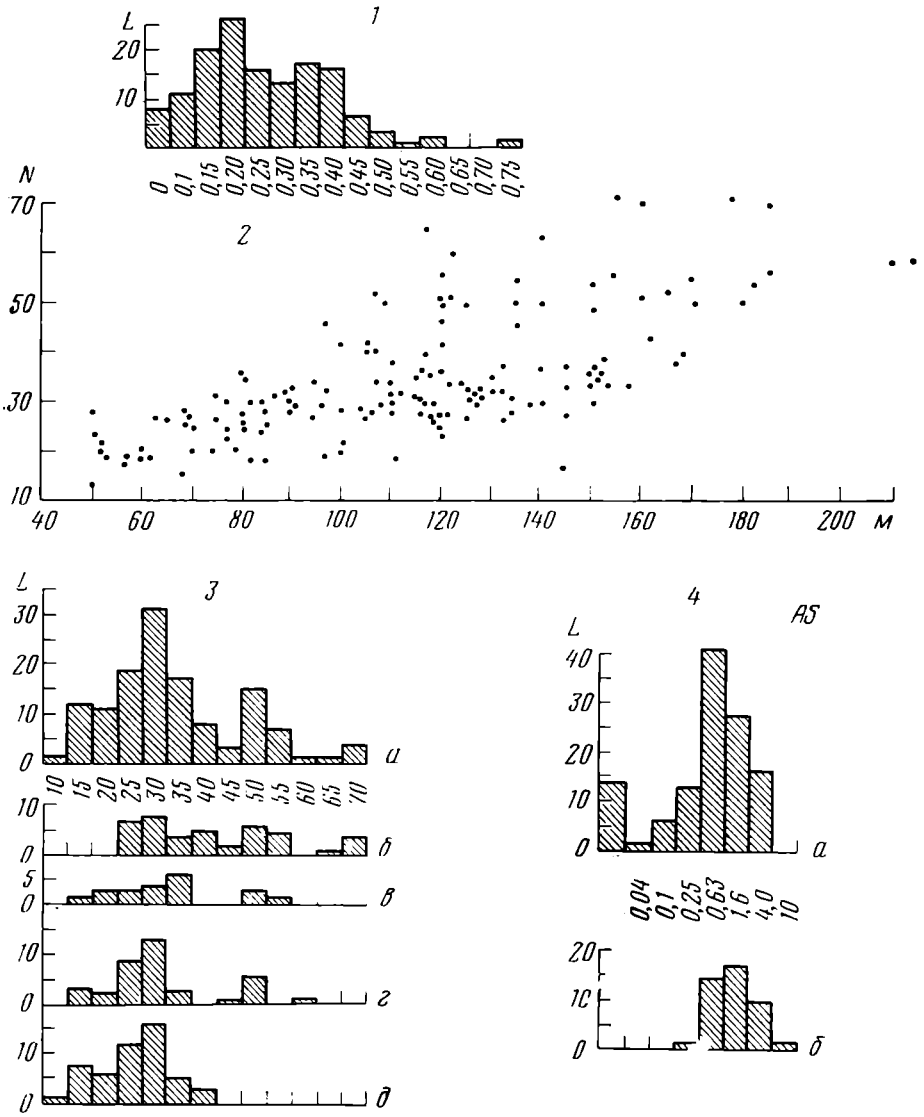


Рис. 2. Графики замеров, пропорций, состава металла ножей: *1* — гистограмма значений коэффициента *К*, означающего степень расширения лезвия. Коэффициент *К* определяется отношением расстояния *ДМ* к *ДБ*. *L* — частота, *2* — корреляционный график между шириной лезвия листовидных ножей и длиной ножа. *N* — ширина лезвия в *мм*, *М* — длина ножа в *мм*, *3* — гистограммы распределения листовидных ножей в зависимости от ширины лезвия. *а* — объединенный график всех исследуемых ножей; *б* — ножи Калмыкии; *в* — ножи Поволжья; *г* — ножи Северного Кавказа; *д* — ножи Северного Причерноморья, *4* — гистограмма распределения содержания мышьяка в металле ножей Северного Причерноморья, Поволжья, Калмыкии (*а*) и ножей Северного Кавказа (*б*)

могила, к. 6 у ст. Келермесской (рис. 4, *5*); ст. Новолабинская, к. 3, п. 2 (рис. 4, *6*); случайная находка у хут. Зубовского (рис. 4, *7*) [6]; из цилиндрического дольмена у ст. Новосвободной, раскопанного в 1869 г. (рис. 4, *8*) [7].

Краткие записи в отчетах затрудняют отнесение погребений у станиц Новолабинской и Келермесской к определенной культуре. В первом случае это была могила с согнутым костяком и темно-бурой краской.

[6] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 104, рис. 29, 99, 100.
[7] *Куфтин Б. А.* Материалы по археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, с. 301, рис. 65, *4*, с. 306.

В головах скелета лежали два наконечника, два кремневых скребка и нож [8]. Центральная могила кург. 6 у ст. Келермесской отличалась большими размерами и была обложена деревом. Скелет лежал на спине. На правой ноге ниже колена было много темно-бурой краски, в которой найдено бронзовое копье и бронзовый четырехгранный стержень [9]. Явных признаков ритуала, характерного для племен майкопской культуры (подстилка из голышей, скорченность скелета с южной ориентацией), или

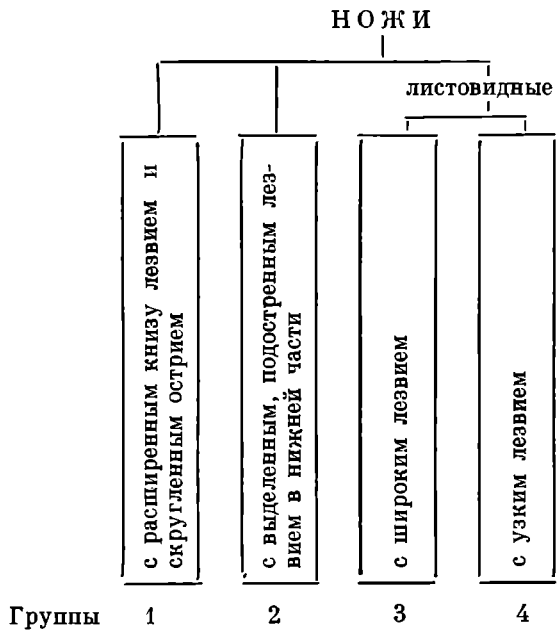


Рис. 3. Классификационная схема ножей

упоминания о типичных орудиях майкопских племен в погребениях нет. Но в этих могилах не найдены и типичные украшения северокавказской культуры или другой обычный для нее инвентарь. Находка ножа группы 1 в цилиндрическом дольмене у ст. Новосвободной, относимого исследователями ко времени существования майкопских памятников [10], вероятно, позволяет рассматривать ножи как предметы эпохи ранней бронзы Прикубанья. В целом же вопрос о их связи с культурной средой в этом районе должен уточняться с накоплением нового материала.

За пределами Восточной Европы ножи, близкие орудиям группы 1, найдены в Болгарии: один — в многослойном поселении Эзеро у г. Новая Загора (рис. 4, *9*), другой — в случайно раскопанном погребении у г. Ямбол (рис. 4, *10*). Они относятся ко второму этапу раннебронзового века древней металлургии этого региона, который выделяется Е. Н. Черных и датируется им общими рамками второй половины III тысячелетия до н. э.[11]

Группа 2. Ножи с выделенным, подостренным в нижней части лезвием. Ножи рассматриваемого вида имеют сложное строение лезвия. Нижняя его часть намеренно расширена и подострена. Верхняя часть лезвия обычно притуплена. Заостренное окончание лезвия, как правило, имеет подтреугольную форму. Некоторые ножи группы 2 напоминают наконечники копий с уплощенным стержнем и штыковидным насадом, характер-

[8] ОАК за 1899 г. СПб., 1902, с. 43.

[9] ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 96.

[10] *Куфтин Б. А.* Ук. соч., с. 307; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 242.

[11] *Черных Е. Н.* Об основных этапах древней металлургии меди на территории Болгарии (IV — начало II тыс. до н. э.).— Thracia, 1974, вып. III, с. 385, рис. 2, *7, 11;* с. 389.

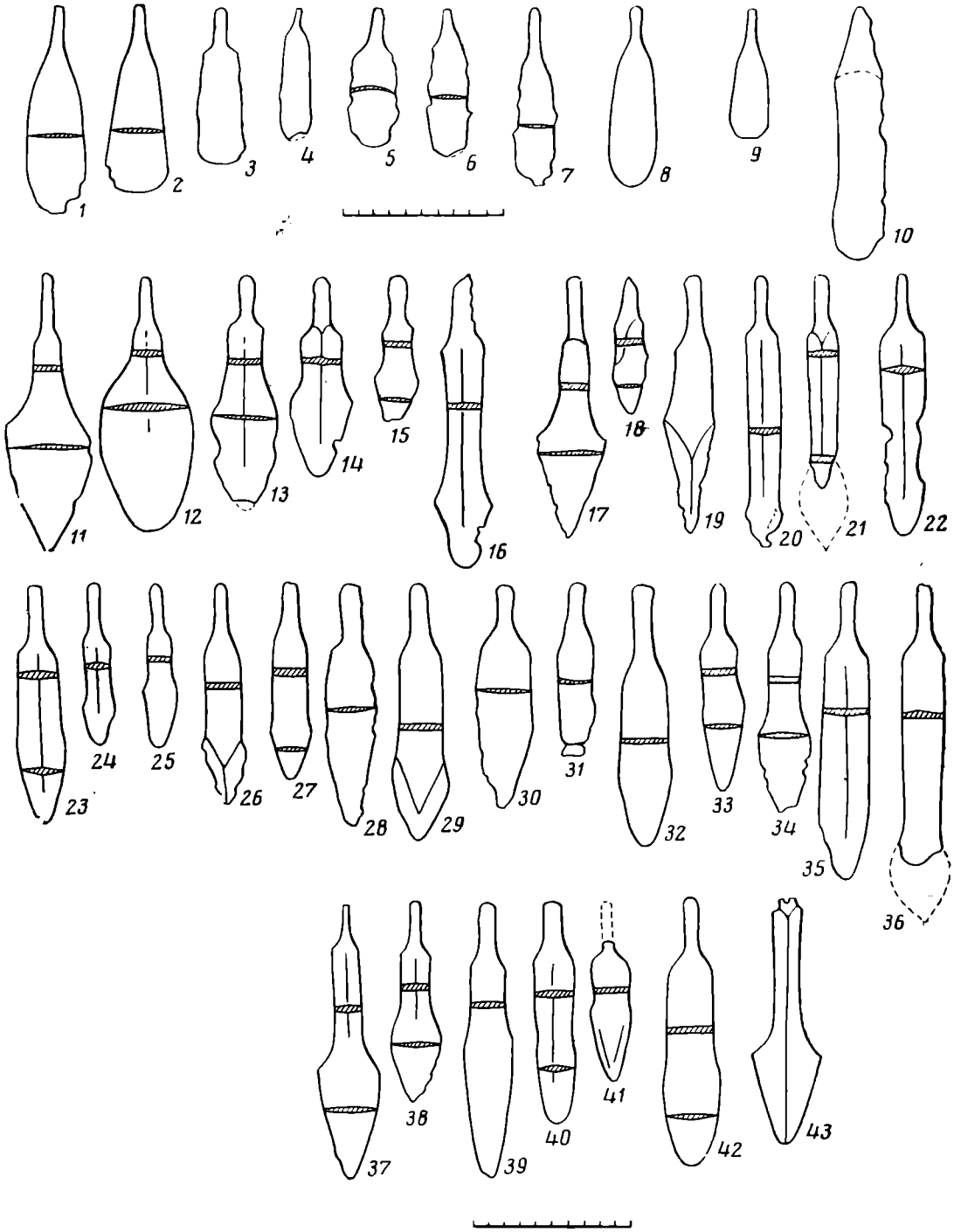


Рис. 4. Ножи групп 1 и 2: *1—10* — ножи группы 1 и их аналогии из Болгарии; *11—43* — ножи группы 2

ные для племен куро-араксинской культуры [12]. Форма наконечника копья особо ярко выражена, например, у орудия из кургана у с. Советского в Кабардино-Балкарии (рис. 4, *43*) [13]. С другой стороны, у них есть ряд черт общих с ножами Уральской горнометаллургической области (ГМО), для которых характерно притупление лезвия у рукояти, «перехват» и

[12] *Чертолани Ш. Г.* Древнейшие медные орудия и оружие из Сванетии. Исторический сборник, т. II. Тбилиси, 1970, с. 506, табл. VIII, *2*.

[13] *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, рис. 8, *1*.

прямой черенок [14]. Различие между ними заключается в том, что у ножей Уральской ГМО лезвие имеет овальную форму, выгибы перехвата образуют подостренные плечики; ребро, идущее по лезвию, часто заходит на рукоять. У ножей группы 2 заточенной части лезвия, как правило, придавалась подтреугольная форма; притупленная часть представляет собой уплощенный стержень, нередко с прямыми краями, плечики не имеют такого заострения, как у ножей «срубного» типа, ребро лезвия, как правило, не заходит на рукоять.

Всего нами учтено 60 ножей группы 2. 42 ножа происходят из погребений катакомбной культуры: г. Элиста к. 4 п. 3 (рис. 4, *15*); к.? п.?; урочище «Три Брата» у г. Элисты к. 27 п. 5 [15]; Архаринский могильник к. 19 п. 4 (рис. 4, *13*); к. 28 п. 5 (рис. 4, *12*); к. 38 п. 2, 3 (рис. 4, *11, 14*); Элистинский могильник к. 8 п. 6 (рис. 4, *16*) [16]; к. 1 п. 3; Лолинский могильник к. 14 п. 2 [17]; Чографский могильник к. 3 п. 4; к. 6 п. 2; к. 7 п. 5; к. 19 п. 3; к. 28 п. 7; к. 43 п. 2 [18]; Чографский II могильник к. 34 п. 4, 8 [19]; Чографский III могильник к. 15 п. 5; к. 29 п. 2 [20]; Шахаевская курганная группа к. 1 п. 8, 10; к. 2, п. 8, 10 (рис. 4, *33, 34*); к. 4, п. 33 (рис. 4, *19*) [21]; к. 1 п. 9 (рис. 4, *17*); к. 2 п. 25 (рис. 4, *18*) [22]; Крепинский могильник к. 9 п. 9 (рис. 4, 20) [23]; хут. Кудинов к. 1 п. 9 Багаевского р-на Ростовской обл.[24]; с. Сидоры Михайловского р-на Волгоградской обл. к. 30 п. 1 (рис. 4, *36*) [25]; г. Краматорск, катакомбное погребение в кургане (рис. 4, *23*) [26]; с. Ново-Николаевское Кременского р-на Ворошиловградской обл. к. 1 п. 3, 5 (рис. 4, *25, 24*), п. 10; с. Николаевка к. 1 п. 3 Станич-Луганского р-на; г. Александровск к. IX п. 41 той же области [27]; с. Малая Камышеваха бывш. Бахмутинского уезда к. 4 п. 2 [28]; п. 1 в кургане у с. Фрунзе Славяносербского р-на Ворошиловградской обл. (рис. 4, *22*) [29]. Этот нож мы относим к рассматриваемой серии условно, поскольку края его лезвия обломаны. Нож из п. 1 в кургане у Симферополя (рис. 4, *31*); дер. Ильмень Борисоглебского р-на Воронежской обл. к. 2 п. 3 (рис. 4, *27*).

Три ножа учтено из погребений культуры многоваликовой керамики: дер. Ильмень к. 8 п. 4 (рис. 4, *26*) [30]; Днепрострой к. 4 п. 2 [31]; с. Нижняя Ведуга Воронежской обл. к. 3. п. 2 [32].

---

[14] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия..., с. 68, рис. 58, *1—11*.

[15] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 129, рис. 36, *486, 514, 494*.

[16] Ан. 17547, 17541, 17545, 17542, 17543.

[17] *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский могильник. Элиста, 1971, с. 104, табл. 2, *3*; *они же.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР. Элиста, 1963, с. 57, рис. 27, *2*.

[18] *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1965 году.— Архив ИА АН СССР, № 3321, рис. 100, *4*; 50, *1*; 63, *1*; 100, *1*; *его же.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, № 4421, рис. 93, *1, 2*.

[19] *Синицын И. В.* Ук. отчет за 1965 г., рис. 100, *2*; 103, *3*.

[20] *Синицын И. В.* Ук. отчет за 1966 г., рис. 53, *2, 1*.

[21] *Федорова-Давыдова Э. А. и Горбенко А. А.* Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году.— В сб.: Археологические памятники Нижнего Подонья, т. II. М., 1974, табл. XIII, *4, 7, 8*. Ан. 13347, 13339, 13334, 13338, 13345, 13344.

[22] Ан. 13489, 13490. Раскопки В. В. Дворниченко.

[23] Ан. 13712. Раскопки Р. Ф. Ворониной.

[24] *Мелентьев А. Н.* Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье.— КСИА АН СССР, № 103, 1961, с. 54, рис. 7.

[25] Раскопки В. И. Мамонтова.

[26] Ан. 9008.

[27] Ан. 16272, 16276, 19307, 16249. Раскопки С. Н. Братченко.

[28] Тр. VII АС. М., 1905, т. I, табл. VII, *9*.

[29] Ан. 7027. Раскопки И. А. Пислария.

[30] Ан. 7221, 4551, 6333. *Качалова Н. К.* Ильменские курганы.— АСб.ГЭ, 1970, № 12, с. 21, рис. 11, *11, 12*; с. 31.

[31] *Братченко С. Н.* Пам'ятки богатоваликовоі кераміки.— В сб.: Археологія УРСР. Київ, 1971, с. 340, рис. 96, *3*.

[32] *Либеров П. Д.* Культура племен Среднего Подонья в эпоху бронзы. М., 1964, с. 94, рис. 42, *6*.

Четыре ножа нам известны из погребений полтавкинской культуры: хут. Степана Разина к. 4 п. 6 [33]; курган у станции Лебяжья (рис. 4, *32*); с. Норки к. 7 Камышинского р-на Волгоградской обл.; с. Максютово Клинцовского р-на Саратовской обл. к. 2 п. 2 [34].

Четыре ножа обнаружены случайно в Северном Причерноморье и Поволжье: Херсонская область (рис. 4 *29*) [35]; у г. Новочеркасска (рис. 4, *28*); о. Хортица (рис. 4, *30*) [36]; с. Колпачки Михайловского р-на Волгоградской обл. (рис. 4, *35*).

На Северном Кавказе нами учтено восемь находок ножей группы 2. Три из них найдены в памятниках северокавказской культуры: Бамутский могильник к. 2 п. 6 (рис. 4 *40*) [37]; разрушенный курган у с. Советское (рис. 4, *43*); с. Чегем I к. 11, основное погребение (рис. 4, *38*) [38]; Верхнегунибское поселение, второй слой (рис. 4, *41*) [39]. Три найдено случайно. Один у с. Гоуст в Северной Осетии [40], два других — в Кабардино-Балкарии, у с. Каменномостного (рис. 4, *37*) [41], место находки более точно неизвестно (рис. 4, *39*). Один нож происходит из клада у с. Привольного (рис. 4, *42*). Два ножа, близкие орудиям группы 2, известны из курганов 119 и 125 у г. Степанакерта [42], но у одного из них рукоять снабжена отверстием.

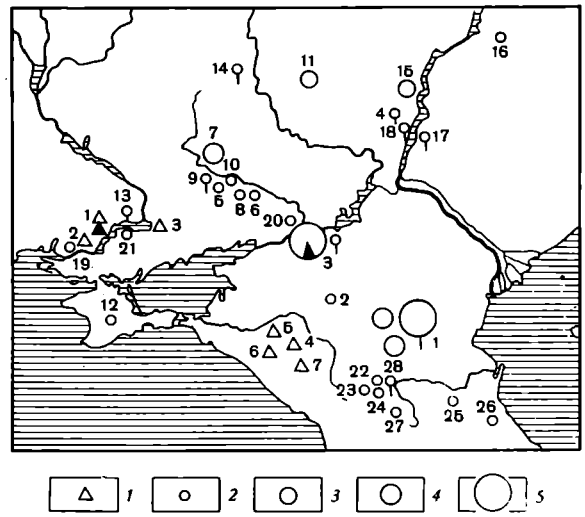


Рис. 5. Ареал ножей групп 1 и 2. Группа 1: *1* — Михайловское пос.; *2* — с. Отрадное; *3* — курган «Высокая Могила»; *4* — хут. Зубовский; *5* — ст. Новолабинская; *6* — ст. Келермесская; *7* — ст. Новосвободная (анализ ножа приведен по Ц. Абесадзе. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, № 152). Группа 2: *1* — г. Элиста, могильники «Три Брата», Элистинский, Архаринский, Лолинский, Чограйский; *2* — с. Привольное; *3* — Шахаевская группа, Крепинский могильник, хут. Кудинов; *4* — с. Сидоры; *5* — г. Краматорск; *6* — г. Александровск; *7* — с. Ново-Николаевское; *8* — с. Николаевка; *9* — дер. Малая Камышеваха; *10* — пос. Фрунзе; *11* — с. Ильмень; *12* — г. Симферополь; *13* — курган у Днепростроя; *14* — с. Нижняя Ведуга; *15* — с. Лебяжье, Норки; *16* — с. Максютово; *17* — хут. Степана Разина; *18* — с. Колпачки; *19* — Херсонская обл.; *20* — г. Новочеркасск; *21* — о. Хортица; *22* — с. Каменномостное; *23* — Кабардино-Балкария; *24* — с. Чегем I; *25* — с. Бамут; *26* — Верхнегунибское поселение; *27* — с. Гоуст; *28* — с. Советское.

Условные обозначения: *1* — группа 1; *2* — группа 2, одна находка; *3* — 2, 3 находки; *4* — 4, 5 находок; *5* — 6—11 находок. Незатушеванный знак — изделие с содержанием мышьяка, равным и более 0,6%. Затушеванный знак — изделие с содержанием мышьяка, меньшим 0,6%. Знак с черточкой — непроанализированный предмет. Масштабность знаков и их окраска едины для всех карт

Ареал ножей группы 2 охватывает Нижнее Поднепровье, Крым, Подонье, Нижнее Поволжье, Предкавказье, центральную и восточную часть Северного Кавказа (рис. 5). Более всего их найдено в Калмыкии

[33] *Мерперт Н. Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 94, рис. 7, *6*.

[34] *Черных Е. П.* История древнейшей металлургии..., с. 124, рис. 34, *450, 446, 471*.

[35] Архив О. А. Кривцовой-Граковой.

[36] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 129, рис. 36, *546* и ан. 4327.

[37] Ан. 3851.

[38] Ан. 18397. *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Раскопки курганов в Кабардино-Балкарии в 1972 году. Нальчик, 1973, с. 136, рис. 18, *1*.

[39] *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965, с. 136, рис. 50, *1*. Ан. 18413.

[40] *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терека и верховьев бассейна р. Сунжи.— Тр. ГИМ, 1948, вып. XVII, с. 10, рис. 1.

[41] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 108, рис. 30, *200* и ан. 18335.

[42] *Гуммель Я. И.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана.— КСИИМК, 1948, XX, с. 18, рис. 7, *1, 2*.

и памятниках Нижнего Дона, нередки их находки в районе Северского Донца. Менее известны ножи этой группы с территории Нижнего Поднепровья и Верхнего Подонья. В целом в Северном Причерноморье, Поволжье и Калмыкии таких ножей найдено существенно больше, чем на Северном Кавказе,— 52 находки против восьми.

Группа 3. Листовидные ножи с широким лезвием. Всего учтен 31 нож. Четыре орудия найдены в погребениях ямно-полтавкинского времени в

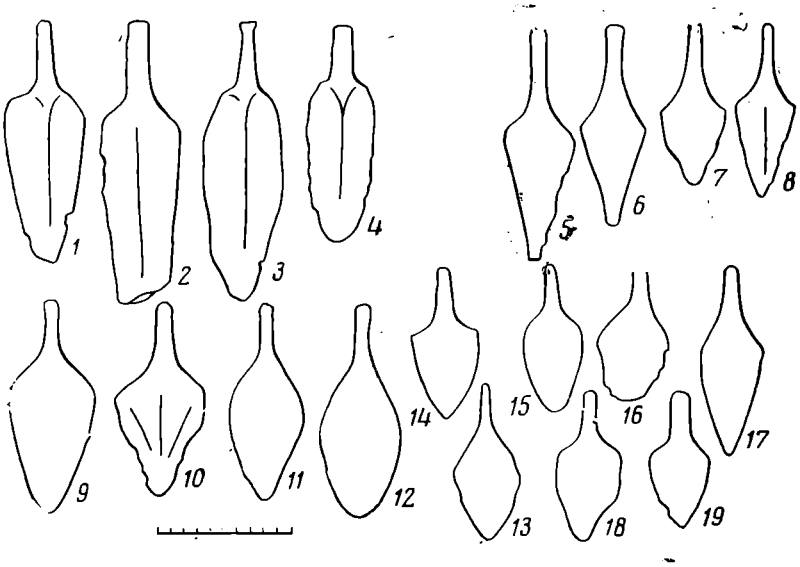


Рис. 6. Ножи группы 3

Поволжье: с. Утевка Нефтегорского р-на к. 1 п. 1 (рис. 6, *1*); к. 2 п. 1 (рис. 6, *4*); Владимировский могильник Хворостянского р-на Куйбышевской обл.[43] к. 1 п. 6 (рис. 6, *2*); с. Быково к. 27 п. 7 [44].

Девятнадцать орудий известно из погребений катакомбной культуры: Лолинский I могильник к. 4 п. 7,8 (рис. 6, *5, 11*); к. 18 п. 2 (рис. 6, *15*) [45]; к. 6 п. 1; жертвенное место в к. 12; Архаринский могильник к. 9 п. 2 [46]; к. 10 п. 6 (рис. 6, *6*); к. 31 п. 1 (рис. 6, *8*); Элистинский могильник к. 2 п. 8 (рис. 6, *9*); к. 8 п. 11 (рис. 6, *10*) [47]; у г. Элисты к. 4 п. 3 (рис. 8, *16*) [48]; Чограйский II могильник к. 5 п. 8; к. 8 п. 10, 12; к. 33 п. 3 [49]; Чограйский III могильник к. 16 п. 5 [50]; ст. Усть-Джегутинская к. 3 п. 8 [51]; Ставрополье, р. Овечка к. 1 п. 17; к. 4 п. 7 (рис. 6, *14*) [52].

Пять ножей учтено из погребений северокавказской культуры: Бамутский могильник к. 1 п. 2 (рис. 6, *12*); к. 3 п. 2 (рис. 6, *13*); с. Лечинкай к. 9, центральное погребение; к. 12 п. 2 (рис. 6, *18, 19*); Миатлин-

---

[43] Ан. 13225, 13692, 18116. Раскопки И. Б. Васильева и С. А. Агапова.

[44] *Мерперт Н. Я.* Ук. соч., с. 83, рис. 3.

[45] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 129, рис. 36, *489, 490, 491.*

[46] *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году, с. 43, рис. 13, *1*; *они же.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, с. 66, рис. 34.

[47] Ан. 1805, 17546.

[48] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 129, рис. 36, *493.*

[49] *Синицын И. В.* Ук. отчет за 1966 г., рис. 93, *4*; *его же.* Ук. отчет за 1965 г., рис. 378, *3, 2, 1.*

[50] *Синицын И. В.* Ук. отчет за 1966 г., рис. 53, *2.*

[51] *Нечитайло А. Л.* Катакомбные погребения эпохи бронзы в окрестностях города Черкесска.— В кн.: Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 12, 13. Ставрополь, 1971, с. 207, рис. 2, *5.*

[52] Ан. 18949, 18930.

ская VI курганная группа к. 1 п. 1 (рис. 6, *17*) [53]. Три ножа группы 3 найдено случайно: Бобровский могильник Куйбышевской обл. (рис. 6, *3*) [54]; ст. Расшеватовская (рис. 6, *7*) [55]; с. Былым в Кабардино-Балкарии [56]. Больше всего ножей группы 3 обнаружено в катакомбных погребениях Калмыкии. Они также были и в обиходе племен северокавказской культуры, населявших центральную и восточную части Северного Кавказа. В Прикубанье их находки редки. В Северном Причерноморье

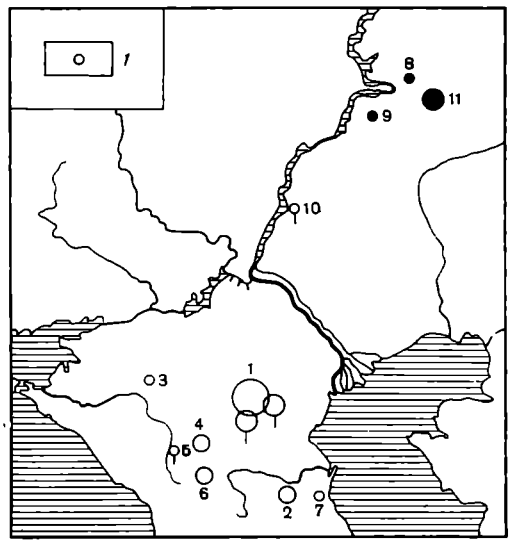


Рис. 7. Ареал ножей группы 3. *1* — могильники Лолинский, Архаринский, Чографский; *2* — с. Бамут; *3* — ст. Расшеватовская; *4* — р. Овечка; *5* — ст. Усть-Джегутинская; *6* — с. Лечинкай, Былым, Кабардино-Балкария; *7* — с. Миатлы; *8* — Бобровский могильник; *9* — Владимировский могильник; *10* — с. Быково; *11* — Утевский могильник. Условные обозначения: *1* — группа 3

таких ножей не обнаружено. В Поволжье орудия группы 3 найдены в ямно-полтавкинских памятниках (рис. 7).

Группа 4. Листовидные ножи с узким лезвием. Всего нами учтено 120 ножей группы 4. Из памятников ямной культуры происходит 29 предметов: Михайловское поселение (рис. 8, *43, 42*) [57]; с. Ново-Филипповка к. 5 п. 6; с. Новогригорьевка у Днепропетровска к. 3 (рис. 8, *1*); с. Белозерка Днепропетровской обл. к. 5 п. 1, 6, 16 (рис. 8, *2, 49*); с. Камышеваха бывш. Бахмутинского уезда (рис. 8, *3*) к. п. 2 [58]; с. Вильно-Улановка Васильянского р-на Запорожской обл. к. 3 п. 8 [59]; с. Любимовка Каховского р-на к. 27 п. 3 [60]; с. Бабенково Скадовского р-на Херсонской обл. к. 1 п. 19 (рис. 8, *4*); с. Степное Красноперекопского р-на к. 1 п. 66 (рис. 8, *51*); к. 14 п. 18 (рис. 8, *12*); п. 22 (рис. 8, *37*) [61]; с. Ново-Николаевка Советского р-на Крымской обл., впускное погребение в кургане (рис. 8, *5, 6*) [62]; курган в г. Симферополе п. 3 [63]; Покровский могильник Нефтегорского р-на Куйбышевской обл. к. 1 п. 12, к. 17 п. 1 (рис. 8, *7, 13*) [64]; курган в г. Уральске (рис. 8, *8*) [65]; могильник «Кривая Лука» IV Черноярского р-на Астраханской обл. к. 1 п. 13 (рис. 8, *10*) [66]; у г. Эн-

---

[53] Ан. 2053, 2051, 18398, 19393, 18412.
[54] Ан. 18117.
[55] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 104, рис. 29, *95*.
[56] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, № 93, 1960, с. 73, рис. 32, *3*.
[57] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 124, рис. 34, *427, 428, 485, 424*.
[58] Там же, с. 124, рис. 34, *451, 445, 438, 439, 437, 444*.
[59] Ан. 17894. Раскопки Д. Я. Телегина.
[60] Ан. 16321. Раскопки А. М. Лескова.
[61] Ан. 7211, 7214, 7213, 7212.
[62] Ан. 7229, 7230. Раскопки А. А. Щепинского.
[63] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 124, рис. 34, *433, 434*.
[64] Ан. 13404, 16334. Раскопки И. Б. Васильева.
[65] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 124, рис. 34, *457*.
[66] Ан. 13411. Раскопки Г. А. Федорова-Давыдова и В. В. Дворниченко.

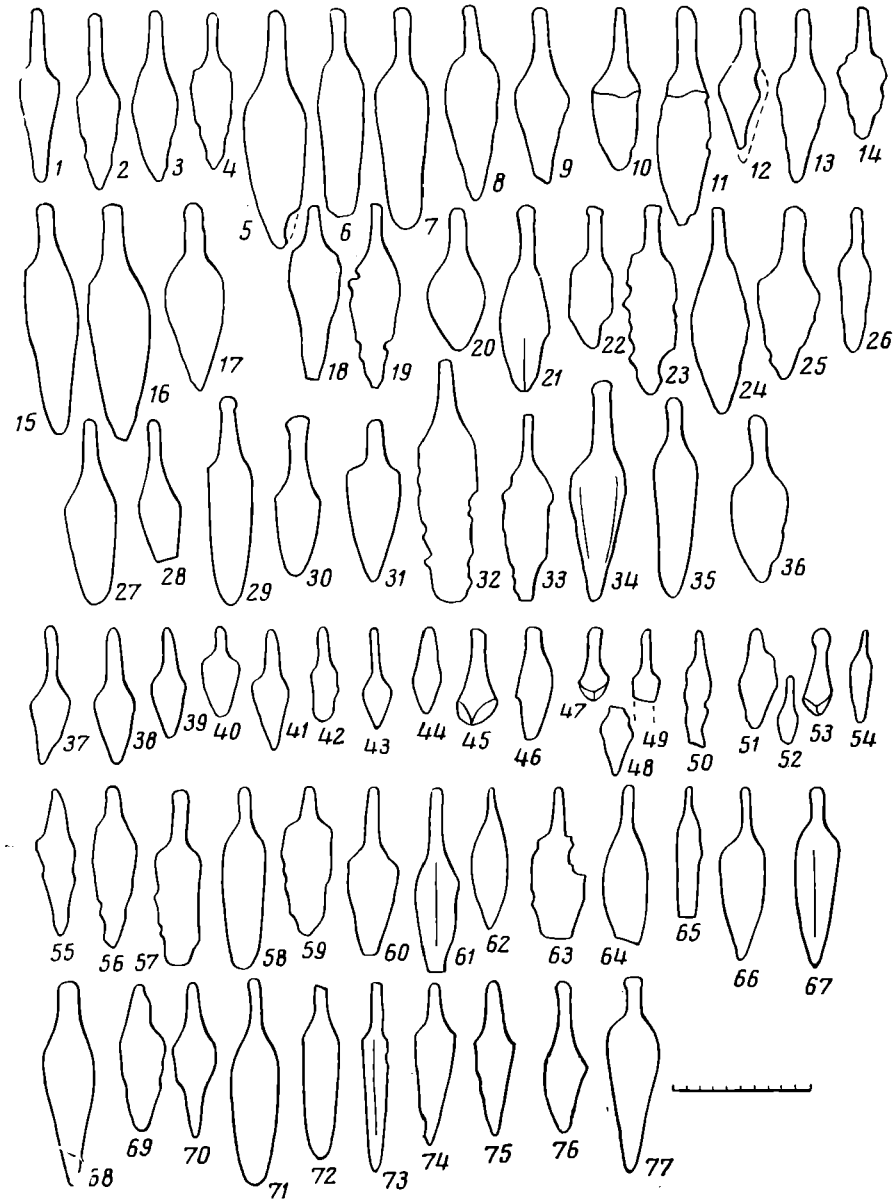


Рис. 8. Ножи группы 4

гельса к. 2 п. 1 [67]; Чографский III могильник к. 17 п. 8 [68]; Увакский могильник к. 12 п. 4 (рис. 8, *14*); с. Бородаевка к. 9 п. 4 (рис. 8, *53*); с. Скатовка к. 5 п. 3 [69].

Четыре ножа происходят из погребений полтавкинской культуры: могильник «Кривая Лука» II к. 1 п. 13 (рис. 8, *11*) [70]; с. Бережновка к. 5 п. 19 (рис. 8, *9*); с. Усть-Грязнуха на р. Иловле (рис. 8, *21*) [71]; Абашевский могильник Хворостянского р-на Куйбышевской обл. к. 2, основное погребение (рис. 8, *45*).

38 ножей учтено из погребений катакомбной культуры: хут. Мишки у Новочеркасска (рис. 8, *25*) к. 1 п. 2 [72]; с. Широкое к. 3 п. 14 (рис. 8, *18*);

[67] *Черных Е. Н.* Ук. соч., стр. 124, рис. 34, *456*.
[68] *Синицын И. В.* Ук. отчет за 1966, рис. 463, *2*.
[69] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 124, рис. 34, *459, 448, 456*.
[70] Ан. 13409.
[71] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 128, рис. 35, *472, 467*.
[72] Ан. 18120, 9082.

курган у с. Войково п. 19 (рис. 8, *17*) у Кривого Рога; к. 2 п. 18 у г. Кривой Рог [73]; курган «Елониха» у Симферополя п. 4 (рис. 8, *16*) [74]; курган у с. Каракуба бывш. Мариупольского уезда (рис. 8, *19*); с. Селимовка у г. Изюма к. 3 п. 35 (рис. 8, *23*); курганная группа «Аккермень» I на р. Молочной к. 7 п. 1 (рис. 8, *41*); к. 17 п. 4; курган «Баба» у ст. Константиновской Ростовской обл. (рис. 8, *15*) [75]; г. Александровск к. I п. 4; к. VIII п. 2; к. IX п. 25 (рис. 8, *24*); с. Ново-Николаевское к. 1 п. 2 Ворошиловградской обл. [76]; Шахаевская группа II, к. 7 п. 6 [77]; Архаринский могильник к. 3 п. 4; Лолинский могильник к. 21 п. 4; «Три Брата» к. 9 п. 8 (рис. 8, *22*) [78]; Элистинский могильник к. 5 п. 8 (рис. 8, *20*); к. 6 п. 1; к. 8 п. 11, 12; к. 13 п. 14; к. 14 п. 2 [79]; Чографский I могильник к. 2 п. 1; к. 21 п. 12; к. 25 п. 6; к. 60 п. 8; Чографский II могильник к. 13 п. 2; к. 14 п. 7; к. 15 п. 3; к. 22 п. 3; к. 23. п. 3, 4; к. 42 п. 4; Чографский III могильник к. 12 п. 13; к. 16 п. 9 [80].

Из случайно найденных орудий в Северном Причерноморье и Поволжье учтено 18 экз. В их число входят орудия, связь которых с определенной культурой не ясна. Однако их вполне можно отнести к племенам интересующих нас культур. Они найдены в следующих местах: Поднепровье (рис. 8, *27, 28*); бывш. Екатеринославская губерния (рис. 8, *29*); хут. Боткив Днепропетровской обл. (рис. 8, *30*); у г. Мариуполя (рис. 8, *32*) [81]; ст. Зыковская бывш. область Войска Донского (рис. 8, *31*); г. Новочеркасск (рис. 8, *33*); с. Апалиха бывш. Хвалынского уезда (рис. 8, *34*); с. Грищенцы Киевской обл. (рис. 8, *35*); Семикаракорский курган у г. Ростова (рис. 8, *36*); с. Ахмат Саратовской обл. (рис. 8, *26*); в насыпи кургана у с. Максютово (рис. 8, *44*); Саратовская обл. (рис. 8, *40*); о. Перун [82]; Полтавская область (рис. 8, *39*); у Симферополя; г. Цюрюпинск Херсонской обл. (рис. 8, *52*) [83].

В качестве аналогий ножам группы 4 Северного Причерноморья, Поволжья и Калмыкии мы привлекли 31 нож с территории Северного Кавказа. Пять ножей происходят из погребений майкопской культуры: пос. Праздничный к. 1 п. 5 (рис. 8, *57*); ст. Костромская к. 3 (рис. 8, *63—65*); ст. Новосвободная к. 1 (рис. 8, *56*) [84]. Один нож учтен из Лугового поселения куро-араксинской культуры (рис. 8, *55*) [85]. 20 ножей учтено из погребений северокавказской культуры: ст. Александровская к. 2 (рис. 8, *60*); к. 3 (рис. 8, *38, 50*); ст. Белореченская к. 7 (рис. 8, *59*); ст. Новолабинская к. 3 п. 2 (рис. 8, *58*); к. 3 п. 1 (рис. 8, *61, 62*); ст. Кисловодская, курган 1913, 1914 гг. (рис. 8, *66*); грунтовое погребение у с. Затишье близ Нальчика (рис. 8, *67*); курган в колонии Николаевской (рис. 8, *71, 72*); курган в г. Нальчике на месте Дома Советов (рис. 8, *73*); с. Верхний Кобан, ящик 1 (рис. 8, *75*); колония Константиновская (рис. 8, *68*); курган у с. Нового Чиркея на р. Сулак (рис. 8, *69*) [86] ст. Ан-

---

[73] Ан. 7657, 7643, 7660. Раскопки Л. П. Крыловой.

[74] Ан. 7226. Раскопки А. А. Щепинского.

[75] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., стр. 129, рис. 36, *544, 507, 496, 542, 543.*

[76] Ан. 16251, 16248, 16243, 16274. Раскопки С. Н. Братченко.

[77] Ан. 13337. Раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой.

[78] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 129, рис. 36, *487, 492, 495.*

[79] *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э.* Элистинский могильник, с. 109, табл. 6, *4* (ан. 17544); с. 113, табл. 10, *3*; с. 119, табл. 16, *3*; с. 120, табл. 17, *3*; с. 125, табл. 22, *2, 3.*

[80] *Синицын И. В.* Ук. отчет за 1965 г., рис. 10, *1*; 126, *1*; 167; 63, *3*; 199; 64, *4, 5*; 463, *3*; 126, *2*; 434, *2*; 50, *4*; 434, *3*; *его же.* Ук. отчет за 1966 г., рис. 93, *3, 5.*

[81] Ан. 4328, 4349, 4266, 4259, 9005.

[82] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 134, рис. 37, *583, 575, 574, 585, 566, 559, 582, 563, 571*; с. 129, рис. 36, *476.*

[83] Ан. 4411, 7215, 7316.

[84] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 100, рис. 28, *83, 47, 48, 45, 46.*

[85] *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, № 100, 1961, с. 68, рис. 17. Ан. 3825.

[86] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 104, рис. 29, *93, 94*; с. 107, № 147, 148; с. 104, рис. 29, *98, 96, 97*; с. 108, рис. 30, *254, 202, 239, 256, 201, 241, 252, 196.*

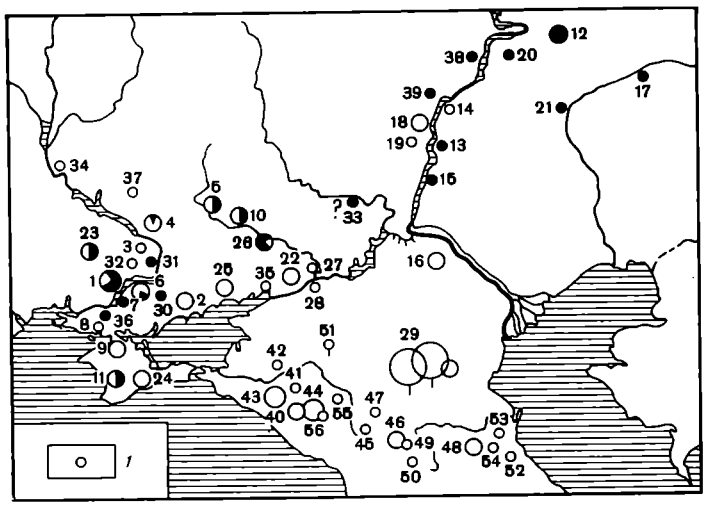


Рис. 9. Ареал ножей группы 4. *1* — Михайловское поселение; *2* — с. Ново-Филипповка и Аккермень; *3* — с. Новогригорьевка; *4* — с. Белозерка; *5* — села Камышеваха и Селимовка; *6* — с. Вильно-Улановка; *7* — с. Любимовка; *8* — с. Бабенково; *9* — с. Степное; *10* — с. Ново-Николаевка; *11* — г. Симферополь; *12* — Покровский могильник; *13* — дер. Скатовка; *14*— дер. Бородаевка; *15* — дер. Бережновка; *16* — могильник «Кривая Лука»; *17* — Увакский могильник; *18* – г. Энгельс, Саратовская обл.; *19* – г. Усть-Грязнуха; *20* — Абашевский могильник, Куйбышевской обл.; *21* — г. Уральск; *22* — хут. Мишки у Новочеркасска; *23* — с. Широкое и с. Войково у г. Кривой Рог; *24* — курган «Елониха» у Симферополя; *25*— у Мариуполя; *26*— г. Александровск; *27* — ст. Константиновская; *28* — Шахаевская группа; *29*— могильник «Три Брата», Элистинский, Архаринский, Лолинский, Чоградский; *30* — о. Перун; *31* — бывш. Екатеринославская губерния; *32* — хут. Боткив; *33* – ст. Зыковская; *34* – с. Грищанцы; *35* – Семикаракорский курган; *36* — г. Цюрюпинск; *37* — Полтавщина; *38* — с. Апалиха; *39* — с. Ахмат; *40* — ст. Александровская и хут. Зубовский; *41* — ст. Белореченская; *42* — пос. Праздничный; *43* — ст. Новолабинская; *44* — станицы Костромская и Петропавловская; *45* — ст. Кисловодская; *46* — г. Нальчик и с. Затишье; *47* — колония Константиновская; *48* — с. Бамут и Луговое поселение; *49* — колония Николаевская; *50* — с. Верхний Кобан; *51* — с. Привольное; *52* — с. Новый Чиркей; *53* — Хасав-Юртский район; *54* — могильник Гатын-Кале; *55* — Прикубанье; *56* — ст. Новосвободная. Условные обозначения: *1* — группа 4

дрюковская к. 1 (рис. 8, *54*); Бамутский могильник к. 6 п. 1 (рис. 8, *47*); п. 3 (рис. 8, *46*) [87]; ст. Петропавловская, могильник Гатын-Кале п. 27 (рис. 8, *48*). Пять ножей найдено случайно, вне культурно определимых комплексов: хут. Зубовский; Хасав-Юртский р-н (рис. 8, *74*); Прикубанье (рис. 8, *76*); территория Бамутского могильника (рис. 8, *70*) [88]; из клада у с. Привольного (рис. 8. *77*).

Картографирование листовидных ножей с узким лезвием показывает их самое широкое распространение у племен ямной, полтавкинской, катакомбной и северокавказской культур (рис. 9).

Из 219 учтенных в группах находок методом спектрального анализа изучен состав металла 164 предметов. 46 ножей приходится на долю находок с Северного Кавказа и 118 составляют орудия, найденные в Северном Причерноморье, Поволжье и Калмыкии. Среди них 15 отлиты из чистой меди, в составе металла остальных наиболее значимой примесью является мышьяк. Его содержание — от 0,1 до 4% и более (рис. 2,4*а*). У орудий Северного Кавказа содержание мышьяка выше и в основном находится в пределах от 0,6 до 10% (рис. 2,4*б*). Ниже этого уровня в рассматриваемой

[87] Ан. 771, 6342, 2033.

[88] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 104, рис. 29, *149*; с. 108, рис. 30, *197*; с. 104, рис. 29, *101*; с. 108, рис. 30, *240*; с. 100, рис. 28, *46*; с. 104, а также ан. 6341.

серии содержание мышьяка обнаружено лишь в одном предмете с Северного Кавказа — случайной находке у хут. Зубовского[89] (группа 1). Видимо, этот факт надо рассматривать как случайный и нетипичный для кавказской металлобработки.

Е. Н. Черных при сравнении состава мышьяковых изделий племен ямной, полтавкинской, катакомбной культур с северокавказскими предметами обнаружил их большую близость, позволяющую предполагать импорт сырья и готовых изделий степным племенам с Кавказа. Им также было отмечено понижение содержания мышьяка в металле орудий Северного Причерноморья и Поволжья по сравнению с Северным Кавказом, что можно объяснить изготовлением их из переплавленного металла или лома[90]. Состав металла степных ножей при сравнении с северокавказскими полностью подтверждает эти выводы и позволяет несколько детализировать их. При сопоставлении концентрации мышьяка в ножах Северного Причерноморья, Поволжья и Калмыкии с его распределением в однотипных орудиях Северного Кавказа становится очевидным, что степные ножи с содержанием этого элемента ниже 0,6% не могут рассматриваться как кавказские импорты. Концентрация мышьяка в северокавказских ножах, как правило, выше 0,6% (рис. 2, *4*; 5, 7, 9). Учитывая эти соображения, рассмотрим ниже состав металла ножей по группам.

В группе 1 из восьми учтенных находок состав металла известен для семи. У двух содержание мышьяка в металле ниже 0,6%. Это находка в Михайловском поселении ямной культуры и случайная — у хут. Зубовского. В группе 2 из 60 учтенных находок проанализирован металл 38 находок. У трех ножей содержание мышьяка не достигает 0,6%. Они обнаружены в погребениях катакомбной культуры Шахаевской группы. В группе 3 из 31 учтенного ножа известен состав металла 20. Четыре поволжских орудия отлиты из чистой меди медистых песчаников Поволжья и Приуралья. Два из них найдены в погребениях ямной культуры Утевского могильника (к. 1 п. 1) и Владимировского могильника (к. 1 п. 6), один — в захоронении полтавкинской культуры Утевского могильника (к. 2 п. 1). Четвертый нож поднят на территории Бобровского могильника. Его вполне возможно отнести к продукции ямно-полтавкинского очага металлургии. В группе 4 из 120 учтенных вещей исследован состав металла 99. 27 предметов содержат мышьяк в концентрациях, меньших 0,6%. Из них 12 происходит из памятников ямной культуры, два — полтавкинской и четыре — из катакомбных захоронений. Девять ножей найдено случайно. Металл остальных орудий выделенных групп представляет собой мышьяковую кавказскую бронзу с содержанием мышьяка, равным и большим 0,6%. В Северном Причерноморье, Поволжье и Калмыкии их число достигает 83 экз. из 118 проанализированных ножей этих регионов, т. е. подавляющее большинство. Однако в каждой группе орудий были обнаружены ножи местного изготовления из чистой меди или металла с пониженным содержанием мышьяка у племен ямной, полтавкинской и катакомбной культур, обитавших в Нижнем Поднепровье, Нижнем Дону, Поволжье (за исключением Калмыкии) (рис. 5, 7, 9).

Хронология ножей ямной, полтавкинской и катакомбной культур определяется временем существования их памятников. Так, ножи группы 1, видимо, распространялись в среде ямных племен Поднепровья в конце III — начале II тысячелетия до н. э., судя по их находкам в верхнем слое поселения Михайловки. Их нет в более поздних захоронениях катакомбной культуры. Такое предположение о времени существования ножей группы 1 вполне согласуется с находкой из поселения Эзеро в Болгарии ножа, близкого им по форме, относимого Е. Н. Черных ко второй половине III тысячелетия до н. э. Хронология ножей группы 2 может

---

[89] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 106.

[90] Там же, с. 69, 70, рис. 22.

лишь условно определяться широкими рамками существования племен катакомбной, полтавкинской культур и культуры многоваликовой керамики, т. е. первой половиной, серединой II тысячелетия до н. э. В памятниках эпохи поздней бронзы на Украине и в Поволжье их нет. Формы листовидных ножей с широким лезвием группы 3 встречены в погребениях раннего бронзового века в Поволжье. В Утевском могильнике (п. 1 к. 1) такой нож был найден И. Б. Васильевым вместе с топором, отлитым в открытую снизу литейную форму, и теслом майкопских размеров [91]. Такая находка позволяет говорить о их местном производстве литейщиками ямно-полтавкинского очага металлургии еще во второй половине III тысячелетия до н. э. В Калмыкии ножи группы 3 известны только из памятников катакомбной культуры не ранее первой половины II тысячелетия до н. э. Листовидные ножи с узким лезвием группы 4 появляются у племен ямной культуры в период их знакомства с кавказскими мышьяковыми бронзами, т. е. во второй половине III тысячелетия до н. э., и прочно входят в обиход степных племен вплоть до конца бронзового века.

Ножи рассматриваемых форм нередко определялись как наконечники копий и дротиков. Мы называли их ножами прежде всего для удобства изложения. Без специального исследования их функционального назначения с помощью трасологического или металлографического анализов выяснить окончательно этот вопрос вряд ли возможно. Можно лишь отметить на примере памятников Калмыкии, что ни один вид ножа не имеет строго канонизированного места в погребении, что позволило бы дать однозначное толкование назначения орудий. Они могут лежать у головы, плеча, колен, за спиной скелета, быть брошены в заполнение ямы катакомбы, находиться среди костей жертвенных животных или даже в сосуде [92]. Видимо, не исключено, что многие из них были универсальным видом орудий и оружия и использовались как ножи или черенковые наконечники копий и дротиков. Однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

Племена ямной культуры были одними из первых, кто стал широко пользоваться изделиями из мышьяковых кавказских бронз в Северном Причерноморье и Поволжье. В это время в их обиход прочно вошли металлические ножи. Известны им были и навыки металлообработки [93]. В целом для племен ямной культуры были характерны три вида ножей, групп 1, 3, 4. Ножи были одним из немногих видов орудий, производимых древними кузнецами ямных племен. В Поднепровье ими изготовлялись, возможно, ножи группы 1, а в Поволжье — ножи группы 3. Повсеместно в среде ямных племен вырабатывались листовидные ножи с узким лезвием группы 4, которые были у ямных племен самой распространенной формой орудий рассматриваемой категории. Большинство находок в Поднепровье изготовлено из мышьяковых бронз, в Поволжье — из чистой меди (таблица).

Племена катакомбной культуры продолжали традиционные связи по металлу с населением Северного Кавказа, установленные ранее племенами ямной культуры. В ассортименте их изделий по-прежнему ведущее место занимали предметы из кавказской мышьяковой бронзы. Им также была известна и металлообработка [94]. Набор типов ножей катакомбных племен заметно отличен от видов, использовавшихся ранее племенами ямной культуры. Так, вышли из употребления ножи группы 1. Наряду с листовидными ножами с узким лезвием группы 4 ведущей формой стали

[91] *Васильев И. Б.* Раскопки курганов в Среднем Поволжье.— АО — 1972. М., 1973, с. 165; а также доклад И. Б. Васильева на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 17 февраля 1975 г.

[92] *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР; *они же.* Элистинский могильник; *они же.* Новые археологические памятники в Калмыцкой АССР.

[93] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 70.

[94] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 70.

орудия группы 2, которым вполне возможно присвоить название ножей «катакомбного типа» (таблица). Увеличился ассортимент ножей группы 3. Все виды ножей катакомбной культуры находят аналогии на Северном Кавказе. Однако нельзя не отметить, что подавляющее большинство ножей групп 2 и 3 найдено в памятниках именно катакомбной культуры. Так, ножей группы 2 из катакомбных погребений известно 42, а из захоронений северокавказской культуры — четыре. Ножей группы 3 в катакомб-

Распределение материала по регионам и археологическим культурам

Группа	СП	П	К	СК	Всего	Ям.	Пол.	Кат.	Мв.	М.	Кр.	Скк.	Случайные
1	4			4	8	4							4
2	26	6	20	8	60		4	42	3			4	7
3		5	16	10	31	3	1	19				5	3
4	51	14	24	31	120	29	4	38		5	1	20	23
Всего	81	25	60	53	219	36	9	99	3	5	1	29	37

Примечания. СП — Северное Причерноморье, П — Поволжье, К — Калмыкия, СК — Северный Кавказ; Ям.— ямная культура, Пол.— полтавкинская, Кат.— катакомбная, Мв.— культура многоваликовой керамики, М.— майкопская культура, Кр.— куро-араксинская культура, Скк.— северокавказская культура. Случайные и культурные неопределимые находки.

ных погребениях учтено 19, а в памятниках северокавказской культуры — пять (см. таблицу). Такое соотношение находок ножей этих видов, видимо, можно объяснить лишь за счет их широкого производства в среде племен катакомбной культуры на кавказском сырье или с использованием переплавленной кавказской мышьяковой бронзы. Листовидные ножи с узким лезвием группы 4 были основным видом орудий этой категории у племен катакомбной и северокавказской культур. К степным племенам они могли попадать путем обмена с Северного Кавказа, а также изготовляться на месте, о чем можно судить по находкам, в металле которых содержание мышьяка не достигает 0,6%.

Производство и распространение ножей в среде племен катакомбной культуры не везде было одинаково. По обилию и многообразию форм ножей явно выделяются племена Калмыкии по сравнению с населением катакомбной культуры других районов (рис. 5, 7, 9 таблица). Как правило, почти все ножи здесь найдены в ямах или катакомбах, содержащих костяк, положенный на левый бок, с руками, поджатыми к животу, и кистями, помещенными между бедренных костей. Все эти виды ножей представлены в памятниках на территории центрального и восточного вариантов северокавказской культуры. При изготовлении ножей древние кузнецы этого региона, как и их южные соседи, отливали их из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка не ниже 0,6%. Видимо, связи катакомбных племен Калмыкии с племенами Северного Кавказа были более тесными, чем у их северных соседей.

Отличительной чертой производства ножей литейщиками катакомбных племен Северного Причерноморья явились случаи их изготовления из металла с содержанием мышьяка ниже 0,6%. Ножи группы 3 также не были в ходу у северопричерноморских племен. Помимо этого, можно отметить и определенные отличия в распространении ножей группы 2 у племен Подонья и Поднепровья. У последних они были известны, видимо, в небольшом количестве (учтено 3 экз.). В Подонье ножей группы 2 найдено значительно больше (учтено 17 экз.). Ведущей формой ножей в Поднепровье со времен ямной культуры оставались листовидные ножи группы 4, которые местные кузнецы катакомбной культуры могли изготовлять и сами (см. рис. 9). Видимо, эти данные отражают далеко не одинаковый характер производства ножей в среде различных вариантов племен катакомбной культуры, населявших Нижний Дон, Северский Донец, районы Нижнего Поднепровья.

Племена полтавкинской культуры, насколько позволяет говорить небольшая коллекция ножей из погребений, в катакомбное время продолжали пользоваться листовидными ножами из кавказской мышьяковой бронзы и отливать их из чистой меди медистых песчаников Поволжья и Приуралья. В четырех полтавкинских погребениях найдены ножи катакомбного типа группы 2. Вероятно, эти находки отражали определенное влияние материальной культуры катакомбных племен на их поволжских соседей.

В целом изложенный выше материал позволяет говорить, что наряду с импортными кавказскими изделиями племена ямной, полтавкинской и катакомбной культур широко пользовались ножами собственного производства. В качестве сырья при этом использовалась кавказская мышьяковая бронза. Племена ямно-полтавкинского очага металлургии отливали ножи в большинстве случаев из чистой меди медистых песчаников Поволжья и Приуралья. Эти данные хорошо согласуются с концепцией взаимосвязей степных племен эпохи ранней и средней бронзы с их кавказскими соседями, предложенной Е. Н. Черных [95]. Производство и распространение орудий рассматриваемой категории в среде племен ямной, полтавкинской и катакомбной культур имело дифференцированный характер. Количество учтенных ножей из погребений катакомбной культуры (99 экз.) почти троекратно превосходит известную коллекцию ножей из памятников ямной культуры (36 экз.). Видимо, такое соотношение материала отражает заметное увеличение импорта кавказского металла степным племенам в первую половину II тысячелетия до н. э. и рост их собственной металлообработки по сравнению с более ранним временем второй половины III тысячелетия до н. э.

S. N. Korénevski

LES COUTEAUX EN METAL DES CULTURES DE POLTAVKINO ET A INHUMATIONS EN FOSSE ET EN CATACOMBE

Résumé

Cet article offre une classification des couteaux appartenant aux cultures à inhumations en fosses, en catacombes, et de Poltavkino et résout des questions générales concernant leur production et leur diffusion. On étudie en tout 218 couteaux provenant des régions situées sur le littoral nord de la mer Noire, le long de la Volga, en Kalmykie et dans le Causase septentrional. Leur classification est composée de quatre groupes. Le groupe 1 comprend huit pièces (fig. 4, 1-10; fig. 5); le groupe 2 en a 59 (fig. 4, 11-42; fig. 5); le groupe 3 en a 31 (fig. 6; 7); le groupe 4 a 120 spécimens classés (fig. 8; 9). On peut supposer, d'après l'aire d'extension de ces groupes et les données de l'analyse spectrale, que les couteaux de tous les groupes ont été fabriqués par des tribus porteuses de la culture des inhumations en fosses, en catacombes et de celle de Poltavkino. C'est pourquioi, on peut penser que les porteurs de ces cultures, en plus d'odjets en bronze arsenical importés du Caucase, utilisaient d'une façon générale des couteaux de leur propre fabrication. Les données obtenues permettent aussi de dire que le travail du métal des couteaux par ces tribus avait un carastère différencié, car ce n'était pas toutes les tribus qui produisaient et utilisaient au même degré des couteaux de types semblables. Les spécimens étudiés permettent également de constater une augmentation notable de l'importation de métal provenant du Caucase par les tribus des steppes, et l'accroissement de leur propre traitement du métal, dans la première moitié du IIe millénaire av. n. è., par rapport à l'époque précédente, celle de la deuxième moitié du IIIe millénaire av. n. è.

---

[95] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии..., с. 70; *его же.* Древнейшая история..., с. 106, 107.

Н. А. ФРОЛОВА

О ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАМИИ

Известно, что на Боспоре до воцарения на нем Динамии, дочери Фарнака и внучки Митридата Евпатора, много лет правил Асандр (Dio., LIV, 24). Асандр, оставленный Фарнаком на Боспоре в качестве наместника, восстал против него и завладел Боспором. Фарнак после поражения от войск Цезаря в битве при Зеле (август 47 г. до н. э.) вернулся на Боспор с небольшим числом скифских и сарматских всадников, захватил Феодосию и Пантикапей, но погиб в сражении (Dio., XLII, 47; App., Mith., 120). Для борьбы с Асандром был послан на Боспор Митридат Пергамский, незаконный сын Митридата Евпатора, назначенный Цезарем царем Боспора (Dio., XLII, 48). Но Асандр легко победил его (Strab., XIII, 3, 4). После своих побед над Фарнаком и Митридатом Пергамским Асандр женился на Динамии, узаконив тем самым свои права на боспорский трон [1].

Решение вопроса о времени правления Динамии тесно связано с вопросом о времени правления Асандра на Боспоре, причем золотые монеты Асандра и уникальный статер Динамии 281 г. б. э. являются одним из основных источников по этой проблеме. Но, как правильно отметил В. В. Латышев, годы правления Асандра невозможно определить точно, так как до сих пор не известно, в том ли самом году умер Асандр, в котором Динамия выпустила свою монету, или в предыдущем [2], да и притом сами монеты Асандра не указывают, полных ли 29 лет он правил или меньше [3]. Достоверно, что правление Асандра заключается между 47 и 17 гг. до н. э. Между тем какое бы количество лет ни правил Асандр, факт чеканки Динамией статера 281 г. б. э.=17 г. до н. э. (табл. I, *1*, см. вклейку к стр. 225), неоспорим и позволяет сделать ряд предположений.

Так как статер Динамии свидетельствует о ее полноправии в качестве царицы Боспора, то независимо от того, при жизни ли Асандра или после смерти своего супруга, но безусловно с согласия Рима, т. е. с согласия Августа, она выпустила свою золотую монету. Это в свою очередь дает возможность предположить, что те надписи (IPE, 201=38; IPE, IV, 420=978; IPE, II, 356=979; IPE, 354=1046), которые М. И. Ростовцев считает поставленными с 8 г. до н. э. по 8 г. н. э., используя это предположение в качестве доказательства существования второго периода едино-

---

[1] *Латышев В. В.* ПОНТИКА. Спб., 1909, с. 96, 97.

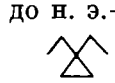
[2] *A. de Longpérier.* Medaille d'or inedite de Dynamis, reine de Pont. Paris, 1843, p. 4, 5 (в работе высказано предположение, что статер Динамии 281 г. б. э. был отчеканен до смерти Асандра); *A. von Sallet.* Beitrage zur Geschichte und Numismatik der Könige des Cimmerischen Bosporus und des Pontus. Berlin, 1866, S. 9—18; *Mommsen Th.* Geschichte des Romischen Münzwesens. Berlin, 1860, S. 701; *Waddington W. H.* Sur la Chronologie des Rois du Pont et du Bospore et des Princes d'olba.— RN, Paris, 1866, p. 417—419.

[3] *Латышев В. В.* Ук. соч., с. 98—100.

личного правления Динамии (8 г. до н. э. — 8 г. н. э.) [4], могли быть поставлены до 14 г. до н. э., так как только единственный статер 281 г. б. э. = =17 г. до н. э. является достоверным свидетельством ее полноправного правления.

Но прежде чем приступить к рассмотрению доводов, приводимых М. И. Ростовцевым для утверждения факта существования второго периода единоличного правления Динамии, следует кратко коснуться истории ее правления после смерти Асандра.

Известно, что после смерти своего супруга Динамия правила некоторое время одна [5]. Далее Дион Кассий сообщает: «В Боспоре Киммерийском произошло восстание. Некто Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата Евпатора и уверявший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в замужество супругу его, по имени Динамия, которой было передано мужем управление государством [6]. Но в Риме не были довольны этим положением дел на Боспоре. Агриппа послал против Скрибония царя Понта Полемона. Боспорцы убили Скрибония еще до прихода на Боспор Полемона. Они оказали сопротивление и самому Полемону, но, узнав, что Агриппа достиг Синопы, намереваясь идти на них походом, сложили оружие и сдались Полемону. Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа (Dio., LIV, 24).

Считается, что все эти события происходили в 15 [7] или 14 г. до н. э. [8] Брак Динамии с Полемоном, по-видимому, был недолог [9]. Полагают, что около 12 г. до н. э. Полемон женился во второй раз на Пифодориде, внучке Марка Антония триумвира [10], и имел от нее троих детей (Strab., XII, 3, 29). Факт женитьбы Полемона на Пифодориде влечет за собой возможность интерпретации истории Боспора конца I в. до н. э. В частности, послужила ли смерть Динамии причиной второй женитьбы Полемона, или этому браку Полемона предшествовал развод, в результате которого Динамия вновь обрела права на боспорский престол. Идея второго единоличного правления Динамии на Боспоре (8 г. до н. э.— 8 г. н. э.), ознаменованного выпуском монет с монограммой  , поддерживаемая М. И. Ростовцевым [11], прочно вошла в научную литературу по истории Боспора [12]. До сих пор считается неоспоримым, что Динамия, стремясь к самостоятельности Боспора, порвала с Полемоном и возглавила боспорскую оппозицию против этого ставленника Рима, погибшего, как известно (Dio., XI, 2,11), в борьбе с аспургианами. Более того, в литературе встречаются высказывания о монетах Динамии, на которых имеются сарматские знаки, а монограмма на боспорских статерах 289—304 гг. б. э. рас-

---

[4] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.— Древности, т. XXV, 1916, с. 18; *его же.* Медь Динамии и Аспурга.— ИТУАК, № 54, 1918, с. 49; *его же.* Queen Dynamis of Bosporus.— JHS, XXXIX, 1919, с. 100, 101.

[5] Dio., LIV, 24; ср. *A. von Sallet.* Op. cit., S. 18; *Brandis C. G.* Bosporus.— PWRE, v. III. Stuttgart, 1899, стлб. 779.

[6] Dio., LIV, 24; — ВДИ, 1948, № 2, с. 275, 276; *Латышев В. В.* Ук. соч., с. 97.

[7] *Brandis C. G.* Op. cit., стлб. 779. К. Брандис придерживается мнения, что события, о которых сообщает Дион Кассий, произошли не в один год.

[8] *A. von Sallet.* Op. cit., S. 33; *Stein A.* Dynamis.— PWRE, v. V. Stuttgart, 1905, стлб. 1879.

[9] *Rostovtzeff M.* Queen..., p. 99.

[10] *Орешников А. В.* Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М., 1885; *его же.* Пифодорида и ее род в Понтийском царстве.— ИТУАК, № 34, 1902, с. 3, 7.

[11] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст..., с. 18 сл.; *его же.* Queen..., p. 100, 101.

[12] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 222, 316, 317; *его же.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 328; *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 196; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 132; *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 231; *Болтунова А. И.* К надписи IOSPE, II, 400.— ВДИ, 1954, № 1, с. 174; *Голенко К. В.* Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э.— НЭ, 1971, № IX, с. 41.

сматривается как личный царский знак Динамии [13]. Но не следует забывать, что «монетами» Динамии является единственный статер 281 г. б. э. с ее именем и титулом (табл. I, *1*), а достоверными источниками, подтверждающими ее существование,— свидетельство Диона Кассия (Dio., LIV, 24) и надписи с упоминанием ее имени [14]. Но ни тот ни другой вид источников не содержит никаких датирующих данных для подтверждения идеи о втором единоличном правлении Динамии на Боспоре с 8 г. до н. э. по 8 г. н. э. Между тем истоки этой идеи восходят к особому прочтению монограммы, стоящей на боспорских статерах 289—304 гг. б. э.=9/8 г. до н. э.— 7/8 г. н. э. Т. Моммзен в этой монограмме различал три буквы — ΔΥΜ. В двух буквах — ΔΥ — он видел начало имени Динамии, а М рассматривал как начальную букву имени Митридата Евпатора, имя, которое Полемон, по предложению Т. Моммзена, мог принять на Боспоре [15].

Таким образом, Т. Моммзен монограмму видел как ΔΥναμις, Μιθραδατης. Но весь чекан статеров с этой монограммой он относил ко времени правления Полемона, считая 8 г. н. э. годом его смерти, в то время как Динамия, по его мнению, должна была умереть еще раньше [16]. Из этого ясно, что Т. Моммзен, несмотря на чтение монограммы как содержащей частично и имя Динамии, предполагал, что Полемон женился на Пифодориде после смерти Динамии. Принимая чтение этой монограммы как содержащей имя Динамии, П. Роден [17] и Г. Миняз [18] выдвигали свою версию о событиях на Боспоре в конце I в. до н. э. Не приводя никаких доказательств, эти исследователи полагали, что Динамия вместе с сыном своим Аспургом оказала сопротивление Полемону и, взяв власть в свои руки, чеканила золото с монограммой . Следовательно, еще до выхода в свет трудов М. И. Ростовцева были высказаны две противоположные точки зрения. Если Т. Моммзен, а следом за ним А. Заллет [19], Брандис [20], А. В. Орешников [21], Штейн [22] и А. Бертье-Делагард [23] считали, что смерть Динамии произошла до брака Полемона и Пифодориды, то М. И. Ростовцев, принимая чтение Т. Моммзеном монограммы как содержащей имя Динамии, отвергал мысль о смерти Динамии до брака Полемона с Пифодоридой (около 12 г. до н. э.) и полагал, что она добилась самостоятельности и оказала Полемону сопротивление. После гибели его от рук аспургиан (Strab., XI, 2, 11) она получила признание своих прав у Августа и возобновила чекан золота с монограммой .

Итак, М. И. Ростовцев, доказывая, что Динамия правила на Боспоре после смерти Полемона, использовал эпиграфические и нумизматические данные. К первым относятся недатированные надписи, найденные на территории Боспора [24]. В двух из них сообщается, что статую Августа, им-

[13] *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, с. 36, 65.

[14] КБН, 30, 31, 38, 976, 1046. Ср. *Ростовцев М. И.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской Империи. Сборник в честь графини С. П. Уваровой. М., 1916, с. 10, 11.

[15] *Mommsen Th.* Geschichte des Römischen Münzwesen, S. 702, Anm., 127. Сначала Т. Моммзен считал 8 г. н. э. годом его смерти, потом — 8 г. до н. э.

[16] Ibid., S. 702.

[17] *P. von Rohden.* Aspurgos.— PWRE, v. II, 1896, стлб. 1739.

[18] *Minns H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 594, note 1.

[19] *A von Sallet.* Op. cit., S. 62—66.

[20] *Brandis C. G.* Op. cit., стлб. 779.

[21] *Орешников А. В.* Пифодорида..., 1902, с. 17; *его же.* Об эре..., с. 14.

[22] *Stein A.* Op. cit., стлб. 1879.

[23] *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, 1910, т. XXIX, с. 190.

[24] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст..., с. 14; *его же.* Queen..., p. 99, 100.

ператора цезаря, бога, сына бога, всей земли и всего моря, своего спасителя и благодетеля, поставила Динамия, друг римлян [25]. Третья надпись содержит имя Ливии, супруги Августа, и объявляет народу о том, что царица Динамия, друг римлян, Ливию, супругу Августа (ее изображение), свою благодетельницу (поставила) [26]. Четвертая надпись, в которой упоминается имя царицы Динамии, была найдена в Фанагории. В ней «народ агриппийцев» называет Динамию, «друга римлян, дочь великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора, Диониса», своей спасительницей и благодетельницей [27].

Эту надпись М. И. Ростовцев рассматривал как одно из наиболее важных доказательств существования второго периода единоличного правления Динамии (8 г. до н. э.— 8 г. н. э.). Он считал, что она не могла быть поставлена ранее вмешательства Агриппы в дела Боспора [28]. Не уточняя причин, М. И. Ростовцев полагал, что принятие Фанагорией имени Агриппия может служить доказательством того, что вмешательство Агриппы рассматривалось городом как большая честь и благодеяние [29]. Между тем Дион Кассий сообщает, что Агриппа, намереваясь идти на помощь Полемону, с карательными целями достиг лишь Синопы (Dio., LIV, 24, 6). Далее, М. И. Ростовцев, используя предположение А. В. Орешникова о переименовании Фанагории в Агриппию, а Пантикапея в Кесарию, нашедшем отражение в чеканке этими городами серии меди с надписями ΚΑΙCΑΡΕΩΝ и ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ [30], заключает, что причиной этого является какое-то большое событие, происшедшее на Боспоре [31]. Принимая предположение А. В. Орешникова об одновременности серии меди с надписями имен городов Кесарии и Агриппии с серией золотых статеров, имеющих монограмму , чеканившихся на Боспоре с 8 г. до н. э., М. И. Ростовцев приходит к выводу, что переименование городов находится в тесной связи с событием, случившимся в 8 г. до н. э. и вызвавшим появление статеров с этой монограммой [32]. По мнению М. И. Ростовцева, этим событием может быть только второе единоличное правление Динамии на Боспоре после смерти Полемона [33], а утверждение Августом Динамии во второй раз как самостоятельной правительницы Боспора нашло свое отражение как в надписях, поставленных Динамией Августу и Ливии (КБН, 38, 1046, 978), так и в надписи, посвященной народом агриппийцев самой Динамии (КБН, 979) [34]. Надписи эти М. И. Ростовцев датирует 8 г. до н. э. Не вдаваясь в подробности, М. И. Ростовцев считает, что надпись, сделанная от имени агриппийцев, не может принадлежать времени первого единоличного правления Динамии — 17 г. до н. э. По его мнению, в 17 г. до н. э. Фанагория не могла быть переименована в Агриппию. Но, основываясь на том факте, что в надписи не упомянуто имя Полемона, а обращено внимание на законное право Динамии наследовать престол, он заключает, что Динамия в год женитьбы Полемона на Пифодориде не умерла, а продолжала жить и даже вновь сделалась единоличной правительницей Боспора [35]. Свидетельство этому — золото с монограммой , в которой Т. Моммзен видел имя Динамии [36].

[25] IOSPE, II, 354=КБН, 1046; IOSPE, IV, 201=КБН, 38.
[26] IOSPE, IV, 420=КБН, 978.
[27] IOSPE, II, 356=КБН, 979.
[28] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст..., с. 14.
[29] *Rostovtzeff M.* Queen..., p. 100.
[30] *Орешников А. В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М., 1914, с. 37—40, табл. I, *11—17*.
[31] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст..., с. 14, 15.
[32] Там же.
[33] Там же, с. 16—18.
[34] Там же.
[35] Там же, с. 15.
[36] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст... Но если обратиться к Т. Моммзену, то здесь следует внести поправку. Во-первых, Т. Моммзен считал, что в монограмме должны

Рассмотрим эти предположения. Из них видно, что одним из основных аргументов, на которых построено предположение М. И. Ростовцева о втором периоде правления Динамии, является принятие им предположения А. В. Орешникова об одновременной чеканке городской меди с надписями KAICAPEΩN и AΓPIΠΠEΩN (табл. 1, *21—23*) и статеров с «монограммой Динамии». Отсюда получалось следующее построение: если городские монеты с надписями одновременны золоту 289—304 гг. до н. э. с монограммой , то надпись народа агриппийцев (IPE, II, 356=КБН, 979) не могла быть поставлена ранее 8 г. до н. э. Вследствие этого Динамия правила после 8 г. до н. э., получив подтверждение своих прав от Августа лишь после смерти Полемона, за что она и благодарит императора и ее супругу (КБН, 38, 1046, 978). Но следует заметить, что в основе этого заключения лежит всего лишь только предположение А. В. Орешникова о том, что медь с именами городов Агриппии и Кесарии одновременна золоту не только с монограммой , но и с монограммой KNE [37], которая, безусловно, не может и отдаленно напоминать сокращение имени Динамии. При высказывании этого предположения А. В. Орешников полемизировал с А. Л. Бертье-Делагардом, который предлагал считать одновременными золоту с этими монограммами медные монеты с монограммами BAE и BAM [38], а не медь с надписями имен городов Агриппии и Кесарии. При этом А. В. Орешников писал так: **«Если моя гипотеза** (о переименовании Фанагории в Агриппию, а Пантикапея в Кесарию) когда-нибудь подтвердится, то чеканка этих полуримских по типам монет **вполне будет подходить к чеканке золотых** статеров с монограммами и KNE с изображениями Кесаря Августа и Агриппы, в честь которых были переименованы обе столицы Боспорского царства» [39]. Следовательно, он никак не доказывает, что медь с надписями одновременна золоту с монограммами, указанными выше. Он это только предполагает. Это его предположение М. И. Ростовцев взял как факт уже установленный и на этом построил свои выводы: чеканка меди с надписями, а следовательно, и переименование городов в 8 г. до н. э. были вызваны изменениями, происшедшими в положении Динамии, ставшей единоличной правительницей Боспора [40]. Между тем сам А. В. Орешников, выдвигая эту предположительную датировку меди 8 г. до н. э., не связывал ее с чеканом Динамии, так как считал, что Динамия умерла в конце 14 в. до н. э., после чего Полемон I и смог жениться на Пифодориде [41].

Однако вопросу датировки меди с надписями Агриппия и Кесария следует уделить особое внимание. Как было показано выше, А. В. Орешников предполагал датировать их 8 г. до н. э. Его поддержал М. И. Ростовцев. Используя при датировке этой меди метод стилистического анализа и видя в воспроизведенной на монете женской голове в калафе изображение не Афродиты Урании [42] и не Ливии, как предполагал Фридлен-

---

быть скрыты имена и Динамии и Евпатора. Последнее имя, по предположению Т. Моммзена, могло быть вторым именем Полемона, принятым им во время его пребывания на Боспоре. Во-вторых, Т. Моммзен придерживался мнения, что Динамия должна была умереть ранее женитьбы Полемона на Пифодориде. Ср. *Mommsen Th.* Geschichte..., S. 702, Anm., 127.

[37] *Орешников А. В.* Экскурсы..., с. 40.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст..., с. 14, 15; *его же.* Queen..., p. 100.

[41] *Орешников А. В.* Пифодорида..., с. 4—7; *его же.* Об эре на монетах Пифодориды..., с. 7.

[42] *Орешников А. В.* Экскурсы..., с. 42.

дер[43], а самой Динамии, он относил их чекан ко времени между 8 г. до н. э. и 8 г. н. э.[44] Но по этому вопросу существуют и другие мнения. Так, следует учесть замечания Д. Б. Шелова о том, что отнесение М. И. Ростовцевым чеканки городской меди с надписями ко времени после появления Полемона на Боспоре нельзя признать удачным, потому что для Полемона переименование боспорских городов в честь своих благодетелей Августа и Агриппы было естественным, а от Динамии, возглавившей борьбу против этого римского ставленника, после смерти Полемона ожидать подобного поступка трудно[45]. Кроме того, непонятно переименование Фанагории в Агриппию спустя несколько лет после смерти Агриппы[46].

Пребыванием Агриппы в Причерноморье и его организационно-административной деятельностью в этих краях объяснял А. Н. Зограф факт переименования городов и датировку этой меди 14—8 гг. до н. э.[47] Между тем к решению вопроса датировки городской меди с надписями АГРІППЕΩN (табл. I, *21—22*) можно подойти и с другой стороны, т. е. попытаться определить ее место в хронологической последовательности выпусков боспорской меди. Канву для решения этого сложного вопроса могут дать датированные годами боспорской эры статеры с монограммами. Известно, что на Боспоре следом за золотыми монетами с монограммами , KNE, ПАР чеканятся статеры с монограммой ВАР. Так как надписи 15[48], 16[49] и 23 гг. н. э.[50] содержат имя царя Боспора Аспурга, то следует признать, что статеры, датированные этими же годами, выпущены Аспургом, а в монограмме ВАР скрыто его имя. Кроме статеров эту монограмму ВАР несут на себе и три типа медных монет.

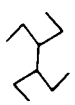
1 тип

Л. с.: TIBEPIOY KAICAPOC . Голова Тиберия в венке вправо. О. с.: Голова Аспурга, слева монограмма, справа IB, т. е. (12), табл. I, 13.

2 тип

Л. с.: ГАІОУ KAICAPOC GERMANIKOV. Голова Гая Калигулы вправо. О. с.: Голова Аспурга, слева монограмма, справа IB, т. е. (12), табл. I, *14*.

3 тип

Л. с.: Голова бородатого Арея в шлеме вправо, слева тамгообразный знак  . Ободок из точек.

О. с.: Трофей из оружия. Слева монограмма, справа знак , т. е. (6) Ободок из точек (табл. I, *10—12*).

Несомненный интерес представляет третий тип меди. Еще А. Л. Бертье-Делагард обратил внимание на то обстоятельство, что эта медь не имеет ни изображения царя, ни изображения императора, что позволяет считать ее наиболее ранней из всех трех типов меди Аспурга, т. е. около начала 14 г. н. э.[51] Этому раннему типу меди стилистически близки медные монеты с монограммой ВАМ того самого номинала в шесть единиц.

---

[43] *Friedlaender J.* Münzen von Phanagoria unter den Namen Agrippias und Caesarea mit dem Kopfe der Livia.— NZ, 1870, № 2, S. 280.

[44] *Ростовцев М. И.* Медь Динамии и Аспурга.— ИТУАК, 1918, № 54, с. 49—51.

[45] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 235, прим. 15.

[46] Там же.

[47] *Зограф А. Н.* Античные монеты..., с. 193.

[48] *Блаватская Т. В.* Рескрипты царя Аспурга.— СА, 1965, № 2, с. 197 сл.; *ее же.* Аспург и Боспор в 15 г. н. э.— СА, 1965, № 3, с. 26 сл.

[49] КБН, 985.

[50] КБН, 39.

[51] *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах..., с. 158.

Номинал 6 единиц

Л. с.: Голова бородатого Арея в шлеме вправо, по сторонам ВАМ. О. с.: Трофей из оружия, справа , т. е. (6). Точечный ободок (табл. I, *7—9*). С этой же монограммой были выпущены еще два типа меди со знаком стоимости I (10) и Δ (4) единицы.

Номинал I, т. е. (10)

Л. с.: Бюст Гермеса в лучевом венце вправо. Точечный ободок. О. с.: Шестилучевая звезда, под ней полумесяц, внизу ВАМ, справа I (10). Точечный ободок (табл. I, *5*).

Номинал Δ, т. е. (4)

Л. с.: Голова Асклепия (или Геракла?) вправо. Точечный ободок. О. с.: Дерево с обвившей его змеей. Справа ВАМ, слева Δ.

Точечный ободок (табл. I, *6*).

Монеты эти известны давно [52]. Чеканку их, как и монет с монограммой ВАЕ, ранее приписывали многим царям: Митридату Евпатору, его сыну Махару, Митридату Пергамскому и Митридату Боспорскому. А. Л. Бертье-Делагард решительно отверг все эти предположения: Митридат Евпатор не чеканил медной монеты нигде и никогда [53]; чекан какой-либо монеты Махаром или Митридатом Пергамским на Боспоре невозможен. Митридат Боспорский, брат Котиса I, чеканил не только медь, но и золото с надписью своего царского титула и имени, поэтому в его монетном деле нет места монетам с монограммами [54]. А. Л. Бертье-Делагард, исследуя эти монеты, пришел к выводу, что монеты с монограммами ВАЕ и ВАМ могли появиться лишь в самом конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э.[55] С ним согласен А. Н. Зограф [56], но только в отношении монет с ВАЕ. Разделив эти монеты на три группы, он дает им разную датировку. Монеты первой группы, имеющие монограмму ВАЕ в качестве типа оборотной стороны (табл. I, *4*), А. Н. Зограф приписывал единоличному правлению Динамии до воцарения Полемона и считал их непосредственно предшествовавшими монетам Кесарии и Агриппии. Монеты второй и третьей группы А. Н. Зограф относил ко времени выпуска статеров с монограммами (289—310 гг. б. э.) и считал, что они выпускались во второе единоличное правление Динамии. Таким образом, получается, что в первое свое единоличное правление (17—14 гг. до н. э.) она чеканила золотые статеры с полной надписью своего имени и титула и медные монеты с монограммой ВАЕ, а во второе свое единоличное правление (8 г. до н. э.— 10 г. н. э.) она чеканила золотые статеры со своей монограммой и медные монеты с монограммой ВАЕ. Выходит, что одна Динамия ставила на свои монеты три разных обозначения. Возможно ли, чтобы Динамия, выпуская золото со своим именем и титулом, на меди скрывала свое имя в монограмме или, более того, скрывала в этой монограмме имя своего знаменитого предка Митридата VI Евпатора [57], а затем, начав

---

[52] *Reinach Th.* Essai sur la numismatique des rois de Pont.— RN, Paris, 1888, p. 453; *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах..., с. 119, прим. 4; *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 194.

[53] *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах..., с. 120—123.

[54] Монеты с ВАМ относили к Митридату III. *Minns E. H.* Op. cit., p. 603; *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 197.

[55] *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах..., с. 158.

[56] *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 194—196.

[57] *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 193, 194.

чекан золота с монограммой в 8 г. до н. э. на меди, оставила монограмму BAE. По-видимому, здесь следует внести кое-какие поправки, в частности считать выпуск меди первой группы с монограммой BAE в качестве типа оборотной стороны (табл. I, *4*) относящимся ко времени после заключения брака Динамии с Полемоном, потому что до выхода замуж за Полемона Динамия считалась полноправной царицей Боспора и у нее не было причин скрывать в монограмме ни свое имя, ни имя своего деда Митридата VI Евпатора.

Возможно, что чекан этих монет с BAE принадлежит неизвестному до сих пор лицу, появившемуся на Боспоре после смерти Динамии и оспаривавшему у Полемона право на боспорский престол. Поэтому вполне вероятно, что на Боспоре после 12 г. до н. э. могли быть выпущены монеты с монограммой BAE. Доказывается это хронологической последовательностью появления меди с монограммами BAE, BAM, BAP. При этом необходимо обратить внимание на сходство их типов и единство номиналов. Прослеживается это в следующем порядке. Монеты с монограммой BAM, имеющие знак стоимости , т. е. (6) (табл. I, *7—9*), близки типу меди с монограммой BAP и знаком (6) (табл. I, *10—12*). Поэтому монеты с BAM предшествуют медным эмиссиям Аспурга 14 г. н. э.[58] С другой стороны, монеты с BAM одним из своих типов (табл. I, *5*) близки к монетам с монограммой BAE (табл. I, *3*) и являются, таким образом, промежуточным звеном между выпусками меди с монограммой BAE и медных монет Аспурга. Кроме того, монеты с этими тремя монограммами связаны между собой и единой системой номиналов. Из этого А. Л. Бертье-Делагард совершенно правильно заключал, что монеты этих царей, чекан которых мог начаться приблизительно только после Полемона, т. е. в конце I в. до н. э., перестали выпускать перед самым началом чекана первой несомненной царской меди[59], т. е. перед чеканкой меди с монограммой Аспурга. Данная датировка подтверждается и типологической близостью боспорской меди с монограммами BAE и BAM с изображением Гелиоса — шестилучевой звезды и полумесяца (табл. I, *3*, *5*) и римских денариев, чеканенных в Риме римским монетарием Публием Петронием Турпилианом[60]. На лицевой стороне денария было помещено изображение головы Августа, вокруг надпись CAESAR AVGVSTVS, на оборотной — полумесяц, над ним шестилучевая звезда, вокруг: TVR PILIANVS·III·VIR (табл. I, *2*). Г. Грубер датирует выпуск этого денария 14 г. до н. э.[61], а Г. Маттингли — после 18 г. до н. э.[62]. Вполне вероятно несколько более позднее появление этого монетного типа на Боспоре, что в общем подтверждает датировку монет с монограммой BAE, предложенную ранее А. Л. Бертье-Делагардом и данную А. Н. Зографом для монет с BAE второй и третьей группы[63]. Но, как показано было выше, к этому же времени должны быть отнесены и монеты первой группы с этой же монограммой в качестве типа оборотной стороны (табл. I, *4*).

Что же касается медных монет с надписями Кесария и Агриппия, то для выяснения причины и времени их появления в монетном деле Боспора следует обратиться к истории монетного дела Рима в эпоху Августа.

---

[58] *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах..., с. 158.

[59] Там же.

[60] Там же, с. 142.

[61] *Grueber H. A.* Coins of Roman Republic.— BMC, 1910, v. II, p. 64, 65, № 4532, pl. LXVI, *12*.

[62] *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire.— BMC, 1965, v. I, p. XCVI; p. 6, № 32, pl, I, *17*.

[63] *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах..., с. 158; *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 196.

Успешные военные действия ближайшего помощника Августа, выдающегося полководца Агриппы, почет и уважение, оказанные ему Августом, нашли отражение в монетном деле Рима. В 13 г. до н. э. в Риме одним из трех монетариев этого года были выпущены ауреусы и денарии, типы лицевых и оборотных сторон которых отражают события продолжительной дружбы Августа и Агриппы (табл. I, *15—17*).

I тип — ауреусы [64]

Л. с.: CAESAR AVGVSTVS. Голова Августа в венке из дубовых листьев. О. с.: М · АГРІППА · ПLATORINVS · III · VIR. Голова Агриппы в комбинированной башенной и ростральной короне (табл. I, *16*).

Считается, что ауреусы этого типа увековечивают память о победах Агриппы на суше и на море, за одну из которых (при Навлохе в 36 г. до н. э.) Август пожаловал Агриппе ростральную корону из золота — почесть, про которую Дион Кассий говорит, что после него никто никогда не был так одарен (Dio., XLIV, 14) [65].

II тип — денарии [66]

Л. с.: CAESAR AVGVSTVS. Голова Августа без венка. О. с.: Август и Агриппа, одетые в тоги, сидят рядом на бизеллиуме, расположенном на платформе, которая орнаментирована тремя рострами, слева жезл. Вокруг надпись: SVLPICIVS·PLATORIN (табл. I, *17*).

Монеты этого типа рассматривают как упоминание о совместном разделении трибунской власти между Августом и Агриппой. В первый раз Агриппа был облечен трибунской властью в 18 г. до н. э. (Dio., LIV, 12). В следующем году Август вместе с ним возглавил Столетние игры. (Dio., LIV, 19). В 13 г. до н. э. Август во второй раз разделил трибунскую власть с Агриппой (Dio., LIV, 28) [67]. В 12 г. до н. э. изображение головы Агриппы вновь появляется как тип оборотной стороны на монетах с именем COSSVS LENTVLVS [68].

Денарии.

Л. с.: AVGVSTVS COS XI. Голова Августа в венке из дубовых листьев. О. с.: М·АГРІППА·COS·TER·COSSVS·LENTVLVS. Голова Агриппы в башенной и ростральной короне (табл. I, *18*).

Другой тип денариев этого монетария представляет конную статую Агриппы на пьедестале, орнаментированном двумя прорами (табл. I, *19*). Этот тип денариев имеет, безусловно, памятный характер, и чеканка их была после смерти Агриппы в марте 12 г. до н. э.[69] Единственный тип денариев монетария с надписью L. LENTVLVS, чеканившего монеты в 12 г. до н. э., имеет на оборотной стороне изображение Августа, коронующего статую Агриппы [70] (табл. I, *20*). Кроме того, в 13—12 гг. до н. э. Август даровал Агриппе право помещать свой портрет на реверсе монет [71]. Таким образом, период с 18 по 12 гг. до н. э. (12 г. до н. э.— год смерти Агриппы) — время, когда Агриппа достиг наивысшей власти и пользовался всеобщим уважением в Римской империи. Поэтому весьма вероятно, что переименование боспорских городов произошло в начале периода растущего авторитета и власти Агриппы между 17—12 гг. до н. э., до назначения им Полемона царем Боспора в 14 г. до н. э. Что же касается монет с именем Агриппии и Кесарии, то они могли быть отчеканены в 13—12 гг. до н. э. Косвенно это подтверждается общностью от-

---

[64] *Cohen H.* Description historique des Monnaies, Medailles Imperiales, I. Paris, 1880, p. 141, № 529 (Коен датирует их 18 г. до н. э.); *Mattingly H.* Op. cit.— BMC, 1965, v. 1, p. CVII; p. 23, № 110—117, pl. 4, *6—9* (Маттингли датирует их 13 г. до н. э.).

[65] *Grueber H. A.* Coins of Roman Republic.— BMC, 1910, v. II, p. 96, note 1.

[66] Ibid., LXXI, *9—10*.

[67] *Fitzler K., Seeck O.* Julius (Augustus).— PWRE, 1917, v. X, S. 353—358. Ср. *Mattingly H.* Op. cit.— BMC, 1965, № I, p. CVII, note 3—5.

[68] *Mattingly H.* Op. cit., p. 25, № 121, pl. 4, *12*.

[69] Ibid., p. CVII, pl. 4, *13*.

[70] Ibid., p. CVII, note 6, 7, pl. 4, *14*.

[71] Ibid., p. LXV.

дельных изобразительных элементов в типологии римских монет с именем Агриппы и боспорских медных монет с надписями имен городов. Так, изображение ростры (носа корабля) в качестве детали, обязательно присущей каждому типу монет, несущих на себе изображение Агриппы или связанных с его памятью, появилось в Риме в 18 г. до н. э., как полагали ранее, или, как позже доказал Г. Маттингли, в 13 г. до н. э.[72] Вполне вероятно, что чеканка боспорских монет с именем Агриппы и изображением носа корабля могла быть произведена только после появления римских монет. В таком случае если датировка монет с именем Агриппы 13—12 гг. до н. э., предложенная Г. Маттингли, верна, то следует заключить, что чеканка боспорской меди с надписями могла быть произведена в 13—12 гг. до н. э. Но они не могли быть отчеканены позже 12 г. до н. э., так как даже в самом Риме позже 12 г. до н. э. монеты с именем Агриппы неизвестны. По крайней мере начало чеканки монет в Пантикапее и Фанагории в 8 г. до н. э., спустя несколько лет после смерти Агриппы, не находит объяснения. Таким образом, второе правление Динамии, о котором писал М. И. Ростовцев[73], базировалось на предположительной расшифровке монограммы как содержащей имя Динамии и предположительной датировке медных монет Агриппии и Кесарии 8 г. до н. э., которые, как показано выше, могли быть выпущены только в 13—12 гг. до н. э. Надписи (КБН, 38, 1046, 978, 979), которые, по предположению М. И. Ростовцева, могут свидетельствовать о повторном воцарении Динамии, не содержат никаких датирующих данных для подтверждения ее второго правления, кроме имени Динамии. Эти памятники могли быть поставлены еще до того, как на Боспоре появился Полемон, потому что в них нет упоминания о Полемоне, а о Динамии говорится как о самостоятельной правительнице. Между тем в основе датировки этих надписей должен лежать не перечень предполагаемых событий, которые могли бы произойти на Боспоре после второго брака Полемона, а неоспоримый факт правления Динамии на Боспоре после смерти Асандра, еще при жизни передавшего ей управление государством (Dio., LIV, 24)[74], что и подтверждается золотым статером с ее именем и титулом 17 г. до н. э.

На том же самом основании надпись (КБН, 979), в которой сообщается о благодарности Динамии от имени народа агриппийцев и которую М. И. Ростовцев датирует 8 г. до н. э.— 8 г. н. э., считая, что она не принадлежит к 17 г. до н. э. и не могла быть поставлена между 14—12 гг. до н. э., так как в ней нет имени Полемона, можно отнести ко времени персонального правления Динамии на Боспоре в 17 г. до н. э. Как уже говорилось выше, переименование городов могло быть сделано Динамией в год получения ею от Августа признания ее прав на боспорский престол и права чеканить золото. К тому же при Августе, как сообщает Светоний, «цари, его друзья и союзники, основывали каждый в своем царстве города под названием Цезаря...» (Suet., Aug., 60). Вполне вероятно, что Кесария и Агриппия были переименованы еще до 14 г. до н. э., до появления на Боспоре Скрибония, а следом за ним Полемона. Переименование городов могло быть и не связано с чеканкой ими меди с надписями Кесарии и Агриппии, о чем свидетельствует факт употребления нового названия Фанагории в течение последующих столетий. Так, упоминание о «совете и народе агриппийцев» находят в надписях времени правления Савромата — 93—123 гг. н. э. (КБН, 983) и Котиса II — 123—132 гг. н. э. (КБН, 982). Эти надписи свидетельствуют о длительном сохранении за Фанагорией нового названия — Агрип-

[72] *Mattingly H.* Op. cit., p. CVII.
[73] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст..., с. 18; *его же.* Queen..., p. 100—105.
[74] *Латышев В. В.* Ук. соч., с. 97.

пии, в то время как чеканка этих медных монет могла прекратиться еще в конце I в. до н. э. Но, следуя за М. И. Ростовцевым, и другие исследователи, опираясь на надписи, содержащие имя Динамии, поддерживали идею воцарения Динамии на Боспоре после 8 г. до н. э., расходясь лишь в трактовке причин их появления[75]. Иногда основанием для отнесения надписей КБН, 978, 979, 1046 ко второму периоду правления Динамии служило лишь только присутствие в них титула φιλορώμαιος, который Динамия будто бы получила после смерти Полемона, вступив в союз с Римом[76]. Между тем употребление этого титула вполне объяснимо. Известно, что Динамия не могла бы выпустить своего статера, не получив от Августа подтверждения своих прав, а следовательно, и титула φιλορώμαιος — «друга римского народа» если не при жизни Асандра (Dio., LIV, 24), то после его смерти в 17 г. до н. э. В связи с этим положение о вторичном воцарении Динамии на Боспоре после смерти Полемона в 8 г. до н. э. не может быть признано достаточно аргументированным.

Все вышеизложенное приводит к следующим выводам. Второе единоличное правление Динамии, датируемое М. И. Ростовцевым с 8 г. до н. э. по 8 г. н. э., нельзя считать установленным фактом в истории Боспора конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. Доказательства, приведенные М. И. Ростовцевым, базируются в основном на предположениях. Во-первых, на предположительной расшифровке монограммы в имя Динамии, что влечет за собой второе предположение о переименовании городов Фанагории и Пантикапея в Агриппию и Кесарию только после 8 г. до н. э. Оно основано на неподтвержденном убеждении о даровании Августом Динамии права чеканки золота в 8 г. до н. э. Эта честь, оказанная Августом Динамии, послужила будто бы причиной переименования боспорских городов. Все эти положения М. И. Ростовцева в свою очередь опираются на высказывание А. В. Орешникова о предположительной датировке медных монет с именами Агриппии и Кесарии 8 г. до н. э. Исходя из этого, боспорские надписи (КБН, 38, 978, 979, 1046) М. И. Ростовцев считал поставленными после 8 г. до н. э.

Но переименование городов и надписи, сделанные Динамией в честь Августа и Ливии, могут быть датированы временем от 17—12 гг. до н. э. Эта датировка базируется на следующих положениях. Переименование Пантикапея и Фанагории в Кесарию и Агриппию становится вполне объяснимым, если оно было произведено в момент наивысшего почета и уважения Агриппы во всей Римской империи, который приходится на период между 13 и 12 гг. до н. э., т. е. на время облечения его трибунской властью в первый раз в 18 г. до н. э., во второй раз в 13 г. до н. э. и оканчивается 12 г. до н. э., т. е. годом его смерти. Медные монеты Агриппии и Кесарии могли быть выпущены после 13—12 гг. до н. э.— времени появления в самом Риме золотых и серебряных монет с изображением на оборотной стороне головы Агриппы, так как только Агриппе в 13—12 гг. до н. э. Августом было даровано право помещать свое изображение на оборотных сторонах монет. Кроме того, в 13—12 гг. до н. э. на римских ауреусах и денариях, типология которых связана с событиями содружества Августа и Агриппы и памятью о победах, одержанных Агриппой на море и на суше, появляется изображение ростры. В частности, изображение носа корабля на агриппийских монетах могло появиться только после выпуска денариев 13—12 гг. до н. э. с именем Агриппы. После 12 г. до н. э. в Риме подобные монеты неизвестны.

---

[75] *Дьяков В. Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия.— ВДИ, 1940, № 3, 4, с. 75; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 231, 232.

[76] *Болтунова А. И.* К надписи IOSPE, II, 400, с. 174.

Далее, изучение типологии боспорской меди конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. показывает, что медь с надписями Агриппии и Кесарии не может быть выпущена после 8 г. до н. э., так как ей нет места среди выпусков с монограммами ВАЕ, ВАМ, ВАР, следующих один за другим. Их хронологическая последовательность подтверждается типологической близостью. Конечная дата выпусков меди с ВАЕ и ВАМ есть начало чеканки меди с ВАР в 14 г. н. э. Аспургом, получившим от Тиберия признание своих прав на престол. Медные монеты Аспурга с монограммой ВАР по своим типам близки меди со знаком в шесть единиц и монограммой ВАМ, которые в свою очередь общностью типов и единой системой номиналов связаны с предшествующей им медью с монограммой ВАЕ. Перед чеканкой монет с монограммой ВАЕ могла быть чеканена медь с надписями ΚΑΙCΑΡΕΩΝ, ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ . Это находит подтверждение и в составе клада из Керчи 1961 г., содержащего медь с ВАЕ и монеты с надписями Агриппии и Кесарии [77], а также и в погребальных комплексах [78]. Если же считать, как полагал К. В. Голенко, что чеканка монет с монограммой ВАЕ падает на первое правление Динамии и на годы царствования на Боспоре Полемона I, т. е. на 19—8 гг. до н. э.[79], то одновременная чеканка Динамией статера 17 г. до н. э. с ее полным именем и титулом заставляет усомниться в датировке меди с ВАЕ временем первого единоличного правления Динамии, т. е. 17 г. до н. э., тем более что до нее царем был Асандр. Если же оставить в силе предположение М. И. Ростовцева о том, что медь с монограммой ВАЕ выпускалась во второй период, когда Динамия, по его мнению, чеканила золото с монограммой [80], то не находит объяснения использование ею в одно и то же время двух разных монограмм, между тем как в практике монетного дела Боспора начала I в. н. э. монограммы боспорских царей Аспурга — ВАР, Котиса I — ВАК, Рискупорида I — ВАРН одинаковы как на золоте, так и на меди. Поэтому приходится признать, что единоличным правлением Динамии на Боспоре является период после смерти Асандра 17 г. до н. э. до появления на Боспоре Полемона I в 14 г. до н. э. Подтверждением этому служит уникальный статер Динамии с ее именем 281 г. б. э.=17 г. до н. э. и свидетельство Диона Кассия о выходе ее замуж за Полемона I. Период с 13 по 12 гг. до н. э. является временем ее совместного с Полемоном управления Боспором.

N. A. Frolova

SUR LES DATES DU REGNE DE DYNAMIE

Résumé

Le point de vue de M. I. Rostovtzev concernant la deuxième période du règne personnel de Dynamie au Bospore (de l'an 8 av. n. è. à l'an 8 de n. è.) est admis d'une façon générale.

Cependant les preuves utilisées par Rostovtzev ne sont basées que sur des suppositions. C'est ainsi qu'il estimait que les statères portant le monogramme (datant des années 289-304 de l'ère bosporienne, c. à. d. de l'an 9-8 av. n. è. et 7-8 de n. è.) avaient été mis en circulation par Dynamie. D'où ce savant en concluait qu'en l'an 8 av. n. è. Auguste avait accordé à cette souveraine le droit de monnayer l'or, à la suite de quoi, selon Rostovtzev, Dynamie changea le nom de Panticapée en Césarie, et celui de Phana-

[77] *Голенко К. В.* Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э.— НЭ, 1971, IX, с. 45.

[78] Там же, прим. 38.

[79] Там же, с. 46, прим. 45.

[80] *Ростовцев М. И.* Медь Динамии и Аспурга..., с. 49—51.

gorie en Agrippie. A la base de toute cette conception se trouve le fait de dater de l'an 8 av. n. è. les pièces de cuivre où se lit le nom de Césarie et l'Agrippie, date avancée par A. V. Orechnikov comme hypothèse de travail, et admise par M. I. Rostovtzev comme un fait établi. Or, A. V. Orechnikov lui-même n'établissait pas de lien entre l'émission des monnaies de cuivre de ce type et la frappe des statères par Dynamie, puisqu'il pensait que la reine était morte à la fin de l'an 14 av. n. è., à la suite de quoi Polémone Ier avait pu épouser Pythodoride. Les années 13-12 av. n. è. sont les dates les plus probables de la mise en circulation des monnaies «Césarie» et «Agrippie», car c'est justement alors qu'à Agrippa furent rendus les plus grands honneurs. Après la mort l'Agrippa, en 12 av. n. è., on ne frappe plus de monnaies à son nom.

Les résultats de l'étude de la typologie de la monnaie bosporienne en cuivre de la fin du Ier s. av. n. è. permettent d'établir la succession chronologique des émissions de pièces de cuivre portant les noms de Césarie et d'Agrippii, des monnaies aux monogrammes BAP, BAM, BAP, qui sont liées entre elles par l'unité de types et de valeur nominale. L'analyse du trésor de Kertch trouvé en 1961 nous fournit des données supplémentaires. Tout cela suscite des doutes sur la possibilité de dater de l'an 8 av. n. è. le changement du nom de ces deux villes ainsi que la monnaie de cuivre qu'elles ont émise. On peut rapporter aux années 17-14 av. n. è. les légendes КБН, 38, 979, 1046, datées par la mention du nom de Dynamie. En 17 av. n. è. Dynamie fit frapper un statère, et son nom est mentionné par Dion Cassius (Dio, LIV, 24), alors que nous n'avons pas de données incontestables sur une hypothétique deuxième période de son règne au Bospore, de 8 av. n. è. à 8 de n. è.

Л. С. ХОМУТОВА

МЕТАЛЛООБРАБОТКА НА ПОСЕЛЕНИЯХ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура дьяковских племен, населявших Волго-Окское междуречье, имеет столетнюю историю исследования. Первая обобщающая работа по этой культуре была опубликована А. А. Спицыным [1]. Позднее дьяковским памятникам были посвящены работы П. Н. Третьякова [2], Е. И. Горюновой [3] и других исследователей.

В последние годы сотрудниками Московской экспедиции АН СССР были открыты и исследованы новые поселения [4]. Среди них наиболее интересные материалы получены на полностью раскопанных городищах Троицком под Можайском, Щербинском и Кузнечиках близ Подольска, давших огромное количество находок из кости, бронзы, железа, сотни тысяч фрагментов керамики, характеризующих производственную деятельность населения. Эти материалы позволили поставить и осветить вопросы общей периодизации и классификации материалов, датировки и этнической принадлежности дьяковской культуры.

Однако совершенно не исследованными остались проблемы истории становления и развития железной индустрии. Между тем, охватывая широкие хронологические рамки, культура дьяковских племен дает возможность проследить динамику развития этой важнейшей области производственной деятельности на протяжении более тысячи лет, установить приемы металлообработки на разных этапах, оценить качество металла и самих изделий.

Исследователи дьяковской культуры выделяют несколько последовательных этапов в ее развитии. Существуют две схемы периодизации. Согласно одной из них (К. А. Смирнов, А. Ф. Дубынин) культура делится на три этапа и охватывает период, начиная с VII в. до н. э. по V—VI вв. н. э.[5], а возможно, и до VII в. н. э.[6]. Несколько иной точки зрения придерживается И. Г. Розенфельдт, которая расширяет хронологические рамки дьяковской культуры с VIII в. до н. э. по VIII в. н. э., убедительно выделяя, на наш взгляд, поздний — IV этап (V—VIII (X?) вв. н. э.). По ее периодизации, основанной на тщательной классификации керамики, выделяются следующие четыре этапа: I этап — VIII—IV вв. до н. э.;

---

[1] *Спицын А. А.* Городища дьякова типа.— ЗОРСА, 1903, т. V, вып. 1, с. 111—142.

[2] *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1941, № 5.

[3] *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94.

[4] *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища.— В сб.: Древнее поселение в Подмосковье.— МИА, 1971, № 184, с. 6—29; *ее же.* Керамика дьяковской культуры.— В сб.: Дьяковская культура (далее ДК), М., 1974, с. 90—197. *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.— Там же, с. 199—281.

[5] *Смирнов К. А.* Дьяковская культура.— ДК, с. 78, 79.

[6] *Дубынин А. Ф.* Ук. соч., с. 249, 250.

II этап — IV в. до н. э.— III в. н. э.; III этап — III в. н. э.— V в. н. э.; IV этап — V в. н. э.— VIII (X?) вв. н. э.[7]

В настоящей работе мы используем хронологическую схему, предложенную И. Г. Розенфельдт. Для технологического изучения кузнечной продукции собран материал с четырех полностью раскопанных городищ дьяковской культуры. Наиболее древним из них является Щербинское городище, возникшее в VIII—VII вв. до н. э., несколько позже — во второй четверти I тысячелетия до н. э. основано городище Кузнечики[8]. Оба памятника представляют восточные пункты дьяковской культуры. В исследование также включены предметы из Троицкого городища, возникшего в западной части дьяковского мира в последних веках до нашей эры[9]. Проведено аналитическое исследование железных вещей с позднедьяковского городища Березняки, расположенного на севере дьяковской культуры. Всего исследовано 197 предметов (см. таблицу)[10].

Категория	Щербинское	Кузнечики	Троицкое	Березняки	Всего
Ножи	49	12	25	24	110
Шилья	4	9	5	—	18
Топоры	2	—	—	—	2
Серпы	7	7	12	—	26
Наконечники стрел	11	2	12	—	25
Наконечники копий	2	—	2	—	4
Остроги	2	—	—	—	2
Кресала	1	3	—	—	4
Пробойник	1	—	—	—	1
Удила	—	1	—	—	1
Кельты	1	—	2	1	4
Всего:	80	34	58	25	197

Первые железные предметы на городищах дьяковской культуры появляются в IV—III вв. до н. э., т. е. на рубеже I—II этапов, по И. Г. Розенфельдт. До этого основным поделочным материалом служили рог и кость. Ассортимент кузнечной продукции первоначально не отличался большим разнообразием. Наиболее часто встречаются на городищах ножи серповидной формы, прикрепляемые к рукояти при помощи черенка[11], наконечники стрел разнообразных типов[12]. Топоры в этот период встречаются крайне редко и представлены кельтами. Кроме того, из железа изготавливались застежки и булавки в виде петли[13].

Для микроструктурного исследования отобрано 20 изделий, относящихся ко II этапу. Среди них 12 ножей серповидной формы, семь наконечников стрел и кельт.

Из 12 ножей четыре откованы целиком из железа и мягкой сырцовой стали без каких-либо признаков улучшения рабочей части (рис. 1,

[7] *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 189, 190.
[8] *Розенфельдт И. Г.* Ук. соч., с. 91.
[9] Там же, с. 95.
[10] Анализ материала городищ Щербинского, Кузнечики, Березняки проведен автором. Анализы хранятся в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР. Результаты металлографических анализов железных предметов с Троицкого городища опубликованы в работах Г. А. Вознесенской. См. *Вознесенская Г. А.* Металл Троицкого городища.— В сб.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 129—138; *ее же.* Металлографическое исследование кузнечных изделий Троицкого городища.— МИА, 1970, № 156, с. 192—199.
[11] *Смирнов К. А.* Дьяковская культура, с. 37.
[12] Там же, с. 34.
[13] *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище, с. 230, 238.

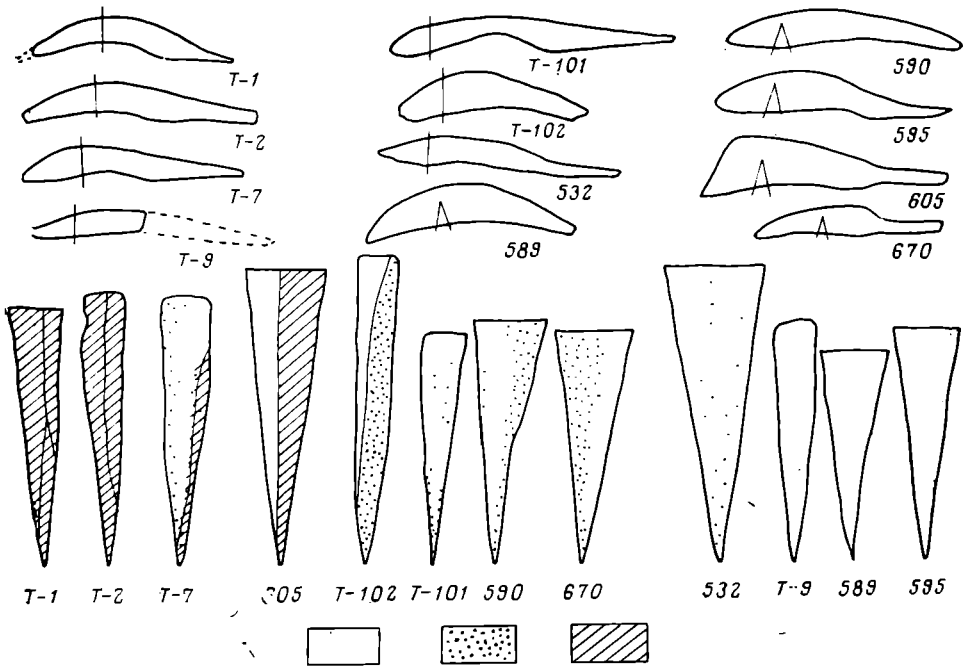


Рис. 1. Технологические схемы ножей серповидной формы. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *Т-1, Т-2, Т-7, Т-9, Т-101, Т-102* — изделия с Троицкого городища, *532* — с городища Кузнечики; *589, 590, 595, 605, 670* — с городища Щербинка. Условные обозначения: *1* — железо, *2* — сталь; *3* — термически обработанная сталь

Т-9, 532, 589, 595) [14]. Структура — феррит, феррит с перлитом с содержанием углерода 0,05—0,15%. Твердость 135—160 *кг/мм*². Три ножа были подвергнуты поверхностной цементации (науглероживанию) для повышения твердости рабочей части. Об этом свидетельствует повышенное содержание углерода (0,3—0,4%) на лезвиях ножей (рис. 1, *Т-101 590, 670*). Остальные ножи сварены из двух полос металла: железной и стальной и выходом на лезвие стали (рис. 1, *Т-1, Т-2, Т-7, Т-102, 605*). Сварка проведена умело; сварочные швы тонкие, чистые. Четыре из них термически обработаны — закалены на мартенсит. Твердость закаленной стали 640—725 *кг/мм*².

Семь наконечников стрел были разными по типу и оказались различными по технологии изготовления. Это листовидные втульчатые стрелы (рис. 2, *Т-117, 537*), листовидные черешковые (рис. 2, *Т-114, Т-115, Т-116*) и двушипные стрелы с линзовидным сечением (рис. 2, *641, 644*). Из двух листовидных втульчатых стрел одна (*Т-117*) откована из хорошей стали с равномерным содержанием углерода (0,2%). Сталь тщательно прокована. Содержание шлака незначительно. Другая стрела (*537*) откована целиком из железа с большим количеством шлаковых включений. Из трех листовидных черешковых стрел одна, откованная из железа, была подвергнута поверхностной цементации (*Т-116*), другая (*Т-115*) изготовлена целиком из малоуглеродистой стали с содержанием С 0,1—0,2%. И последняя из листовидных черешковых стрел (*Т-114*) сварена из двух полос металла — железной и стальной. Сварка проведена чисто. Металл отличного качества: мелкозернистый, почти отсутствуют шлаковые

[14] Здесь и далее мы используем результаты металлографических анализов металла Троицкого городища, опубликованные в работе Г. А. Вознесенской. *Вознесенская Г. А.* Металлографическое исследование кузнечных изделий Троицкого городища, с. 192—199.

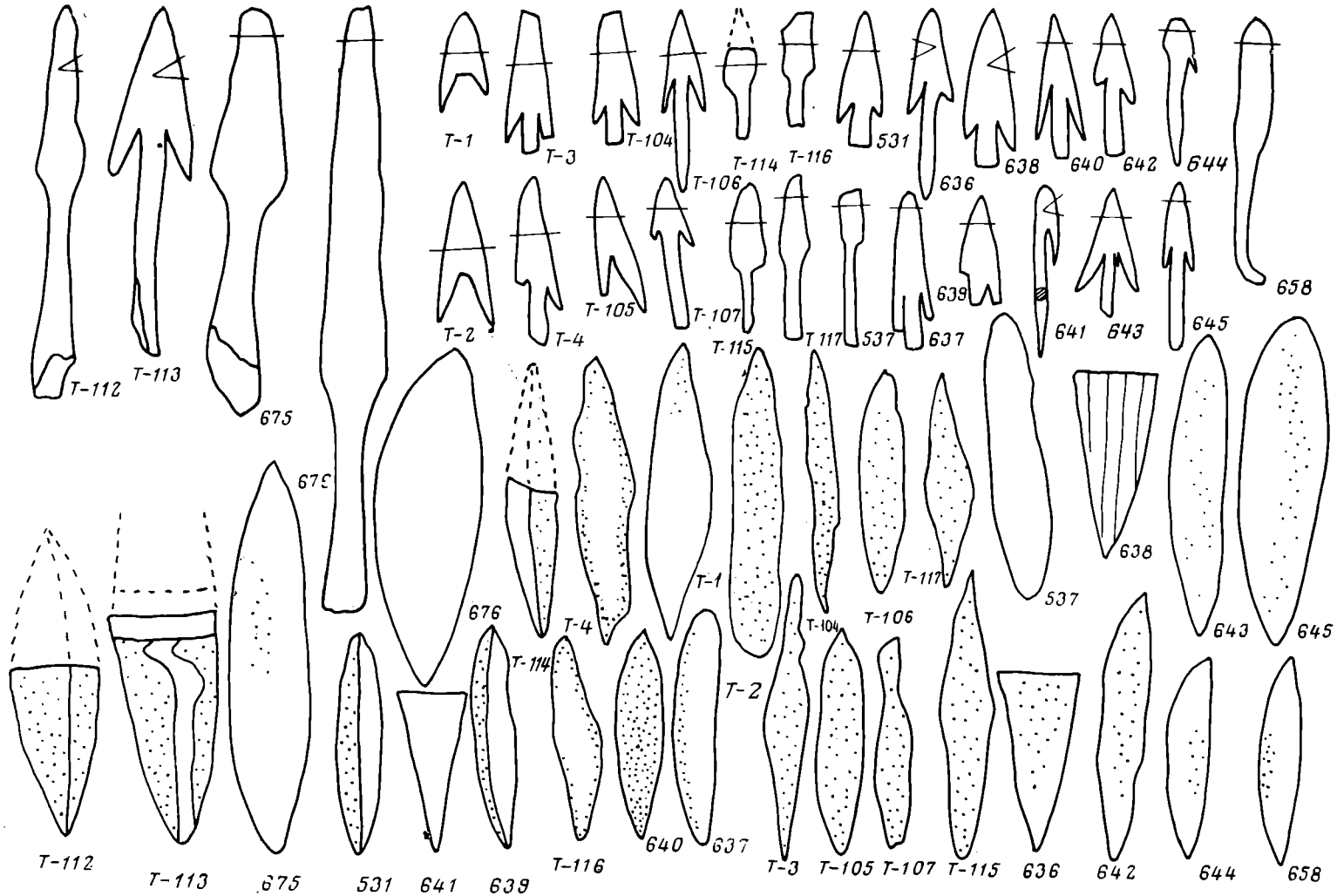


Рис. 2. Технологические схемы предметов вооружения. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *Т-1 — Т-4, Т-104 — Т-106, Т-107, Т-112 — Т-117* — изделия с Троицкого городища; *531, 537* — с городища Кузнечики; *636—645, 658, 675—676* — с городища Щербинка. Условные обозначения см. рис. 1

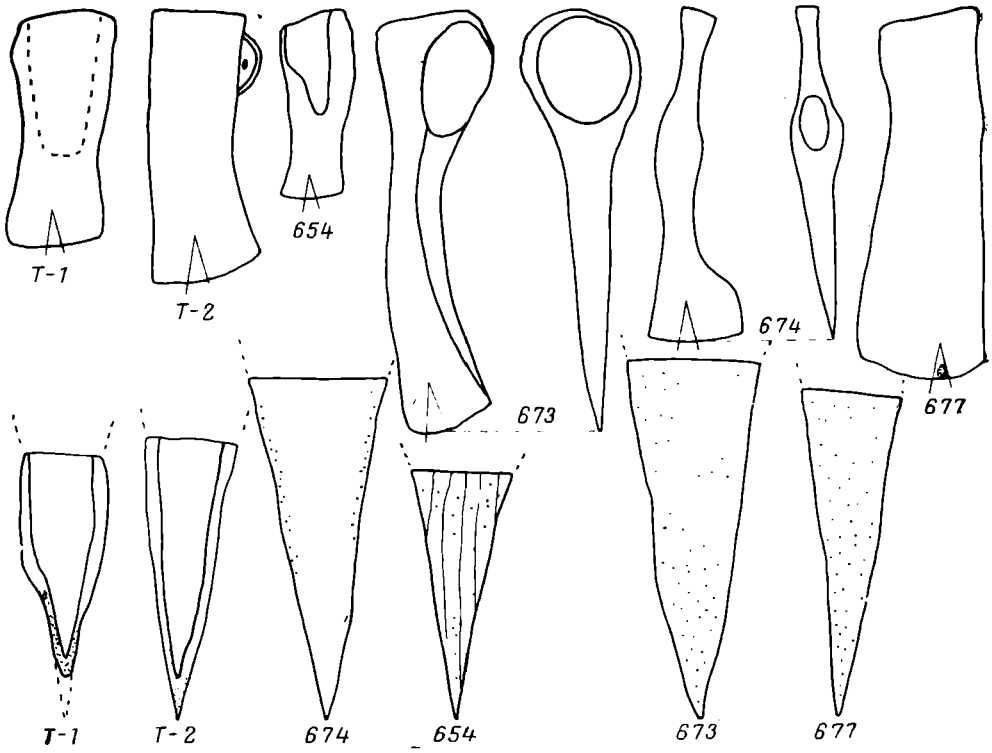


Рис. 3. Технологические схемы кельтов-топоров. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *Т-1, Т-2* — изделия с Троицкого городища; *654, 673, 674* — с городища Щербинка; *677* — городища Березняки. Условные обозначения см. рис. 1

включения. Исследованные двушипные стрелы с линзовидным сечением (*641, 644*) откованы целиком из неравномерно науглероженной сырцовой стали с содержанием углерода 0,1—0,2% с большим количеством шлака. Ковка велась при повышенной температуре, что выразилось в крупнозернистости железа и в видманштетной структуре.

Интересна технология изготовления кельта (рис. 3, *654*), откованного из так называемого пакетного металла. При микроскопическом исследовании наблюдается слоистая структура, т. е. заготовка была предварительно сварена из нескольких полос металла: несколько железных и стальных с небольшим содержанием углерода. Металл загрязнен шлаковыми включениями. Технология изготовления с применением пакетования сырья характерна для кузнечной продукции древних балтов [15].

Таким образом, основным поделочным материалом служили железо и сталь. Употреблялась сталь как неравномерно науглероженная (т. е. процесс науглероживания происходил в металлургическом горне и был случайным), так и высокоуглеродистая, специально цементированная. Прослежена также операция поверхностной цементации рабочих частей изделий, откованных из железа. Кроме того, вошли в употребление изделия, сваренные из железа и стали с выходом на лезвие стали. Использовалась термическая обработка стальных изделий. Из 12 предметов, сталь которых способна принять закалку, термически обработанными оказались четыре.

Качество металла и его обработка не отличаются высоким мастерством. Металл загрязнен шлаковыми включениями, есть крупные включения шлака. Зерна феррита крупные и средние (№ 3—6), что свидетельст-

[15] *Вознесенская Г. А.* Техника обработки железа и стали.— В сб.: Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 31.

вует о ковке при высоких температурах. Об этом же свидетельствует и крупноигольчатость мартенсита. Исключение составляют ножи и стрелы из клада, найденного в предматериковом слое Троицкого городища. В них отсутствуют шлаковые включения. Мелкозернистость структуры, тонкие сварочные швы свидетельствуют о больших профессиональных навыках в обращении с металлом.

Примерно с III в. н. э. (III этап) количество железных вещей резко увеличивается. Ассортимент кузнечной продукции значительно расширяется по сравнению с предыдущим периодом. Номенклатура кузнечных изделий насчитывает 33 наименования: ножи, серпы, косы, косари, кельты, топоры, наконечники стрел и копий, дротики, шилья, иглы, сверла, долота, стамески, чеканы, кузнечные клещи, кувалды, ложкари, пинцеты, остроги, рыболовные крючки, кресала, булавки, стержни, застежки, пряжки, поясные подвески, фибулы, портупейные крюки, кольца, пластины для доспехов, удила, псалии. Костяной инвентарь постепенно выходит из употребления. На смену ножам серповидной формы приходят ножи со скошенной спинкой. Распространяются серпы, появление которых Ю. А. Краснов связывает с инфильтрацией балтских племен в западные районы Волго-Окского междуречья [16]. Серпы встречены только в верхних слоях дьяковских городищ, характеризующихся господством гладкой лепной керамики, и ни разу не были найдены в комплексах с текстильной керамикой [17].

Нами исследовано 100 предметов: ножи, серпы, кельты, наконечники стрел и копий, шилья, остроги, удила, кресало.

В результате исследования структуры 27 ножей установлено пять технологических схем их изготовления: 1) ножи, откованные целиком из железа и малоуглеродистой мягкой стали — десять (рис. 4, *Т-3, Т-97, Т-99, Т-100, Т-103, 525, 535, 536, 600, 627*); 2) ножи с цементированным лезвием — восемь (рис. 4, *Т-4, Т-5, Т-6, Т-90, Т-91, 597, 612, 650*); 3) из двух полос — железной и стальной — три (рис. 4, *Т-98, 524, 628*), 4) цельностальные ножи — четыре (рис. 4, *Т-98, Т-96, 523, 608*); 5) ножи с наварным стальным лезвием — два (рис. 4, *514, 596*).

Ножи подвергались термической обработке — закалке в воде. Следы термообработки обнаружены на 11 ножах (рис. 4, *Т-4, Т-6, Т-89, Т-91, Т-96, Т-98, 523, 596, 608, 612, 628*). Структура закаленной стали — мартенсит. Твердость от 420 до 750 *кг/мм*^{2}.

Те же технологические приемы изготовления прослежены на 26 серпах (рис. 5). На пяти из них отмечен новый вид термообработки — закалка с отпуском. По сравнению с закаленными изделия после отпуска, сохраняя достаточную твердость, приобретают высокие пластические свойства. Структурно это выражалось в размельчении мартенситовых игол и понижении твердости до 420—380 *кг/мм*^{2}.

Наконечники стрел представлены черешковыми двушипными, за исключением одной стрелы — ланцетовидной (рис. 2, *658*). Технология их изготовления сводится к четырем приемам: 1) целиком из железа и мягкой сырцовой стали с неравномерным распределением углерода от 0,05 до 0,2%. Качество ковки невысокое: металл с повышенным содержанием шлака (рис. 2, *Т-1, Т-2, Т-3, Т-106, Т-107, 636, 637, 638, 643, 645, 658*); 2) из двух полос — железной и стальной (рис.*2, 531, 639*). Сварка проведена неумело, сварочные швы широкие; 3) поверхностная цементация наконечника стрелы (*Т-4*). Содержание углерода у поверхности 0,6—0,7%. Стрела откована из хорошего металла: зерна железа мелкие, шлаковых включений мало; 4) целиком из высокоуглеродистой стали с содер-

---

[16] *Краснов Ю. А.* О некоторых сторонах взаимоотношений балто-финно-угорских племен в западной части Волго-Окского междуречья.— КСИА АН СССР, 1969, № 119, с. 5—8.

[17] Там же, с. 5.

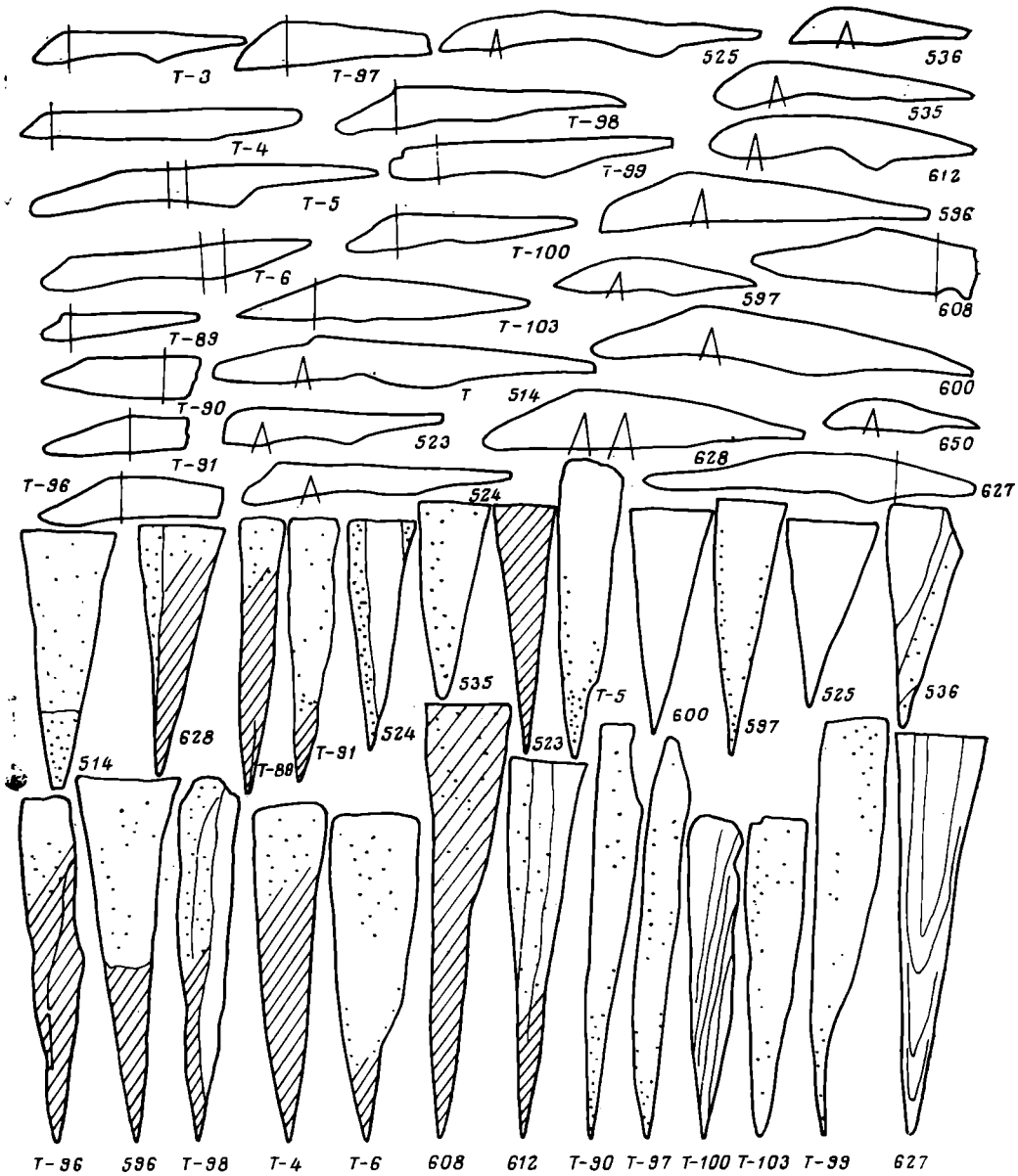


Рис. 4. Технологические схемы ножей со скошенной спинкой. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *Т-3 — Т-6, Т-89, Т-91, Т-96, Т-100, Т-103* — изделия с Троицкого городища; *514, 523—525, 535, 536* — с городища Кузнечики; *596, 597, 600, 608, 612, 627, 628, 650* — с городища Щербинка. Условные обозначения см. рис. 1

жанием углерода 0,6—0,8% (рис. 2, *Т-104, Т-105, 640, 642*). Шлаковых включений мало.

Анализировано 18 шильев. Шило представляет собой стержень, у которого круглый конец — рабочий, а на другой — квадратный — насаживается ручка. Квадратное сечение не давало ручке крутиться и соскальзывать со стержня. Этому же служила и винтовая нарезка, отмеченная на некоторых шильях (рис. 6, *541, 548*). Из 18 шильев технология 14 однотипна (рис. 6, *Т-108, Т-109, Т-111, 522, 540, 541, 545—550, 649*). Шило (*Т-110*) было подвергнуто поверхностной цементации. Содержание углерода в цементированном слое 0,1—0,2%. Остальные шилья (*544, 546, 648*) откованы из высокоуглеродистой стальной заготовки с содержанием углерода 0,6—0,8%. Металл чистый, без шлаковых включений. Структура стали — сорбитообразный перлит. Подобная структура образуется в

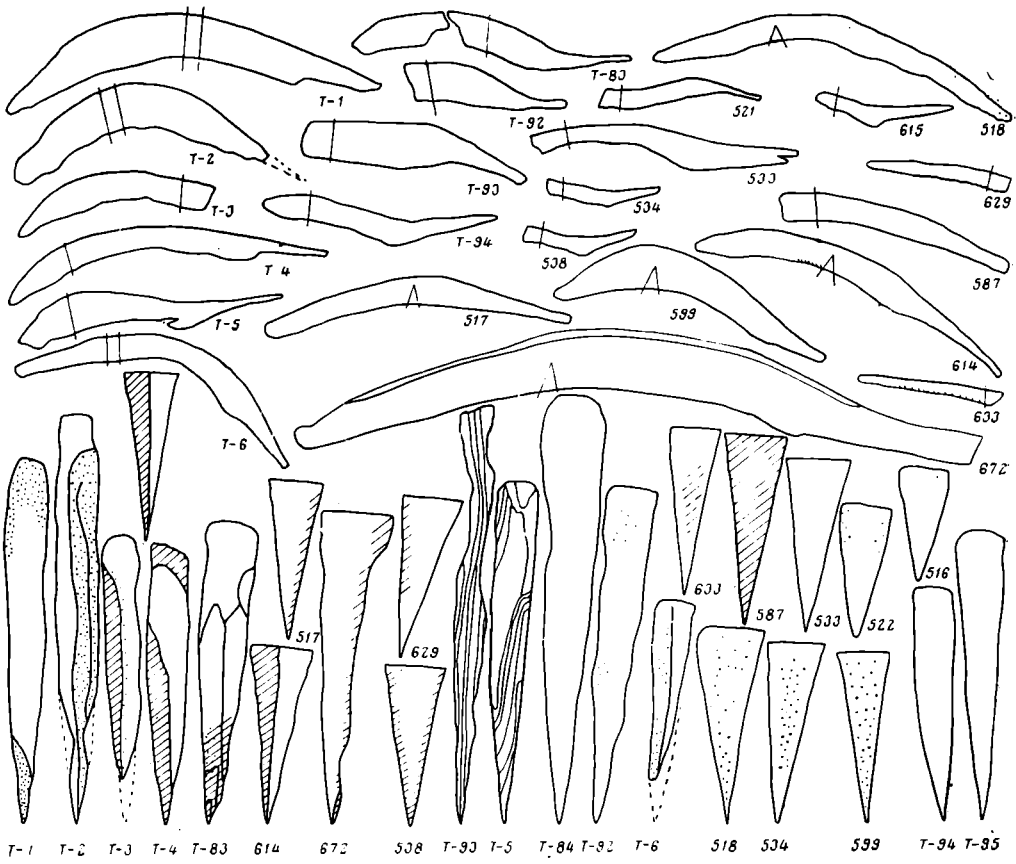


Рис. 5. Технологические схемы серпов. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *Т-1, Т-6, Т-83, Т-84, Т-92 — Т95* — изделия с Троицкого городища, *516—518, 521, 533, 534, 538* — с городища Кузнечики, *587, 599, 614, 615, 629, 633, 672* — с городища Щербинка. Условные обозначения см. рис. 1

результате специальной обработки, так называемой нормализации, т. е. нагрева до температур 730—750°, выдержке при этой температуре и последующего охлаждения на воздухе. Закаленная таким образом сталь характеризуется высокой пластичностью, обладая при этом большой прочностью, т. е. качеством необходимым для прокалывающих инструментов. Так как этот прием термообработки прослеживается на многих изделиях этой категории, то его можно считать целенаправленным. Твердость около 275 *кг/мм*^{2}.

Кресало (рис. 6, *619*) отковано из железа с последующей цементацией рабочего края. Конечной операцией была закалка в воде. Качество металла невысокое: железо крупнозернистое, загрязненное шлаковыми включениями.

Остроги (рис. 6), удила (рис. 6) и два наконечника копья (рис. 2, *675, 676*) откованы из железа и малоуглеродистой стали. Металл плохого качества с большим количеством шлаковых включений. Никаких дополнительных операций, улучшающих рабочее качество этих изделий, не обнаружено. Перо копья (рис. 2, *Т-112*) сварено из двух полос мелкозернистой стали с содержанием углерода около 0,15%. Наблюдаемый сварочный шов грубый, состоящий из шлаков плохо сварившегося металла.

Следует отдельно остановиться на технике изготовления копья — дротика (рис. 2, *Т-113*) и двух кельтов (рис. 3, *Т-1, Т-2*) с Троицкого городища. При изготовлении копья за основу брался железный стержень, один конец которого расковывался во втулку, а к другому концу приваривались с обеих сторон трехслойные брусочки металла, которые

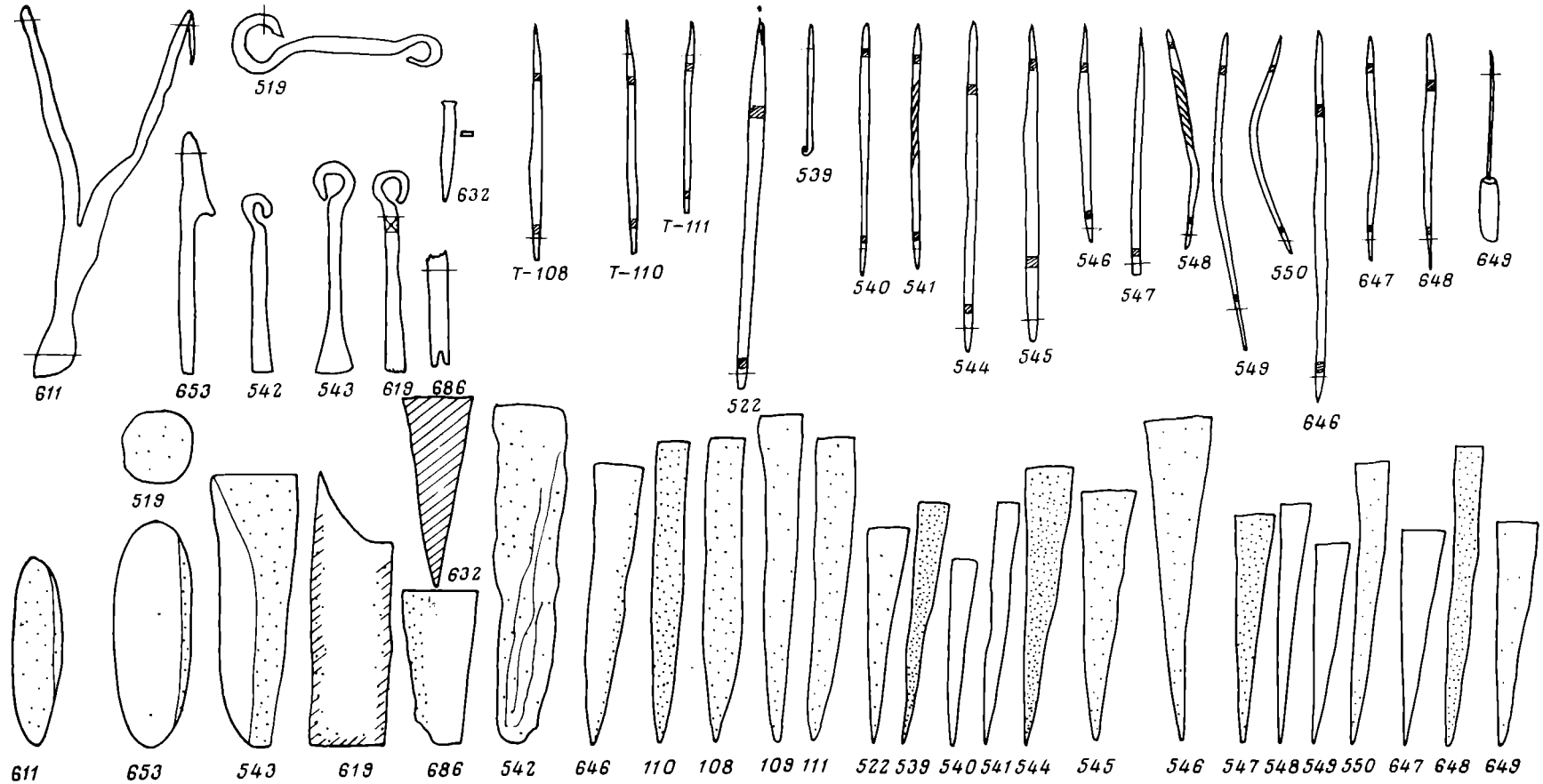


Рис. 6. Технологические схемы кузнечной продукции. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *Т-108, Т-110, Т-111* — изделия с Троицкого городища; *519, 522, 539—550* — городища Кузнечики; *646—649* — с городища Щербинка. Условные обозначения см. рис. 1

при помощи ковки превращались в двушипное перо копья. Металл, из которого откован наконечник копья, хорошего качества: железо и сталь мелкозернистые, шлаковых включений мало.

Оба кельта (один из них с ушком — тип, широко распространенный в Прибалтике в первых веках нашей эры) откованы в одной технологической схеме. За основу брался кусок железа, плохо прокованного, затем к нему приваривалась полоса хорошо прокованного железа. Готовый предмет подвергался поверхностной цементации с целью придания твердости лезвию. Кельт с ушком изготовлен из металла лучшего качества: хорошо прокованного, мелко- и среднезернистого, шлаковые включения мелкие. Железо другого кельта крупнозернистое, шлаковые включения крупные и их много. Основа кельта — почти непрокованная губка железа.

Материалом при изготовлении изделий на III этапе служили железо и сталь. Сталь получали двумя способами: путем цементации заготовки, из которой потом ковался предмет, и путем цементации самого изделия. Железо невысокого качества с большим количеством шлаковых включений, понижающих твердость металла до 120—150 *кг/мм*². В стали шлаков меньше, но и она засорена неметаллическими включениями. Общий объем стальных изделий составляет 49%. Из них: цельностальных — 13%, с цементированным лезвием — 16%, сварных — 20%.

Термическая обработка становится операцией, распространенной и дифференцированной в зависимости от назначения изделия. На ножах, кресалах применялась твердая закалка, на шильях — мягкая закалка и на серпах закалка с отпуском. Мягкая закалка и закалка с отпуском придавали изделиям твердость и в то же время снимали излишнюю хрупкость, полученную при твердой закалке. Из 49 предметов, сталь которых способна принимать закалку, термически обработанными оказались 26, что составляет 53%. На многих изделиях, подвергшихся закалке, мартенсит крупноигольчатый, что свидетельствует о ковке при высоких температурах, в пределах 900—950°, снижающей механические свойства стали. О нарушении правильного температурного режима свидетельствует также структура видманштета. Не отличается большим мастерством и техника сварки: сварочные швы широкие, забитые шлаками. На некоторых предметах наблюдаются сварочные швы, не имеющие технологического значения. По нашему мнению, это так называемый пакетный металл, т. е. способ предварительной обработки заготовки. Способ пакетования сырья был широко распространен у многих племен, в частности балтов. В данном случае особенно часто пакетование наблюдается в технологии изготовления серпов Троицкого городища (рис. 5, *Т-2, Т-4, Т-5, Т-83, Т-93*).

На IV этапе наряду с уже известными категориями появляются новые: ножи с прямой спинкой, сменившие ножи со скошенной спинкой, датируемые серединой и второй половиной I тысячелетия н. э.[18] Этим же временем датируются пластинчатые кресала, появившиеся на поселениях дьяковской культуры [19].

Чтобы проследить дальнейшую линию развития железной индустрии у дьяковских племен, мы отобрали для исследования категории изделий, хорошо известных на предыдущем этапе: ножи (рис. 7, 8), кельт (рис. 3, *677*) и не известные ранее категории — проушные топоры (рис. 3, *673, 674*), пробойник (рис. 6, *632*), кресала (рис. 6, *542, 543, 686*). Среди них основную массу составляют ножи (70 экз.).

В результате микроструктурного исследования установлены четыре технологические схемы: 1) целиком из железа и малоуглеродистой стали откованы 23 экз. (рис. 7, *Т-85, Т-86, Т-87, 528, 530, 586, 593, 602, 620, 624, 631*; рис. 8, *678, 680, 681, 682, 684, 687, 692, 693, 695, 701—703*);

[18] *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище, с. 228.
[19] *Розенфельдт И. Г.* Керамика Щербинского городища, с. 108.

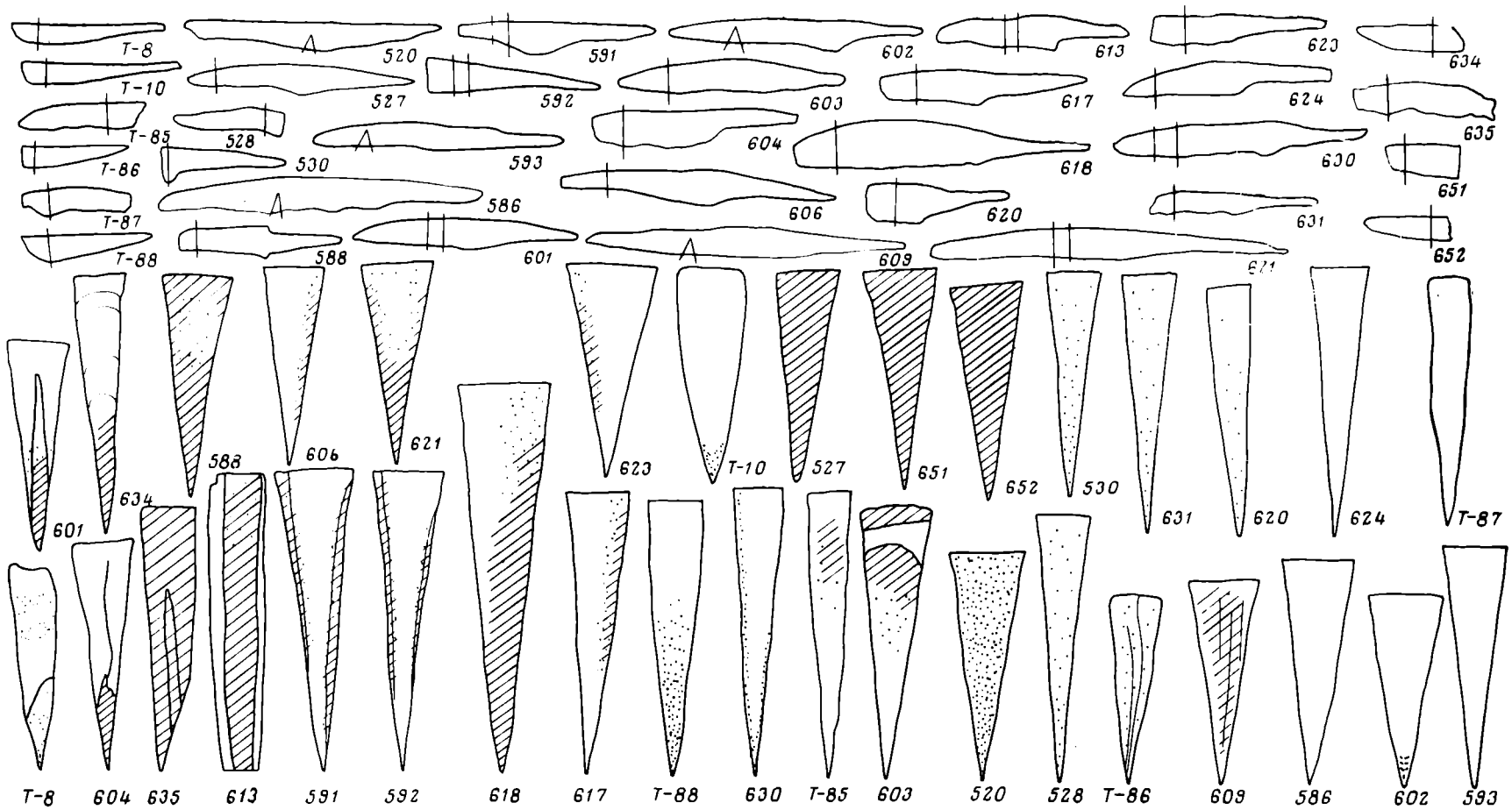


Рис. 7. Технологические схемы ножей с прямой спинкой. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *Т-8, Т-10, Т-85 — Т-88* — изделия с Троицкого городища; *520, 527, 528, 530* — с городища Кузнечики; *586, 588, 591—593, 601—604, 606, 609, 613, 617, 618, 620, 621, 623, 624, 630, 631, 634, 635, 651, 652* — с городища Щербинка. Условные обозначения см. рис. 1

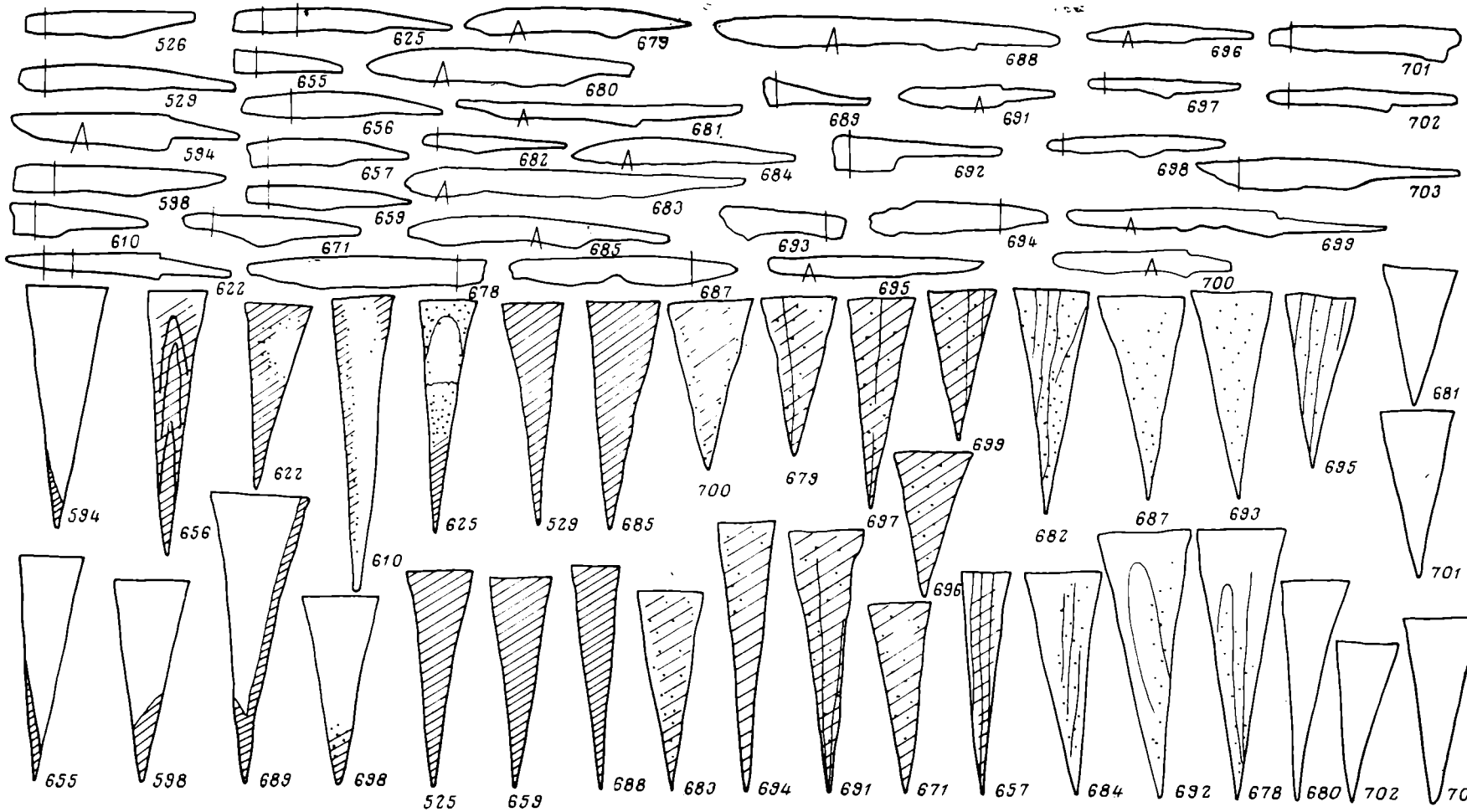


Рис. 8. Технологические схемы ножей с прямой спинкой. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов. *526, 529* — с городища Кузнечики; *594, 598, 610, 622, 625, 655—657, 659, 671* — с городища Щербинка; *678, 679—685, 687—689, 691—700* — с городища Березняки. Условные обозначения см. рис. 1

2) с цементированным лезвием установлено 18 экз. (рис. 7, *Т-10, Т-88, 588, 591, 592, 601, 606, 617, 618, 621, 623, 630, 634*; рис. 8, *610, 622, 625, 656, 698*); 3) целиком из стали изготовлен 21 нож (рис. 7, *520, 527, 609, 635, 651, 652*; рис. 8, *526, 529, 657, 659, 671, 679, 683, 685, 688, 691, 694, 696, 697, 699, 700*); 4) с наварным стальным лезвием — восемь экз. (рис. 7, *Т-8, 594, 598, 603, 604, 613, 655, 689*).

Термическая обработка ножей становится обязательной операцией. Из 46 ножей, сталь которых способна принять закалку, термически обработанными оказались 43, что составляет 93%. По технике исполнения выделяется один нож (рис. 7, *613*) со Щербинского городища, откованный в схеме многослойной сварки: стальная полоса в середине, а по бокам ее наварены тонкие полосы железа. При заточке железные полосы стачивались и на лезвие всегда выходила сталь. Нож имел закаленное лезвие. Сталь хорошего качества, с незначительным количеством шлака, сварочные швы тонкие, четкие. Кельт (рис. 3, *677*) откован из малоуглеродистой, мягкой стали (почти железа) с небольшим содержанием углерода (0,1—0,15%). Топор (рис. 3, *673*) изготовлен из среднеуглеродистой стали с неравномерным содержанием углерода от 0,3 до 0,5%. Топор салтовского типа имел цементированную рабочую часть (рис. 3, *674*). Содержание углерода в цементированном слое 0,2—0,3%. Целиком из высокоуглеродистой стальной заготовки откован пробойник (рис. 6, *632*) с последующей закалкой. Сталь хорошего качества, твердость 720 *кг/мм*^{2}. Кресала откованы из неравномерно науглероженной стали с содержанием углерода 0,2—0,5% (рис. 6, *542, 543, 686*).

Таким образом, на IV этапе мы не прослеживаем появление новых технологических приемов обработки железа и стали. Скорее наоборот, развитие пошло по линии упрощения технологических схем изготовления: отсутствие сварки из двух полос, уменьшение количества изделий с наварным лезвием и увеличение цельностальных изделий. Общее количество изделий, выполненных с применением стали, составляет 70,5%. Из них: с цементированным лезвием — 25,6%, цельностальных — 34,7%, с наварным стальным лезвием — 10,2%. Термическая обработка становится обязательной операцией (83,3%).

Рассмотрев технологию изготовления различных категорий изделий из черного металла на поселениях дьяковской культуры, мы выявили разнообразные приемы металлообработки: цементация заготовки и самого изделия, сварка как основа технологической схемы, нормализация, термическая обработка. В целом мы можем сказать, что появление первых железных предметов (II этап) совпадает с развитой технологией (цементация, целенаправленная сварка, термическая обработка). Однако такая картина не является общей. Уже на этом этапе мы можем выделить два района с разными производственными традициями: Щербинское городище, расположенное в восточной части дьяковской культуры, и Троицкое городище, представляющее западный ее район. Сопоставление Щербинского городища (городище Кузнечики не меняет общей картины) с Троицким правомерно, так как оба они раскопаны полностью и дают типичный для дьяковской культуры набор железных изделий.

При исследовании предметов, относящихся к раннему этапу появления железных изделий на Щербинском городище, установлено, что материалом при изготовлении их служили железо и сталь, полученная в результате цементации поверхности готового изделия. Мы прослеживаем начальный этап в освоении техники получения стальных изделий — поверхностная цементация. Неглубокий цементированный слой во время работы быстро стачивался, и рабочая часть изделия теряла достигнутую таким образом твердость. Отковать предмет целиком из железа довольно просто, но он, не обладая достаточной твердостью, быстро выходил из употребления. Лишь один нож (*605*) имел лезвие, сваренное из двух полос металла с последующей закалкой. На городище он был найден в

культурном слое (глубина 0,12—0,15 *см*), относящемся к III этапу. Необычная форма ножа, его стратиграфическое положение, а также технология изготовления, не характерная для городища раннего этапа, могут служить основанием для отнесения ножа к следующему, III этапу.

Металл всех видов изделий не отличался хорошим качеством: железо плохо проковано, крупнозернистое, с повышенным содержанием шлаковых включений. Итак, две технологические схемы характерны для изделий с Щербинского городища на рассмотренном этапе: целиком из железа; поверхностная цементация готового изделия.

Совсем иная картина наблюдается на предметах этого этапа с Троицкого городища. Кроме ножа (*Т-9*), откованного целиком из мягкого железа, и ножа (*Т-101*), лезвие которого было подвергнуто поверхностной цементации, все орудия или изготовлены целиком из стали, или сварены из двух полос — железной и стальной, с выходом на лезвие стали. При этом сталь подвергнута термической обработке — закалке. Уже на этом этапе сталь получали двумя способами: цементацией самого изделия и сквозной цементацией железной заготовки, из которой потом ковался предмет. Обращает на себя внимание факт широкого использования сварки как основы технологической схемы. Это достаточно сложный процесс, требовавший от мастера большого искусства. Важной операцией при сварке является нагрев металла — тот момент, когда пора начинать сварку. Тонкие, чистые сварочные швы свидетельствуют о применении при сварке флюсов, которые предохраняют свариваемые поверхности от окалины. Судя по качеству изделий и сварочных швов, всеми этими операциями кузнецы владели в совершенстве. Мастерам была хорошо знакома так называемая твердая закалка, повышающая твердость рабочей части изделия в 4—5 раз. Металл этих предметов отличного качества: железо мелкозернистое, хорошо очищенное от шлаков, сталь с равномерным содержанием и распределением углерода.

Таким образом, материал Троицкого городища на этом этапе дает гораздо более сложные и более разнообразные схемы изготовления: 1) целиком из железа; 2) поверхностная цементация готового изделия; 3) сквозная цементация готового изделия; 4) цементация заготовки (целиком из стали); 5) сварка из двух полос, железной и стальной с выходом на лезвие стали; 6) термическая обработка готового изделия.

На следующем, III этапе, приемы металлообработки нивелируются. Полностью совпадает набор технологических схем, известных на том и другом памятнике: 1) цельножелезные изделия; 2) изделия с цементированным лезвием; 3) цельностальные предметы; 4) изделия, сваренные из двух полос, железной и стальной с выходом на лезвие стали; 5) изделия с наварным стальным лезвием; 6) термическая обработка — твердая закалка, мягкая закалка, закалка с отпуском.

Кузнецы Щербинского городища на этом этапе освоили сварку, наварку, наиболее эффективный способ получения стали — цементацию заготовки, термическую обработку. Термообработка носила дифференцированный характер: твердая закалка установлена на ножах, кресалах, мягкая закалка на шильях, закалка с отпуском на серпах. Мягкая закалка и закалка с отпуском придавали изделиям твердость и в то же время снимали излишнюю хрупкость, полученную при твердой закалке. Качество же металла и изделий по-прежнему остается невысоким, железо крупнозернистое, загрязнено средними и мелкими включениями шлака. Широкие сварочные швы, забитые шлаками, свидетельствуют о недостаточном мастерстве, умении владеть техникой сварки. Применяя сложные технологические схемы, осваивая новые приемы, кузнецы не смогли освоить правильный температурный режим ковки, приводивший к перегреву металла и самого изделия, что отражалось на рабочих качествах изделий.

Те же технологические приемы изготовления известны кузнецам Троицкого городища. Качество металла и ковки по сравнению с предыдущим этапом на Троицком городище значительно ухудшается.

Материалом при изготовлении изделий на обоих памятниках служили железо и сталь, которую получали путем цементации готового изделия и путем цементации железной заготовки. Лезвие с науглероженным острием и лезвие с наварным режущим краем имеют одни и те же производственные качества. Но второй способ более прогрессивный и целенаправленный, повышающий производительность труда в несколько раз. Кузнец мог нацементировать стальные пластины по отдельности, а затем приварить к железной основе изделия. Ему не надо было дожидаться, когда науглеродится готовое изделие (процесс науглероживания длится 12—15 часов). Кроме того, технология наварки стального лезвия значительно экономит сталь, получение которой было трудоемким процессом в ту эпоху. Термическая обработка отмечена на 26 предметах, что составляет 53%.

На IV этапе на городищах Троицкое, Щербинское и Кузнечики продолжают применяться те же технологические схемы изготовления, что и на предыдущем, III этапе. Качество ковки и сварки остается невысоким: сварочные швы широкие, грубые. Не всегда соблюдался правильный температурный режим (крупноигольчатость мартенсита и видманштетная структура).

Иная технология изготовления отмечена на Березняковском городище. Для изделий городища характерны простые приемы обработки: либо целиком из железа, либо цельностальные с последующей закалкой. Сталь, как правило, мало- и среднеуглеродистая невысокого качества. Лишь один неизвестный предмет (рис. 8, *698*), скорее всего нож, имел наварное стальное лезвие с последующей закалкой.

Итак, мы наблюдаем, с одной стороны, общее поступательное движение в технике кузнечного ремесла дьяковской культуры, освоение наиболее рациональных способов изготовления, постепенное увеличение цельностальных изделий. Но особенность данного региона состоит в том, что на раннем этапе появления изделий из железа сосуществуют два центра металлообработки: с высокой кузнечной техникой изготовления в западном районе (Троицкое городище) и простой, малоразвитой техникой изготовления в восточном (Щербинское городище).

На следующем этапе происходит освоение щербинскими кузнецами всех технологических схем, известных троицким, и общая нивелировка картины металлообработки на обоих поселениях. На наш взгляд, это связано с особой ролью Троицкого городища, которое в настоящее время многие исследователи считают поселением балтов [20]. Влияние балтской культуры во многих сферах материальной жизни отмечается и на Щербинском городище [21]. Так, И. Г. Розенфельдт считает, что население Щербинского городища в III период «было близко по этническому составу населению Троицкого городища» [22]. Полное совпадение в технике изготовления предметов из железа и стали на Щербинском и Троицком городищах, начиная с III этапа, свидетельствует о распространении приемов металлообработки, известных на Троицком городище, на другие поселения, что, в частности, прослеживается на городищах Щербинское и Кузнечики, восточных пунктов дьяковской культуры, что говорит в пользу тех, кто считает Троицкое городище балтским. На Березняковском горо-

---

[20] *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище.— МИА, 1970, № 156, с. 97, 98; *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища..., с. 78, 79; *В. В. Седов.* Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья.— Там же, с. 110.

[21] *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище, с. 251.

[22] *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры. Автореф. канд. дис. М., 1969, с. 5, 7, 22; *ее же.* Керамика Щербинского городища как источник для периодизации и этнического определения дьяковской культуры.— СА, 1972, № 4, с. 57.

дище мы не наблюдаем ремесленных традиций, идущих от древних балтских кузнецов.

На основании проведенных технологических исследований мы проследили появление, развитие и совершенствование определенных технических приемов. Дальнейшее накопление аналитического материала поможет более полно представить картину металлургии и металлообработки на поселениях дьяковской культуры. Обобщение результатов в дальнейшем даст нам возможность сравнить технику кузнечной обработки дьяковской культуры с культурами, в тот или иной период синхронными дьяковской (днепро-двинской зарубинецкой, черняховской, городецкой, ананьинской и др.).

L. S. Khomoutova

LE TRAITEMENT DU FER DANS LES VILLAGES DE LA CULTURE DE DIAKOVO

Résumé

Cet article offre la première étude de l'établissement et du développement de l'industrie du fer dans les agglomérations de la culture de Diakovo. En se basant sur l'analyse microstructurale de 197 objets provenant des goroditchés de Chtcherbinskoïé, Kouznetchiki, Troïtzkoïé et Berezniaki on a établi la dynamique de l'évolution des différents schémas technologiques de fabrication des piéces de fer. La particularité de la région en question est l'existence, à l'étape la plus ancienne, de deux centres de traitement du métal: celui de Chtcherbinskoïé, aux schémas technologiques très simples, primitifs; et celui de Troïtzkoïé, dont la technologie est très développée, compliquée. A l'étape suivante on observe la nivellation technologique des modes de fabrication. Ce que nous avons pu remarquer, en ce qui concerne la technologie de fabrication des objets, témoigne de l'influence des artisans du goroditché de Troïtzkoïé sur la technique du façonnement des objets de fer et d'acier du goroditché de Chtcherbinskoïé.

Ю. Е. БЕРЕЗКИН

ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ЭТАПОВ КУЛЬТУРЫ МОЧИКА (Перу)

За последние два десятилетия учеными США была разработана периодизация керамики многих перуанских культур (паракас, наска, ика, лима и др.). При этом исследователи имели дело с системой строго регламентированных приемов передачи изображения (сильно стилизованного или геометрического), коррелирующей с набором керамических форм. В пределах одного периода и ареала керамические комплексы весьма однородны, так что привязка к выработанной шкале отдельных погребений или сосудов, как правило, не вызывает трудностей. Что касается самой значительной центральноандской цивилизации I тысячелетия н. э., культуры мочика, развивавшейся на протяжении 700—1000 лет [1] и оставившей нам десятки тысяч сосудов с сюжетными изображениями — историческим источником первостепенной важности, то ее относительная хронология все еще разработана неудовлетворительно.

В 40-х годах перуанский ученый Р. Ларко Ойле на основе стратиграфии раскопанных им (но не опубликованных) погребений и учитывая эволюцию наиболее характерных для мочика сосудов со стремевидным горлом выделил в этой культуре пять периодов [2]. Позднее американские исследователи проверяли правильность шкалы Ларко Ойле, внося в нее некоторые уточнения, хотя и не публиковали своих работ. Сейчас в принципиальной верности пяти- и уж, во всяком случае, трехчленного деления мочика (ранний этап — периоды I—III, средний — период IV, поздний — период V) никто из археологов-перуанистов не сомневается, тем более, что есть и новые стратиграфические материалы, свидетельствующие в ее пользу [3]. И все же нерешенных проблем еще много, причем четыре из них представляются нам главными. 1. Плохо выявлены границы периодов. Обычно в качестве примеров публикуются наиболее характерные для данного хронологического этапа сосуды и не учитывается масса керамики, переходной от одного периода к другому. 2. Большинство сосудов и изображений связано со средним этапом мочика, периодом IV, длившимся не менее 150—200 лет. В предшествующий период III у мочика складывается раннеклассовое общество и, вероятно, появляется довольно крупное государство. Средний этап в развитии культуры — эпоха ее расцвета и одновременно период появления каких-то кризисных явлений, приведших в дальнейшем эту цивилизацию к гибели. Один из самых перспективных методов реконструкции

[1] Возникновение культуры, по разным оценкам, датируется 300—0 г. до н. э., гибель — 700—800 г. н. э.

[2] *Larco Hoyle R.* Cronología arqueológica del Norte del Perú. Buenos Aires, 1948, p. 28—36, 72—76.

[3] *Hastings C. M., Moseley M. E.* The Adobes of Huaca del Sol and Huaca de la Luna.— AmA, v. 40, № 2, pt. 1, p. 196, 202.

социальной и политической истории мочика — использование данных иконографии, в том числе выявление тенденций в распространении тех или иных изобразительных сюжетов по периодам. Соответственно мы нуждаемся в максимально дробной периодизации, так что в пределах периода IV (как, впрочем, и внутри других этапов) необходимо выделить более мелкие подразделения. 3. Пятичленная шкала Ларко Ойле основана на эволюции не изображений, а форм сосудов. Главной особенностью сосудов со стремевидным горлом является та или иная форма горла и ручки. Так, в период IV горло цилиндрическое, а ручка полукруглая, в период же V горло сужено кверху, а ручка v-образная. Однако поскольку ручка эволюционирует постепенно, а отдельные сосуды с цилиндрическим горлом встречаются и в период V, уверенно датировать керамику, основываясь только на этих признаках, невозможно. К тому же не всегда в нашем распоряжении есть целые сосуды, во многих же случаях изображения вообще выполнены на металле, дереве и пр. Таким образом, периодизация должна прежде всего основываться на стилистических особенностях изображений [4]. 4. Крайне слабо разработана хронология сосудов, украшенных не росписью, а скульптурой и рельефом, особенно не имеющих стремевидной ручки. Затрагивая в основном первые три из этих проблем, в статье мы ставим ограниченную задачу: разделить изобразительный материал периода IV на две группы, раннюю (IV—1) и позднюю (IV-2), и выявить также признаки, отличающие периоды IV-2 и V. Для сравнения привлекаются материалы периода III, но отличия этого этапа от IV-1 не рассматриваются. Хотя далее ради удобства изложения мы фактически рассматриваем периоды IV-1, IV-2 и V как равноправные, не следует забывать, что первые два из них являются именно подразделениями периода IV, с которым в целом сопоставим весь период V. Дело в том, что периоды IV и V выступают не только как чисто хронологические подразделения для периодизации керамики, но и как большие исторические этапы, расцвета и упадка, в развитии мочикского общества.

Сложность распределения изображений мочика по хронологическим этапам очевидна. Каждая роспись изобилует огромным количеством деталей, поэтому число признаков, которые можно выделить даже на одном изображении и любой из которых может оказаться хронологически значимым, достигает многих десятков, если не сотен. Кроме того, канон, которого придерживались художники мочика, был весьма свободен. Создается впечатление, что в каждой мастерской, а возможно, и у каждого крупного мастера, вырабатывалась собственная манера изображения. Нами рассмотрено около 1000 росписей периодов IV и V [5], но среди них нет и двух таких, все детали которых имели бы взаимные соответствия. Наконец, количество сюжетов, изображавшихся вазописцами мочика в один и тот же период, измеряется сотнями, тогда как на одновременно изготовленных сосудах культуры наска, например, их не более нескольких десятков. В связи со всем этим применение различных формализованных методов для выявления среди росписей хронологических или иных групп практически неосуществимо. Единственный возможный способ —

---

[4] В этом смысле интерес представляет книга К. Доннана (*Donnan Ch.* Moche art and iconography. Los Angeles, 1976). Глава из книги, посвященная хронологии мочика, была ранее любезно прислана мне автором в корректуре. В ней отмечаются некоторые стилистические особенности изображений по периодам шкалы Ларко Ойле. Однако Доннаном не выделены конкретные признаки по хронологическим этапам, а лишь отмечены тенденции в эволюции росписей. Используя его данные, можно опять-таки датировать только наиболее характерные изображения.

[5] Большинство изображений изучалось по публикациям. Исключение составляют два десятка росписей на сосудах, хранящихся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва) и в Музее народоведения (Лейпциг). Я глубоко признателен сотрудникам этих музеев Л. Драгеру, Г. Круше и С. И. Хаджаш за разрешение ознакомиться с неопубликованными сосудами из коллекций.

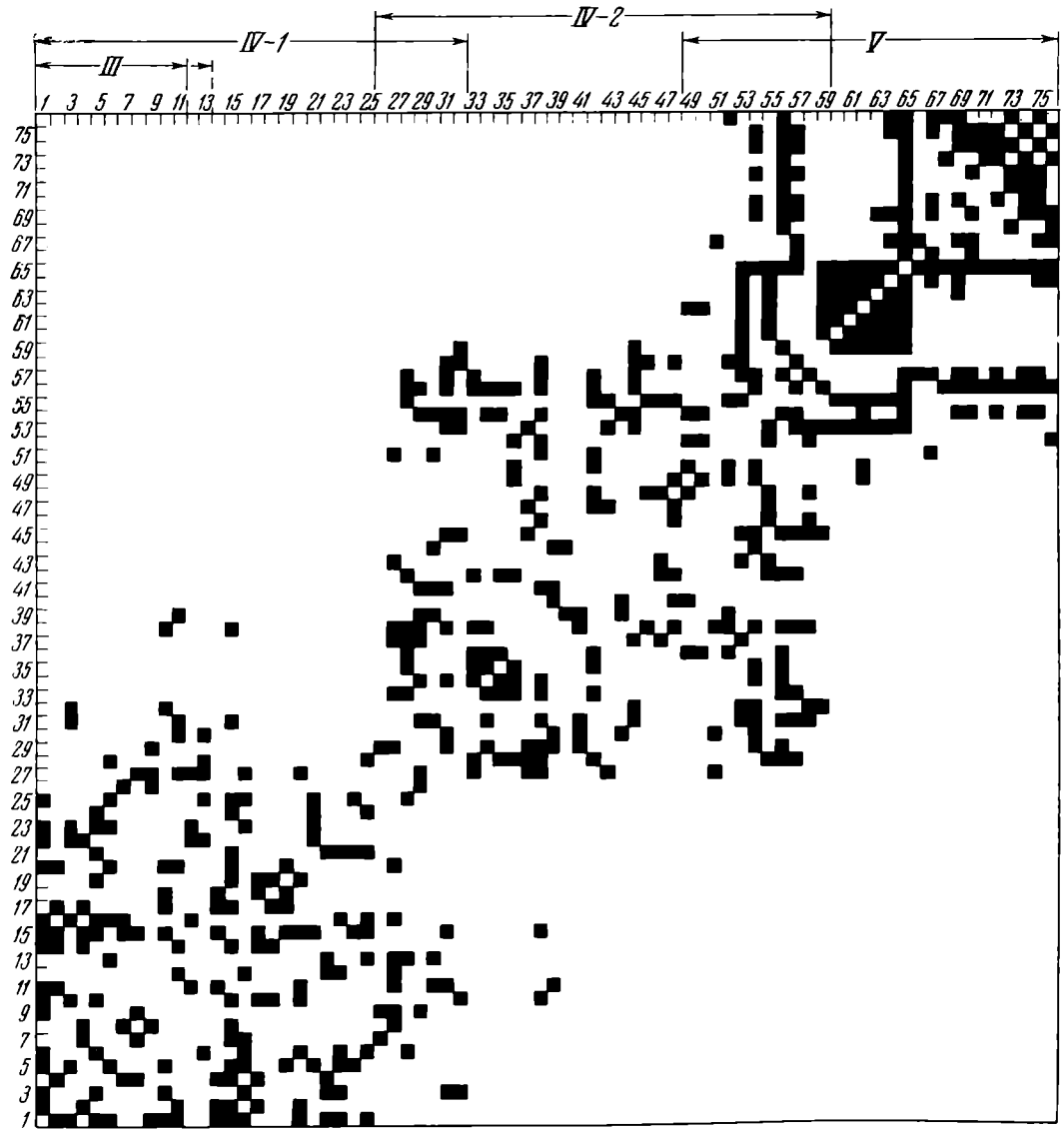


Рис. 1. Таблица сочетаемости признаков, встречающихся на сосудах мочика с сюжетными изображениями и на других произведениях прикладного и монументального искусства. Периоды IV—V. Список признаков см. в тексте (Приложение)

поиск коррелирующих друг с другом признаков, основанный на методе проб и ошибок.

При составлении корреляционной таблицы брались лишь те признаки, которые встречаются на протяжении не более двух периодов подряд, и лишь такие, относительно которых можно точно судить об их наличии или отсутствии (без оценки «меньше», «больше» и т. п.). Признаки, коррелирующие на рис. 1 менее чем с четырьмя другими, не учитывались ради упрощения таблицы. Ввиду огромного разнообразия сюжетов и стилистических приемов многие признаки хотя и одновременны, однако никогда не встречаются вместе и связываются между собой лишь посредством других, сочетающихся и с первыми и со вторыми.

Перечень выделенных нами датирующих признаков дан в приложении. На рис. 1 четко выделяются три поля, соответствующие периодам IV-1, IV-2 и V и немного накладывающиеся друг на друга из-за наличия признаков, общих у каждой пары периодов. Признаки 38 и 39,

Рис. 2. Стилистическая эволюция мочикских росписей (*13* — рельеф) по периодам. Змеи, улитки, зверь Рекуай

связываемые нами только с периодом IV-2, встречаются, однако, на двух сосудах, где есть признаки, свойственные лишь периоду IV-1. Эти изображения, сочетающие признаки 38 с 10 и 15 (рис. 4, *6*) и 39 с 11 (рис. 2, 7), мы рассматриваем как находящиеся на рубеже двух периодов. К такому выводу можно прийти, не только учитывая сочетаемость на этих изображениях указанных особенностей, но и исходя из положения данных росписей в пределах эволюционных рядов, составленных из изображений от-

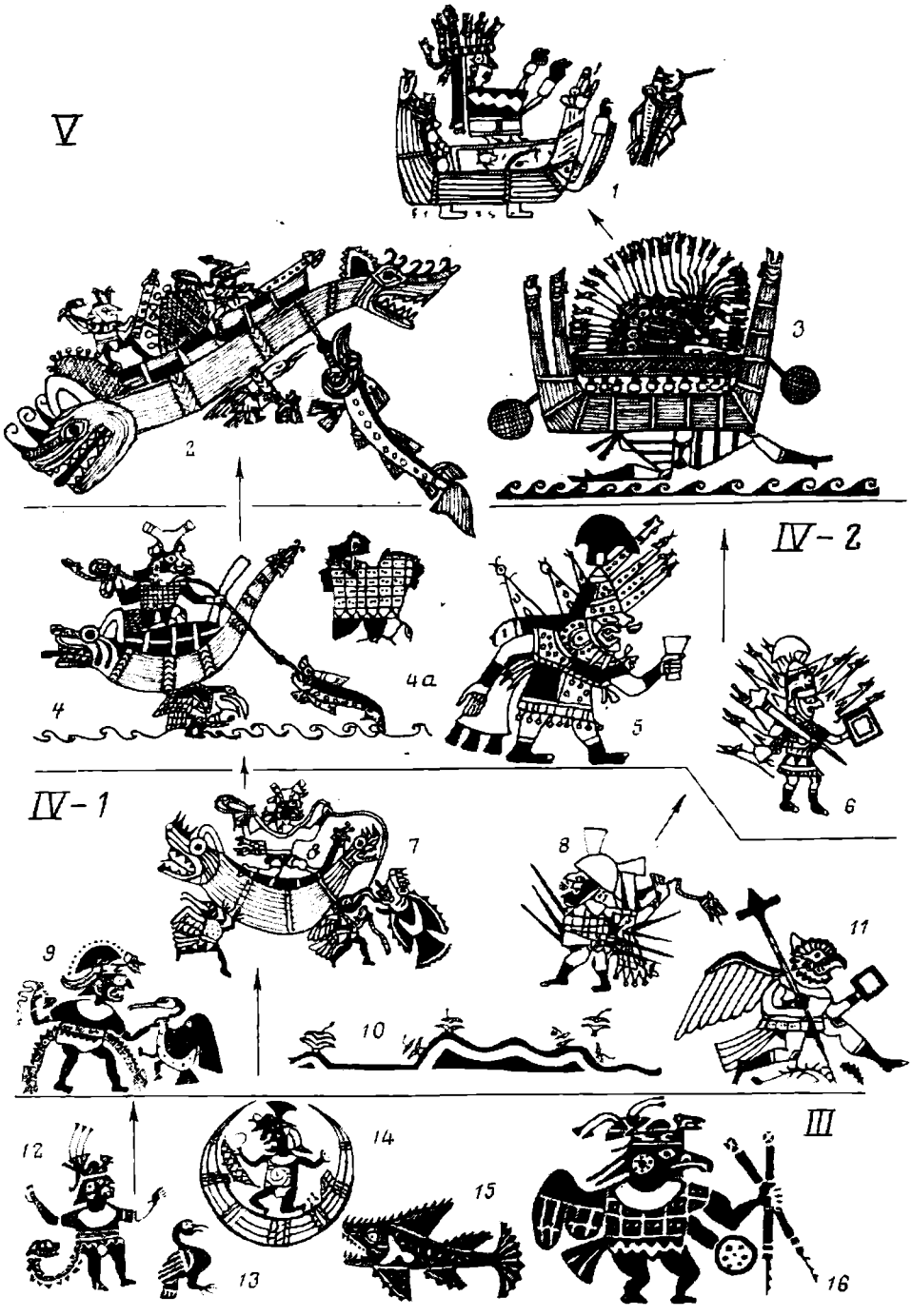


Рис. 3. Стилистическая эволюция мочикских росписей по периодам. Сцены на море (антропоморфные персонажи в лодках, бакланы, рыбы), бог с лучами, другие изображения

дельных сюжетов: зверь Рекуай[6] (см. рис. 2, *3*, *6—8*, *12*, *13*) и антропоморфный персонаж, сражающийся с обитателями моря (см. рис. 4, *5*, *6*, *7*).

[6] Название предложено В. А. Башиловым (см. *Башилов В. А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972, с. 40) для фантастического существа на росписях культуры рекуай. Поскольку соответствующие изображения мочика и рекуай родственны, этот термин может быть использован в отношении мифологических персонажей обеих культур.

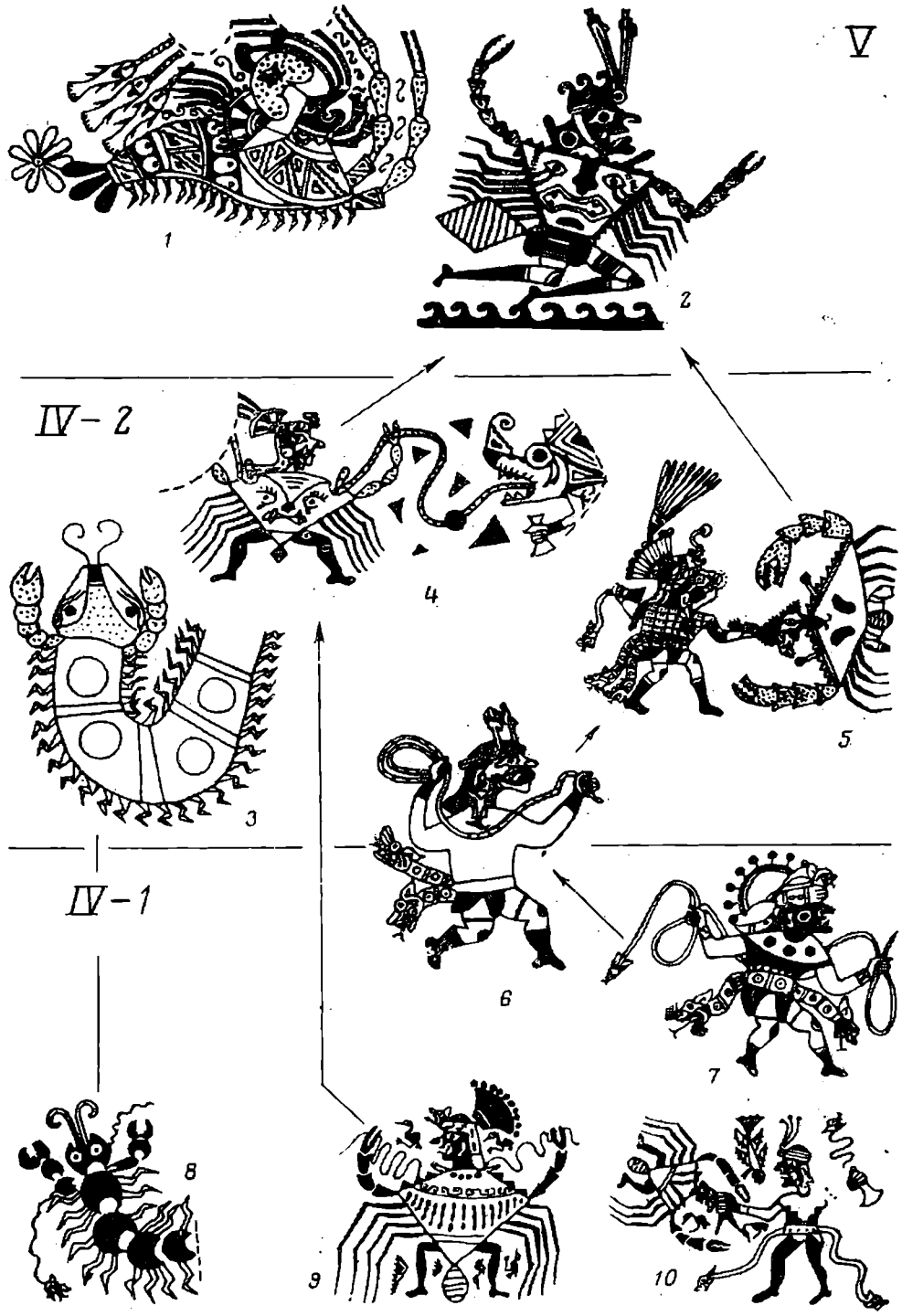


Рис. 4. Стилистическая эволюция мочикских росписей по периодам. Многоножка, краб, рак, антропоморфные персонажи

В целом период IV-1 отличается от более поздних сохранением многих (постепенно исчезающих) черт, свойственных периоду III, а также частым употреблением метода сплошной заливки деталей изображения темной краской (рис. 3, *9*; признаки 5, 10, 14, 16, в какой-то мере 11—13, 15, 19, 21—24). Период IV-1 — художественная вершина мочикской ва-

зописи. Овладение линией достаточно тонкой, чтобы на небольшой поверхности сосуда можно было уместить многофигурные композиции, сочетается с безупречностью пропорций и тщательностью прорисовки, во многом унаследованных от периода III. Употребление третьего, пурпурного цвета, помимо обычных темно-коричневого и желтовато-кремового, придает ряду росписей особое великолепие. В этот период создаются такие шедевры на мифологические темы, как шествие божеств, сопровождающих бога луны [7], исключительно сложная сцена с одним из антропоморфных персонажей внутри храма [8]; тот же персонаж, обращающийся с мольбой к небу, и сидящие рядом с ним люди [9]; он же в горном святилище [10]; битва мочика с иноплеменниками [11] и др.

В период IV-2 художники мочика создают еще более сложные сцены, имеющие решающее значение для понимания многих мифологических сюжетов [12], для реконструкции церемоний и обрядов [13]. Однако линия теперь становится небрежной, изображение нередко перегружено деталями, так что эстетическая ценность этих рисунков не столь высока. Большее единообразие прослеживается в приемах орнаментации. Одно из выражений этого — смена нескольких орнаментов, описываемых признаком 15, одним (признак 38). Заливка крупных деталей темным почти не практикуется.

В период V росписи еще более загромождены мельчайшими деталями. Появляется много характерных только для этого периода изобразительных приемов. По сравнению с IV-2 снова несколько увеличивается применение сплошной закраски темным цветом (признаки 68, 70, 74, 75 и некоторые другие). В художественном отношении вазовые росписи периода V крайне неравноценны (ср. рис. 2, *1, 2*; 3, *2, 3*; 4, *1, 2* и 5, *4* с рис. 3, *1* и 5, *1, 2, 3*). По-видимому, эти различия в качестве росписи имеют хронологический характер: к концу периода вазопись мочика деградирует, причем на самых поздних сосудах обычна окраска ручки одной широкой полосой (признак 76), а на более ранних — зональная окраска (признаки 65 и 75). Правда, из-за сравнительно небольшого количества опубликованных позднемочикских сосудов нам не удалось пока выделить для каждой половины периода обширный набор коррелирующих признаков и четко разбить эти материалы на относящиеся к V-1 и V-2.

В период V культура мочика подвергается значительному внешнему влиянию. Так, по-видимому, в подражание вазовым росписям с Центрального побережья Перу в мочика в начале периода V появляются единичные полихромные росписи на сосудах (хотя здесь нельзя исключать и возможность влияния на вазопись местной многоцветной монументальной живописи). Изменение на рубеже периодов IV и V формы горла с цилиндрической на коническую у сосудов со стремевидной ручкой также, очевидно, объясняется влиянием Центрального побережья, где сосуды с длинными суживающимися горлышками появляются раньше. В период V (или с самого конца IV) мочикские керамисты стали иногда копировать древние изделия, а именно сосуды культуры кушиснике I тысячелетия до н. э.[14] и старые мочикские вазы периода III [15].

---

[7] *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik.— MA, Bd I, 1954, Abb. 80.
[8] Ibid., Abb. 75.
[9] *Kutscher G.* Chimu, eine altindianische Hochkultur. Berlin, 1950, Abb. 26.
[10] *Doering H. U.* Kunst im Reiche der Inca. Tübungen, 1952, Taf. 172, 173.
[11] *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 20*b*, 21.
[12] *Kutscher G.* Chimu, Abb. 43, 62.
[13] *Kutscher G.* Das Federball-Spiel in der alten Kultur von Moche (Nord Peru).— BA, N. F., Bd IV, Ht 2, 1956, Abb. 1—3.
[14] См. о копировании в мочика III и V кушиникских сосудов в ст.: *Howe J. H.* The influence of Chavin on later styles.— In: Dumbarton Oaks Conference on Chavin. Washington, 1971, p. 101—116.
[15] The Concise Encyclopaedia of Archaeology (ed. by Cottrell L.). London, 1960, pl. 112 (лев.); *D'Harcourt R. et M.* La céramique anciens du Pérou. Paris, 1924, tabl. 53*a*;

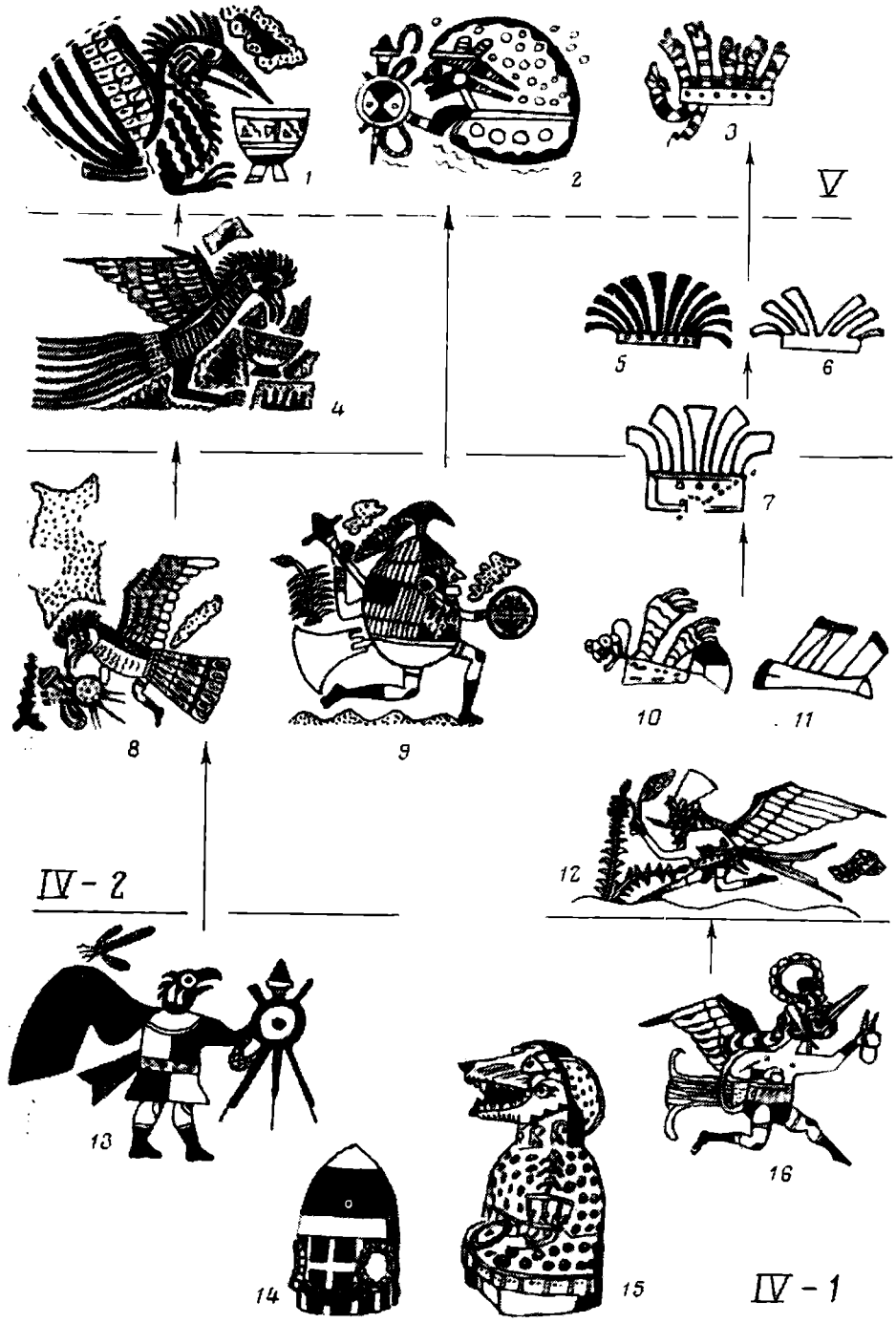


Рис. 5. Стилистическая эволюция мочикских росписей (*6* — рельеф) по периодам. Орел, колибри, боб, головной убор с отходящими вверх полосами, другие изображения

Leicht H. Indianische Kunst und Kultur. Zürich, 1944, S. 26, Abb. *a*. Во всех этих случаях изображение позднемочикское, но форма ручки воспроизводит образцы периода III. Еще один сосуд (*Wardle H. N.* Fictile art of the Mochicas.— UMB, v. 8, № 1, 1940, pl. V), возможно, и в самом деле относится к периоду III, однако некоторые особенности росписи заставляют подозревать здесь позднее подражание. Широкая полоса на горле сосудов (признак 76) отсутствует в период IV, но встречается на некоторых вазах периода III (правда, не отдельно, а с дополнительным рисунком). Весьма вероятно, что введение в практику в период V подобного способа орнаментации также связано с копированием старых образцов.

Особо стоит вопрос о датировке мочикских стенных росписей. Главные из них найдены в пределах комплексов монументальных сооружений в Паньямарке (долина Непеньи) и в Уака-де-ла-Луна (долина Моче). Подавляющее большинство сцен [16] можно, на наш взгляд, датировать не ранее начала периода IV и не позже чем рубеж IV—V. Об этом свидетельствуют отсутствие особенностей, безусловно характерных только для периодов III или V, и наличие в орнаментации основных композиций признаков 15 или 38 (неразличимых на полихромных росписях, но оба относящихся к периоду IV). Роспись на сюжет мифа о «бунте вещей» из Уака-де-ла-Луна перуанский археолог Д. Бонавиа относит к периоду V[17]. Действительно, на ней есть поздние черты, а именно: ожерелье [18] изображено примерно так же, как на одной вазовой росписи периода V[19], а головной убор (см. рис. 5, 7) украшен отходящими вверх полосами (ср. признак 73). Однако в отличие от изображений начала периода V (рис. 5, *5*) на росписи из Уака-де-ла-Луна убор украшен не девятью — двенадцатью, а лишь пятью полосами. (Рис. 5, *6*, где убор (начала ?) периода V украшен шестью полосами, представляет рельефное изображение, находящееся несколько в стороне от основной линии эволюции.) На изображении периода IV-2 на подобных уборах две-три полосы (рис. 5, *10, 11*). Общее направление эволюции понятно, так что скорее всего данную стенную роспись можно отнести примерно к рубежу IV-2 — V. Что касается росписей Паньямарки, то мы склонны согласиться с Бонавиа [20] в том, что речь идет о конце периода IV, т. е. о IV-2, хотя окончательные доказательства такой датировки еще предстоит представить. Можно отметить лишь, что изображение двух сражающихся антропоморфных персонажей [21] явно не раньше IV-2 (сетчатая орнаментация манжетов, признак 56).

К самому концу существования культуры мочика относится стенная роспись в Ла-Маянге (Уака Фачо), долина Ламбайеке, в теме и композиции которой видно инокультурное влияние [22]. Две нанесенные одна поверх другой композиции в Уака-де-ла-Луна перекрывают слой немочикской росписи [23], созданной, по-видимому, во время вражеской оккупации этого центра, имевшей место не раньше периода V. По мнению Бонавиа [24], эти сцены созданы уже в послемочикскую эпоху в архаизирующем стиле, хотя, на наш взгляд, могут датироваться и самым концом периода V. Не считая этих последних образцов из Уака-де-ла-Луна, в любом случае очень поздних, качество всех остальных мочикских стенных росписей (за исключением, может быть, некоторых неосновных и плохо сохранившихся изображений в Паньямарке, в частности фигур двух сражающихся божеств) чрезвычайно высокое. Не подлежит сомнению, что в отличие от вазописи монументальная живопись мочика достигает расцвета именно в периоды IV-2 — V. Похоже, что керамика перестает теперь служить основным материалом для крупнейших мастеров и их силы переключаются на роспись стен главных храмов.

Каждый из трех рассмотренных здесь периодов в дальнейшем наверняка удастся разбить на два-три более мелких, хотя пока из-за не-

---

[16] *Bonavia D.* Ricchata Quellcani. Pinturas murales prehispánicas. Lima, 1974, fig. 25—44.

[17] Ibid., p. 85.

[18] Ibid., fig. 42 вверху слева, fig. 44, секция 2.

[19] *Kutscher G.* Sacrifices et prières dans l'ancienne civilization de Moche.— Anais do 31 ICA (São Paulo, 1954). São Paulo, 1955, v. II, fig. 1 (прорисовка изображения); *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru. Berlin, 1929, S. 202, Abb. 1 (фото сосуда).

[20] *Bonavia D.* Ricchata Quellcani..., p. 64.

[21] Ibid., fig. 31.

[22] *Donnan Ch. B.* Moche-Huari murals from Northern Peru.— Archaeology, v. 25, № 2, 1972, p. 85—95.

[23] *Bonavia D.* Op. cit., fig. 45—49.

[24] Ibid., p. 89—92.

достатка материала мы можем это ориентировочно сделать лишь для небольших групп изображений. О поздних и ранних росписях периода V уже говорилось. Обращаясь к периоду IV-1, отметим, что признак 25, по-видимому, относится лишь к его концу и соответственно концом этого периода можно датировать сцены, где он встречается [25], тогда как признаки 2 и 3 есть лишь на изображениях начала IV-1. Из наиболее известных росписей периода IV-2 изображение антропоморфного божества, поочередно сражающегося с двумя демонами, мы предлагаем датировать началом этого этапа; сцену «бунта вещей» и его подавления божествами — его серединой, сцену человеческих жертвоприношений на земле и на небе [26] — его концом.

Предложенный в статье перечень признаков для датировки мочикских изображений периодов IV—V, возможно, потребует каких-то исправлений и наверняка будет значительно расширен. Многие изображения, особенно скульптурные, пока остаются вне точной хронологической привязки. Так, большую и стилистически чрезвычайно характерную группу составляют сосуды, статуэтки (как глиняные, так и из других материалов) и изображения на керамических горнах и свистках из долины Моче, чаще всего в виде музыкантов, играющих на свирелях и флейтах [27]. Подобным образом изображенные музыканты есть также на одной из росписей [28]. Полагая, что речь может идти о начале периода IV-2, мы, однако, не настаиваем категорически на этой датировке.

Предложенная хронологическая схема проиллюстрирована на рисунках двумя — пятью примерами стилистической эволюции некоторых популярных мочикских сюжетов и персонажей. Необходимо при этом помнить, что эволюция изображений шла сложнее, чем это показано на рисунках. Развитие образа того или иного персонажа проходило в разных мастерских, влиявших друг на друга, и мы не в состоянии учесть все комбинации признаков.

Рис. 2, *3, 6—8, 12, 13* показывает развитие образа чудовища, «зверя Рекуай». В ранней мочике (на рисунках не отражено) зверь Рекуай имеет отростки на голове и на хвосте, без змей на концах; рисуется он очень схематично. В период III образ «оживает», превращается в «дракона» с тщательно прорисованным телом, головой и лапами и сочетает признаки хищного зверя и пресмыкающегося. На концах отростков появляются змеи, но головной отросток вскоре (в конце III ?) исчезает. Дальнейшая эволюция касается только деталей: с периода IV-2 на профильных изображениях видны не две, а три лапы, вместо зубчатого гребня по хребту в конце IV-1 появляется гребень из листообразных отростков. Персонаж перестает изображаться в конце периода IV-2 или в самом начале V.

В период II или в начале III от изображений зверя Рекуай отделяется боковая эволюционная ветвь — «зверь на луне» (существо, стоящее внутри лунного серпа). Этот персонаж сохраняет схематичный контур раннемочикских изображений и два отростка — на голове и хвосте — без змей на концах. Поза его, однако, и отчасти трактовка головы в период IV примерно те же, что и у «дракона» [29].

---

[25] Среди них упоминавшаяся сцена битвы мочика с иноплеменниками и часто воспроизводимое в публикациях изображение воинов, ведущих пленников (*Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 24).

[26] *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 54*b*; *idem.* Chimu..., Abb. 43 (с этого изображения взята фигура божества на рис. 3, *6*). См.: *Березкин Ю. Е.* Мифология мочика (Перу).— СА, 1972, № 4, рис. 2; *Kutscher G.* Chimu..., Abb. 62 (с этого изображения взята фигура божества на рис. 3, *5*); см. также *Березкин Ю. Е.* Ук. соч., рис. 3.

[27] *Disselhoff H. D.* Alltag im alten Peru. München, 1966, S. 105 (прав.); *Donnan Ch. B.* Moche ceramic technology.— NP, v. 3, 1965, fig. 35; *Kelemen P.* Medieval american art. New York, 1956, pl. 258*b*; *Kroeber A. L.* Peruvian archaeology in 1942.— VFPA, № 4, 1944, fig. 48*e, f*; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 77*d*.

[28] *Kutscher G.* Chimu..., Abb. 32.

[29] *Fuhrmann E.* Peru II. Keramik der Chimu. Darmstadt, 1922, Abb. 92; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 44—46; *Strong W. D., Evans C.* Cultural stratigraphy in

Изображения мифических улиток (рис. 2, *2, 5, 9, 11*) и змей (рис. 2, *1, 5, 10, 14*) в периоды IV—V имеют ряд общих элементов (в трактовке пасти, лап, хвоста) друг с другом и с изображениями зверя Рекуай. Для хронологической классификации изображений змей основное значение имеет окраска тела: ровные трехлепестковые пятна периода IV-1 (признак 24) позже приобретают амебообразную форму. Для периода III типична окраска тел змей полукольцами. Ведущим хронологическим указателем для изображений улиток служит расцветка кружков над мордой чудовища и форма ведущих к ним стебельков. В период IV-1 кружки сплошь окрашены темным, стебельки тонкие (признак 21); в IV-2 стебельки толстые, окраска кружков разнообразна (признак 44); в V стебельки толстые, внутри кружков пятно или кольцо (признак 63). Изображения змей и улиток периода V легко также датировать по форме лап (признак 59), пасти (признак 61), уха (признак 62), а улиток еще и по гребню на спине (признак 60).

Начиная с периода III и вплоть до конца V на мочикских росписях встречаются сцены рыбной ловли с участием мифологических персонажей (рис. 3, *1—4, 7 14*). Помимо плывущих в лодке антропо- и зооморфных божеств, на этих росписях обычно показаны бакланы и бог-рыба (главное из морских чудовищ), которого герои ловят на крючок. Особенности окраски рыбьего хвоста (признак 10) и формы клюва баклана (признаки 17 и 49) позволяют отнести изображения к периоду IV-1 либо IV-2. В периоды IV—V лодка во всех случаях имеет голову чудовища с одного или чаще с обоих концов. От начала IV-1 и по начало V вазописцы разрабатывают один и тот же вариант сюжета: антропоморфный герой находится в лодке один, либо в сопровождении бога-утки, а лодку обычно (но не всегда) тянут и толкают бакланы (рис. 3, *2, 4, 7*). В начале периода V возникает новая традиция изображения морских сцен; вазописцы используют и иной вариант сюжета, и иные иконографические приемы. Лодку не тянут бакланы, а она сама бежит по волнам, так как под днищем у нее ноги (иногда нарисованы также и руки; рис. 3, *1, 3*). Антропоморфный персонаж в лодке, если он не один, плывет в сопровождении уже не утки, а морского орла [30]. Нередко рядом изображена вторая лодка, в которой находится бог-с-лучами — глава мочикского пантеона (рис. 3, *1, 3*). Его лодка также снабжена руками и ногами, но на одной росписи бакланы стоят рядом с божеством с веслами в руках [31]. Обе лодки имеют раздвоенную корму. Можно полагать, что вторая изобразительная традиция восходит не к росписям, а к рельефам и к скульптурным сосудам периода IV. Так, на одном подобном сосуде периода IV у лодки-чудовища есть руки и ноги [32], а на рельефных изображениях того же времени — раздвоенная корма [33].

Что касается упомянутого бога-с-лучами, то эволюция изображений этого персонажа — одна из опорных точек хронологии, так как форма лучей, отходящих от его фигуры, резко меняется от периода к периоду. На росписях IV-1 лучи остроконечные, темные (признак 19). В IV-2 они, сохраняя остроконечную форму, оканчиваются головами змей и внутри светлые, орнаментированные (признак 34). В начале периода V лучи показаны в виде тонких или толстых линий с головами змей на концах

---

the Viru Valley, Northern Peru. The Formative and Florescent epochs.— CSAE, v. IV, 1952, pl. XVII, *e*; *Tello J. C.* Wira-kocha.— «Inca», v. 1, 1923, fig. 55.

[30] *Kubler G.* The art and architecture of ancient America. Baltimore, 1962, p. 255, fig. E; *Leicht H.* Op. cit., p. 95; *Schmidt M.* Op. cit., S. 196, Abb. 2.

[31] *Willey G. R.* An introduction to american archaeology, v. 2. South America. Englewood Cliffs, 1971, fig. 3—68.

[32] *Horkheimer H.* La cultura mochica.— GCAP, t. I, 1961, p. 15.

[33] *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 60*b*, 61*a*; *Larco Hoyle R.* Pérou. Genève, 1966, fig. 61; *Baessler A.* Altperuanische Kunst. Berlin, 1902—1903, Bd. 3, fig. 347.

(признак 68), а на изображениях конца этого периода, вероятно, совсем исчезают. Замечательно, что лучи периода V, как и раздвоенная корма лодки в мифологических сценах на море, имеют аналогии не с росписями а с рельефами периода IV [34]. Большинство этих рельефных изображений, если не все, по-видимому, происходит из южного ареала мочика, района Чимботе. В период V мочика потеряли контроль над южными областями. Если допустить, что после военного разгрома часть ремесленников бежала на север и принесла с собой соответствующие изобразительные традиции, мы отыщем приемлемое объяснение ряду инноваций на росписях центральных мочикских районов периода V. К сожалению, у нас нет данных о происхождении сосудов из определенной местности (в лучшем случае известна долина). Если же такие данные появятся, то, возможно, удастся не только реконструировать картину исчезновения одной мастерской и создания другой, производство в которой опиралось на иные традиции, но и выявить взаимосвязь этой смены с упадком одного политического центра и ростом влияния другого.

Среди зооморфных мифологических персонажей мочика наибольшей популярностью пользовался морской орел. Точнее, речь идет о двух персонажах: боге-орле с человеческими руками и ногами (рис. 3, *16;* 5, *8, 13*) и мифическом орле с клыками во рту, но без антропоморфных черт (рис. 5, *1, 4*). Фигуры бога-орла не только изобилуют на керамике периода IV, но и относительно часто встречаются на росписях периодов III и V, когда большинство остальных зооморфных божеств еще или уже не изображаются. Мифический орел появляется лишь с периода IV-2 либо с самого конца IV-1. Изображения обоих мифологических персонажей, созданных на основе образа морского орла, очень разнообразны по стилю и нам не удалось пока выделить специфические для них признаки на росписях периодов IV-1 и IV-2, за исключением признака 14, общего у орлов и бакланов. Многие изображения, правда, можно датировать, исходя из особенностей, специфических не только для данных персонажей (например, по признаку 53).

Что касается других зооморфных персонажей, то изображения колибри датируются по форме хвоста (признак 47, рис. 5, *12, 16*), мухи — по окраске крыльев (признак 48), краба, рака и многоножки — по манере передачи клешней и ног (признаки 5, 57, 58, 70, рис. 4, *1—4, 8—10*), рыбы — по окраске хвоста и выступам над пастью (признаки 10, 32, рис. 3, *1, 2, 4, 7, 15*; 4, *4*). Четко разделить изображения лиса и совы, относящиеся соответственно к IV-1 и IV-2, пока не удалось. Возможно, что на росписях IV-1 вся голова совы имеет сплошное обрамление из перьев (рис. 3, *11*), а позже отдельно обрамлены глаза и подбородок, но в отношении скульптурных изображений (а их в данном случае большинство) это правило, видимо, не годится. Изображения бобов-воинов (рис. 5, *2, 9*) широко распространяются только с IV-2. Есть, однако, роспись, где эти персонажи не имеют лица и ног [35]. Не исключено, что она одна из наиболее ранних и относится к IV-1.

Ведущие антропоморфные мифологические персонажи мочика — культурный герой и божество Ай-Апек и его соперник со сходной иконографией — изображаются обычно со змеями у пояса, способ орнаментации тел которых (признаки 15, 38, 54) весьма помогает датировать росписи. Сцену рыбной ловли, фрагмент которой представлен на рис. 4, *7*, можно отнести к концу периода IV-1, а аналогичную сцену (рис. 4, *6*) — к рубежу IV-1 — IV-2. На этом последнем изображении нижняя змея у пояса

---

[34] *Danzel T. W.* Handbuch der präcolumbischen Kulturen in Latinamerika. Hamburg — Berlin, 1927, S. 9 (прав.); *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 79*a, c*; *Leicht H.* Op. cit., S. 85. На этих рельефах ореол из лучей окружает фигуру не антропоморфного, а птицеголового божества.

[35] *Donnan Ch. B.* Moche occupation of the Santa Valley, Peru.— UCPA, v. 8, 1973, fig. 222.

персонажа орнаментирована по способу, обычному в IV-1, а верхняя — как в IV-2 (с небольшими отличиями, заметными на оригинале росписи и касающимися толщины линий). Изображение на рис. 4, *5* датируется, по нашему мнению, серединой IV-2. Изображения на рис. 4, *5—7*, возможно, созданы в одной мастерской, учитывая сходство ряда деталей, прежде всего фигур змей, сохраняющееся несмотря на эволюцию во времени. Они относятся к той же стилистической группе, что и упоминавшиеся росписи со сценами рыбной ловли на рис. 3, *4, 7*.

В задачу статьи не входит сюжетный анализ изображений по периодам. Отметим лишь одну особенность, бросающуюся в глаза даже без статистических просветов. Среди изображений периода V, происходящих с основной территории мочика, совершенно отсутствуют батальные сцены, весьма обычные ранее. Мы связываем это обстоятельство с военными поражениями: в это время, как указывалось, мочика потеряли территории на юге (приобретенные в периоды III—IV) и даже, вероятно, были частично вытеснены из колыбели своей культуры, долины Моче (упоминавшаяся немочикская роспись в Уака-де-ла-Луна). В подобной обстановке изображения битв на росписях могли выглядеть неуместно. Военные сцены периода V есть, однако, на сосудах из северной долины Пакасмайо [36], где мочика, очевидно, частично смешались с местным населением и создали культуру, значительно отличную от классической культуры долин Моче и Чикамы и развивавшуюся в какой-то мере независимо, во всяком случае, в иной политической ситуации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДАТИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ МОЧИКА ПЕРИОДОВ IV—V (рис. 6, 7)

Признаки, общие для периодов III и IV-1.

1. Изображение дано темным силуэтом, детали выделены светлыми линиями [37] (рис. 2, *12, 14*; 3, *9, 12, 13, 15, 16*).
2. Волосы на затылке человека или божества показаны в профиль в виде треугольника, закрашенного темной краской (рис. 2, *9, 12*).
3. Четыре пальца руки нарисованы отдельно от ладони (рис. 2, *9, 12, 14, 16*).
4. На поясе орнамент в виде простого меандра или горизонтальных S-образных фигур (рис. 2, *9*; 5, *13*).
5. Клешни рака, краба, многоножки переданы темным силуэтом, кроме зубчиков на конце последнего членика, которые иногда не закрашены внутри (рис. 4, *8—10*).
6. На стремевидной ручке сосуда изображены змеи.
7. На голове персонажа (либо отдельно) конический шлем, гладкий или с украшениями (шишак, концентрические выступы, фигурки змей). Признак касается только скульптурных (хотя и раскрашенных) изображений; на росписях подобный шлем встречается и позже (рис. 5, *14*).
8. Орнаментация шлемов, одежды, щитов крестами, составленными из четырех закрашенных темным треугольников (с гладкой либо зубчатой длинной стороной).
9. Изображения змей, украшающих конический шлем (как на росписях, так и на скульптурных сосудах).
10. Хвост рыбы, сплошь окрашенный темным, не считая тонких светлых полос (см. признак 1) и светлого пространства вдоль краев (рис. 3, *7, 15*).
11. Силуэтные изображения кактусов без колючек (рис. 2, *7, 8, 12*; 5, *13*).

Признаки, возможно, общие для периодов IV-1 и III (отнесение сосудов с соответствующими изображениями к периоду III, а не к IV-1 под вопросом).

12. Одежда орнаментирована темными пятнами с «глазком» внутри или (и) с прямоугольным выступом сверху (рис. 5, *5*).
13. Изображения растения тильяндсия: листья симметрично раскинуты на обе стороны и каждая пара составляет V-образную фигуру; стебель между листьями не изображен. Признак встречается как на росписях, так и на раскрашенных рельефах (рис. 3, *10*).

---

[36] *Doering H. U.* Bericht über archaeologische Feldarbeiten in Peru. II.— «Ethnos», 1959, № 1—2, fig. 13, 14; *Kroeber A. L.* The Uhle pottery collections from Moche.— UCPAAE, 1925, v. 21, № 5, pl. 67*g*.

[37] Эти линии либо процарапаны, так что из-под темной краски выступает светлый фон, либо проведены поверх темного силуэта.

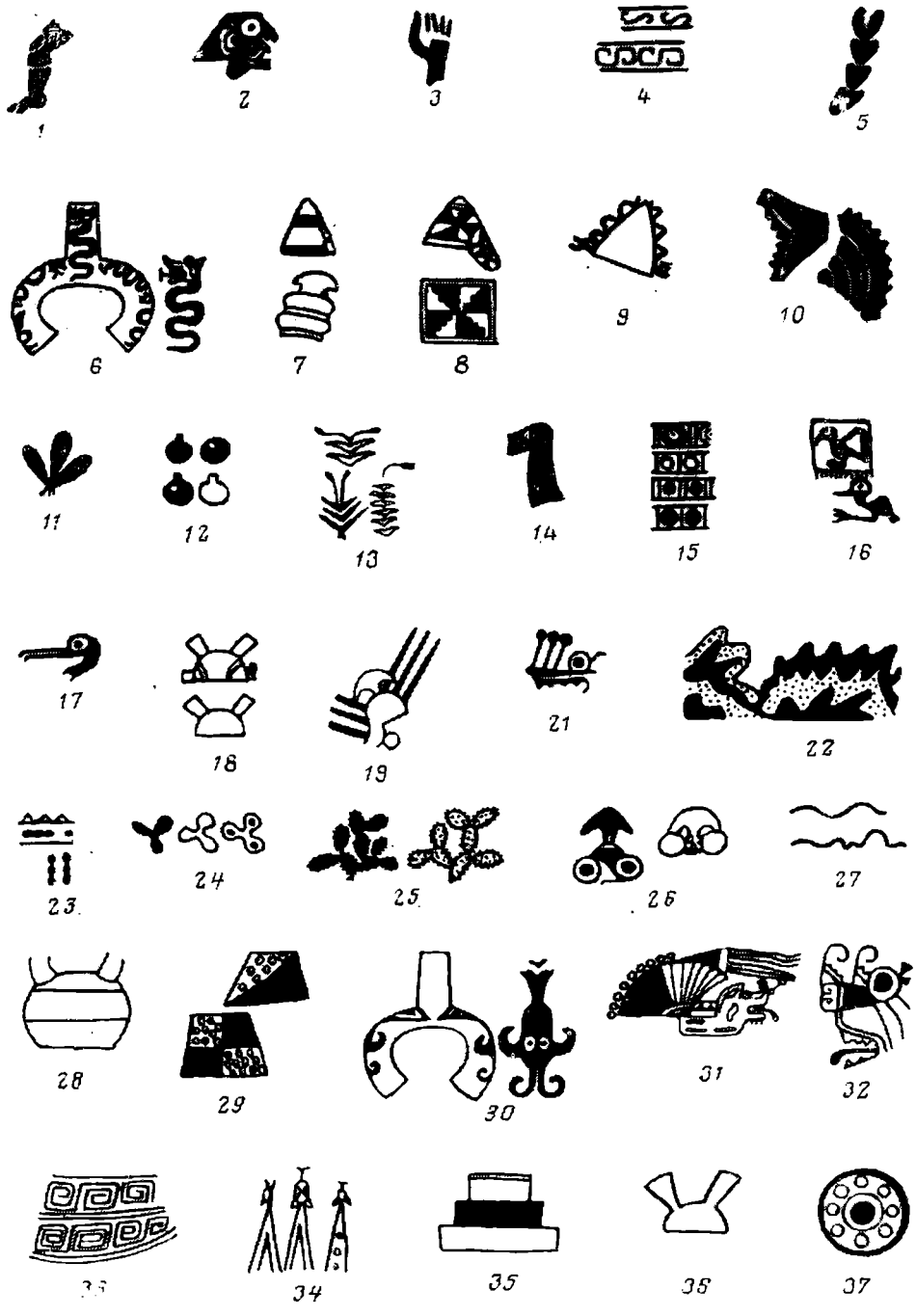


Рис. 6. Признаки, использованные при составлении таблицы на рис. 1. Список признаков см. в тексте (Приложение)

Признаки периода IV-1.

14. Крыло птицы сплошь окрашено темным, при условии, если это один из главных объектов росписи, а не мелкая второстепенная фигурка (рис. 3, *9*; 5, *13*).
15. Узкие длинные предметы (пояса, тела змей и пр.) орнаментированы чередующимися вертикальными полосами и кружками теми способами, которые показаны на рис. 6, *15* (ср. 7, *38*) [38], рис. 2, *9*; 3, *7, 9*; 4, *6, 7*.

[38] Признаки 15 и 38 как указатели для отнесения изображений к периоду IV-1 либо IV-2 действительны только для двухцветных изображений и неразличимы на рельефах и полихромных росписях.

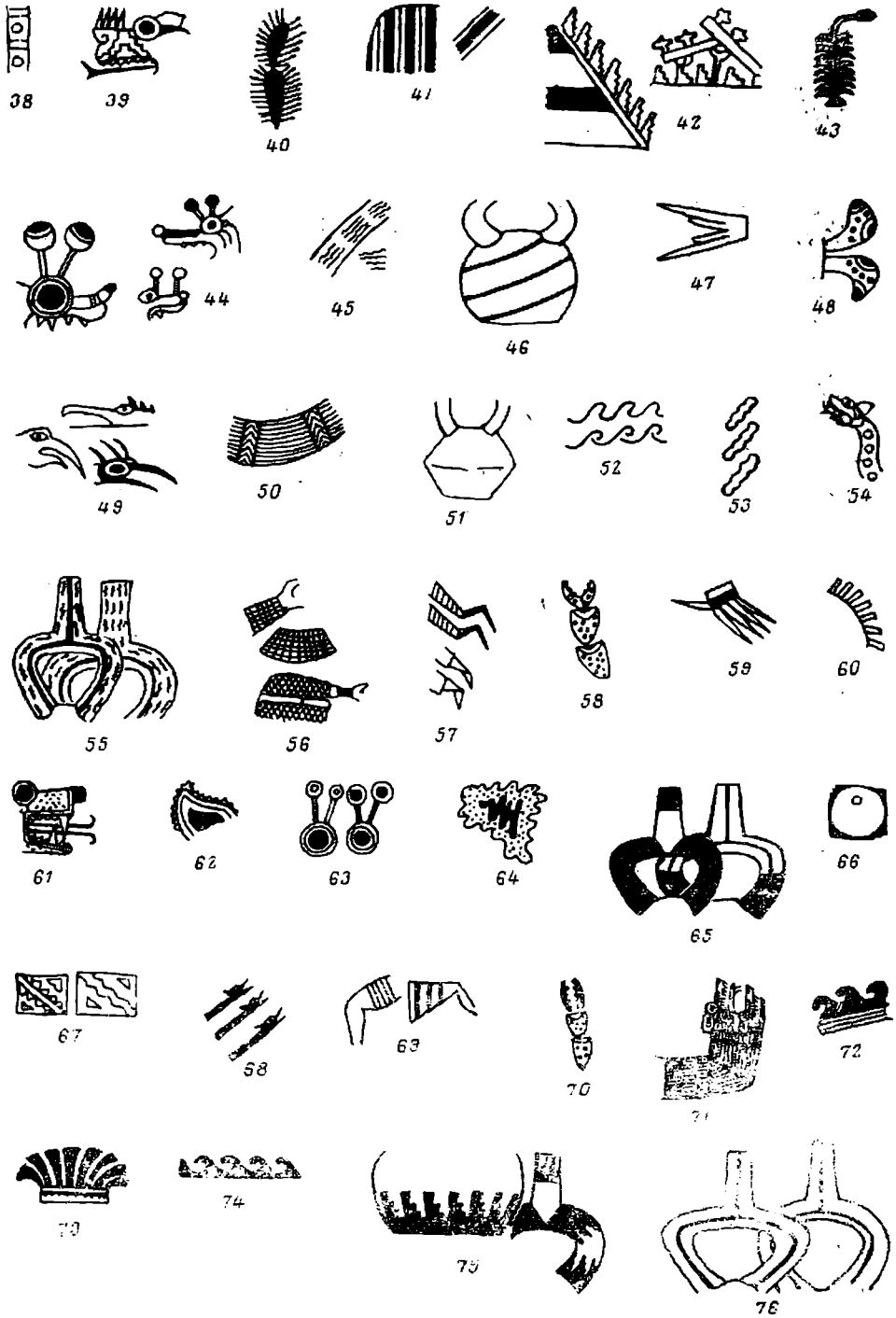


Рис. 7. Признаки, использованные при составлении таблицы на рис. 1 (начало на рис. 6). Список признаков см. в тексте (Приложение)

16. Маленькие силуэтные фигурки птиц (на одежде, среди болотной растительности, рядом с изображениями морских божеств). Позже подобные фигурки передаются не силуэтом, а с выделением на туловище различных деталей (рис. 4, *9*).
17. Клюв баклана, обе половины которого резко загнуты на конце (рис. 3, *7*, *9*). (На росписях периода III клюв баклана короче и толще, и судить, описывается ли его форма признаком 17 или 49, невозможно (рис. 7, *49*).)
18. Полукруглый шлем с прямоугольными выступами. Полукруглая контурная линия у выступов не прерывается (рис. 3, *7*, *8*).

19. Лучи, отходящие от тела антропоморфного божества, даны силуэтом в виде узких длинных треугольников без змей на концах. Признак встречается как на росписях, так и на раскрашенных рельефах (рис. 3, *8*).
20. Помимо коричневого и кремового, в росписях использован третий, пурпурный цвет (на рисунках в статье не передан, встречается, например, в композиции, из которой взят рис. 3, *11*).
21. Голова зооморфных мифологических персонажей (обычно чудовищных улиток, реже других) украшена темными кружками на стебельках, показанных одной тонкой линией (рис. 2, *9*, *11*).
22. Изображены складки местности в виде неровных перекрывающих друг друга светлых и темных зон (рис. 3, *10*).
23. Орнаментация предметов и существ тремя слившимися темными пятнами. Орнаментация двумя слившимися пятнами встречается и позже (рис. 4, *9*).
24. Орнаментация существ (змей, чудовищных улиток) трехлепестковыми пятнами. Позже такие пятна приобретают неправильную, амебообразную форму (рис. 2, *9*, *10*; ср. 2, *1*, *4*).
25. Сложные изображения ветвистых кактусов с небольшими выступами-колючками по краям (рис. 2, *9*).

Признаки, общие для периодов IV-1 и IV-2.

26. Низкий полукруглый шлем, украшенный шишаком и дисками по обе стороны. Между дисков часто помещено изображение головы хищника. Применяется в основном на рельефах и скульптуре, редко в росписях.
27. Волнистая линия (без изображений груд песка) под ногами участников действия (рис. 5, *12*).
28. Изображение помещено на сосуде в два или три горизонтальных яруса.
29. Одежда орнаментирована чередующимися темными и светлыми с мелкими кружками внутри тре- и четырехугольниками (рис. 3, *5*).
30. На стремевидной ручке сосуда изображены осьминоги (скаты?).
31. Веерообразное украшение (на шлеме), половина которого сплошь закрашена темным. В IV-2 этот признак встречается чаще, чем в IV-1.
32. Треугольники со спиралью сверху на морде мифических существ (бог-рыба, зверь Рекуай) (рис. 2, *3*; 4, *4*).

Признаки периода IV-2.

33. Сложный меандр (два и более полных оборота ломаной линии по спирали) как орнаментальный мотив. Подобный меандр встречается и в период III, но отсутствует в IV-I и в V.
34. Лучи, отходящие от тела антропоморфного божества, с кружками либо концентрическими треугольниками внутри. На концах лучей головы змей (сверху или в профиль) (рис. 3, *5*, *6*).
35. Изображения пирамиды в виде чередующихся светлых (без какой-либо орнаментации) и темных ступеней.
36. Полукруглый шлем с прямоугольными выступами. Полукруглая контурная линия у выступов прерывается (рис. 3, *4*).
37. Щит (круглый или прямоугольный), орнаментированный четырьмя и более концентрическими окружностями (прямоугольниками), включая окружность, ограничивающую контур, если она передана утолщенной линией, темное пятно внутри и окружность, образуемую рядом мелких кружков или пятен.
38. Узкие длинные предметы (пояс, тела змей и пр.) орнаментированы чередующимися двумя вертикальными полосами и кружками (ср. рис. 6, *15*) (рис. 4, *3*, *5*, *6*). См. примеч. 38.
39. Изображение симметричной ступенчатой пирамидки внутри контура верхней челюсти зооморфного божества, животного или чудовища (рис. 2, *4*, *7*).
40. Окрашенное темным изображение кактуса из двух возвышающихся друг над другом лопастей с длинными колючками.
41. Орнаментация предметов и существ широкой полосой с двумя узкими полосами вдоль нее либо чередующимися широкими и тонкими полосами.
42. Прямоугольные треугольники со ступенчатой длинной стороной без орнаментации внутри на изображениях зданий либо располагающиеся ниже сцены.
43. Изображения растения тильяндсия с полностью нарисованным стеблем и листьями по обе стороны от него, каждый из которых ограничен двумя линиями (а не передан силуэтом или одной тонкой линией) (рис. 5, *9*, *12*).
44. Над мордой зооморфных мифологических персонажей кружки на стебельках из двух линий: а) верхняя часть кружка окрашена темным, нижняя оставлена незакрашенной, б) весь кружок оставлен незакрашенным, в) весь кружок закрашен (рис. 2, *5*).
45. Орнаментация предметов и существ группами незамкнутых на концах тонких волнистых линий (рис. 4, *4*; 5, *8*; отлично от рис. 5, *4*).
46. Изображение помещено на сосуде в несколько ярусов по спирали.
47. Раздвоенный на конце хвост колибри; с каждой стороны по два или более пера, одно короче другого. В период IV-1 хвост колибри на росписях ограничивают два больших пера, а середина заполнена несколькими одинаковыми мелкими (рис. 5, *12*, ср. 5, *16*). Хвост без прорисовки перьев (закрашенный или светлый внутри)

встречается на протяжении всего периода IV. Изображения колибри периода V мне не известны.

48. Крылья насекомого, орнаментированные внутри. Крылья, сплошь закрашенные темным, встречаются на протяжении всего периода IV. Изображения насекомых периода V мне не известны.

Признаки, общие для периодов IV-2 и V.

49. Клюв баклана, обе половины которого равномерно изогнуты (а не с резким перегибом на конце) либо одна половина прямая, другая с перегибом (рис. 3, *2, 4*).
50. Канаты, стягивающие тростниковую лодку, орнаментированы шевронами (рис. 3, *2, 4*).
51. Биконические сосуды с примерно равновеликими верхней и нижней половинами.
52. Орнаментация предметов и существ удлиненными незакрашенными внутри пятнами из как бы слившихся друг с другом кружков (рис. 2, *2, 3*; 5, *4, 8, 9*).
53. Изображения волн одной линией (сплошной или прерывистой) внизу сцены (рис. 3, *4*).
54. Орнаментация тел змей кружками в одну линию.
55. Орнаментация стремевидной ручки широкими и короткими волнистыми полосками.
56. Сетчатая орнаментация манжетов, воротников, реже других частей одежды (рис. 3, *3*).
57. Ноги рака, краба, многоножки перехвачены в сочленениях; отдельные членики иногда по-разному орнаментированы (рис. 4, *1–3*). Ноги этих существ, сплошь закрашенные темным, встречаются на изображениях периодов III—IV-2 (рис. 4, *4, 9, 10*), незакрашенные внутри, но без линий, разделяющих сочленения, – в IV-1 и в IV-2 (рис. 4, *8*).
58. Клешни, орнаментированнные внутри (в основном мелкими кружками или точками; рис. 4, *4, 5*).
59. Лапа чудовища, птицы и т. п. с одним длинным когтем или пальцем, отставленным назад (рис. 2, *2, 3*).

Признаки периода V.

60. Гребень на теле чудовища (реже птицы) из маленьких удлиненных прямоугольников (рис. 2, *2*).
61. Пасть чудовища с двойным языком и резко выдающимися клыками; две половины языка нарисованы параллельно друг другу выходящими из глубины пасти (рис. 2, *1, 2*; отлично от 2, *5*).
62. Ухо чудовища, обрамленное зубчиками, незакрашенными внутри (рис. 2, *1, 2*; 3, *2*).
63. Над мордой чудовищ кружки на толстых стебельках, обозначенных двумя тонкими или одной жирной линией. Внутри кружка еще один либо темное пятно (рис. 2, *2*).
64. Стилизованные изображения груд песка в виде фигур неправильной формы с точечным полем по краям со всех сторон и сплошной заливкой внутри (рис. 2, *2*; 5, *4*; ср. 5, *8, 9, 12*).
65. Части стремевидной ручки сосуда зонально окрашены темным (есть множество вариантов окраски).
66. Орнамент (на сосуде, одежде) в виде больших светлых кругов, обычно на темном фоне, с маленьким кружком внутри вверху (рис. 4, *1*).
67. Орнамент (на сосуде, одежде) в виде прямоугольников, состоящих из двух симметричных треугольников, отделенных друг от друга двумя или более прямыми, волнистыми или зубчатыми линиями. В предшествующие периоды треугольники, как правило, несимметричны либо разделены только одной линией (рис. 4, *1*).
68. Лучи, отходящие от тела антропоморфного божества, показаны в виде прямых линий (жирных или тонких) с головами змей (в профиль) на концах (рис. 3, *3*).
69. Нога (человека, божества, чудовища) окрашена на бедре тремя или более полосами с равными промежутками между ними. Окраска одной-двумя полосами обычна в предшествующие периоды и, по-видимому, практикуется еще в начале периода V. В IV-2 встречаются четыре тонких полосы с неравными промежутками, т. е. ограничивающие две широких незакрашенных внутри (рис. 3, *3*; 4, *2*).
70. Клешни, орнаментированные внутри, за исключением последнего членика, целиком закрашенного (рис. 4, *1, 2*).
71. Тростниковая лодка с резко поднятыми (почти под прямым углом) кормой и носом. В известных мне случаях такая лодка оканчивается двумя головами змей на корме и одной на носу и имеет ноги под днищем (рис. 3, *1, 3*).
72. Волосы на голове человека или божества представлены темным силуэтом в виде волн (рис. 4, *2*).
73. Головной убор украшен несколькими (более пяти) широкими полосами, отходящими от него сверху либо так же и снизу сзади и загибающимися вверх (рис. 3. *1, 3;* 5, *3, 5, 6;* ср. 5, *7, 10, 11*).
74. Изображения волн внизу сцены, переданные темным силуэтом (рис. 3, *3*).
75. Прямоугольные треугольники со ступенчатой длинной стороной, сплошь закрашенные внутри, изображенные на стремевидной ручке или на вазе внизу сцены.
76. Орнаментация стремевидной ручки только идущей посреди нее широкой полосой.

You. E. Bérezkine

CHRONOLOGIE DES ETAPES MOYENNE ET TARDIVE DE LA CULTURE DE MOCHICA (PEROU)

Résumé

L'article est consacré à l'analyse de certaines particularités stylistiques des peintures de la culture mochica (côte septentrionale du Pérou; Ier-VIIe s. de n. è.), qui ont une signification chronologique, et qui peuvent servir à dater une peinture soit du début de l'étape moyenne du développement de cette culture (période IV-I), soit de la fin de celle-ci (période IV-2) ou de l'étape récente (période V). Dans les limites des périodes IV-1, IV-2 et V sont données, à titre indicatif, des sous-périodes plus circonscrites. Les peintures de vases les plus parfaites au point de vue artistique ont été exécutées au cours de la période IV-I. L'aurore de la peinture monumentale commence à la période IV-2 et V. On peut remarquer d'assez importants changements dans l'iconographie au début de la période V. Les nouvelles variantes stylistiques des peintures de la période V, trouvées dans les vallées de Moche et de Chicama, dans de nombreux cas se rapprochent le plus des reliefs existant sur les vases de la période IV, qui proviennent du sud du territoire mochica (région de Chimbote). Au cours de la période V, cette contrée fut envahie par les ennemis des Mochicas. Il se peut que les artisans locaux se soient réfugiés dans les vallées centrales, où ils apportèrent leurs propres traditions artistiques de décor des vases. Dans les peintures de la période V, provenant de Moche et de Chicama, les scènes de batailles sont absentes, ce qui peut être expliqué par la défaite des Mochicas. Il existe cependant des scènes guerrières sur les vases de la vallée septentrionale de Pacasmayo, où la culture mochica s'est étroitement mêlée à celle de la population locale. En supplément à cet article on donne une liste des caractères stylistiques selon chaque période.

А. Л. ЯКОБСОН

К ИЗУЧЕНИЮ ФРЕСОК ИЗ ЮЖНОГО НЕФА «БАЗИЛИКИ 1935 г.» В ХЕРСОНЕСЕ

Базилика, открытая на северном берегу Херсонесского городища в 1935 г.[1], дала многообразный и важный материал. Раскопки выявили на одном и том же месте три базилики, принадлежащие трем различным эпохам. Соответственно различно и их историческое содержание.

Сравнительно небольшая базилика V в. была в следующем столетии расширена, вернее, заново построена, что, несомненно, отразило рост населения города в VI в., а в связи с этим резко возросшие потребности христианского культа. Крохотная базилика X в., сооруженная на развалинах старой базилики и из ее же материалов и уместившаяся в ее центральном нефе, как нельзя лучше показывает, что надобность в больших культовых зданиях в то время уже отпала, несмотря на то, что город переживал тогда экономический подъем.

Постройка большой базилики VI в. потребовала значительных работ по разборке предшествующего здания — базилики V в., причем строительные остатки последней были погребены в мощной и, вероятно, искусственно созданной засыпи толщиной 1,35 *м*.

В этой засыпи, исследованной в 1950 г., оказались многочисленные фрагменты фресковой росписи, представляющие значительный интерес, ибо своим содержанием и стилем они могут, мне кажется, указать на характер и назначение того здания, которому эти фрески принадлежали, как и на дату его.

Но сначала несколько слов о дате базилик, относительно чего возникли разногласия. Открывший здания Г. Д. Белов, а затем и автор этих строк относили первоначальную базилику ко второй половине V в.[2] На такую дату указывают помимо общей трехнефной композиции здания гранная апсида, мозаичный пол в южном нефе и феодосианские капители; дату эту подтверждает и монета императора Феодосия II (408—450), найденная в субструкции мозаики [3]. Датировка первоначальной базилики V в. не вызвала возражений. Бо́льшую базилику те же авторы, как уже говорилось, отнесли к VI в.[4], исходя из ее общей композиции. Она представляет собой типичный образец эллинистической трехнефной базилики со стропильным перекрытием, одной полукруглой апсидой, нартексом и экзонартексом, византийско-коринфскими капителями с мягким аканфом, типичными именно для VI в., и мозаичным полом (сохранившимся в

---

[1] *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, с. 80—132.

[2] *Белов Г. Д.* Отчет..., с. 80—89; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 180, 223—225.

[3] *Гилевич А. М.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г.— ХСб., 1959, № V, с. 192; *Домбровский О. И.* Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935.— Там же, с. 208.

[4] *Белов Г. Д.* Отчет..., с. 113; *Якобсон А. Л.* Ук. соч., с. 177, 178.

южном нефе), рисунок которого в виде перекрещивающихся кругов находит себе великое множество аналогий, почти не выходящих за пределы того же VI в.[5] Все это не оставляло сомнений в правильности датировки базилики этим временем. Наконец, маленькая базилика вернее всего относится к следующему историческому периоду — X в.[6]

Однако датировка большой базилики VI в. подверглась сомнению на том основании, что под мозаичным полом южного нефа была найдена бронзовая херсоно-византийская монета императора Романа I (920—944 гг.)[7], соответственно постройка здания была отнесена к X в.

В литературе уже указывалось на неубедительность этого аргумента[8]. Очевидно, что дата большого монументального здания не может определяться лишь одной монетой, которая могла попасть под мозаику через лакуны в ее средней части, образовавшиеся во время запустения города в VIII—IX вв., когда здание превратилось в развалины. Более поздняя дата большой базилики находится в резком противоречии с множеством датированных ближайших аналогий ее архитектуре и мозаикам[9]; X век таких аналогий не дает.

Фрагменты фресок залегали в нижней части засыпи — на 15—20 *см* выше мозаичного пола первоначальной базилики (на третьем полу — по стратиграфической шкале, намеченной С. Ф. Стржелецким[10], и значительно ниже пола вторичной базилики). Если засыпь, образовавшуюся в период строительства последней или непосредственно перед тем, отнести к VI в., то фрески, очевидно, должны предшествовать этой дате и относиться ко времени не позднее раннего средневековья. Если же вторую (бóльшую) базилику отнести к X в., то соответственно сдвигается и дата фресок. С. Ф. Стржелецкий, исходя из указанной стратиграфии засыпи, относит фрески к VII—VIII вв.[11] О. И. Домбровский соглашается с ним и связывает роспись с эпохой иконоборчества. Он неоднократно подчеркивает наибольшую вероятность этой даты, которая устанавливается «в свете археологических данных»[12], но свет этот, как видим, слишком тусклый и искусственный: «светит» всего лишь одна единственная монета X в., случайно попавшая под поврежденный мозаичный пол[13]. При такой искусственной датировке фресок[14] меньше всего учитывается сама живопись — ее тематика и стиль. Последним и посвящена настоящая статья.

Анализ фресок, ограниченный, правда, по состоянию материала, может быть выполнен благодаря той очень большой и кропотливой работе по реконструкции композиции росписи, которую провели О. И. Домбров-

---

[5] *Якобсон А. Л.* Ук. соч., с. 226, 227.

[6] Мне представляется убедительной трактовка «часовни», предложенная Е. Н. Жеребцовым, который считает ее маленькой базиликой X в. См. *Жеребцов Е. Н.* К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса.— ВВ, 1963, XXIII, с. 211—213.

[7] *Гилевич А. М.* Ук. соч., с. 192; *Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 207.

[8] *Якобсон А. Л.* Ук. соч., с. 180—182; *Жеребцов Е. Н.* Ук. соч., с. 209—211 (о монете X в., попавшей в лакуну мозаики,— с. 210, 211).

[9] *Якобсон А. Л.* Ук. соч., с. 226, 227.

[10] Рукописный отчет С. Ф. Стржелецкого о последовании 1950 г. Архив ГХМ, д. 609. О толщине прослоек позволяют судить приложенные к отчету фотографии № 8383—8386, 8423, 8432, 8435.

[11] Там же, с. 42.

[12] *Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 208, 222, 224.

[13] Монета эта, конечно, также не может датировать мозаичный пол, как не могут обломки поливной посуды XIV в. (если не XV в.) датировать замечательный раннесредневековый мозаичный пол крестообразного храма за городом в том же Херсонесе, хотя найдены были эти обломки О. И. Домбровским также под мозаикой, куда они попали также, несомненно, через лакуны в полу.

[14] Мы не можем согласиться с трактовкой С. Ф. Стржелецким отдельных прослоек над полом первоначальной базилики. (*Стржелецкий С. Ф.* Ук. отчет, с. 41—46.) Нереальность такой строительной периодизации бросается в глаза, ибо в одно столетие он вмещает две монументальных постройки и три капитальных перестройки. О несостоятельности датировки фресок по данным стратиграфии, намеченной С. Ф. Стржелецким, см. также *Жеребцов Е. Н.* Ук. соч., с. 206.

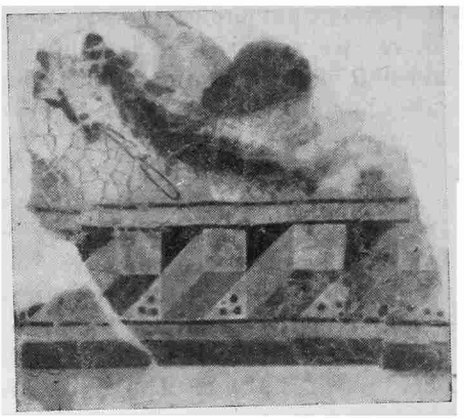


Рис. 1

Рис. 1. Фрагмент фресок из раскопок базилики 1935 г. Сухарики
Рис. 2. Фрагмент фресок из раскопок базилики 1935 г. Гирлянды с лентами
Рис. 3. Фрагмент фресок из раскопок базилики 1935 г. Часть фазана

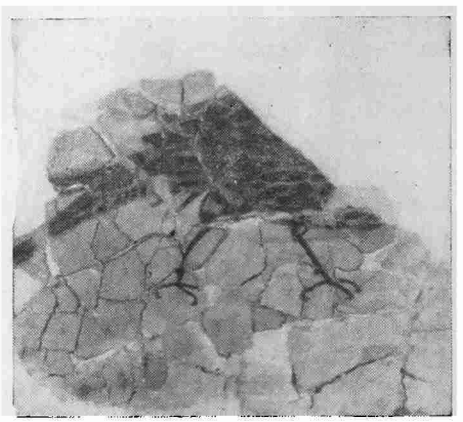


Рис. 3

Рис. 2

ский и его сотрудники [15]. Композиция росписи рисуется, по данным О. И. Домбровского, в следующем виде.

Нижняя часть росписи представляла собой, вероятно, невысокую панель, расчерченную под квадры с густой красно-коричневой и оранжевой окраской, имитирующей мрамор. Над панелью следовали филенки в виде ромбов в квадрате (цвета оранжево-желтый, коричневый, зеленый, серо-голубой, красный и черный). Над филенками следует фриз в виде перспективно изображенных сухариков (рис. 1), отделенный от филенок черной и красной полосами (светотень сухариков воспроизведена чередованием бело-серо-синего, серо-зелено-голубого и бело-розово-красного цветов).

Над сухариками следует широкая (93 *см*) полоса цвета слоновой кости с росписью в виде гирлянд из пальмовых ветвей (краска зеленая и черная) с желтоватыми плодами и с серыми и красными лентами (рис. 2) и изображениями птиц (рис. 3), по-видимому павлинов и фазанов (О. И. Домбровский предполагает, что те и другие чередовались).

Выше, по О. И. Домбровскому, начинался второй ярус росписи, композиционно как бы повторявший нижний, хотя реконструкция его слабо обоснована имеющимися фрагментами фресок. Бóльшую часть второго яруса, по мнению автора, занимала имитация двухъярусных филенок. В нижнем ярусе — прямоугольные филенки (широкая кирпично-красная полоса, внутри ее — узкая черная, проведенные на светло-розовом фоне с тонкими красными «прожилками» под мрамор) чередовались, по его

[15] *Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 207—227.

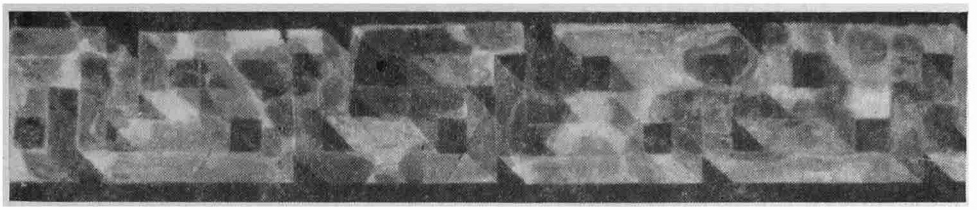


Рис. 4. Фрагмент фресок из раскопок базилики 1935 г. Меандровый фриз

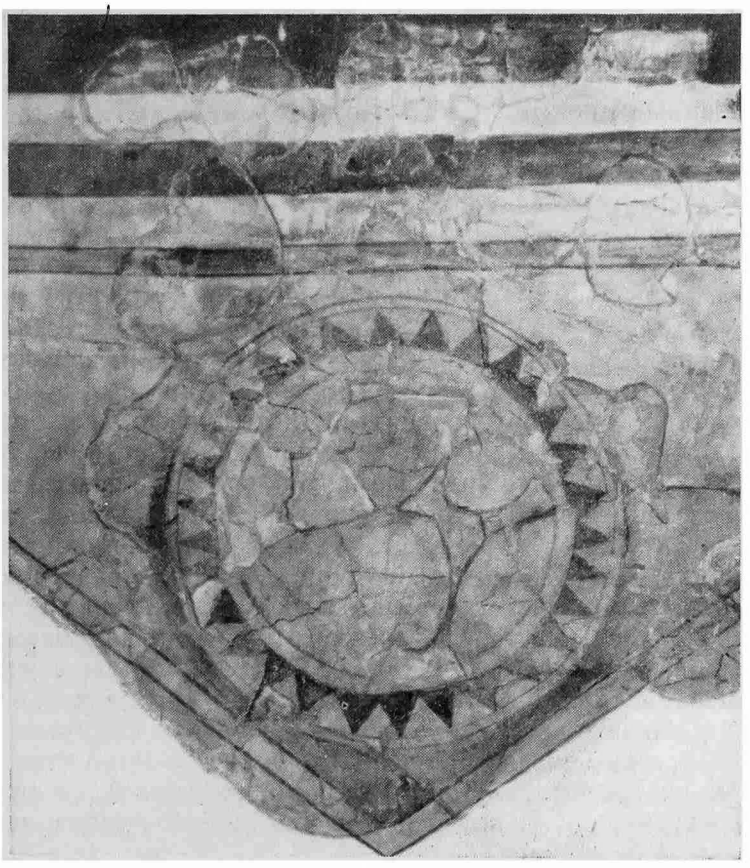


Рис. 5. Фрагмент фресок из раскопок базилики 1935 г. Круг с лучами

расчетам, с продолговатыми окнами; в верхнем ярусе помещались квадратные филенки с вписанными в них ромбами, состоящими из оливково-зеленых полос на розовом фоне, причем четные расположены над окнами. По вертикали филенки разделены пилястрами с каннелюрами, нарисованными на фоне широких красных полос; пилястры венчаются овами (?).

Украшения над филенками документированы несравненно полнее. Над ними, как и в нижнем ярусе, протянута тяга (здесь рельефная) с горизонтальными каннелюрами, над ней — пояс из двух пересекающихся меандров, нарисованных (как и сухарики нижнего яруса) в перспективе. Одна полоса меандра здесь светло-серая и красная, другая — голубая и зеленая (рис. 4).

Кроме того, и вне связи с приведенной композицией ярусов росписи, выявлены круги с зубчатым краем, раскраска которых имитирует каменную инкрустацию (рис. 5). О. И. Домбровский помещает эти круги над колоннами — в треугольниках, обращенных вершиной вниз, хотя непонят-

но, почему стороны треугольника прямые, а не следуют дуговидным очертаниям арок. Роспись венчалась рельефным гипсовым фризом, состоящим из следующих один над другим рядов мелких украшений: прямых сухариков (без «перспективы»), ов, бус и пальметок [16].

Однако представленный О. И. Домбровским материал не дает доказательств того, что «второй ярус» возвышался над нижним, ибо, судя по приложенному к статье чертежу, отсутствуют фрагменты фресок, находящиеся на стыке двух «ярусов», которые позволили бы объединить их.

Возникает вопрос, не являлся ли «верхний ярус» на самом деле особой росписью — росписью другой стены помещения, если не другого помещения вообще. Некоторым основанием для распределения по высоте различных элементов росписи служит для О. И. Домбровского наличие или отсутствие на ней граффити, которые не могли наноситься на высоко расположенные места фресок [17]. Но этот аргумент слишком условный: ведь не менее возможно, что на некоторых участках стен граффити по тем или иным причинам было неудобно прочерчивать; к тому же при ограниченности материала вообще делать какие бы то ни было выводы о размещении фресок на основании распределения граффити вряд ли возможно. Автор явно стремится «вытянуть» в высоту роспись, чтобы ее хватило на всю высоту храма-базилики, хотя в сущности для «верхнего» яруса, у него данных почти нет [18]. Ведь объединение обоих «ярусов» или этажей фресок в одну сплошную роспись диктовалось прежде всего мыслью о том, что фрагменты фресок принадлежат росписи именно базилики. Такое мнение успело укорениться и стать своего рода аксиомой, не требующей доказательств [19]. Руководствуясь *только этим*, О. И. Домбровский выясняет форму основных элементов росписи «верхнего яруса» — слегка вытянутую форму нижних филенок, которые, как он полагает, чередовались с окнами (а число их связано с количеством арок, соединявших колонны нефов), хотя в наличии этих филенок вообще нет уверенности. Ширину между «каннелированными пилястрами» автор устанавливает, исходя из расстояния между реальными колоннами, которым эти рисованные пилястры должны были соответствовать; высоту верхних филенок он предполагает равной ширине, т. е. квадратной.

Также трудно оправдать и размещение зубчатых кругов над колоннами базилики, примеры чего, насколько знаю, неизвестны; зато такие круги обычны в росписях «инкрустационного стиля», позднеантичных склепов (II—IV вв. н. э.): круги помещены внутри ромбов, заключенных в прямоугольные филенки [20].

Но все эти расчеты исходят, повторяю, только из того предположения, что фрески украшали базилику [21]; они найдены в засыпи ее, следовательно, ей и принадлежат. А между тем в этом как раз и возникает сомнение, порожденное прежде всего нецерковным характером росписи, не содержащей ни единого человеческого изображения, ничего свойственного христианскому храму.

---

[16] Описание дано по О. И. Домбровскому (*Домбровский О. И.* Фрески..., с. 213).

[17] Там же, с. 218.

[18] Те участки росписи (вернее, штукатурки с белой поверхностью), которые не содержат ни изображений, ни граффити, автор относит к потолку нефа (*Домбровский О. И.*, с. 219). Но стропильное перекрытие эллинистического типа базилик (именно такой была первоначальная базилика 1935 г.) всегда обнажено и штукатуркой не покрывалось.

[19] Так думает не только О. И. Домбровский, но и Е. Н. Жеребцов (*Жеребцов Е. Н.* Ук. соч., с. 206, 208, 209).

[20] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914, табл. LXXII, LXXIV, LXXXII и др. (в дальнейшем цит.: АДЖ).

[21] Автор мимоходом упоминает и о том, что его реконструкция соответствует «явно определившимся цветовым чередованиям всей росписи стены» (*Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 221), но тезис этот остался совершенно нераскрытым.

О. И. Домбровский дает этому объяснение: фрески относятся к «периоду иконоборчества», когда церковь отрицала иконы, т. е. изображения человека [22]. Но, во-первых, известно, что Таврика в то время стала одним из центров, где обосновывались монахи, которые бежали из центрально-византийских областей [23], так что сомнительно, чтобы в Херсонесе в VIII в. большая базилика могла оказаться в руках иконоборцев. Во-вторых, автор не имеет абсолютно никаких памятников, которые дали бы хоть малейшее представление о монументальной живописи иконоборческих храмов, даже умозрительное, которым он хочет довольствоваться [24]. Но исходить из неизвестного для определения еще невыясненного — путь бесплодный, способный загнать изучение памятника в тупик.

Так и произошло в данном случае. Поверив в относительно позднюю дату вторичной базилики (как, впрочем, и всех других базилик Херсонеса), О. И. Домбровский был вынужден все остальное подтягивать к этой неверной дате. Он прежде всего отнес сами фрески к промежуточному времени (между V и X вв.) — к глухой поре иконоборчества (VIII в.), а затем дал волю своим «умозрительным» представлениям, призванным заменить отсутствующие аналогии и вместе с тем отмести более или менее близкие аналогии — реальные, но по времени «неподходящие». Однако мы должны напомнить их.

Вспомним давно известные росписи позднеантичных склепов Боспора и Херсонеса. Так как фрески в засыпи базилики 1935 г. очень фрагментарны, то, естественно, приходится говорить главным образом об отдельных декоративных элементах росписи и в меньшей степени о ее композиции более или менее убедительной лишь в отдельных своих частях.

Надо сказать, что такие элементы, как гирлянды с развевающимися лентами и с птицами (чаще всего павлинами); декоративные панно с вписанными в них ромбами и с каннелированными пилястрами (украшенными капителями с овами), членящими плоскость стены; круги с зубчатым краем, не говоря уж о фризе сухариков и меандровом поясе,— все это действительно традиционные и очень популярные мотивы в росписи первых веков н. э., хорошо знакомые по памятникам, скажем, Помпей или катакомб Рима. Понятно поэтому, что форма этих элементов, взятая сама по себе, в силу своей традиционности и популярности, еще недостаточна для стилистических и хронологических сближений тех или иных античных росписей с нашей. Вот почему некоторые позднеантичные росписи склепов Северного Причерноморья особенно важны: они дают не только «похожие детали», но и близкий фрескам 1935 г. художественный строй и близкую манеру живописи, причем чем позднее они, тем больше находится точек соприкосновения с нашей росписью.

Очень показателен боспорский склеп 1872 г. около середины II в.[25], роспись которого композиционно повторена в нижнем ярусе фресок 1935 г.: стена также членится на декоративные панно (в одном из них ромб), отделенные друг от друга пилястрами с ионическими капителями (украшенными овами); венчающая тяга состоит из совершенно таких же, как на наших фресках перспективно изображенных сухариков; в ромбе круг с такими же лучами.

Можно привести роспись херсонесского склепа 1912 г., относящегося к IV в., где уцелело изображение части павлина и гирлянды, очень близкое по манере рисунка к фрескам 1935 г. Павлины, держащие лавровую гирлянду, также очень напоминающие фрески 1935 г., представлены на

---

[22] *Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 224.

[23] *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Нового. Труды, II, вып. 2. СПб., 1912, с. 324, 325.

[24] *Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 224.

[25] АДЖ, текст, с. 345; атлас, табл. LXXIX.

стене другого херсонесского склепа (так называемого склепа Тура) IV или, может быть, V в.[26]

О. И. Домбровский видит большие различия между росписями позднеантичных боспорских и херсонесских склепов, с одной стороны, и росписью 1935 г.— с другой. По его мнению, традиционные элементы античной живописи вошли в нашу роспись «в сильно измененном виде», те и другие имеют «явные стилистические различия» [27]. Так, тяга из сухариков, по его мнению, утратила архитектоничность, хотя мы уже видели совершенно такой же фриз сухариков на фресках боспорского склепа (1872 г.) II в.[28] Кстати сказать, на фресках 1935 г. имеются два пояса сухариков: на одном они «перспективные», на другом (под поясом меандра) — прямые. Утратил архитектоничность, считает он, и фриз двойного меандра, хотя несколько бо́льшая декоративность, которую он приобрел на наших фресках благодаря подчеркнутой «перспективности», отнюдь не изменила существа изображения этого мотива сравнительно с также «перспективным» двойным меандром старых боспорских росписей [29]. Утратили архитектоничность, по мнению О. И. Домбровского, и филенчатые панно и пилястры, с чем также не могу согласиться: наоборот, членение стены каннелированными пилястрами с заключенными между ними панно на наших фресках достаточно полно передает архитектурный смысл этой росписи, нисколько не отходя в этом отношении от принципов и от манеры росписи боспорских склепов II—IV вв.[30] Утверждение О. И. Домбровского, что у художника — создателя наших фресок «абсолютно отсутствует понимание перспективы», остается на совести автора, как и тезис о «явном стилистическом различии» нашей росписи и росписи позднеантичных склепов Боспора и Херсонеса.

Наконец, О. И. Домбровский видит в этих нереальных отличиях «черты, характерные для византийского искусства» [31], хотя ни малейшей попытки показать эти черты на реальных и конкретных византийских памятниках не сделано, да и сделать это трудно, ибо фрагменты росписи из засыпи базилики 1935 г. тесно связаны еще с позднеантичными росписями и собственно византийского в них еще нет ничего.

Голословный тезис о «византийских» чертах нашей росписи понадобился О. И. Домбровскому все для той же цели — доказать связь фресок с византийской базиликой, стены которой они будто бы украшали. А так как близость этих фресок к позднеантичным росписям все же слишком очевидна, то О. И. Домбровский делает еще одно допущение, столь же необоснованное: он хочет омолодить бесспорные даты некоторых херсонесских склепов IV—V вв. и таким образом хронологически подтянуть их роспись к фрескам 1935 г.[32]

В подтверждение близости наших фресок к позднеантичным погребальным росписям можно привести еще один памятник — склеп IV в. в Мезии, открытый в 1953 г. около г. Ниш в восточной Сербии (Югославия). Здесь в небольшом прямоугольном склепе с цилиндрическим сводом сравнительно хорошо сохранилась фресковая роспись, позволяющая судить о всей ее композиции. На широком своде склепа изображен райский сад с зелеными лозами, розовыми побегами, серо-черными гроздья-

---

[26] АДЖ, с. 474 сл., рис. 88.

[27] *Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 222, 223.

[28] Различие, которое здесь усматривает О. И. Домбровский, осталось им не раскрытым. К тому же конкретных ссылок на боспорские склепы статья вообще не содержит, а указания на номера таблиц альбома АДЖ неверны. (Ср. тягу из сухариков на нашей фреске с сухариками росписей боспорских склепов конца I и II вв.: АДЖ, табл. LXIII и LXXIX.)

[29] АДЖ, табл. XXVII, XXXI, XXXVIII—XL.

[30] АДЖ, табл. LXXIV, LXXVIII—LXXIX, CVII.

[31] *Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 223.

[32] Там же, с. 221, 222.

ми и такого же цвета птицами, которые клюют виноград [33]. Лозы эти, местами напоминающие гирлянды, и птицы очень близки по рисунку, колориту и общему характеру изображения к гирляндам и птицам на херсонесских фресках 1935 г., насколько позволяют судить о них имеющиеся фрагменты.

Приведенные росписи, являющиеся довольно близкими параллелями херсонесским фрескам из засыпи базилики 1935 г., происходят из погребальных склепов. Можно поэтому думать, что и наши фрагменты фресок принадлежали росписи не базилики, а именно склепа или мавзолея и датировать их следует в пределах IV — середина V в. и уж во всяком случае не эпохой иконоборчества, к которой они не имеют ни малейшего отношения.

Естественно возникает вопрос, как могли столь древние фрески — если не более древние, чем базилика, то ровесники ей — оказаться под полом ее, хотя бы на тонком слое засыпи, его покрывавшей. Композиция и стиль фресок и их абсолютно нецерковный характер склоняют к мысли, что они украшали стены не храма-базилики, а той самой пристройки к южному нефу первой базилики, которой принадлежал мозаичный пол с канфаром и который позднее оказался под южным нефом второй базилики [34]. Помещение это могло быть склепом или мавзолеем, примыкавшим к базилике середины V в., подобно мавзолею, примыкавшему к северной стороне нартекса Уваровской базилики [35]. Выделяемые С. Ф. Стржелецким «2-й пол» и «3-й пол» — это, скорее всего, слои, образовавшиеся после разрушения первоначальной базилики (может быть, действительно в результате землетрясения 480-х годов), некоторое время стоявшей в руинах.

Кстати, и до постройки первоначальной базилики V в. и приблизительно на ее месте также находился мавзолей, существовавший во II—IV вв., на что указывают многочисленные находки мраморных рельефов, тематически несомненно связанных с мавзолеем [36].

Фрески, как и мозаичный пол, украшавшие склеп или мавзолей IV—V вв.,— свидетельство живости монументального искусства Херсонеса в эпоху поздней античности и на заре средневековья.

A. L. Iakobson

LES FRESQUES DE LA NEF SUD DE LA BASILIQUE DECOUVERTE EN 1935 A CHERSONESE

Résumé

Cet article concerne les fragments de fresques trouvés au-dessous du niveau du sol de la nef sud d'une basilique découverte en 1935 sur la rive nord de Chersonèse. Le caractère de ces fresques est celui de la peinture antique d'époque tardive. On retrouve à

[33] *Мирковић Л.* Старохришћанска гробница у Нишу.— Старинар, кн. V—VI, Београд, 1956, с. 56 и рис. 14.

[34] Косвенным указанием на то, что фрески падали не со стены храма-базилики, служит то обстоятельство, что фрагменты росписи залегали преимущественно вдоль южной колоннады второй базилики (*Домбровский О. И.* Ук. соч., с. 216), а стилобат этой колоннады приблизительно совпадает с южной стеной первой базилики, к которой и примыкает пристройка с мозаичным полом. Зато у южной стены второй базилики, где покрытая фресками поверхность стены должна была быть, очевидно, намного больше (ибо стена была сплошной, без колонн), скопление кусков фресок вопреки логике вещей было значительно меньше, что уже одно говорит против предположения, согласно которому фрески украшали стены этой второй базилики.

[35] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. Л., 1964, с. 22.

[36] *Белов Г. Д.* Отчет..., с. 66—72, 137.

Chersonèse même et à Panticapée des motifs décoratifs analogues dans les fresques des tombeaux remontant aux premiers siècles de notre ère. Celles qui s'en rapprochent le plus sont les fresques du tombeau de Mésie (près de l'actuelle ville de Nich, en Yougoslavie) qui datent du IVe s. de n. è.

La confrontation des pièces, dont les résultats sont donnés dans l'article, prouve que les fresques provenant des fouilles effectuées en 1935 dans cette basilique de Chersonèse se rapportent non au VIIIe s., comme on le supposait d'une façon erronée, mais bien plutôt au IVe s., ou peut-être à la première moitié du Ve s.; et de plus, qu'elles appartenaient non pas à la basilique, mais probablement à un mausolée élevé auprès de la basilique primitive, ou qui lui était attenant. Les fresques qui décoraient cette chambre funéraire, ou ce mausolée, offrent un témoin de la peinture monumentale à Chersonèse à une époque tardive de l'Antiquité et à l'aurore du Moyen Age.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

О КУЛЬТОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ СССР В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Погребальная обрядность, магия и языческие верования в божественность сил природы у черняховских племен достаточно освещены в археологической литературе [1]. Выдвинута и гипотеза о принятии христианства какой-то частью черняховского населения [2]. Целью настоящей статьи является по возможности всестороннее рассмотрение проблемы проникновения христианского вероучения в III—IV вв. н. э. за пределы Причерноморья, в лесостепную полосу нынешней Украины и Молдавии. Вопрос этот представляет первоочередной интерес в плане идеологической и социально-экономической характеристики местного общества. Кроме того, установление факта широкого внедрения христианского вероучения, видимо, возможного при быстрых темпах распространения лишь в однородной среде, безусловно, может иметь значение для установления этнической консолидации племен в первой половине I тысячелетия н. э.

Исследованиями послевоенных лет было установлено существование на черняховских могильниках, на всей территории, занятой культурой (от левобережного Днепра до западных границ СССР), двух господствующих ориентировок погребений с трупоположениями. Одна часть погребенных ориентирована головой на север, другая — на запад, с неизбежными сезонными отклонениями. Отмечено также постепенное вытеснение первых ориентировок и отличия в обрядовых нормах обеих групп [3]. Тогда же сразу возникли сомнения в том, едины ли обе группы в отношении этнической принадлежности. Этот вопрос ставился еще и потому, что, как выяснилось, погребения с северной ориентировкой появляются в большинстве случаев раньше, чем ориентированные на запад. В III—IV вв. н. э. те и другие более или менее продолжительный период сосуществуют. Отмечено много случаев нарушения могил с меридиональной ориентировкой широтно ориентированными.

---

[1] *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен. Київ, 1972, с. 77—103; *его же.* Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен.— СА, 1969, № 1, с. 48—61; *его же.* Языческие изваяния Среднего Поднестровья.— МИА, 1967, № 139, с. 136—143; *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. н. э. из земли полян.— СА, 1962, № 4, с. 66—89; *Сымонович Э. А.* Две статуэтки коня из Побужья.— КСИИМК, 1958, № 72, с. 26, 27; *его же.* Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху.— СА, 1963, № 1, с. 49—60; *его же.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116, с. 340—345.

[2] *Сымонович Э. А.* Магия и обряд погребения..., с. 59, 60; *его же.* Християнство і черняхівська культура.— В сб.: Матеріали третьої подільскої історико-краезначої конференції. Львів, 1970, с. 116—118.

[3] *Сымонович Э. А.* Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка.— КСИИМК, 1952, XLVIII, с. 62—70; *его же.* Об единстве и различиях памятников черняховской культуры.— СА, 1959, XXIX — XXX, с. 88—91; *его же.* Черняхівські племена Подніпров'я (культура та етнос).— Археологія, 1973, № 10, с. 15—22; *Рикман Э. А.* Погребальные обряды Будештского могильника.— МИАЭ МолдССР, 1964, с. 106, 107; *Кравченко Н. М.* Косановский могильник.— МИА, № 139, 1967, с. 79—81.

Проведенный Т. С. Кондукторовой антропологический анализ костных остатков черняховских могильников позволил ответить на поставленный вопрос о сходстве физических особенностей костяков обеих групп погребений. Их морфологические характеристики оказались настолько идентичными, что допущение разноэтничности у погребенных с северной и западной ориентировками само собой отпало [4]. Именно тогда было высказано предположение, что переход от «северных» погребений, нередко сопровождаемых богатым инвентарем, в особенности многочисленными сосудами, к «западным», почти безынвентарным захоронениям был обусловлен эволюцией культовых, идеологических представлений. Была высказана гипотеза о связи этого явления с принятием христианства какими-то слоями населения III—IV вв. н. э.[5] Хотя сделанное предположение получило поддержку у ряда исследователей в СССР и за рубежом (Ю. В. Кухаренко, Э. А. Рикман, Г. Б. Федоров, Букур Митря и К. Преда, Й. Ионица), оно оставалось в определенной мере гипотетичным[6]. Чрезвычайно важным явилось привлечение Б. А. Рыбаковым в пользу мнения о проникновении христианства к местным племенам, жившим на территории нынешней Украины, лингвистических соображений В. Георгиева. Болгарский ученый показал восхождение ряда терминов славянской религиозной христианской терминологии к готскому периоду III—IV вв. н. э.[7]

Более уверенно говорить о появлении элементов христианства в степной и лесостепной зоне Юга СССР трудно ввиду отсутствия прямых сведений письменных источников и недостатка археологических данных. Древние авторы оставили сравнительно мало сведений о эпохе начала переселения народов. В особенности скупы их характеристики племен лесостепной полосы Украины — основного ареала черняховцев. Сведения о широком распространении христианства у варварских племен именно в III—IV вв. сохранили произведения «отцов церкви». Некоторые их высказывания заслуживают того, чтобы их привести дословно. Тертуллиан в III в. н. э. восторженно восклицает: «Ведь в кого другого уверовали все племена, кроме Христа, который уже пришел?.. парфяне, мидяне... и обитающие Понт и Азию и различные галльские племена, и недоступные для римлян места Британии покорились Христу, а [также и страны] сарматов, даков, германцев, скифов и сверх того многих племен, областей и островов многих нам неизвестных, так что и перечислить их мы не в состоянии...» [8]. Афанасий Александрийский, живший около середины IV в. н. э., писал: «...кто из людей мог пройти когда-нибудь столь большое пространство и проникнуть и к скифам и эфиопам или персам, или арменийцам, или готам, или к тем, которые, по рассказам, живут

[4] *Кондукторова Т. С.* Палеоантропологический материал из могильников полей погребальных урн Херсонской области.— САн, 1958, № 2, с. 70, 71; *ее же.* Антропология древнего населения Украины. М., 1972, с. 86.

[5] *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.— СА, 1955, XXIV, с. 309, 310; *его же.* Магия и обряд погребения..., с. 59, 60.

[6] *Кухаренко Ю. В.* Экономический строй и быт восточных славян в первой половине I тысячелетия.— В сб.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, с. 68; *Рикман Э. А.* Сарматы и племена черняховской культуры.— В сб.: Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, с. 50, 51; *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1962, № 89, с. 89, 90; *Mitrea B., Preda C.* Quelques problèmes ayant traite aux. nécropole de type Sîtana — Tchernikow decouvertes en Valachie.— Dacia, VIII, 1964, p. 222; *Mitrea B.* Die Goten an der unteren Donau — einige Probleme im III—IV Jahrhundert.— Studia gotica. Vorträge in Stockholm, 1970. Stockholm, 1972, S. 93; *Ionita J.* Contributii cu privere la cultura Sîntana de Mureş-Cerneahov pe teritoriul RSR.— AM, VI, 1966, S. 257; *Ionita J.* Das Gräberfeld von Independenta.— Saarbrücker Beiträge, Bd 10. Bonn, 1971, S. 60.

[7] *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья.— ВИ, 1974, № 1, с. 18; *Георгиев В.* Трите фази на славянската митология.— Сб. в честь М. Арнаудова. София, 1970, с. 475.

[8] *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 3, с. 239.

по ту сторону Океана, или к живущим выше Иркании, как господь всех Иисус Христос» [9]. Епифаний, автор второй половины IV в. н. э., поясняет: «Скифиею древние обычно называли всю северную страну, где живут готы и давны, а также венны и арии до пределов германцев и амазонок»,— и сообщает о миссионерской проповеди некоего старца Авдия, который «подвергся изгнанию, будучи сослан царем (Константином— *Э. С.*) в пределы Скифии... Пребывая там, не могу сказать сколько лет, и идя вперед, в самую внутренность Готфии, он огласил христианским учением многих готфов ...» [10]. Здесь заслуживает внимания этноним «венны», имеющий ту же основу, как и слово «венеды», племена которых не случайно помещены над Дунаем в синхронном источнике — «Певтингеровых таблицах» [11]. Феодорит Кирский, автор первой половины V в. н. э., свидетельствует о проникновении христианства: «...к персам, скифам и прочим варварским народам законы перешли после их (апостолов.— *Э. С.*) кончины и, несмотря на противодействие всех, не только варваров, но и самих римлян, продолжали сохранять одинаковую силу» [12].

Евсевий Иероним, писатель примерно того же времени, что и предыдущий, умиленно восклицает: «... отложил колчаны армений, гунны изучают Псалтырь, холода Скифии кипят жаром веры, рыжее и белокурое войско гетов возит с собою палатки церквей» и т. д.[13] Знаменитый Иоанн Златоуст, скончавшийся в 407 г. н. э., вещал: «... и скифы, и савроматы... и поселившиеся у самых окраин вселенной, переводя св. Писание каждый на свой язык, философствуют об этих словесах» [14].

Альким Экдикий Авит, писавший в V—VI вв. н. э., упоминает: «... под благочестивым союзом Христа огромные и разнообразные племена. Алманн, саксонец, торинг, наконец, руг, склав (sclavus)». Это сообщение особенно ценно тем, что содержит одно из первых сведений о славянах («склав») [15].

Е. Созомен, оставивший «Церковную историю» и умерший в середине V в. н. э., писал: «...уже исповедовали христианскую веру племена, живущие по Рейну, кельты и крайние галаты, живущие по побережью Океана, а также готы и племена, жившие раньше по соседству с ними по берегам реки Истра, давно уже приняв веру в Христа, изменили свои обычаи на более кроткие и разумные» [16].

Евсевий Памфил в «Хрониках», перечисляя области распространения христианства и указывая границы епархий, сообщал: «Первый престол верховного апостола Петра... от Равенны и до Фессалоники, склавов, араров, скифов, до реки Данувия обнимает церковные границы епископов» [17].

Политические цели проповеди христианства среди варваров показал в своем высказывании Фемистий: «Мы покорили скифов без пролития крови и слез» [18].

Не могут быть опущены и полулегендарные предания, относящиеся, по словам С. В. Петровского, к IV в. н. э., о деятельности апостола

---

[9] *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. 1, вып. III. СПб., 1900, с. 682.

[10] Там же, с. 711, 712.

[11] *Łowmiański G.* Początki Polski, t. I. Warszawa, 1963, s. 176, 177 (см. карту-вклейку).

[12] *Латышев В. В.* Известия... (СПб., 1900), с. 777.

[13] *Латышев В. В.* Известия... (ВДИ, 1949), с. 229.

[14] *Латышев В. В.* Известия... (СПб., 1900), с. 724.

[15] *Латышев В. В.* Известия... (ВДИ, 1949), с. 294.

[16] *Латышев В. В.* Известия... (СПб., 1900), с. 757.

[17] Там же, с. 667.

[18] *Латышев В. В.* Ук. соч. (1900), Известия... (СПб., 1900), с. 694.

Андрея в Скифии и спорах о реальности его посещения в I—II вв. н. э. областей северного побережья Черного моря и современного Киева [19].

Приведенными общими высказываниями далеко не исчерпываются конкретные сведения о попытках распространить христианство у отдельных древних народов. В частности, о соседях славян — готах — имеется довольно большая литература о проповеди христианства в их среде епископом Вульфилой в середине IV в. н. э. и о переводе им на готский язык библии. Эти сведения достаточно важны, поскольку черняховские племена на юге вступали в непосредственные контакты с готским восточногерманским населением, в особенности в областях, соседящих с Готией, как стали называть области бывшей римской провинции Дакии, оставленной римлянами в конце III в. н. э. При этом не приходится исключать значение временного покорения части славян готами и связанных с этим контактов и идеологических заимствований [20].

Как бы ни были велики затруднения интерпретации текстов из-за нередко панегирического их характера или нечеткого разделения разных народов, называемых то скифами, то готами, то гуннами, письменные источники содержат сведения о проповеди христианства за пределами Лимеса.

Существенно дополняют приведенные сведения исследования, касающиеся распространения раннехристианских религиозных представлений, основанные на анализе эпиграфических и археологических источников. На берегах Черного моря, на его Кавказском побережье, в Крыму на Боспоре и в Херсонесе известны христианские епископии, и оттуда происходят соответствующие надписи, надгробия позднеримского времени и отдельные вещи с изображениями христианских религиозных символов [21]. И. Т. Кругликова пишет о распространении на Боспоре христианства в позднеантичный период [22]. В. Ф. Гайдукевич отмечал, что «христианство на Боспоре появилось не позже конца III в.» и шло из городов Малой Азии [23]. Замечательная находка II—III вв. н. э. с изображениями христианских символов в могильнике Ново-Отрадное, по-видимому, позволяет отодвинуть вглубь время проникновения христианства в области Боспорского царства [24]. В западном Крыму весьма рано появляются сперва ссыльные преследуемые христиане, а затем проповедники-миссионеры. Есть известия, что при Константине Великом епископ Капитон прибыл в Херсонес в сопровождении отряда из 500 воинов, чтобы «внедрять» христову веру в «упорных язычников» [25]. В районах западного Крыма нашли убежище и вытесненные из степного Крыма племена, а также остатки готских отрядов, воспринявших христианство [26]. Связи же племен, оставивших черняховскую культуру, с античными городами Северного Причерноморья, в том числе с Крымом, могут быть наглядно показаны [27].

---

[19] *Петровский С. В.* Апокрифические сказания об апостольской проповеди по черноморскому побережью. Время образования этих сказаний.— ЗООИД, 1897, № XX, с. 29—36, 147.

[20] *Голубинский Е.* История русской церкви, т. I. М., 1860, с. 39.

[21] *Васильев А. А.* Готы в Крыму. Известия Российской Академии материальной культуры, I. М., 1921, с. 274.

[22] *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 54.

[23] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М., 1949, с. 465.

[24] *Арсеньева Т. М.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное.— СА, 1963, № 1, с. 195.— В сб.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала нашей эры. М., 1970, с. 107. Автор раскопок склоняется к датировке могилы с перстнем III в. н. э.

[25] *Белов Г. Д.* Херсонес таврический. Л., 1948, с. 119, 120.

[26] *Беликов Д.* Христианство у готов. Казань, 1887, с. 32—35; *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambrige, Massachusetts, 1963; *Levicki T.* Zagadnienie Gotów na Krimie. Przegląd Zachodni, № 5—6, 1956, s. 77—79.

[27] *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 109, 110; *Сымонович Э. А.* Про кераміку черняхівського типу в Криму.— Археологія, 1975, № 18, с. 80—86.

Таким образом, имелись явные предпосылки распространения христианства или хотя бы знакомства с новым вероучением населения лесостепной и степной Украины. В Центральной Европе вопрос о времени принятия христианства местными племенами тщательно изучен. Признаки проникновения его в районы Галлии и Германии для IV в. н. э. отмечали неоднократно [28].

Уровень социально-экономического развития населения Украины и Южной Польши в римское время был достаточно высоким, как это показано в работах М. Ю. Брайчевского и Е. Веловейского [29]. Общество III—IV вв. н. э. характеризуют занятия интенсивным земледелием и скотоводством, выделение ремесла, оживленная торговля с римскими провинциями и, возможно, денежное обращение. В эпоху военной демократии, на стадии распространения территориальной общины, чрезвычайно усиливается выделение родовой знати, все более и более закабаляющей рядового общинника [30]. На черняховских могильниках появляются захоронения дружинников с оружием, могилы «вождей», или так называемые княжеские погребения [31], и погребения, по-видимому, принадлежащие жрецам и предсказателям [32]. Наряду с ними отмечены явные захоронения ремесленников, например, в Косанове [33]. Другие — безынвентарные костяки, по-видимому, принадлежали беднейшим слоям общества.

Так же неодинаковы по своим размерам и по богатству заполнения постройки, открытые на поселениях черняховского типа. Как оказалось, большие многокамерные постройки на черняховских памятниках Северного Причерноморья не являлись единственным типом жилищ: наряду с ними существовали небольшие, углубленные в землю дома и небольшие каменные наземные дома (Ранжевое, Тилигуло-Березанка), также скорее всего принадлежавшие, судя по находкам, небогатым жителям. Черняховские могильники и поселения свидетельствуют о глубоко зашедшем социально-экономическом расслоении местного общества. Это могло послужить своего рода почвой для восприятия новой религии в среде униженных и угнетенных.

Археологические данные о возможности распространения христианского вероучения в среде местных племен существенным образом пополнены в последние годы. Факты, свидетельствующие в пользу этого предположения, могут быть сведены к следующему.

На черняховских могильниках, как и на христианских кладбищах, имеются погребения с западной ориентировкой, которые располагаются на всех более или менее полно исследованных памятниках обособленными группами, постепенно сменяя «северные» захоронения (Журавка ольшанская, овчарня совхоза Приднепровского, Будештский могильник,

---

[28] *Behn F.* Römertum und Völkerwanderung Mitteleuropa zwischen Augustus und Carl dem Grossen. Stuttgart, 1963, S. 92—112; *Latourette K. S.* A history of the expansion of Christianity. The first fife centuries. London and New York, 1937, Chapt. III—IV.

[29] *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов"янської державності. Київ, 1964; *Wielowiejski J.* Przemiany gospodarczo-spoleczne u ludności Poludniowej Polski w okresie późnolateńskim i rzimskim. Materiały Starożytne. Warszawa, 1960.

[30] Для суждения об уровне развития племен того времени и порядке аналогии можно привлечь данные, полученные А. Р. Корсунским для вестготов, у которых отмечено существование таких терминов, как «долг», «должник», «долговое обязательство», «кредитор», «залог», «проценты», «наемный работник», «просить милостыню», «собственность» и т. д. (см. *Корсунский А. Р.* О социальном строе у вестготов.— ВДИ, 1965, № 3, с. 163).

[31] *Брайчевський М. Ю.* Ук. соч., с. 296—300.

[32] Речь может идти, например, о своеобразных редких погребениях, уложенных на сосуды, на могильниках в Журавке и у овчарни совхоза Приднепровского (*Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры..., с. 303) или об имевшихся в погребальном инвентаре предметах, возможно, связанных с гаданием и магией (кучки мелких окатанных камней, астрагалы, раковины и другие подвески-амулеты).

[33] *Кравченко Н. М.* Косановский могильник.— МИА, № 139, 1967, с. 91, 92, рис. 10.

Косановский и др.) [34], что, по-видимому, отражает общую для всей культуры эволюцию обряда погребения.

Погребения с западной ориентировкой обычно не нарушены, кроме отдельных случаев ограбления, тогда как языческому обычаю преднамеренного разрушения могил часто подвергались костяки, обращенные головами на север. Это, очевидно, было связано с магическими целями и действиями, а не с попытками ограбления умерших. Например, все погребения «северной» группы в Коблеве были сплошь повреждены или разрушены в древности, но не ограблены, как и на многих других черняховских могильниках.

Именно для могил с западной ориентировкой погребенных особенно типичным представляется применение в их устройстве дерева: обкладка могил досками; явные следы гробов, камер или положение покойника в своего рода «земляной гроб» в виде канавки по росту умершего на дне могилы, куда его клали, нередко перекрыв углубление деревянными плахами или же — в причерноморских областях — каменными плитами — Ранжевое, Коблево.

Погребения с западной ориентировкой, как и христианские, или совершенно лишены инвентаря, или имеют в заполнении немногочисленные детали одежды и совсем редко украшения в виде бус.

Очень редко погребения с западной ориентировкой сопровождают один или два сосуда. Это посуда, предназначенная всегда для жидкостей. В захоронениях с северной ориентацией, как правило, гораздо большее число сосудов, причем различного назначения, от кухонной, использовавшейся для варки пищи, до тонкой, хорошо выделанной столовой — для еды и питья. По этой особенности «западные» погребения сближаются со средневековыми христианскими захоронениями, известными еще по раскопкам христианских могил Херсонеса [35]. Вероятно, оттуда пришел в Киевскую и Московскую Русь обычай помещать в могилу сосуд из стекла или глины, так называемую слезницу [36].

Сосуды для жидкости в погребениях с западной ориентировкой представлены чаще всего стеклянными кубками или сделанными из глины кувшином, кружкой или даже амфорой (Викторовка, Малаешты). Не исключено, что эти сосуды предназначались для священного масла, используемого в христианском погребальном обряде. Так, в одном из «западных» погребений в Коблеве был найден грубый лепной светильник. Такой сосуд никак не мог уже быть использован для питья или быть поставленным в могилу с вином [37]. Упомянутые выше так называемые слезницы из захоронений развитого русского средневековья также были сосудами с остатками священного масла для миропомазания умирающего. Их находят не только в могилах людей, принявших перед смертью схиму, как, например, во вскрытой гробнице Ивана Грозного, но и у лиц, не имевших отношения к монашеству [38]. В черняховское время кубки из стекла или глины встречаются даже у детей (могильник у овчарни совхоза Приднепровского и в Коблеве). Погребения христиан, сопровождаемые сосудами, известны и в римских катакомбах [39].

---

[34] *Сымонович Э. А.* Работы на черняховских памятниках в Приднепровье.— КСИА АН СССР, 1963, № 94, с. 82; *его же.* Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского.— МИА, 1962, № 82, с. 196, рис. 4; *Рикман Э. А.* Памятник эпохи Великого переселения народов. Кишинев, 1967, с. 90, 91, рис. 3.

[35] *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 248—260.

[36] *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы в московском Кремле.— СА, 1963, № 1, с. 263, 268; *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения Ломоватое-2.— КСИИМК, 1960, № 79, с. 25, 26, рис. 1, *10.*

[37] *Сымонович Э. А.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, № 39, с. 222, 223, рис. 3, *11.*

[38] Благодарю Т. В. Николаеву за консультацию по этому вопросу.

[39] *Testini P.* Archeologia christiana. Roma, Parigi, Tournai, New York, 1958, p. 30, 31, fig. 2.

Интерес представляют два кубка с надписями из черняховских материалов Малаештского могильника в Молдавии [40] и Ранжевого в Северном Причерноморье [41]. В последнем случае надежно фиксировано происхождение кубка с греческой надписью по краю из богатой могилы с западной ориентировкой рубежа IV—V вв. н. э. Заслуживают внимания остатки такого рода надписи на обломках стеклянного сосуда из Комарова [42]. Как показывают собранные и приведенные А. С. Уваровым находки из христианских могил, содержавших в инвентаре сосуды, последние часто снабжены надписями. Среди них встречаются подобные им или даже вполне аналогичные тем, какие известны на черняховских кубках. Надписи нередко восходят к языческим временам, но переосмысляются. Надписям придается сакральный смысл пожеланий в смысле испить, принять причастие и жить вечной жизнью (PIE ZHCAIC) [43].

При этом обилие в ранних христианских могилах сосудов некоторые ученые, по словам А. С. Уварова, объясняли тем, что при таинстве причащения, столь важном в христианском культе, причастие раздавалось на руки самим верующим. По причине этого «не только отдельные лица, но и целые семейства должны были иметь свои собственные, особые сосуды, исключительно предназначенные для получения святых даров» [44].

Не исключено, что некоторые прочерченные на черняховских сосудах изображения в отдельных случаях могут свидетельствовать о связях с подвергшимися христианизации областями Причерноморья. Так, А. Т. Смиленко-Брайчевской описано краснолаковое блюдо из с. Ромашки со штампом в виде креста, попавшее туда с юга и имеющее аналогии среди христианских материалов IV—VI вв. н. э. [45] Приходит мысль, не были ли подражаниями подобным изображениям знаки крестообразной формы на некоторых сосудах местного черняховского производства. Подобного рода прочерченные и пролощенные знаки известны не только на территории Украины, но и в Малопольше [46]. Эти изображения, как и крест на краснолаковом блюде из Ромашек, также нанесены на днищах. Если же в передаче новых ремесленных гончарных навыков местному населению участвовали греки, а в этом нет, по мнению М. А. Тихоновой, ничего невероятного, судя по находкам граффити греческими буквами из поселения у с. Лепесовки [47] или по находке мастерской по изготовлению стекла в с. Комарове [48], в таком случае еще более правдоподобным становится привнесение с юга новых идеологических религиозных представлений [49]. На север могли попадать как добровольные перебежчи-

---

[40] *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского..., с. 154, табл. 49, *1*.

[41] *Сымонович Э. А.* Стеклянный кубок с надписью из-под Одессы.— ВДИ, 1966, № 1, с. 105—109. Надпись на кубке гласит: «Пей да поживай со всем домом (со всем семейством)» PIE ZHCAIC PANOIKI.

[42] *Смішко М. Ю.* Поселення III—IV ст. н. е. із слідами виробництва біля с. Комарів, Чернівецької области (попередне повідомлення).— МДАПВ, 1964, № 3, с. 67, 80. В предварительной публикации М. Ю. Смишко не были отмечены находки стеклянного сосуда с фрагментами греческой надписи, по-видимому, повторяющей текст на кубках из Малаешт или Ранжевого. За ознакомление с этой находкой приношу благодарность автору раскопок в Комарове М. Ю. Смишко.

[43] *Уваров А. С.* Христианская символика. М., 1903, с. 34, 35; *Хмелевский Г.* Христианство и религии мира. М., 1968, с. 161.

[44] *Уваров А. С.* Ук. соч., с. 35.

[45] *Брайчевська А. Т.* Деякі археологічні дані про торговлю древніх слов'ян з кримськими містами.— Археологія, X, 1957, с. 116—118.

[46] *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116, с. 300, рис. 17; *Gaewski L.* Badania nad organisacja produkcji u Igołomi.— AP, Warszawa et c. t. T. III, zesz. 3, 1959, s. 130, 149, ryc. 7, tabl. XI.

[47] *Тиханова М. А.* Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг.— СА, 1963, № 2, с. 189, 190.

[48] *Смішко М. Ю.* Поселення III—IV ст. н. е...., с. 78, 79.

[49] В числе обстоятельств, вызывавших бегство рядового греческого населения не только в отдаленные пределы Империи, но даже за ее границы, должны быть названы серьезные гонения на христиан середины III в. н. э., жесткое преследование ере-

ки, так и пленные, роль которых в передаче смысла христианского учения отмечают письменные источники [50].

На позднечерняховских поселениях для отправления культа, возможно и христианского, могли использоваться большие нежилые дома. В Журавке ольшанской среди небольших домов была отмечена единственная большая нежилая постройка длиной около 14 *м*, ориентированная строго по линии восток — запад, с как бы алтарным возвышением на одной из узких сторон.

В качестве косвенного довода в пользу принятия частью черняховского населения христианства может свидетельствовать календарь местного населения. По наблюдениям Б. А. Рыбакова на основании изучения изображений на керамике, узловые моменты сельскохозяйственных работ приурочены к восходящим ко временам язычества христианским праздникам [51].

Конечно, приведенный выше перечень определенных фактов сам по себе еще не решает вопроса о христианизации населения, жившего в лесостепной и степной зоне УССР, тем более что имеются веские обстоятельства, как будто противоречащие высказанному предположению и потому требующие объяснения. Прежде всего возникает вопрос, почему нет прямых свидетельств летописей о проникновении христианства на славянские земли до крещения Руси в 988 г., если не считать сведений о существовании крещеного и некрещеного люда уже в первой половине и середине X в., при князьях Олеге, Игоре и Ольге [52]. Само такое положение понять нетрудно: для летописца глубокая древность представлялась смутно, а в настоящем или недалеком прошлом он стремился прежде всего фиксировать акты, имевшие государственное значение и их подготовку. Именно такой культурно-политической акцией было признание Владимиром христианства государственной религией. Тем не менее, как мы уже видели, распространение христианства в южных областях современной Украины и Молдавии не являлось мгновенным актом. Земли, обобщенно называемые Скифией, исстари были объектом миссионерской деятельности. Б. Д. Греков, например, усматривал в легенде православной церкви о появлении христианства у славян вместе с проповедью апостола Андрея в раннеримское время отголоски каких-то реальных проповеднических усилий, нашедших отражение в апокрифических сказаниях [53]. Другое дело, что сила родовых пережитков в обществе, стоявшем на грани классового, политические события и прежде всего походы эпохи переселения народов не создали возможностей для распространения и развития в варварской среде нового вероучения. После того как кочевники, начиная с гуннского нашествия в конце IV в. н. э., отторгли земледельческое лесостепное население от постоянного взаимообщения с провинциально-римским миром, местные племена незамедлительно вернулись к старым религиозным представлениям и культам. Об

сей и, главное, общий кризис рабовладельческого строя, когда, по словам Сальвиана (V в. н. э.), бедняков стали притеснять настолько, что они «чтобы не умереть от гнета государственного преследования, как бы ищут у варваров римскую гуманность». Беглецы предпочитают «терпеть среди варваров чуждый им образ жизни, чем среди римлян жестокую несправедливость. Поэтому они повсюду переселяются или к готам, или к багаудам, или к другим варварам, обладающим властью в каких-либо областях, и не жалеют о том, что переселились, ибо предпочитают считаться пленными, но быть свободными, чем быть пленниками, считаясь свободными» (Хрестоматия по истории древнего Рима. М., 1962, с. 609).

[50] Например, по данным Филосторгия (около 368—433 гг.), «скифы», придя из-за Истра, взяли пленных «благочестивая часть которых, вступив в общение с варварами, немалое их количество обратила к благочестию и восприятию христианства...» (см. *Латышев В. В.* Известия... (СПб., 1900), с. 739).

[51] *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. н. э...., с. 66—89.

[52] *Смирнов П.* История христианской православной церкви. Пг., 1916, с. 163.

[53] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 476, 477; *Титов В. Е.* Православие. М., 1967, с. 32, 33.

этом позволяют судить сведения Прокопия Кесарийского (VI в. н. э.) о верованиях славян и антов, данные в весьма общей форме. В его труде говорится: «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми ...» [54]. Кстати, по этому же свидетельству мы заключаем о развитии монотеистических религиозных представлений, которые обычно говорят о таком развитии общества, когда оно способно воспринять абстракции новой религии и ее философии. Несомненные признаки существования языческих представлений среди племен, оставивших черняховскую культуру, можно видеть и в находках каменных идолов в западных, богатых камнем, поднестровских областях (в других районах, судя по сведениям, полученным при работах на среднеднепровском поселении Журавка, возможно, существовали деревянные изваяния), и в наличии большого числа по сравнению с погребениями с западной ориентировкой захоронений с северной ориентировкой и в погребениях с трупосожжениями. Подсчеты на известных в настоящее время черняховских могильниках дали на 589 погребений с северной и северо-западной ориентировкой только 239 погребений с западной ориентировкой (71 и 29%). На сравнительно недавно обнаруженных и исследованных могильниках черняховского типа в Северном Причерноморье — Викторовка, Коблево и Ранжевое, расположенных между Одессой и Николаевом, обнаружено 50 погребений с трупоположением с северной ориентировкой и 32 — с западной, т. е. 61 и 39%. Не удивительно, что в Причерноморье процент «западных» могил несколько выше, если принять гипотезу, что их распространение вызвано влиянием христианского обряда погребения, поскольку тут взаимообщение разных религий было естественным явлением. Сделанные наблюдения над значительным удельным весом языческих представлений означают, что в позднеантичную эпоху борьба с языческими верованиями не могла быть завершена. Как известно, даже после официального принятия христианства на Руси еще долго не исчезали идущие корнями к языческим временам поверья и предрассудки, в ряде случаев дожившие до наших дней.

Отсутствие на территории распространения черняховских памятников некоторых христианских символов, как, например, нательных крестов, не должно смущать при допущении гипотезы о проникновении в Лесостепь христианства в первой половине I тысячелетия н. э. В первые два века нашей эры и даже в начале III в. н. э. крест — орудие страшной пытки — презирали и ненавидели, как пишет Н. И. Голубцова [55]. Только постепенно он становится символом христианской церкви как эмблема бессмертия и вечной жизни. Казнь на кресте, считавшаяся постыдной, была упразднена только при Константине Великом (306—337 гг.), т. е. одновременно с признанием христианства господствующей религией [56]. В первой трети III в. н. э. М. Минуций Феликс писал, что христиане «почитают человека, наказанного за злодеяние страшным наказанием, и бесславное древо креста ...» [57].

Крест не явился изобретением христиан, крестообразный знак с глубокой древности считался магическим, в частности связанным с культом

---

[54] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 297. Надо заметить, что в этом труде, как и в других, вопрос о христианстве занимал автора очень мало, поскольку для образованного человека того времени языческие обычаи и верования представляли своего рода экзотику и вызывали большее любопытство. Как отмечает З. В. Удальцова, вообще «в вопросах веры Прокопий чаще всего обнаруживает индифферентизм» и для него характерно «равнодушие к церковно-догматическим проблемам»: «Политик в Прокопии всегда берет верх над христианином» (см. *Удальцова З. В.* Источники по истории Византии IV — первой половины VII в.— История Византии, т. 1. М., 1967, с. 26, 27).

[55] *Голубцова Н. И.* У истоков христианской религии. М., 1967, с. 82, 83; *Донини А.* Люди, идолы и боги. М., 1966, с. 200, 201; *Korabiewicz W.* Sladami amuletu. Warszawa, 1974, s. 23.

[56] *Смирнов П.* Ук. соч., с. 83.

[57] *Ранович А.* Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1933, с. 143.

солнца, существовавшим и у племен, оставивших черняховскую культуру. Он, как и другие христианские символы, говорит о синкретизме христианского и языческого. Мы уже отмечали возможное переосмысление языческих надписей и крестов-знаков на днищах сосудов. Помимо этого известны редчайшие изображения на обломке черняховского местного сосуда сцены пахоты (Черепин) [58] или воспроизведения на посуде птиц (Кодыма, Фалешты) [59]. Образы коня, петуха и курицы издавна связывали с культом солнца. Позже они были перенесены в раннехристианское искусство, заняв место в символике новой религии [60]. Ведь куриные кости и скорлупа от раздавленных землей куриных яиц являются обычными остатками приношений в могилах черняховской культуры. Нередко находят их и в погребениях с северной ориентировкой, которые никак нельзя считать христианскими. Явления синкретизма характерны и для процесса распространения христианства в Западной Европе [61].

Серьезные основания для более обоснованного допущения проникновения христианства в среду населения культуры полей погребений черняховского типа дали сравнительно недавно опубликованные результаты раскопок в Венгрии, в районе оз. Балатон, у городов Шагвар и Печ. В первом случае изучался крупный могильник, на котором было открыто около 350 погребений с трупоположением второй половины III—IV в. н. э. (рис. 1). Могилы группировались в пределах часовни и вокруг нее. Отмечены случаи погребений в каменных саркофагах. В двух случаях с ними связаны изображения раннехристианского характера [62]. Погребенные имеют западную ориентировку, как и в черняховской культуре, положены на спину, обычно в вытянутой позе, но с неустойчивым положением рук. Верхние конечности чаще вытянуты, но также бывают сложены на тазу или груди. Как и «западные» захоронения черняховской культуры, могилы в Шагваре содержат преимущественно предметы убранства. Но в отличие от находок на Украине вместе с умершим иногда клали монеты и надевали на руки браслеты. В то же время ставили сбоку или у ног погребенного сосуд (иногда два), предназначенный для жидкости, нередко типов, вполне сходных с черняховскими стеклянными сосудами [63].

Аналогичный могильник, но в меньших масштабах изученный, был обнаружен у г. Печ [64].

Несмотря на то что в черняховских могильниках Лесостепи фактически не встречаются каменные гробницы [65], гораздо реже, чем в Шагваре, встречаются в могилах монеты («обол Харона») и почти полностью отсутствуют браслеты, хорошо известные в другом паннонском могильнике,— несмотря на это, совпадения многих особенностей обряда поразительны. Нет сомнений, что обе сравниваемые группы погребений, удаленных друг от друга могильников, были оставлены разными в этническом отношении племенами. Следовательно, только сходство верований и идеологических представлений о загробной жизни могло привести к единообразию обряда погребения. Однако в отношении черняховских пле-

---

[58] *Брайчевський М. Ю.* Зображення коня з с. Черепин в Середньому Подесті.— Археологія, 1961, XII, с. 183, 184.

[59] *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья..., с. 138, рис. 17, *1; Симонович Э. А.* Уникальная керамическая находка в районе г. Кодымы.— АО — 1968. М., 1969, с. 312.

[60] *Уваров А. С.* Ук. соч., с. 116, 147, 156, 189, 197.

[61] *Behn F.* Op. cit., S. 105.

[62] *Burger A. Sz.* The late roman cemetry at Ságvar — AAH, XVIII, Fasc. 14, 1966, p. 99—234.

[63] Ibid., 354—375, могилы 115, 262, 316 et c. t.

[64] *Ferenz F.* Kösörómai temető Pécs-Goisler. AÉ, 1969, 1, s. 3—42old. О христианской вере погребенных свидетельствует гемма с изображением «Доброго пастыря».

[65] Применение камня в виде закладов получило распространение лишь на некоторых черняховских могильниках Северного Причерноморья.

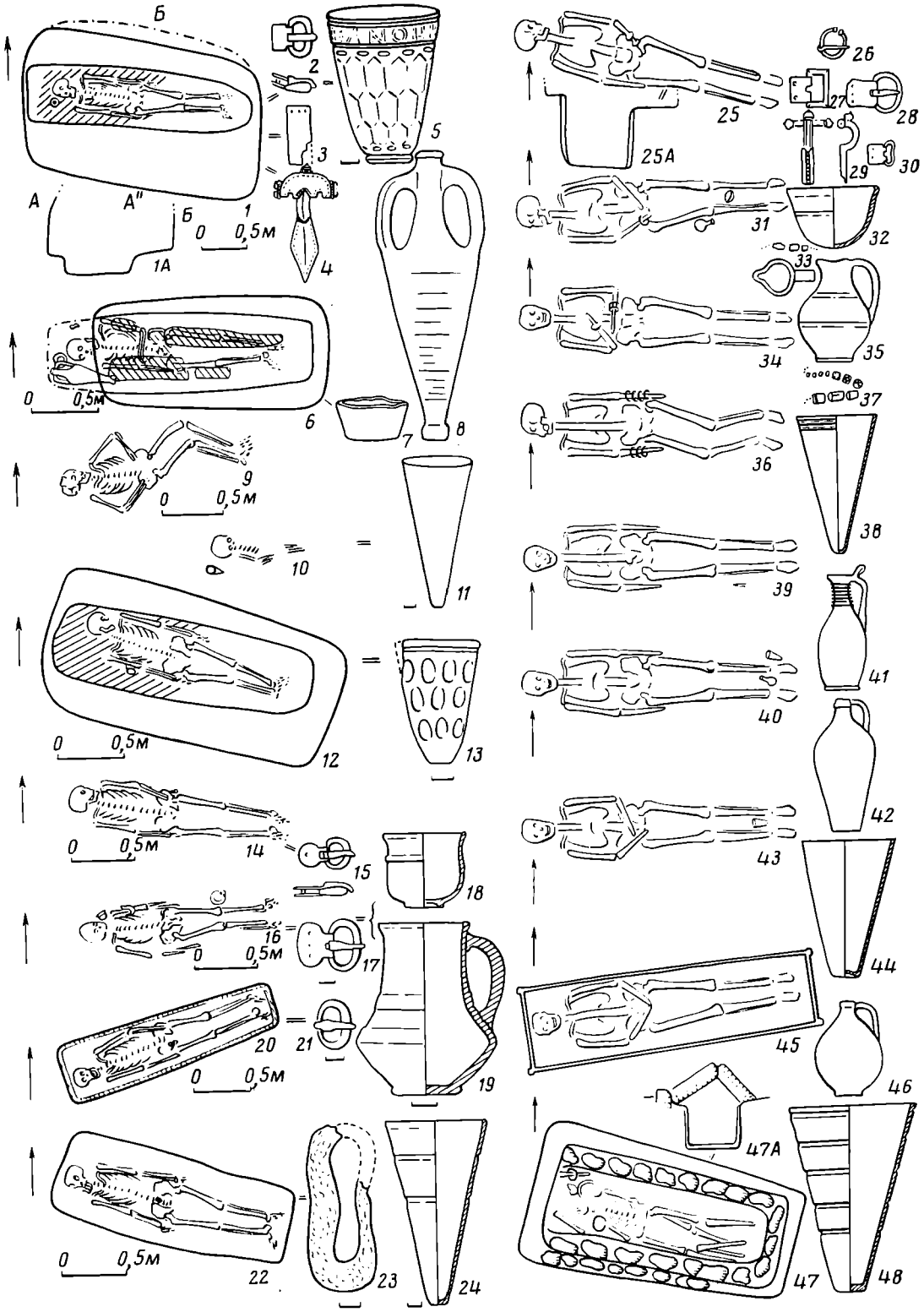


Рис. 1. Образцы погребений черняховской культуры со скелетами, обращенными головами на запад, и сопровождающий их инвентарь (*1—24*) и некоторые погребения из христианских могильников Венгрии позднеримского периода (*25—42, 43* (монеты 360—363 и 367—383 гг.), *44—48*). *1—5* — Ранжевое, погр. 14; *6—8* — Викторовка погр. 1; *9—11* — Будешты, погр. 60 и 119; *16—19* — Косаново, погр. 38; *20, 21* — овчарня совхоза Приднепровского, погр. 18; *22, 23* — Кринички, погр. 2; *24* — Данилова Балка, стеклянный кубок из погребения, раскопанного в 1913 г. С. С. Гамченко; *25, 47* — г. Печ, погр. 32 и 30 (по Ф. Ференцу); *26—46, 48* — г. Шагвар, погр. 9, 275, 283, 280, 35, 17, 297 (по А. Бургер)

мен у нас нет оснований предполагать широкое распространение новой веры в их среде и утверждать устойчивое закрепление с нею связанных обрядовых норм. На настоящем уровне знаний вопрос о принятии христианства частью местного населения в римское время окончательно решен быть не может, но как гипотеза, в известной степени обоснованная, он должен быть поставлен и имеет право на существование.

E. A. Symonovitch

LES CONCEPTIONS CULTUELLES DE LA POPULATION DU SUD-OUEST DE L'U. R. S. S. A LA FIN DE LA PERIODE ANTIQUE

Résumé

Dans les régions steppiques et sylvo-steppiques de l'Ukraine, du IIe au Ve s. de n. è., vivaient les tribus qui ont laissé la culture de Tcherniakovo. Elles occupaient un immense territoire allant du Donetz septentrional aux frontières occidentales de l'URSS. La population qui a laissé cette culture était étroitement liée avec le monde des Provinces romaines, et se trouvait à la veille de créer une société de classes. Les bases permettant de supposer une pénétration aussi ancienne du christianisme sur le territoire de l'actuelle Ukraine sont données par l'évolution du rite funéraire de Tcherniakovo, comme on peut le remarquer dans de nombreux monuments. On peut noter sur toutes les terres de la culture de Tcherniakovo le passage de l'inhumation à orientation au N., accompagnée d'un nombreux mobilier, à une inhumation presque privée d'objets, ayant une orientation à l'O. D'après les indices de l'anthropologie, ces deux groupes d'inhumations sont indivisibles. Leur ressemblance dans les principaux détails du rite avec des sépultures situées en Hongrie (cimetières de Chagvar et de Peč; fig. 1), qui appartiennent à des ethnies différentes, mais sont de même époque (IIIe et IVe siècles de n. è.) et nettement chrétiennes, est le facteur essentiel pour proposer et étayer l'hypothèse attribuant au christianisme les inhumations de Tcherniakovo orientées à l'Ouest.

М. Х. АЛЕШКОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ПСКОВА X—XVI вв.

(в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) *

В статье о социальных основах формирования территории Новгорода [1] был выяснен смысл сосуществования двух параллельных административно-территориальных систем — кончанской и сотенной. Оказалось, что кончанская система более древняя и первоначальная, сотенная — более поздняя и вторичная по отношению к кончанской. В концы организовано боярское население города, составляющее его городскую общину, отсюда и тезис об основании города боярами; в сотни организовано население, поначалу подвластное князю, а впоследствии выходящее из-под его опеки и входящее в городскую общину без утери собственной организационной консолидации.

Для археологического исследования древнерусского города выяснение указанного факта имеет существенное значение, поскольку позволяет искать не только боярские усадьбы, но и усадьбы купцов (торговцев и ремесленников) — как среди уже раскопанных усадеб, так и в процессе будущих раскопок. Тем самым конкретизируется перспектива дальнейших археологических раскопок. Естественно, что было бы важно обрисовать такую же перспективу и для ближайшего соседа и «младшего брата» Новгорода — вечевого Пскова. Ведь в Пскове существовали и концы (их было к концу XV в. шесть, как это убедительно показала И. К. Лабутина [2]) и сотни (прямых упоминаний в письменных источниках нет, но об их наличии можно судить по многочисленным упоминаниям сотских). О соотношении концов и сотен в Пскове вопрос в литературе еще не ставился — он возникает закономерно после выяснения этого соотношения для Новгорода.

Если в Новгороде двучленность населения, его деление на бояр и не бояр выражается в сосуществовании концов и сотен, то в Пскове, как сейчас увидим, та же двучленность осложняется или дополняется делением всей территории на собственно «город» и «посад», чего Новгород не знал. В Пскове все население соответственно делится на «мужей-псковичей» и «посажан» — первые составляли замкнутую городскую общину, вторые поначалу не входили в ее состав. В 1970 г. мы уже коротко писали об этом в связи с историей военно-оборонительной системы Пско-

---

* Публикуемая статья из архива покойного исследователя была написана им в 1973 г.

[1] *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков.— СА, 1974, № 3. См. также: *его же.* Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения социальной истории.— В сб.: Реставрация и исследования памятников культуры, вып. 1. М., 1975 (*Ред.*).

[2] *Лабутина И. К.* К топографии городских концов Пскова в XV веке.— В сб.: Новое в археологии. М., 1972.

ва [3], поэтому теперь следует остановиться на истории «мужей-псковичей» и «посажан» более подробно.

В Синодальном списке Псковской Второй летописи читаем: «В лето 6973. Псковичи обложиша стену древяну около Полонища и около Запсковья, а блюдущеся ратной силе Великого Новгорода» (ПЛ, 2, 54). В тексте фигурируют безликие «псковичи», упоминаемые и в других известиях, но их социальный статус во всех этих случаях не разъясняется. Поэтому в литературе даже не ставился вопрос о социальном смысле этого термина.

Другая редакция приведенного текста, сохранившаяся в Псковской Третьей летописи (Строевском списке), показывает, что чтение Синодального списка является не только сокращением, но и полным искажением смысла первоначальной записи: «В лето 6973. Того же лета, месяца августа в 9, в пяток князь псковский Иоан Олександрович и посадник степенный Левонтеи Макарьевич и Тимофеи Васильевич, как были посли псковские в Великом Новгороде, и псковичи с посажаны своих хоромов блюдучи, и заложиша стену деревянну от Великой реке, от монастыря, от Покрова святеи Богородици и до Псковы реки, а от Пскове реке на Запсковьи заложиша от Гремячей горы да до Великой реке, до святого Варлама, а делаше сами посажане своим запасом, и поставиша тую стену всю в едину неделю» (ПЛ, 2, 54, 161).

Анализ известия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, псковичи здесь совершенно четко отделены от «посажан». Они выглядят инициаторами строительства, исполнение которого возложено на «посажан». В связи с этим обращает на себя внимание несколько упоминаний в летописи, когда обычная формула о псковичах разъясняется и они называются то «мужами-псковичами», то «боярами», то противопоставляются «братье молодшей» (ПЛ, 2, 152, 160). О строительстве стены в сообщении говорится 2 раза — в первом случае упомянуты и псковичи и посажане — они закладывают стену, во втором одни посажане — они ее строят «своим запасом». Первый акт — чисто символический, выделяющий почетную роль псковичей, второй уже непосредственно связан с трудовыми затратами, строят одни посажане — то ли своими руками, то ли на свои деньги («своим запасом»). Создается впечатление, что жители посада противопоставлены жителям «города», боярам, мужам, псковичам. Зная об однородном боярском составе новгородского веча в первые века его существования, нельзя не увидеть в «псковичах» тех же вечников, а в посажанах — людей, еще не включенных в состав веча.

Во-вторых, «посажане» упоминаются в том единственном случае, когда говорится об окраинах Пскова, не обнесенных стеной. Видимо, в их число не входят те представители не боярского населения, которые живут в пределах территории, обнесенной стенами.

В-третьих, псковичи и посажане мыслятся летописцем как владельцы хором на той же окраине. Однако псковичи не участвуют в строительстве, а только руководят им. Отсюда следует как будто бы, что на окраине Пскова, не обнесенной стенами, живут и псковичи и посажане, либо посажане живут в хоромах, принадлежащих псковичам. Однако для однозначного ответа на этот вопрос летопись не дает материала.

В-четвертых, обращает на себя внимание огромная численность посажан, выстроивших в течение недели стену гигантской протяженности.

Зная о двучленности новгородского населения, обратимся к истории псковичей — мужей — бояр. Еще в начале XVII в. в Пскове стойко держалось наименование городской верхушки 300 семьями. В 1615 г. с Иваном Хованским в Москву отправилось «пскович с 300 семей не в одну

---

[3] *Алешковский М. Х.* Военно-оборонительные сооружения Пскова.— В сб.: Достопримечательности Пскова и его окрестностей. Л., 1973.

пору» (ПЛ, 2, 278). В том же году «300 человек лучшие люди» побили немцев, внезапно появившихся под Псковом (ПЛ, 2, 278). В 1609 г. упоминаются «... и дети боярские, и гости, и владычни, Семен Порываев и прочие, всякое их много собрание, 300 человек выехаша...» (ПЛ, 2, 275).

О том, что структура власти после присоединения Пскова к Москве в 1510 г. сохраняла старые формы, свидетельствует введение вместо вечевых посадников и бояр равного числа «12 городничих и старост 12 московских и псковских 12» (ПЛ, 2, 258), подобно тому как в Новгороде в это же время были введены пятиконецкие старосты.

Невольно вспоминаются «300 золотых поясов» Новгорода XIV в.— явный анахронизм в условиях существования пяти, а не трех концов. В связи с этим обращает на себя внимание и то, что Иван III вывез в Москву «псковичь 300 семей» именно из Старого Застенья, а на их месте поселил приведенных гостей (ПЛ, 2, 225, 257, 258). Вывозили в Москву при присоединении Новгорода и Пскова только бояр — так мы получаем еще одно доказательство того, что псковичи-бояре жили исключительно на территории Старого Застенья, а не за его стенами, где жили посажане. С другой стороны, цифра 300 действительно означает этих бояр. Тогда становится понятным и то, почему летописец называет переселенную верхушку псковского республиканского общества («псковичь 300 семей») «тремя кедрами ливанскими» (ПЛ, 2, 257), подчеркивая укоренившуюся традицию кратности числа этой верхушки цифре 3.

Еще более интересны ранние материалы. В 1266 г. Довмонт отправляется в поход «с мужи псковичи, с 3-ми девяносты» (ПЛ, 2, 83). Ясно, что «девяносто» здесь такая же условная единица исчисления, как и новгородская сотня, и восходит к «третном» индоевропейскому делению, включая в себя на самом деле больше или меньше чем просто 90 человек. Кратность 3 не требует комментариев.

В 1272 г. рижский магистр хотел «мужь псковичь иссечи, а иная люди псковскые в работу ввести» (ПЛ, 2, 85). Следовательно, еще в XIII в. псковское население делилось на мужей-псковичей, членов войска (а соответственно и веча) и людей, не входивших ни в то ни в другое. «Люди» 1272 г.— те же «посажане» 1465 г.

Вернемся теперь к сообщению 1465 г. Из него следует, что жители не обнесенных стенами территорий Пскова — посада — не назывались псковичами. Но к началу XVI в. Псков имел четыре крепостных стены, а всего за свою историю он знал пять линий таких стен. Естественно, возникает вопрос, каким образом происходило переименование посажан в псковичей, а соответственно и приобретение посажанами прав псковичей? Совершенно ясно, что одновременно с окружением новых территорий посада стенами посад этот становился городом, посажане — псковичами, состав веча расширялся, а за новыми стенами начинал разрастаться новый посад, появлялись новые посажане, только с течением времени превращавшиеся в псковичей. Следовательно, теперь нам предстоит попытаться выяснить по летописи следы таких превращений посада в город, следы наименования посадом тех частей города, которые в позднее время уже не являются посадом. О том, что мы стоим на верном пути, свидетельствует фраза летописца под 1510 г., когда он говорит о переселении псковичей «в Окольный город и на посад» (ПЛ, 2, 258) (Псковская Третья летопись, Архивский список). Окольный город — это территория посада, окруженная посажанами стеной в 1465 г., а посад — территория за этой стеной.

Начнем с самых ранних линий оборонительных стен Пскова. При Довмонте немцы «изгониша... изгонной ратью посад у Пскова» и «оступиша град Псков, хотяше его пленити» (ПЛ, 2, 86). Уже из такого противопоставления ясно, что посад отличается от Пскова (от града) и не охватывается именем Пскова. Соответственно и жители посада не могут называться псковичами и, видимо, именуются посажанами. Но из этого

сообщения не ясно, что понимается под градом — только ли Детинец или гораздо большая территория, тоже окруженная уже стеной. Первой от Детинца на этой территории была каменная стена 1309 г., проходившая от р. Псковы до р. Великой, начиная с того места, где стояла церковь Петра и Павла. Но не известно, была ли у этой каменной стены деревянная предшественница. Для нас очень важно, что летопись указывает место победы Довмонта в 1272 г. над немцами — «у святого Петра и Павла на березе». Если бы он выехал из Детинца, а указанной стены еще не было, то и сражение произошло бы не у Петра и Павла, а где-то рядом с воротами Детинца, так как немцы, конечно, не стали бы смотреть на Довмонта и сразу напали бы на него, поскольку они стояли у Детинца. Следовательно, если они дали ему доехать до Петра и Павла, то стена у этой церкви уже существовала, а под городом уже в XIII в. подразумевалась территория, обнесенная этой стеной. Здесь в это время и живут мужи-псковичи, с тремя девяностами которых Довмонт ходил в поход в 1266 г., а «люди», которых хотел поработить магистр,— за стеной, на посаде, который «изгониша» немцы в 1272 г.

Изгон был излюбленной тактикой немецких набегов на Псков. Во время набегов они брали в полон множество народа: ведь немцам был доступен посад с его населением, не успевшим скрыться за стенами города. Внезапность изгона и обеспечивала богатый полон. В связи с этим территория псковского посада и получила своеобразное прозвище, часто встречающееся в летописи — «Полонище» [4]. Однако нашему объяснению противоречит частое упоминание Полонища именно в XV в., когда под ним подразумевалась более поздняя и отдаленная окраина Пскова, нежели в XIII—XIV вв. Поэтому историки Пскова обычно понимают под Полонищем только территорию в Междуречье, охваченную стеной в 1465 г. Однако имеются факты, позволяющие считать, что термин «Полонище» не только происходит от слова «полон», но и являлся таким же «бродячим», как и термин «посад», и каждый раз с обнесением территории посада стеной переходил на новые территории, не имевшие еще стен. Имеются в виду первые упоминания «Полонища» в летописи, на которые еще не обращали внимания.

В 1323 г. «немцы стояху около всего Пскова, овии на Запсковье, друзии на Полонище, а иные на Завеличьи, и что где полонивше... то все проводяху за Великую реку» (ПЛ, 2, 23). Здесь особенно хорошо видна связь слова «Полонище» с глаголом «полонивше». С другой стороны, летопись всегда четко отличает «Полонище» от «поля» (ПЛ, 2, 163). Но почему же тогда Полонищем не называются части посада на Запсковье и Завеличье, если и в них немцы «ополонялись». Очевидно, что ко времени появления поселения на Запсковье Полонище (т. е. посад между Великой и Псковой) уже существовало и называлось так, поэтому поселение за Псковой получило другое название.

Если учесть, что в XV в. не раз упоминается о взятии и сожжении немцами Полонища, а, с другой стороны, отсутствуют сведения о хотя бы единичных взятиях имп псковских деревянных стен, то из этого следует, что под Полонищем в сообщении 1323 г. подразумевается посад, не обнесенный стенами. При этом, однако, не ясно, какая именно территория имеется в виду — то ли земля вне стены 1309 г., то ли земля вне следующей границы, отмеченной известной нам стеной 1375 г. Если по этой последней границе уже существовала деревянная стена — предшественница стены 1375 г., то не понятно, почему в 1320 г. под Застеньем понимается только территория за стеной 1309 г. (ПЛ, 2, 22). К тому же под 1368 г. также говорится о сожжении немцами Запсковья и Полонища (ПЛ, 2, 27).

---

[4] *Алешковский М. Х.* Военно-оборонительные сооружения Пскова.

Следовательно, и в это время вокруг Полонища еще нет стены, иначе его не взяли бы немцы и оно так не называлось бы. Прямое указание на территорию, называвшуюся Полонищем в 1368 г., находим в сообщении о строительстве стены 1375 г. «около всего посада» (ПЛ, 2, 105). Из него следует, что за границами стены 1375 г. во время ее строительства еще не было посада, появившегося позднее. А из этого следует, что Полонищем в 1323 и 1368 гг. назывались территории, обнесенные стеной только в 1375 г. Территория вне этой стены получила это название только позднее, и «Полонище» является в Пскове таким же «бродячим» термином, как и «посад».

Однако в известии 1375 г. есть упоминание «старой стенки, что была стенка с дубом мало выше мужа», подле которой и возводится новая каменная стена. Это упоминание обычно и служит основанием для утверждения, что стена по этой линии существовала уже задолго до 1375 г. и была выстроена между 1320 и 1374 гг.[5] Если это так, то наш вывод о Полонище неверен. У нас, однако, имеются данные свидетельствующие о том, что «старая стенка» была выстроена после пожара Полонища 1368 г.

В самом деле, слово «старая», как было недавно показано, означает обычно «прежняя», так что его упоминание еще не говорит о древности указанной стенки[6]. Сообщение же о пожаре Полонища в 1368 г. однозначно с фактом уничтожения стены, если она была. С другой стороны, описание предшественницы стены 1375 г. показывает, что это была временная тыновая стенка, сооружение которой не привело к переименованию посада в город: ведь стена 1375 г. сооружается вокруг всего посада, как пишет летопись. Но это означает, как мы уже говорили, что за стеной 1375 г. во время ее строительства еще не было посада и Полонищем называется под 1368 г. территория, впоследствии окруженная стеной 1375 г. Ее же предшественница сооружена после пожара 1368 г. Если бы она была сооружена раньше, то территория внутри нее не называлась бы ни посадом, ни Полонищем, а вне ее уже существовали бы в 1375 г. посадские строения.

Конечно, сделать такой вывод можно только зная совершенно точно, что посадом не могла называться территория, обнесенная стеной,— она называлась городом. Что это было так, мы уже убедились, приведя свидетельство 1510 г., не говоря уже о термине «посажане». Отсюда и следует, что предшественница стены 1375 г. не была такой стеной, а лишь «стенкой», почему летописец и указывает на ее малую высоту, а мы — на временный характер, не позволивший переименовать обнесенную ею территорию из посада в город.

Итак, с расширением территории города, ограждавшейся каждый раз новыми стенами, прежние посажане становились псковичами, получали их права, становясь членами веча и войска. Следовательно, граница между псковичами и посажанами пролегала по линии принадлежности к городской корпорации или неучастия в ней — факт, чрезвычайно важный для понимания природы феодальной республики русского средневековья. Естественно, что основная масса бояр жила ближе к Детинцу, а чем дальше от него, тем больше становился удельный вес не боярского населения. Быть может, поэтому во время восстания 1485 г. «чернии люди молодии» участники веча посылают в Москву «от молодых людеи Перха с Полонища и с ним Лакомцева сына с Запсковья» (ПЛ, 2, 66). Именно на Полонище находится Кузнецкая улица (ПЛ, 2, 54). Порой поэтому

---

[5] Ср. замечание И. К. Лабутиной о «старой стенке»: «Она уже, вероятно, существовала к 1368 году, когда немцы подходили к Пскову и пожгли Полонище и Запсковье». См. *Лабутина И. К.* Летописные данные XIV века о крепостных сооружениях Пскова.— СА, 1970, № 2, с. 99.

[6] *Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.* О датировке вала и рва Новгородского Острога.— СА, 1970, № 4.

территория, обнесенная стенами, по-прежнему называется то посадом, то градом: в 1480 г. немцы задумали «посади огнем зажещи, а Псков град взяти... и таким замышлением хотеша Запсковье зажещи» (ПЛ, 2, 60). Но вернее, что в данном случае Запсковье называется посадом из-за того, что оно в это время не окружено стеной, выстроенной в 1465 г.: в 1471 г. упоминается пожар (ПЛ, 2, 180) и восстановление стены только вокруг Полонища, причем его жители теперь уже называются «псковичами» — это через шесть-то лет после появления стены. Стена же вокруг Запсковья не была восстановлена. Вместе с тем «черные люди» называются в 1485 г. «псковичами» и участвуют в вечевых собраниях (ПЛ, 2, 65).

Приведенные материалы позволяют говорить о делении населения Пскова на две категории — псковичей, живших за стенами, и посажан — вне этих стен. Попадая за новые стены, посажане становились псковичами, членами веча и войска. Обратимся теперь к материалам о концах и сотнях. И. К. Лабутина окончательно доказала, что к концу XV в. в Пскове было шесть концов [7]. Этот факт дает возможность судить о числе псковских сотен, не упоминаемых в источниках, но существовавших, судя по упоминаниям сотских. В самом деле, мы уже говорили, что после присоединения Пскова к Москве была введена новая администрация, структура которой, однако, восходит к республиканской: число старост кратно числу концов (первых — 12, вторых — 6). В таком случае на конец приходится по два старосты. Если вспомнить, что в Новгороде на конец приходилось по две сотни и соответственно по два сотских, то число псковских старост даст нам число сотен в каждом из концов. Их тоже две на конец — аналогия с Новгородом полная.

В связи с вопросом о псковских сотнях обращает на себя внимание материал по истории соборной организации в Пскове. В древности существовал только один собор — Троицы в Детинце. Но в дальнейшем в городе один за другим появились еще пять соборов, разместившихся, как это впервые отметила И. К. Лабутина [8], в Довмонтовом городе. Первый же из этих соборов организован не по территориальному принципу принадлежности к тому или иному концу, как это мы знаем по Новгороду, а по признаку профессиональному: он купеческий. В 1354 г. купцы строят новую деревянную церковь Софии, а в 1357 г. в ней устраивают собор (ПЛ, 2, 27, 102, 103). Отметим, что и до строительства 1354 г. у купцов также была своя церковь, поскольку под 1354 г. речь идет о «новой» церкви. Эта церковь была, видимо, центром какого-то купеческого объединения наподобие церкви Иоанна на Опоках в Новгороде, также соборной. Интересно, что в обоих случаях купеческие соборные церкви находятся вне кончанских территорий — в Довмонтовом городе или на Торгу (термин «Довмонтов город» мы употребляем условно) [9]. Не останавливаясь на истории Иванского купечества, заслуживающей специальной работы, отметим, что сотенная принадлежность обоих соборов ставит вопрос о такой же принадлежности и остальных соборов Довмонтова города. Ведь и они находятся не на кончанской территории, хотя из истории соборной организации Новгорода мы знаем, что кончанские соборы находились на территориях концов.

И. К. Лабутина уже отметила, что «нельзя ставить в прямую зависимость от числа концов деление духовенства на соборы» [10], и указала на неодновременность появления концов и соборов. Факт сотенной принадлежности довмонтовых соборов виден и из истории четвертого собора.

---

[7] *Лабутина И. К.* К топографии городских концов...

[8] *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова XIV—XV веков. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 26.

[9] *Алешковский М. Х.* Начальные этапы каменного строительства Псковского Крома. В сб.: Древнерусское искусство. М., 1972.

[10] *Лабутина И. К.* К топографии городских концов..., с. 270.

Он состоит из двух церквей — Дмитрия Солунского в Довмонтовом городе и Спаса на Торгу. Принадлежность первой сотенному населению вытекает из постройки ее князем (ПЛ, 2, 227) [11] — патроном сотенного населения, как мы это знаем по истории Новгорода, и из того, что она строится «на Торгу» (ПЛ, 2, 140), т. е. вне кончанской территории. Видимо, территория, где была в XII в. построена эта церковь, была тогда Торгом, размещавшимся под стенами крепости, как это характерно и для многих европейских рыночных территорий. Только впоследствии торг переместился южнее — в XIV в. мы его знаем за Домантовой стеной. Вместе с ним, видимо, переместился и княжеский двор, на котором или рядом с которым стояла церковь Дмитрия XII в. Сотенная принадлежность второй церкви — Спаса видна из ее размещения также вне кончанской территории на Торгу.

Итак, два собора принадлежат сотенному населению, что заставляет предполагать такую же закономерность и по отношению к остальным соборам, поскольку и они расположены вне кончанской территории.

Сотенная принадлежность пяти псковских соборов видна и из того, что об их организации просят не концы, а «невкупные священники», т. е. священники, не объединенные при Троицком соборе, не зависимые от него наподобие «своим попам», венчавшим Святослава Ольговича в 1137 г. в Новгороде [12]. «Невкупные священники» — это не только священники расположенных в Довмонтовом городе церквей, становящихся соборами,— это и священники других псковских церквей, что видно из числа таких священников, вошедших в шестой собор в 1471 г.,— их 102 [13]. Вопрос о том, чем объясняется «невкупность» священников, почему-то не входящих в существующие соборы и просящих время от времени, по мере увеличения своего числа, об организации нового собора, пока остается неясным.

О сотенной принадлежности остальных церквей Довмонтова города говорит строительство церкви Кирилла на гребле сотенным человеком — мастером Кириллом и общегородская принадлежность церкви Тимофея-Довмонта, посвященная опять же князю — патрону сотенного населения.

Так двучленность псковского населения, его разделение на концы и сотни, бояр и не бояр, псковичей и посажан нашли свое выражение даже в церковной сфере. Именно этим и объясняется сосредоточение множества церквей на небольшой территории Довмонтова города, что напоминает такой же ансамбль на Торге и Ярославовом дворище в Новгороде. Оба ансамбля объяснимы только с точки зрения признания существования двух административных систем в каждом из этих городов.

---

[11] «Поставлена бысть церковь Дмитрия за Домантовой стеной, а ту церковь поставил в Пскове князь Аведъ, а во святом крещении Дмитрий, первую камену с кирпичем»; «А стояла первая церковь в Домантове стене мученик Дмитреи 400 лет без 20» (ПЛ, 2, 293). Следовательно, ее постройка относится к 1144 г., что необычайно близко ко времени правления в Пскове князя Всеволода, изгнанного из Новгорода в 1136 г. Но Всеволод не был Аведом, а его второе имя, Гавриил, не соответствует Дмитрию церкви 1144 г. Однако Всеволод мог построить церковь и не во имя своего патрона. Интересно, что имя Аведа по числу букв точно совпадает с известной криптограммой имени того же Всеволода в его Уставе. В. Л. Янин, видимо, не прав, считая, что это имя никогда не давалось русским князьям (см. его «Новгородские посадники», стр. 91). Видимо, невозможно относить это имя и к какому-то литовскому князю, как это делается в комментариях к второму выпуску «Псковских летописей». Ведь литовские князья оставляли свое первое языческое имя (Довмонт), а христианским делалось лишь их второе имя (Тимофей), тогда как Авед — первое имя загадочного князя, имеющего и второе христианское имя.

[12] Никольская церковь, где венчался Святослав Ольгович, ни в коем случае не являлась придворным храмом, как об этом обычно пишут, поскольку таковым была церковь Благовещения на Городище, куда князья переселились еще в конце XI в. Это — одна из сотенных церквей, строившихся князьями на Торгу и Ярославовом дворище в первой половине XII в. (кроме церквей Иоанна и Николы еще Георгия и Успения).

[13] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви — ЧОИДР, кн. 4 за 1916 г. М., 1917, с. 82.

Так мы подошли к поискам аналогий в развитии Пскова и Новгорода. Приводимый ниже и отчасти рассмотренный выше материал еще более усиливает тезис о двучленности населения обоих городов. На новгородских материалах мы убедились, что в городе были как усадьбы бояр, так и усадьбы сотенного населения, причем вторых было значительно больше, чем первых. Недавно В. Л. Янин выделил купеческую усадьбу и по материалам берестяных грамот. В Пскове также были сотенные усадьбы на территории собственно града — об этом говорят упоминания Хытра Кожевника и Федоса Гоболы — мясника (ПЛ, 2, 48, 50).

В Пскове, несмотря на развитие сотенных организаций, посадничество, как и в Новгороде, остается до конца существования республики исключительно боярским институтом. Единственный факт, противоречащий этому заключению, состоит в том, что посадник Яков Иванович Кротов был купецким старостой. Известны два его сына, также бывшие посадниками. Кротовы были землевладельцами, однако купцы в Новгороде также иногда бывали им, так что это не доказывает боярской принадлежности этой семьи. Известно, что бояре занимались ростовщичеством — вспомним известную легенду о посаднике Щиле, но и это еще не доказывает, что они занимались и торговлей, тем более становились купецкими старостами. Решающее значение приобретает следующее сообщение летописи под 1461 г.: псковичи послали «послом Якова Кротова и инех бояр» (ПЛ, 2, 149). Слово «инех» переводится здесь как «остальных, других», и в таком случае Кротов причисляется к боярам. Формула «посадник и иные бояре» часто встречается в летописи, в том числе и в тех случаях, когда боярство посадника не вызывает сомнений (ПЛ, 2, 35, 37, 41, 43, 45, 118 и др.). Отсюда следует вывод о боярском происхождении Кротова и соответственно о чисто боярском характере института посадников в Пскове.

В статье о Новгороде связывалось появление на страницах летописи термина «весь Новгород» с расширением состава веча и усилением политической роли сотен в XIII в. В Пскове термин «весь Псков» появляется несколько позднее — с 1401 г. (ПЛ, 2, 31). Только со второй половины XV в. начинаются упоминания «черных людей» в описаниях вечевых собраний. Под 1471 г. говорится о «препростой чади всем вечем на град», о том, что черные люди «посадников и бояр великих на вече всем Псковом начаша обрубати доспехи и с конми» (ПЛ, 2, 180). Здесь черные люди прямо отождествляются со «всем Псковом».

В 1485 г. «псковичи, черные люди тому веры не няша» (ПЛ, 2, 65). В представлении псковского летописца именно сотенное население Новгорода пригласило Ивана III в свой город: «... а новгородцы люди житии и моложшии сами его призвали на тыи управе, что на них насилье держать как посадники и великие бояре, никому их судити не моги» (ПЛ, 2, 200). Здесь четко противопоставлено население, подсудное кончанской администрации, населению, подсудному сотенной администрации, бояре и посадники — житьим и молодшим людям.

В Новгороде в каждом конце было по две сотни, каждая во главе со своим сотским. В Пскове, как мы уже говорили, после его присоединения к Москве были введены 12 старост — число, кратное шести концам. На каждый конец приходится по два старосты. Не потому ли, что в концах по две сотни?

Таковы аналогии псковского материала новгородскому, во многом подтверждающие выводы, основанные только на Новгороде. Однако в Пскове имелись и свои отличия. Разбор этих отличий, а также анализ других материалов по истории концов и сотен выходит за рамки нашей статьи.

Остановимся только на вопросе о происхождении пригородов — еще одном примере бинарности городских структур Новгорода и Пскова. Действительно, городу соответствуют пригороды. Когда они появились?

Под 1132 и 1136 гг. в летописи рассказано об участии псковичей и ладожан в изгнании Всеволода из Новгорода. Псковичи и ладожане выглядят как будто бы участниками новгородского веча, и в таком случае число его участников равно трем. Встает вопрос, не кратно ли это число цифре дани, установленной Игорем (или Олегом) в конце IX в. для Новгорода? Если это так, то пригороды существовали уже тогда. Однако, сообщения 1132 и 1136 гг. трудно так понимать из-за следующих обстоятельств. Во-первых, в легенде о призвании варягов речь идет не о племенах, а о трех частях возникающего города, что доказывается теперь не только анализом легенды и ее судьбы в летописании [14], но и наличием градов, что доказывается в нашей статье о Новгороде. Во-вторых, ведь цифры дани, воинов и т. п. кратны числу концов не только в Новгороде, но и в Пскове, не только в раннее время, но и в позднее и изменяются в Новгороде соответственно изменению числа концов. А ведь в это позднее время Псков и Ладога уже не являются членами новгородского веча — в Пскове существует свое собственное вече. В-третьих, приход ладожан и псковичей является уникальным фактом, не встречающимся больше в истории Новгорода ни в более раннее, ни в более позднее время. В-четвертых, и это самое главное, Псков стал пригородом Новгорода не ранее конца княжения Судислава (1036 г.), потому что во время его княжения он не мог быть пригородом, имея собственного князя и будучи столицей отдельного княжества. Получил же он этого князя еще в конце X в. Самостоятельность Пскова видна и из того, что псковичи не принимали участия в событиях междоусобицы 1015—1019 гг., почему Судислав впоследствии и был наказан Ярославом. Следовательно, образование пригорода Пскова относится только ко времени позднее 1036 г.

История пригородов еще ждет своего изучения и осмысления. Сейчас же ясно только то, что она дает пример двойственности как специфической для республиканской государственности формы власти, единственно способной сохранить эту республиканскую государственность. Вспомним противостояние князя и веча, посадника и тысяцкого, владыки и архимандрита и другие случаи разделения властей в Новгороде, и мы поймем, что бинарность административных систем — закономерное явление истории вечевых республик Руси.

Новгород и Псков — лишь самые яркие примеры двойственности городских структур средневековья. Другие примеры можно найти как в древности, так и в средние века, особенно на Востоке. Поэтому встает вопрос об изучении типологии городских структур в древности и в средние века. Изучив ее, можно будет более детально рассмотреть такие темы, как отношения князя и города, города и его сельской округи, сотни и цеха (гильдии).

M. Kh. Alechkovski

LES BASES SOCIALES DE LA FORMATION DU TERRITOIRE DE PSKOV DU Xe AU XVIe SIECLE

(A propos de la question d'une etude archeologique de cette ancienne ville russe)

Résumé

Cet article offre la suite de l'élaboration d'une problématique, commencée dans un article sur Novgorod concernant le même thème. L'auteur montre que, dans le passé, la population de Pskov était divisée en deux catégories, comme à Novgorod: la communauté urbaine des «mouji-pskovitchi» («hommes de Pskov»), habitant à l'intérieur de

[14] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. М., 1971, с. 122—129.

l'enceinte fortifiée, c. à. d. la «ville» elle-même; et les «possajan», les habitants du faubourg. Le changement de la composition sociale du «vetché» (assemblée populaire) a eu lieu grâce à l'entrée au «vetché» d'une partie des «possajan» au moment où les limites des fortifications de la ville ont englobé des parties du faubourg. L'auteur étudie l'origine et le développement de l'organisation commune des «sotnias» à côté de l'organisation ecclésiastique existante des boïards dans la cathédrale de la Trinité. En conclusion, l'auteur soulève la question d'une étude de la typologie des communautés urbaines du passé, ainsi que des recherches concernant les organisations de la population des villes, ne faisant pas partie de ces communautés. Les conclusions de l'auteur sont un encouragement au développement des recherches archéologiques sur le territoire des anciennes villes russes, en particulier à l'étude de certaines parties d'une mince couche culturelle, lesquelles doivent fournir des documents pour l'histoire de l'habitation des membres des «sotnias».

К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Б. А. РЫБАКОВА

Обживая землю, люди обозначали новые ступени своих знаний о ней именами первооткрывателей. Открывает мир однако не только география. Проникнуть в прошлое, установить его динамические связи с настоящим — работа историка, задачи которой ясно представлял себе «отец истории» Геродот. Открытие целых стран прошлого с их неповторимым бытом, культурой, экономическим и духовным обликом лишь в редчайших случаях запечатлевает имя исследователя в обозначениях археологических карт. И высшей его наградой становится то, что само открытие входит в сознание людей как непреложная истина. Более того, сознание трансформирует эту истину как существовавшую всегда.

Так произошло с главным открытием Б. А. Рыбакова. Сегодняшний молодой археолог и историк прекрасно знает, что средневековая Русь была страной высокоразвитого ремесла, мастера которой обладали всеми тогдашними тайнами обработки металла и камня, глины и дерева. Они варили стекло не хуже византийского и сирийского, прекрасно ткали шерсть и лен, строили морские суда, создавали шедевры ювелирного искусства. Однако великая страна древнерусского ремесла была открыта всего лишь каких-нибудь сорок лет тому назад молодым археологом того времени Борисом Александровичем Рыбаковым. Истина, показанная им тогда, перечеркнула давнее представление о торгово-паразитическом характере русского средневекового города, взрощенное многими десятилетиями развития исторической науки. Исследования Бориса Александровича со всей очевидностью показали, что историки проходили мимо основных материалов, которые нужно было собирать по крупицам в музейных хранилищах, в сотнях томов полевых отчетов, поскольку к концу 30-х годов нашего столетия археологическое изучение города было в самом зачатке. И эта новая истина моментально сделалась первоосновой современных представлений о средневековой Руси — так доказательно она была введена в науку.

Она стала основой современных знаний не только о городе, но и о деревне IX—XVI вв., потому что характеризовала одну из главнейших сил общественного развития. Если до выхода в свет книги Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (М., 1948) Русь в исследованиях была населена крестьянами, промысловиками (охотниками и рыболовами) и торговцами, то с тех пор мы знаем о «промышленной», а не о «промысловой» Руси, ремесленные мастера которой были тонкими профессионалами, творцами шедевров, знатоками технологических секретов, носителями высоких творческих идей.

Значение этого труда невозможно переоценить. Только он образовал фундамент для правильного понимания совершившегося в нашем столетии открытия великого искусства древнерусской живописи и не менее великого искусства древнерусского зодчества. Только он придал логическую завершенность открытию широко развитой письменности средневековой Руси, сенсационность которого подтвердила глубину научного предвидения. И поэтому не случайными увлечениями, а частью большой и продуманной программы перспективного развития наших знаний о прошлом стали давние работы Б. А. Рыбакова по древнерусской эпиграфике и математической логике средневекового зодчества.

Научному творчеству Б. А. Рыбакова посвящена значительная литература, и это избавляет меня от необходимости давать полную и развернутую оценку его работ, а также касаться подробностей его биографии, хорошо известной читателю. Остановлюсь на том, что представляется мне главным.

Мне довелось лишь однажды работать под руководством Б. А. Рыбакова в поле. Это было в студенческие времена, в прекрасном древнерусском городе Вщиже, в далеком 1949 году. Уже воспитанному на древностях Новгорода с его идеальной стратиграфией и великолепной сохранностью всех без исключения остатков прошлого, Вщиж казался мне непостижимой головоломкой, сложенной из аморфных и почти не отличимых одна от другой прослоек, древности которых находились в состоянии причудливой неразберихи. Так было до первой полевой лекции Б. А. Рыбакова. Но уже на этой первой лекции впечатление о хаосе сменилось представлением о логической стройности запечатленной в профилях раскопов — археологической летописи этого памятника. И если под прослойкой X в. обнаруживалась прослойка XI в., это уже переставало удивлять. Мы видели перед собой вертикальный разрез жилища, для теплоизоляции которого на его потолок была взята земля с более ранними культурными отложениями.

Однако еще более впечатляющей была работа над планом. На мою долю выпало ведение сводного плана раскопок, своеобразной «записной книжки» начальника экспедиции, с помощью которой он искал методику понимания памятника. Нужно было в нагромождении разновременных жилых остатков уловить планировку города в момент его гибели, проложить улицы, нащупать въезды. Как это сделать в аморфной почве, где деревянные конструкции сооружений стали легким тленом? Борис Александрович распорядился нанести на план места находок запертых замков и дверных личин. И на плане возникли стройные линии жилых порядков, обозначилась исчезнувшая, казалось — навсегда, улица, одна из трагических, последних магистралей уничтоженного и уже не возродившегося города. И эта улица не раз вставала перед глазами, когда много лет спустя, уже в Новгороде, возникла задача определить пределы городского землевладения бояр Мишиничей, которые удалось установить наложением на план усадеб находок берестяных грамот, адресованных этой семье.

Умение читать и научить читать сложный археологический памятник, как мы читаем летопись или древнюю литературную повесть,— редкостный талант Б. А. Рыбакова, которому современная археология обязана многими открытиями.

Не менее важен и другой талант — умение читать и научить читать письменный источник так, как мы читаем планы и профили раскопов,— талант, многократно проявившийся в исследованиях Б. А. Рыбакова и увенчавшийся открытием новых видов источников или же новым взглядом на то, что изучалось под другими углами зрения русскими историками на протяжении двух столетий.

Это касается цикла работ по истории русского летописания, но в еще большей степени изучения былин, памятников эпиграфики и старинных географических карт.

В дискуссии с В. Я. Проппом с должной силой доказательности Б. А. Рыбаков обосновал громадное значение русских былин как исторического источника, отразившего не только бытовые и жанровые картины седой старины времени Владимира и Ярослава, но и существо важнейших политических событий в преломлении главного их критика и носителя исторического опыта — народа, базировавшего искусство фольклора на достоверном материале героических событий прошлого.

Цикл работ Б. А. Рыбакова об эпиграфических памятниках древней Руси производит неизгладимое впечатление тем, что вспомогательные задачи эпиграфики служат в нем только исходным пунктом для важнейших исторических наблюдений. Образцом для любого исследователя подобных материалов могут служить блестящие статьи Б. А. Рыбакова о Людогощенском резном кресте и о покаянных крестах из церкви Бориса и Глеба в Плотниках и Аркажа монастыря под Новгородом, оказавшихся атрибутами новгородского стригольничества — общественного движения XIV в., далеко еще не ясного во всех его идейных поворотах и исторических судьбах.

Трудно представить теперь будущее исторической картографии без капитального труда Б. А. Рыбакова «Русские карты Московии» (М., 1974). Не касаясь конкретных выводов этого труда, важных для правильного суждения о географической культуре Москвы XV—XVII вв., отмечу его крупнейшее методическое достижение. Автор этого труда обнаружил и показал наличие древних картографических подоснов у дошедших до нас сравнительно поздних карт. Этот прием применим к любому картографическому материалу, в большинстве случаев использующему достижения более ранних поколений. В частности, методика Б. А. Рыбакова позволяет распознать в чертежах Новгорода 30-х годов XVIII в. подоснову еще петровского времени, а в известном плане Пальмквиста 70-х годов XVII в. обнаружить использование украденного шведами проекта новгородских фортификаций 1631 г.

Можно было бы остановиться на работах Б. А. Рыбакова, посвященных черняховцам и ранним славянам, в которых археологический анализ сочетается с исследованием лингвистических данных и наблюдениями над сельскохозяйственным календарем. Или на работе о Геродотовой Скифии, в которой данные археологии и письменных источников проецируются на карту Южной России. Или же на трудах о славянском язычестве, немыслимых без тонкого владения комплексом разнородных исторических источников. Но даже без подробного разбора этих работ очевидно, что в советской исторической науке Б. А. Рыбаков занимает особое место, будучи редким образцом исследователя, в равной степени владеющего всем комплексом существующих исторических источников — вещественных, письменных и языковых — и умеющего получать важнейшие выводы из столкновения их друг с другом. Такое умение достигается лишь одним способом — неустанными методическими поисками, заставляющими заговорить бессловесный обломок обожженного глиняного сосуда, а за строками летописи, повествующей об очередном политическом событии, увидеть разноликий мир не упомянутых в ней, но свершающих самый процесс истории ремесленников и крестьян там, где прежде видны были только княжеские шапки и епископские клобуки.

Замкнувшийся в излюбленных им материалах, историк может стать прекрасным источниковедом, умеющим досконально определить дату или место изготовления объекта своего исследования, но не способным извлечь из него исторический вывод. Он может, напротив, стать интересным социологом, не опускающимся до противоречащих ему источников. Но только подлинный исследователь, подобно Борису Александровичу, приступая к источниковедческому анализу своих материалов, не теряет из виду широкую, но и трудную дорогу восхождения от них к подлинной цели своих разысканий. Но такое видение оставалось бы лишь частным случаем развития исследовательского таланта, если бы историк воздействовал на своих коллег только своими публикациями.

Б. А. Рыбаков стоит во главе большого коллектива советских археологов, направляя его своими открытиями, идеями, гипотезами, творческими поисками. И результаты такого руководства очевидны. Они проявляются в осуществлении задуманного Б. А. Рыбаковым «Свода археологических источников СССР», программа которого выполняется из года в год, в подготовке обобщающих коллективных трудов по истории и археологии СССР, в бурном развитии полевых археологических исследований нашей страны, в самом становлении высококвалифицированного отряда советских археологов, испытывающих воздействие Б. А. Рыбакова от первых курсов университетского образования до создания кандидатских и докторских диссертаций. За большие достижения в развитии археологической науки и подготовку высококвалифицированных кадров Институт археологии АН СССР, руководимый Борисом Александровичем, в 1969 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Подлинный поэт науки, Б. А. Рыбаков широко известен и как активнейший пропагандист ее достижений, о которых им написаны рассчитанные на массового читателя книги и статьи в популярных журналах и о которых он много раз рассказывал в публичных лекциях, по радио и телевидению.

К сказанному необходимо добавить, что все творчество Б. А. Рыбакова служит выражением важнейшей идеи неразрывной связи исторических эпох, нерасторжимости прошлого и настоящего. Этому творчеству присуще представление о том, что корни нынешней культуры растут из глубинных слоев истории человечества, напитавших ее живыми и неумирающими соками исторического опыта народа. Эта патриотическая идея преобразуется и в практическую деятельность Бориса Александровича, который отдает много сил делу охраны и пропаганды культурного достояния нашего народа, создавшего непреходящие сокровища искусства, ставшие сегодня активной частью нашего интеллектуального бытия. И в кругу его многочисленных общественных обязанностей нет, вероятно, более почетной и благородной, нежели эта, коль скоро ей подчинена и научная программа полевых археологических исследований в нашей стране.

3 июня 1978 года лауреату Ленинской и Государственных премий СССР академику Борису Александровичу Рыбакову исполняется семьдесят лет, и отрадно сознавать, что он находится в расцвете творческих сил. Пожелаем же юбиляру многих лет жизни, хорошего здоровья, новых трудов, новых успехов, осуществления всех дорогих ему замыслов на благо советской исторической науке.

В. Л. Янин

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Б. А. РЫБАКОВА
за 1968 — 1977 годы

1968 г.

Советская археология за 50 лет.— ВИ, № 1, с. 28–37.
Археология завтра.— Будущее науки. Международный ежегодник. М., вып. 2, с. 318—333.
Святовит-Род.— In: Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wroclaw – Warszawa — Krakow, c. 390–394.
Академик Борис Александрович Рыбаков отвечает на вопросы журнала «Вопросы истории».– ВИ, № 9, с. 110—119.
Историческое осмысление памятников средневекового искусства.– В кн.: Состояние и задачи изучения древнерусского искусства. Тезисы конференции. М., с. 36, 37.
Приветственная речь. Międzynarodowy Kongres archeologii s owiańskiej. 1-y. Warszawa, 1965 (Materialy), m. 1, Wroclaw etc, s. 15.
Ред.: Археологические открытия 1967 года. М., «Наука», 369 с.

1969 г.

Военное искусство.– В кн.: Очерки русской культуры XIII–XV вв., ч. I, Материальная культура. М., с. 348–388.
Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г.— Литература и общественная мысль древней Руси.– ТОДРЛ, т. XXIV, с. 58–63.
Київські колти і віли-русалки.— Слов'яно-руські старожитності, Київ, с. 92—103.
Путь из Булгара в Киев.— Древности Восточной Европы. М., с. 189–196.
Les débuts de la Russie.– Kháo co hoc. Hanöi, № 2, p. 72–87.
Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси.– В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР, М., с. 25–28.
Выступления в прениях...— Здесь же, с. 115—117.
Раскопки в Белгороде Киевском. АО–1968 г. М., с. 330–332, I рис.
Изучение Киевской Руси советскими археологами.– Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР... Ин-та археологии АН СССР... в 1968 г. Л., с. 47, 48.
Археология: проблемы и достижения.– Наука и жизнь, № 11, с. 34—36.
Выдающееся достижение.– Огонек. № 52, с. 20.
Ред.: Археологические открытия 1968 года. М., «Наука», 463 с.

1970 г.

О двух культурах русского феодализма.– Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., с. 23–33.
Основные проблемы изучения славянского язычества.– Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 8. М., с. 139–144.
Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве».– Вопросы географии. Сб. 83. Историческая география России. М., с. 69–82.
Просвещение.— Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 2. Духовная культура. М., с. 158–205.
Языческая символика русских украшений XII в.– I Miedzynarodowy Kongres... Archeologii Słowiańskiej, т. V. Краков, с. 352—374.
Любеч и Витичев – ворота «Внутренней Руси» – I Miedzynarodowy Kongres... Archeologii Slowiańskiej, т. III. Краков, с. 7–20.
Нестор о славянских обычаях.– Древние славяне и их соседи. М., с. 40–44.
Галичанин — летописец конца XII — нач. XIII вв.– Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М., с. 42, 43.
Раскопки в Белгороде киевском (совместно с Т. В. Николаевой).– АО – 1969. М., с. 285–287, 1 рис.
Предисловие к кн. «Каменный век на территории СССР», М., с. 3, 4.
Воскрешенная древность. (О новгородской археологической экспедиции).– «Правда», 6 сентября.
Учиться понимать культурные богатства прошлого.— Наука и религия, № 2, с. 95, 96.
«Черты» и «резы» древних славян.– Вокруг света, № 1, с. 14–15.
Ред.: Археологические открытия 1969 года. М., «Наука», 455 с.
Ред.: Историческая география России. М., «Мысль», 216 с.

1971 г.

Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л., «Аврора», 127 с., 161 илл. цветных и тоновых.
«Слово о полку Игореве» и его современники. М., «Наука», 293 с., 22 рис. 4 карты, 2 схемы.

Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в.— Археографический Ежегодник за 1970 г. М., «Наука», с. 43—89.

В. Н. Татищев и летописи XII в.– История СССР, № 1, с. 91–109.

Méthode historique de l'archéologie. (VIII Congres des sciences prehistoriques et protohistoriques. Les rapports de la délegation de l'URSS). Beograde, 7 с.

О преодолении самообмана. К вопросам истории Руси XII–XIII вв. По поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства».– ВИ, № 3, с. 153–159.

Александровская слобода Ивана Грозного.– АО – 1970, М., с. 92, 93.

Воскрешенная древность. (О работе Новгор. археол экспедиции Ин-та археологии АН СССР и МГУ).– Преподавание истории в школе, № 1, с. 8, 9.

Сказкин С. Д., Рыбаков Б. А., Минц И. И. В редакцию журнала «Вопросы истории».– ВИ, № 2, с. 201.

«Века Троянн». Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тезисы докладов... Тбилиси, с. 11–12.

Воплощение духовной силы.— «Литературная газета», 15 сентября, с. 10.

Ред.: Археологические открытия 1970 года. М., «Наука», с. 471.

Ред.: Т. В. Николаева. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV— первой четверти XVI в.– САИ, вып. Е1 – 49, М., «Наука», 193 с., 81 табл.

1972 г.

Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., «Наука», 519 стр., 21 рис., 7 диаграмм и схем.

Происхождение и семантика ромбического орнамента.– Сборник трудов НИИХП, вып. 5, М., с. 127–134.

Рассказывают руководители институтов и научных коллективов. Об исторических исследованиях в период подготовки к 50-летию образования СССР. Статьи: Б. А. Рыбаков и др.– История СССР, № 6, с. 226–236.

Государственная оборонительная система Киевской Руси. (Тезисы доклада).– В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, с. 17, 18.

Предисловие.— Здесь же, с. 3.

Архитектурная математика Древней Руси. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 4 с.

Александровская слобода Ивана Грозного (совместно с Т. В. Николаевой).— АО – 1971, М., с. 110.

Гуманитарии в эпоху НТР.– Наука и жизнь, № 3, с. 42—45.

Гуманитарии в эпоху НТР.– «Неделя», № 3 (10–16 января), с. 18.

Изучая прошлое, прислушивайся к настоящему.– «Социалистическая индустрия», 4 декабря.

Кто же автор «Слова о полку Игореве»? — Наука и жизнь, № 10, с. 51—57.

Находки археологов.– Наука и религия, № 5, с. 40–43.

Новгородское мерило.– «Неделя», № 27, с. 22, 23.

Путешествие через века. «Комсомольская правда», от 10 декабря за № 288 (14574), стр. 4.

Ред.: Археологические открытия 1971 года. М., «Наука», с. 574.

Ред.: Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы науч. сессии польских и советских историков. Киев, 1969 г. Киев, «Наук. думка», 259 с.

1973 г.

Календарный фриз северокавказского сосуда VIII—VII вв. до н. э.— Кавказ и Восточная Европа в древности. М., с. 158—162.

На земле древнейших культур.– Наука и религия, № 12, с. 37, 38.

Ред.: Археологические открытия 1972 года. М., «Наука», 519 с.

1974 г.

Русские карты Московии XV– начала XVI века. М., «Наука», 111 с., 21 карта и схема.

Языческое мировоззрение русского средневековья.– ВИ, № 1, с. 3–30.

L'instrument de mesure du bâtisseur de Novgorod au début du XIII siècle.— Sciences Sociales, № 1, с. 110–125.

Георгий Русский и его мать по миниатюрам Радзивилловской летописи.– Археологические памятники феодальной Грузии. Сб. памяти Г. А. Ломтатидзе. Тбилиси, т. 2, с. 256–261.

Вступительное слово. «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя», конференция. Тезисы докладов. М.

Политические идеи русских летописцев XII в. (тезисы).– В кн.: Польша и Русь. М., с. 18–22.

Предисловие к сборнику: «Летописи и хроники 1973». Сб. статей, посвященный памяти А. Н. Насонова. М., «Наука».

Исторические исследования в Академии наук СССР (совместно с Е. М. Жуковым и В. И. Бовыкиным).— ВАН, № 4, с. 5–18.

Корпус древнейших источников по истории народов СССР. О подготовке изд. (совместно с В. Т. Пашуто).— ВИ, № 7, с. 49–54.

Вводная статья к каталогу «Живопись домонгольской Руси». Автор-составитель О. А. Корина. М., «Сов. художник», с. 5–12.

Древнейшие русские карты Московии.– Наука и жизнь, № 4, с. 33–38.

Одна из задач (К 250-летию юбилея АН СССР).– Наука и религия, № 5, с. 12, 13.

Проблема сохранения одного из ценнейших памятников русского Северо-кийского Крестного монастыря.– «Литературная Россия». М., 16 августа, № 33 (605), с. 19.

Ред.: Археологические открытия 1973 года. М., «Наука», с. 559.

Ред.: Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. (Сб. статей). М., «Наука», 424 с.

1975 г.

Первобытнообщинный строй, раздел 1, с. 7–37; Возникновение и развитие феодализма (IV–IX вв.). Образование государств у восточных славян, раздел 2, с. 39–61; Развитие феодальных отношений. Государство Русь. Его роль в истории народов СССР и международное значение (IX– начало XII в.), раздел 2, с. 62—92. История СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. Учебник для исторических факультетов университетов и пед. институтов. М., 496 с.

Мерило новгородского зодчего XIII в.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., «Наука», с. 205–218, 14 рис.

Русские карты Московии XV–XVI вв.– В кн.: Наука и человечество. М., с. 73–85.

Новейшие археологические открытия. Доклад на юбилейной сессии АН СССР, посвященной 250-летию АН СССР. М., 12 с.

Антицерковное движение стригольников.– (Краткое изложение доклада на общем собрании Отделения истории АН СССР).– ВИ, № 3, с. 155–160.

Вещественные источники об антицерковном движении стригольников. Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, ч. III. Киев, с. 3, 4.

Le paganisme dans la Russie médiévale.— Sciences Sociales, № 1, с. 137–161.

Макрокосм в микрокосме народного искусства.– «Декоративное искусство СССР», № 1, с. 30—33; 53; № 3, с. 38—43.

Информация о докладе П. Н. Аркатова о новой идее реконструкции храма Покрова на Нерли.— КСИА АН СССР, вып. 144, с. 112, 113.

The most important recent archaeological discoveries made in European Russia. Aut.: A. A. Formozov, E. N. Chernvkh, D. B. Shelov, B. A. Rybakov, R. L. Rozenfeldt. Recent archaeological excavations in Europe. London — Boston, p. 188–226.

Историческая наука в СССР на современном этапе (совместно с Жуковым Е. М.).— Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., с. 3–10.

К 90-летию академика Н. М. Дружинина. Историк (совместно с Н. С. Киняпиной, И. Д. Ковальченко).– История СССР, № 6, с. 222–226.

Откуда вы, славяне?– Неделя, № 37, 8–14 сентября, с. 10, 11.

Штаб советской науки. На вопросы корреспондентов советской культуры отвечают...– Советская культура, № 81, 7 октября.

Языческое миропонимание.— Наука и религия, № 2, с. 56—60.

Ред.: Археологические открытия 1974 года. М., «Наука», с. 579.

Ред.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 519 с.

Ред.: История СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. Учебник для исторических факультетов ун-тов и пед. ин-тов. М., 496 с.

Ред.: Славяне и Запад. Сб. статей к 70-летию И. Ф. Бэлзы. М., 282 с.

1976 г.

Борьба за суздальское наследство в 1174–1176 гг. по миниатюрам Радзивилловской летописи.– Средневековая Русь. М., «Наука», с. 89–101.

Новые данные о культе небесного оленя.– Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., с. 57–63.

Новейшие археологические открытия. Докл. на юбилейной науч. сессии Секции обществ. наук Президиума АН СССР. Окт. 1975 г.– ВАН, № 2, с. 163–175.

Задачи изучения культуры русского крестьянства XIX века.– Из истории экономической и общественной жизни России. Сб. статей к 90-летию Н. М. Дружинина. М., 1976, с. 23—26.

Историзм археологии.— Конференция «Историзм археологии: Методологические проблемы». Тезисы докладов, М., с. 3–6.

Стригольнические покаянные кресты.– Культурное наследие Древней Руси. М., с. 79–86.

Русские карты Московии XV–XVI вв. и их отражение в западноевропейской картографии.– Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., с. 59, 60.
Обсуждение книги Олжаса Сулейменова.– ВИ, № 9, с. 147, 148.
Ред.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., Наука, 360 с.
Ред.: Археологические открытия 1975 года. М., «Наука», с. 602.
Ред.: Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры. М., «Наука», 162 с.

1977 г.

Трактат, написанный на корабле.– В кн.: История и культура античного мира. М., с. 185–188.
«Оже ти собе не любо, то того и другу не твори».– Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., с. 217—220.
Путешествие Геродота в Скифию. Курьер ЮНЕСКО, М., № 1, с. I—III после с. 22, 3 илл.
Геродотова Скифия.– Всесоюзная конф. «Новейшие достижения советских археологов». Тезисы пленарных докладов. М., с. 4–9.
К 70-летию академика Е. М. Жукова (совместно с Н. М. Дружининым, И. Д. Ковальченко, В. А. Тишковым).– История СССР. М., № 5, с. 237–239.
Новое прочтение географии Геродота.– Природа, № 11, с. 53–59.
Ред.: Археологические открытия 1976 года. М., «Наука», с. 608.
Ред.: Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., «Наука», 343 с.

Библиография составлена
И. М. Зарецкой, Г. Т. Серовой

Публикации

Г. А. ЧЕРНОВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА САНДИБЕЙЮ I

До 1939 г. район Большеземельской тундры представлял собой белое пятно на археологической карте Европейской части СССР. В те времена почти ничего не было известно о древних памятниках этого отдаленного района, если не считать отдельных находок А. В. Журавского [1] и Н. А. Кулика [2].

В 1939 г. попутно при геологических исследованиях нами был обнаружен археологический материал в 28 пунктах. Особое внимание специалистов привлекли находки микролитических орудий со стоянки Сандибейю I [3]. Она находится на левом притоке р. Колвы, протекающей в центральной части Большеземельской тундры, в труднодоступном районе. В те годы район Большеземельской тундры сопоставлялся с отдаленными, но достаточно хорошо изученными в археологическом отношении районами, а именно с западным и центральным районами Европейской части СССР и бассейном р. Оби.

Наш археологический материал был собран с поверхности развеваемых песков, называемых на местном наречии «яреями», и во многих местах оказался смешанным и разновременным. Однако несмотря на эти неблагоприятные условия, стоянка Сандибейю I привлекла внимание однородностью комплекса микролитических орудий из ножевидных пластинок, среди которых керамических изделий найдено не было.

Это позволило автору считать данную стоянку (и ряд других) более древними по отношению к стоянкам с двусторонне обработанными орудиями и керамикой и отнести первые к докерамическому этапу каменного века.

При обработке археологического материала автор пользовался консультацией В. А. Городцова, М. В. Воеводского и М. В. Талицкого. В послевоенные годы, когда нами были открыты новые стоянки в Большеземельской тундре (около 100), с ними ознакомились А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс и высказали мнение о сравнительно позднем заселении северо-восточной части Европейского Севера. Так, А. Я. Брюсов [4] относил стоянки Большеземельской тундры к концу II и к I тысячелетию до н. э. М. Е. Фосс в одной из глав своей монографии писала: «Подводя итоги

---

[1] *Журавский А. В.* Центральные меридианы Большеземельской тундры.— ИРГО, XI, 1, 1910.

[2] *Кулик Н. А.* Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г.— ТОЗПУ, III, 1914.

[3] *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека на р. Колве, Колвавис и Сандибейю в Большеземельской тундре.— КСИИМК, IX, 1941; *его же.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.— ТКПИЧП, 7, 1948.

[4] *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, с. 143.

изучения археологических коллекций Заполярья, мы приходим к выводу о распространении на этой территории в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. своеобразной культуры, принадлежащей охотничье-рыболовческим племенам с полуоседлым образом жизни» [5].

В последние годы стоянки с микролитическими орудиями из ножевидных пластинок были обнаружены автором на реках Адзьве [6] и Усе [7], В. И. Каневцом на реках Печоре и Усе [8] и В. Е. Лузгиным на р. Ижме [9].

Весь собранный нами микролитический материал со стоянок Большеземельской тундры, хранящийся в музее антропологии МГУ (кол. № 361—368), был детально изучен В. И. Канивцом и И. В. Верещагиной. Наибольший интерес для И. В. Верещагиной представил материал стоянки Сандибейю I, поскольку на ней было собрано большое количество ножевидных пластинок и орудий из них. Она пишет: «...инвентарь стоянки Сандибейю I можно считать типично мезолитическим. Он может служить в некоторой степени эталоном при выделении мезолитических комплексов Большеземельской тундры» [10].

К сожалению, эта самая богатая мезолитическая стоянка в Большеземельской тундре была обнаружена случайно автором, не обладавшим в то время достаточными знаниями в области археологии. Понимая необходимость более детального обследования памятника, автор в 1975 г. посетил его вторично в составе отряда Института археологии АН СССР [11]. Предполагалось обследовать все течение р. Сандибейю, начиная с ее верховий. Из г. Печоры с целью детальной разведки стоянки Сандибейю I и обнаружения новых стоянок отряд был заброшен на вертолете МИ-8 к оз. Войкоты — одному из истоков р. Сандибейю, откуда на двух резиновых лодках начался спуск по р. Войковис, а затем по р. Сандибейю. К сожалению, Войковис и верхнее течение р. Сандибейю проходит среди низких, заболоченных берегов, заросших густым ивняком, редкими елями и березами, которые тянутся узкой полосой вдоль русел рек. Только в 50 *км* от стоков отчетливо вырисовывается долина р. Сандибейю, где на высоких берегах отсутствовали эоловые образования, так как склоны берегов были сложены одними послеледниковыми отложениями. Как ни странно, а первыми яреями оказались пески стоянки Сандибейю I, расположенные к западу от большого озера Небесохасырейты (рис. 1).

Стоянка Сандибейю I расположена на правом берегу реки, на расстоянии 400 *м* от последней и в 1 *км* от правого притока Вачегшора. На высоком пологом коренном берегу расположен большой ярей до 200 *м* длиной и 40 *м* шириной, вытянутый с юго-востока на северо-запад (рис. 2). Со всех сторон ярей окружен дюнами, причем с юго-западной стороны дюны низкие и частично задернованные, а с северо-восточной стороны они более высокие с останцами, частично заросшие кустарником и низкорослой березой. Различный характер дюн указывает на преобладающее направление ветров западных румбов. Из-за отсутствия времени расчистка не производилась в юго-восточной части ярея, где культурный слой, возможно сохранившийся, был погребен навеянными песками. Большой материал был собран с поверхности ярея; культурный слой, видимо, находился не выше 1 *м* над дном выдува.

---

[5] *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952, с. 145.

[6] *Чернов Г. А.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы.— МАЕСВ, вып. 1, 1962.

[7] *Чернов Г. А.* Стоянка на р. Усе и Печоре.— СА, 1964, № 1.

[8] *Каневец В. И.* Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе.— МАЕСВ, вып. IV, 1973.

[9] *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М., 1975.

[10] *Верещагина И. В.* Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры.— МАЕСВ, вып. 5, 1973, с. 7.

[11] В работе археологического отряда принимали активное участие А. К. Козловицкий из Москвы, в прошлом участник гражданской войны на Севере (в районе реки Печоры), и врач Ю. А. Груббэ из Сыктывкара, которым автор выражает благодарность.

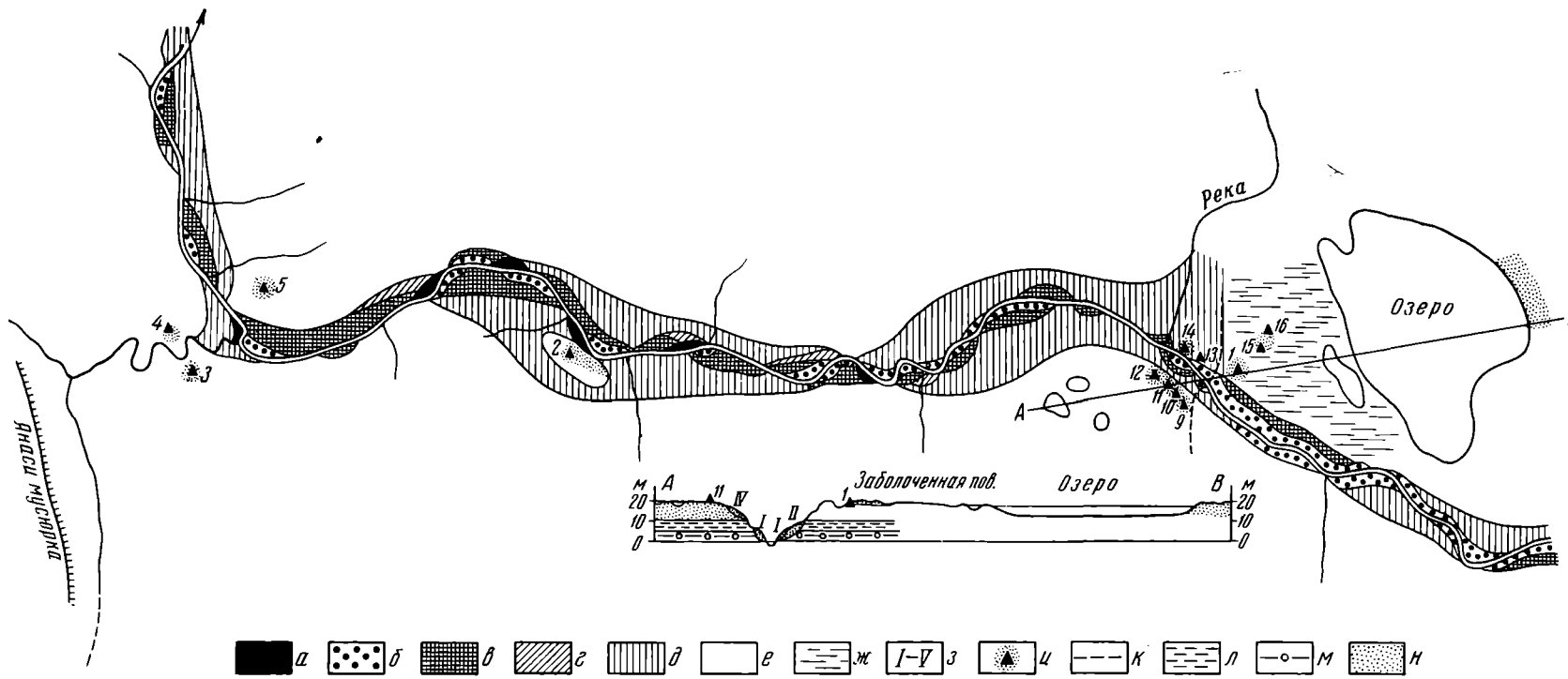


Рис. 1. Схема среднего течения р. Сандибейю. *а* – отмели; *б* — I терраса; *в* — II терраса; *г* — III терраса; *д* — IV терраса; *е* — коренной берег; *ж* — болото; *з* — I—IV террасы; *и* — стоянки на яреях (стоянки I—5 открыты в 1939 г., стоянки 9—16 открыты в 1975 г., в разрезе: *л* — глины, *м* – валунные суглинки, *н* – пески)

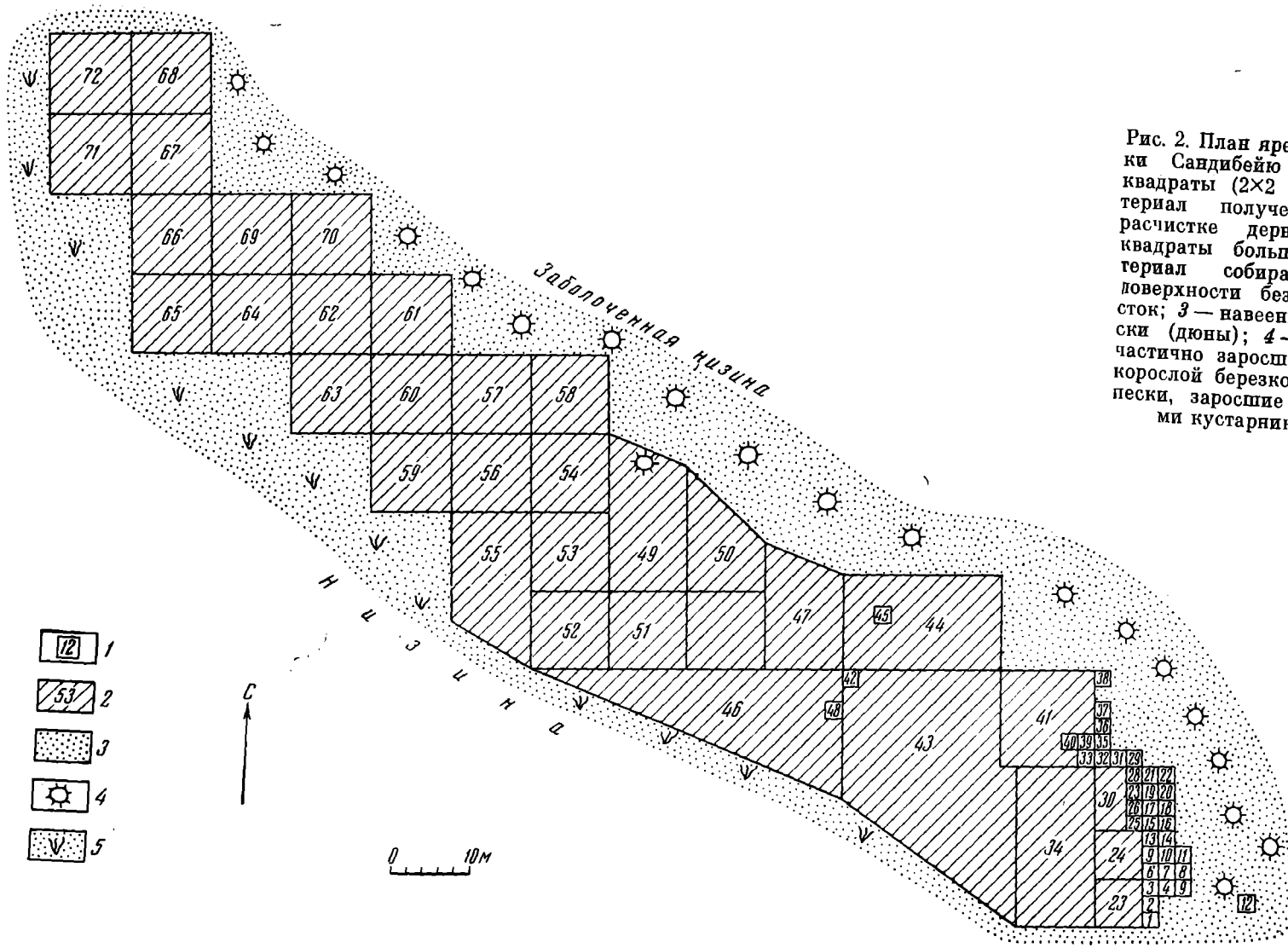


Рис. 2. План ярея стоянки Сандибейю I. *1* — квадраты (2×2 *м*), материал получен при расчистке дерна; *2* — квадраты большие, материал собирался с поверхности без расчисток; *3* — навеянные пески (дюны); *4* — дюны, частично заросшие низкорослой березкой; *5* — пески, заросшие местами кустарником

Следует отметить, что в 1939 г., когда здесь впервые были обнаружены каменные орудия, пески в ярее были чистыми, т. е. не задернованными. Теперь, в 1975 г., спустя 35 лет, пески оказались задернованными на 1,5 *см*, и в настоящее время эоловые процессы в ярее прекратились. По-видимому, это связано с тем, что за последние 3—4 десятилетия климат в Большеземельской тундре стал более влажным и теплым, что подтверждается обильным ростом ивняковых кустарников на севере тундры, где раньше они росли в ограниченных местах.

Задернованность ярея в значительной степени осложнила сборы археологического материала и вызвала необходимость расчисток, которые и были произведены в юго-восточной части ярея, где встречалось наибольшее количество находок. Вероятно, судя по фотографиям 1939 г., первые сборы были произведены именно в этой части.

При первом осмотре стоянки сразу бросилось в глаза, что наибольшее количество орудий сосредоточено в юго-восточной части ярея (рис. 2). Поэтому здесь и были расчищены четыре метровых квадрата. Далее на северо-запад количество кремневых отщепов и ножевидных пластинок резко сократилось, и они встречались неравномерно, некоторые квадраты оказались совершенно пустыми (кв. 4, 48, 55, 60—69 и 72).

Следует отметить, что в квадрате 42 под дерном был найден фрагмент сосуда периода средневековья, а в квадрате 48 — плитка песчаника со следами процарапанных человеческих (?) фигур, которые, безусловно, никакого отношения не имеют к микролитическим орудиям.

Материал собирался по квадратам отдельно: сначала с поверхности, затем после расчистки. На больших квадратах (100 *м* и более) материал собирался лишь с поверхности, за исключением трех 4-метровых квадратов (№ 42, 45, 48) (рис. 2). Таким образом, удалось собрать далеко не весь археологический материал и большая часть стоянки осталась фактически неразведанной.

Собранный материал, за исключением указанных поздних предметов, говорит о принадлежности его к одновозрастной стоянке.

При первых сборах в 1939 г. на этой стоянке собрано 490 ножевидных пластинок, преимущественно мелких, и 325 кремневых отщепов, из которых лишь 25 были крупными (табл. 1). Орудий из ножевидных пластинок было отмечено только 10. Но после осмотра нашего материала, хранившегося в музее антропологии МГУ, В. И. Каневцом и И. В. Верещагиной выяснилось, что количество орудий увеличилось и достигло 117 экз. Сборы в 1975 г. увеличили больше чем вдвое обнаруженный инвентарь стоянки (табл. I). Кроме того, при обследовании близлежащей территории было обнаружено 8 пунктов с микролитическим материалом (рис. 1) [12].

Описание каменного материала со стоянки Сандибейю I. На стоянке найдено 1418 кремневых отщепов и 1260 ножевидных пластинок (табл. I). Увеличение соотношения в пользу ножевидных пластинок по сравнению со старыми сборами объясняется тем, что при первых сборах большое внимание обращалось на ножевидные пластинки, а при повторных сборах забиралось все исключительно, до самой мелочи — чешуек [13].

Пластинки имеются как целые, так и с отломленными концами, трапециевидного и треугольного сечения (рис. 3, *1—3*). Среди них встречено около 200 экз. со следами употребления. Они выражены мелкой зазубренностью с одного края по всей длине (рис. 3, *6—8*, *10*, *12*, *13*) или частично, как, например, на пластинках, изображенных на рис. 3 (*5*, *9*, *11*, *17*). Зазубренность на пластинках неодинаковая, чаще очень

---

[12] Материалы с этих стоянок, а также со стоянок этого же времени, найденных на правом берегу р. Колвы, против устья р. Сандибейю, готовятся к публикации.

[13] Каменные орудия были любезно просмотрены В. Ф. Старковым, которому автор выражает глубокую благодарность за консультацию.

Таблица 1

Инвентарь каменного материала стоянки Сандибейю I

Наименование орудий	Сборы			Общее кол-во
	1939 г.		1975 г.	
	Г. А. Чернов	И. В. Верещагина *	Г. А. Чернов	
1 Ножевидные пластинки цельные	190			
2 Ножевидные пластинки с отломанными концами	300	340	920	1260
3 Ножевидные пластинки со следами употребления		146	189	335
4 Ножевидные пластинки с частичной ретушью			243	243
5 Ножевидные пластинки с двусторонней ретушью			15	15
6 Вкладыши	1	52	32	84
7 Ножевидные пластинки со скошенным ретушированным концом			3	3
8 Ножевидные пластинки с прямым ретушированным концом	1		2	3
9 Ножевидные пластинки с выемкой (скобель)	3	8	10	18
10 Ребристая пластинка с частичной ретушью			16	16
11 Наконечники стрел		1	4	5
12 Острие (проколки)	3	2	6	9
13 Ножечки		10	4	14
14 Скребки концевые на пластинках	2	4	2	6
15 Резцы	1	22	59	81
16 Резчики			7	7
17 Концевые скребки на отщепах	5	4	11	16
18 Нуклеусы	4	4	7	11
19 Продольные сколы нуклеусов			3	3
20 Поперечные сколы нуклеусов	2	10	5	15
21 Ретушер			1	1
22 Отбойник	1		2	3
23 Отщепы с ретушью			5	5
24 Кремневые отщепы и чешуйки	300	124	793	917
25 Пластинчатые отщепы		37		37
26 Кремневые отщепы крупные	25	33	468	501

* В таблице приведены определения орудий И. В. Верещагиной (см. сн. 10) по материалам сборов Г. А. Чернова в 1939 г.

мелкая, трудно различимая (рис. 3, *4*, *15*), а иногда неровная с более крупными щербинками (рис. 3, *7*, *11*), образование которых вызвано либо особым характером работы, либо более низким качеством кремня.

Значительный процент находок составляют пластинки с частичной ретушью (рис. 3), в большинстве случаев односторонней, нанесенной со стороны спинки (рис. 3, *14*, *18*, *22* и др.) или реже с брюшка (рис. 3, *15*, *16*, *19*, *24*; 4, *1*). Аналогичным образом оформлена часть сечений, что указывает на их использование в качестве вкладышей. С учетом сборов

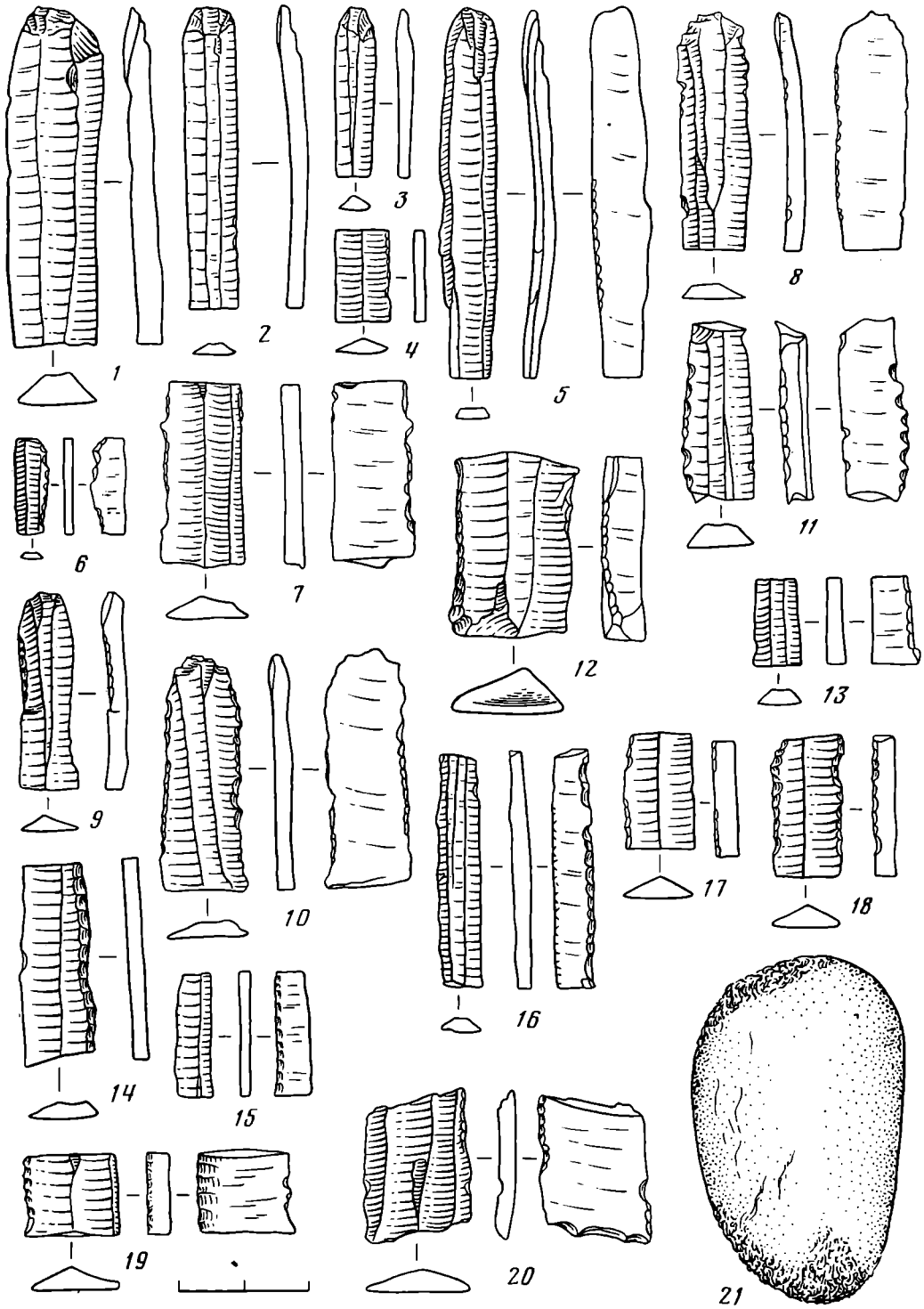


Рис. 3. Кремневые орудия с квадратов: *1* — с 70, *2* — с 4; *3* — с 38; *4* — с 20; *5* — с 24; *6, 7* — с 34; *8, 10* — с 39; *9* — с 36; *11, 13* — с 43; *12* — с 28; *14, 18* — с 43; *15* — с 34; *16, 17* — с 35; *19* — с 33; *20* — с 40; *21* — с 71

1939 г. количество возможных вкладышей составляет около 250 экз. Большинство вкладышей изготовлено на сечениях прямых пластинок, ретушированных сплошной односторонней ретушью со стороны спинки (рис. 4, *5*, *6*, *10* и др.). Гораздо реже ретушь наносилась со стороны брюшка (рис. 4, *2*, *3*, *7*, *11* и др.). Очень редко встречаются пластинки,

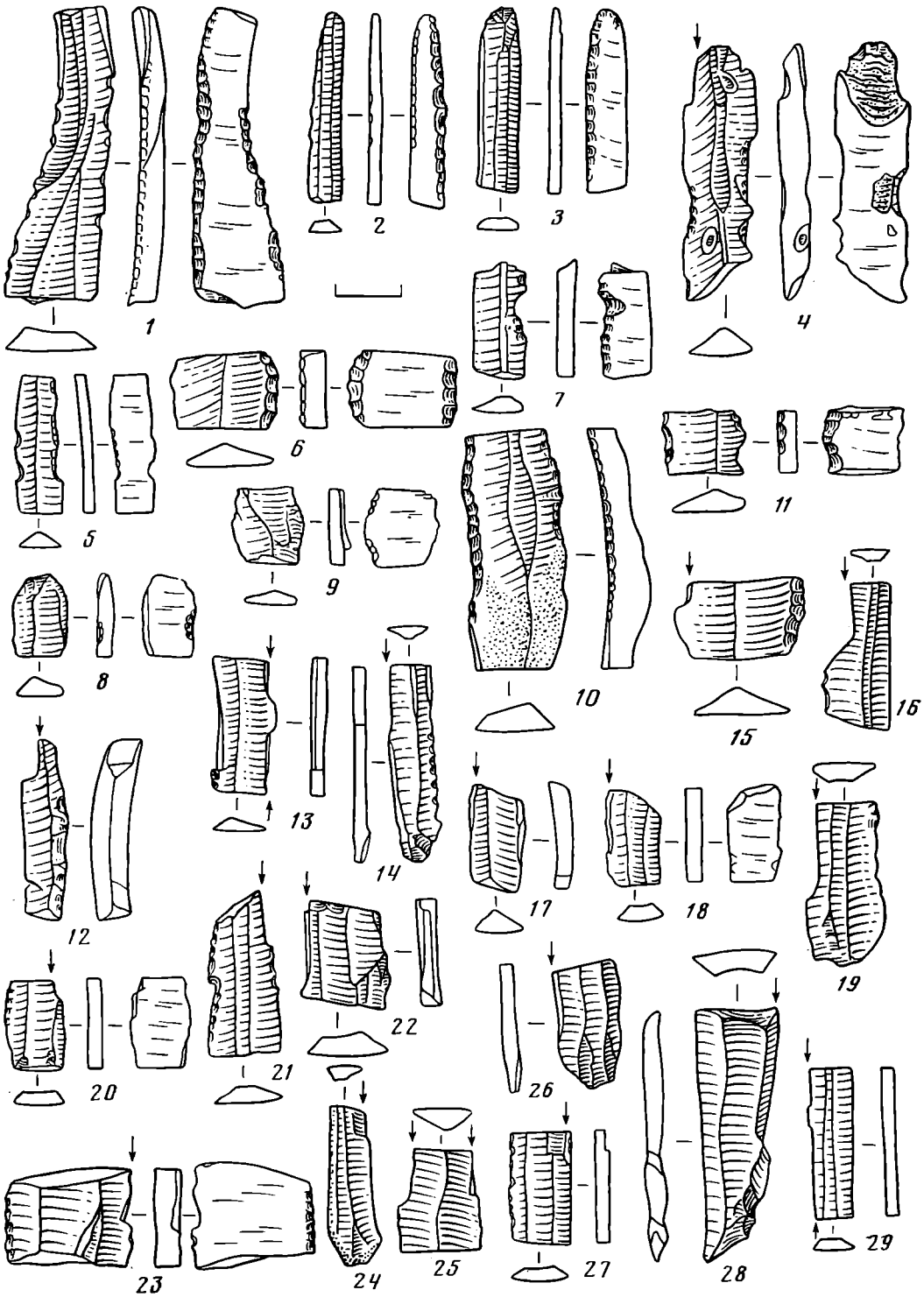


Рис. 4. Кремневые орудия с квадратов: *1, 5* — с 41; *2* — с 31; *3* — с 35; *4* — с 2; *6* — с 33; *7* — с 29; *8* — с 54; *9* — с 8; *10* — с 58; *11* — с 56; *12* — с 34; *13* — с 40; *14, 17* — с 54; *15* — с 52; *16* — с 43; *18* — с 8; *19* — с 43; *20* — с 38; *21, 22* — с 58; *23* — с 33; *24* — с 57; *25* — с 41; *27* — с 29; *28* — с 28; *29* — с 37

обработанные мелкой двукраевой односторонней ретушью со спинки (рис. 4, *5*) и с брюшка (рис. 4, *6*). Крупные пластинки с ретушью, обработанные либо с одной стороны (рис. 6, *11*), либо с двух сторон (рис. 4, *10*), использовались как ножи.

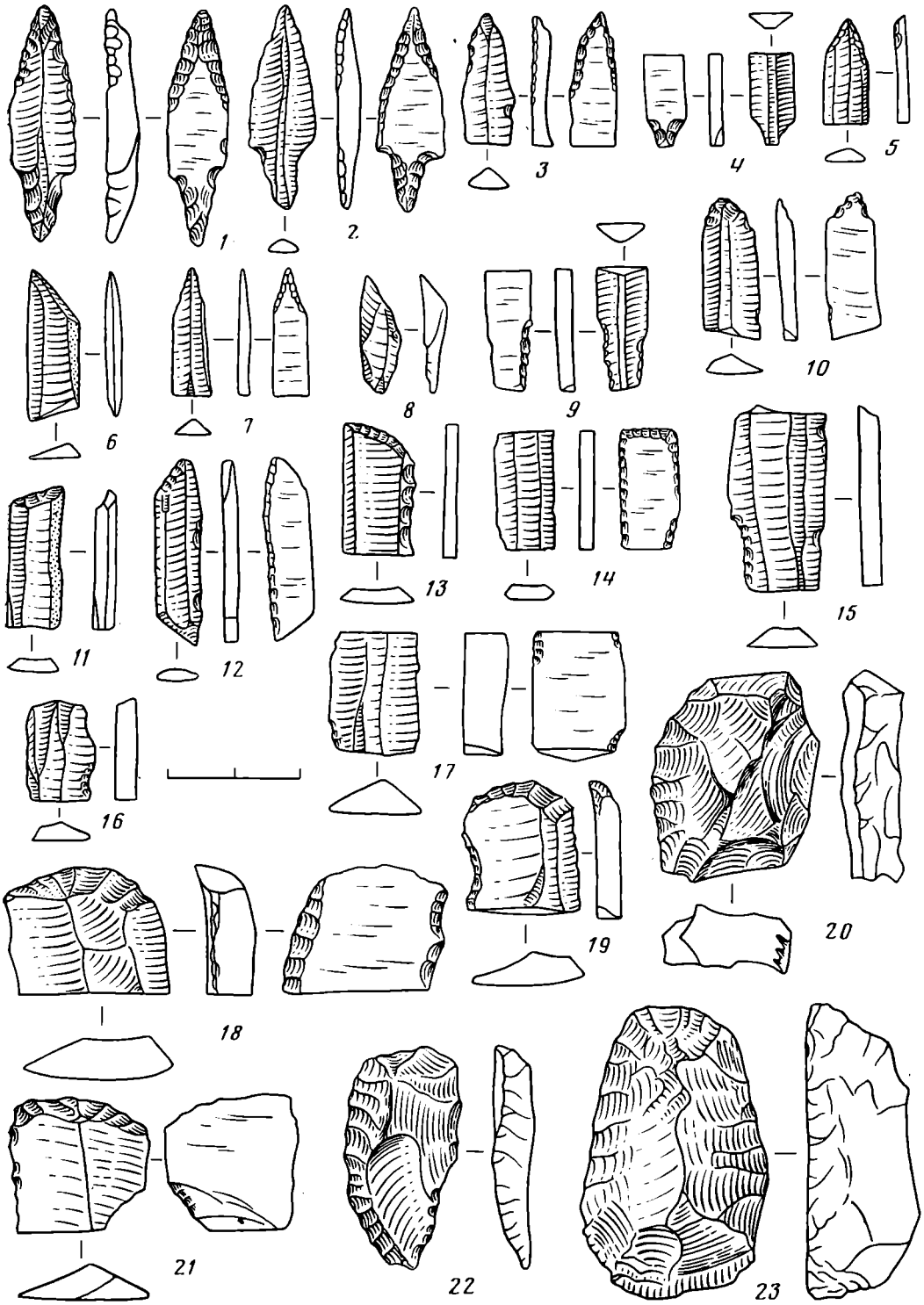


Рис. 5. Кремневые орудия с квадратов: *1, 10* — с 33; *2, 3* — с 41; *4* — с 23; *5* — с 24; *6, 23* — с 29; *7* — с 39; *8* — с 28; *9* — с 2; *11* — с 75; *12* — с 35; *13* — с 50; *14* — с 34; *15* — с 28; *16* — с 29; *17* — с 34; *18* — с 43; *19* — с 42; *20* — с 8; *21* — с 46; *22* — с 43

Резцы составляют вторую после вкладышей группу орудий (81 экз.). Они обнаруживают довольно большое разнообразие, как по форме заготовок (целые пластины и сечения), так и по количеству сколов: они наносились с одной стороны (рис. 4, *4*, *12*, *16—24*, *26*, *27*, *28*), реже с двух (рис. 4 , *25*) сторон, а также с двух концов (рис. 4, *13*, *29*). Остальные

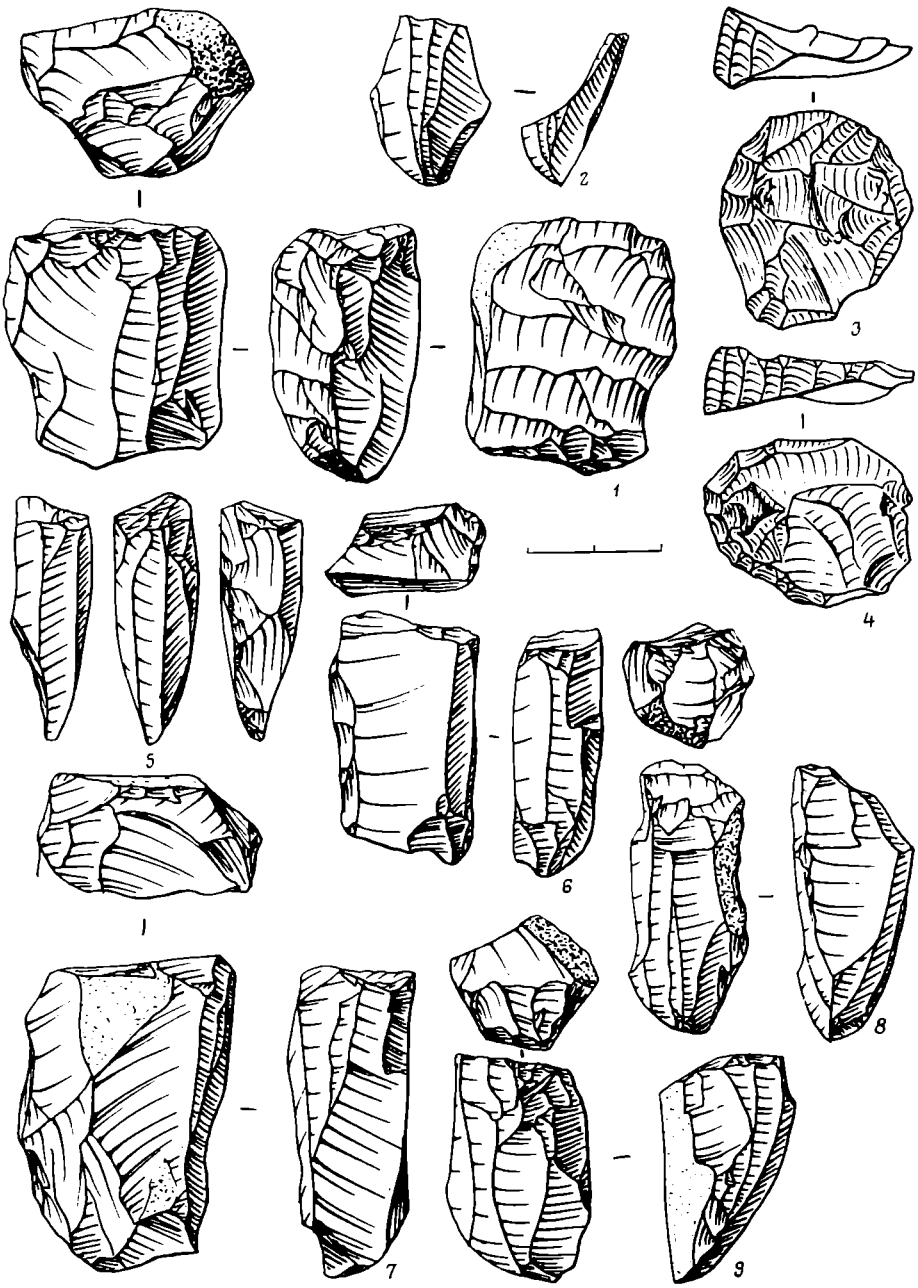


Рис. 6. Кремневые орудия с квадратов: *1* — с 35; *2* — с 31; *3* — с 43; *4* — с 12; *5* — с 42; *6* — с 29; *7, 8* — с 44; *9* — с 15

орудия встречаются в небольшом количестве, а некоторые единичны. Пластинок со скошенным концом всего три (рис. 5, *11—13*), с прямым ретушированным концом — две, причем на одной из них ретушь нанесена и по краям пластинки (рис. 5, *14*).

Наконечников стрел найдено два. Они идентичны по форме и обработаны мелкой частичной двусторонней ретушью (рис. 5, *1*, *2*) у острия и черешка, кроме того, имеется несколько обломков (рис. 5, *3—5*, *9*).

Острия представлены (рис. 5, *3*, *9*) 6 экз. Они обработаны мелкой ретушью, как и наконечники стрел, с той лишь разницей, что ретушь наносилась либо с одной стороны (с брюшка) (рис. 5, *7*), либо со спинки (рис. 5, *5*) и редко с двух сторон (рис. 5, *10*).

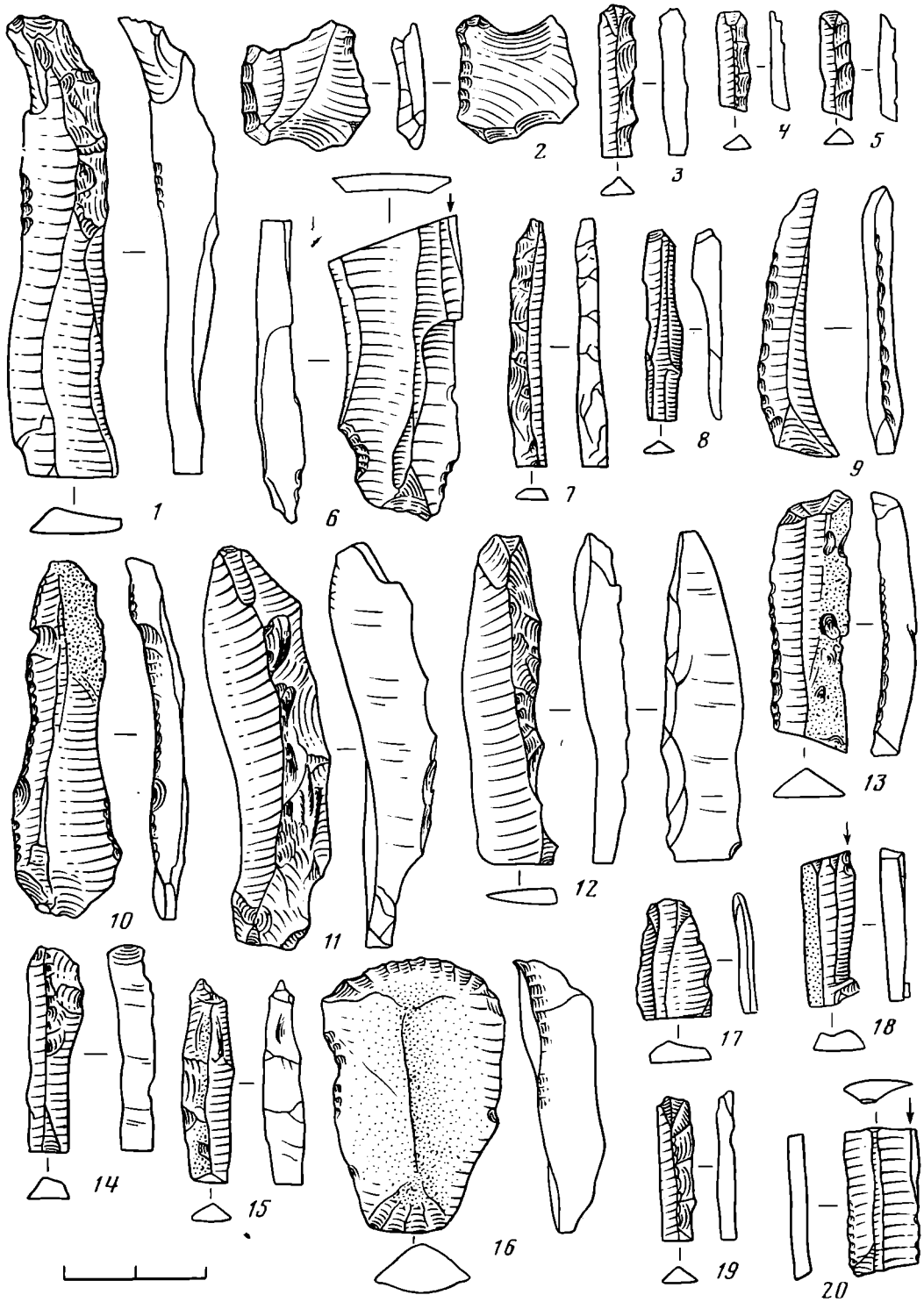


Рис. 7. Кремневые орудия с квадратов: *1, 17* — с 34; *2* — с 47; *3* — с 50; *4, 5* — с 33; *6* — с 30; *7, 19* — с 57; *8, 12* — с 54; *9, 14* — с 43; *10* — с 47; *11* — с 30; *13, 15* — с 23; *16* — с 3; *20* — с 2

Пластинки с боковой выемкой выражены плохо, они подработаны мелкой ретушью как со стороны брюшка (рис. 4, *4*, *7*, *8*), так и со стороны спинки (рис. 5, *19;* 7, *6*). Резчиков мало, ретушь на них располагается на углах пластин с брюшка (рис. 5, *17*) или со спинки (рис. 5, *15*, *16*).

Скребки изготовлялись как на концах ножевидных пластинок (рис. 5, *19*, *21*), так и на отщепах (рис. 5, *18*, *20*, *22*, *23*; 7, *16*).

Иногда они имеют дополнительную ретушь на краях (рис. 5, *18*, *19*). По-видимому, эти скребки служили одновременно и скобелями.

Особую категорию находок составляют ребристые пластинки, которых найдено довольно много. На некоторых из них присутствует мелкая ретушь либо по всему острому краю (рис. 7, *9*), либо частично (рис. 7, *10*, *13*).

Встречены нуклеусы (рис. 6, *2*, *5—9*), а также их поперечные (рис. 6, *3*, *4*) и продольные сколы. Изредка на кремневых отщепах встречалась мелкая ретушь, назначение которой не выяснено. На стоянке найден один лишь ретушер (рис. 3, *21*) и два отбойника из галек плотных пород.

Материал производства для орудий — галька, встречающаяся на берегу отмелей и русел рек, которые в низовьях Сандибейю образуют каменистые пороги. Галька и валуны вымываются из моренных валунных суглинков, из которых сложены основания коренных берегов и древних террас. Кремень различного цвета, от серого до черного и от светло-желтого до коричневого, и различного качества, халцедон встречается очень редко.

При сравнении каменных орудий, определенных И. В. Верещагиной из первых наших сборов 1939 г., с орудиями, собранными в 1975 г., можно сказать, что они составляют единый комплекс (табл. I). Из новых изделий встречены целые наконечники стрел, пластинки с прямым ретушированным концом, резчики, ребристые пластинки, продольные сколы нуклеусов и ретушер.

В своей работе И. В. Верещагина подробно разбирает вопрос о датировке стоянки Сандибейю I. Она относит ее примерно ко второй половине VI — началу V тысячелетий до н. э., с чем, вероятно, можно согласиться. Присутствие в комплексе стоянки Сандибейю I характерных наконечников стрел постсвидерского типа позволяет сопоставить этот памятник с мезолитической культурой Верхнего Поволжья и предположить проникновение оттуда какой-то части населения как через верховье Вычегды, так и через верховье Камы.

G. A. Tchernov

LA STATION MESOLITHIQUE DE SANDIBEIOU I

Résumé

La station de Sandibéïou I a été découverte fortuitement par l'auteur, en 1939. Cependant, à l'époque, les archéologues l'ont attribuée au deuxième millénaire av. n. è., bien qu'on y ait recueilli des outils microlithiques sans présence de céramique.

Une nouvelle étude de cette station, faite en 1975, a permis de recueillir un grand nombre d'objets, où, parmi 1261 éclats de silex et 1109 lames en forme de couteaux, il y avait 189 lames portant des traces d'emploi, et 243 autres ayant une retouche partielle, aussi bien sur une face que sur l'autre. De plus, il a été trouvé environ 400 outils variés, dont 32 silex emmanchés, 59 burins, 10 lames à évidement latéral, 16 lames côtelées à retouche partielle. Les autres outils, tels que burin, pointe, lame au tranchant à bout tronqué, etc., sont représentés par des exemplaires uniques. Dans cette station il a été également trouvé des nuclei (au nombre de sept), ainsi que leurs éclats longitudinaux et transversaux, des fragments, des retouchoirs, et quelques grattoirs sur éclats.

Le fait qu'on ait trouvé deux pointes de flèches intactes du type postsviderski, et quelques autres fragments, a permis de dater la station du Ve-IVe millénaire av. n. è. Ainsi, dans la toundra de Bolchezemelsskaïa, la station de sandibeïou I est la plus riche, et son mobilier microlithique doit être considéré comme typiquement mésolithique.

А. С. СМИРНОВ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЛУНЕВО II

Стоянка находится на левом берегу Десны, напротив дер. Дятьковичи Жуковского р-на Брянской обл., в урочище Лунево, на обширном останце первой надпойменной террасы. На северо-восточной оконечности возвышенности расположена стоянка Лунево I, на которой в размывах собрана керамика эпохи неолита. В центральной части останца находится могильник раннего бронзового века Лунево III. Стоянка Лунево II занимает юго-западную оконечность, представляющую собой мыс, полого спускающийся к пойме.

Памятник обнаружен в 1958 г. Е. А. Шмидтом и Ф. М. Заверняевым. В 1971—1972 гг. обследовался И. И. Артеменко. В 1973 г. в ходе работ Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР на южной оконечности стоянки, в 5—6 *м* от поймы, был заложен раскоп площадью 72 $м^2$.

Непосредственно под дерном залегал слой светлого аллювиального песка мощностью до 0,25 *м*, покрывающего южную, наиболее пониженную и приближенную к пойме часть раскопа. Под ним, а в северной части раскопа непосредственно под дерном лежит слой гумусированного песка толщиной 0,4 *м*. Ниже следует коричневый песок мощностью 0,3 *м*, подстилаемый желтым материковым песком без каких-либо включений.

Находки залегают в слоях гумусированного и коричневого песка. Стратиграфически материал не разделяется. На площади раскопа обнаружено 1100 фрагментов керамики, 22 кремневых орудия и большое количество отщепов. Керамика в подавляющем большинстве (86%) украшена ямочными вдавлениями, гребенчатым и отступающим орнаментом, что позволяет датировать ее неолитическим временем. В незначительных количествах встречена керамика бронзового века и более поздняя круговая керамика.

При снятии второго штыка на квадрате 18 был обнаружен развал сосуда. Его удалось реконструировать, отсутствует только самый верх венчика (рис. 1). Это остродонный горшок со слабовыпуклыми боками и несколько сведенными вверху стенками. Орнаментирован по всей поверхности правильными, слегка овальными коническими ямками, нанесенными несколько под углом в строгом шахматном порядке. Тело сосуда разделено на несколько поясов рядами одинарной узкой горизонтальной гребенки.

На дне раскопа обнаружено 12 ям. Заполнение — темный гумусированный песок, а в ямах 1, 4 и 12 — зольное, с включениями мелких фрагментов угля. Глубина ям колеблется от 0,6 до 0,1 *м*. В профиле они имеют полукруглую или близкую к ней форму. Все ямы выявлены лишь на уровне материка. Исключением является яма 1, которая прослеживалась со второго штыка. У ее юго-западной оконечности находится пятно материкового выброса.

Находки обнаружены только в двух ямах. В яме 1 встречено два отщепа кремня и девять фрагментов керамики, орнаментированных круп-

ными ромбами и «лапчатым» штампом. Интересен венчик от миниатюрного сосуда, украшенного мелкозубой гребенкой и рядом вдавлений по верху (рис. 2, *6*). В яме 7 находились четыре фрагмента керамики с ромбическими вдавлениями и несколько отщепов и кусков кремня.

В северной части квадрата 18, у самой стенки раскопа, была обнаружена яма (9) от столба. Ее глубина 0,8, диаметр 0,11 *м*.

Неолитическая керамика и кремень встречены в насыпях курганов могильника Лунево III. В общей сложности в них обнаружено 1200 фрагментов сосудов и 50 орудий. Керамика полностью аналогична встреченной в раскопе, совпадает и процентное соотношение основных типов. Скорее всего курганы насыпаны из слоя стоянки Лунево II, что позволяет объединить материал и рассматривать его как единое целое.

Основную массу кремневого инвентаря стоянки составляют отщепы (82%). Ножевидных пластин немногим более 1%. Встречено значительное количество кусков кремня, нередко оббитых (15%). Орудий насчитывается всего 2% (при подсчете использовался кремневый материал из раскопа).

В коллекции орудий стоянки (всего 72 экз.) наиболее многочисленны скребки — 16 экз. В качестве заготовок использовались округлые, а также вытянутые отщепы (12 экз.) и пластины (4 экз.), в ряде случаев первичные.

Концевые скребки (8 экз.) изготовлены на пытянутых отщепах и пластинах. Выполнены преимущественно на высоких заготовках. По форме рабочего края могут быть подразделены на два вида — с прямым и округлым рабочим краем.

Скребки с округлым рабочим краем представлены четырьмя экземплярами, один из них побывал в огне. У двух орудий высокий рабочий край обработан ретушью с узкими и длинными фасетками, заходящими на спинку. Длина скребков 3,5 и 2,4 *см* при ширине рабочей части 1,5 и 1,7 *см*. У одного из них обработанный ретушью край мог использоваться в качестве ножа. Другой — миниатюрный скребок с сильно расширенной рабочей частью — полностью покрыт ретушью (рис. 3, *8*). По краям имеется подправка и со стороны брюшка. Четвертый скребок выполнен на первичном удлиненном отщепе (рис. 3, *9*). Длина орудия 5,1 *см* при ширине рабочей части 2,1 *см*. Рабочий край невысокий, покрыт крутой ретушью.

Скребки с прямой рабочей частью (4 экз.) двух вариантов — с рабочим краем, расположенным под прямым углом к продольной оси орудия и с несколько скошенным в сторону. В обоих случаях рабочая часть обработана крупной притупляющей ретушью с более мелкой подработкой по краю. У одного она затрагивает только рабочий край (рис. 3, *7*), у второго заходит на боковую часть скребка, а в двух последних формирует все орудие (рис. 3, *10*). Размеры скребков колеблются от 5,3 до 3,6 *см* в длину и от 3 до 1,9 *см* в ширину.

Четыре скребка округлой формы выполнены на высоких отщепах диаметром от 4 до 2,7 *см* с крутым или несколько более пологим рабочим краем. Ретушью могла быть покрыта только часть окружности (рис. 3, *14*), но чаще весь или почти весь край отщепа. Обработка производилась крупной ретушью с широкими фасетками.

Боковые скребки представлены одним орудием, изготовленным на высоком отщепе размером 4,3×3 *см*. Два противолежащих рабочих края обработаны крупными длинными фасетками, заходящими на спинку, и подправлены более мелкими непосредственно по краю.

Встречены три скребка-скобеля на отщепах. На одном два взаимоприлегающих рабочих края, оформленных крутой ретушью, являются скребковыми. Третий край отщепа, на котором ретушью выполнены две неглубокие выемки, использовался в качестве скобеля. Второй скребок-скобель сегментовидной формы (рис. 3, *13*). Округлая высокая часть

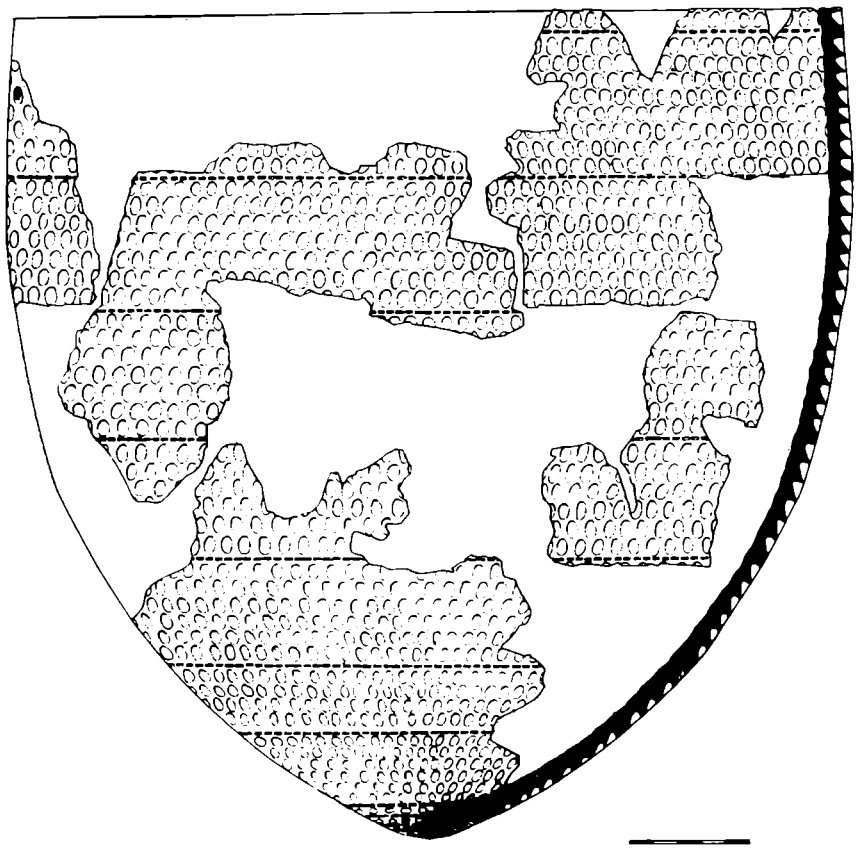


Рис. 1. Сосуд с круглоямочной орнаментацией

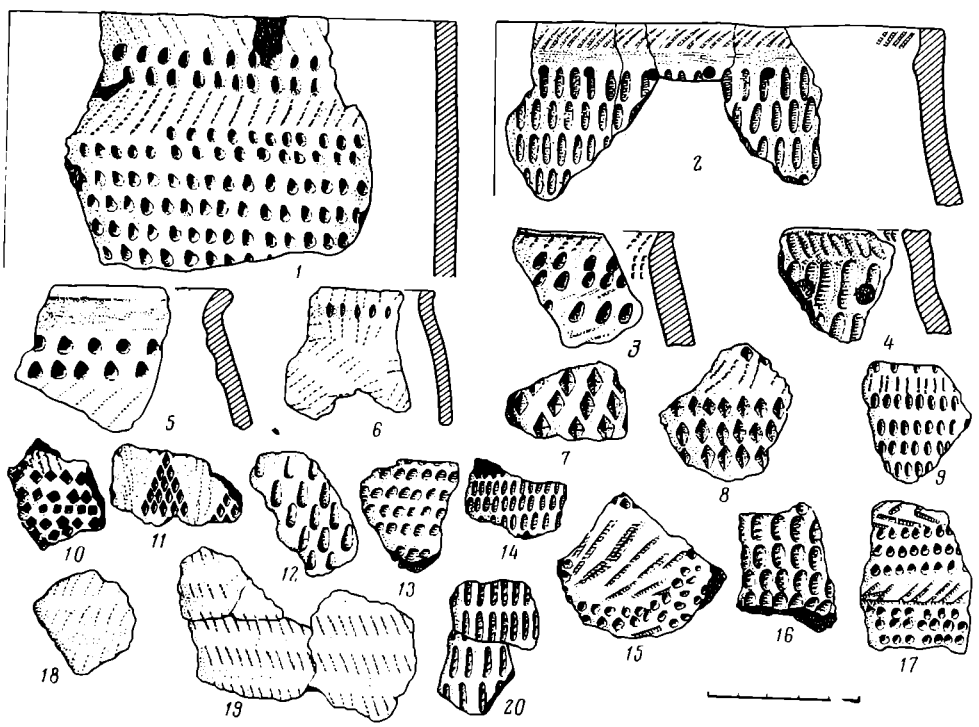


Рис. 2. Керамика стоянки Лунево II

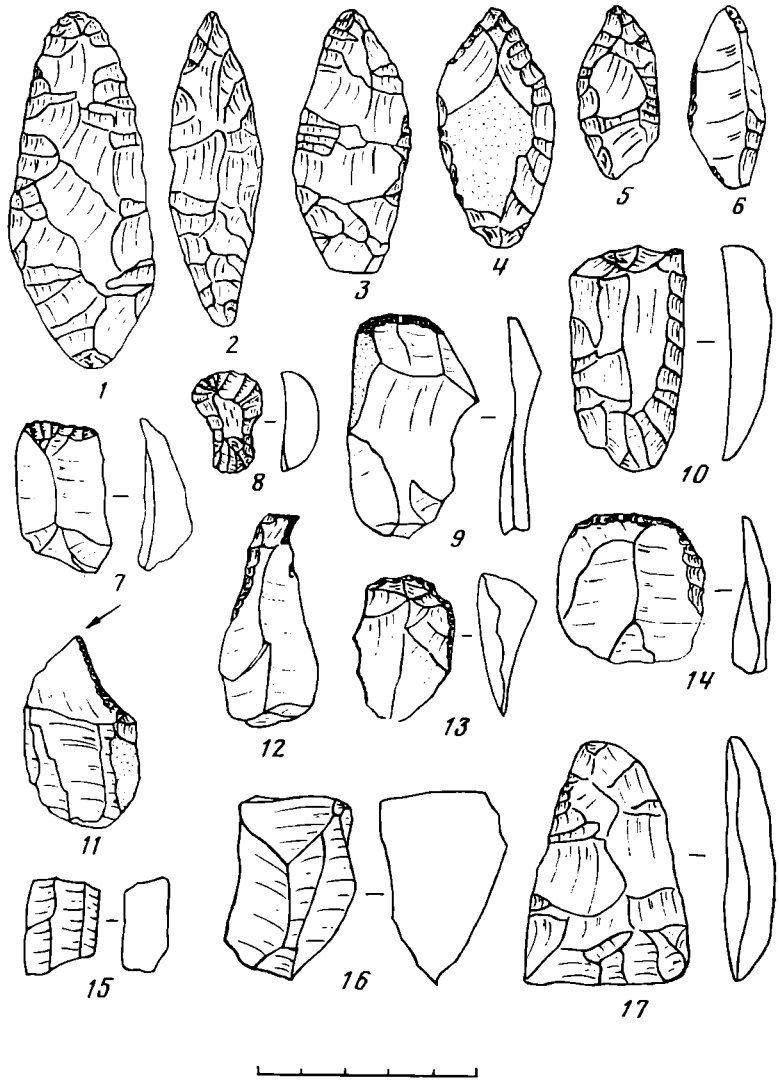


Рис. 3. Кремневые орудия стоянки Лунево II

скребковая. На прямой имеются три отретушированные выемки со следами сработанности. Третий скребок-скобель изготовлен на первичном вытянутом отщепе с округлым пологим скребковым краем. Противоположная, несколько более высокая часть отщепа имеет две отретушированные выемки. Кроме того, имеются три заготовки высоких крупных скребков.

Скребла представлены двумя экземплярами, выполненными на крупных отщепах с грубой ретушью и следами сработанности по вогнутому рабочему краю.

Наконечников стрел и дротиков обнаружено 8 экз., кроме того, несколько обломков. Наконечники изготовлены на отщепах, двусторонне обработаны, бесчерешковые. Из них шесть наконечников стрел длиной от 4 до 6 *см*. По форме делятся на два вида — листовидные и миндалевидные. Первые представлены двумя наконечниками — с округлой (рис. 3, *4*) и прямой черешковой частью (рис. 3, *3*). Обработаны плоской ретушью, причем у одного центральная часть сохранила меловую корку. Из четырех миндалевидных наконечников два обработаны плоской ретушью по всей поверхности. Два другие имеют ретушь, нанесенную как со стороны спинки, так и со стороны брюшка, но лишь по краю, да и то не по всему периметру орудия (рис. 3, *6*).

Два иволистных наконечника дротиков более массивны, от 7,2 до 8,5 *см* длины. У одного наиболее расширенная часть приходится на нижнюю треть орудия (рис. 3, *1*), второй более вытянут, с наибольшим расширением в центральной части (рис. 3, *2*). Обработаны плоской грубой ретушью.

Резцы представлены двумя экземплярами, выполненными на отщепах. Один угловой, второй боковой косоретушный (рис. 3, *11*). Имеется комбинированное орудие — скребок-резец, одна часть которого обработана крутой ретушью и представляет собой скребок с округлой рабочей частью, противоположная сторона выполнена в виде бокового косоретушного резца, причем ретушь нанесена со стороны брюшка орудия.

Два резчика выполнены на пластинах. У одного (миниатюрного) ретушью затронута только рабочая часть, у второго (более массивного) ретушь активно формирует рабочую часть и покрывает края орудия (рис. 3, *12*).

Ножи представлены пятью целыми экземплярами и одним обломком. Изготовлены на отщепах, в одном случае на ножевидной пластине. Делятся на три вида. Первый изготовлен на больших, неправильной формы отщепах, нередко первичных, иногда с подправкой по плоскости грубой ретушью. Рабочая часть обработана мелкой приостряющей ретушью с двух сторон. Одно орудие имеет две рабочие части по двум взаимоприлегающим сторонам. Второй вид представлен одним орудием, изготовленным на небольшом отщепе подпрямоугольной формы. Со стороны спинки орудие обработано с трех сторон пологой приостряющей ретушью, выполненной узкими длинными фасетками, заходящими за спинку. Аналогичная ретушь имеется и с брюшка, но лишь по одной стороне орудия. Третий тип ножей изготовлялся на ножевидных пластинах, обработанных по одной из продольных сторон приостряющей ретушью со стороны спинки.

Среди прочих орудий имеется проколка, выполненная на отщепе с обработкой со стороны спинки по рабочей части, и острие, обработанное по краям мелкой ретушью. Встречено также сверло на пластине. Ретушью, нанесенной со стороны спинки, покрыта вся рабочая часть и бока орудия.

В коллекции довольно многочисленны кремневые клинья (8 экз.), округлой и вытянутой форм. Все имеют двустороннюю обработку грубыми сколами и более мелкую ретушь по лезвию. Обушковая часть уплощена. Имеются два ретушера: один грушевидной формы, второй плоский. Оба с характерной забитостью по рабочему краю.

Четыре из пяти обнаруженных нуклеусов предназначены для скалывания отщепов. На одном сколы производились со всех сторон, на остальных трех одна боковая часть уплощена, что придает нуклеусам клиновидную форму (рис. 3, *16*). Пятый — небольшой нуклеус правильной призматической формы — предназначен для получения пластин (рис. 3, *15*). Все нуклеусы одноплощадочные.

В материалах стоянки присутствуют два небольших топорика. Первый, судя по профилю, скорее тесло с прямой рабочей частью и округлым суживающимся обушком (рис. 3, *17*). Орудие двусторонне обработано, покрыто крупными сколами, в некоторых местах с более мелкой подправкой по краям. Второй топорик, схожий по форме, но меньший по размерам, имеет округлое лезвие и гораздо грубее обработан.

Неолитическая керамика насчитывает более 2000 фрагментов. По элементам орнамента делится на три комплекса: ямочный (86%), гребенчатый (12,5%) и накольчато-отступающий (1,5%). В свою очередь ямочная керамика делится на пять типов: орнаментированная ромбическими ямками (25% от всей ямочной керамики), «лапчатая» (30%), гусеничная (11%), круглоямочная (33%) и орнаментированная овальным штампом (5,5%).

Среди ромбической керамики большинство фрагментов (70%) орнаментировано вдавлениями, расположенными в шахматном порядке и нанесенными равномерно по всей поверхности сосуда (рис. 2, *7*). Ямки четких очертаний, с хорошо выраженными углами ромба, обычно с гладким дном (98,5%), значительно реже с рубчатым (1,5%). Фрагменты, украшенные ромбами, расположенными в строчечном порядке, теряют строгость нанесения орнамента, появляется разреженность, неорнаментированные зоны (рис. 3, *8*). На некоторых черепках мелкие ромбы в сочетании с «гребенкой» образуют геометрический орнамент (рис. 2, *11*). Венчики, орнаментированные ромбическими ямками, прямые, прямосрезанные. Часто по верху венчика нанесены оттиски наклонной гребенки. Под венчиком в ряде случаев идет ряд редких глубоких круглых ямок.

Ромбическая керамика с шахматным расположением орнамента находит ближайшие аналогии в ранних материалах белевской культуры [1]. Геометрические мотивы, выполненные мелким ромбическим штампом (рис. 2, *11*), встречены на керамике поздненеолитических памятников Верхнего Поднепровья [2].

Второй тип керамики орнаментировался «лапчатым» штампом, т. е. палочкой с веревочкой, поставленной под углом к поверхности сосуда. Здесь также прослеживается как шахматное (рис. 2, *12*), так и строчечное расположение вдавлений (рис. 2, *13*). Последнее преобладает (67%). Венчики сосудов, орнаментированных «лапчатым» штампом, прямые с прямосрезанным или округлым краем. В большинстве случаев под венчиком идет ряд редких глубоких круглых ямок (рис. 2, *3*).

На керамике, украшенной гусеничным штампом, вдавления в большинстве случаев (90%) нанесены в строчечном порядке. Они могут быть как широкие и мелкие (рис. 2, *4*), так и более узкие и глубокие (рис. 2, *2*). Отпечатками последнего вида выполнены и немногочисленные геометрические композиции, представляющие собой вертикальные полосы, состоящие из гусеничных ямок, сочетающихся с неорнаментированными зонами. Венчики сосудов, украшенных гусеничным штампом, в большинстве случаев одинаковой толщины, но встречаются и утонченные. Обычно прямосрезаны, есть единичные экземпляры кососрезанных внутрь и округлых. Иногда по верху венчика нанесены глубокие гребенчатые отпечатки, придающие ему волнообразный вид. Под венчиком обычен ряд круглых глубоких ямок.

Керамика, орнаментированная «лапчатым» и гусеничным штампом, обнаруживает большое сходство с материалами поздненеолитических стоянок Верхнего Поднепровья [3].

Четвертый, самый многочисленный на стоянке вариант ямочной керамики — круглоямочный. Орнамент наносился в шахматном (11%) и строчечном (89%) порядке (рис. 2, *1*). В единичных случаях отмечена геометрическая композиция. Ямки, расположенные в шахматном порядке, обычно слегка овальные, с острым дном, нанесены несколько под углом. Сочетаются с рядами узкой горизонтальной «гребенки». Развал сосуда, который был обнаружен в раскопе, принадлежит именно этому варианту круглоямочной керамики. Среди фрагментов, орнаментированных круглыми ямками, расположенными в строчечном порядке, почти половина сочетается с орнаментальными поясами, выполненными гребенчатым штампом. Причем последний часто образует сложные фигуры — зигзаг, горизонтальную «елочку» (рис. 2, *17*). Сами ямки теряют свои строгие очер-

---

[1] *Фосс М. Е.* Древняя история севера Европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29, с. 160, рис. 85, *5*; *Полякова Г. Ф.* Племена белевской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44, с. 88, рис. 13, *4*.

[2] *Тюрина И. М.* Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья.— МИА, 1973, № 172, табл. 47, *8*.

[3] *Артеменко И. И., Тюрина И. М.* Неолитическое поселение в урочище Стрелица.— КСИА АН СССР, 1966, № 106, рис. 16, *14, 16*.

тания, нередко становятся меньше. Они могут создавать довольно сложный геометрический орнамент, например круг, центр которого заполнен гребенчатыми отпечатками (рис. 2, *15*). Венчики круглоямочных сосудов в основном прямые (рис. 2, *1*), один сильно отогнут наружу (рис. 2, *5*). Верх венчиков прямосрезанный, редко округлый. Встречены «гофрированные» венчики, т. е. покрытые пальцевыми сдавлениями сверху или с боков.

В целом круглоямочная керамика находит аналогии в посуде из соответствующих памятников Волго-Окского междуречья.

Керамика, орнаментированная ямками в виде овалов с острым верхним и нижним концом, немногочисленна (рис. 2, *9*). Подавляющее большинство украшено вдавлениями, расположенными в строчечном порядке (87%).

Комплекс керамики, украшенной гребенчатым орнаментом, более однороден, нежели ямочный. Основная масса керамики (89%) украшена горизонтальными лентами орнамента, образованными вертикальными или чуть наклонными отпечатками гребенки (рис. 2, *20*). Среди гребенчатой керамики несколько особняком стоят фрагменты с неглубокими разреженными отпечатками мелкозубой гребенки (рис. 2, *18*). Они нанесены довольно небрежно, схема орнамента часто нарушается и превращается в хаотическую. Подобной гребенкой выполнялись и простейшие геометрические композиции (рис. 2, *6*). Геометрическое построение орнамента прослеживается и в керамике, украшенной горизонтальными лентами, выполненными четырех- и пятизубым гребенчатым штампом, положенным на бок, чередующимися с неорнаментированными зонами (рис. 2, *19*). Венчики сосудов с гребенчатой орнаментацией прямые, округлые или уплощенные сверху.

Наименее многочислен комплекс керамики, украшенный орнаментом, выполненным отступающей палочкой. Обычно сосуды украшались геометрическим узором, построенным на взаимосочетании горизонтальных и наклонных полос.

Фрагменты с гребенчатой орнаментацией близки аналогичной керамике с позднеэнеолитических стоянок Верхнего Поднепровья [4]. Часть фрагментов, украшенных мелкозубым гребенчатым штампом, а также орнаментом, выполненным отступающей палочкой, напоминает позднюю днепро-донецкую [5].

Сосуды на стоянке Лунево II выполнялись в технике ленточного налепа. В тесте в качестве примеси присутствует песок, дресва, растительная примесь, кварц, нередко крупными кусками. Внешняя поверхность сосудов обычно заглажена, иногда гребенчатым штампом. Внутри подобные расчесы встречаются практически повсеместно. Горшки двух типов — с прямыми стенками и закрытых форм. Последние изредка имеют прямую шейку.

Фрагменты керамики с наиболее ранним, по аналогии с Волго-Окским междуречьем,— шахматным расположением орнамента принадлежат сосудам с прямыми стенками. В качестве элементов орнамента использовались ромбические, реже «лапчатые» вдавления. Подобная керамика выглядит наиболее древней на стоянке.

Ямочным орнаментом со строчечным и геометрическим расположением элементов, а также гребенчатым орнаментом украшались сосуды как с прямыми стенками, так и закрытых форм. Подобная керамика может датироваться поздним неолитом.

С ранненеолитическим керамическим комплексом синхронизируются кремневые орудия, имеющие мезолитический или явно ранненеолитический облик. Это боковые резцы, высокие дисковидные скребки с грубой

---

[4] *Тюрина И. М.* Ук. соч., табл. 47; *Артеменко И. И., Тюрина И. М.* Ук. соч., рис. 16.
[5] *Телегин Д. Я.* О днепро-донецкой культуре.— СА, 1961, № 4, с. 33, рис. 5.

ретушью, миндалевидные наконечники стрел, обработанные по краю, а также листовидные наконечники с грубой ретушью.

К числу своеобразных черт, присущих стоянке, нужно отнести большой процент керамики, украшенной круглоямочным орнаментом (24). В раскопе ее доля достигает 55%. На прочих известных деснинских неолитических памятниках процент подобной керамики много ниже. Это обстоятельство сближает стоянку Лунево II с некоторыми памятниками Волго-Окского муждуречья, в частности со стоянкой Палецкое озеро I в Подмосковье. Возможно, это говорит о наличии контактов между населением бассейна Десны с их северными соседями.

A. S. Smirnov

LA STATION NEOLITHIQUE DE LOUNEVO II

Résumé

Cette station est située sur la rive gauche de la Diesna, dans le district de Joukovski (région de Briansk). Les pièces recueillies proviennent de la fouille d'un terrain de 72 m², ainsi que des tumuli de kourganes du début de l'Age du Bronze, faits avec la couche culturelle du site.

Le mobilier de silex est formé d'outils typiques pour le néolithe sur la Diesna.

La céramique néolithique est représentée par plus de deux mille fragments. D'après son ornementation, on la divise en trois groupes: à fossettes, au peigne, et pointillé. A son tour, la céramique à fossettes se subdivise en cinq types: à fossettes rhomboïdales, à empreintes en «pattes», à incisions en «chenilles», à impressions rondes et ovales. Dans cette station on a trouvé les morceaux d'un vase (fig. 1). C'était un pot à fond pointu, aux flancs légèrement renflés et aux parois se resserrant un peu vers le haut. Sur toute sa surface il était orné de fossettes légérement ovales.

Au nombre des traits particuliers à cette station on doit mettre le haut pourcentage de céramiques décorées de fossettes rondes. Cela rapproche la station de Lounévo II de certains monuments situés entre la Volga et l'Oka.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА ПОСОЖЬЯ И ПОДЕСЕНЬЯ

Статья посвящена публикации материалов четырех стоянок эпохи каменного века, расположенных в верхнем Поднепровье, на берегах притоков Днепра — Соже и Десне. Первые три стоянки находятся у дер. Гронов в среднем течении Сожа на территории Чериковского района Могилевской области БССР. В этом месте р. Сож (ее ширина 10—15 *м*) имеет обширную пойму — до 2,5 *км*. На этой пойме, заливаемой в половодье, в 1,5 *км* к востоку от дер. Гронов располагаются две дюны размером 100×50 $м^2$. На одной из них при осмотре были найдены лишь отдельные кремни, на второй удалось собрать значительную коллекцию кремневых изделий [1].

Данная дюна имеет овальную форму. Она вытянута с востока на запад. Ее высота 6—7 *м*. Планиграфически и по высотным отметкам собранный здесь материал расчленяется на два разновременных комплекса. Один из них (Гронов I) располагается наверху, в центре дюны, на площади приблизительно 100 $м^2$. Он состоит из 751 предмета (рис. 1). В его составе 670 мелких отщепов размером 1—2—3 $см^2$, 30 ножевидных пластин и их обломков, 2 одноплощадочных нуклеуса (рис. 1, *20*), 33 орудия и 16 сечений кремневых пластин (рис. 1, *3—5*), часть из которых отретуширована (рис. 1, *1, 2*).

Среди орудий труда два отретушированных вкладыша (рис. 1, *11, 12*), два наконечника стрел, по форме близкие постсвидерским (рис. 1, *8, 9*), пять наконечников, изготовленных из отщепов (или пластин) с частичной (односторонней) подретушовкой. Один из них имеет намечающий черешок (рис. 1, *19*), второй — вогнутое основание (рис. 1, *18*). Кроме того, найдено два острия (рис. 1, *7, 10*), один скобель (рис. 1, *23*), одно дисковидное изделие (рис. 1, *21*), восемь пластин с ретушью (рис. 1, *14*), выполнявших, по-видимому, функцию ножей.

Группа скребков состоит из 12 изделий. Пять из них имеют случайные очертания (рис. 1, *13*), один — скошенный рабочий край (рис. 1, *17*), у четырех рабочий край имеет подчетырехугольную форму (рис. 1, *15, 16*). Один скребок изготовлен из массивной кремневой пластины с боковой ретушью (рис. 1, *22*), один — из небольшого отщепа с ретушью, расположенной на противоположных его сторонах, и тщательно обработанным острием. По-видимому, это комбинированное орудие — скребок-проколка (рис. 1, *6*).

Скорее всего данная коллекция является мезолитической. В пользу этого свидетельствуют небольшие размеры орудий и отщепов, наличие серии сечений ножевидных пластин, ретушированные вкладыши, наконеч-

[1] Данное местонахождение было открыто в 1973 г. местным жителем Н. В. Шамро, сообщившим об этом в ЛОИА автору этих строк. См. *Третьяков В. П.* Разведки в Посожье в Могилевской области.— АО — 1974. М., 1975, с. 396, 397.

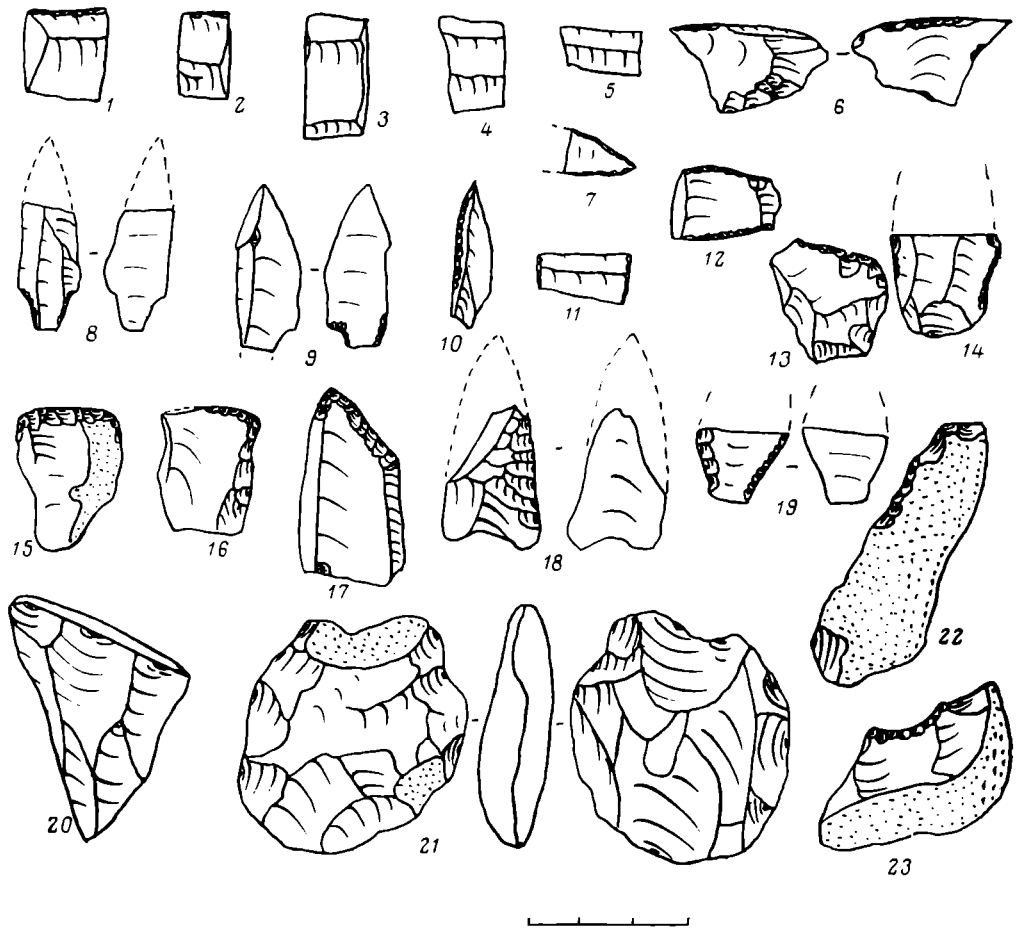


Рис. 1. Орудия труда со стоянки Гронов I

ники стрел постсвидерского типа, скребок со скошенным рабочим краем, дисковидное изделие. Перечисленные предметы чрезвычайно характерны для мезолита бассейна верхней части Днепра, к которому относится и район Посожья [2].

Вторая коллекция, собранная на той же дюне, носит иной характер (коллекция получила название Гронов II). Она состоит из 274 предметов (рис. 2 и 3), собранных у подножия дюны, с восточной ее стороны, на площади 150—200 *м*^{2}. Среди находок более 200 отщепов, две ножевидные пластины, 45 орудий труда, 2 одноплощадочных нуклеуса (рис. 3, *9*) и 25 фрагментов керамики.

Керамика лепилась от руки ленточным способом с добавлением в глиняное тесто дресвы. 10 фрагментов украшены мелкими округлыми или овальными ямками, восемь — оттисками гребенки, на двух фрагментах — ряды нарезок. В одном случае нарезки сочетаются с ямочными вдавлениями; один черепок украшен крестиком из прочерченных линий. Три фрагмента без орнамента (рис. 2, *1—9*). Несмотря на малочисленность и плохую сохранность керамики с поселения Гронов II, можно заметить,

[2] *Левенок В. П.* Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры.— В сб.: У истоков древних культур. Эпоха мезолита.— МИА, 1966, № 126; *Копытин В. Ф.* К вопросу изучения мезолита верхнего Поднепровья.— В сб.: Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972, с. 6—12; *его же.* Новые данные по мезолиту юго-восточной Белоруссии.— In: The mesolitic in Europe. Warsawa, 1973, S. 299—314; *его же.* Позднемезолитическая стоянка Печенеж.— КСИА АН СССР, 1975, № 141, с. 63—67; *его же.* Мезолит юго-восточной Белоруссии. Автореф. канд. дис. Л., 1975.

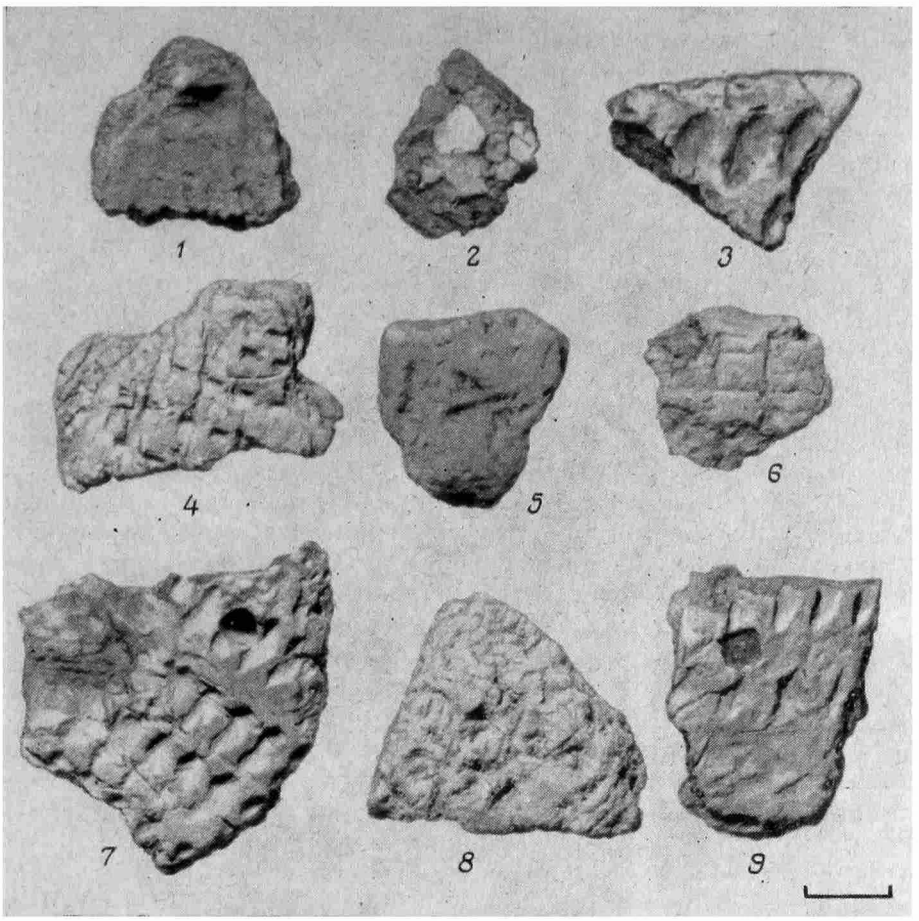


Рис. 2. Керамика со стоянки Гронов II

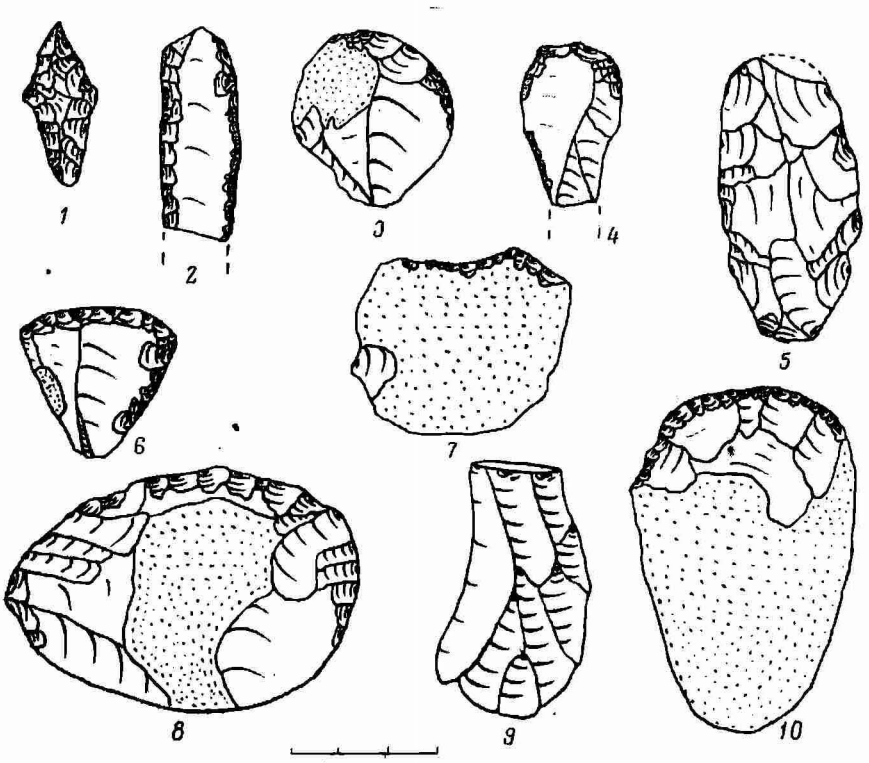


Рис. 3. Орудия труда со стоянки Гронов II

что она обычна для неолита верхнего Поднепровья и Посожья и свидетельствует о принадлежности данной стоянки к местной археологической культуре [3].

Коллекция орудий труда состоит из двух овальных скребел (рис. 3, *8*) шириной 7 *см*, одного целого наконечника стрелы с черешком (рис. 3, *1*), обработанного ретушью с двух сторон, трех обломков и четырех заготовок наконечников листовидной формы (рис. 3, *5*). В коллекции представлены три скобеля с вогнутой рабочей частью (рис. 3, *7*), четыре кремневые пластины с ретушью, выполнявшие, по-видимому, функцию ножей (рис. 3, *2*), и, наконец, пять отщепов с частичной подретушовкой. Кроме того, были найдены 22 скребка (среди них три заготовки). 12 скребков имеют случайную форму, один — треугольную (рис. 3, *6*). У четырех скребков округлая рабочая часть (рис. 3, *3*). В заключение упомянем концевой скребок (рис. 3, *4*) и массивный скребок овальных очертаний (рис. 3, *10*). Подобный состав находок так же, как и описанная выше керамическая серия, не противоречит принадлежности стоянки Гронов II к верхнеднепровской культуре, которую характеризуют и округлые, и треугольные, и концевые скребки и скребла, скобели, листовидные наконечники стрел и прочие изделия, составляющие коллекцию Гронова II [4].

Кроме обследования дюн близ дер. Гронов были осмотрены коренные берега р. Сож в этом районе. В 1,5 *км* к востоку от дер. Гронов, в 19 *м* от уреза воды в старице р. Сож, на краю первой надпойменной террасы, найдено еще одно неолитическое поселение — Гронов III.

Вдоль берега была сделана зачистка длиной 10 *м*. Это позволило обнаружить культурный слой, залегавший в суглинке, перекрытый горизонтом почвы и подзолистым подпочвенным слоем и подстилающийся материковым песком без находок. Мощность культурного слоя 50 *см*; он залегает на глубине 0,30—0,80 *м*. Отмеченная картина наблюдалась в 1—6 *м* зачистки. В 6—8 *м* находилась современная яма, а в 8—10 *м* под слоем подзола обнаружено мощное (40—50 *см*) углистое пятно, лежащее частью на материке, частью на горизонте наносного крупнозернистого речного песка. При разборке этого пятна были найдены отдельные фрагменты неолитической керамики, гончарная посуда X—XI вв. н. э. с характерными для этого периода профилированными венчиками и кальцинированные кости, в частности обломки человеческих черепов. Углистое пятно к неолиту, по-видимому, отношения не имеет. В пользу этого говорит не только керамика X—XI вв., но и то, что данное пятно частично подстилается речным песком, перекрывающим материк, чего не наблюдается на участках с неолитическим культурным слоем [5].

Культурный слой в 1—6 *м* зачистки содержал неолитическую керамику верхнеднепровского типа, кремневые орудия труда и отщепы. В процессе разборки культурного слоя на этом участке удалось выявить два углистых пятна мощностью 5 и 1,5 *см*. Они находились внутри культурного слоя на глубине 55—60 *см* от поверхности. После снятия культурного слоя выявилось еще одно углистое пятно, углубленное в материк на 8 *см*. Размеры упомянутых трех пятен — 80×25—30 *см*.

---

[3] *Тюрина И. М.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита. Автореф. канд. дис. М., 1967; *ее же.* Неолитические памятники Посожья.— КСИА, 1967, № 111, с. 108—115; *ее же.* Неолит верхнего Поднепровья.— СА, 1970, № 3, с. 40—49; *ее же.* Некоторые данные о неолитических племенах верхнего Поднепровья.— В сб.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита.— МИА, 1973, № 172, с. 184—186; *Третьяков В. П.* Неолит верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре.— СА, 1975, № 2, с. 9—19.

[4] *Тюрина И. М.* Неолитические памятники Посожья; *Третьяков В. П.* Формирование неолитической каменной индустрии в бассейне р. Катыни на Смоленщине.— КСИА АН СССР, 1973, № 137, с. 42—45.

[5] Углистое пятно с керамикой X—XI вв. н. э. и кальцинированными человеческими костями служило, по-видимому, в эпоху средневековья местом сожжения умерших, затем хоронившихся в курганном могильнике, находящемся здесь же, в 40—50 *м* вверх по склону берега.

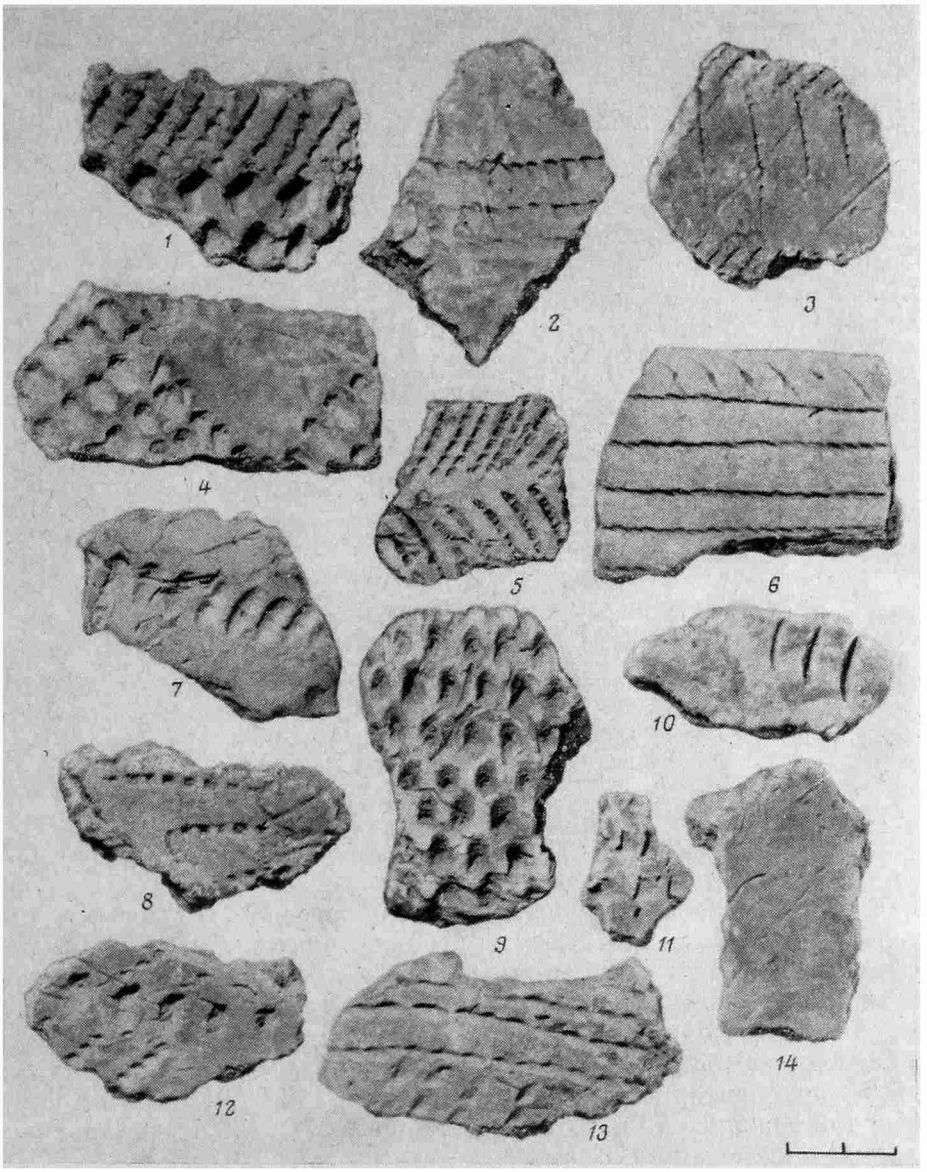


Рис. 4. Керамика со стоянки Гронов III

Для определения ширины распространения культурного слоя перпендикулярно зачистке была заложена траншея длиной 4 и шириной 0,5 *м*. В южной ее части зафиксировано продолжение позднего угольного пятна, о котором мы упоминали выше. В северной части траншеи под дерном и подзолом зафиксирован культурный слой мощностью 20—30 *см*. Кроме того, был заложен шурф в 5 *м* к югу от зачистки. Здесь культурный слой отсутствовал. Таким образом, в результате описанных выше разведочных работ удалось выявить остатки небольшого неолитического поселения (по-видимому, большая его часть разрушена оползнями) с сохранившимся культурным слоем и материалом, на описании которого мы и остановимся.

В процессе рекогносцировочных работ на поселении Гронов III было найдено 686 предметов. Среди них 240 отщепов кремня, 6 ножевидных пластин и их обломков, 420 фрагментов керамики и 20 орудий труда (рис. 4 и 5).

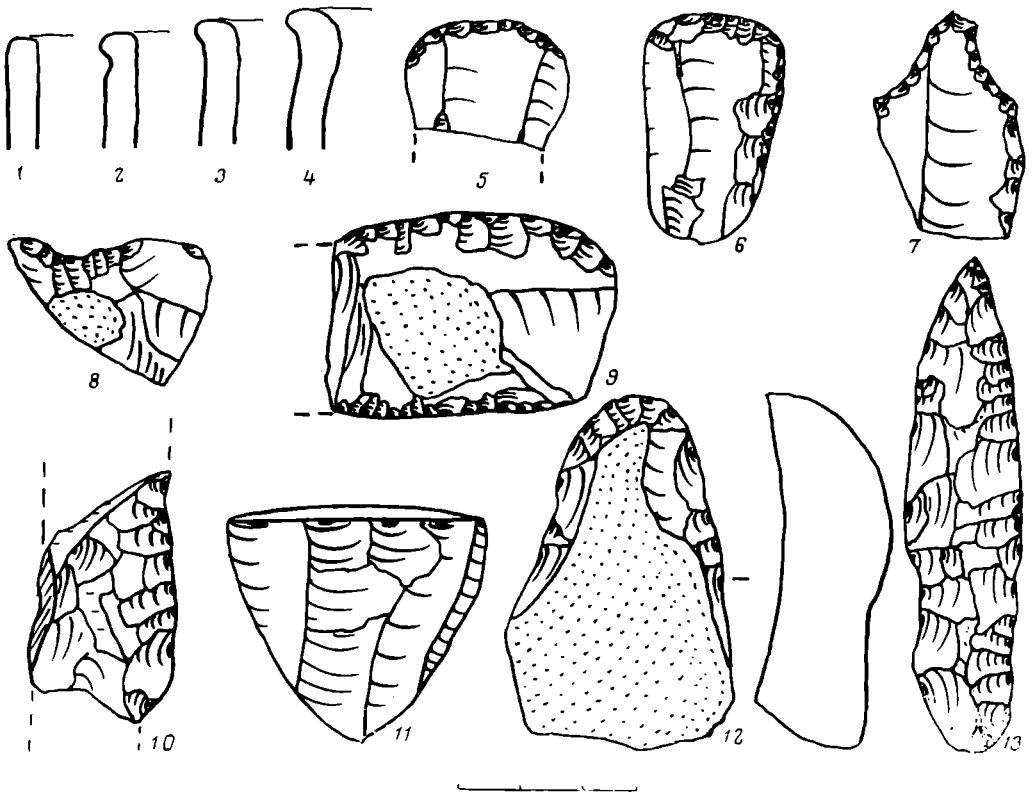


Рис. 5. Венчики сосудов и орудия труда со стоянки Гронов III

Керамика лепилась от руки ленточным способом. В качестве примесей использовалась дресва. Сосуды имели прямые стенки, прямой или слегка отогнутый наружу венчик (рис. 5, *1—4*). Донышек не найдено. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 1 *см*. Элементами орнамента служили мелкие ямки округлой, овальной или неправильной формы, оттиски гребенчатого штампа, лапчатые вдавления, нарезки, «отступающая лопаточка». 70 фрагментов керамики не украшено (16,7%). Ямками орнаментировано 150 черепков (35,7%), «гребенкой» — 112 (26,6%), «лапками» — 10 (2,5%), нарезками — 20 (5%), «отступающей лопаткой» — 17 (4%). На 40 фрагментах мы видим сочетание ямочных и гребенчатых оттисков (9,5%). Узоры простые. Это ямки и нарезки, расположенные горизонтальными рядами, перекрещивающиеся линии, «елочка» и т. п. (рис. 4, *1—5, 7—14*).

В заключение отметим, что на стоянке Гронов III найден один фрагмент керамики, сделанный из глины без примеси дресвы. Этот венчик, украшенный оттисками шнура, является обломком сосуда, изготовленного скорее всего носителями среднеднепровской археологической культуря (рис. 4, *6*).

Серия орудий труда включает 20 изделий, изготовленных из кремня темно-серого цвета. Среди них 13 скребков: 8 случайной формы, три концевых с двумя гранями на спинке (рис. 5, *5, 6*), один двусторонний из плоского отщепа (рис. 5, *9*), один скребок сделан из массивного отщепа с крутой ретушью по рабочей части (рис. 5, *12*). Кроме того, найден наконечник стрелы листовидной формы (рис. 5, *13*), два скобеля (рис. 5, *8*), сверло (рис. 5, *7*), обломок двусторонне обработанного ретушью ножа (рис. 5, *10*) и два одноплощадочных нуклеуса (рис. 5, *11*).

Материалы поселения Гронов III, как и находки с уже описанной неолитической стоянки (Гронов II), свидетельствуют о его принадлежности к верхнеднепровской культуре. Об этом свидетельствуют типы

скребков, скребел, скобелей, ножей, проколок и других орудий труда. В пользу этого говорит технология изготовления посуды, а также орнаментация, включающая узоры из ямчатых и «лапчатых» вдавлений, отпечатков гребенчатого штампа, нарезок и оттисков «отступающей лопаточки». Процентное соотношение узоров из упомянутых элементов орнамента на керамике стоянки Гронов III близко таковому с целого ряда памятников верхнеднепровской культуры на юге Белоруссии и севере Украины (Стрелица, Липовый Брод, Каменка, Грини, Пустынка-5 и др.) [6].

Определенный интерес представляют собой материалы еще одного неолитического памятника, расположенного к юго-востоку от описанных выше стоянок, в бассейне р. Десны, в месте впадения в нее р. Смячь, в 12 *км* севернее г. Новгорода-Северского. На этой стоянке в процессе работ 1969 г. были получены коллекции вещей, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., к эпохе бронзы (сосницкие) и неолиту. Первые две коллекции уже нашли отражение на страницах археологической литературы [7]. Ниже мы остановимся лишь на неолитических находках.

Коллекция эпохи каменного века со стоянки в устье р. Смячь состоит из нескольких десятков фрагментов керамики, орудий труда из кремня, нуклеусов, пластин и отщепов с частичной ретушью, отходов от производства орудий.

Керамика (рис. 6) лепилась от руки ленточным способом. В глиняном тесте заметна примесь песка. Сосуды имели прямые или слегка отогнутые наружу венчики, округлые или же плоские днища. Толщина стенок колебалась от 0,4 до 0,7 *см* (рис. 6, *1—7*).

21 фрагмент украшен оттисками штампа. Среди мотивов мы видим ряды наклонно нанесенных отпечатков гребенки, «елочку», вертикальные зигзаги. В ряде случаев оттиски имеют овальную форму (иногда этот вид орнамента называют лапчатым) (рис. 6, *7, 8, 11, 12*). На 12 фрагментах нанесены ямчатые вдавления. Это неглубокие, различной величины ямки, сочетающиеся иногда с нарезками (рис. 6, *3, 9, 10*). На девяти фрагментах узоры нанесены прочерченными линиями в виде несложных комбинаций вертикальных и наклонных полос (рис. 6, *4, 5*). На остальных черепках (7 экз.) можно видеть горизонтальные и наклонные оттиски шнура (рис. 6, *1, 6*).

Орудия труда (рис. 7) изготовлены из серого высококачественного кремня, большие запасы которого известны на Десне. Среди орудий труда — плоское долото, тщательно оформленное краевой ретушью. Его величина 7,8 *см* (рис. 7, *19*). Кроме него в коллекции данного поселения есть обломок такого же долота и три заготовки размером, не превышающим 7 *см*. Следует упомянуть и прекрасно изготовленную из кремневой пластины проколку (рис. 7, *12*), наконечник стрелы почти с прямым основанием (рис. 7, *15*), пять скребков, один из которых имеет высокий профиль (рис. 7, *14*), три — округлую форму (рис. 7, *13*) и один — случайную (рис. 7, *18*). Интересны обломок плоского двусторонне обработанного ретушью ножа (рис. 7, *16*), три краевых скола (рис. 7, *17*), отбойник, 10 одноплощадочных нуклеусов размером от 3 до 6 *см* (рис. 7, *8—11*), семь отщепов и пластин, частично отретушированных, а также отщепы, пластины и осколки кремня без следов обработки.

---

[6] *Третьяков В. П.* Неолит верхнего Поднепровья..., с. 12.

[7] *Третьяков П. Н.* Исследование древностей I тысячелетия до н. э. в среднем Подесенье.— АО — 1969. М., 1970, с. 270, 271; *его же.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в верхнем и среднем Подесенье.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 40—118; *его же.* Землянка бронзового века в среднем Подесенье.— В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 199—203.

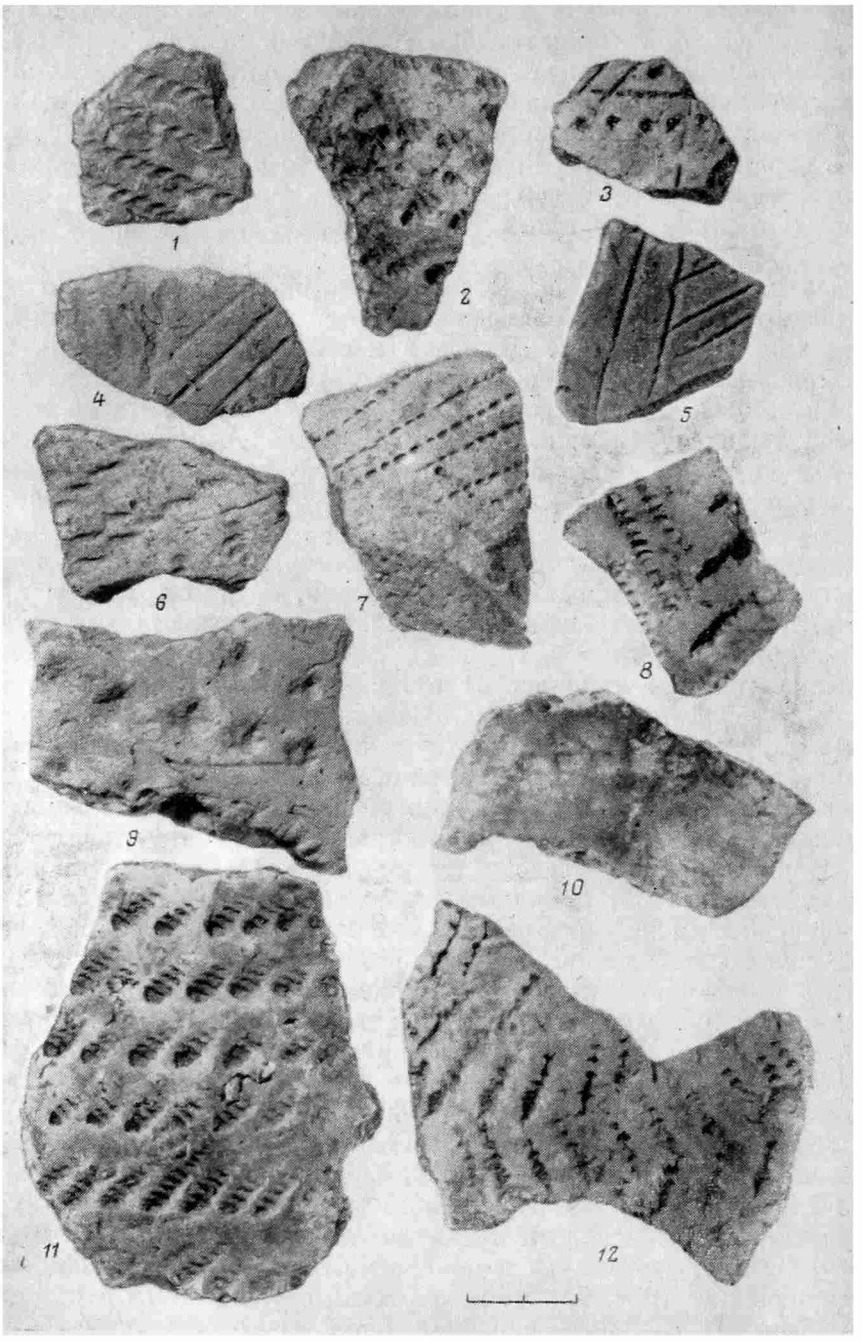


Рис. 6. Поселение в устье р. Смячь на Десне. Керамика финального неолита

Такова небольшая коллекция с древнего поселения в устье р. Смячь в Подесенье. Материалы этой коллекции дают возможность с известной долей вероятности наметить время существования этого памятника. Во-первых, обращает на себя внимание присутствие здесь не только круглодонных, но и плоскодонных сосудов. Как известно, плоскодонная керамика в Подесенье и прилегающих районах появилась лишь на рубеже неолита и века металла, т. е. приблизительно в начале II тысячелетия до н. э. На юге, в частности в лесостепной Украине, горшки с плоским дном были известны и ранее, еще в IV—III тысячелетиях до н. э. (материалы

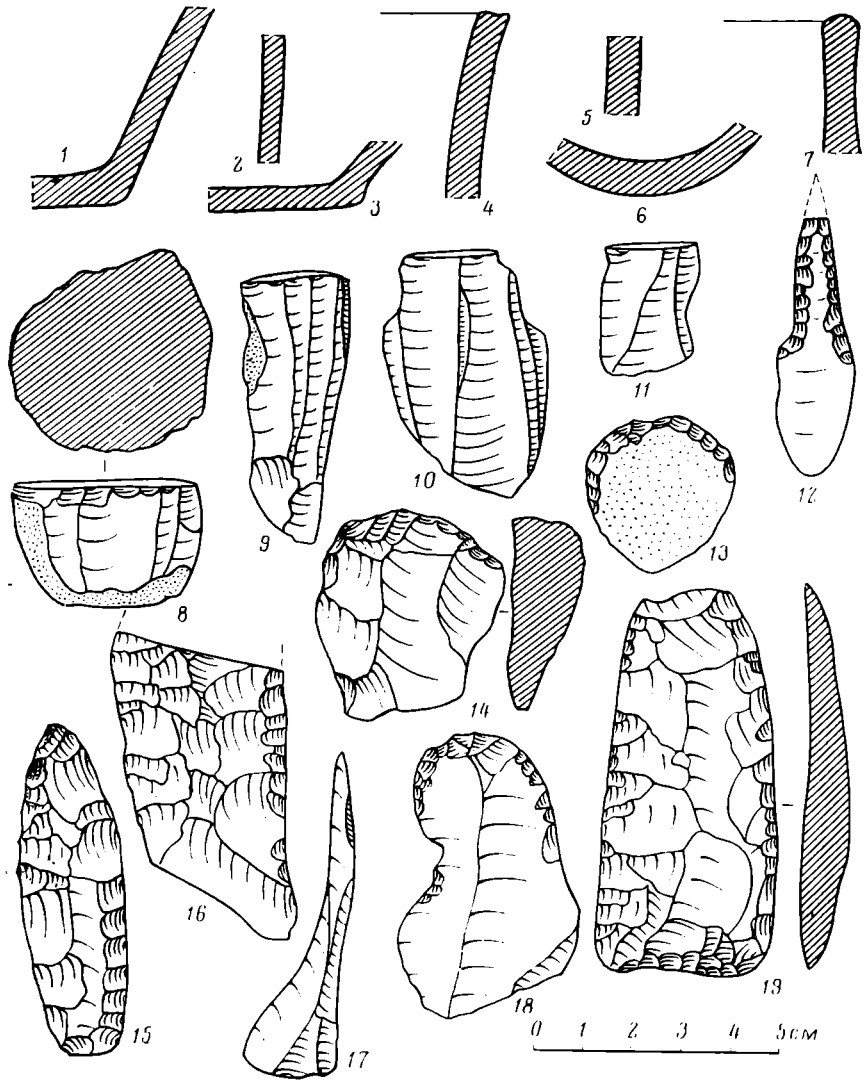


Рис. 7. Поселение в устье р. Смячь на Десне. Венчики и донышки сосудов и орудия труда

днепро-донецкой культуры) [8]. Однако заметим, что описанная выше керамическая коллекция не носит каких бы то ни было черт неолита Юга. Больше всего она напоминает материалы верхнего Поднепровья, следующие по времени за описанными выше неолитическими стоянками Гронов II и III, в частности керамику конца неолита — начала эпохи бронзы поселений Ходосовичи и Стрелица, раскопанных И. И. Артеменко. Общим здесь является преобладание мотивов, выполненных оттисками гребенчатого штампа, над остальными типами узоров, шнуровой орнамент, мотивы из прочерченных линий и т. д.[9]. Добавим, что наличие шнурового орнамента на керамике поселения в устье р. Смячь также свидетельствует о сравнительно позднем времени существования этого памятника — не ранее первой половины II тысячелетия до н. э.

Набор кремневых орудий не противоречит этой дате. Правда, орудий мало и большинство представленных здесь типов бытовало очень широ-

[8] *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

[9] *Артеменко И. И.* Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы.— МИА, 1967, № 148, с. 26, рис. 13, *3, 7, 8, 11, 13, 16.*

кий промежуток времени в прошлом. Обращает на себя внимание лишь наконечник стрелы. Эта сравнительно редко встречающаяся форма имеет близкие аналогии на поселениях эпохи финального неолита — раннего металла в верхнем Поднепровье [10].

Таким образом, дата начала или первой половины II тысячелетия до н. э. представляется наиболее вероятной для поселения в устье р. Смячь в Подесенье, а это позволяет говорить о том, что обитатели поселения в течение определенного времени сосуществовали с пришельцами — носителями среднеднепровской культуры.

Как показывают результаты многочисленных исследований, стоянки с материалами описанного выше типа позднее все же постепенно исчезли в северных районах лесной полосы. Основную роль здесь в эпоху раннего металла играют материалы среднеднепровской культуры, доминирующие в древностях Поднепровья и Подесенья с начала II тысячелетия до н. э. «Неолитическое население... верхнего Поднепровья,— пишет, например, И. И. Артеменко,— какое-то время сосуществовало со среднеднепровскими племенами, а затем было ассимилировано пришельцами» [11]. И дальнейшая история населения Поднепровья и Подесенья связывается исследователями с развитием и различными модификациями именно среднеднепровской культуры [12].

V. P. Trétiakov

QUELQUES STATIONS DE L'AGE DE PIERRE DANS LA REGION DE LA SOJ ET DE LA DIESNA

Résumé

L'article est consacré aux pièces fournies par quatre stations de l'Age de Pierre, situées dans la région de la Soj (Gronov I, II, III) et de la Diesna (embouchure de la Smiatch). La première d'entre elles (Gronov I), caractérisée par la présence de pointes du type «postsviderski», ainsi que par des outils emmanchés, des tranchants de lame en couteau, des disques, etc., peut être attribuée au mésolithique. Les pièces des stations Gronov II et III sont constituées par des fragments de récipients décorés d'un ornement dit «au peigne-digitiforme-à fossettes» du type du haut Dniepr, des nuclei, des grattoirs, des lames à encoches, des pointes de flèches aux deux faces aménagées, et autres objets, qui prouvent que ces stations datent du néolithique. La station de l'enbouchure de la Smiatch se distingue par une céramique à fond arrondi ou plat. Elle était décorée par l'empreinte de cordelettes et d'étampes, ainsi que de rayures et de fossettes. Une telle céramique, jointe à des outils aux deux faces aménagées — parmi lesquels il existe des pointes de flèches à base presque droite — est la preuve de l'existence de cette station à la fin du néolithique.

---

[10] Там же, с. 46, рис. 30, 24.
[11] Там же, с. 132.
[12] Там же, с. 132—135.

Е. П. КАЗАКОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ ТАТАРИИ

При работах 1975 г. в восточных районах Татарии исследовано два захоронения эпохи неолита. Одно из них обнаружено у дер. Мининяро-во Актанышского района на левом берегу р. Сюнь, левого притока р. Белая. В раздувах южного склона дюны найдены разбросанные кости человека и около них семь кремневых наконечников стрел и обломок неопределенного изделия (рис. 1, *3—6*, *10*, *14*, *17*). При расчистке выявлен костяк 25—35-летнего мужчины (определение Р. М. Фаттахова) со следами охры на черепе, лежащего на спине, головой на юго-восток (рис. 1, *а*). Судя по сохранившимся in situ костям, правая рука была вытянута вдоль туловища, а левая, несколько согнутая в локте, положена кистью на таз. Ноги, согнутые в коленях, свалены влево. На лопатке и костях правой стороны груди находился костяной наконечник копья (рис. 1, *19*), уложенный острием к голове погребенного. На левой стороне груди в нижней ее части расчищен кремневый скребок-проколка (рис. 1, *18*), острием к голове погребенного. Справа от лучевых костей правой руки зафиксированы остатки резца крупного грызуна. Справа от таза и частично под ним находились семь кремневых наконечников стрел (рис. 1, *7—9*, *11—13*, *15*) и обрубленный клык медведя (рис. 1, *2*). У пяточных костей ног обнаружен клык лисицы (рис. 1, *1*). На всех отмеченных предметах сохранились следы охристой подсыпки.

Наконечники стрел без четко выраженных черешков из плотного, иногда с пестриной, серого или яшмовидного кремня. За исключением двух ланцетовидных экземпляров (рис. 1, *5*, *12*) и трех подромбических (рис. 1, *4*, *7*, *10*), остальные по форме листовидные. Изготовлены они из пластин, имеющих обычно две и реже (как правило, у наиболее крупных экземпляров) три грани со стороны спинки. Длина наконечников варьирует от 2,8 до 5,6 *см*, наибольшая ширина — от 0,9 до 1,5 *см*, толщина составляет 0,2—0,6 *см*. Все экземпляры с брюшка обработаны тонкой отжимной ретушью, покрывающей обычно концевые и иногда боковые участки. У девяти наконечников (рис. 1, *3*, *4*, *6*, *7*, *10*, *11*, *13*, *15*) такая же ретушь имеется и на внешней стороне.

Подобные наконечники на пластинах с односторонней или двусторонней частичной обработкой встречаются довольно широко. Большое число их, в частности, зафиксировано в погребениях известного Оленеостровского могильника [1].

Подтреугольно-удлиненный по форме скребок-проколка (рис. 1, *18*), изготовленный из ребристой пластинки толщиной 0,7 *см*, имеет длину 4,3 *см*. Со стороны спинки он обработан крутой краевой ретушью, с брюшка — отжимной ретушью, покрывающей лишь рабочую часть для прокалывания.

[1] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник.— МИА, № 47, 1956, с. 94, рис. 53; с. 96, рис. 54; с. 97, рис. 55; с. 98, рис. 56.

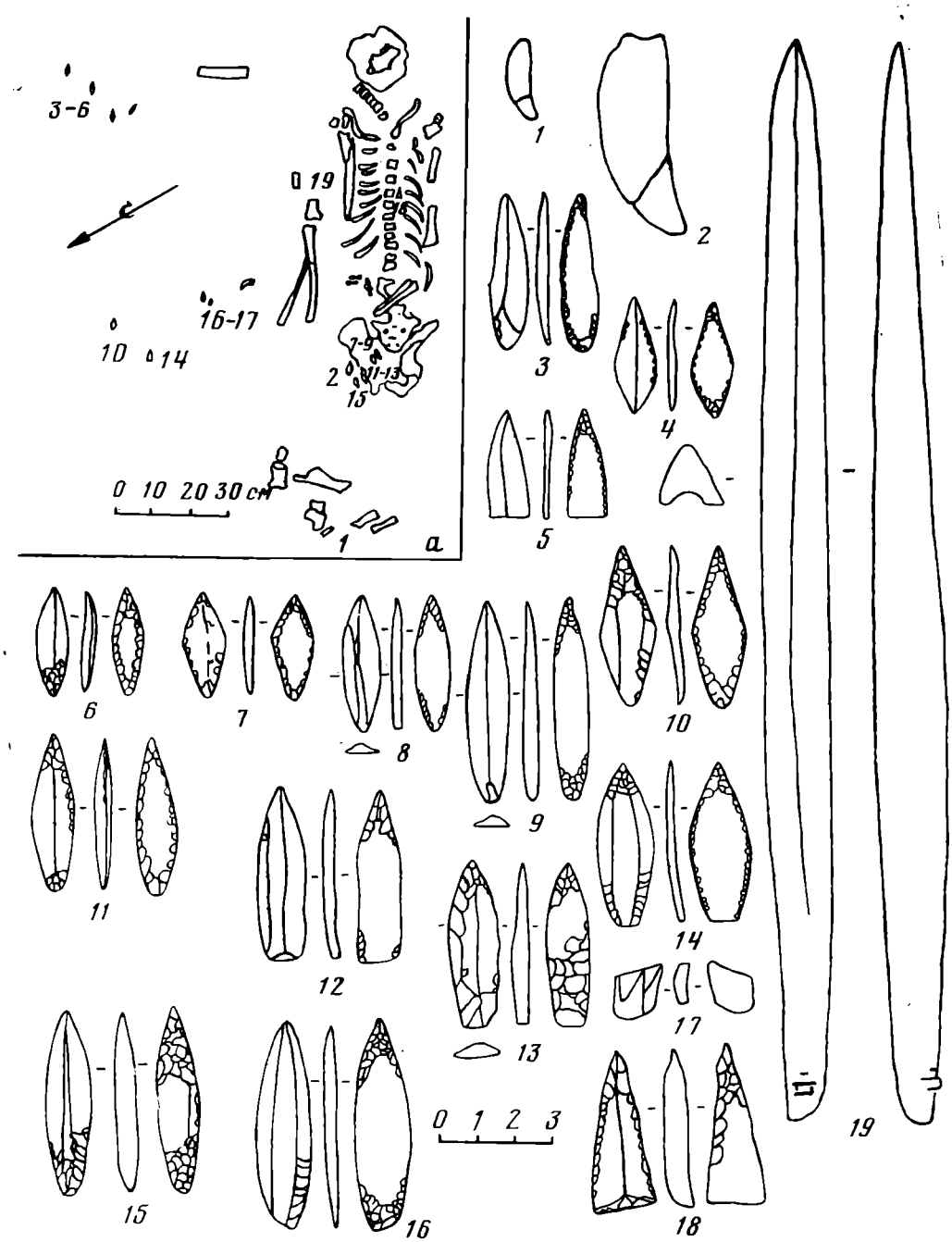


Рис. 1. План (*а*) и вещи из Миннпяровского погребения. *1, 2, 19* — кость; остальное — кремень

Наконечник копья, изготовленный из кости ноги лося, длиной 28,8 *см* и наибольшей шириной 1,7 *см*, в сечении трехгранный, с естественным продольным пазом по середине одной из плоских сторон. На тыльной, противоположной от выемчатой стороны части копья имеется вытянутый поперек выступ. Подобное копье, но без выступа известно из неолитического Усть-Куренгского могильника в Западной Сибири [2].

Некоторые черты обряда этого погребения находят сходство в Олене-островском могильнике, где также имеются захоронения с юго-восточной

[2] *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, № 35, 1953, с. 35, табл. XII, *4*.

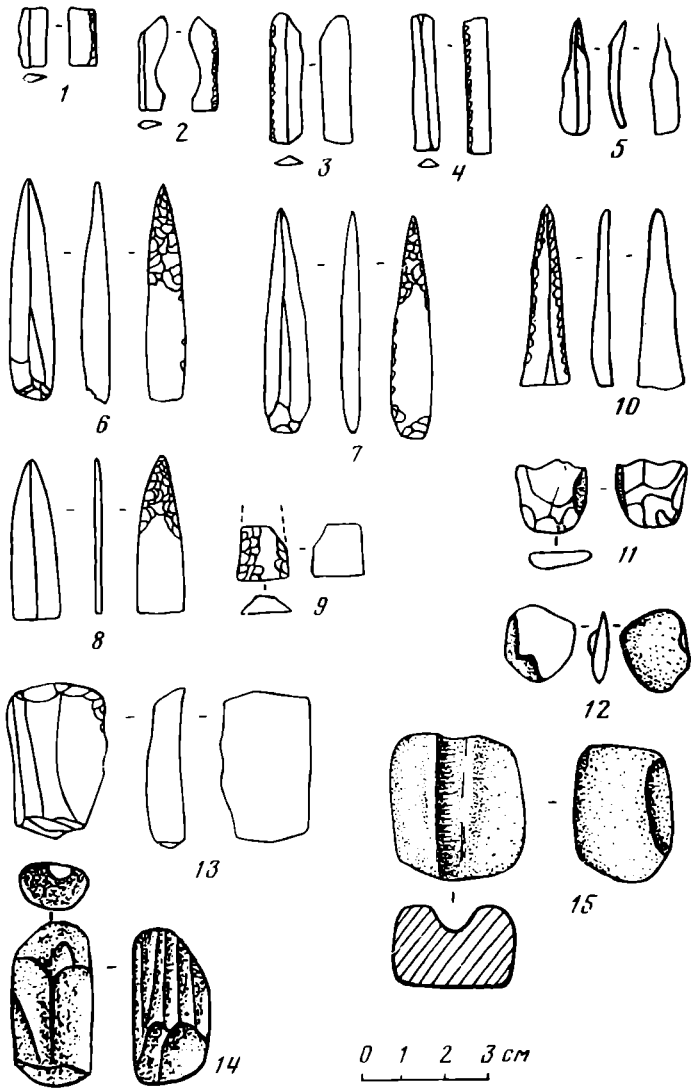


Рис. 2. Изделия из Русско-Шуганского погребения. *12* — сланец; *14, 15* — тальк; остальное — кремень

ориентировкой костяков [3], а у целого ряда погребений костяные наконечники, правда, относимые к наконечникам стрел и проколкам, находились на левой стороне груди (погр. 1, 7, 16, 42, 60, 69, 136, 152 и др.).

Дату Миниярovского погребения, видимо, можно сопоставить со временем существования Оленеостровского могильника или же отнести его к раннему неолиту с учетом сохранения в вещевом инвентаре сильных мезолитических традиций.

Второе неолитическое захоронение обнаружено в пункте 3 II поселения у дер. Русский Шуган Муслюмовского р-на ТАССР. Здесь в раздувах южного склона дюны при разведочных работах в 1974 г. найдены три кремневых наконечника стрел (рис. 2, *6—8*), наконечник дротика (рис. 3, *7*), фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом (рис. 4), ряд ножевидных пластин (рис. 5, *2, 4, 7* и др.), нуклеус (рис. 5, *22*), резец (рис. 6, *4*), скребок (рис. 2, *13*).

При работах 1975 г. на этом месте на площади 9×7 *м* найдены разбросанные в беспорядке обломки костей человека со следами охры, около 100 бусин из раковин (рис. 7), несколько десятков резцов сурка (рис. 8),

[3] *Гурина Н. Н.* Ук. соч., с. 29.

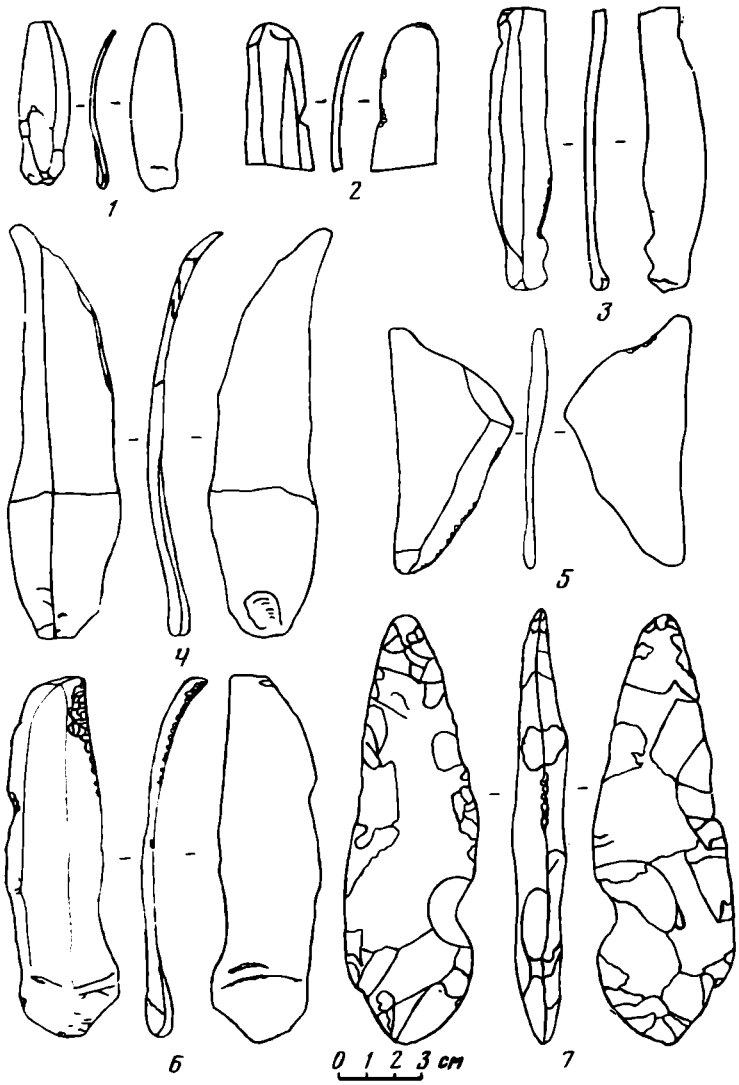


Рис. 3. Кремневые ножевидные пластинки и дротик из Русско-Шуганского погребения

целые и обломанные кремневые ножевидные пластины (рис. 3, *3*, *6* и др.), проколка (рис. 2, *10*). При расчистке этой площади под слоем перемешанного высохшего песка на глубине 5 *см* выявлено слабо заметное подпрямоугольное в плане пятно гуммированного песка размером 4×3 *м*, вытянутое по линии ССВ-ЮЮЗ. При расчистке пятна на первом слое (5 *см*) найдены обломки костей человека, шесть кремневых гантелевидных конкреций (рис. 9), обломки упомянутого выше сосуда (рис. 4), кремневые орудия и пластины без обработки (рис. 3, *5*; 6, *10*; 5, *10, 12* и др.), бусы из раковин (типа рис. 7, 111 экз.), резцы и другие зубы сурка (рис. 8, 18 экз.), обломки костяных и роговых орудий (рис. 10, *1—5*), изделие из талькового камня, сохранившее следы охры (рис. 2, *14*). Во втором горизонте этого пятна мощностью 4—5 *см* найдены крупная разломанная кремневая ножевидная пластинка (рис. 3, *4*), пять кремневых гантелевидных конкреций (рис. 9), «утюжок» из талькового камня (рис. 2, *15*), обломки кремневых и сланцевых орудий (рис. 2, *9, 11, 12*), ряд более мелких ножевидных пластин (рис. 6, *8—9*; 5, *9, 14, 19* и др.), вкладыши (рис. 2, *1—4*), фрагменты роговых орудий (рис. 10, *6*).

В северо-северо-восточном углу этой ямы расчищены сохранившиеся in situ кости ног ниже колен. Судя по ним, костяк человека, ориентиро-

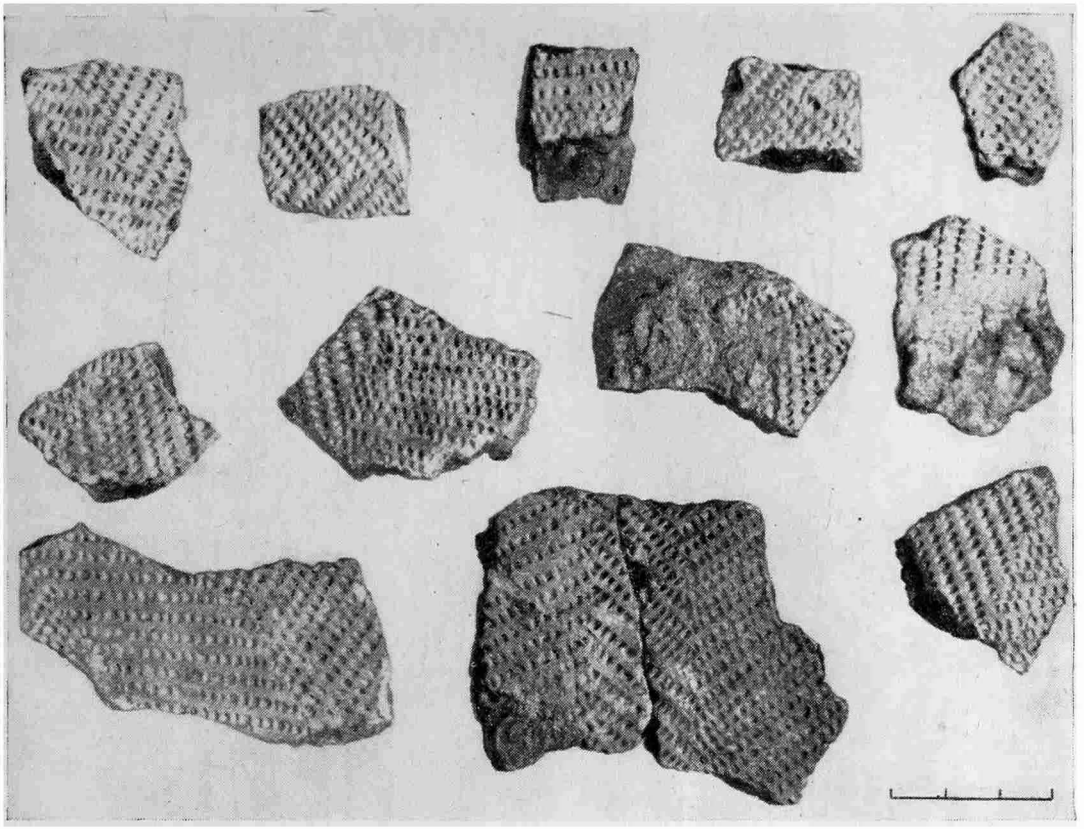


Рис. 4. Фрагменты сосуда из Русско-Шуганского погребения

ванный головой на юго-восток, лежал, возможно, вытянуто на спине. Очевидно, к этому же скелету относятся кости человека с верхних слоев. По определению Р. М. Фаттахова, все они принадлежат мужчине в возрасте 35—45 лет.

Отмеченный инвентарь, видимо, выброшенный из могилы и неоднократно смещенный проводимой здесь ранее распашкой, вероятно, нужно относить к одному комплексу. Об этом свидетельствуют обломки почти полного человеческого костяка, принадлежавшие одному индивидууму, а также и отсутствие на месте и вблизи погребения слоя какой-либо стоянки. Не противоречит этому и основной каменный инвентарь, отличающийся единством материала (плотный сероватый с пестриной, реже яшмовидный кремень); высокой пластинчатой техникой расщепления; экономичной, преимущественно односторонней техникой ретуши, иногда большим набором близких или одинаковых изделий и т. д. Следует, однако, отметить, что помимо явно погребального инвентаря (бусы, резцы сурка, костяные орудия и пр.) в комплексе выделяется ряд изделий (в частности, необычно большое для погребения число пластин), которые могли сопровождать захоронение в качестве поминальных.

Керамика из погребения представлена 20 фрагментами довольно тонкостенного (толщина стенки 7 *мм*) и плотного по фактуре сосуда с примесью песка, серых и красноватых (охристых?) крошек в тесте. Диаметр тулова, определенный по некоторым фрагментам, составляет 20 *см*. Поверхность сосуда с обеих сторон хорошо заглажена, с внешней стороны темно-коричневая, внутренняя — почти шоколадного или серо-коричневого цвета. В изломе черепок черный, за исключением хорошо обожженного светло-коричневого слоя в 1—1,5 *мм* со стороны внешней поверхности. Вся внешняя поверхность покрыта четкими отпечатками прямой многозубчатой гребенки в виде вертикального зигзага.

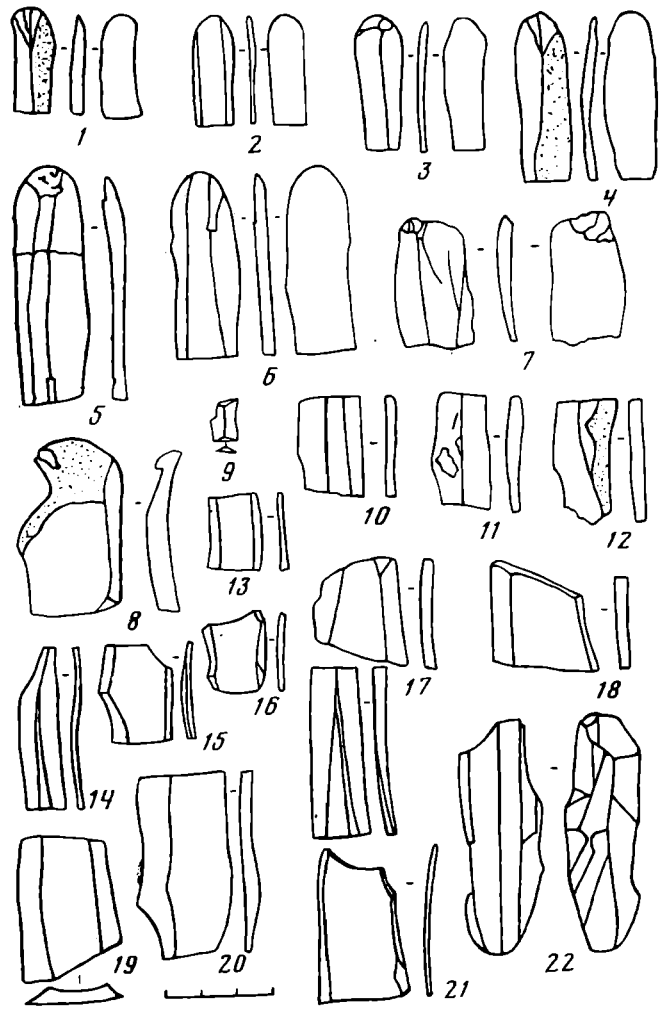


Рис. 5. Кремневые ножевидные пластинки и нуклеус из Русско-Шуганского погребения

Аналогичная по орнаменту и фактуре керамика имеется в Усть-Айском и других поселениях Южного Предуралья, относимых Л. Я. Крижевской к развитому неолиту [4]. В то же время данная керамика отличается от посуды из Русско-Азибейской, Игимской и других неолитических и энеолитических стоянок Бельско-Икского муждуречья большей плотностью и тонкостенностью. Прямой среднезубчатый штамп ее с аккуратными четкими оттисками зубцов также отличается от штампа на керамике поселений этого региона с их неглубокими оттисками мелких зубцов, расположенных часто несколько изогнуто. Именно такая керамика, заметно отличающаяся от погребальной, найдена на одной из стоянок, недалеко от вышеуказанного захоронения, на дюне в пункте 1 II Русско-Шуганского поселения.

Довольно большой кремневый инвентарь памятника, как уже отмечалось, изготовлен преимущественно из плотного сероватого с пестриной (нуклеус, многочисленные ножевидные пластины, наконечники стрел) или реже яшмовидного (вкладыши, скребок) кремня.

---

[4] *Крижевская Л. Я.* Неолитические племена Южного Предуралья.— В сб.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита.— МИА, № 172, 1973, с. 126, 127.

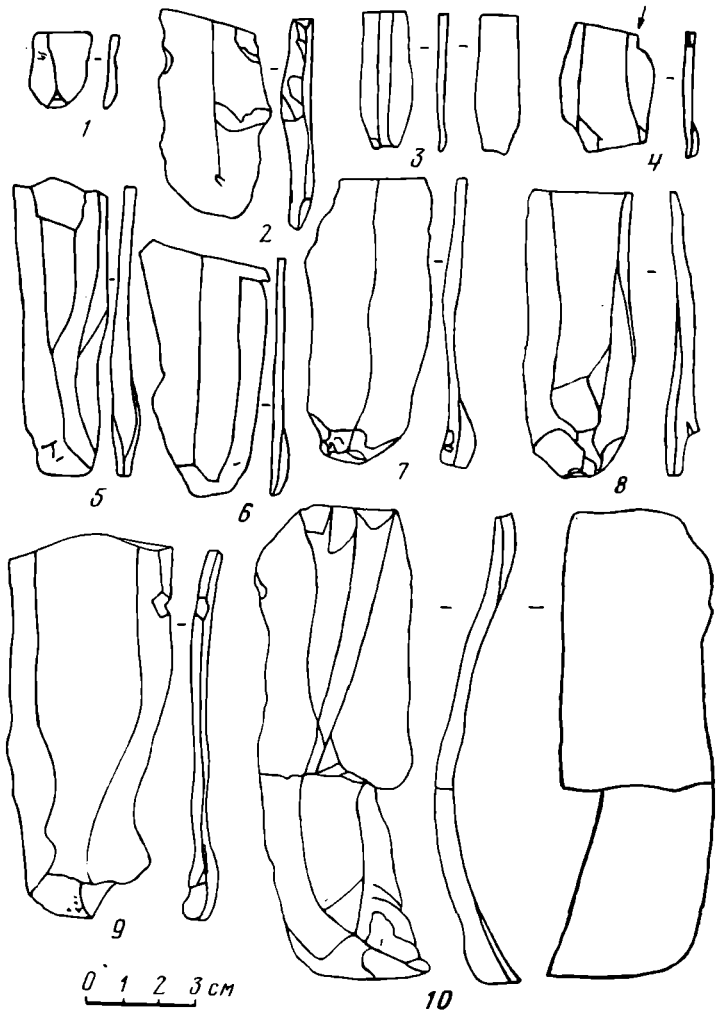


Рис. 6. Кремневые ножевидные пластинки из Русско-Шуганского погребения

Конический нуклеус длиной 6,5 *см*, как и четкие следы сколотых пластин на нем, вполне соответствует в целом облику пластинчатой индустрии. На одной стороне нуклеуса сохранились правильные вертикальные негативы пластин, на другой — негативы разных размеров расположены бессистемно.

Пластины с острыми режущими краями (38 экз.) довольно тонкие, но широкие, с ровными или несколько изогнутыми гранями, отличаются стандартностью изготовления. Изящность пластин обусловила и их хрупкость. Некоторые из них могли быть разломаны при вспашке. В трех случаях нам удалось собрать разломанные пластины (рис. 3, *4*; 6, *10*; 5, *5*). Возможно, что некоторые сечения пластин, составляющих большинство в коллекции, образовались уже после разрушения погребения.

Полностью сохранившиеся экземпляры обычно имеют раковистый утолщенный ударный бугорок и изогнутый противоположный конец. Ширина наиболее крупной целиком сохранившейся пластины — 4 *см* при длине 16,5 *см*, размеры наименьшей — соответственно 1,8 и 6 *см* (рис. 3, *1, 3—6*; 6, *10*).

Среди остальных пластин выделяются с сохранившимся ударным бугорком (рис. 6, *1—3, 5—9*), с закругленным краем (рис. 5, *1—8*) и сечения средних частей (рис. 5, *9—21*). Первые две группы состоят из длинных пластин, длина которых обычно в два-три раза превышает ширину.

В третьей группе имеются и короткие сечения.

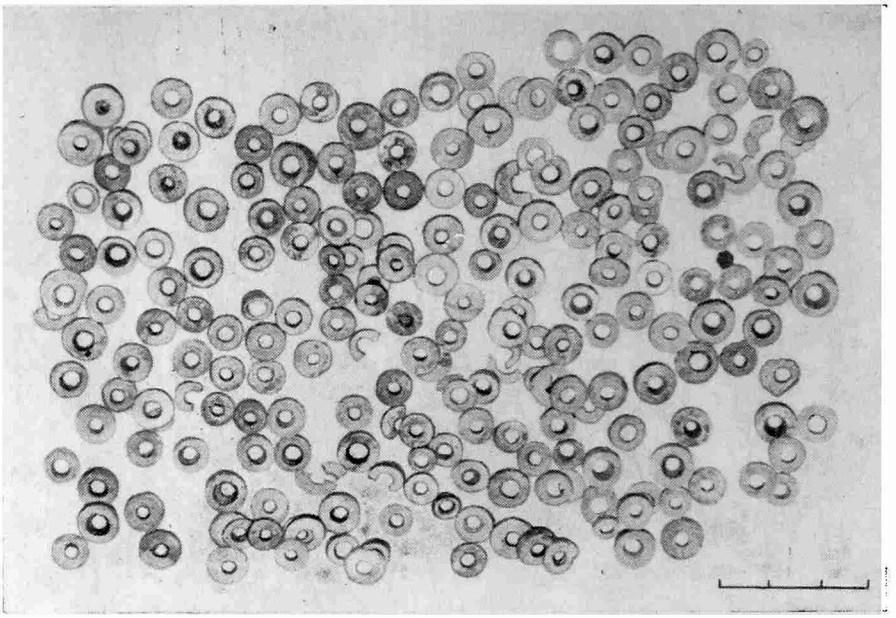


Рис. 7. Бусы из раковин из Русско-Шуганского погребения

Острые боковые края пластин позволили применять их без дополнительной обработки, о чем, в частности, свидетельствует зазубренность края у многих экземпляров. Однако встречено пять пластин, возможно, выполнявших функции скребел, с частичной ретушировкой края. Одна из них, длиной 13,5 и шириной 3,5 *см*, по бокам внешней стороны местами обработана плоской отжимной ретушью. Наибольшей обработке со стороны спинки подвергнут изогнутый конец пластины (рис. 3, *6*).

Вторая пластина (длиной 10,4 *см*) со стороны спинки по одной из боковых сторон обработана тонкой отжимной ретушью, располагавшейся на небольшом участке, прилегающем к ударному бугорку (рис. 3, *3*). Подобным же образом обработана одна из широких пластин (рис. 6, *9*). Четвертая, небольшая по размеру пластинка с закругленным краем имеет боковую выемку, обработанную отжимной ретушью со стороны брюшка (рис. 3, *2*).

Интерес представляет подтреугольный нож длиной 9 *см* (рис. 3, *5*), частично обработанный со спинки первоначально несколькими крупными приостряющимися сколами, а потом мелкой отжимной ретушью по линии большого катета и такой же ретушью с брюшка на выемчатом участке по линии малого катета.

В коллекции имеется единственный резцовый скол на углу пластинки, сохранившей ударный бугорок (рис. 6, *4*).

Скребок длиной 3,8 и шириной 2,3 *см* изготовлен из призматической многогранной пластины толщиной 0,9 *см*. Рабочий конец его с внешней стороны покрыт довольно крупной крутой ретушью, а противоположный, также на внешней стороне, имеет следы оббивки (рис. 2, *13*).

Наконечники стрел из Русско-Шуганского погребения (рис. 2, *6—8*) изготовлены из трехгранных в сечении, подтреугольно вытянутых пластин толщиной от 2 до 7 *мм*. Длина наконечников от 3,8 до 5,5 *см*. Все они с внутренней стороны обработаны плоской отжимной ретушью, покрывающей в основном площадь, прилегающую к острию, а в одном случае, у наконечника с как бы намечающимся черешком,— и тыльную часть (рис. 2, *7*). На двух экземплярах прослеживаются единичные фасетки ретуши по боковым сторонам (рис. 2, *6*, *7*). Для улучшения соединения с древком черешковая часть наконечников местами оббита.

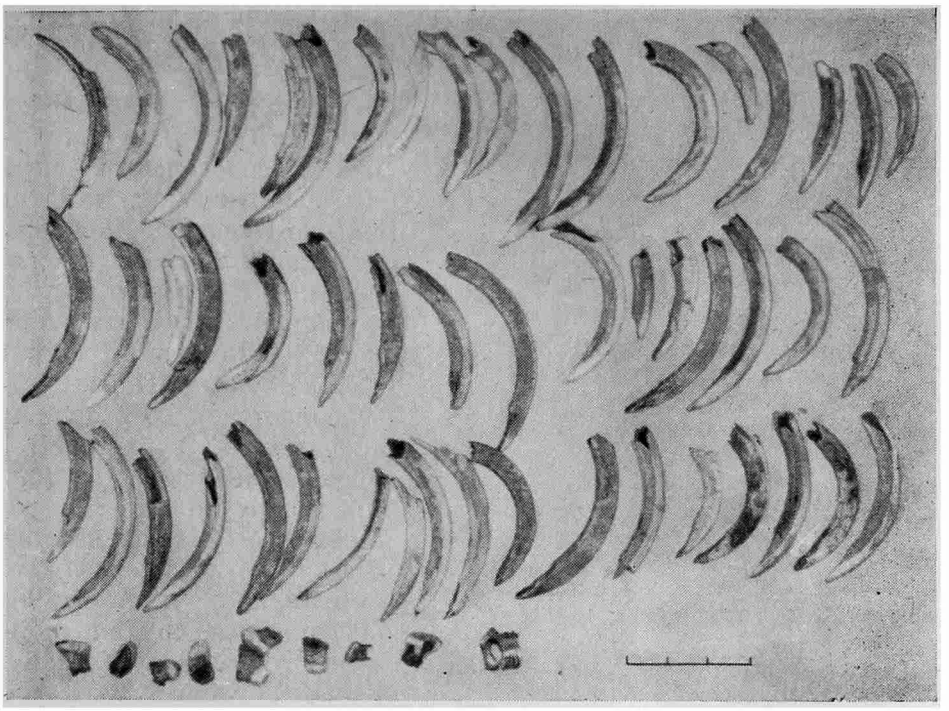


Рис. 8. Резцы и другие зубы сурка из Русско-Шуганского погребения

Проколки, как и наконечники стрел, также изготовлены из подтреугольных в сечении пластин. Одна из проколок (?), длиной 4,4 и толщиной 0,4 *см*, по краям и со стороны острия обработана со спинки крутой краевой ретушью (рис. 2, *10*); другая, длиной 2,8 и шириной 0,3 *см*, выполненная фактически на чешуйчатом сколе, лишь у кончика острия имеет фасетку ретуши (рис. 2, *5*).

Указанные наконечники стрел по материалу, форме, технике обработки и, видимо, по времени близки миннияровским, хотя 2 экз. отличаются более вытянутыми пропорциями (рис. 2, *6*, *7*). Определенную близость к миннияровской обнаруживает и одна из проколок (рис. 2, *10*), также обработанная со спинки крутой краевой ретушью.

Микролитические вкладыши (рис. 2, *1—4*) изготовлены из подтреугольных в сечении призматических пластин длиной от 1,4 до 3,3 *см* и шириной 0,6—0,8 *см*. Все они имеют притупленный край, в трех случаях выполненный ретушью со стороны брюшка (рис. 2, *1, 2, 4*) и в одном — со спинки (рис. 2, *3*). Обычно торцовые части пластинок прямые, но в двух случаях они скошенные (рис. 2, *2, 3*), причем 1 экз. имел выемку на неретушированной грани (рис. 2, *2*). На всех экземплярах сохранились следы известкового налета.

Функциональное назначение двух обломков орудий определить трудно. Одно из них, изготовленное из треугольной в сечении призматической пластины толщиной 0,4 *см*, по внешней поверхности покрыто плоской отжимной ретушью (рис. 2, *9*), второе, сохранившее часть желвачной корки, обработано мелкими сколами с обеих сторон (рис. 2, *11*).

Массивный листовидный наконечник дротика — единственное орудие из этого комплекса, изготовленное на отщепе, имеет длину 16 *см* при толщине 2 *см*. Вся поверхность его обработана крупными сколами (рис. 3, *7*).

Следует отметить находку обломка шлифованного изделия из серо-зеленого хлористого сланца (рис. 2, *12*).

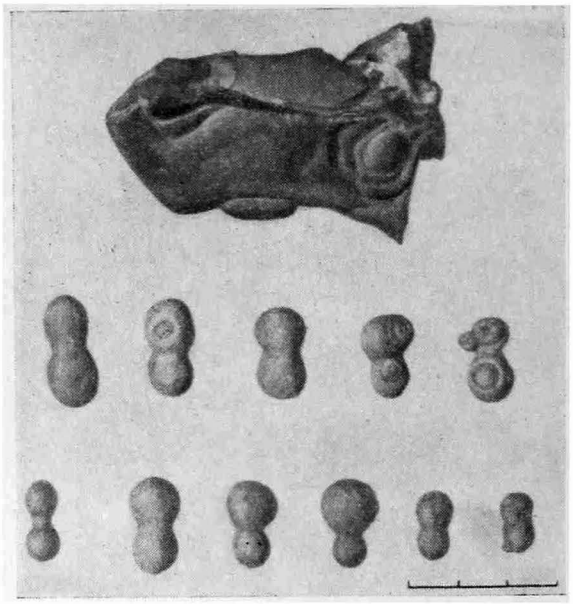


Рис. 9. Гантелевидные кремнистые конкреции из Русско-Шуганского погребения

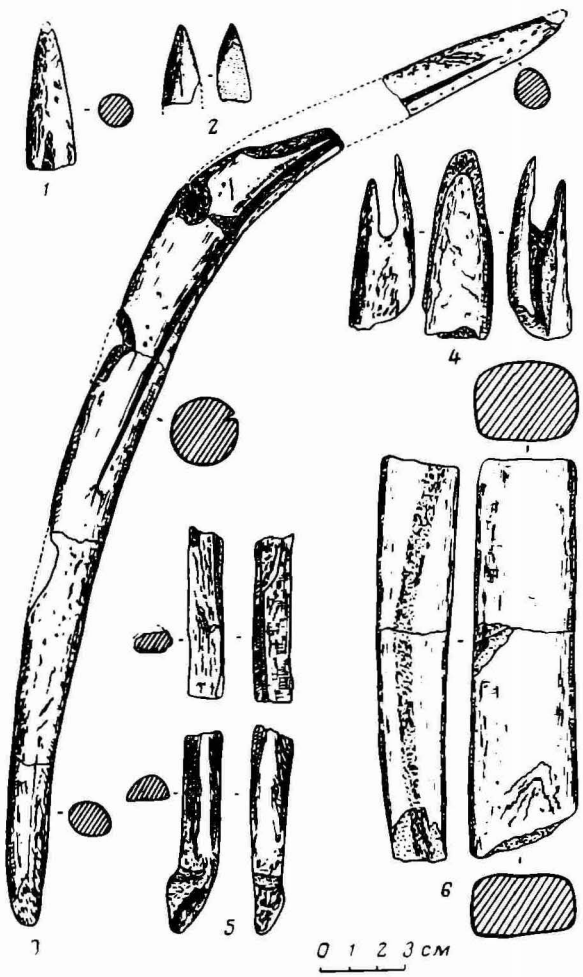


Рис. 10. Костяные и роговые изделия из Русско-Шуганского погребения

В целом по кремневому инвентарю Русско-Шуганское погребение весьма близко к ряду изученных в последние годы Татарским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции неолитических памятников Бельско-Икского междуречья, содержащих преимущественно керамику с гребенчатой орнаментацией: Русско-Азибейской, Игимской стоянкам, стоянке Золотая Падь. Сходство наблюдается и со стоянками с накольчатой керамикой: Татарско-Азибейские, Дубовогривская и др. На этих памятниках преобладают изготовленные из плотного сероватого или яшмовидного кремня макропластинчатые орудия с аналогичной русско-шуганской техникой обработки [5]. Подобная же стоянка с аналогичным кремневым инвентарем и керамикой, украшенной несколько изогнутыми оттисками гребенчатого штампа с короткими зубцами, выявлена, как уже отмечалось, в пункте 1 II Русско-Шуганского поселения, в 150 *м* от описанного погребения.

Гантелевидные кремнистые конкреции (рис. 9) имеют длину от 1,2 до 2,2 *см* и наибольшую толщину 0,5—1 *см*. Поверхность их покрыта обычной для кремня шершавой желвачной коркой серого цвета. На некоторых имеются рельефные разводы в виде «глазков» — неровных кружков, иногда вписанных друг в друга. Происхождение этих предметов нетрудно установить, учитывая, что точно такую же корку и разводы имеет найденный здесь же крупный обломок кремневого желвака. Очевидно, конкреции гантелеобразной формы специально отыскивались в тех же местах, где добывался кремень для изготовления орудий. Труд-

[5] Археологическая коллекция кабинета археологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Раскопки Р. С. Габяшева.

по судить, служили ли эти предметы украшениями, были ли они предметами одежды или применялись в культовых целях.

Одно из изделий из талькового камня имеет вид прямоугольного бруска со сглаженными углами и ребрами размером 3×3×2 *см*. Одна из широких граней уплощена и отполирована, а на противоположной имеется глубокий (0,8 *см*) желобок с поперечными прочерченными линиями на дне (рис. 2, *15*).

Второе изделие — в виде стерженька диаметром 2 и длиной 4 *см*. Один из торцовых концов стерженька уплощенный в плане подпрямоугольный, второй— приострен (рис. 2, *14*). По всей поверхности изделия сохранились фасетки стесанности, хорошо заметны и следы стесывания в виде косопоставленных мелких бороздок. Местами поверхность имеет красноватый цвет, возможно, следы окраски охрой.

Изделие с желобком находит аналогии в неолитических памятниках Южного Урала, где они встречаются также единично. Так, брусковидное изделие, имеющее продольные желобки на обеих сторонах, встречено на стоянке Карагайлы V [6]. Желобчатые орнаментированные изделия из талькового камня, определяемые Л. Я. Крижевской как «утюжки», найдены на стоянках Чебаркуль I и II [7]. Исследователь полагает, что они служили для выполнения абразивных операций, в частности с их помощью затачивались деревянные изделия [8]. Близкие предметы найдены на стоянке Сурганды [9].

Подобные предметы, изготовленные из туфа, найдены на стоянке Калмацкий брод в Среднем Зауралье, где они в некоторых случаях (как и в Русском Шугане) имеют форму уплощенной четырехгранной призмы со сглаженными гранями [10]. В. М. Раушенбах также полагала, что они могли быть полировальниками для древков стрел [11]. Подобная находка из талькового камня происходит также со стоянки Лосиный остров на оз. Черном, со стоянки Разбойничий остров на 1-м Карасьем острове [12] и из других памятников.

Таким образом, отмеченные районы Урала и Приуралья дают наибольшее число аналогий этим находкам, причем здесь в ряде случаев сходны и формы изделий, и материал.

Второе изделие напоминает прямоугольный в поперечном сечении стерженек из Карагайлы X [13]. Судя по окрашенности, русско-шуганское изделие служило для растирания охры, однако оно могло применяться и как лощило.

Круглые плоские бусы (рис. 7, более 200 экз.), видимо, изготовлены из речных раковин — беззубок. На них остались следы охристой подсыпки, которая, сохранившись кусочками в отверстиях, способствовала склеиванию бусин по нескольку штук в столбики. Последнее позволяет утверждать, что данные украшения находились на пронизи.

Диаметр бусин от 5 до 10 *мм*, толщина — 1—4 *мм*. Сверленое отверстие для нити у бусин из толстых частей раковин коническое, причем наиболее широкая часть располагалась на гладкой (внутренней поверхности моллюска) стороне, откуда и производилось сверление. Противоположная плоская сторона бусин покрыта рифлением — остатком чешуйчатой поверхности створок раковин.

---

[6] *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. Л., 1968, с. 150, табл. XV, *4*.
[7] Там же, с. 150, табл. XV, *5, 6*.
[8] Там же, с. 69.
[9] *Матюшин Г. Н.* Работы на Южном Урале.— АО — 1967. М., 1968, с. 119.
[10] *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, с. 40, рис. 15, *2—4*.
[11] Там же, с. 42.
[12] Там же, рис. 18, *11, 23*.
[13] *Крижевская Л. Я.* Неолит..., с. 150, табл. XV, *3*.

Резцы байбака (рис. 8, свыше 50 экз.) не имеют какой-либо дополнительной обработки. Они могли служить украшением одежды и непосредственно пришиваться на нее.

Костяные и роговые [14] поделки из Русско-Шуганского погребения (рис. 10) представлены изогнутым вкладышевым орудием (рис. 10, *3*), двумя коническими концевыми обломками (рис. 10, *1*, *2*), одним обломком, имеющим глубокую выемку на конце и широкий глубокий паз по боковой стороне (рис. 10, *4*), обломком подтреугольного в сечении изделия с односторонним выступом на конце (рис. 10, *5*) и обломком массивного (длина 14,5, ширина 3,7, толщина 2,2 — 2,8 *см*) в сечении овального в одном и подпрямоугольного в другом концах орудия (рис. 6, *6*). В сечении округлое в центральной части (диаметр 2,5 *см*) и овальное на концах серповидное орудие (рис. 10, *3*), обломанное на одном конце, вероятно, имело длину несколько более 40 *см*. В 16 *см* от конца отполированной части, служившей ручкой, на вогнутой стороне начинался паз, предположительно имеющий длину несколько более 20 *см*.

Определение функционального назначения вышеописанных предметов представляет известную трудность. Можно только предполагать, что серповидное орудие (рис. 10, *3*) могло употребляться для сбора дикорастущих злаков или использоваться как специфическое ножевидное изделие. Второе вкладышевое орудие (рис. 10, *4*) напоминает известные по археологическим и этнографическим (у северных народов) данным костяные наконечники с массивными концевыми и боковыми вкладышами. Изделие с выступом на конце (рис. 10, *5*), возможно, первоначально служило гарпуном.

При поисках аналогий Русско-Шуганскому захоронению необходимо отметить вышеуказанные изделия из талькового камня, имеющие аналогии в неолитических памятниках Южного и Среднего Урала и по крайней мере указывающих на направленность связей.

Определенное сходство в обряде и инвентаре это погребение обнаруживает с обычно одиночными неолитическими погребениями Южного Урала в пещерах: II Усть-Катавской, Бурановской, у Старичного гребня [15], у Каменного Кольца [16]. Их объединяет разбросанность костяка и инвентаря, в чем О. Н. Бадер видит доказательство того, что захоронения совершались в наземных срубах [17]; иногда восточная с отклонениями ориентировка.

В погребении II Усть-Катавской пещеры, как и в Русско-Шуганском захоронении, встречены два десятка не имеющих отверстий для нити резцов сурка, плоские бусы из раковин [18]. О. Н. Бадер отмечает, что «формирование вполне сложившегося ритуала описанных погребений должно быть отнесено в уральской области к эпохе неолита, если не к еще более раннему времени [19]. Время совершения отмеченных захоронений он склонен относить к позднему неолиту или энеолиту [20]. Дату же Русско-Шуганского погребения, учитывая сохранение мезолитических традиций в кремневом инвентаре (наконечники стрел с односторонней обработкой, микролитичность вкладышей с притупленным краем, наличие резца на углу пластины и пр.), вероятно, нужно относить к более раннему времени, может быть, к развитому неолиту.

В какой-то мере к указанному кругу памятников имеет близость и Миннияровское захоронение (одиночность захоронения, разбросанность

---

[14] Последние, по предположению А. Г. Петренко, изготовлены из рогов лося.

[15] *Бибиков С. Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала.— СА, XIII, 1950, с. 95—138.

[16] *Бадер О. Н.* Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 104—109.

[17] Там же, с. 108.

[18] *Бибиков С. Н.* Ук. соч., с. 116—119.

[19] *Бадер О. Н.* Ук. соч., с. 109.

[20] Там же, с. 108.

костяка и вещей, географическая близость), несмотря на его близкий к оленеостровским комплексам своеобразный, чисто охотничий, набор вещей и, возможно, несколько более ранний по сравнению с Русско-Шуганским захоронением возраст.

В целом сходство Русско-Шуганского захоронения с отмеченными одиночными погребениями Урала свидетельствует об определенных общих чертах в материальной и духовной культуре нижнебельских и уральских этнических групп в эпоху камня.

В то же время многие элементы этого погребения говорят о его специфике и связи с местными нижнебельскими памятниками. Погребение, как и Миннияровское, находилось в свободной от слоя неолитических поселений наиболее приметной возвышенной части дюны, на южной ее стороне. Большей макролитичностью и цветом отличается от уральского и кремневой инвентарь, имеющий аналогии в материале местных памятников. Характерно также наличие в комплексе захоронения значительно более богатого набора орудий [21].

Выявление и исследование описанных выше погребений имеет большое значение в плане изучения неолитических древностей Волго-Уральского региона. Они находятся на территории, где сравнительно неплохо были изучены поселения, но не были известны погребения. Полученный материал в определенной мере восполняет этот пробел и, несомненно, в дальнейшем будет использован при решении многих вопросов древней истории населения указанного региона.

E. P. Kazakov

LES SEPULTURES NEOLITHIQUES DANS L'EST DE LA TATARIE

Résumé

Au cours des travaux de 1975, dans la région orientale de la Tatarie, ont été étudiées deux inhumations d'époque néolithique, saupoudrées d'ocre et en partie détruites, qui se trouvaient dans une dune, sur la pente sud. Dans la sépulture de Minniiarovo (région d'Aktanychski, RSSA de Tatarie) le squelette, la tête orientée au S.-E. était couché sur le dos, les jambes pliées aux genoux et fléchies sur la gauche. Il était accompagné d'un grand choix de pointes de flèches en silex (fig. 1, 3-17), d'un grattoir-perçoir (fig. 1, 18), de crocs de bêtes (fig. 1, 1, 2), et d'une pointe de lance en os (fig. 1, 19). Le squelette de la deuxième sépulture, située près de Rousski Chougan (région de Mouslioumovski, RSSA de Tatarie), d'après les os des jambes qui se sont conservés, avait également la tête orientée au S.-E. Dans la sépulture, ainsi que dans la couche de terre labourable située à côté, ont été recueillis des fragments de vase brisé (fig. 2), de nombreuses lames de silex (fig. 7; fig. 9), des colliers faits de coquillages (fig. 4), les incisives d'une marmotte (fig. 5), des objets en os et en corne (fig. 6), des lames microlithiques à bord émoussé (fig. 10, 1-4), des pointes de flèches (fig. 10, 6-8), des objets et schiste talqueux (fig. 10, 14, 15), un lot de concrétions siliceuses en forme de haltères, et beaucoup d'autres pièces.

La sépulture de Minniiarovski a des traits communs avec celles du bien connu champ funéraire l'Olénéostrovski. La sépulture de Rousski Chougan offre une certaine ressemblance avec les inhumations en caverne de l'Oural méridional de la fin du néolithique.

---

[21] В этом отношении Русско-Шуганское захоронение напоминает погребение у с. Боборыкина близ г. Шадринска, сопровождающееся двумя десятками крупных ножевидных пластин, концевыми скребками и т. д.

А. Л. НЕЧИТАЙЛО

АНТРОПОМОРФНЫЕ АЛЕБАСТРОВЫЕ СТАТУЭТКИ В РАННИХ ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обращение к различным категориям антропоморфной пластики не ново. Особенно усилился интерес к ней в последнее время благодаря накоплению большого археологического материала и разработке проблем, связанных с идеологическими представлениями древнего населения нашей страны и изучением произведений первобытного искусства, в частности древнейшей скульптуры. Однако если имеются фундаментальные исследования по малой скульптуре с ее основным женским образом в памятниках Триполья [1] и детальный анализ среднеазиатских женских статуэток эпохи бронзы [2], то совершенно по-иному обстоит дело с этим видом пластики в памятниках северокавказской культуры. Вплоть до последнего времени эта своеобразная скульптурная группа произведений очень медленно пополняется и насчитывается единицами. Они еще не собраны воедино, не объяснены, не найдено их место среди произведений подобного рода. Наша работа и является попыткой выполнить эти первые задачи.

Внимание алебастровым статуэткам впервые уделил Н. И. Веселовский, который перечислил и кратко описал известные ему находки [3].

Впервые статуэтка из алебастра или мела найдена жителями Большого Токмака Бердянского уезда при раскопках ими кургана в 1891 г.[4] Некоторые сведения имеются и о другой статуэтке с территории Пятигорья (ныне Ставропольский край), обнаруженной В. Р. Апухтиным, который, раскапывая курган под Пятигорском в 1902 г., нашел в могиле при окрашенном костяке загадочный предмет — белый четырехгранный столбик с постаментом и с насечками по плоскостям [5]. По нашим предположениям, именно эта фигурка находится в настоящий момент в Государственном Историческом музее в Москве и представлена в экспозиции «Религия» (кроме Апухтинской там выставлены еще две статуэтки, о которых речь ниже). Она представляет собой цилиндрический «столбик» на параллелепипедном постаменте высотой около 12 *см*. Как цилиндр, так и постамент покрыты довольно крупным, но простым рисунком. На цилиндре-шейке нанесено насечкой изображение елочки (ветвями вниз и вверх с утолщенными в три линии стволами). Шейка у основания подчеркнута ободком. На постаменте дан геометрический орнамент, в котором не вполне четко прочитываемые ромбы или зигзаги, не всегда доведенные до

---

[1] *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре.— МИА, 1953, № 38, с. 193—276; *Мовша Т. Г.* Антропоморфная пластика Триполья. Автореф. канд. дис. Киев, 1975.

[2] *Массон В. М., Сариниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.

[3] *Веселовский Н. И.* Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе.— ИАК, 1910, вып. 35, с. 1.

[4] ОАК за 1892, СПб., 1894, с. 2, 3.

[5] *Веселовский Н. И.* Ук. соч., с. 2.

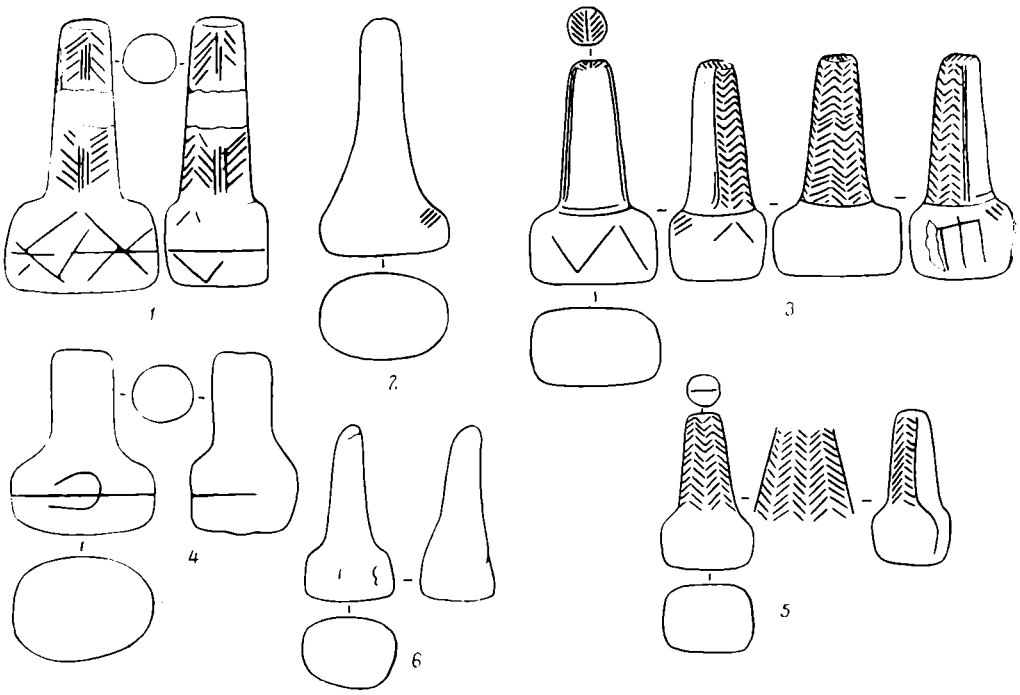


Рис. 1. Алебастровые антропоморфные статуэтки. *1* — из раскопок В. Р. Апухтина в Пятигорье, *2* — из раскопок И. С. Гумилевского на Константиновском плато близ Пятигорска, *3* — ст. Суворовская Ставропольского края, *4—5* — сел. Лечинкай в Кабардино-Балкарии, *6* — ст. Бжедуховская (?) Краснодарского края

конца. Однако композиционно замысел декора на этой статуэтке очень четкий и ритмически выдержанный (рис. 1, *1*).

О следующих двух алебастровых статуэтках, происходящих из погр. 1 кург. 5 Ульского аула в Прикубанье, раскопанного в 1909 г., Н. И. Веселовский сообщает более обстоятельно[6]. Могила находилась где-то в центре кургана. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на север. В ногах у него — охра. У локтя правой руки находилось несколько разбитых глиняных статуэток, а также две алебастровые «изображающие человеческие фигурки на постаменте»; глиняный предмет, напоминающий «повозочку»; два фрагмента керамики, один из которых орнаментирован вдавливаниями. Здесь же лежали четыре посоховидные булавки с отверстиями в круглых головках. На шее погребенного найдены 10 крупных медных бусин, пять небольших медных подвесочек и три трубочки, свернутые из листков меди.

Н. И. Веселовский сравнивает кубанские алебастровые статуэтки с кикладскими[7] и относит их ко времени раннего развития микенской культуры. По мнению Веселовского, это детские игрушки.

Сведения Н. И. Веселовского в настоящее время могут быть дополнены рядом новых находок, полученных как при стационарных раскопках, так и случайно, пока еще недостаточно изученных и неопубликованных. В 1951 г. во время раскопок курганов на Константиновском плато близ Пятигорска И. С. Гумилевским в погр. 2 кург. 1 была найдена алебастровая статуэтка. Под земляной насыпью оказались каменные ящики, соединенные между собой кромлехом. Один из таких ящиков и отмечен как погр. 2. Костяка в могиле не обнаружено. Однако на дне ящика были найдены следующие вещи: небольшая глиняная мисочка; два глиняных

[6] Там же, с. 3, 4; ОАК за 1909 и 1910 гг., СПб., 1913, с. 152—154.
[7] *Веселовский Н. И.* Ук. соч., с. 5—9.

горшка, один с ручками в виде выступов с дырочками, другой орнаментирован горизонтальными и вертикальными вдавлениями по всему корпусу; бронзовая молоточковидная булавка с орнаментом в виде змейки; фрагмент бляхи с пунсонным орнаментом и статуэтка (рис. 1, *2*). Последняя проходит по отчету как миниатюрный каменный (алебастровый) пест высотой 9,1 *см*, диаметр нижней части 5 *см*. Поверхность предмета обработана ударами и покрыта белой патиной. В употреблении он не был. Производственные функции из-за мягкости и хрупкости материала не могли иметь места. Как предполагает автор раскопок, эта вещь была «принадлежностью туалета или ритуала, на что указывает не только слабый материал, но и малый размер» [8]. Эта статуэтка также выставлена в экспозиции Исторического музея. На наш взгляд, это еще не совсем законченная вещь. Представляет она собой цилиндрический столбик-шейку, плавно переходящую к округлым плечам, на одном из которых имеются четыре мелких параллельных нарезки.

Следующая алебастровая статуэтка была найдена во время наших раскопок в 1961 г. большого курганного могильника у ст. Суворовской Предгорного р-на Ставропольского края (кург. 16, погр. 3). Могила оказалась впускной, при основном — раннем погребении северокавказской культуры. Представляла она собой грунтовую яму, ориентированную по линии СЗ — ЮВ. Скелет подростка лежал вытянуто головой на СЗ. У черепа найдены две бронзовые височные серьги в полтора оборота. У кисти правой руки лежала статуэтка, здесь же — таранные кости овцы и козы. Около правого бедра находились 10 пронизок из трубчатых костей птиц. Дно могилы посыпано мелом, покрыто подстилкой, в ногах — пятна охры.

Статуэтка представляет собой стилизованную фигурку из алебастра на параллелепипедном постаменте с совершенно непроработанными деталями (рис. 1, *3*). Общая длина ее равна 9 *см*, длина цилиндра-шейки — 6, длина постамента — 5,2, ширина — 3 *см*, диаметр верхней части — 1,5 *см*. Общий цвет статуэтки желтовато-беловатый, а врезной орнамент выглядит светлее фона. Рассматривая эту статуэтку последовательно, мы, безусловно, обнаруживаем лицевую сторону, имеющую свои детали в рисунке, и три стороны более однородные — елочнообразный орнамент, повторяющийся по всем трем сторонам. Этот рисунок прослеживается довольно легко и особенно ясен на темени (на рисунке изображен в развертке). Обрез цилиндровой части (шейки в головке) рассечен линией, от которой отходят косые нарезы, в результате чего получается четкая елочка. Эта деталь позволяет думать, что три стороны и темя закрыты условными изображениями волос, которые обрамляли лицо и заключены между вертикальными линиями. Следы лица на самом цилиндре отсутствуют. Вместе с тем сам цилиндр (шейка) у основания отделен от постамента сплошной врезной линией, причем у лицевой части над этой линией проведена вторая параллельная полоска, дающая основание предполагать здесь ожерелье. По обеим сторонам сбоку постамента, которые мы рассматриваем как плечи, и на трех сторонах самого постамента сделаны насечки по три в ряд и ломаные линии (зигзаги), образующие как бы треугольники и изображения в виде буквы Ш. Во всяком случае на данной статуэтке видна более сложная и логически завершенная разработка человеческой фигуры, нежели на апухтинской.

В 1974 г. при раскопках курганов у с. Лечинкай [9] в Кабардино-Балкарии были найдены две алебастровые статуэтки. Статуэтки были обнару-

---

[8] *Гумилевский И. С.* Отчет о раскопках кургана № 1 на Константиновском плато близ Пятигорска в 1951 году.— Архив в ИА АН СССР, д. Р-1, № 580, с. 14, 34; рис. 8, *2* и рис. 14—16. Коллекция хранится в ГИМ за № 83782.

[9] *Чеченов И. М., Батчаев В. М.* Курганы эпохи бронзы у с. Лечинкай в Кабардино-Балкарии. Тезисы докладов на Всесоюзной конференции «Новейшие достижения советских археологов». Киев, 1975, с. 102—104. Доклад прочитан И. М. Чечено-

жены в кург. 11, погр. 2. Могила представляла собой грунтовую яму, ориентированную по линии ЮЗ — СВ. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СВ. У фаланг ног — пятно охры. У изголовья найден сероглиняный сосудик с двумя симметричными ручками по сторонам и шнуровым орнаментом. Высота горшка 9,5 *см*. Внутри сосуда оказалась подвеска из плоской речной гальки, еще три такие же подвески лежали у пояса погребенного. Здесь же оказались и алебастровые статуэтки. Вдоль левой руки погребенного в ряд лежали 11 астрагалов мелкого рогатого скота.

Найденные статуэтки (рис. 1, *4*, *5*) представляли собой цилиндрические столбики на параллелепипедном постаменте высотой 6,5 и 7,5 *см*. Столбик-шейка меньшей из них покрыт параллельными рядами ломаных волнистых линий в виде елочки, так же как и на суворовской статуэтке. Обрез цилиндровой части (в диаметре 1,3 *см*) рассечен линией (пробором?). Вторая вещь, вероятно, являлась заготовкой. Постамент ее по центру рассечен горизонтальной линией, которую пересекает линия незамкнутого овала.

Назовем еще одну статуэтку, третью, в витрине Исторического музея, возможно, происходящую из ст. Бжедуховской Кубанской обл. Майкопского округа. В каталоге Исторического музея она значится как обломок статуэтки из белого известняка из указанного пункта, далее следует фамилия Н. И. Веселовского и год — 1906-й (инв. № 48 478). Фигурка представляет собой цилиндрический столбик на постаменте высотой около 6 *см*, верхняя часть его обломана. На постаменте к центру — вертикальная короткая нарезка (рис. 1, *6*). Вызывает удивление, что Н. И. Веселовский не упомянул об этой статуэтке в своей работе, не упомянул он о ней и в отчете о раскопках, так что в данном случае это могут быть совершенно различные вещи. Таковы известные нам алебастровые фигурки в основном с территории Северо-Западного и Центрального Кавказа.

По внешнему виду все восемь статуэток очень близки между собой. Несколько выделяются две ульские статуэтки, менее стилизованные, чем остальные. Все статуэтки изготовлены из алебастра, т. е. мелкозернистой разновидности гипса, преимущественно белого цвета. Выходы его имеются во многих местах, в том числе и на территории Прикубанья и Кабардино-Пятигорья. Статуэтки высекали каким-то острым орудием из одного куска камня; поверхность их в основном хорошо заглажена, иногда даже отполирована.

Общей стилистической особенностью являются приемы выполнения некоторых деталей. Прежде всего «головки» статуэток лишены какой бы то ни было натуралистической проработки деталей лица. Головки здесь объединены со стерженьковой шейкой и намечаются только пробором на темени (т. е. по обрезу), а также изображением прически. Руки, ноги, торс совершенно не проработаны. Переход от шейки, подчеркнутый резким ободком и ожерельем, к плечам и туловищу сливается в единую параллелепипедную подставку с сильно сглаженными углами. Перечисленные признаки присущи большинству статуэток. Всем фигуркам свойственны стилизация и схематизация.

Размеры статуэток колеблются от 6 до 12 *см* в высоту. Бо́льшая часть фигурок орнаментирована. Элементы орнамента по существу повторяют те же мотивы, которые мы встречаем на керамике и частично на металле одновременных им памятников, что связывает их с определенной культурой.

вым 18.IV.1975 г. на секции Кавказа. Приношу глубокую благодарность В. М. Батчаеву и И. М. Чеченову за любезное разрешение использовать этот материал в данной публикации.

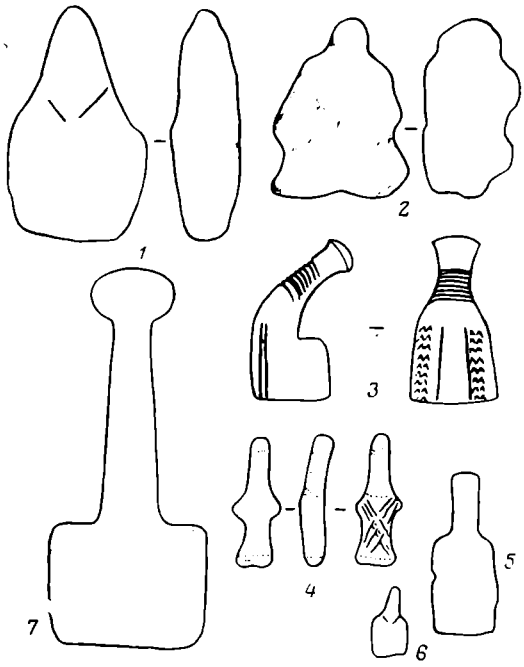


Рис. 2. Антропоморфные статуэтки. *1* — Долинск, *2* — Нальчик, *3* — Усатово, *4* — Серезлиевка, *5, 6* — Киклады, *7* — Кусура

Узор на статуэтках всегда углубленный или прорезной. Выполнен он, вероятно, с помощью металлического или костяного стека. Орнаментация начинается с головы-шейки, ее нарядно украшают длинные и относительно пышные волосы, разделенные на темени пробором. Они покрывают всю шею до плечей и придают нарядность маловыразительным фигуркам. Прочерченными линиями изображаются и украшения, например ожерелье на суворовской статуэтке, а также, возможно, вырез одежды в виде ободка вокруг шейки на указанной выше и апухтинской статуэтках.

Нижние части трех фигурок — «постаменты» также орнаментированы прочерченными линиями. На двух из них они проходят по центру, как бы рассекая середину тела. На лечинкайской статуэтке этот центральный разрез дополняется еще линией в виде незавершенного овала. На апухтинской статуэтке изображены ромбы или зигзаги. У суворовской статуэтки те же элементы орнамента — ломаные линии, как бы образующие треугольники, а на одной из торцовых сторон высечена фигура в виде буквы Ш.

В итоге можно сказать, что размещение орнамента и его несложные композиции довольно устойчивы для определенных частей статуэток. Если на керамике узор в основном носит чисто декоративный характер, то в данном случае он может быть связан с формой предмета. Несмотря на то что фигуры примитивны, они выполняют большую функцию, несут определенную смысловую нагрузку.

Рассмотренные статуэтки, таким образом, прежде всего являются произведениями искусства малых форм. Попытаемся определить их место во времени.

На Северном Кавказе статуэтки известны еще в неолите [10]. Наиболее близкими по времени и территории, а также по материалу и форме являются две статуэтки в поздней группе памятников майкопской культуры из Кабардино-Балкарии. Одна из них найдена при раскопках Долинского поселения и изготовлена из «глинистой конкреции» [11]. Это очень схематизированная человеческая фигура с почти квадратным постаментом и коническим окончанием вместо головы, высотой 10 *см*, несколько напоминающая фигурки из Усатово или Трои (рис. 2, *1*).

Другая статуэтка, найденная в 1969 г. при раскопках кургана (на уровне древней поверхности) на юго-западной окраине Нальчика, связывается И. М. Чеченовым с поселением раннебронзового века, находящимся в непосредственной близости к кургану [12]. Представляет она собой миниатюрную (3,3 *см*) женскую фигурку или ее заготовку, с головой в

---

[10] *Кричевский Е. Ю. и Круглов А. П.* Неолитическое поселение близ Нальчика.— МИА, 1941, № 3, с. 54, 55, рис. 3, *1*.

[11] *Круглов А. П. и Подгаевский Г. В.* Долинское поселение у г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3, табл. X, *4*.

[12] *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, с. 7, рис. 37, *2*.

виде выступа, плавно соединяющегося с несимметрично изображенными плечами. Несколько ниже средней части фигурки — перехват, подчеркивающий линию талии и выступающие бедра, разделение между которыми также отмечено желобком на плоском дне статуэтки [13]. Эта статуэтка с несколько более проработанными чертами, чем долинская (рис. 2, *2*). Вероятно, что такие статуэтки, близкие по своим пропорциям и стилю рассматриваемым нами алебастровым, и являлись исходной формой последних.

Сильно схематизированные женские статуэтки, только глиняные, присущи всем категориям памятников усатовского типа. Наиболее близкими в типологическом отношении являются усатовские статуэтки третьего типа (по Т. С. Пассек) [14] или группа а (по В. Г. Збеновичу) [15]. Они представляют собой крайне стилизованные фигурки, нижняя часть которых имеет кубический или близкий к нему постамент. Из постамента как бы вырастает длинная округлая шея; голова, не моделированная вовсе, заканчивается закругленным выступом. Грудь едва намечается бугорком или вовсе не обозначается. Иногда прорисовывается ожерелье и пояс. Постамент имеет орнамент в виде вдавленных углублений (иногда похожих на букву М) и полос (рис. 2, *3*).

В качестве аналогий можно привлечь и материалы из позднетрипольских памятников Побужья, а именно статуэтки из Серезлиевки (Новоархангельский р-н Кировоградской обл.) и Ермолаевки (Первомайский р-н Николаевской обл.), которые по степени стилизации и деталям орнамента в некоторой мере сходны с усатовскими и, как предполагает В. Г. Збенович, появились под влиянием последних [16]. Серезлиевская статуэтка была найдена в кург. 7 с вытянутым костяком [17]. Она имеет почти такую же цилиндрическую шейку, как и наши алебастровые, кроме того, обрез ее украшен нарезками, а нижняя часть сильно стилизованного торса — пересекающимися линиями, горизонтально вдавленные полоски имеются и на шейке (рис. 2, *4*).

Близки к описанной, а следовательно, и к алебастровым ермолаевские фигурки. Они имеют цилиндрическую верхнюю часть. Голова, шея, руки не моделированы [18].

Отдаленной аналогией алебастровым статуэткам, и значительно более древней, могут служить крайне стилизованные мраморные фигурки, украшенные резным орнаментом в виде ломаных линий, косых параллельных нарезок из памятников культуры Хаманджия [19]. Более близкие аналогии надо искать в круге кикладских памятников (рис. 2, *5, 6*). Несмотря на большое расстояние во времени и пространстве между группой северокавказских статуэток и кикладской мраморной пластикой, их роднит ряд общих черт: очень длинная шейка, непроработанная нижняя часть, украшение резным треугольником у основания шейки [20]. Схематические фигурки с о. Сирос с шейкой в виде столбика на кубической подставке типологически соответствуют алебастровым статуэткам. Этот тип фигурок, по К. Ренфрю, завершает культуру Керос — Сирос и предшествует ста-

---

[13] *Чеченов И. М.* Отчет о раскопках подкурганной гробницы эпохи ранней бронзы в г. Нальчике (КБАССР в 1969 г.).— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4041, с. 16, 17, альбом № 4041-а, рис. 19, *2*.

[14] *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА, 1949, № 10, с. 193, рис. 97, *8, 6*.

[15] *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974, с. 104—110, рис. 38, *1—4*; 39, *1—3*.

[16] *Збенович В. Г.* Ук. соч., с. 156.

[17] *Щербаковский Д. М.* Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний.— АЛЮР, 1905, № 1—2, с. 10, табл. 1, рис. 2.

[18] *Рыбалова В. Д.* Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге.— АСб.ГЭ, 1964, № 6, с. 80—83, рис. 3, *3*.

[19] *Bercіu B.* Cultura Hamangia. Bucuresti, 1966, p. 99; fig. 57, *6*; p. 103, fig. 58, *3*.

[20] *Веселовский Н. И.* Ук. соч., табл. III, с. 5.

туэткам культуры Филакопи I. Исходя из его схемы, они могут быть отнесены к концу III тысячелетия до н. э.[21] Этим же временем датирован Сирос и Х. Зервос[22]. Имеются близкие по типу алебастровым мраморные фигурки из юго-западной Анатолии, в частности из Кусура[23]. Наиболее схожими являются идолы на прямоугольной подставке с длинной шейкой, заканчивающейся дисковидной головкой (рис. 2, 7). Вот эта последняя модель отличает их от алебастровых. Д. Мелларт анатолийские статуэтки этого типа относит ко второму периоду эпохи ранней бронзы[24]. Мы думаем, что рассматриваемые алебастровые статуэтки являются местным предметом, возможно возникшим не без влияния ближневосточных культур, которое особенно ощущалось Кавказом в эпоху энеолита, ранней бронзы.

В. И. Марковин писал, что алебастровые и глиняные статуэтки Ульского аула и ст. Урупской (глиняная) «соединяют в себе черты статуэток Древнего Востока и трипольской культуры»[25]. Эта мысль находит подтверждение и в наших, теперь более полных материалах. А. А. Иессен считал неправильным отнесение двух алебастровых ульских статуэток к импорту из Эгейского бассейна и полагал, что они местные, кавказские[26]. Теперь, когда их около 10, мы можем более уверенно говорить о их местном происхождении. Общие черты, объединяющие пластические изображения отдаленных друг от друга областей (Причерноморья, Северного Кавказа, Передней Азии и Средиземноморья), вероятно, свидетельствуют о каком-то большом древнем культурном мире, распадающемся на ряд крупных районов со своей спецификой производства, со своими культурными особенностями. О местном производстве алебастровых фигурок свидетельствуют и проработка орнамента, и способ его нанесения. Так, например, «елочный» врезной узор широко распространен на сосудах ранних памятников северокавказской культуры. Вдавленные ободки, полоски, насечки также встречаются на керамике и металле этой группы памятников. Известно, что погр. 1 кург. 5 Ульского аула с алебастровыми статуэтками вполне справедливо поставлено В. И. Марковиным в ряд памятников переходного типа от майкопской к северокавказской культуре и датировано им самым началом II тысячелетия до н. э.[27] Погребение 3 кург. 16 у Суворовской (со статуэткой) отнесено нами к ранней хронологической группе северокавказской культуры[28]. Лечинкайское погребение 2 (кург. 1) с двумя фигурками И. М. Чеченов и В. М. Батчаев пока предварительно относят к раннему этапу северокавказской культуры. Погребение 2 (кург. 1) из раскопок Гумилевского на Константиновском плато близ Пятигорска (со статуэткой), вероятно, того же времени, так как оно содержало обломок бляхи с пунсонным орнаментом, бронзовую молоточковидную булавку и два сосуда, один из которых по форме близок к сосуду из Лечинкая. Хотя В. И. Марковин относит все погребения этого кургана ко второму этапу северокавказской культуры[29], нам кажется более точным датировать его самым

---

[21] *Renfrew C.* The Development and Chronology of the Early Cycladic Figurines.— AJA, v. 73, 1967, № 1, p. 14, 28, pl. 7, a, b.

[22] *Zervos Ch.* L'Art des Cyclades du debut a la fin de l'age du bronze, 2500—1100 avant notre ère. Paris, 1957, p. 7, fig. 45.

[23] *Sedat Alp.* Guney-Bati anadolùda bulunan erken bronz çagina ait mermer idoller.— Turk Tarih Kurumu belleten, XXIX, № 113, 1965. Ankara. T. I, 1, 2.

[24] *Mellaart J.* The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. lia. Beirut, 1966, fig. 40, *18*, p. 134, 159.

[25] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, с. 139.

[26] *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, с. 12, 13.

[27] *Марковин В. И.* Ук. соч., с. 31.

[28] *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. Автореф. канд. дис. Киев, 1973, с. 11.

[29] *Марковин В. И.* Ук. соч., с. 54.

концом первого этапа, так как пунсонные бляхи, например, на втором этапе уже не встречаются.

В ульской, суворовской и лечинкайской грунтовых могилах погребенные лежат вытянуто на спине с ориентацией в северный сектор (С, СЗ, СВ). Вытянутые погребенные в ямах с подобной ориентировкой характерны для ранней группы памятников северокавказской культуры Верхнего Прикубанья [30]. Таким образом, погребения со статуэтками можно датировать рубежом III—II тысячелетий до н. э. (1800—1700 гг. до н. э.). К этому времени пока предварительно относим и алебастровые статуэтки, найденные вне комплексов. Наиболее ранними, видимо, можно считать ульские и суворовские фигурки.

Каково же функциональное назначение мелкой скульптуры? Этому вопросу посвящена обширная литература, вскрыт круг сложных идей земледельческо-скотоводческих племен, установлена связь статуэток с культом плодородия. Исследователи полагают, что находки статуэток в могилах связаны с идеями плодородия, единства жизни и смерти. Находки статуэток в погребениях одни объясняют желанием обеспечить умершего в потустороннем мире, другие связывают с заботой о живых, о продолжении потомства и его благополучии [31].

Как бы то ни было, несомненно, что алебастровые статуэтки являются вещами сюжетными, но трактуются прежде всего с позиций декоративного искусства. Это во всяком случае произведения искусства, которое продолжает развиваться и в более поздние эпохи.

A. L. Netchitaïlo

LES STATUETTES ANTHROPOMORPHES EN ALBATRE DES PLUS ANCIENS MONUMENTS DE LA CULTURE DU CAUCASE SEPTENTRIONAL

Résumé

Jusqu'à ces derniers temps la plastique anthropomorphe des monuments de la culture du Caucase septentrional n'avait presque pas été étudiée. Le présent article constitue le premier essai d'étude d'un groupe de statuettes anthropomorphes en albâtre provenant du N.-O. et du centre du Caucase (régions de Piatigorsk, du Kouban, de Kabardie-Balkarie). On connaît actuellement neuf de ces figurines, qui présentent des traits communs de modelage (fig. 1). Leur forme tire son origine des statuettes du groupe récent des monuments de la culture de Maïkop. Dans la région du Caucase septentrional on peut remarquer les mêmes tendances dans l'évolution de la plastique de petites dimensions que sur le littoral de la mer Noire, où, à partir des figurines d'argile du Tripolié récent, s'est formé un type spécifique de statuettes extrêmement stylisées. La preuve que ces figurines d'albâtre sont de production locale, c'est que l'ornement et la manière dont il est fait se retrouvent sur des vases et des objets en métal appartenant aux plus anciens monuments de la culture du Caucase septentrional. Ces ensembles funéraires possédant des statuettes sont datés de 1800 à 1700 av. n. è. C'est à cette époque que nous attribuerons, d'une façon encore provisoire, les statuettes d'albâtre trouvées en dehors des ensembles. Les figurines que nous étudions ont une grande ressemblance avec celles en argile d'Oussatovo, ainsi qu'avec la plastique en marbre des Cyclades, certaines figurines schématiques de l'île de Syros, et les idoles en marbre de Koussoura (fig. 2). Les traits communs qui relient entre elles les oeuvres de la plastique de régions éloignées — telles que celles de la mer Noire, du Caucase septentrional, de l'Asie mineure, de la Méditerranée — sont sans doute la preuve d'un ancien monde culturel, qui s'est subdivisé par la suite en plusieurs centres importants, possédant leur production spécifique et leurs particularités culturelles.

---

[30] *Нечитайло А. Л.* Ук. автореф. канд. дис., с. 9, 10.
[31] *Бибиков С. Н.* Ук. соч., с. 260, 261.

В. И. САРИАНИДИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ТОПОРЫ АФГАНИСТАНА

Первые документальные свидетельства о типах и характере древнейших топоров Афганистана дали раскопки поселения Мундигак, где было найдено три таких орудия [1]. Долгие годы эти находки оставались единственными, пока работами советских археологов как в Северной Бактрии (Сапалли-тепе), так и в Южной Бактрии (Дашлы-3, Дворец), не были получены новые данные, существенно пополнившие коллекцию древнейших металлических топоров Афганистана. Правда, и это следует отметить особо, большая часть новых находок происходит из хищнических раскопок могильников эпохи бронзы из дашлинского, фарукабадского и пичкинского оазисов области Балха. В настоящее время грабительские раскопки привели к разрушению многих тысяч могил середины — второй половины II тысячелетия до н. э., погребальные приношения из которых в конечном счете оказались в антикварных лавках Кабула. Часть находок удалось зарисовать и сфотографировать, что дает возможность включить их в предварительную типологию древнейших типов топоров, но при одном непременном условии: все они должны находить свои реплики среди таких же изделий, но происходящих из стратиграфических слоев соответствующих памятников Афганистана и сопредельных областей. Именно эти соответствия и дают право выделить несколько основных типов топоров, что, конечно, ни в коем случае не претендует на полноту, так как теоретически можно ожидать, что какие-то типы топоров уже проданы, разошлись по частным коллекциям и не могут быть учтены в настоящей сводке.

Топоры клиновидные (тип I). Представлены двумя подтипами. Подтип А — с резко расширяющимся лезвием и выделенной втулкой с круглым отверстием (рис. 1, *1*, из грабительских раскопок). Подтип Б представлен клиновидными же топорами, но проушными, происходящими из слоя III Мундигака [2], из Белуджистана (Шахи Тумп) и долины Инда (Чанху Даро).

Топоры проушные, вислообушные (тип II). В основном происходят из разграбленных могил (рис. 1, *3—4*, рис. 2, *4*), но один типичный образец, найденный в стратифицированных слоях в одном из погребений северобактрийского поселения Сапалли-тепе, определяется как боевой секирообразный топор, на втулке которого имеется поперечное сквозное отверстие, возможно, изображающее глаз [3]. В настоящее время можно выделить два основных подтипа. Подтип А включает топоры со слегка расширяющимся лезвием и резко опущенным вниз обушком закругленной формы (рис. 1, *3*; рис. 2, *4*). Подтип Б составляют топоры, обушок которых расширен на конце и слегка опущен вниз (рис. 1, *4*). Нередко с обеих сторон на втулке имеются по одному сквозному отверстию (имитирующе-

[1] *Casal I. M.* Fouilles de Mundigak, t. II. Paris, 1961, fig. 139, *9, 10*.
[2] *Casal I. M.* Op. cit., fig. 139, № 10, 10A.
[3] *Аскаров А.* Сапалли-тепа. Ташкент, 1973, с. 92, табл. 25.

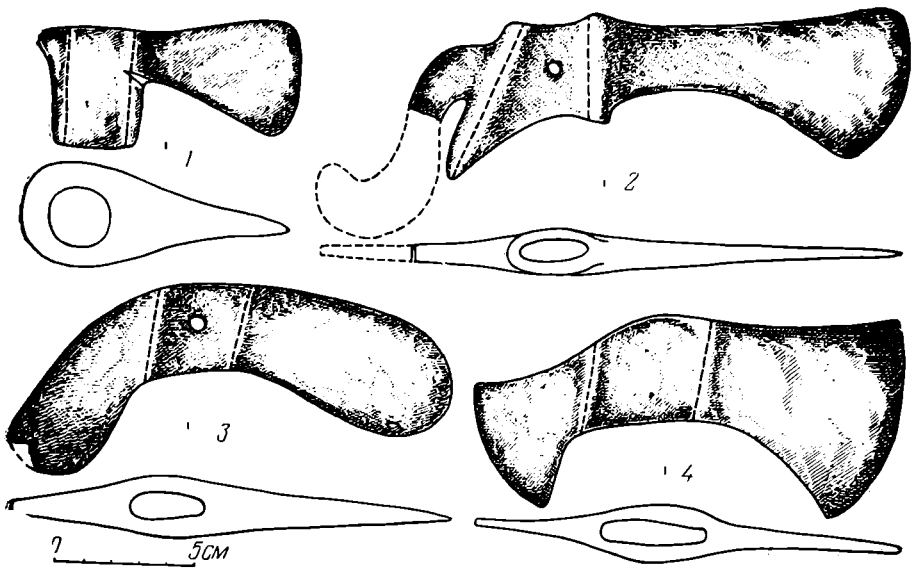


Рис. 1. Медно-бронзовые топоры, происходящие из грабительских раскопок могильников Северного Афганистана

му глаз?), видимо, для более прочного крепления рукояти; проух идет не строго перпендикулярно, а наискось по отношению к самому топору. Не исключено, что это обстоятельство связано с назначением их в качестве боевого оружия. Относительно близкие соответствия этому типу топоров имеются в Юго-Западном Иране (преимущественно в Сузах и Гияне), где вислообушные топоры имеют аналогичные сквозные поперечные отверстия на втулке, а проухи устроены не перпендикулярно, а наискось по отношению к лезвию [4].

Топоры-тесла с выступающей втулкой (тип III) известны из хищнических раскопок (рис. 2, *6*), однако обнаружение глиняной формы (во втором строительном горизонте дворца Дашлы-3) для отливки подобных топоров не оставляет сомнений в принадлежности непаспортизированных экземпляров к эпохе бронзы (рис. 3 и 4). Североафганские образцы находят наиболее показательные соответствия (включая форму для отливки топора) в материалах Северо-Восточного Ирана и в первую очередь Гиссара, где они появляются лишь в слое Гиссар III [5]. Высказано мнение, что топоры-тесла относятся еще к концу III тысячелетия до н. э.[6], однако известные стратифицированные экземпляры пока встречены в слоях не ранее середины — второй половины II тысячелетия до н. э.

Тесло-теша (тип IV) представлено миниатюрной моделькой, происходящей из хищнических (рис. 5) раскопок, однако точно такие же орудия, но обычных размеров встречены в слое Мундигак III, где они определяются как мотыги или кирки [7], хотя аналогичные орудия в Средней Азии широко используются в плотничном деле.

Миниатюрные модели топоров известны в могилах Гиссара [8], Шахтепе [9] и Сиалка [10]. В этой связи особого интереса заслуживает комплекс

---

[4] *Deshayes I.* Marteaux de Bronze Iraniens, t. 35. Syria, 1958, № 3—4, fig. 1—2; *Herzfeld E.* Iran in the Near East. London — New York, 1941, fig. 248; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966, с. 10.

[5] *Schmidt E.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, p. 205, fig. 120.

[6] *Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е.* Литейные формы из Лявлякана.— СА, 1970, № 2, с. 130.

[7] *Casal I. M.* Op. cit., pl. XXIX, B.

[8] *Schmidt E.* Op. cit., p. 205.

[9] *Arne T.* Excavations at Shah Tepe. Stockholm, 1945, p. 305, fig. 663.

[10] *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk, vol. II. Paris, 1938, p. 47, pl. XCIII.

изделий, происходящий, по словам нашего информатора, из разграбленной могилы и включающий помимо четырех терракотовых статуэток (одну антропоморфную и три зооморфные) миниатюрную модель топора-тесла и тесла-теши (рис. 5).

Стоящая мужская статуэтка с четко выраженными признаками пола изображена «в позе объятия» с расставленными и слегка загнутыми впе-

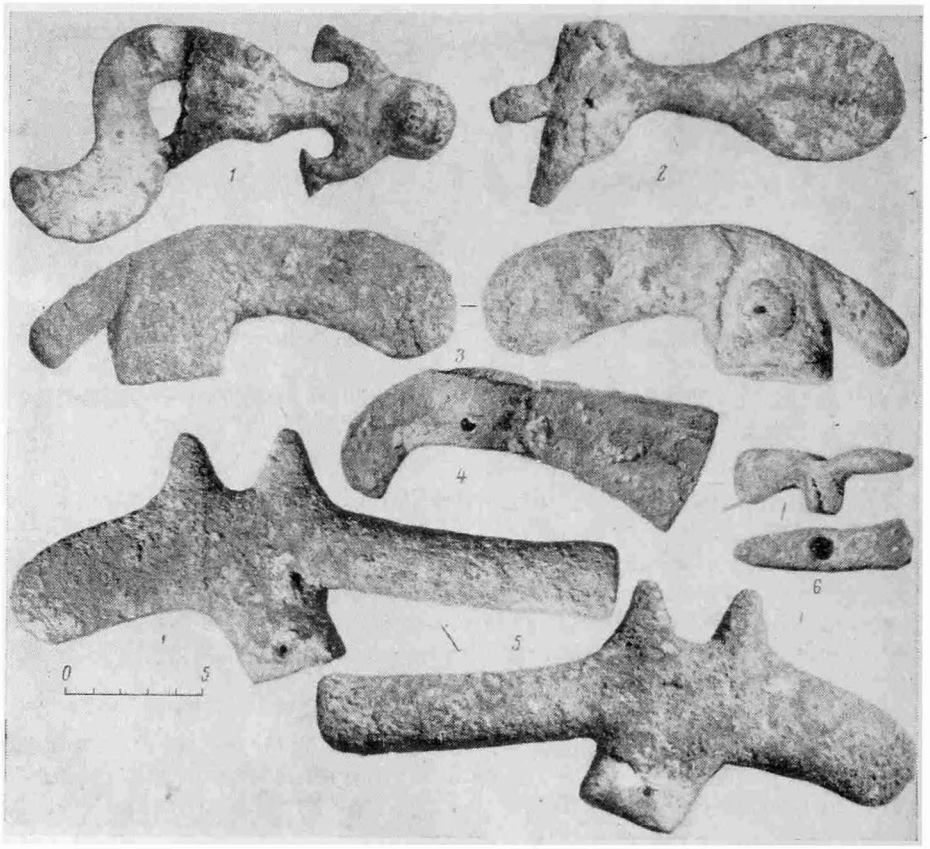


Рис. 2. Медно-бронзовые топоры, происходящие из грабительских раскопок могильников Северного Афганистана

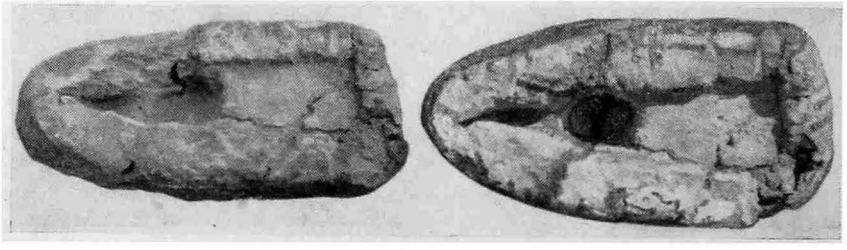


Рис. 3. Дашлы-3. Дворец. Второй строительный горизонт. Глиняная форма для отливки топора-тесла

ред руками. Голова украшена шестью шишечками-налепами; схематическое еле намеченное лицо с большим клювовидным носом и дырочками-глазами передает какой-то обобщенный иконографический образ. Талия перехвачена налепным поясом, за спину которого заткнут топор-тесло на длинной ручке. Три статуэтки животных также вылеплены весьма обобщенно, так что судить об их видовой принадлежности затруднительно.

Отметим лишь, что все они имеют короткие хвосты и прямые рога, а одна из них сохранила какую-то поклажу, перекинутую поперек спины.

Хотя нет полной уверенности, что все вещи рассматриваемого комплекса действительно происходят из одной могилы (вначале он мог включать и другие, не дошедшие до нас предметы), остается бесспорной взаимосвязь антропоморфной статуэтки с топором-теслом за поясом и миниатюрной металлической моделью топора-тесла. Думается, что в целом этот ритуальный комплекс, помещенный в могилу, отражает хорошо известные для древнего бактрийского общества сюжеты устного эпоса, древние мифы, персонажами которых, в частности, помимо животных являлись мужские образы, несущие явно устрашающие функции. Все сказанное не исключает возможности помещения ритуального комплекса в могилу древнего кузнеца или мастера-литейщика с целью обеспечения благоденствия его владельцу и в потустороннем мире.

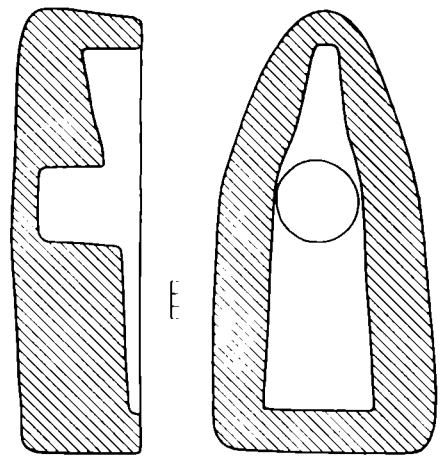


Рис. 4. Дашлы-3. Дворец. Второй строительный горизонт. Глиняная форма для отливки топора-тесла (прорисовка)

Топоры-молоты, втульчатые (тип V) в основном происходят из разграбленных могил, но близкий по типу экземпляр из Лявлякана указывает на распространение этих топоров из традиционно земледельческих центров юга на степную периферию [11], что косвенным образом подтверждает правомерность отнесения североафганских образцов к эпохе бронзы. В настоящее время известно три топора-молота, дающих вместе с тем три самостоятельных варианта или три подтипа (рис. 2, *2*, *3*, *5*). Один из них (подтип А) имеет длинное слегка расширяющееся лезвие и сравнительно короткий, круглый в сечении, сильно опущенный вниз, тупой на конце обушок (рис. 2, *3*).

Второй образец (подтип Б) имеет эллипсоидальное, опущенное книзу лезвие, нижняя часть которого слегка уплощена (рис. 2, *5*). Непомерно длинный, круглый в сечении обушок заканчивается плоским тупым концом. Выделенная, наискось поставленная втулка сохранила в нижней части сквозные отверстия для закрепления рукояти. В верхней части втулки имеются два пирамидальных выступа, скорее всего декоративного значения. Не исключено, что рассматриваемый экземпляр имел не столько бытовое, сколько парадное назначение. Сравнительные аналогии этому подтипу топоров находятся среди изделий так называемых луристанских бронз, но происходящих из Суз, куда они могли попасть в качестве импорта из соседнего Луристана [12]. Как и бактрийский экземпляр, иранские топоры круглые в сечении с плоским тупым концом, эллиптическим отверстием проуха, идущим наискось, со сквозными отверстиями на втулке для крепления ручки. В верхней части втулки сделаны две птичьи головки, посаженные на длинные шеи; не исключено, что в далекой Бактрии эти декоративные детали трансформировались в приведенные выше простые пирамидальные выступы. В таком случае различие между бактрийскими и сузиано-луристанскими топорами заключается лишь в том, что последние имеют обушки, отлитые в виде птичьих хвостов. В этом

---

[11] *Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е.* Ук. соч., с. 125—135.

[12] Точное происхождение их неизвестно, так как такие топоры определяются как найденные в Гияне. См. *Herzfeld E.* Op. cit., pl. XXVII; как луристанский импорт в Сузиане см. *Deshayes I.* Op. cit., p. 294—296, fig. 3—4.

плане необходимо отметить типично луристанские топоры-клевцы [13], возможно, послужившие прототипом для бактрийских, у которых, однако, молоткообразный обушок не заострен.

Третий подтип В североафганских топоров представлен образцом, лезвие которого имеет овально-вытянутую (в виде алебарды) форму с четко выраженным продольным ребром. Обушок представляет собой небольшой чрезвычайно короткий, круглый в сечении выступ с плоской округлой нашлепкой на конце и в целом, видимо, передает выродившуюся декоративную деталь луристанского прототипа. Выделенная втулка имеет в нижней части фигурный вырез, а в середине — сквозные отверстия для крепления ручки (рис. 2, *2*).

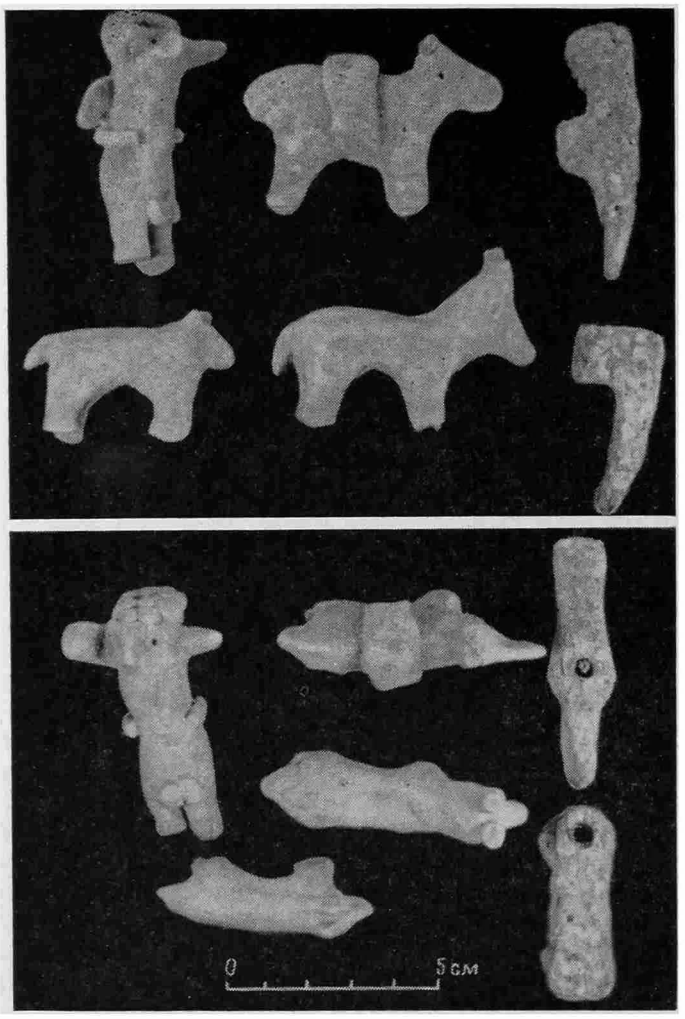


Рис. 5. Комплекс, включающий терракотовые статуэтки и металлические модели топоров

Наконец, последний из известных типов составляют топоры с гребнями (тип VI). В настоящее время имеется лишь два экземпляра бактрийских топоров, дающих соответственно два подтипа. Уникальным является топор подтипа А, обух которого отлит в форме плавно изогнутого гребня или «петушиного хвоста» (рис. 2, *1*). Само лезвие изготовлено в виде погрудной человеческой фигуры: маленькое округлое

[13] *Herzfeld E.* Op. cit., pl. XXVII.

(почти одутловатое) лицо с бусинками-глазами, прямым носом и еле намеченным ртом обрамлено непомерно пышным, сложной формы головным убором, который четким прямоугольником, как рамкой, охватывает все лицо с забранной прической. Сам головной убор проработан чеканной гравировкой в виде S-видных завитков и трилистников (рис. 6). Оборотная сторона сохранилась много хуже, она сильно коррозирована, однако не плоская, а рельефная, передающая либо тыльную сторону головного убора, либо, что наиболее вероятно, то же самое лицо, и в таком случае это могло быть двуликое изображение. Покатые плечи переходят в опущенные вниз руки, концы которых расширены в виде рукавов, так что сами кисти не изображены. На левом рукаве сохранилось три рельефных кружочка, если только это не следы коррозии. Узкая талия заканчивается плавно расширяющейся юбочкой, оформленной в виде удлиненных фестонов или перьев; втулка в нижней части имеет фигурный вырез.

Рис. 6. Погрудная человеческая фигура (увеличено)

Рассматриваемый топор пока не имеет прямых аналогий, но несколько характерных деталей позволяют наметить его историко-культурную принадлежность. Это, во-первых, изображение обуха в виде гребня или «петушиного хвоста», типологическая деталь, присущая только топорам так называемых луристанских бронз, что, безусловно, не является случайным совпадением. Отметим также опущенные вниз руки с расширяющимися «рукавами» — стилистическая деталь, находящая прямую реплику на одном амулете из Мургаба, где точно так же трактованы концы рук героя, борющегося с животными [14]. Эти соответствия дополняются рисунками трилистников на головном уборе — мотив, широко распространенный в памятниках прикладного искусства Месопотамии и долины Инда в эпоху бронзы, где он определяется как культовый, точнее астральный символ [15]. В настоящее время рисунки трилистников известны в самой Бактрии, где, например, при раскопках дворца в пункте Дашлы-3 были встречены белые алебастровые, видимо, мозаичные плиточки, с выгравированными на них рисунками трилистников.

Второй подтип Б составляет топор с длинным слегка расширяющимся лезвием (рис. 1, *2*), выделенной втулкой, нижний край которой имеет фигурный вырез, а в верхней части втулки, у отверстия,— две слабовыраженные выпуклости, отдаленно напоминающие пирамидальные выступы топора-молота V типа. Характерна форма самой втулки, резко расширяющейся книзу и с двумя поперечными сквозными отверстиями для закрепления деревянной рукояти. Частично сохранившийся обушок, по-видимому, имел форму плавно изгибающегося гребня, что и дает основание отнести этот топор к типу VI.

В пределах Афганистана стратифицированные топоры VI типа пока неизвестны; наиболее близкие аналогии обнаруживают топоры с гребнями, относящиеся к так называемым луристанским бронзам. Это два топора, ныне хранящиеся в Луврском музее, где они сопровождаются этикеткой: «Топоры эламитского типа (XX—XIII вв. до н. э.)»; один из них втульчатый с сильно изогнутым в виде полумесяца лезвием, как бы вырастающим из зева фантастического единорога. Втулка устроена

[14] *Сариниди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1974, № 4, рис. 1.

[15] *During Caspers E.* Some Motifs as Evidence for Maritime Contact between Sumer and the Indus Valley. Persica, N. V., 1970—71, p. 114—116, pl. XI.

наискось по отношению к самому топору, обушок имеет форму изогнутого гребня.

Второй топор, также втульчатый, имеет сильно изогнутое лезвие, оформленное в виде протомы лошади, обух изображен в виде гребня [16].

Как видно, сходство между бактрийскими и эламитскими, точнее луристанскими, топорами в первую очередь определяется наличием гребенчатого обуха, а также другими стилистическими деталями. Но сходство на этом не кончается, а прослеживается и в идентичной форме втулки, поставленной наискось по отношению к самому лезвию, а в одном случае расширяющейся книзу втулке со сквозными отверстиями для закрепления, оформленными в виде глаза [17]. В последнем случае налицо прямое стилистическое (если не техническое) сходство между бактрийским топором подтипа Б и луристанским экземпляром, что исключает элемент случайного совпадения, а напротив, протягивает вполне ощутимые линии связей между ними.

Хотя точная аналогия бактрийскому топору с погрудным человеческим изображением пока неизвестна, сам по себе прием украшения лезвия антропоморфными рисунками, нередко рельефными, может быть отмечен в луристанских бронзах и в первую очередь на примере топора из Керманшаха, лезвие которого сохранило изображение человека с рыбой, как считают, передающее образ божества-рыбы [18]. Отметим, что столь же показателен топор из Луристана, втулка которого увенчана скульптурной женской фигурой [19].

Все эти вполне очевидные соответствия дают веские основания предполагать связь между Луристаном и Бактрией в области металлообработки, однако конкретизация этого положения требует дальнейшего исследования. В настоящее время можно выдвинуть две главные гипотезы по этой проблеме. Одна из них заключается в том, что бактрийские топоры V и VI типов могут определяться как импортные из Юго-Западного Ирана, в том числе из Луристана, но лишь будущие специальные лабораторные анализы соответствующих образцов смогут дать окончательный ответ на подобное допущение.

Во втором случае бактрийские топоры упомянутых типов могли быть изготовлены на месте, но по прототипам так называемых луристанских бронз. В Северный Афганистан они могли попасть вместе с пришлыми племенами, которые в середине II тысячелетия до н. э. впервые проникают сюда, заложив тем самым основу древнеземледельческого способа хозяйства на плодородной бактрийской равнине. Попав на новые земли, иммигранты довольно устойчиво придерживаются своих традиционных обычаев во всех областях материальной культуры, в частности в металлообработке, присущих их былой родине. Со временем, оторванные и изолированные от своей метрополии, местные бактрийские мастера постепенно теряют некоторые старые специфические навыки, а с другой стороны, вводят новые стилистические элементы в изготавливаемую ими продукцию. Думается, что именно так следует оценивать некоторые вышеописанные бактрийские топоры, сохранившие в пережиточном виде определенные влияния изделий так называемых луристанских бронз. В таком случае рассматриваемые топоры могут быть датированы второй половиной II тысячелетия до н. э. с возможным переходом в начало I тысячелетия до н. э.

Так как большинство луристанских топоров происходит из могил, высказано мнение об их назначении в качестве оружия для мертвых, или

---

[16] Видимо, этот самый топор опубликован Шеффером (*Scheffer C. F.* Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, fig. 265) и Дуссо (*Dussaud P.* in «Survey of Persian Art», p. 265—266, pl. 49A).

[17] Отметим аналогичное изображение глаза на топоре из Сапалли-тепе.

[18] *Deshayes I.* Les Outils de Bronze de l'Indus au Danube, vol. I. Paris, 1960, p. 441.

[19] *Ghirshman R.* Perse. Paris, 1963, fig. 81.

иначе, как символических объектов, предназначенных для потустороннего мира [20]. Хотя известные бактрийские топоры также происходят из могил, думается, что в массе своей они имели бытовое назначение, преимущественно как боевое оружие и помещались в могилы в качестве обычных заупокойных приношений, необходимых их владельцу в загробном мире.

Вместе с тем по крайней мере один из известных топоров (с лезвием в виде погрудной человеческой фигуры) не мог использоваться в практических целях и имел, бесспорно, особое назначение либо как культовое, либо церемониальное. Для уточнения этого вопроса еще раз обратимся к рассмотрению самого изображения. Перед нами, видимо, мужская фигура (юбочки являлись типичным одеянием мужчин Месопотамии и Элама), но без каких-либо боевых аксессуаров, что, учитывая описанную выше терракотовую фигурку с топором, заткнутым за пояс, видимо, не является случайным. Флегматичное, без всякого выражения лицо с раскосыми глазами вряд ли являлось портретным изображением, что не исключает передачу общего этнического типа. Перед нами явно обобщенный образ спокойного, уверенного в себе человека; полное отсутствие какого-либо вооружения лишь подчеркивает его силу, подтверждаемую особым положением в обществе. В целом же общая поза его до определенной степени перекликается с изображением героя на мургабском амулете, что помимо стилистического сходства, возможно, подразумевает и близкое семантическое, связанное с так называемым героическим циклом. Считается, что этот период в истории древних обществ знаменует собой выделение военных вождей, поддерживаемых личной дружиной, вождей, стоящих над основной массой рядовых общинников, но власть которых еще ограничена до определенной степени народным собранием. При такой ситуации еще нет централизованной власти, а политической единицей становятся достаточно изолированные племена или группы племен во главе со своим военным вождем, его дружиной и народным собранием при них.

Все сказанное не исключает и второго дополнительного аспекта в раскрытии семантического образа рассматриваемого изображения. Имеется в виду непомерно преувеличенный головной убор с дополнительно проработанными деталями в виде завитков, кружков и трилистников. Последний мотив, если только он не случаен, несет ярко выраженную культовую, точнее астральную символику, что особенно показательно в связи с одним сосудом из Ура, где в единой комбинации сочетаются рисунки луны, солнца, звезд и трилистников [21]. Если учесть, что в общей композиции погрудной фигуры все внимание сконцентрировано на демонстрации сложной формы головного убора, то станет очевидным и общий культовый (возможно, астральный) аспект в символике всего изображения. Думается, что рассматриваемая фигура сочетает в себе двойственные функции, как светские так и культовые [22], что может соответствовать тому периоду в развитии древних обществ, когда военный вождь одновременно являлся и религиозным главой. Возвращаясь к бактрийскому топору с погрудной человеческой фигурой, можно сделать следующие выводы. Это было, безусловно, вотивное изделие, предназначенное для особых случаев, в качестве парадного, церемониального топора, олицетворявшего собой символ власти. Не исключено, что подобные топоры сочетали в себе одновременно культово-светские функции, но, как кажется, основное их назначение заключалось в утверждении символа

---

[20] *Chirshman R.* Perse, p. 62—63.

[21] *Woolley L.* Ur Excavations, t. IV. London, 1955, pl. 35.

[22] Ср. хорошо известный бюст из Мохенджо Даро мужской бородатой фигуры, одежда которой украшена трилистниками. По единодушному мнению специалистов, это изображение ««жреца» или «царя-жреца».

власти (в обоих светско-культовых аспектах) выделившегося вождя племени или племенного союза. Все сказанное не исключает возможности персонификации самой фигуры в качестве обожествленного предка, скульптурное изображение которого символизировало утверждение власти, все большей ее абсолютизации, наступление новых перемен, когда подобные церемониальные топоры постепенно трансформируются в скипетры как символы уже царской власти.

V. I. Sarianidi

LES PLUS ANCIENNES HACHES DE L'AFGHANISTAN

Résumé

Cet article présente le premier essai de classification des plus anciennes haches de l'Afghanistan, provenant tant des fouilles archéologiques menées scientifiquement, que de celles entreprises ces dernières années à des fins de pillage, dans les nombreux champs funéraires de la Bactriane, datant de l'Age du Bronze. On distingue plusieurs types de haches: cunéiformes (fig. 1, 1), à tête dite «pendante» (fig. 1, 3-4; fig. 2, 4), les haches-herminettes (fig. 2, 6), les herminettes (fig. 5), les haches-marteaux (fig. 2, 2, 3, 5), les haches à dentelures (fig. 1, 2; fig. 2, 1). Ces deux derniers types, à cause de leur tête dite «en queue de coq», se rapprochent surtout de celles qu'on appelle «les bronzes du Louristan», et ont été visiblement fabriqués sous leur influence. On distingue tout particulièrement un lot d'offrandes funéraires, comprenant, outre des modèles de haches miniatures, trois statuettes zoomorphes et une statuette anthropomorphe portant une herminette passée dans la ceinture (fig. 5). Dans l'ensemble, les haches de l'Afghanistan, et en premier lieu celles de Bactriane, forment une collection tout à fait à part et originale. Cela est particulièrement remarquable grâce à une hache exceptionnelle dont le tranchant est en forme de buste humain (fig. 6); elle avait sans aucun doute une destination cultuelle, et témoigne des réels progrès sociaux accomplis dans l'antique société de la Bactriane au milieu du IIe millénaire av. n. è.

Т. Б. ПАЛИМПСЕСТОВА

УКРЕПЛЕНИЕ И ПОСЕЛЕНИЕ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» У ГОРОДА ЕССЕНТУКИ

Район Кавказских Минеральных Вод привлекал и привлекает внимание археологов благодаря большому количеству и разнообразию находящихся здесь интересных исторических памятников. Но до настоящего времени он был изучен очень неравномерно. Так, например, Кисловодская котловина и примыкающая к ней территория исследованы довольно полно, а г. Ессентуки и его окрестности являются белым пятном. Кроме того, надо сказать, что изучение этого района проводилось только на основании раскопок различного рода погребальных сооружений: захоронений в каменных ящиках доскифского времени на Крестовой и Барановской горках [1], в березовских могильниках на р. Березовке, на кисловодской мебельной фабрике [2], около горы Султан, Клин-яра [3], а также различных памятников более позднего времени. Однако остатки древних поселений, а также укреплений остаются еще неисследованными. Единственная публикация посвящена укреплениям раннего средневековья [4].

Нет сомнения, что более полное и систематическое изучение поселений и укреплений могло бы дать необходимые сведения о социально-экономической стороне жизни древних обитателей. В связи с этим немаловажное значение приобретает обнаруженное нами укрепление и поселение у совхоза «Ясная Поляна» [5].

Весной 1975 г. ученик ессентукской школы Д. Полковский обнаружил на склоне возвышенности в 8 *км* от города обломки керамической посуды. Это отрог Дарьинского хребта, который представляет собой водораздел двух речек — Подкумка и Малого Ессентучка и расположен в двух с небольшим километрах к северо-западу от ж/д станции Белый Уголь. Мыс, где были сделаны находки, имеет 23—28 *м*, в ширину, 95 *м* в длину, площадь около 0,205 *га*. Склоны его крутые — 45—50°. В настоящее время эти склоны изрезаны террасами для посадки деревьев, в результате чего погибла значительная часть фортификации. Однако на отдельных участках склона еще прослеживаются остатки искусственной подрубки, что делало подступы к укреплению еще более трудными. С востока, где мыс примыкает к возвышенности, во всю его ширину прослеживают-

---

[1] *Бобин В. В.* Могильник и поселение VII—VI вв. до н. э. на Барановской и Крестовой горках в г. Кисловодске.— КМИ, 1958, с. 147—161, рис. 2, *5*.

[2] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 76—110.

[3] *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АЭС, т. III, 1959, с. 104—113, рис. 13—15; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, т. IV, 1976, с. 29—63.

[4] *Рунич А. П.* Укрепление раннего средневековья в Кисловодской котловине.— Археолого-этнографический сборник, вып. 1, 1974. Нальчик, с. 95—109.

[5] *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях за 1975 г. в районе Кавказских Минеральных Вод.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5624. За право опубликования указанного материала приносим благодарность А. П. Руничу.

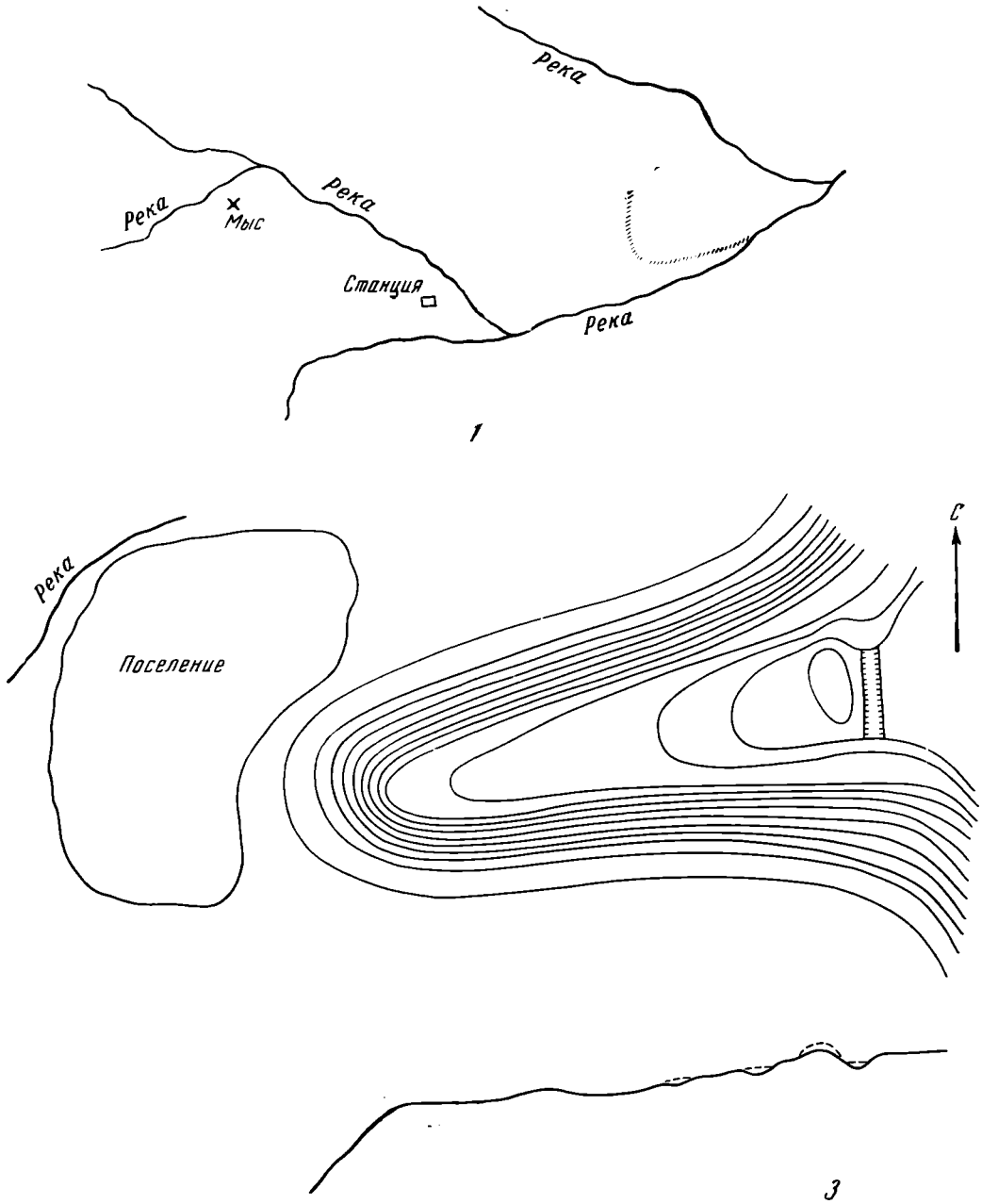


Рис. 1. *1* — схема местонахождения поселения и укрепления «Ясная Поляна»; *2* — план укрепления и поселения; *3* — продольный профиль укрепления

ся остатки рва и вала (рис. 1, *2, 3*). Сохранившаяся глубина рва — 1,5, ширина — 2 *м*, высота — 2,25 *м*. Растительный покров мыса состоит из различных луговых трав, а возвышенности — из мелколесья. Как возвышенность, так и мыс сложены из мергеля, прикрытого слоем выветривания этой же горной породы и растительным слоем толщиной 20—30 *см*. Культурный слой находится в растительном слое и под ним. Местами, особенно по краям укрепления и на склонах мыса, найдено очень большое количество керамики. Здесь были фрагменты посуды и зернотерки, бронзовая бусина, разбитые кости животных, древесный уголь. От зернотерки сохранился верхний камень круглой или овальной формы с хорошо выраженной рабочей поверхностью размером 10×5 *см*.

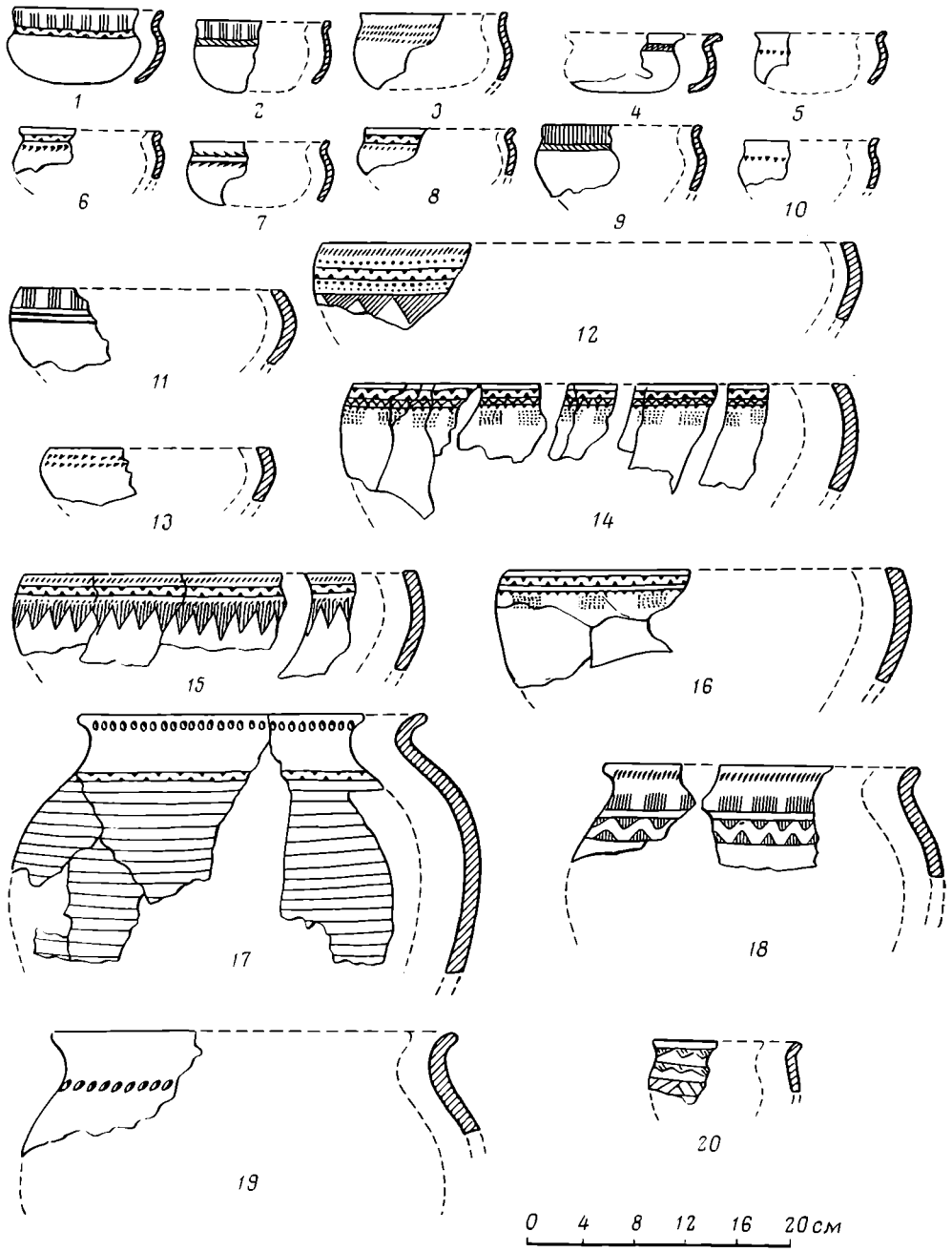


Рис. 2. Керамика с поселения и укрепления у совхоза «Ясная Поляна»

С запада, у самого подножья указанного мыса, ближе к речке Малый Ессентучок, обнаружены следы древнего поселения площадью в 0,5 *га*. Обломки керамической посуды здесь такого же типа, как и на укреплении, также выявлены зола и древесный уголь. В настоящее время это место частично распахано под огороды, а на остальной его территории произведена посадка молодого леса. Поэтому никаких следов от существовавших здесь строений не сохранилось. Но судя по рельефу местности, поселение не было укрепленным. Каменной кладки на поселении и на мысе нами не обнаружено.

Все сосуды изготовлены без применения гончарного круга, а большая их часть сделана из грубого теста, часто с примесью дресвы и песка. Главным образом это относится к крупным сосудам. Большинство же мелких сосудов изготовлено из однородного теста без указанных доба-

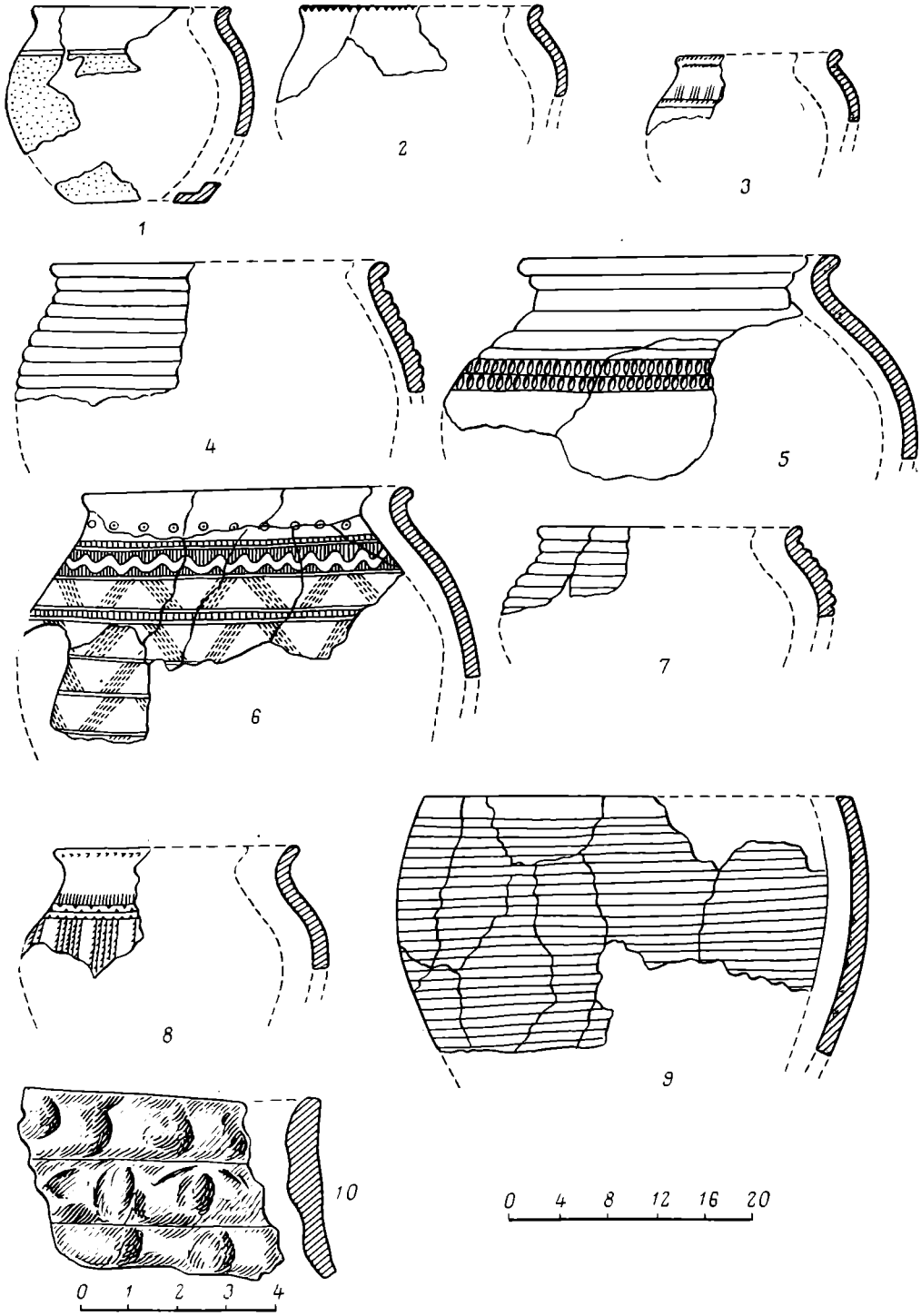


Рис. 3. Керамика с поселения и укрепления у совхоза «Ясная Поляна»

вок. Толщина стенок посуды разная, от совсем тонкой в 0,2 *см* до 3 *см*. Все сосуды различные по величине и форме. Найденная на поселении и мысе керамика делится на пять основных типов: 1) чашки, различные по величине, с некоторыми вариантами формы, а также с разнообразным геометрическим орнаментом (рис. 2, *1—16*); 2) горшки, разные по величине, также украшенные орнаментами (рис. 2, *17—19*; рис. 3, *1—8*); 3) сосуды тюльпановидные (рис. 2, *20*); 4) очень крупные керамиче-

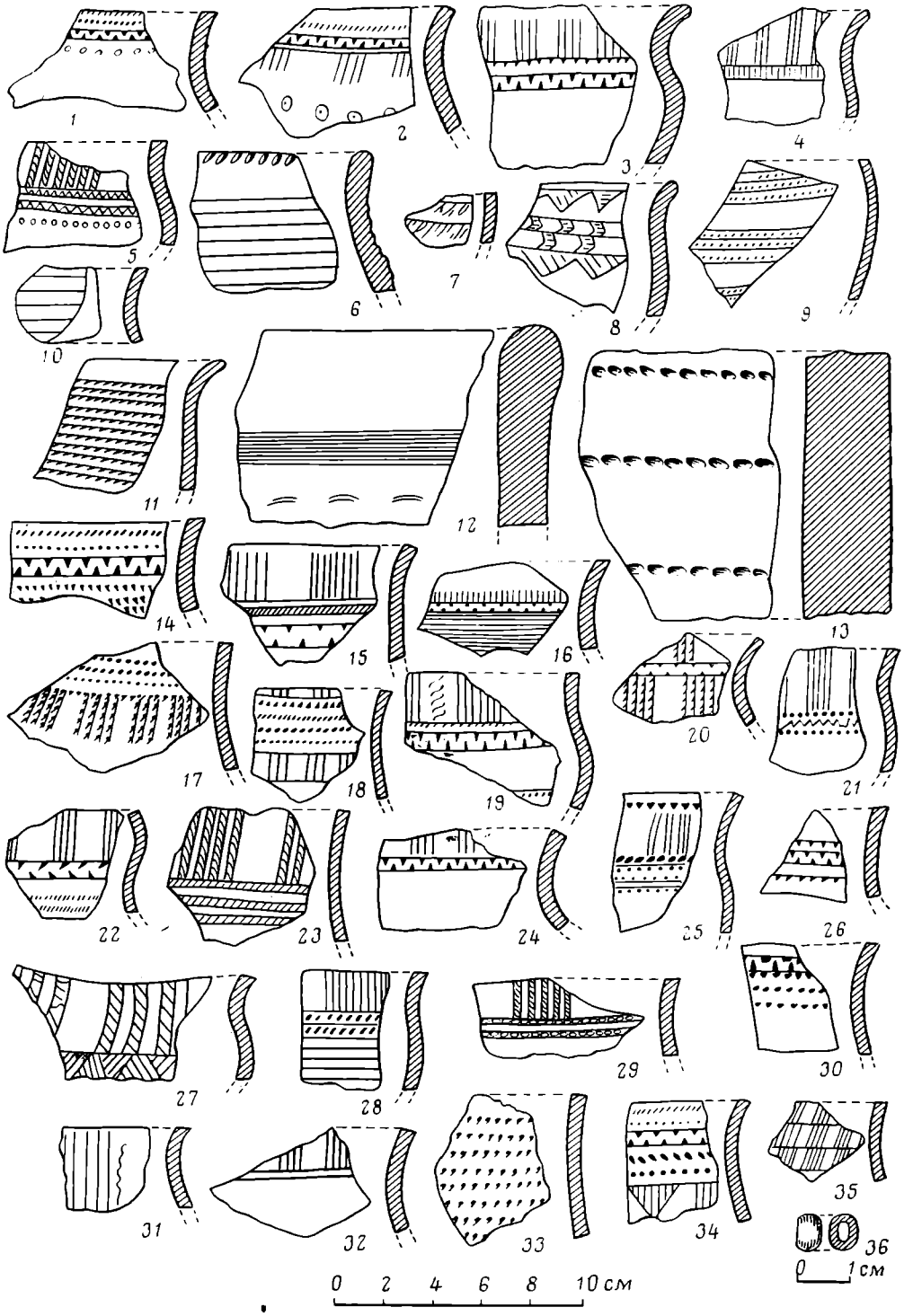


Рис. 4. Керамика и бронзовая бусина (*36*) с поселения и укрепления у совхоза «Ясная Поляна»

ские сосуды с толщиной стенок 2,5—3 *см* и несложным орнаментом (рис. 4, *12, 13*); 5) сосуды бочковидной формы (рис. 3, *9*).

Чашки были различной величины, их можно подразделить на две группы: маленькие чашки — от 8 до 12 *см* диаметром и большие — от 16 до 40 *см*.

У маленьких чашек венчики отогнуты наружу. Только у одной диаметр венчика больше диаметра тулова (рис. 2, *4*). Венчики у чашек

разные. У некоторых они сильно отогнуты наружу и плечики резко профилированы (рис. 2, *4, 5*); у других венчики едва отогнуты (рис. 2, *1, 3, 10*). Встречаются чашки, у которых венчики вертикальные, как бы продолжают линию шейки (рис. 2, *8, 9*). Донышки у маленьких чашек чаще всего округлой линией переходят в тулово (рис. 2, *1—5, 7, 9*). Только у одной чашки в центре донышка сделана вмятина с образованием выпуклости на внутренней стороне. И только на одной чашке на дне стоит клеймо в виде небрежно начерченного креста. Имеется также несколько чашек с лощеной наружной и внутренней поверхностью, изготовленных из тщательно отмученного теста (рис. 2, *4, 5*). Толщина стенок маленьких чашек (рис. 2, *1—10*) от 0,2 до 0,3 *см*. Они разных цветов: черные (рис. 2, *2, 4, 5*), серые (рис. 2, *1*) и желтые (рис. 2, *3, 8—10*) — и с разнообразными орнаментами, прорезными или нанесенными при помощи штампов, расположенными чуть отступя от края венчика, по шейке или у плечиков сосуда.

Орнаменты состоят из групп вертикальных тройных линий, начинающихся от венчика. Ниже расположены две горизонтальные линии с меандром между ними (рис. 2, *1*). Иногда вместо меандра сделана наклонная штриховка (рис. 2, *2*, 9) или ломаная линия (рис. 2, *4*). Ряд чашек орнаментирован маленькими треугольниками, нанесенными штампом. Они как бы опоясывают шейку чашки (рис. 2, *5, 10*). На некоторых вокруг шейки идут две горизонтальные линии, между которыми помещен меандр, а чуть ниже ряд точек или «запятых» (рис. 2, *6, 8*). Надо отметить, что меандр встречается на многих сосудах и повсюду он совершенно разный.

Большие чашки имеют одинаковую характерную форму, но их нижняя часть не сохранилась. В отличие от маленьких чашек венчики больших загнуты внутрь и как бы продолжают сужающуюся внутрь линию тулова (рис. 2, *11—16*). Цвет их серый (рис. 2, *12—15*) или желтоватый (рис. 2, *11—16*).

Две чашки орнаментированы скромно. Орнамент состоит из вертикальных групп линий по четыре и три горизонтальных (рис. 2, *11*), а также двух горизонтальных в виде ряда треугольников, нанесенных штампом (рис. 2, *13*). Остальные чашки очень богато украшены. Орнамент на них состоит из горизонтальных параллельных рядов линий, нанесенных различными штампами, и меандра. Внизу весь орнамент заканчивается заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз (рис. 2, *12, 15*). На двух чашках вместо треугольников в самом низу орнамент оканчивается прямоугольниками из мелких точек (рис. 2, *14, 16*).

Форма найденных горшков почти одна. Зато по величине, орнаменту и цвету они различны. Диаметр их колеблется от 15 до 40 *см*. В преобладающем большинстве орнамент состоит из довольно глубоких горизонтальных линий (рис. 2, *17*; 3, *4, 5, 7*). Иногда под венчиком нанесены семячковидные углубления, а под ними идет меандр (рис. 2, *17*). Некоторые сосуды орнаментированы только семячковидными углублениями по шейке (рис. 2, *19*), под венчиком (рис. 3, *2*) или в верхней части тулова (рис. 3, *5*). Наряду с таким простым орнаментом имеются и более сложные, включающие комбинации с вертикальными линиями, мелкими уголками, нанесенными штампом, и меандрами (рис. 2, *20*; 3, *3, 8*). Один из горшков украшен только двумя горизонтальными линиями, а ниже весь покрыт беспорядочно нанесенными мелкими точками (рис. 3, *1*).

Найденные горшки серого (рис. 2, *19*; рис. 3, *2*), а также желтого (рис. 3, *1, 5, 7, 8*), красноватого (рис. 2, *17, 18*) и белого (рис. 3, *3, 5*) цветов. Некоторые белые горшки внутри имеют серый цвет.

Обращает на себя внимание горшок желтоватого цвета (рис. 2, *18*), на котором под венчиком идет косая штриховка, а немного ниже шейки

нанесены три горизонтальные линии. Под первой находится ряд небольших вдавленных треугольников, повернутых вершинами вниз. Выше первой горизонтальной линии группами по 6—8 размещены вертикальные. Между горизонтальными линиями помещен меандр, который состоит из широкой зигзагообразной линии с закругленными углами. Промежутки между его изгибами, представляющими треугольники, заполнены вертикальной штриховкой.

Интересен еще один горшок, белого цвета (рис. 3, *3*). По его венчику нанесена косая штриховка, а немного ниже ее, по шейке, идет зигзагообразная линия. Ниже ее две горизонтальные линии. Интервал между ними заполнен косой штриховкой, а над верхней находится ряд вертикальных линий, объединенных в группы по три.

Изящным орнаментом украшен один горшок (рис. 3, *8*). В нем имеются новые, еще не встречавшиеся элементы в виде уголков. Ряд из таких уголков расположен горизонтально, немного отступя от края венчика. По шейке сосуда идут три горизонтальные линии. Над первой поднимаются вертикально короткие линии, нанесенные вокруг шейки. Под горизонтальными линиями вертикально вниз спускаются линии группами по пять. Каждая из них украшена маленькими стрелками с левой стороны. По-видимому, весь сосуд был покрыт ими до самого низа.

Самый богатый орнамент украшает один крупный горшок (рис. 3, *6*). Его диаметр по тулову — 35 *см*. Изготовлен он из теста белого цвета. Толщина его стенок — 0,6 *см*. Вокруг шейки размещен ряд кружков с точкой в центре каждого. Ниже на разном расстоянии друг от друга идут пять горизонтальных линий. Между двумя первыми промежуток в 0,3 *см*, заполненный вертикальной штриховкой. Второй — такой же ширины, но штриховки там нет. Следующий промежуток имеет ширину 1,3 *см* и заполнен очень нарядным меандром с заштрихованными вертикально промежутками между зигзагообразной плавной линией. Затем следует опять узкий интервал без орнамента, а следом за ним, ниже, еще один — широкий. В нем размещены треугольники, две стороны которых состоят из пяти параллельных пунктирных линий. Вершины этих треугольников, повернутые вверх, упираются в верхнюю горизонтальную линию, а нижняя служит им основанием. Следующий промежуток опять узкий и пустой. Такой рисунок идет по всему тулову горшка до его основания.

Сосуд, близкий по орнаменту и форме к только что описанному, был найден в Султан-горском могильнике около Кисловодска в погр. 3 [6].

Фрагмент небольшого тюльпановидного сосуда серого цвета (рис. 2, *20*) орнаментирован несколькими горизонтальными рядами заштрихованных треугольников. По величине его можно отнести к маленьким чашкам, т. е. к столовой посуде.

Обломки крупных сосудов дают основание считать, что их употребляли для хранения зерна или воды (рис. 4, *12*, *13*). Они изготовлены из хорошо отмученного теста красноватого цвета, без каких-либо добавок. Форму этих сосудов определить не представляется возможным. Один такой обломок — от венчика (рис. 4, *12*). Толщина его стенки — 2,5 *см*. Ниже венчика он украшен орнаментом, состоящим из девяти горизонтальных тонких линий, расположенных очень близко друг к другу. Ниже их после довольно большого промежутка идет ряд сдвоенных изогнутых линий в виде дуг.

Второй фрагмент имеет толщину стенок 3 *см* (рис. 4, *13*). Видимо, он от средней части очень крупного сосуда. Его орнамент состоит из

---

[6] *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АЭС, т. III, 1969, с. 104—197, рис. 13—17 (рисунок выполнен нечетко, и только по отчету А. П. Рунича нам удалось уточнить близкое сходство орнамента с рисунком описанного нами сосуда). См. *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1966 г. (рис. 2, *2*).— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3251.

трех горизонтальных рядов семячковидных углублений, размещенных параллельно друг к другу. Расстояние между рядами — 3,5—4 *см*. В каждом ряду углубления расположены наклонно.

Пятая группа фрагментов от сосудов бочковидной формы (рис. 3, *9*). Найдено большое количество обломков керамики этого типа. Они серого, желтого и белого цветов. Тесто, из которого изготовлены эти сосуды, однородное, без каких-либо примесей. Орнамент состоит из прорезных горизонтальных линий, причем на некоторых они были глубокими, на других сосудах — менее глубокими; на одних сосудах эти линии выполнены очень тщательно и отстоят друг от друга на расстоянии 0,3 *см*, на других — они сделаны небрежно и расстояние между линиями разное (0,3—0,6 *см*).

Фрагмент одного из таких сосудов (рис. 3, *9*) изготовлен из теста белого цвета. Диаметр по тулову — 35,2 *см*. Сохранившаяся высота — 20,8 *см*, толщина стенок — 0,5 *см*.

Кроме фрагментов, дающих возможность определить форму целого сосуда, нами было найдено большое количество мелких обломков с различными орнаментами. И хотя по ним невозможно реконструировать весь сосуд, однако они дают представление о разнообразии орнаментов (рис. 4). Ни один орнамент в точности дважды не повторяется.

Особую небольшую группу керамики составляют сосуды, орнаментация которых не находит аналогий в материалах других памятников в районе Кавказских Минеральных Вод (рис. 4, *7, 8, 10, 35*).

Наряду с орнаментированными обломками посуды на месте укрепления и поселения найдено очень много мелких фрагментов сосудов без орнаментов. Установить их форму невозможно.

Отдельную группу составляют обломки посуды, изготовленной ленточным способом.

С внутренней стороны стенки сосуда тщательно заглажены, а снаружи по всей длине полоски сделаны защипы (рис. 3, *10*). Таким образом, внешняя сторона была вся в ямках и бугорках. Судя по найденным фрагментам такой посуды, она составляла около 10% от общего количества.

На некоторых фрагментах прорезной орнамент затерт пастой или глиной белого цвета, тогда как весь сосуд сделан из глины черного цвета (рис. 4, *30*). В этом случае, видимо специально, орнамент был прорезан более глубоко.

Характерно, что при таком большом количестве керамики нам ни разу не встретились обломки от ручек или носиков-сливов.

Заслуживает серьезного внимания то, что ряд сосудов сделан из белой глины типа каолина, что впервые обнаружено в районе Кавминвод. Четыре выхода такой белой глины найдено нами в отвесных берегах верховья речки Малый Ессентучок, примерно в 3—4 *км* от поселения.

По аналогии с посудой из погребений в каменных ящиках на кисловодской мебельной фабрике, в Березовском [7] и Султан-горском могильниках [8] обнаруженное нами укрепление и поселение следует датировать VIII—VII вв. до н. э.

Нужно отметить, что местонахождение обнаруженного комплекса (поселение и укрепление) входит в ареал распространения кобанской культуры, что было установлено Е. И. Крупновым [9].

---

[7] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 186—210, рис. 27, *3, 4*; рис. 29, *1, 3, 4*.

[8] *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АЭС, т. III, 1969, с. 104—197.

[9] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 19, рис. 1; *Kroupnov E.* A propos de la chronologie de l'age de fer au Caucase Nord.— In: VI congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archeologues de l'URSS. Moscou, 1962.

Указанное укрепление и поселение и найденная там керамика представляют особый интерес в связи с тем, что тут мы имеем дело с бытовой посудой, использовавшейся обитателями в повседневной жизни, в то время как до сих пор изучение отдаленного прошлого района Кавминвод проводилось только на основании материалов из захоронений, что не могло дать достаточного представления о бытовой керамике эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Заслуживает внимания и сам комплекс, состоящий из неукрепленного поселения и расположенного над ним укрепления, что впервые зафиксировано для этого времени.

T. B. Palimpsestova

LES OUVRAGES DEFENSIFS ET L'AGGLOMERATION «IASNAIA POLIANA» PRES DE LA VILLE D'ESSENTOUKI

Résumé

L'ensemble composé d'une agglomération et d'ouvrages défensifs, et qui est connu sous le nom de «Iasnaïa Poliana», a été découvert non loin de la ville d'Essentouki, à 2-2, 5km au nord-ouest de la station Biely Ougol.

Cet ensemble comprend de petites fortifications pratiquées sur le promontoire d'une hauteur. Des ouvrages de défense ne se sont conservés que les restes d'un remblai et d'un fossé, qui protégeaient la forteresse du côté du plateau. Outre cela, on a découvert des traces prouvant que des autres côtés les pentes du promontoire avaient été tronquées. C'était pour rendre plus difficile les abords des fortifications.

Sur le territoire de cet ensemble il n'a pas été trouvé de traces de constructions en pierre.

L'agglomération était située au pied du promontoire et n'était pas fortifiée.

On y a recueilli des tessons de divers récipients, lesquels ont permis de dater cet ensemble du VIIIe-VIIe s. av. n. è.

Une particularité intéressante de cette céramique d'usage courant, c'est qu'il s'y trouve plusieurs vases faits d'argile blanche, ce qu'on remarque pour la première fois dans cette région du Caucase septentrional.

И. Б. БРАШИНСКИЙ, К. К. МАРЧЕНКО

СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ДОНУ

Материальная культура Елизаветовского городища в дельте Дона — крупнейшего центра на крайнем юго-востоке геродотовой Скифии, лежавшего на стыке скифского, савроматского и меотского этнических массивов, привлекает внимание исследователей раннежелезного века юга Европейской части СССР уже около 125 лет. Однако в ее изучении и до сих пор остаются многочисленные нерешенные проблемы. К их числу, несомненно, относится и вопрос о характере строительных комплексов поселения. На этот счет в современной научной (и научно-популярной) литературе существуют лишь крайне отрывочные или слишком общие данные, к тому же противоречивые и недостаточно обоснованные [1]. И это неудивительно, ибо лишь в самое последнее время археологические раскопки поселения дали возможность получить вполне достоверную и определенную информацию об облике целого ряда жилых и хозяйственных построек на нем. Публикация этого материала, как кажется, имеет важное значение, выходящее за рамки одного лишь Елизаветовского городища; он, несомненно, представляет большой интерес для изучения материальной культуры Скифии в целом, и в особенности ее локальных вариантов.

С 1966 по 1975 г. Южно-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР и Ростовского областного краеведческого музея (с 1971 г. при участии Азовского краеведческого музея) на территории Елизаветовского городища была вскрыта довольно значительная площадь — около 2750 $м^2$, из которых около 1275 $м^2$ приходится на центральную часть памятника, так называемый акрополь; остальная площадь — на периферийные районы.

В процессе разборки культурного слоя городища в нем постоянно встречаются следы строительной деятельности его обитателей в виде небольших участков глинобитных полов, канавок и ямок от опорных конструкций построек, камней со следами подтески, немногочисленных обломков кровельной черепицы, кусков глиняной обмазки стен. Особенно насыщен ими «акрополь». К сожалению, в подавляющем большинстве случаев эти остатки из-за сильной перемешанности культурного слоя столь фрагментарны, что не дают возможности составить достаточно кон-

[1] Так, например, Т. Н. Книпович говорила об остатках строительства городского типа — каменных кладках, черепице и т. д. (см. *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской.— ИГАИМК, 1935, № 104, с. 189 сл.); В. Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич В. Ф.* Боспор и Танаис в доримский период.— В сб.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.— Л., 1963, с. 294) полагал, что господствующим типом домов на поселении были наземные турлучные постройки, а помимо них, очевидно, существовали и каменные дома городского типа. Д. Б. Шелов (*Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 49) пишет, что «основной тип строений составляют глинобитные или турлучные постройки», а Б. Н. Граков (*Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 110) добавляет к этому, что план этих турлучных домов не выяснен и полагает, что город был заселен сплошь.

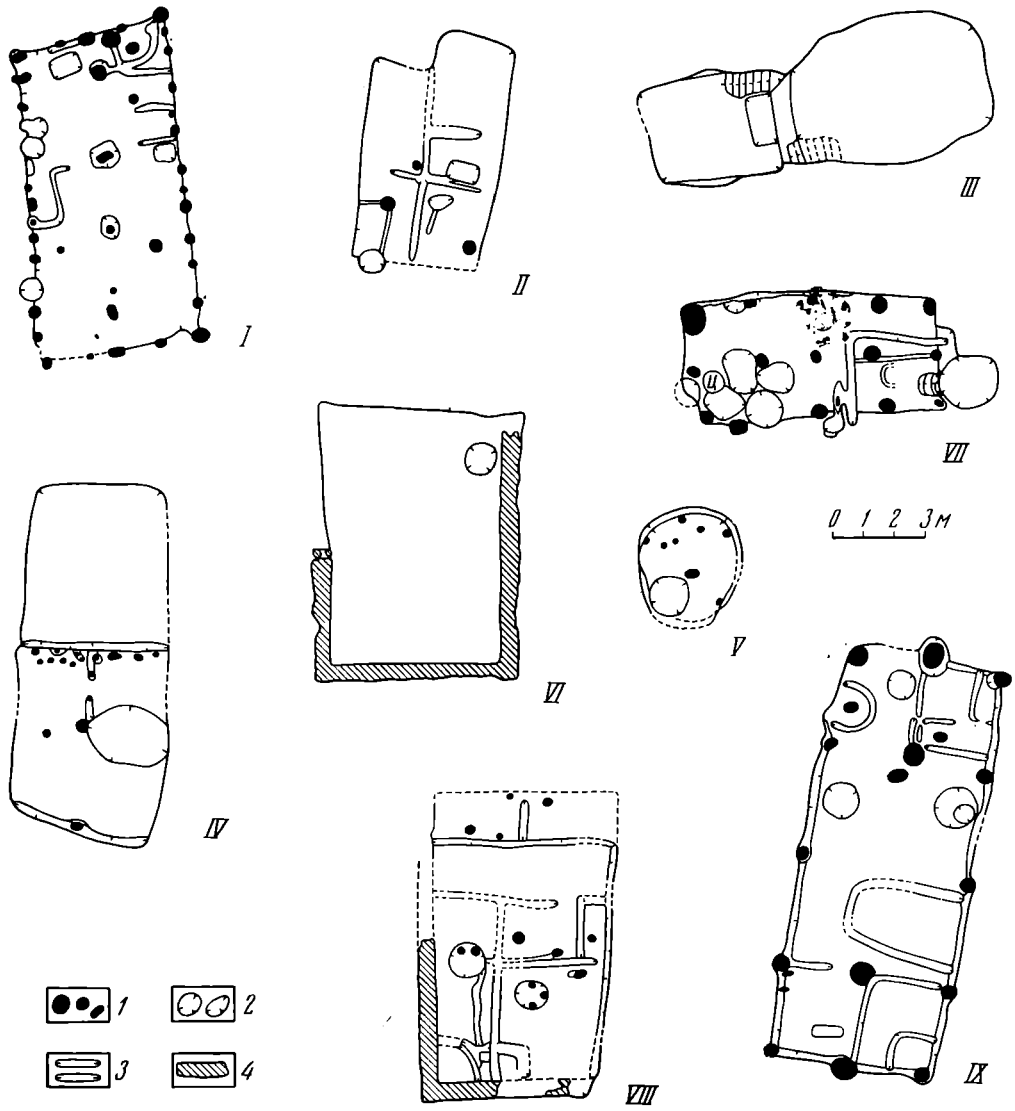


Рис. 1. Строительные комплексы Елизаветовского городища (I—IX). *1* — ямки от столбов, *2* — ямы, *3* — канавки от турлучных стен и перегородок, *4* — каменные кладки

кретное представление об облике тех строений, к которым они относились. Тем не менее за последние 10 лет удалось достаточно полно раскрыть остатки девяти строительных комплексов (рис. 1). Важно отметить, что все они находятся в пределах «акрополя». Единственные вполне достоверные следы in situ какой-то, скорее всего наземной, постройки — в виде остатков глинобитного пола и канавок от турлучных стен — прослежены на весьма ограниченной площади на западной окраине городища под внешним оборонительным валом [2], но они не позволяют сколько-нибудь определенно восстановить ее конфигурацию, размеры и характер. Вместе с тем самый факт существования строения на столь большом отдалении от центральной части поселения (до сооружения его оборонительных поясов) представляется весьма интересным. Во всяком случае, на нынешнем уровне наших знаний наиболее вероятно предположение, что подавляющее большинство строительных комплексов поселения было сосредоточено именно на территории «акрополя»; периферийная же, бо́ль-

[2] *Марченко К. К.* Оборонительные сооружения Елисаветовского городища на Дону.— СА, 1974, № 2, с. 256.

шая часть территории городища использовалась в иных целях — скорее всего хозяйственных или, возможно, оборонных.

Анализ имеющейся в нашем распоряжении, несомненно случайной, выборки дает основания говорить о существовании на «акрополе» поселения в IV — первой половине III в. до н. э., строительных комплексов, которые имеют значительные различия в конструктивно-планировочных схемах. Выясняется, что любой из девяти открытых строительных комплексов обладает целым рядом специфических черт, делающих возможным его четкое выделение среди остальных. Вместе с тем у всех комплексов налицо и ряд общих признаков, позволяющих объединять их в одну, по-видимому, родственную группу. Наиболее существенным из этих общих признаков, по нашему мнению, является сильная заглубленность строений в почву (от 1,5 до 2,1 *м*). С этой точки зрения все они могут быть охарактеризованы как землянки или строения земляночного типа. Добавим также, что при рытье котлованов для строений строители стремились дойти до плотного материкового суглинка или до уровня погребенной почвы на материке.

Вторым общим признаком является одинаковая ориентация хронологически близких строений. Особенно отчетливо этот признак прослеживается в постройках второй половины IV — первой половины III в. до н. э. (шесть комплексов — № 1, 2, 4, 6, 8, 9, см. рис. 1). В это время все постройки ориентированы длинными осями в долготном направлении с незначительными отклонениями к западу или востоку (рис. 1). К более раннему времени — первой половине — середине IV в. до н. э.— бесспорно относится лишь один комплекс (№ 7), ориентированный длинной осью в широком направлении. Другой комплекс (№ 3 — двухкамерная землянка), также имеющий широтную ориентировку, мог бы быть датирован этим же временем на основании стратиграфических данных, но этому как будто противоречат находки из него, о чем подробнее речь впереди.

Третьим и, пожалуй, последним общим признаком всех построек является отсутствие в них каких-либо постоянных очагов. Как это ни удивительно, ни в одном из девяти открытых комплексов не удалось обнаружить даже малейших следов постоянных очажных конструкций. Вместе с тем не приходится сомневаться, что в зимнее время жилые постройки, хотя бы и сильно заглубленные в землю, нуждались в обогреве. Как представляется, их обогрев мог осуществляться при помощи переносных глиняных жаровен, многочисленные обломки которых постоянно встречаются в заполнении котлованов всех построек. В таких условиях приготовление пищи происходило, по-видимому, за пределами домов на очагах, располагавшихся на дневной поверхности. Остатки такого рода очагов в виде четырехугольных или овальных обожженных глиняных подов неоднократно фиксировались в процессе раскопок в непосредственной близости от строений.

Попытка систематизации материала на несколько более узкой основе, без использования отмеченных выше общих признаков, приводит к выводу о возможности выделения из выборки по крайней мере одного типа — постройки, представляющей в плане прямоугольник [3]. К этому типу относятся семь из девяти комплексов — № 1, 2, 4, 6—9 (см. рис. 1). Помимо формы среди наиболее характерных типообразующих признаков следует назвать: 1) наличие каркасно-столбовой (турлучной) конструкции стен, 2) наличие помещений-отсеков, 3) выделение двух изолированных частей, 4) двускатность перекрытия, 5) использование каменных

[3] Под типом мы, вслед за большинством археологов, понимаем систему артефактов, характеризуемую статистически устойчивым сочетанием признаков. См., например, *Clarke D. L.* Analythical Archaeology. London, 1968, p. 188, 228, 669; *Шер Я. А.* Типологический метод в археологии и статистике.— VII Международный конгресс доисториков и протоисториков в Праге. Доклады и сообщения советских археологов. М., 1966.

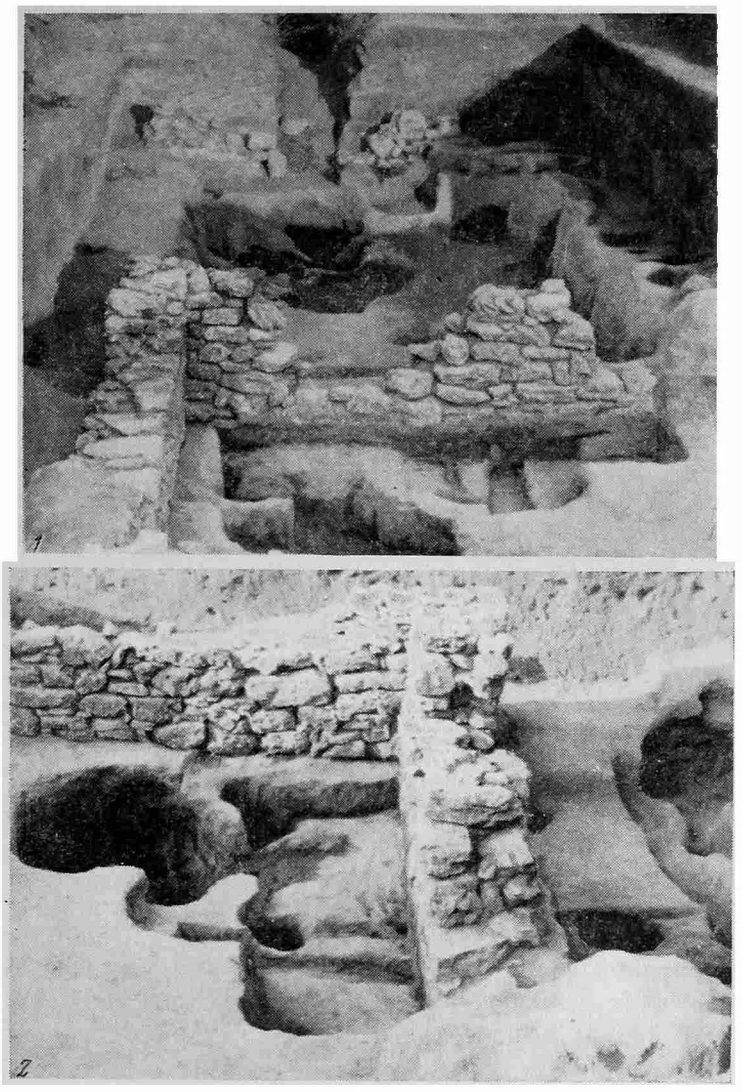


Рис. 2. Остатки строительного комплекса № 7. *1* — вид с востока, *2* — восточная часть, вид с севера

кладок при возведении отдельных стен. Наиболее распространенными, общими признаками в этом списке являются первые четыре: их присутствие можно отметить у пяти или даже шести комплексов описываемого типа. Последний, пятый признак отмечен только в двух случаях — в комплексах № 6 и 8.

Значительные отличия в наборе типообразующих признаков, отмеченные у отдельных построек, вариабельность их внутренних планировочных схем и основных параметров в ряде случаев, по-видимому, могут быть объяснены функциональными различиями разных строений и их частей. Наиболее достоверно устанавливаются функции комплекса № 7 (рис. 2). В материковом полу этой сравнительно небольшой постройки (площадью 32 $м^2$) вдоль бортов котлована и на длинной осевой линии выявлено 15 округлых ямок от опорных столбов, расположенных на практически одинаковом расстоянии друг от друга. Наличие ямок от столбов вдоль длинной осевой линии дает основания для предположения о двускатном типе перекрытия. Равным образом имеются основания полагать, что юго-восточная четверть строения, где обнаружена канавка для крепления внутренней перегородки турлучного типа, была выделена в отдельное,

Рис. 3. Остатки строительного комплекса № 7. Погреб — хранилище

скорее всего изолированное, прямоугольное помещение площадью около 7 *м*².

С описываемым комплексом связывается семь хозяйственных углублений. Наиболее значительное из них — погреб-хранилище, вырыто в материковом суглинке за пределами основной площади строения у его юго-восточного угла. Погреб (рис. 3) имеет в плане форму круга диаметром 1,7 *м*. Его ровное горизонтальное материковое дно лежит на 0,6 *м* ниже уровня пола основной части здания. Из юго-восточного, огражденного помещения в погреб был пробит вход с лестницей, вырезанной в материке. По краям входа на линии восточного борта комплекса открыты две ямки от косяка двери.

В зольно-глинистом заполнении погреба вдоль бортов обнаружено in situ пять однотипных гераклейских амфор, изготовленных, судя по имеющимся на трех из них одинаковым клеймам, а также идентичности формы и деталей, в одной керамической мастерской одновременно. Судя по расположению амфор, лежавших друг на друге на боку по периметру погреба (рис. 3), он, был хранилищем пустой тары и вмещал, по-видимому, по крайней мере несколько десятков сосудов. Сохранившиеся амфоры хорошо датируются на основании клейм (рис. 4, *1, 2*), содержащих два имени, из которых одно написано в сильно сокращенной форме, второй четвертью IV в. до н. э.[4], возможно ее началом[5]. Эта дата позволяет надежно датировать конечный этап жизни всего здания второй четвертью IV в., а время его сооружения предположительно относить к началу или первой четверти указанного столетия.

Остальные шесть ям сосредоточены в юго-западной четверти строения — своеобразной хозяйственной зоне площадью 7—8 *м*². Одна из них (отмечена на плане буквой «Ц») имела цилиндрическую форму; диаметр ее 0,65 *м*, глубина 1,1 *м*. Стенки и дно ямы были обмазаны тонким слоем

---

[4] *Брашинский И. Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской.— НЭ, 1965, V, с. 24.

[5] *Василенко Б. А.* Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.).— Автореф. канд. дис., 1972, с. 9.

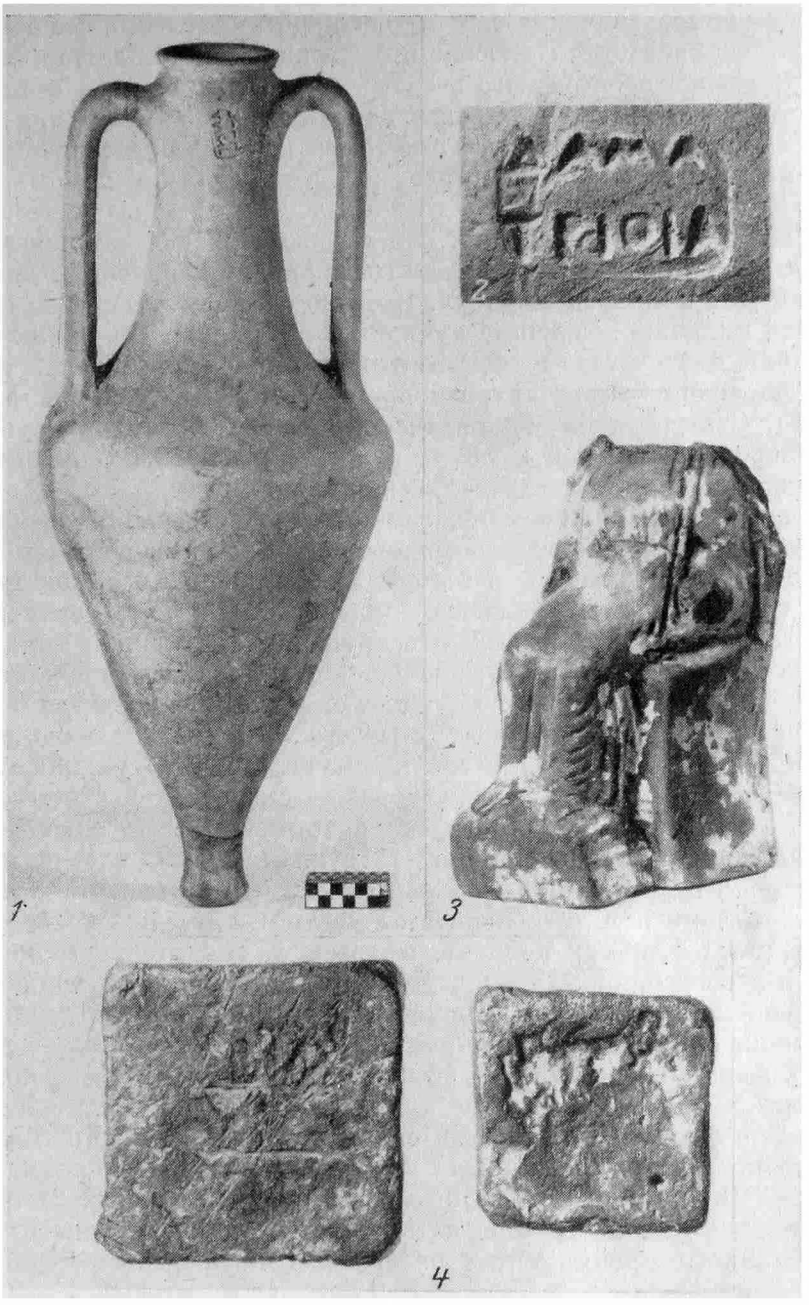


Рис. 4. Находки из строительного комплекса № 7. *1* — гераклейская амфора из погреба, *2* — клеймо на амфоре, *3* — терракота, *4* — свинцовые гири-разновески

глины — явление уникальное для такого рода объектов на Елизаветовском поселении. Можно думать, что в яме могли храниться продукты, в состав которых входила жидкость (например, засоленная или консервированная рыба и т. п.).

При раскрытии комплекса, помимо упомянутых выше амфор из ямы-погреба, материал, обнаруженный на полу in situ, был чрезвычайно малочисленным, что, как уже неоднократно отмечалось [6], является вообще характерным для домов Елизаветовского поселения. Но находки эти име-

[6] *Брашинский И. Б.* Раскопки Елизаветовского городища.— АО — 1969, М., 1970, с. 104; *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Раскопки Елизаветовского городища на Дону.— АО — 1970, М., 1971, с. 112.

ют первостепенное значение для характеристики рассматриваемого здания и его интерпретации. Наиболее интересна и важна находка двух свинцовых гирь-разновесков разного веса (рис. 4, *4*) [7]. Бóльшая из них (двойная или «торговая» мина) применялась обычно в оптовой или внешней торговле. Находка гирь наряду с амфорами из погреба позволяет определенно заключить, что рассматриваемое здание было домом крупного торговца, который, скорее всего, был представителем высшего имущественного слоя местного населения. Это в свою очередь дает некоторые основания для выводов о социальной стратификации общества, населявшего Нижний Дон в скифскую эпоху. Помимо свинцовых гирь на полу землянки были найдены лежавшие кучкой 48 астрагалов (не исключено, что они служили для счета) и фрагментированная терракотовая статуэтка сидящей на троне богини архаизированного типа со следами раскраски (рис. 4, *3*). Статуэтка по стилистическим особенностям датируется концом V — первой половиной IV в. до н. э.[8], что является дополнительным доказательством правильности датировки здания.

Для определения времени прекращения существования «дома торговца» важное значение имеет и комплекс находок из засыпи его котлована. Этот материал, который, с нашей точки зрения, несомненно связан со всем хозяйственным комплексом (включавшим в себя, вероятно, и какие-то несохранившиеся наземные сооружения, возможно, типа навесов складского характера), стратиграфически и хронологически четко делится на две части: нижнюю, заполнявшую котлован в пределах материковых стенок комплекса № 7 (средняя мощность 0,9 *м*), верхнюю, заполнявшую котлован в части, врезанной в культурный слой (средняя мощность 0,8 *м*). Обе части заполнения стратиграфически отделены друг от друга.

Нижняя часть заполнения котлована комплекса № 7 хронологически связана со временем прекращения его существования и сооружения на месте частично перекрывшего его комплекса № 6. Наиболее показательными материалами для датировки этой части (комплекса находок) являются амфорные клейма, найденные здесь в значительном количестве (42 экз.) и в необычной для культурного слоя «акрополя» концентрации. Чрезвычайно показательна повторяемость одних и тех же клейм, свидетельствующая о наличии здесь крупных единовременных партий амфор. Так, из 23 фасосских клейм 16 одинаковых с именами Клеофона и Фейдиппа (рис. 5, *1*), что бесспорно свидетельствует об изготовлении всей партии амфор с этими клеймами в одной мастерской в один год. Согласно классификации Ю. Г. Виноградова, рассматриваемые клейма датируются 370—340 гг. до н. э.[9]. Два фасосских клейма (рис. 5, *2*) принадлежат к наиболее ранней группе, датируемой не позднее первой четверти IV в.[10]. Остальные клейма также не выходят за пределы первой половины IV в. до н. э.

Определимые гераклейские клейма датируются более или менее уверенно второй четвертью IV в. Во всяком случае, можно вполне определенно утверждать, что и среди них нет ни одного более позднего, чем середина IV в. Остальной материал из заполнения нижней части котлована, в частности немногочисленные обломки аттических чернолаковых и краснофигурных сосудов, подтверждает приведенные даты — все они относятся к первой половине IV в. до н. э.

Таким образом, мы получаем достаточно твердую дату прекращения жизни комплекса № 7 — середина или, может быть, самое начало второй половины IV в. до н. э.

---

[7] Подробнее о гирях см. *Брашинский И. Б.* Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону.— КСИА АН СССР, 1976, № 145, с. 86 сл.

[8] *Марченко К. К.* Терракоты Елисаветовского городища.— Терракотовые статуэтки, ч. IV.— САИ, вып. Г1—11. М., 1974, с. 7, № 12, табл. 2, 5.

[9] *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос.— НЭ, 1972, X, с. 25 сл., 59.

[10] Там же, с. 20, 59.

Рис. 5. Находки из заполнения котлована строительного комплекса № 7. *1, 2* — фасосские амфорные клейма, *3—5* — гераклейские клейма, *6* — синопское клеймо, *7* — фрагменты аттических чернолаковых сосудов, *8* — фрагменты краснофигурных скифосов

Совершенно очевидно, однако, что дом с относительно небольшой площадью (32 *м*²) едва ли мог быть предназначен для длительного хранения более или менее значительных партий амфор с вином или иных товаров. Для этих целей, вероятно, существовали специальные постройки — склады. Как представляется, одним из подобного рода сооружений мог быть строительный комплекс № 6, построенный на месте «дома торговца» вскоре после прекращения его существования (рис. 6). Именно с его сооружением было связано, как нам кажется, единовременное заполнение нижней части котлована комплекса № 7: основания его каменных стен и уровень пола лежат на уровне материка, и естественно, что врезанная в материк часть комплекса № 7 при этом должна была быть плотно

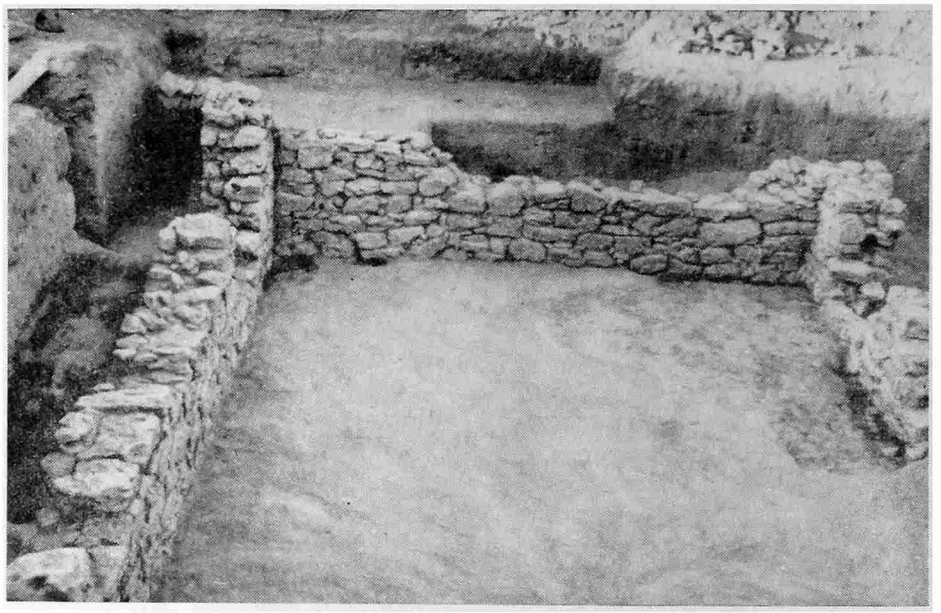


Рис. 6. Остатки строительного комплекса № 6. Вид с севера

заполнена и утрамбована. Итак, это заполнение дает одновременно и terminus post quem для датировки времени сооружения строительного комплекса № 6 — он был построен в третьей четверти IV в. до н. э.

В пользу трактовки комплекса № 6 как крупного складского помещения для хранения товаров, по нашему мнению, говорит, в частности, и совершенно иная, чем в комплексе № 7, организация его внутреннего пространства: отсутствие каких-либо внутренних перегородок и следов крепления опорных конструкций кровли. Единственным хозяйственным углублением (в северо-восточном углу строения) является глубокая цилиндрическая яма, окруженная на уровне материкового пола невысоким валиком из глины — скорее всего колодец. Валик расположен в 0,3—0,5 *м* от края колодца и, по всей видимости, должен был препятствовать растеканию воды по полу. Глубину колодца установить не удалось; этому препятствовали грунтовые воды, интенсивное поступление которых началось на глубине 1,0 *м* от его края.

Строительные приемы сооружения отдельных стен рассматриваемого комплекса различны. Южная стена, восточная и южная части западной стены возведены целиком из камня в системе двуслойной однорядной кладки из известняковых плит на глиняном растворе (рис. 7). Ложковые части плит, в большинстве случаев уплощенных, носят следы грубой подтески; промежутки между плитами заполнены мелкими обломками камня. Лицо кладки на всю высоту обращено внутрь постройки. Не вполне понятен характер северной половины западной и северной стен, на месте которых не обнаружено ни одного камня in situ. Не выявлено здесь и каких-либо признаков крепления каркасно-столбовых конструкций в виде канавок или ямок от опорных столбов. Оставляя пока вопрос открытым, мы, тем не менее, склонны думать, что стенами здесь могли служить ровные вертикальные борта самого котлована. В пользу такого предположения свидетельствует, в частности, совпадение линии западного материкового борта котлована с внутренней линией каменной кладки.

Строительный комплекс № 6 представляет значительный интерес с точки зрения его архитектурно-конструктивных особенностей. Имея в виду тесные связи Елизаветовского поселения с греками и прежде всего, очевидно, с боспорцами, можно было бы видеть в каменном строительстве здесь влияние античных строительных приемов и традиций. В таком слу-

Рис. 7. Строительный комплекс № 6. Северный фас южной стены. Деталь

чае комплекс № 6 можно было бы сравнивать с каменными подвалами домов, обычных в античных городах и поселениях Северного Причерноморья. Но в глаза бросается сочетание в одном строении каменных конструкций с местными строительными приемами, что еще более ярко, чем в комплексе № 6, прослеживается в строительном комплексе № 8 (рис. 1, VIII). В связи с этим небезынтересно напомнить, что именно в микрорайоне Нижнего Дона, и только здесь, в эпоху поздней бронзы на поселениях кобяковской культуры типичным жилищем являются землянки, стены котлованов которых местами облицованы каменной кладкой [11]. Однако прямая генетическая связь между кобяковской культурой и скифской культурой Елизаветовского поселения на материале керамики не прослеживается [12].

С начальным периодом функционирования комплекса № 6, по-видимому, связана верхняя часть заполнения котлована комплекса № 7, которая четко отделяется стратиграфически как от нижней его части, так и от окружающего слоя. Это заполнение было очень сильно насыщено обломками остродонных амфор; местами раздавленные амфоры лежали сплошным плотным слоем. Достаточно сказать, что здесь было найдено 104 амфорных клейма, среди которых 73 гераклейских и 24 фасосских. Из гераклейских клейм 44 содержат имена магистратов с предлогом, датируемых суммарно серединой — второй половиной IV в. до н. э. Более ранние клейма единичны. Комплекс амфорных клейм из верхней части заполнения котлована еще более отчетливо, чем аналогичный комплекс нижней части, указывает на единовременные крупные партии амфор. Так, среди гераклейских амфорных клейм 16 принадлежат магистрату Каракюдею (при 9 гончарах), 10 — Каллию (при 7 гончарах), 5 — Скифу (рис. 5, *3—5*). То же явление наблюдается и среди фасосских клейм: 4 клейма Нюмфона и Левкона, 7 — с сокращениями имен: Мес. и Мег. Подавляющее большинство фасосских клейм датируется второй — началом третьей четверти IV в. до н. э. (до 340 г.), однако два клейма могут быть датированы несколько более поздним временем. Единственное синопское клеймо (рис. 5, *6*) датируется третьей четвертью IV в.

[11] *Шарафутдинова Э. С.* Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону.— СА, 1973, № 2, с. 6, рис. 3, *4, 1*.

[12] Там же, с. 24.

Очевидно, верхняя часть заполнения котлована комплекса № 7 должна быть датирована третьей четвертью IV в. до н. э., что подтверждается не только амфорными клеймами, но и остатками неклейменых амфор (Хиоса, Менды, типов Солоха I и II) и главным образом довольно многочисленными фрагментами чернолаковой и расписной аттической керамики. Больше всего обломков чернолаковых канфаров и канфаровидных килико в второй—третьей четверти IV в. (рис. 5, 7). Среди фрагментов краснофигурной керамики преобладают обломки скифосов второй — начала третьей четверти IV в. (рис. 5, *8*).

Для характеристики строительных комплексов № 7 и 6 весьма показательны и статистические данные состава керамического комплекса из заполнения котлована первого из них. В нижней его части лепная керамика составила всего лишь около 6,5%, а в верхней части около 7,8% против 15,3% в среднем по «акрополю» (20,4% по городищу в целом). Если же исключить керамическую тару, то соотношения лепной и гончарной посуды в нижней части заполнения составляют 52 и 48%, а в верхней — 55 и 45%, между тем как в среднем по «акрополю» это соотношение составляет примерно 80 к 20% (90 к 10% по городищу в целом). Весьма важно и то, что остатки керамической тары дают все основания рассматривать их в качестве остатков крупного склада амфор. А все вместе взятое позволяет предложить трактовку строительных комплексов № 7 и 6 как двух последовательных строительных периодов одного крупного торгового хозяйства — «дома торговца». Вместе с тем и приведенные выше соотношения различных групп в составе керамического комплекса, в частности резкое преобладание здесь гончарной столовой и кухонной керамики по сравнению со средними цифрами этих групп, указывают на то, что рассмотренные здания принадлежали представителям высшего имущественного, а вероятно и социального, слоя населения Елизаветовского городища.

Что касается времени прекращения существования комплекса № 6, то оно уверенно определяется материалом из заполнения его котлована первой четвертью III в. до н. э.

Определение функций строительных комплексов № 6 и 7, установление связи между назначением этих строений и их внутренней планировочной схемой позволяет высказать ряд гипотетических замечаний относительно функций и других построек этого же типа даже при отсутствии достаточно показательного материала вещественных находок. Можно, в частности, предположить, что наличие отдельных помещений с хозяйственными углублениями и двускатность перекрытия являются одним из показателей жилого характера комплексов, в то время как их отсутствие указывает на какую-то иную, например хозяйственную, функцию. Если это предположение верно, то к первой категории следует отнести помимо вышеописанного комплекса № 7 еще четыре постройки — № 1, 2, 8 и 9.

Наиболее показательным в этом ряду является комплекс № 9, демонстрирующий исключительную четкость планировочного решения (рис. 8 и 9). Выявленные в процессе расчистки детали позволяют утверждать, что здание имело «капитальные» турлучные стены, вплотную примыкавшие к вертикальным земляным бортам котлована. Существование этих стен засвидетельствовано ровной непрерывной канавкой в горизонтальном материковом полу, идущей по всему периметру постройки. Канавка раскреплена 12 конусовидными ямками от столбов, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга. Три ямки такого же рода раскрыты на длинной осевой линии строения, что, очевидно, может служить указанием на двускатность перекрытия.

Судя по топографии и конфигурации канавок от внутренних перегородок, в отдельные помещения были выделены южная, средняя и северная части постройки. Размеры площадей отдельных помещений колеб-

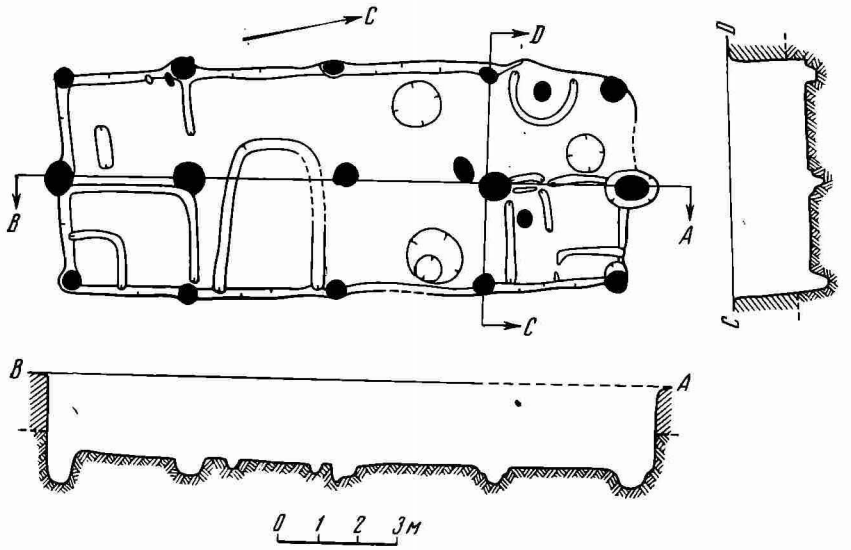


Рис. 8. Строительный комплекс № 9. План и разрезы

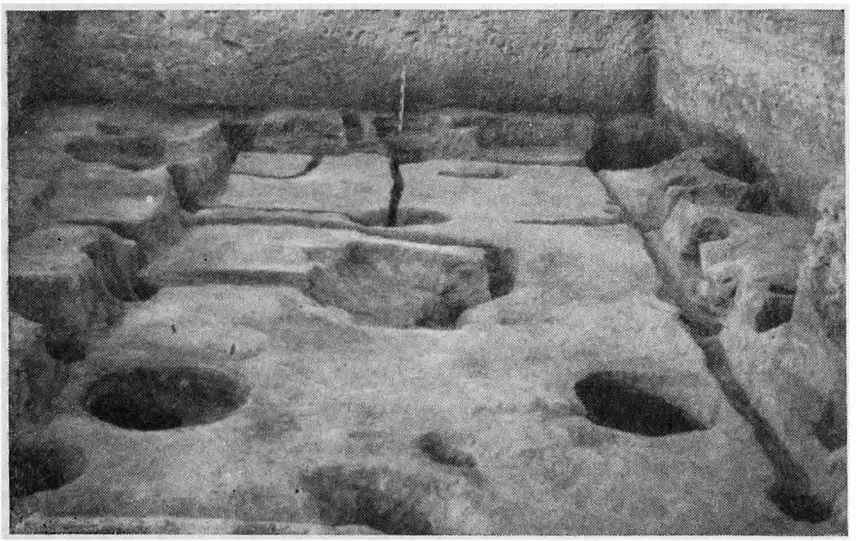


Рис. 9. Остатки строительного комплекса № 9. Вид с севера

лются от 8 до 12 *м*². В северо-западном углу была загородка, охватывающая полукругом площадь в 1,5 *м*². Помимо этого в полу выявлено несколько хозяйственных ям. Единственной вещественной находкой in situ, связанной с комплексом, является нижняя часть остродонной амфоры, вмазанная с помощью глины в пол северо-восточного помещения.

Опыт реконструкции строительства комплекса № 9 представлен на рис. 10.

Несколько особняком в рассматриваемом ряду стоит комплекс № 4, в материковом полу которого прослежены отчетливые следы внутреннего деления площади на две равные изолированные части — северную и южную (рис. 11, *1*). От перегородки сохранилась глубокая канавка от турлучной стены, дополненная по южному краю 11 небольшими конусовидными ямками от опорных столбов (рис. 11, *2*).

По своим конструктивным особенностям южная половина комплекса резко отличается от северной. При практически одинаковой сохранности остатков обеих частей в пределах северной не было зафиксировано никаких следов крепления стен или опорных столбов, что, по-видимому, сви-

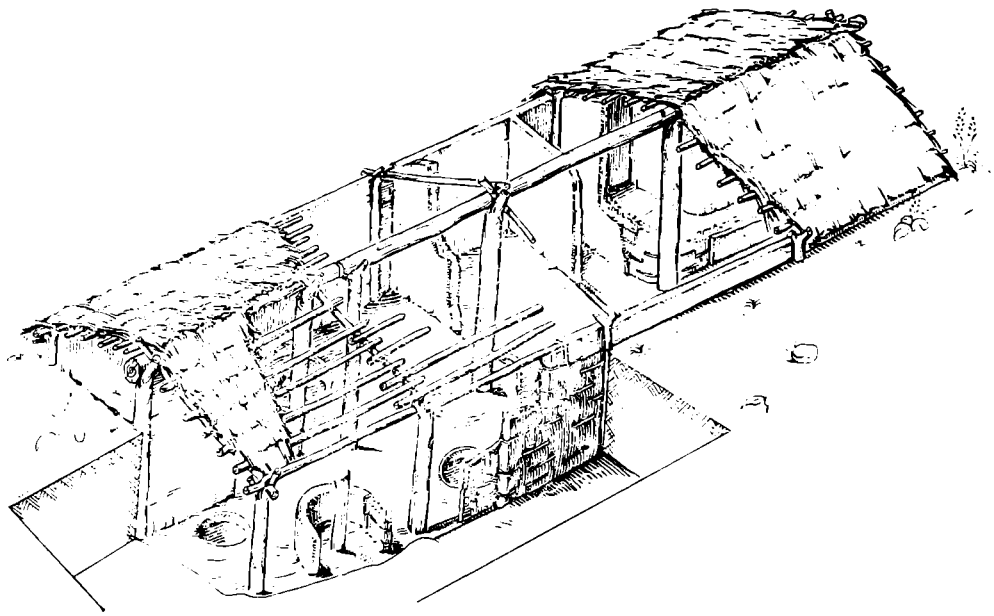


Рис. 10. Опыт реконструкции строительного комплекса № 9. Изометрическая проекция (реконструкция К. К. Марченко)

детельствует об отсутствии внутреннего членения площади и об относительно легком перекрытии, не требовавшем дополнительного крепления кроме того, которое могло находиться на уровне дневной поверхности. Нетрудно заметить, что последнее сближает северную половину строения с комплексом № 6 и дает основание предполагать сходство их функций.

Другое дело — южная половина описываемого комплекса, где отмечено наличие всех черт, присущих жилым постройкам. Здесь, в частности, выявлено несколько конусовидных ямок от столбов и канавок от турлучных стен (рис. 11, *2*). Одна из канавок проходит вдоль южного борта котлована; в средней части канавки открыта большая ямка от опорного столба; еще одна подобная ямка, также находящаяся на длинной осевой линии постройки, обнаружена точно в центре описываемой площади. Тонкий восточный край ямки в месте соприкосновения с большим хозяйственным углублением, расположенным у восточной стены комплекса, укреплен для предотвращения разрушения двумя каменными плитками, поставленными на ребро (рис. 11, *2*). Интерес представляют и остатки внутренней перегородки в виде двух канавок от плетней. Одна из них отходит на север от центральной столбовой ямки, укрепленной каменными плитками, другая — от поперечной стены строения в сторону первой; канавки не смыкаются, между ними оставлено расстояние в 0,6 *м*. Пространство между канавками, ограниченное двумя ямками от столбов, очевидно, представляет след дверп в легкой плетневой перегородке, делившей южную часть комплекса № 4 на два помещения.

Таким образом, можно предполагать, что комплекс № 4 сочетал в себе части как жилого, так и хозяйственного назначения.

Попытка рассмотреть основной тип построек Елизаветовского городища с точки зрения его эволюции наталкивается пока на непреодолимые трудности: слишком узок суммарный отрезок времени существования открытых комплексов. Судя по конструктивно-планировочной схеме, наиболее ранняя из известных в настоящее время построек (комплекс № 7) не имеет принципиальных отличий от наиболее поздних и может считаться уже вполне развитым представителем типа.

Значительные трудности возникают и в процессе поиска аналогий комплексам рассматриваемого типа среди известных синхронных материалов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. В каждом конкретном случае параллели могут быть найдены только отдельным (одному

или нескольким) признакам, таким, например, как большая заглубленность строений в землю, прямоугольность формы, использование камня при возведении стен и т. д. Наиболее близкими при таком выборочном сопоставлении оказываются жилища некоторых районов лесостепной зоны Северного Причерноморья[13] и Северного Кавказа[14]. Более далекие аналогии ведут нас в Закавказье, где Ксенофонт видел подземные дома армен и сохранил нам довольно подробное их описание (Anab., IV, 5, 25).

Однако важно отметить, что рассмотренный тип елизаветовских строительных комплексов, взятый в нерасчлененном виде, не имеет прямых аналогий среди синхронных памятников Причерноморья и Приазовья скифского времени, и поэтому в настоящее время представляется вполне оправданным выделение его в самостоятельный локальный тип Нижнего Подонья.

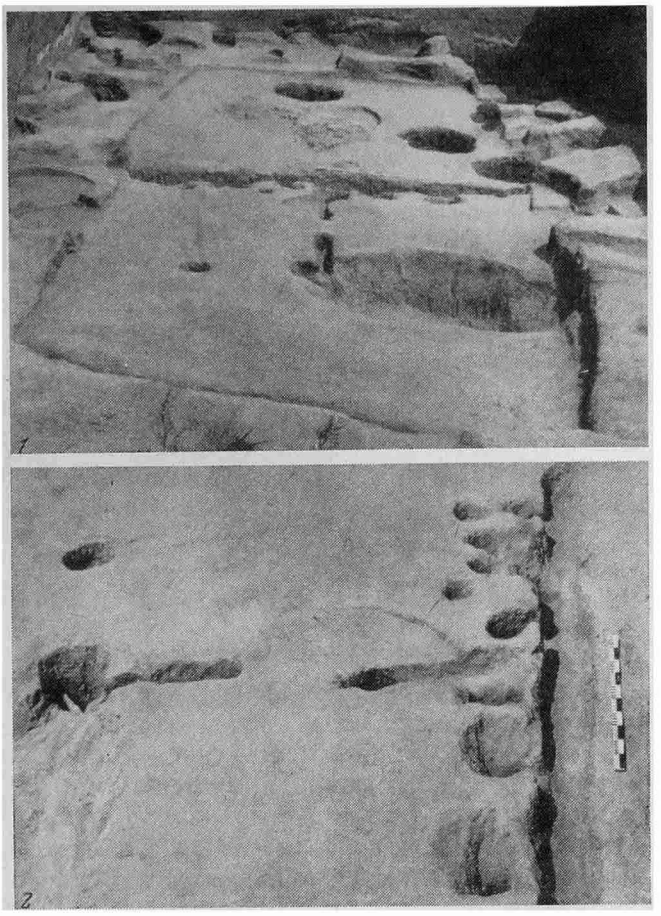


Рис. 11. Остатки строительного комплекса № 4. *1* — вид с юга, *2* — канавки от турлучных стен и ямки от столбов

Два строительных комплекса Елизаветовского городища (№ 3 и 5), не принадлежащие к основному типу построек, имеют значительные отличия друг от друга, что не позволяет объединять их в одну группу или тип. В настоящее время нет также достаточных оснований видеть в каждом из них представителя отдельного нового типа — второго и третьего. Приведем их краткое описание.

Наиболее простой в конструктивном отношении комплекс (№ 5) — землянка — имеет округлую в плане форму (рис. 12). Несмотря на сильную поврежденность ее южного борта поздними хозяйственными ямами, общая площадь землянки восстанавливается достаточно точно — 12,5 $м^2$. В материковом полу вдоль бортов и в центре выявлено восемь конических ямок от опорных столбов, расположение которых относительно друг друга дает некоторые основания предполагать шатровую конструкцию кровли. В северо-восточной четверти землянки на полу прослежены остатки горелого дерева и камыша; в юго-западном углу открыто округлое углубление, по-видимому, хозяйственного назначения. Вещественных находок, бесспорно связанных с описанным комплексом, не найдено.

---

[13] *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема.— СА, 1975, № 1, с. 77.

[14] *Лавров Л. И.* Форма жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII века.— СЭ, 1951, № 4, с. 47, 55.

Рис. 12. Остатки строительного комплекса № 5

Не до конца выясненной остается конструкция последнего из рассматриваемых строительных комплексов Елизаветовского городища (№ 3) — двухкамерной землянки (см. рис. 1, III). Обе камеры разделены узкой материковой перемычкой шириной 0,3—0,75 *м*. Полностью раскрытая западная камера имеет форму овала; площадь ее составляет 14,5 *м*^{2}; высота материковых стен достигала 1,7 *м*. При зачистке материкового пола зафиксированы два слоя подмазки. В северо-восточном углу вдоль северной стены находилась вырезанная в материке лестница с семью ступенями (рис. 13). Относительно хорошая сохранность ее объясняется тем, что в момент гибели комплекса она была перекрыта отвалившимся от северного борта пластом материкового суглинка. У восточной стены камеры (перемычки) в полу выявлено прямоугольное в плане хозяйственное углубление, которое, судя по найденному в нем материалу, могло служить погребом для хранения амфор: на его полу были найдены остатки 13 остродонных амфор, в том числе одна целая гераклейская (рис. 14, *1*). Амфора по своим морфологическим особенностям, а также и на основании имеющегося на ее горле клейма (рис. 14, *2*) датируется не ранее конца IV в. до н. э. Этим же, а отчасти и несколько более поздним временем (первая четверть III в. до н. э.) датируются и клейма (фасосские и гераклейские) на обломках амфор из углубления. Наконец, на полу западной камеры было найдено горло херсонесской амфоры с клеймом конца IV в. до н. э. (рис. 14, *3*). Указанные находки заставляют прийти к выводу, что западная камера комплекса № 3, а следовательно, и весь комплекс должны быть датированы концом IV — первой четвертью III в. до н. э. Однако, как было отмечено выше, стратиграфические наблюдения указывают на более раннюю дату, в пользу чего косвенно свидетельствует и широтная ориентировка комплекса. Каким образом примирить или объяснить это противоречие, мы пока не знаем и вынуждены отказаться от предложения приемлемого решения.

Каких-либо следов от опорных конструкций в пределах западной камеры не обнаружено.

Восточная камера комплекса № 3 раскрыта частично: полное исследование этой части землянки оказалось невозможным из-за высокого уровня грунтовых вод. Камера имеет подпрямоугольную форму; ее площадь примерно вдвое превышает площадь западной камеры. В юго-восточном углу, у перемычки, выявлены остатки материковой лестницы, по-

видимому, аналогичной лестнице в западной камере (рис. 1, III). Нижняя часть лестницы не сохранилась, очевидно, она была срезана еще в древности. Материковый пол восточной камеры комплекса достигнут лишь на узкой полосе вдоль перемычки на глубине 1,9 *м* от древней дневной поверхности. Судя по исследованной части восточной камеры, характер заполнения и его основные компоненты полностью соответствовали заполнению западной камеры.

В отличие от построек первого типа поиски аналогий комплексам № 3 и 5 не вызывают трудностей — в Северном Причерноморье они встречаются повсеместно.

Необходимо, наконец, коротко остановиться на находках греческой кровельной черепицы, которые постоянно, хотя и в очень небольшом количестве, встречаются при раскопках центральной части Елизаветовского городища. В свое время, как указывалось выше, эти находки дали основание Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевичу говорить об остатках городского строительства (имелось в виду строительство типа античных греческих городов) на Елизаветовском поселении (см. прим. 1). Однако следует подчеркнуть, что среди открытых раскопками строительных комплексов до сих пор нет ни одного, несущие конструкции которого могли бы выдержать тяжесть черепичной крыши. Кроме того, общее количество находок остатков черепиц на городище крайне невелико. Поэтому, не отрицая принципиальной возможности того, что на поселении мог быть дом или несколько домов, имевших черепичные кровли, мы считаем возможным предположить, что греческие плоские черепицы могли использоваться жителями Елизаветовского городища не по прямому назначению — например, в качестве плит для очагов или т. п. Эта гипотеза, однако, не может пока быть подкреплена прямыми доказательствами.

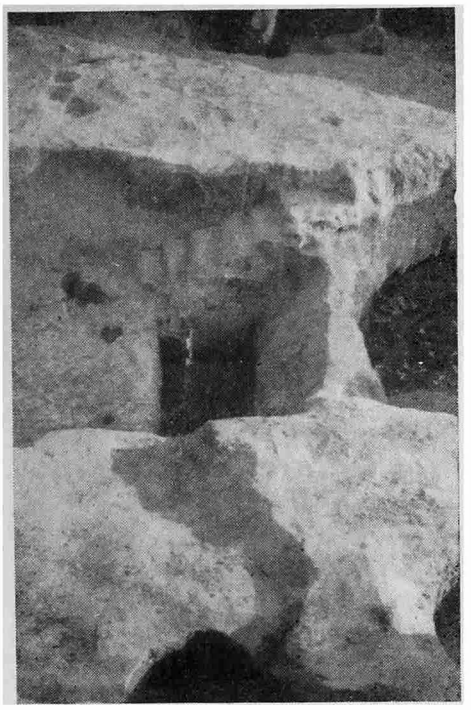


Рис. 13. Остатки строительного комплекса № 3. Центральная часть. Вид с юга

В связи с исследованием строительных комплексов Елизаветовского городища встает и проблема попытки определения типов семей, оставивших эти комплексы, что связано с серьезными трудностями. Сами по себе размеры жилищ, их планировка и количество труда, затраченного на их сооружение, при отсутствии надежных сравнительных археологических или этнографических материалов мало что проясняют в этом отношении[15]. При этих условиях единственный, но отнюдь не бесспорный путь попыток выяснения характера коллективов — это сопоставление площадей отдельных построек в пределах изучаемого памятника. Если иметь в виду, что площади домов Елизаветовского поселения колеблются от 12,5 до 76 *м*^{2}, то можно допустить существование здесь в IV — первой четверти III в. до н. э. как малых нуклеарных семей, так и каких-то типов расширенных семей, причем последние, учитывая больший удельный вес относительно крупных строительных комплексов в нашей выборке, возможно, были более характерны.

В заключение мы позволим себе остановиться еще на двух вопросах, имеющих более широкое значение. Изучение строительных комплексов

[15] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 67 сл.

Елизаветовского городища позволяет уже в настоящее время существенно расширить информацию о некоторых, казалось бы, далеких от темы настоящей статьи сторонах истории исследуемого памятника. Наблюдения, сделанные в ходе археологических раскопок публикуемых комплексов, позволяют, в частности, довольно точно определить уровень стояния грунтовых вод в скифский период на острове, где расположено городище. При

Рис. 14. Находки из строительного комплекса № 3. *1* — гераклейская амфора, *2* — клеймо на амфоре, *3* — херсонесское амфорное клеймо

расчетах мы исходили из следующего допущения: грунтовые воды в период паводковых и нагонных наводнений средней силы, исключительно часто повторяющихся в этой части дельты Дона, не должны были проникать даже в наиболее глубокие землянки. Более того, между полами жилых и хозяйственных помещений и горизонтом грунтовых вод в это время должно было оставаться расстояние не менее 1 *м*. Средняя величина весенних наводнений в районе станицы Елизаветинской (Елизаветовской) до постройки Цимлянской ГЭС составляла около 3—3,5 *м*[16]. Предположив на основе принципа актуализма те же цифры для IV—III вв. до н. э., получим разницу между древним и современным горизонтами, равную 4—4,5 *м*. Общая высота острова над уровнем реки в летний период, складывающаяся в данном случае из мощности почвенного слоя (0,5 *м*), глубины наиболее заглубленных в материк землянок (2 *м*) и вычисленной разницы уровней грунтовых вод (4—4,5 *м*), оказывается равной 6,5—7 *м*. Естественно, полученная цифра весьма приблизительна, однако, как нам кажется, она позволяет отвергнуть сложившееся в науке представление о районе Елизаветовского городища как о низком, постоянно заливавшемся в древности паводковыми водами островке[17].

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие вещественного материала на полах наиболее поздних строительных комплексов Елизаветовского городища — за исключением буквально единичных случаев весь инвентарь отсутствует. Как представляется, этот факт может служить показателем относительно медленного угасания жизни поселения.

---

[16] Ресурсы поверхностных вод СССР, т. 7. Л., 1973, с. 78, табл. 31.

[17] Подробнее см. *Марченко К. К.* Дополнения к палеогеографии района Елизаветовского городища на Дону.— Изв. СКНЦВШ, сер. обществ. наук. Ростов-на-Дону, 1977, № 1, с. 77 сл.

По всей видимости, его жители имели возможность спокойно покинуть насиженное место, забрав при этом с собой все мало-мальски ценные вещи. Понятно, сколь важное значение приобретает этот вывод для правильного понимания демографических, социально-экономических и военно-политических процессов, протекавших в низовьях Дона в период наивысшего проявления сарматской экспансии на Запад.

I. B. Brachinski, K. K. Martchenko

LES ENSEMBLES DE CONSTRUCTIONS DU GORODITCHE D'ELIZAVIETOVKA SUR LE DON

Résumé

Cet article est consacré aux ruines de neuf ensembles de constructions d'un des plus importants monuments de l'époque scythique, situé dans la zone des steppes du littoral nord de la mer Noire: l'oppidum d'Elizavietovka dans le delta du Don. Les vestiges de tous ces ensembles ont été découverts à l'intérieur de la partie la plus fortifiée de l'oppidum, sur ce qu'on appelle «l'acropole». L'étude des pièces recueillies permet d'affirmer que, du IVe au premier tiers du IIIe s. av. n. è., le site présentait plusieurs types de constructions. Le plus répandu était celui des habitations profondément enfoncée dans le sol, de forme quadrangulaire, d'une superficie de 29 à 76 m². La plupart des constructions de ce genre avaient des murs formés d'une carcasse faite de pieux et de planches; elles présentaient un plan intérieur assez compliqué, et possédaient un toit à deux pentes. On a constaté dans deux cas la combinaison de murs de terre et de pierre. Parmi les ensembles de ce type, il faut distinguer les constructions essentiellement affectées à l'habitation, celles à destination économique, et celles à usage mixte. Les autres types de constructions de l'oppidum d'Elizavietovka ne sont représentés que par des ensembles uniques: une petite habitation semi-souterraine de forme ovale à toit pointu, et une autre de deux pièces avec des escaliers creusés dans le sol.

Д. А. ДРБОГЛАВ

ЭПИГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕЧА ИЗ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

(миф о Гицелине)

Среди средневековых латинских надписей видное место занимают клейма на мечах, известные не только своим разнообразием, но и сложностью эпиграфических форм. Археологические раскопки последних лет, равно как и результаты чистки мечей, хранящихся в музеях, дали науке ряд интересных памятников клинковой эпиграфики, привлекших заслуженное внимание исследователей. Замечательной находкой подобного рода является меч, обнаруженный в слоях XII в. при раскопках 1975 г. в Московском Кремле. Проведенное исследование позволило датировать его изготовление также XII в. На обеих сторонах клинка находятся ограниченные крестами клейма, которые выполнены техникой инкрустации железной проволокой и по содержанию которых меч следует относить к определенной группе этого вида оружия [1].

На одной стороне проступает не вполне отчетливо читаемое имя мастера с традиционным добавлением «me fecit» («меня изготовил»). Это клеймо и является основным предметом рассмотрения в данной статье.

Более отчетливая надпись на другой стороне клинка — «in nomine domini» («во имя господа») — лозунг, имеющий иногда незначительные варианты,— ясна по своему содержанию, но дает сравнительный материал для решения эпиграфических элементов первого клейма.

Начало изучения клейма. Швейцарский ученый Вегели, заложивший в начале XX в. основы научного изучения клинковой эпиграфики, сделал попытку осмыслить и клейма на одном из клинков интересующей нас группы мечей. Дав черновую прорись имени мастера на фрагменте меча из Берлинского цейхгауза (№ 00. 196), он предопределил на многие десятилетия понимание первой буквы имени как «g» [2], хотя он не смог еще дать полностью его чтение и понять значение надписи. В дальнейшем в противоположность Вегели, у которого буква имеет правдоподобный вид, другие ученые часто пытались видеть в ней наличие вертикального или горизонтального элемента, хотя у «g», судя по хронологическим данным, дополнительный штрих должен был отходить скорее всего косо от конца дуги, образующей «c» [3].

Несколько позднее чтение надписей предложил немецкий исследователь Швитеринг на основе изучения однотипного меча из Музея истории

---

[1] *Шеляпина Н. С., Авдусина Т. Д., Панова Т. Д.* Археологические наблюдения в Московском Кремле.— АО — 1975, М., 1976, с. 98.

[2] *Wegeli R.* Inschriften auf mittelalterlichen Schwertklingen, ZfHW, 1904, Bd III, S. 224.

[3] *Ruttkay A.* Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei.— SA, 1975, v. XXIII, № 1, Abb. 7, *4*; Abb. 10, *3*. Форма, отраженная здесь на мече XI—XII вв. (см. нашу таблицу, рис. 1, *1*), видна также на колоколе XIII в. (Die deutschen Inschriften. Bd 10, Graz — Wien — Köln, 1966, № 122).

Гамбурга (№ М 164). Имя мастера он читал как «Gicelin». Пунктир вместо второго элемента буквы «g» (см. транскрипцию, вернее, схематичную прорись в статье Швитеринга) говорит о том, что этот ученый видел только фигуру «c», которая и соответствует приведенному у него же фото. Опираясь на полученный результат, Швитеринг обнаружил те же клейма на двух мечах из Берлинского цейхгауза (один — уже упомянутый обломок, другой — № 03.55) [4]. И здесь во втором случае было прочтено имя Гицелин, в первом случае — в варианте «Гицельни», рассматриваемом лишь в качестве ошибочного написания слова.

Если вглядеться в фото, приведенные в статье Швитеринга, можно заметить, что на берлинском фрагменте первые две буквы не отличаются четкостью, а начальная, как и на гамбургском мече, не дает возможности принимать ее безусловно за «g».

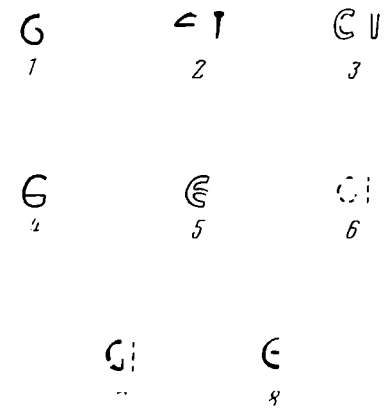


Рис. 1. Таблица палеографических форм

Более существенный материал содержит фото второго берлинского меча. Здесь проступают элементы, не отраженные или искаженные в прориси Швитеринга: 1) хотя надпись отличается особо плохой сохранностью, у первой буквы заметна горизонталь, принятая автором прориси за элемент «g», 2) вторая буква имеет короткое покрытие (см. комбинацию из первых двух букв на рис. 1, *2*). Имя мастера уже не может читаться так, как понимал его Швитеринг. Особо показателен в этой связи такой эпиграфический признак, как покрытие у второй буквы, не наблюдаемое на исследуемых клеймах ни в одном случае, где присутствует несомненное «i». Итак, Швитеринг, хотя и не расшифровал имя мечедельца, впервые разобрал его конечное сочетание «celin», которое отражено на всех клеймах затронутой группы и может, по-видимому, иметь только не очень существенные отклонения.

Меч из Англии. Начиная с 1960 г. расширяется круг публикаций о «Гицелинах». При этом был использован эпиграфический материал новых находок и полученный в результате расчистки мечей, хранившихся в музеях. Так, английский археолог Оуксхот, дав прорись меча из Шефтсбери, присоединился к чтению имени мастера, предложенному Швитерингом [5]. Составленная им прорись позволяет, однако, легко заметить, что клеймо имеет обычное в его начале повреждение: первая буква выступает в виде «c», а вторая стерта вверху (рис. 1, *3*). Следовательно, данные по мечу из Шефтсбери не содержат особо важных для нас сведений.

Альбом Леппяахо. Попытку более тщательного анализа имени мастера находим в альбоме клейм, составленном финским исследователем Леппяахо. Приводимый там рентгеновский снимок одного из двух «Гицелинов», имеющихся в Финляндии, дает сложную картину из перекрещивающихся линий, так как на нем отражается начертание букв одновременно обеих сторон меча [6]. Выделяя в хаосе линий штрихи клейма с именем мастера, Леппяахо понял его первые буквы опять как «g» и «i» (рис.

---

[4] *Schwietering J.* Meister Gicelin.— ZfHW, 1916, Bd VII. S. 211—215. Датировка мечей (XII—XIV вв.) здесь слишком поздняя и идет вразрез как с архаикой надписи, так и с другими хронологическими показателями, относящимися к затрагиваемой группе мечей. Опираясь на достижения последующих специалистов, можно сделать заключение о XII в. как о наиболее вероятном времени изготовления «Гицелинов». См. *Кирпичников А. Н.* Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв.— ССб., 1966, № XI, с. 279.

[5] *Oakeshott R. E.* The archaeology of weapons. London, 1960, p. 212—215.

[6] *Leppäaho J.* Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Helsinki, 1964, Taf. 27.

1, *4*). Надо, однако, заметить, что приводимая финским ученым другая прорись, составленная на основе обозрения той же надписи невооруженным глазом, резко отличается первой буквой от прорисн, составленной при анализе рентгеновского снимка (рис. 1, *5*).

Мечи из Латвии. Впервые в нашей стране исследование клейм «Гицелинов» было предпринято рижским историком-металловедом А. К. Антейном. Из надписей трех мечей этого рода в фондах музеев Латвии он воспроизвел две в виде прорисей, где читаем оба прежде отмеченные варианта имени [7]. Первая буква в одном случае обладает конфигурацией, совпадающей с «c», в другом — снабжена вертикалью, завершающей «g» в таком виде, который явно не соответствует времени изготовления «Гицелинов» (см. рис. 1, *6* и *7*) [8].

Открытие А. Н. Кирпичникова. Вскоре после исследований Антейна чистка мечей в ряде музеев А. Н. Кирпичниковым дала поразительный результат: первые буквы клейма довольно отчетливо проступали как «et (начальная — в унциальной форме [9]), и имя мастера стало звучать «Этцелин», т. е. как один из вариантов известного германского имени Этцель [10], встречающегося в «Песни о Нибелунгах». Источником для нового чтения послужили два меча из Пассельна в Латвии (раскопки Н. Е. Бранденбурга 1897 г.) [11], а также фактически меч из села Стайки на Украине [12]. Хотя начало клейма последнего меча зрительно воспринимается как «ct», но невозможность подобного фонетического сочетания позволяет считать первую форму или недописанной, или скорее поврежденной [13].

Чтение надписей А. Н. Кирпичниковым явилось новым этапом в изучении рассматриваемых клейм, т. е. когда утвердилось двойное чтение имени мастера: в одних случаях как «Гицелин», в других — «Этцелин». Надо отметить, что и А. К. Антейн в новейшей работе также пришел к чтению «Этцелин» на третьем из исследованных им мечей интересующей нас группы [14].

Меч из Московского Кремля. На 1975 г. приходится, как выше упоминалось, еще одна находка меча из группы «Гицелины — Этцелины», а именно в Московском Кремле. К сожалению, первая буква имени особенно сильно повреждена, вторая — не отличается ясностью (рис. 2) [15]. Однако даже невооруженным глазом у последней можно заметить небольшое покрытие [16]. Везде, где «i» несомненно (шесть раз на обеих сто-

---

[7] *Anteins A.* Damascētie un ierakstu zobeni Latvijā un to asmeņu tehnologija.— In: Par tehnikas vēsturi Latvijas PSR, VI, Rīga, 1964, p. 76.

[8] Исследованием клинков в натуре установлено, что вторая буква — «t» (во втором случае обычной капитальной формы).

[9] Употребление этой формы в качестве начальной наблюдается в надписях эпохи, близкой к «Этцелинам». См. Die deutschen Inschriften. Bd 11. Berlin — Stuttgart, 1968, № 10: на памятнике второй четверти XIII в. эта унциальная форма в начале слов (в том числе в начале имени Ezelinus) употреблена 4 раза и только 1 раз — в середине слова, капитальное «e» употреблено дважды только в середине слова.

[10] *Bach A.* Deutsche Namenkunde. Bd I, № 1. Heidelberg, 1952, S. 123. Ср. упоминание у Данте Алигьери («Божественная комедия». М.— Л., 1950, с. 51, ст. 109—110) графа Адзолино (имеется в виду падуанский тиран по имени Эдзелино да Романо).

[11] ГЭ, ОИПК, № 890/1087; 1066.

[12] КИМ, № 3286, с. 69148. Прориси клейм последних трех мечей см. *Кирпичников А. Н.* Ук. соч., с. 277.

[13] Характерно, что в каталоге мечей А. Н. Кирпичников принимает чтение «Etclin». *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. I. М., 1966, с. 87.

[14] *Anteins A.* Melnais metāls Latvijā. Rīga, 1976, p. 51. Здесь дается чтение «Etceli», что является, по-видимому, палеографическим вариантом написания, а не отклонением от обычной формы имени. Знак назализации может или отсутствовать, или легко исчезнуть при повреждении памятника.

[15] Все это привело первоначально и здесь к чтению «Гицелин». *Шеляпина Н. С., Авдусина Т. Д., Панова Т. Д.* Ук. соч., с. 98.

[16] Небольшие размеры покрытия у этой буквы — довольно обычное явление латинской эпиграфики. Та же особенность на мечах с надписью «Ульфберт»: *Lorange A. L.* Den yngre jernalders svaerd. Bergen, 1889, tab. II.

Вклейка к статье Д. А. Дрбоглава

Рис. 2. Фото фрагмента меча из Московского Кремля

Вклейка к статье Г. А. Федорова-Давыдова, стр. 286

Рис. 1. Браслет с Селитренного городища (оборотная сторона)

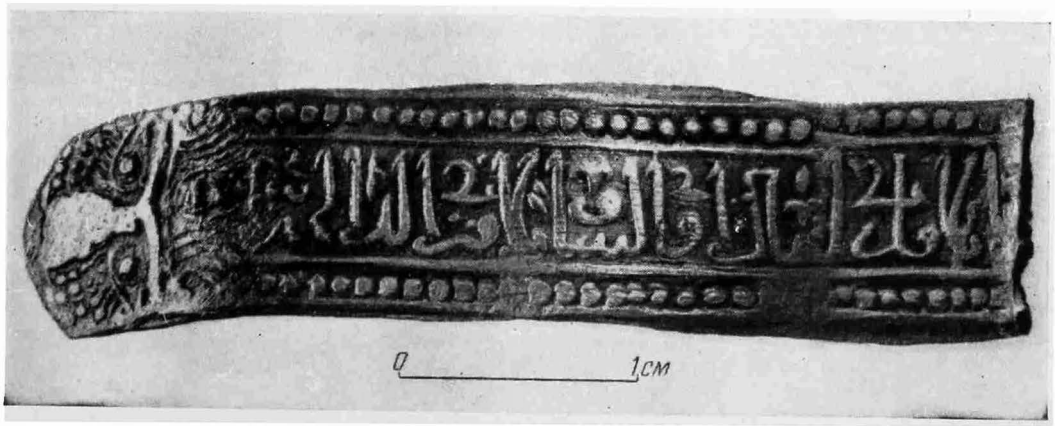


Рис. 2. Браслет с Селитренного городища (лицевая сторона)

Таблица I. *1* — статер Динамии 17/16 гг. до н. э.; *2* — римский денарий 18 г. до н. э.; *3—4* — медные монеты Боспора с монограммой ВАЕ; *5—9* — медь Боспора с монограммой ВАМ; *10—14* — медные монеты Аспурга с монограммой ВАР (14—37 гг. н. э.); *15—17* — римские монеты 13 г. до н. э. с именем Агриппы (*15*, *17* — серебро, *16* — золото); *18—20* — денарии Рима 12 г. до н. э.; *21—22* — медь Агриппии; *23* — медь Кесарии

ронах меча), покрытия нет. Кроме того, ее ось выполнена с бóльшим интервалом от первой буквы, чем это нужно для «i». После установления формы «t» фонетические возможности, как в случае с «Этцелином» из с. Стайки, приводят к чтению «Этцелин». Автор данной статьи пришел к этому решению при общем ознакомлении с графическими данными меча, при чтении оригинала еще до применения сложных технических приемов исследования.

Изучение первых двух букв многими техническими средствами было проведено Отделом криминалистических исследований Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР [17]. Его результаты исключили возможность присутствия «g» [18]. Макросъемка подтвердила неповрежденность нижнего конца фигуры «c» [19] — особенность, подмеченную составителями первой прориси клейма [20]. В ходе исследования сначала не была исключена возможность присутствия «t» [21]. Один из приемов привел почти полностью к восстановлению «e» (см. рис. 1, *8*) [22]. Последний метод, который не позволил восстановить первую букву, но дал прочтение «i», был положен фактически в основу общего вывода о чтении «Cicelin» как правильного прочтения имени. Данные ономастики, не дающей подобного имени, при этом не учитывались.

Итог палеографического исследования имени. Первоначальные исследования «Гицелинов — Этцелинов» привели к чтению на их клеймах 10 раз имени Гицелин (восемь клейм воспроизводились тем или иным способом).

Вспомним воспроизведение клейм всех «Гицелинов». Прорись у Оукшота допускает с таким же успехом чтение и «Этцелин». Те же результаты дают фото и прориси гамбургского меча и берлинского фрагмента. Но фото второго берлинского клинка позволяет заметить не только покрытие у второй буквы, но и язык у первой. Прориси мечей из музеев Латвии позволяют подозревать полное отсутствие в обоих случаях характерного элемента «g» и тем самым угадывать букву «e» (покрытие второй буквы в одном случае сильно стерто, а в другом — не замечено). Буква «g» у Леппяахо в первой прориси, сконструированная на основе анализа рентгеновского снимка, получает не очень убедительный вид, а его прорись, выполненная без применения техники, говорит о букве «e». Наконец, почти вся совокупность изысканий о кремлевском мече также приводит к чтению «Этцелин».

Таким образом, ни один исследованный клинок не содержит достаточных и бесспорных данных для чтения «Гицелин». В то же время по меньшей мере в пяти случаях (мечи из Берлина и Финляндии, два из Латвии, кремлевский клинок), т. е. когда нам удавалось ознакомиться или с подлинником, или с фото при хорошей сохранности клейма, имя мастера уверенно читалось как «Этцелин». Эти случаи нужно добавить к четырем «Этцелинам» (исследования А. Н. Кирпичникова и А. К. Антейна), и картина станет достаточно убедительной.

Истолкование клейм Швитерингом тяготело в течение десятилетий над всеми исследованиями надписей затронутой группы мечей (назовем ее теперь всю «Этцелины»). Никто не пытался поставить под сомнение правильность однажды принятого чтения. В научной литературе возник своеобразный миф о мечедельце Гицелине, поколебленный лишь в сравнительно недавнее время благодаря исследованиям А. Н. Кирпичникова.

---

[17] Справка по исследованию № 4 от 30 января 1976 г. (находится в делах Музеев Московского Кремля).

[18] Там же, с. 2.

[19] Там же, фото № 3.

[20] *Шеляпина Н. С., Авдусина Т. Д., Панова Т. Д.* Ук. соч., с. 99.

[21] Справка..., с. 3.

[22] Там же, с. 4.

Проблема вариантов. Наличие разных вариантов в исполнении одного и того же клейма — явление, с которым приходится сталкиваться при знакомстве уже с ранними надписями на средневековых мечах. Та же проблема остается и для последующего времени. Она может быть более или менее трудной в зависимости как от сохранности начертаний, так и от сложности употребляемых на клейме сокращений.

Применительно к «Этцелинам» [23] обратимся сначала к вариантам лозунга «во имя господа». Словесное выражение его все 13 экземпляров дают одно и то же. Второе и третье слово исполняются обычно полностью. Исключением, в частности, является кремлевский меч, где в написании «domini» устранен первый носовой звук в соответствии с элементарными палеографическими правилами.

Значительно сложнее решается вопрос о начертании предлога. Согласно подавляющей части транскрипций этого клейма получается, что предлог обычно передается только буквой «n», в первом штрихе которой, согласно Вегели, мыслится и первая буква [24]. Знакомство с фото фрагмента берлинского «Этцелина» убеждает в допущенной этим ученым, а за ним Швитерингом второй ошибке. Она была обусловлена тем, что они учитывали лишь хорошо заметные на металле штрихи. В то же время их не смутил слишком большой интервал между крестом и буквой «n». Учет подобных интервалов, а иногда установление остатков от первой буквы [25] надписи позволяет сделать вывод, что если и допустить возможность передачи предлога буквой «n» по примеру более ранних надписей, то это случается гораздо реже, чем отражено в транскрипциях и прорисях. Такую необычную передачу предлога можно подозревать из девяти обследованных нами надписей в оригинале или фото только в двух (в одной берлинской и одной пассельнской [26]).

Не следует также преувеличивать значение вариантов имени Этцелин. Не будем давать конъектуры к чтению имени на мече из с. Стайки: прорись клейма говорит о его плохой сохранности. Отметим остальные. Данное в новейшей работе А. Антейна чтение «Etceli», как уже сказано, легко может быть понято в качестве палеографического сокращения полного написания имени. Наконец, отмечаемое в той же работе чтение «Etcelini» перекликается с прорисью берлинского фрагмента. Там написание «Etcelni», возможно, палеографическое сокращение «Etcelini», если мы выше допустили сокращение «in» в «n». Не исключено, что это — единственное фонетическое отклонение от основной формы, т. е. определенный вариант, который напоминает своим окончанием имя более старого мечедельца Ингельрии.

Данные ономастики. Имя Гицелин не встречается в указателях по германской ономастике [27], и почти нет источников, где бы обнаруживалось звучание, близкое к интересующему нас. Показательно, что Швитеринг [28] и Оуксхот [29] по-разному пытаются решить вопрос о его происхождении. Еще более показательно, что один из исследователей ухватился за упоминание в источниках послушника Getzelin'a (Gitzelin'a) [30]. Поскольку палеография не позволяет читать имя, которое прежде предполагали, изыскания из области ономастики в данном вопросе теряют

---

[23] В этом параграфе везде заменяется сочетание «Ги» (Gi) на «Эт» (Et).

[24] *Wegeli R.* Op. cit., S. 225.

[25] На гамбургском мече Швитеринг видел предлог в написании «i», так как не заметил остатков ни первого креста, ни первых осей букв.

[26] ГЭ, ОИПК, № 890/1087.

[27] Даже в солидных работах: *Förstemann E. W.* Altdeutsches Namenbuch. Bd 1. Nordhausen, 1856; *Bach A.* Op. cit.

[28] *Schwietering J.* Op. cit., S. 211.

[29] *Oakeshott R. E.* Op. cit., p. 213.

[30] *Bernhardt J.* Bezeichnungen mittelalterlicher Schwerter.— In: Zeitschrift für historische Waffenkunde, Bd 11. Berlin, 1928, S. 219.

смысл. Они до сих пор фактически служили лишь подкреплению легенды о Гицелине.

При работе над клеймами «Этцелинов» были использованы определенные приемы палеографии и те палеографические «мелочи», которые в общих теоретических исследованиях по истории письма часто не учитываются. Прослеживание особенностей начертания латинских букв в эпоху, близкую к «Этцелинам», и логика интервалов дают возможность ориентироваться в системе штрихов клейма, носящего имя мастера. Таким образом, применение палеографических методов в клинковой эпиграфике следует признать необходимым. Оно может создать основу для правильного чтения и других надписей на мечах.

D. A. Drboglav

LA SIGNIFICATION EPIGRAPHIQUE D'UNE EPEE AU KREMLIN DE MOSCOU

(Le mythe de Gicelin)

Résumé

Les recherches faites au XXe siècle ont rélevé un important groupe d'épées d'Europe occidentale, caractérisées par les marques suivantes: sur une des faces de la lame est gravé «in nomine domini», sur l'autre le nom de l'artisan accompagné de l'expression «me fecit». Longtemps on a cru lire le nom de «Gicelin». A. N. Kirpitchnikov, ayant procédé au nettoyage de ces épées, a déchiffré le premier le nom de «Etcelin». Le fait qu'on ait trouvé au Kremlin de Moscou, en 1975, encore une épée du même groupe a incité l'auteur de cet article à étudier les documents dont il disposait, et qui concernaient les marques en question. La conclusion tirée de ces travaux est qu'aucune des publications ne donne une nette lecture de «Gicelin», alors que dans beaucoup de cas les mêmes documents et l'étude des inscriptions directement sur l'objet ont permis de faire la même lecture que A. N. Kirpitchnikov. Il est donc juste de parler d'un groupe unique d'épées dues à l'artisan Etcelin, et de ne pas en séparer des épées portant le nom de «Gicelin». Dans l'article on attire l'attention sur l'importance qu'il y a, en procédant à l'analyse des inscriptions faites sur les armes, de prendre pour base une étude plus attentive des particularités paléographiques de l'écriture. C'est seulement alors que l'emploi de moyens techniques pour les analyses permettra de tirer de justes conclusions.

Л. А. ГОЛУБЕВА, А. Б. ВАРЁНОВ

ПОЛЫЕ КОНЬКИ-АМУЛЕТЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Бронзовые полые подвески в виде одноглавого или двуглавого коня с шумящими привесками давно привлекают внимание исследователей многочисленностью, широчайшим ареалом, поздней датой своего появления и сложностью зооморфного образа. В археологической литературе их называли также «подвесками-уточками» (А. А. Спицын, В. В. Седов) и «коньками-птицами» (П. Н. Третьяков). Действительно, с птичьими подвесками их сближает в некоторых случаях форма головы, хвостика и волнистый орнамент по тулову. Рассматриваемый как идеограмма воды, этот орнамент появляется на полых подвесках-амулетах в виде водоплавающих птиц (уточек) бассейна Оки уже в VI—VII вв. В X—XIII вв. он встречается на подвесках-уточках (типичного женского украшения финно-угров) Поволжья, Прикладожья и Прикамья. Однако на «конскую» сущность рассматриваемых подвесок ясно указывают массивная, часто высокая шея и грива (сканая, в виде полоски или колечек). Два последних признака позволяют отличить их и от весьма стилизованных полых зооморфных подвесок Костромского Поволжья XIII в., известных как птички-«барашки» [1], к тому же птичьи подвески никогда не бывают двуголовыми.

Вопросов хронологии, этнической интерпретации и в меньшей степени типологии этой группы коньков-подвесок касались в печати А. А. Спицын, А. В. Арциховский, Н. П. Журжалина, В. В. Седов и М. В. Седова, Е. А. Рябинин. А. А. Спицын первоначально отнес время появления этих коньков в курганах северо-западной окраины древней Руси к XI в. и разделил их на две хронологические группы — XI—XII и XIII—XIV вв.[2] Позднее он отказался от столь ранней даты и время бытования этих украшений определил XIII—XIV вв.[3] П. Н. Третьяков датировал «коньки-птицы» костромских курганов XIII—XIV вв., но замечал, что единичные экземпляры полых коньков встречались и раньше (в конце XII—XIII в.)[4]. Н. П. Журжалина, сопоставляя многочисленные курганные находки полых коньков-подвесок с данными раскопок в Новгороде, датировала их XII—XIV вв.[5] М. В. Седова, указав, что основная масса этих украшений в Новгороде найдена в слоях XIII—XIV вв., отметила их появление в слое конца XII в.[6]

---

[1] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Костромского Поволжья.— КСИА АН СССР, 1975, № 144, с. 38, рис. 1, *15—18*.

[2] *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, 1896, № 20, с. 21, 44.

[3] *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова.— МАР, 1903, № 29, с. 26.

[4] *Третьяков П. Н.* Костромские курганы.— ИГАИМК, 1931, т. X, вып. 6—7, с. 26.

[5] *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка.— СА, 1961, № 2, с. 139, 140.

[6] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65, с. 230, 231.

Типология описываемых коньков-подвесок оставалась неразработанной [7], хотя в изданиях отмечалось разнообразие их внешнего вида. М. В. Седова предложила деление на два типа: одноглавые и двуглавые, что не отражает действительного многообразия этих изделий [8]. Е. А. Рябинин выделил «ингерманландские», или новгородские, типы [9], не указав детально их признаки. В настоящей статье впервые дается полная типология полых коньков-подвесок.

Помимо Новгорода [10] привлечены данные о всех известных авторам находках полых коньков на территории Восточной Европы [11].

Коньки отливались по восковой модели из бронзы и других сплавов. При стандартности тулова головка конька моделировалась различно. За основу типологии взяты формы головки конька и рисунок гривы. Выделено девять типов. Оказалось, что одноглавость и двуглавость коньков при выделении типов не имеет существенного значения. Эти признаки могут служить основой вариантов (рис. 1).

Среди подвесок первого-третьего, пятого типов встречаются как одноглавые, так и двуглавые коньки. Четвертый, шестой, восьмой и девятый типы представлены только одноглавыми, а седьмой — только двуглавыми экземплярами.

Для понимания происхождения описываемых подвесок и последовательности появления отдельных типов имеет существенное значение их стратиграфия в культурном слое Новгорода [12] (табл. 1).

Как видно из табл. 1, в Новгороде найдено шесть из девяти типов коньков. Первые три типа представлены сериями находок. Наиболее ранними (конец XII — рубеж XIII—XIV вв.) являются первый, второй и пятый типы. Наиболее многочисленный третий тип появляется только в середине XIII в. и бытует вплоть до начала XV в. Пятый, седьмой и девятый типы представлены единичными находками и для Новгорода нехарактерны. Четвертый, шестой и восьмой типы отсутствуют.

Топография находок коньков-подвесок на территории Новгорода представлена на табл. 2.

Наибольшее число находок сделано в Неревском конце Новгорода, с которым исследователи предположительно отождествляют неславянский (угро-финский) поселок, составивший вместе с двумя славянскими ядро древнейшего города [13]. Картографируя находки коньков в границах Неревского раскопа, А. Б. Варёнов обратил внимание на то, что они тяготеют к тем археологически выявленным древним усадьбам, где сосредоточены и другие элементы «чудской» (угро-финской) культуры, как-то: многобусенные височные кольца, пронизки в виде буквы Ф, лапчатые привески, булавки прибалтийско-финских типов. Концентрации полых коньков на усадьбе Е отвечают находки здесь же в одновременных слоях

---

[7] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Костромского Поволжья.— КСИА АН СССР, 1975, № 149, с. 38.

[8] *Седова М. В.* Ук. соч.

[9] *Рябинин Е. А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли.— В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 56, рис. 5, 6. На рисунке представлены два различных типа коньков-подвесок (по нашей классификации I и III типы).

[10] Типология новгородских находок предложена А. Б. Варёновым (см. *Варёнов А. Б.* Этнические основы возникновения древнего Новгорода. Дипломная работа. М., 1975. Архив кафедры археологии истор. фак-та МГУ, с. 57—60).

[11] В статье использованы издания раскопок приладожских, костромских и других курганов, рукописные отчеты исследователей из архивов ИА АН СССР и ЛОИА, коллекции Гос. Эрмитажа, ГИМ, Центрального музея ТАССР, краеведческих музеев Костромы, Иванова, Вологды, Архангельска, Тотьмы.

[12] Авторы выражают благодарность сотрудникам Новгородской экспедиции В. Л. Янину, Г. А. Авдусиной и М. В. Седовой за предоставленную возможность использовать материалы экспедиции и опубликовать некоторые находки.

[13] *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2, с. 42, 43. Этот раскоп самый крупный в Новгороде (площадь свыше 10 000 *м*²).

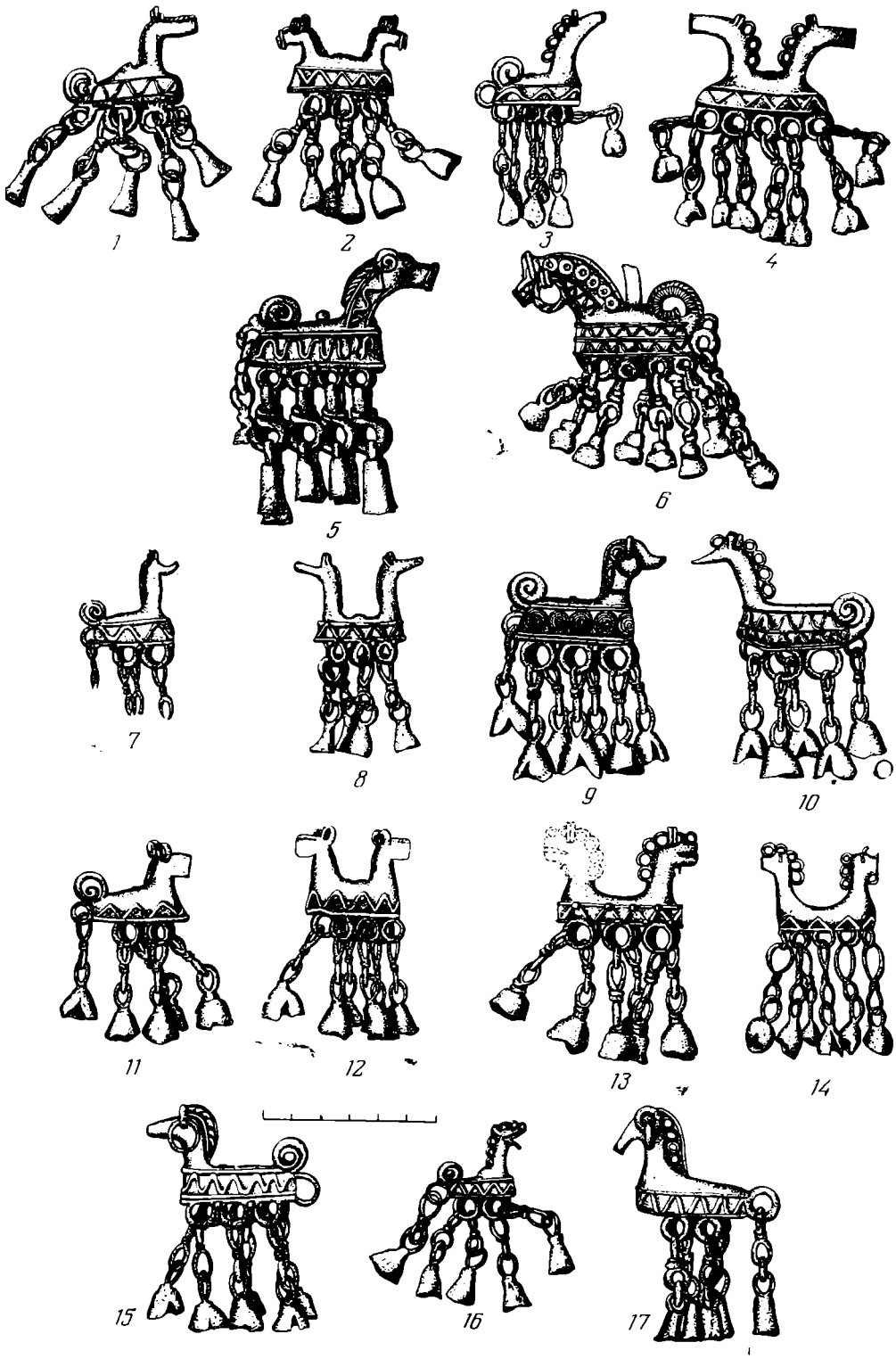


Рис. 1. Типы полых коньков-амулетов. *1—2, 5* — тип I; *7, 8* — тип II; *11, 12* — тип III; *15* — тип IV; *3, 4, 6* — тип V; *9, 10* — тип VI; *13, 14* — тип VII; *16* — тип IX; *17* — тип VIII. *1* — Гарняки; *2* — Озерово; *3* — Старица; *4* — Палашкино; *5* – бывш. Тихвинский уезд; *6* – Щипняк; *7, 11–13, 16* – Новгород; *8* – Крестцы; *9* – Покров; *10* – Тимонино; *14* – Новгородовская; *15* – Никульцево; *17* – Елкотово

Таблица 1

Стратиграфия полых коньков-подвесок по раскопкам в Новгороде

Типы коньков	Рубеж XII—XIII вв.	XIII в.				Рубеж XIII—XIV вв.	XIV в.				Рубеж XIV—XV вв.	XV в.	Итого
		I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.		I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.			
I	2		1	1	1		1						6
II	1			2	1	2	3						9
III			2	2	5	5	4	3	6			1	28
IV													
V	1	1		1									3
VI													
VII					1								1
VIII													
IX				1			1						2
	4	1	3	7	8	7	9	3	6			1	49

Примечание. В таблице приведены только находки, имеющие точную дату.

Таблица 2

Находки полых коньков-подвесок в Новгородских раскопах

Типы коньков	Раскопы								Итого
	Нерев-ский	Киров-ский	Ильин-ский	Словен-ский	Лубяниц-кий	Торго-вая сторо-на	Суво-ровс-кий	Троиц-кий	
I	6								6
II	6		2	1			1	1	11
III	16	6	1	1		1			25
IV									
V	1	1			1				3
VI									
VII	1								1
VIII									
IX	2								2
Тип неизвестен	1	1	1						3
Всего	33	8	4	2	1	1	1	1	51

«карельских» берестяных грамот и грамот, содержащих прибалтийско-финские имена [14].

Еще одно немаловажное наблюдение сделано на археологических материалах Новгорода: коньки здесь не только носили, но и изготовляли. Доказательством служат три незавершенные или бракованные отливки, найденные в разных частях города. Две такие бракованные подвески найдены в Кировском раскопе на уровне 10 яруса (конец XIII в.) вместе с тиглями, литейными формами и другими орудиями бронзолитейного производства [15]. Третья отливка происходит из слоя второй половины XIII в. Ильинского раскопа [16]. Кроме того, при раскопках собрано 23 обломка подвесок (части тулова и главным образом шумящие привески-бубенчики с костыльками).

Новгород был, несомненно, центром, где производились и бытовали интересующие нас подвески. Но был ли он единственным? Ареал подвесок необычайно велик. Они обнаружены на территории, простирающейся в

[14] *Варёнов А. Б.* Ук. дипломная работа.
[15] Новгород 1973, пласт 23, кв. 10, № 612, и кв. 68, № 613.
[16] Новгород 1963, пласт 17, кв. 137, № 28.

Таблица 3

Распространение полых шумящих коньков-подвесок

	Типы коньков										Итого
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	тип неизвестен	
Архангельская			2		4				1		7
Белорусская ССР			1								1
Брянская	2										2
Владимирская			1								1
Вологодская		3			5		2			2	12
Горьковская			1								1
Ивановская и Костромская	6	12		4	3	4	1	2	2		34
Калининская	7	1			4				2	1	15
Калужская					1						1
Карельская АССР									1		1
Киевская		1									1
Кировская									1		1
Коми АССР		1	2		1		1	1	1	3	10
Латвийская ССР	12								1		13
Ленинградская (без Приладожья)	6	3	7		3			1	2	6	28
Приладожье	5				1						6
Московская		1			3	6					10
Новгородская (без Новгорода)	4	2	3								9
Новгород	8	11	28		4		1		2	3	57
Пермская	2	3	2		3					1	11
Псковская	7		8		3						18
Рязанская	1	2									3
Татарская АССР	3	1	3								7
Финляндия	2		2		1						5
Эстонская ССР		1	6						3		10
Ямало-Ненецкий округ	1										1
Местонахождение неизвестно			1				1		1		3
Итого	66	42	67	4	36	10	5	4	16	16	266

широтном направлении от Латвии и Эстонии до Западной Сибири; от Финляндии, Карельской АССР и Архангельской области на севере до Среднего Поволжья (рис. 2, табл. 3).

Рассмотрим топографию находок этих подвесок по типам.

Первый тип (66 экз.). Коньки с цилиндрической мордочкой, схваченной часто ободком на конце. Грива сканая, продольная. Ушки в виде сдвоенных колечек или завитков. По тулову волнистый орнамент (в двух случаях — из рядов горизонтально напаянной проволоки). Хвост в виде восьмерки, верхняя часть имеет спиральный завиток. Шумящие привески — конические колокольчики или круглые однопрорезные бубенчики на проволочных костыльках в виде двух взаимно перпендикулярных окружностей. Тип имеет два варианта.

Первый вариант. Коньки-подвески одноглавые (32 экз.). Внизу тулова — четыре петли для шумящих привесок, иногда украшенные зернью. Подвески из Новгорода отличаются стандартностью, характерной для серийного производства (рис. 1, *1*). Подвески из костромских курганов различны по размеру [17], в одном случае имеют по тулову вертикальный орнамент [18]. Особняком стоит крупный конек-подвеска с восемью петлями внизу тулова, волнистым орнаментом по тулову и шее, с массивны-

[17] *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1885 и 1896 гг.— МАВГР, т. III, табл. III, *10*.

[18] Там же, табл. III, *13*.

ми литыми костыльками (рис. 1, *5*). Он найден в бывш. Тихвинском уезде Новгородской губ.[19]

Второй вариант. Коньки такие же, двуглавые (34 экз.). Внизу шесть петель для шумящих привесок.

Коньки первого типа появляются в Новгороде в конце XII в. и бытуют до конца XIII — начала XIV в. В самом Новгороде найдено 8 экз., из них шесть одноглавых. Севернее и восточнее Новгорода в пределах древней территории веси найдено шесть таких коньков, три из них — в приладожских курганах конца XII—XIII в.[20] Коньки этого типа интенсивно проникали в Поволжье. Так, 6 экз. найдено в костромских курганах, есть они и в Среднем Поволжье, в Прикамье. Самая восточная находка сделана в Хантыйском могильнике Халас-Погор на нижней Оби, близ Салехарда[21]. На западе они известны в Эстонии, Латвии и Финляндии, где имеют ту же дату[22].

Второй тип (42 экз.). Коньки с мордочкой, уплощенной по горизонтали, с плоским концом, иногда загнутым вверх. Грива сканая, продольная. Орнамент на тулове волнистый. Привески те же, что у коньков первого типа. Имеет два варианта.

Первый вариант (33 экз.). Коньки одноглавые (рис. 1, *7*). Внизу тулова четыре петли для шумящих привесок. Новгородские коньки этого варианта однообразны. Среди костромских встречен экземпляр с вертикальным орнаментом[23].

Второй вариант (9 экз.). Двуглавые коньки (рис. 1, *8*).

По данным, любезно предоставленным М. В. Седовой, в Новгороде найдено 11 коньков второго типа. Как и коньки первого типа, они появляются в конце XII в. и встречаются до конца XIII в. включительно. В северо-западных землях древнего Новгорода их найдено три. 12 коньков происходят из курганов Костромского и Кинешемского Поволжья, где распространены сходные зооморфные подвески, известные как птички-«барашки».

Третий тип (67 экз.). Мордочка конька уплощена по вертикали, короткая, подпрямоугольная. Грива продольная, сканая. По тулову волнистый орнамент. Шумящие привески такие же, как у коньков первого типа, однако можно говорить о преобладании круглых однощелевых бубенчиков (рис. 1, *11, 12*). Тип разделяется на два варианта.

Первый вариант. Коньки одноглавые (30 экз.). Один из коньков имеет на уплощенной мордочке углубленную горизонтальную линию (очевидно, ею показана пасть) и двойной волнистый орнамент по тулову. Он найден при раскопках 1953 г. в Новгороде.

Второй вариант. Коньки двуглавые (37 экз.).

Коньки третьего типа в Новгороде появляются позже, чем два первых, и бытуют со второй половины XIII до начала XV в. В Новгороде обнаружена почти половина всех коньков этого типа — 28 экз., среди которых 17 двуглавых. Характерно также преимущественное распространение коньков третьего типа в древней Водской пятине, в Псковской обл. (под Гдовом, на старом городище Изборск, в кургане близ дер. Лезги, севернее Изборска, в могильнике у дер. Чухново Печорского р-на), а также на территории Эстонии, где они имеют ту же дату, что в Новгороде[24].

---

[19] ОИПК ГЭ, секция северо-запада, колл. 702.

[20] *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, табл. 4. *5*.

[21] *Могильников В. А.* Элементы древних угорских культур в материале Хантыйского могильника Халас-Погор на Оби.— АЭБ, 1964, т. II, рис. 2, *9*.

[22] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, Taf. 125, Abb. 1135; *Zarina A.* Dàzu Martinsalas kapsetes kapu senlitetu kompleksi ar stilizetu Dzivnieku Figuru Piekarniem.— «Arheologija un etnografija», № XI. Riga, 1974, fig. 1, *9*, fig. 6.

[23] ОИПК ГЭ, секция северо-запада, колл. 1043, № 190.

[24] *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, табл. XXVI, *11*, с. 93; Таллин, Исторический музей, археологический отдел, инв. № 355/3. Сообщено Р. Л. Розенфельдтом.

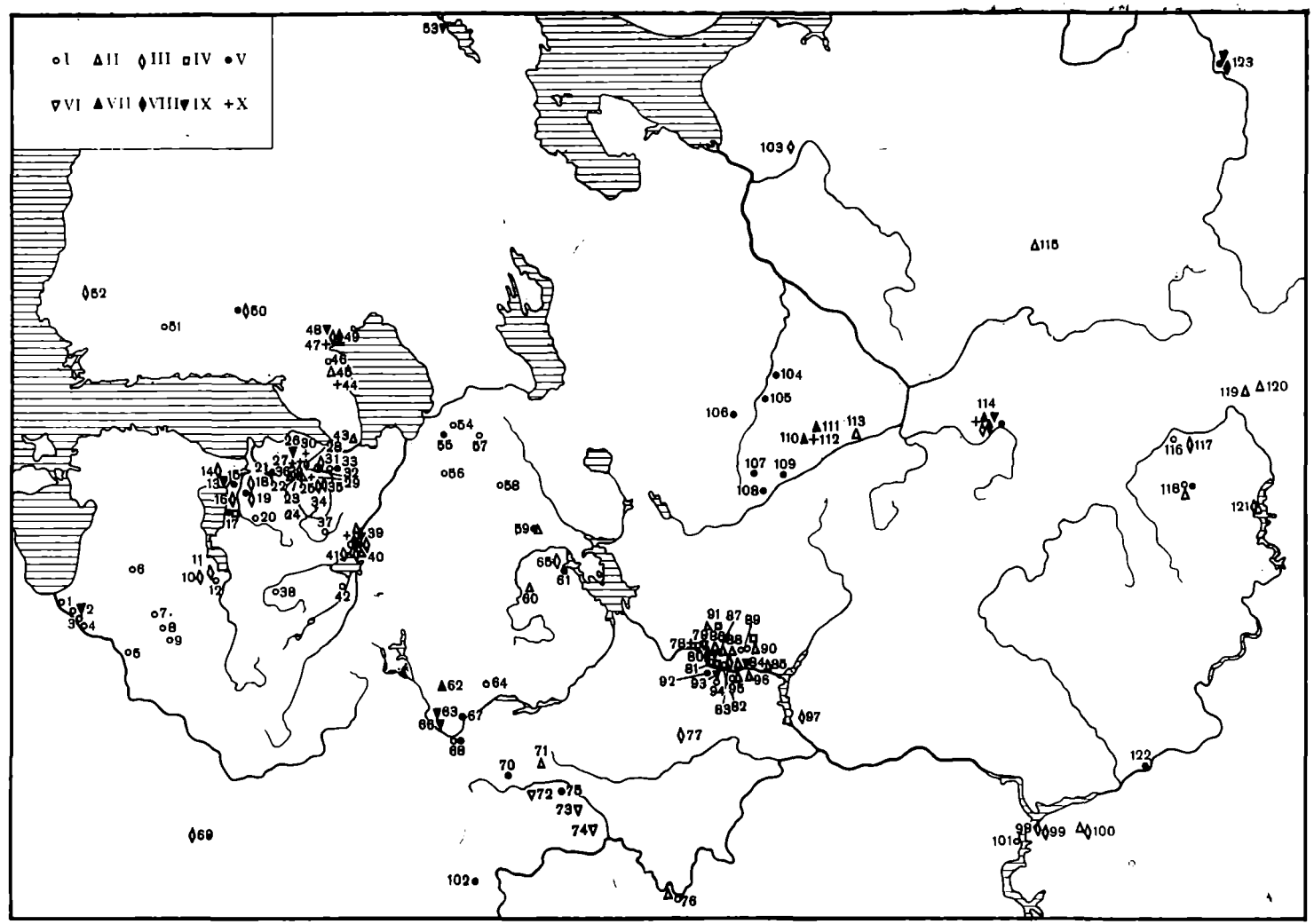

I II III IV V
VI VII VIII IX X

Рис. 2. Распространение полых коньков-амулетов. I—IX — типы коньков-амулетов; X — тип неизвестен. *1* — Рига; *2* — Мартиньсала; *3* — Саласпилс; *4* — Лиеварде; *5* — Трепес; *6* — Яунбембер; *7* — Вецгулбене; *8* — Балву; *9* — Даниловка; *10* — Чухновский могильник; *11* — Лезги; *12* — Изборск; *13* — Пюхтицы; *14* — Иоуге; *15* — Ольгин Крест; *16* — М. Каменка; *17* — Калихновщина; *18* — Савиновщина; *19* — Куричек; *20* — Крапивно; *21* — Мануйлово; *22* — Лотошинцы; *23* — Рабитицы; *24* — Озерицы; *25* — Тресковицы; *26* — Богуничи; *27* — Клопицы; *28* — Ожогино; *29* — Калитино; *30* — Котино; *31* — Матакюля; *32* — Таровицы; *33* — Вопша; *34* — Старо-Сиверская; *35* — Ново-Сиверская; *36* — Даймище; *37* — Заветы Ильича; *38* — Булавино; *39* — Новгород; *40* — Рюриково городище; *41* — Перынь; *42* — Старая Русса; *43* — Орешек; *44* — Саккала; *45* — Рейсала; *46* — Кауккола — Кокемяки; *47* — Хиттола; *48* — Тиверск; *49* — Лапинлахти; *50* — Миккели-Туукола; *51* — Весилахти; *52* — Кокемяки; *53* — Усть Понча; *54* — Гарняки; *55* — Щипняк; *56* — б. Тихвинский уезд; *57* — Ефремково; *58* — Озерово; *59* — Бабаево; *60* — Крестцы; *61* — Добрый Бор; *62* — Могилевский скит; *63* — Васильевское; *64* — Мужищево; *65* — Таирово; *66* — Кривая улица; *67* — Старица; *68* — Ягодина; *69* — Борисов; *70* — Палашкино; *71* — Жела; *72* — Калчуга; *73* — Покров; *74* — Мякинино; *75* — Успенское; *76* — Старая Рязань; *77* — бывш. Суздальский уезд; *78* — Никулино; *79* — Тимонино; *80* — Елкотово; *81* — Дренова; *82* — Сторожева; *83* — Новленское; *84* — Максимовка; *85* — Зуева; *86* — Б. Андрейково; *87* — Зиновьева; *88* — Северцы; *89* — Есиплево; *90* — Никульцево; *91* — Погореловка; *92* — Кошелиха; *93* — Иорданиха; *94* — Сухарева; *95* — Кубасова; *96* — Особняк; *97* — Городец; *98* — Ага-Базар; *99* — Болгар; *100* — Биляр; *101* — Тетюши; *102* — Серенск; *103* — Немнюга; *104* — Васильевское городище; *105* — Городок; *106* — Ростовское; *107* — Кудринская; *108* — Марьинская; *109* — Старовская пустошь; *110* — Новгородовская; *111* — Игумновская; *112* — Ульяновская; *113* — Ягрыш; *114* — Лоемский могильник; *115* — Ыджыдьяльский могильник; *116* — Елева; *117* — Харинский могильник; *118* — Выжайка; *119* — Бурдаковский могильник; *120* — Искор; *121* — Купрос; *122* — Котловский могильник; *123* — Печора

Примечательно отсутствие коньков этого типа в Приладожье и Костромском Поволжье. Зато на северо-востоке они найдены на реках Пинеге [25] и Печоре [26].

Тип четвертый (4 экз.; рис. 1, *15*). Мордочка конька уплощена по вертикали, вытянута, конец округлен. Грива сканая, продольная. В ушах продеты колечки. Петель внизу тулова шесть. Костыльки литые массивные, в виде двух взаимно перпендикулярных окружностей. Шумящие привески — круглые однощелевые бубенчики. Орнамент волнистый и косорешетчатый. Найдены в костромских курганах [27].

Пятый тип (36 экз.). Мордочка конька цилиндрическая, обычно узкая, часто с ободком на конце. Грива из сканых колечек, сверху и вдоль которых иногда напаяна проволока. Шумящие привески — однощелевые бубенчики. Тип имеет два варианта.

Первый вариант (30 экз.). Коньки одноглавые. Петель внизу тулова шесть или восемь (рис. 1, *3*). В коньках этого варианта сильны местные особенности. Так, у всех коньков из Костромского Поволжья мордочки короткие, а в ушах продеты колечки. У четырех коньков с древней территории веси необычен орнамент в виде: косой решетки [28], двойного ряда сканых колечек [29], волны — не только по тулову (в два ряда), но и по шее (рис. 1, *6*). Эта редкая особенность орнамента сближает конек, найденный на р. Паше [30], с упоминавшимся коньком первого типа из бассейна р. Тихвинки (рис. 1, *5*). У обоих коньков одинаковое число петель (8), массивные литые костыльки. Вероятно, они изготовлены в одной мастерской.

Второй вариант (6 экз.). Коньки двуглавые.

Коньки пятого типа представлены в Новгороде (3 экз.) в слоях конца

[25] Архив ЛОИА АН СССР, ф. I, д. 1909, № 80.

[26] Находки В. А. Русанова на Печоре в 1903 г. ВОКМ, колл. 988/6.

[27] *Нефедов Ф. Д.* Ук. соч., табл. III, *2*; КОКМ, колл. 15461, из курганов у деревень Погорелова и Дренева.

[28] *Черницын Н. А.* Угро-финские могильники на территории Вологодской области.— СА, 1966, № 4, рис. 2, *1*; *Тухтина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна Шексны в XI—XII вв.— АСб. ГИМ, 1966, № 40, рис. 4, *3* (левый).

[29] *Спицын А. А.* Археологический альбом.— ЗОРСА, 1915, т. XI, рис. 41.

[30] *Кочкуркина С. И.* Курганы на р. Паше.— СА, 1967, № 4, рис. 1, *3*.

XII—XIII вв. Они известны в западных землях древнего Новгорода, но наибольшее распространение получили в Вологодской и Калининской областях. На северо-востоке они достигали Ваги и Печоры [31]. Судя по форме головы, этот тип коньков явно производен от первого типа.

Шестой тип (10 экз.). Коньки одноглавые, морда уплощена по горизонтали, вытянута и слегка вздернута, как у типа второго. Грива колечками. На тулове в одном случае двойной волнистый орнамент. Петель четыре или шесть. Шумящие привески — однощелевые круглые бубенчики. Шесть подвесок найдено в курганах XIII в. Московской обл.[32], четыре — в костромских курганах [33]. Коньки костромские отмечены большими колечками в ушах. На двух подвесках орнамент из волют. Тип является производным от второго (рис. 1, *9, 10*).

Седьмой тип (5 экз.). Коньки двуголовые. Короткие уплощенные по вертикали, прямоугольные морды, как у третьего типа. Грива колечками, под шеями также колечки. Шумящие привески — круглые однощелевые бубенчики. Одна подвеска найдена в Новгороде в горизонте конца XIII в. На морде конька углубленной линией показана пасть [34]. Три подвески происходят из бассейна Сухоны. Две из них представляют собой случайные находки в Тотемском р-не Вологодской обл.[35] Третья найдена в погр. 19 Лоемского могильника на р. Лузе с вещами конца XII—XIII в.[36] Пятый конек, беспаспортный, хранится в Ивановском краеведческом музее. Тип явно производен от третьего типа коньков (рис. 1, *13, 14*).

Восьмой тип (5 экз.). Коньки одноглавые. Мордочка уплощена по вертикали, сужена, имеет клювовидную форму (рис. 1, *17*). Грива колечками. Две подвески происходят из костромских курганов. У одной из них грива и кольцевидный орнамент отлиты вместе с туловом [37]. Еще две найдены в погребениях 12 и 27 Лоемского могильника на р. Лузе [38]. Пятая найдена в Карельской АССР [39].

Девятый тип (16 экз.). Коньки одноглавые, морды уплощены по горизонтали. Пасть широко раскрыта, иногда в ней помещен проволочный завиток. Грива колечками, под головой одно или два колечка. Петель внизу четыре или шесть. Шумящие привески — конические колокольчики или круглые однощелевые бубенчики. В Новгороде найдено два таких конька в слое середины XIII — нач. XIV в. Этот тип коньков распространен преимущественно восточнее Новгорода, там же, где известны типы второй и шестой. Это древняя территория веси, ее восточных и северных соседей (рис. 1, *16*).

Этническая принадлежность полых коньков-подвесок

А. А. Спицын, отмечая, что рассматриваемые подвески «нигде не встречены, кроме петербургских, костромских и владимирских курганов», не мог указать для них прототипа. Один из образцов подвесок (в котором

---

[31] «Чудские ямы» близ с. Аранец б. Печорского уезда; см. *Канивец В. И.* Археологические находки путешественника Владимира Русанова.— Коми филиал Академии наук СССР. Историко-филологический сборник, вып. 8. Сыктывкар, 1963, рис. 11, *1, 12*; ВОКМ, колл. 9884/2, 5.

[32] *Городцов М. В.* Вятические курганные погребения близ дер. Мякининой Московской губернии и уезда.— ТСА РАНИОН, 1929, вып. IV, рис. 18; *Юшко А. А.* Покровские и Стрелковские курганы.— СА, 1972, № 1, рис. 7, *2*; Древности, изданные временной комиссией для разбора древних актов. СПб., 1846, табл. X, *3, 4*.

[33] *Нефедов Ф. Д.* Ук. соч., рис. III, *9*; КОКМ, подвески из Елкотово и Тимонино (раскопки Н. М. Бекаревича), колл. № 1545.

[34] Новгород, раскопки 1952 г., инв. № 10426.

[35] *Едемский Е.* Кокшеньгская старина.— ЗОРСА, 1907, т. VII, № 2, рис. 2.

[36] *Савельева Э. А.* Ук. соч., табл. 14, *15*.

[37] *Нефедов Ф. Д.* Ук. соч., табл. III, *3*.

[38] *Савельева Э. А.* Ук. соч., табл. 16, *1*.

[39] *Schwindt T.* Tietoja karjala rautakaudesta.— SMYA, 1893, XIII, fig. 342.

признаки коня в виде высокой шеи и гривы особенно заметны) он отнес к древностям води [40].

П. Н. Третьяков, объединявший термином «коньки-птицы» как стилизованные полые птичьи подвески, так и рассматриваемые нами подвески-коньки, указывал, что они ведут свое происхождение от ранних окских могильников [41]. Подвески из костромских и петербургских курганов он равно считал «чудской» (финской) принадлежностью женского костюма. В. В. Седов, также называвший полые зооморфные украшения общим термином «уточки», отнес подвески из петербургских и гдовских курганов к этнически определяющим украшениям води [42]. Он указывал, что полые шумящие «уточки» известны также у карелов и встречены в областях расселения ижоры, веси, мери. Он рассматривал эти украшения в качестве финно-угорских элементов древнерусских курганов XII—XIV вв.[43]

Е. И. Горюнова считает, что полые шумящие коньки отражают специфику мерянских элементов. Она полагает, что они производились в Костромском Поволжье и уже отсюда «доходили до Новгорода» [44].

Существует также высказанная еще в 1949 г. точка зрения А. В. Арциховского, считавшего полые шумящие коньки специфически славянским, характерным для новгородских славян украшением [45].

В 1974 г. Е. А. Рябинин, основываясь на соотношении числа находок полых коньков-подвесок на территории Водской пятины и Новгорода (соответственно 21 и 18) [46], предположил, что так называемые водские, или «ингерманландские», типы полых коньков на самом деле являются «специфически новгородскими» и изготовлялись новгородскими ремесленниками для «чудского» населения Водской пятины [47]. В статье, изданной год спустя, он назвал их «коньками» новгородского типа [48].

Общее количество коньков-подвесок, найденных в культурном слое Новгорода (57), составляет около $^1/_5$ всех известных находок этих подвесок (266). Это обстоятельство, как и находки незавершенных отливок, а также подвески с продетыми в них ремешками убеждают в том, что в Новгороде коньки действительно изготовлялись и носились.

Новгород был, несомненно, крупнейшим центром производства полых коньков и, вероятно, тем центром, где это производство возникло в конце XII в. Версию о костромском очаге возникновения этих подвесок и проникновении их отсюда в Новгород следует отвергнуть, в этом мы согласны с Е. А. Рябининым. В то же время избирательность распространения отдельных типов подвесок и тот факт, что коньки третьего типа неизвестны в Приладожье, Вологодской обл. и Костромском Поволжье, где получили распространение подвески-коньки двух первых (и производных от них) типов, заставляют предполагать существование в XIII—XIV вв. и других производственных центров, в числе которых, очевидно, были как костромское Поволжье, так и юго-восточное Приладожье.

Широкий ареал подвесок отражает как направление экономических и культурных связей Новгорода, так и пути новгородской колонизации на восток и северо-восток (на Вагу, Северную Двину, Сухону).

---

[40] *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии..., с. 21, 49, табл. VIII, *18*.

[41] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 27, 28.

[42] *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XV вв.).— СА, 1953, № XVIII, с. 190—216.

[43] *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах.— В сб.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 248, 249.

[44] *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 139, 140, 244.

[45] *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде.— МИА, № 11, 1949, с. 150, 151.

[46] Данные Е. А. Рябинина неполны.

[47] *Рябинин Е. А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли, с. 59—61.

[48] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения..., с. 38.

Появление в Новгороде конца XII в. этих подвесок, имеющих отчетливую языческую семантику, можно объяснить взаимодействием славянской и финской культур. Не случайно эти подвески распространялись в контактных зонах со смешанным славяно-финским или преимущественно восточнофинским (коми) и западнофинским (карелы и др.) населением. При всей своей декоративности они, конечно, не были только украшениями. Об этом свидетельствует и их место в женском костюме. Л. К. Ивановский находил эти коньки лежавшими у лонного соединения тазовых костей [49]. Исследователи костромских и лоемских курганов также отмечали, что подвески лежали главным образом у таза покойниц вместе с другими подвесками-амулетами. Полые коньки-подвески занимали в женском уборе место, традиционное для амулетов-оберегов, призванных охранять грудь и лоно женщины и сообщать ей плодородие. Как правило, в погребальном обряде захоронений с зооморфными украшениями также присутствовали угро-финские черты [50].

В I — начале II тысячелетия н. э. у угро-финских народов Прикамья, Поволжья и Приладожья излюбленными амулетами-оберегами были костяные и бронзовые изображения утки и коня. Культ водоплавающей птицы у этих народов восходит к глубочайшей древности. В космогонических мифах карелов и коми утка являлась прародительницей мира [51]. Культ коня возник позже, в эпоху производящего хозяйства, с ростом хозяйственного значения коневодства у скотоводческо-земледельческих племен лесной зоны, и сохранялся значительно дольше. Конь у многих народов являлся символом солнца, подателя всех жизненных благ. Он играл важнейшую роль в аграрной магии земледельцев [52].

В судьбе урожая не меньшее значение, чем солнце, имеет вода. Очевидно поэтому образ солнечного коня в фольклоре угро-финских народов связан с живительной силой воды. По легенде удмуртов [53] и коми [54], солнечные кони обитают в реке.

У угро-финских народов Прикамья и Поволжья подвески-амулеты с изображением коня в X—XI вв. являлись господствующими [55]. Характерно, что на коньковых подвесках Прикамья с VII в. и плоских коньках Волго-Окского междуречья с IX в. появляются шумящие привески в виде утиных лапок. Как можно объяснить это сочетание? Изображение лапок утки (по закону подобия первобытной магии) имеет такое же магическое значение, как и изображение водоплавающей птицы в целом. Последняя же является символом воды. Этот двойной образ коня-утки, или «солнечного» и «водяного» коня, очевидно, должен был усиливать значение амулета как символа плодородия.

Конь и утка выступают совместно в легенде о суточном пути солнца, которое якобы совершало свой дневной путь на коне, а ночной — по подземному мировому океану — на утке [56].

---

[49] *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии..., с. 21.

[50] *Горюнова Е. И.* Ук. соч., с. 227, 228.

[51] *Сидоров А. С.* Идеология древнего населения Коми края.— В сб.: Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972, с. 14.

[52] *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура.— В сб.: Культура древней Руси, т. II. М., 1951, с. 900; *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28, с. 269, 270; *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М., 1975, с. 75—82.

[53] *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов.— Тр. ИЭ, нов. серия, т. X, М., 1951, с. 126.

[54] *Грибова Л. С.* Ук. соч., с. 79.

[55] *Голубева Л. А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья.— СА, 1966, № 3; *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья.— ВАУ, 1969, № 9, с. 8—10; *Грибова Л. С.* Ук. соч., с. 75—82; *Голубева Л. А.* Коньки-подвески Междуречья Волги и Оки.— СА, 1976, № 2.

[56] *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья.— ВИ, 1974, № 1, с. 9.

На полых коньках-амулетах, которые мы рассматриваем, нет привесок в виде утиных лапок, но идеограмма воды имеется. Своим необычным обликом эти подвески также демонстрируют слияние образов коня и утки. Семантика этих подвесок, объясняемая угро-финской мифологией, способствовала их широчайшему распространению по всему Северу Древней Руси и на ее окраинах.

Ремесленник-горожанин уже не представлял себе подлинной иконографии изготовляемых им подвесок, но, вероятно, был уверен в традиционной благожелательности образа.

Несет ли особую семантическую нагрузку двухголовый вариант полых коньков-подвесок? А. А. Спицын полагал, что такие подвески должны были заменять пару подвесок (уточек) [57]. Удвоение символа у многих народов означало усиление охранительного значения амулета для его владельца.

Двуглавые коньки появляются уже среди двух первых типов полых подвесок, но составляют меньшинство. Явное преобладание они получают среди более поздних коньков третьего типа. Возможно это объясняется отходом от прототипа: ведь полые подвески-уточки были только одноглавыми.

Функциональное же значение обоих вариантов подвесок совершенно одинаково.

L. A. Goloubéva, A. B. Varionov

LES AMULETTES EN FORME DE PETITS CHEVAUX DANS LA RUSSIE ANCIENNE

Résumé

Des ornements à suspendre en forme de petits chevaux creux, faits de bronze, et comportant des pendeloques tintinnabulant, furent en usage de la fin du XIIe au XIVe s. dans le Nord de l'Europe orientale. On les fabriquait à Novgorod, sur la Volga près de Kostroma. Ils étaient répandus parmi la population mixte slavo-finnoise et finno-ougrienne (Komis, Karéliens, etc.) comme bijou-amulette pour les femmes. Ces pendants représentaient un cheval doté de traits appartenant à un oiseau aquatique, tel le canard. La sémantique de ces ornements trouve son explication dans la mythologie finno-ougrienne.

---

[57] *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии..., с. 21.

Б. Д. ЕРШЕВСКИЙ

ДРЕВНЕЙШИЕ ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ (1096—1117 гг.)

Вислые свинцовые печати являются важнейшим источником для изучения истории древнерусских государственных учреждений, особенно для истории развития новгородского республиканского строя.

Уже со второй половины XI — начала XII в. русские вислые печати были регалиями высшей государственной власти, а в системе церковно-административного управления принадлежали только митрополитам и епископам.

Важную сфрагистическую категорию составляют маленькие свинцовые пломбы, известные по массовым находкам у г. Дрогичина на р. Западный Буг.

Первые находки пломб у Дрогичина сделаны в 60-х годах XIX в. Обилие и многообразие дрогичинского материала вызвало к нему огромный интерес исследователей, но единая точка зрения пока не выработана. Несмотря на широкую известность этих сфрагистических памятников, изучены они еще очень слабо. Сам характер пломб таков, что, работая с ними, исследователи встречают определенные трудности: очень маленький размер (8—16 *мм*), грубое исполнение, почти постоянное отсутствие надписей.

Первые исследователи дрогичинских пломб искали объяснение им в сфере экономических отношений, предполагая, что они могли быть использованы как таможенные клейма, служили таможенными пломбами византийских коммеркиариев и, наконец, рассматривались как товарные пломбы [1]; при этом учитывалось географическое расположение самого Дрогичина, который, возможно, служил перевалочным пунктом на торговом пути в Европу.

Выделив из огромного собрания дрогичинского материала пломбы, которые несут на одной или на двух сторонах различные княжеские знаки, К. В. Болсуновский, К. П. Тышкевич, Н. А. Леопардов связывали эти знаки с церковными календарями, домашними божествами, относя такие пломбы к племени ятвягов и определяя их как отличительные знаки, которые использовались первыми христианами при их взаимном общении [2].

---

[1] *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Киев, 1894, с. XIX; *Леопардов Н. А.* По поводу дрогичинских находок.— В кн.: Сборник снимков с предметов древностей, находящихся в Киеве в частных руках. Киев, 1890, вып. 1, с. 9, 10, II серия; *его же.* Опечати царева мужа.— Там же, с. 19—24; *Лучицкий И. В.* По поводу дрогичинских древностей.— В кн.: Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1892, кн. 6, с. 102.

[2] *Болсуновский К. В.* Свинцовые пластинки (пломбы) с условными знаками церковных праздников (В описании исторического отдела Лубянского музея Е. Н. Скаржинской). М., 1899, с. 12; *Тышкевич К. П.* Свинцовые оттиски, найденные в р. Буге у Дрогичина.— ТМАО, т. I, 1865—1867, с. 121, 122; *Леопардов Н. А.* Набросок о дрогичинских свинцовых пломбах. Киев, 1890, с. 9, 10.

Н. П. Авенариус полагал, что пломбы из Дрогичина выполняли функции печатей, и принадлежность всех их к Дрогичину у него не вызывала сомнений. Касаясь вопроса о датировке этих памятников, исследователь утверждал, что пломбы бытовали в тот период, когда Дрогичин входил в состав Киевского, а затем Волынского княжества, т. е. в период XII—XIV вв.[3]

В. К. Трутовский изучил пломбы, найденные в Рязани, которые, по его мнению, имеют ряд особенностей, позволяющих находить для них аналогию с пломбами из Дрогичина, и пришел к следующим выводам. 1. Каждый экземпляр пломбы принадлежал отдельному лицу, т. е. пломба являлась печатью этого лица, выполняла функции печати при заключении какого-нибудь акта или договора более или менее официального характера, но ни в коем случае правительственного договора. 2. В знаках на рязанских и дрогичинских пломбах усматриваются тамги Гераев и ханов Золотой Орды. 3. Время бытования этих памятников — предельно узкие хронологические рамки — 1475—1480 гг. 4. Массовые находки пломб у Дрогичина находят объяснение в том, что Дрогичин являлся нейтральным пунктом, хорошо известным крымцам, и был довольно близко расположен к Руси, а значит, служил главным центром для всяких сделок между рязанцами и крымцами [4].

В. Л. Янин убедительно доказал, что памятники сфрагистики — печати являются остатками многочисленных документов, утвержденных теми государственными институтами, которым принадлежало право скрепления таких грамот [5].

В результате грандиозной, трудоемкой работы Н. П. Лихачева по сопоставлению русских сфрагистических тамг с тамгами на русских монетах, на монетах Золотой Орды и Джагатаидов, с польскими геральдическими памятниками был сформулирован окончательный вывод о принадлежности многочисленных двузубцев и трезубцев на печатях и пломбах представителям княжеского дома рюриковичей [6].

Выделив группу пломб, которые несут на себе княжеские знаки, Н. П. Лихачев находит некоторым знакам на пломбах полные аналогии со знаками на печатях [7]. Таким образом, встречаемость абсолютно идентичных знаков на разных сфрагистических категориях позволяет заключить время бытования этого типа пломб в период XII— начала XIII в., т. е. в ту эпоху, к которой В. Л. Янин относит буллы, несущие на одной из сторон княжеский знак [8].

Таким образом, исследования Н. П. Лихачева и В. Л. Янина в достаточной мере опровергают выводы В. К. Трутовского.

Н. П. Лихачев и А. В. Орешников полагали в целом, что пломбы являются торговыми, товарными пломбами [9].

В большой статье о знаках собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси Б. А. Рыбаков наряду с широким кругом археологических памятников рассматривает свинцовые пломбы, несущие на себе княжеские знаки. Б. А. Рыбаков обращает внимание на тот факт, где были найдены пломбы, а поскольку находки их сделаны в торговых русских городах, являвшихся последними крупными пунктами на пути сле-

---

[3] *Авенариус Н. П.* Ещё несколько слов о дрогичинских пломбах.— МАР, 1890, № 4, с. 3, 4.

[4] *Трутковский В. К.* Рязанские пломбы. Отчет этнографо-археологического музея. I, МГУ, М., 1926, с. 7—10.

[5] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970, с. 157.

[6] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, вып. II. Л., 1930, с. 46—269 (далее: Материалы...).

[7] *Лихачев Н. П.* Материалы, вып. II, с. 86.

[8] *Янин В. Л.* Ук. соч., т. 1, с. 132—141.

[9] *Лихачев Н. П.* Материалы..., вып. II, с. 88; *Орешников А. В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам.— Изв. АН СССР, 1930, серия VII, № 2, с. 12.

дования товаров, то и связывает их с торговлей, считая временем их бытования X—XII вв.[10]

Эти маленькие свинцовые пломбы, известные в исторической литературе как «пломбы дрогичинского типа», найдены на городище под Новгородом и в самом городе. Их собрание насчитывает уже 300 экз.[11]

Относительно пломб, происходящих из новгородских находок, В. Л. Яниным высказано предположение, что эти сфрагистические памятники являлись актовыми печатями и принадлежали лицам республиканской администрации в домонгольский период Новгородской истории[12].

В фундаментальном корпусе древнерусских актовых печатей В. Л. Янин отметил: «Какая-то часть пломб вызвана к жизни специфическими условиями русского денежного обращения в безмонетный период, на что указывают введенные недавно в научный оборот сообщения аль-Гарнати. Однако пока было бы преждевременным исключить их из поля зрения сфрагистики и связывать только с нумизматикой. Постоянные совместные находки таких пломб с безусловными актовыми печатями на городище под Новгородом, где в древности существовал княжеский архив, говорят о том, что многие пломбы дрогичинского типа употреблялись и для скрепления актов»[13].

Очевидно, что большинство исследователей относили пломбы к торговле, связывали их с товаром, отсюда, вероятно, произошел и термин, под которым они известны в исторической науке,—«товарные пломбы».

Хронологические рамки их бытования чрезвычайно широки, они восходят к периоду крещения на Руси и простираются до XVII в. Несомненно, что в многотысячном собрании этих памятников имеются категории, которые так или иначе отражают вопросы истории терговли. Имеются типы, несущие на себе изображения, геральдика которых указывает одинаково как на их европейское, так и на русское происхождение. Вероятно, есть группы пломб, объяснение которым следует искать в сфере товарно-денежных отношений безмонетного периода на Руси, и, наконец, существуют собственно новгородские свинцовые пломбы, которые занимают особое место в актовой сфрагистике Новгорода.

Свинцовые пломбы, находки которых происходят из Новгорода, имеют ряд особенностей, характеризующих их отличие от дрогичинского материала.

1. Все новгородские пломбы изготовлены обычной техникой буллы со сквозным каналом, тогда как в массе дрогичинских пломб множество таких, которые согнуты из одной пластины.

2. Новгородские пломбы имеют большой размер в сечении и изготовлены более аккуратно в отличие от дрогичинских.

3. Изображения на пломбах из Дрогичина не находят аналогий на пломбах Новгорода. Эти наблюдения позволяют из огромной массы дрогичинских пломб выделить собственно новгородские пломбы, которые можно классифицировать по следующим типам.

Тип I. Пломбы, несущие на лицевой стороне (л. с.) изображение святого, на обратной стороне — изображение княжеского знака. Пломбы I типа по разновидностям форм знаков подразделяются на четыре группы.

Группа А — л. с.— изображение патронального святого, тезоименитого владельцу буллы; о. с.— княжеский знак в виде двузубца с перечеркну-

---

[10] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, 1940, VI.

[11] Хранятся: археологические фонды НГМЗ — 160 экз., ГИМ — 90 экз., ГЭ (отдел нумизматики — далее о. н.) — 50 экз.

[12] *Янин В. Л.* Вислые печати из Новгородских раскопок 1951—1954 гг.— МИА, 1956, № 55, с. 138—163, табл. V, № 36—41.

[13] *Янин В. Л.* Актовые печати..., т. 1, с. 11.

тым отрогом внизу и перекладиной, соединяющей во внутренней части зубцы.

Группа Б — л. с.— изображение патронального святого, тезоименитого владельцу буллы; о. с.— княжеский знак прямолинейних очертаний в виде двузубца или трезубца.

Группа В — л. с.— изображение патронального святого, тезоименитого владельцу буллы; о. с.— княжеский знак колоколовидной формы.

Группа Г — л. с.— изображение патронального святого, тезоименитого владельцу буллы; о. с.— княжеский знак багровидной формы.

Тип II. Пломбы, несущие на л. с. изображения святых; о. с.— изображения простого или процветшего четырех- и шестиконечного креста.

Тип III. Пломбы, несущие на л. с. и о. с. изображения святых.

Тип IV. Пломбы, несущие на л. с. и о. с. изображения княжеских знаков.

Тип V. Пломбы, несущие на л. с. и о. с. изображения простых или процветших четырех- и шестиконечных крестов.

Тип VI. Пломбы, несущие на л. с. изображения княжеских знаков, о. с.— изображения простого или процветшего четырех- и шестиконечного креста.

В работе предлагается общая атрибуция памятников группы А I типа, известных в 23 экземплярах [14]. Еще восемь пломб этой группы изданы Н. П. Лихачевым [15], но их оригиналы нам неизвестны.

Таким образом, мы рассматриваем 31 пломбу, где в 13 случаях сохранность памятников позволяет определить изображения святых на одной из сторон. Остальные 18 пломб, несущие на л. с. изображения святых, не дают возможности определить и реконструировать имя святого, но с полной уверенностью позволяют говорить о том, что ни одна из неопределенных пломб не несет на себе изображение Феодора.

Первоочередной задачей в изучении наших памятников является определение времени их бытования. В этой связи заслуживает внимания пломба, несущая на л. с. изображение Константина, о. с. несет знак, характерный для памятников группы А I типа [16]. Пломба найдена на Неревском раскопе в слоях 20-го яруса, датируемого, по данным дендрохронологии, 1116—1134 гг.[17]

Опираясь на наши наблюдения об идентичности знаков для данной группы памятников, мы полагаем, что пломбы группы А бытовали одновременно. Правомерно предположить, что они выполняли свои функции в период новгородского княжения Мстислава — Феодора Владимировича. Мстислав Великий занимал новгородский стол дважды. Периоды его княжения с наибольшей достоверностью установлены В. Л. Яниным. Первое княжение падает на конец 1088 г. до начала 1094 г., второй, длительный период княжения, падает на начало 1096 г. и до 17 марта 1117 г.[18]

В ранний период княжения Мстислава Владимировича, когда в 1088 г. 12-летний князь занимает новгородский стол, едва ли он был способен играть самостоятельную роль в практическом управлении. Именно в это время организация власти в Новгороде разделяется на функции, осуществляемые самим Мстиславом, и функции контроля над его деятельностью, которые выполнялись другим лицом или лицами.

---

[14] Хранятся: археологические фонды НИАМЗ — 11 экз., ГИМ (о. н.) — 7 экз., ГЭ (о. н.) — 5 экз.

[15] *Лихачев Н. П.* Текст к сфрагистическому альбому.— Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444, с. 104—107; Сфрагистический альбом, табл. VIII, *7, 9, 11—16.*

[16] *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.— МИА, 1956, 55, с. 138—163, табл. V, *41.* Хранится ГИМ (о. н.), инв. № 99453/п-101.

[17] *Колчин Б. А.* Дендрохронология построек Неревского раскопа.— МИА, 1963, 123, с. 166—228, 20-й ярус, см. с. 171.

[18] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 50, 51; *его же.* Актовые печати..., т. 1, с. 65.

Это обстоятельство способствовало возникновению с конца 80-х годов XI в. института посадничества нового типа, сфрагистические памятники которого представлены буллами протопроедра Евстафия, известными уже в 15 экз.

На л. с. эти памятники несут изображения св. Феодора; о. с. занята пятистрочной греческой надписью: «Воззри на мя, протопроедра Евстафия» [19].

В. Л. Янин относит бытование булл Евстафия к первому новгородскому княжению Мстислава, считая владельцами их первых представителей новгородского посадничества нового типа. В перечне восьми посадников списка А первое место занимает Завид, который осуществлял контроль над деятельностью Мстислава, являясь представителем института политической власти — посадничества нового типа. Он и был, по мнению В. Л. Янина, владельцем печатей с именем Евстафия [20].

В списке А вслед за Завидом в хронологическом порядке названо еще семь посадников: Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула [21]. Политическая деятельность этих посадников может быть отнесена к периоду между концом 80-х годов XI в. и 1117 г., когда под 1117 г. летописец сообщает о смерти очередного посадника Добрыни [22].

Таким образом, в ранний период княжения Мстислава Владимировича возникает собственно новгородское посадничество, представленное в лице Завида-Евстафия, который в течение 1088—1094 гг. был советником князя, осуществляя контроль над его деятельностью, скрепляя государственные акты различного характера собственной буллой. Значит, уже в 80-х годах XI в. возникает новый политический институт — институт посадничества нового типа, который являлся представительством от новгородского боярства. Этот орган выступал в интересах боярства, завоевывая все большие права в их политической борьбе с киевским князем.

Почти за шестилетний период первого княжения Мстислава и посадничества при нем Завида в сфрагистике известно 15 печатей Евстафия-Завида, которые сами по себе говорят о достаточно высокой активности посадника в ранний период княжения Мстислава.

Второй, более чем 20-летний период княжения Мстислава в Новгороде, когда он в 1096 г. занимает новгородский стол, управляя Новгородом с известными посадниками Петрятой, Костянтином, Миронегом, Савой, Улебом, Гюрятой и Микулой, не оставил в сфрагистике памятников, отражающих политическую деятельность этих посадников. Нужно думать, что более чем 20-летний период политической деятельности представителей от боярства, которые выполняли свои функции в момент острой и напряженной политической борьбы с великим князем за новгородские вольности, в момент складывания и развития республиканских порядков не мог остаться не отраженным в материалах посадничьей сфрагистики этого периода.

Такое наблюдение заставляет нас обратиться к маленьким свинцовым пломбам группы А I типа (рис. 1), которые в 11 случаях несут на л. с. изображения святого в короне — Костянтина [23]. Предполагать в этом

---

[19] *Лихачев Н. П.* Материалы..., вып. 1, с. 158, 175, вып. 2, с. 230; *Янин В. Л.* Из истории русской художественной и политической жизни XII в.— СА, 1957, № 1, с. 123—131; *его же.* Новгородские посадники, с. 60—62, рис. 1, *1—9*; *его же.* Актовые печати..., т. 1, с. 64—67, табл. 40, *72, 73.*

[20] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 60—62; *его же.* Актовые печати..., т. 1, с. 66, 67.

[21] *Янин В. Л.* Актовые печати..., с. 54, 66.

[22] НПЛ, с. 20, 204.

[23] Хранятся археологические фонды НИАМЗ: № 2П-1, 2П-21, 2П-85, 2П-120, рис. I, № 1, 3, 4, 5, 8; рис. II, № 1, 3—8; ГИМ (о. н.), № 99453/П-101; ГЭ (о. н.), № 401, 403, 404; *Лихачев Н. П.* Сфрагистический альбом, табл. VIII, № 17, 19, 20; там же, № 15, 16, подлинники не найдены. Печать № 99453/П-101, опубликована: *Янин В. Л.* Вислые печати..., табл. V, № 41.

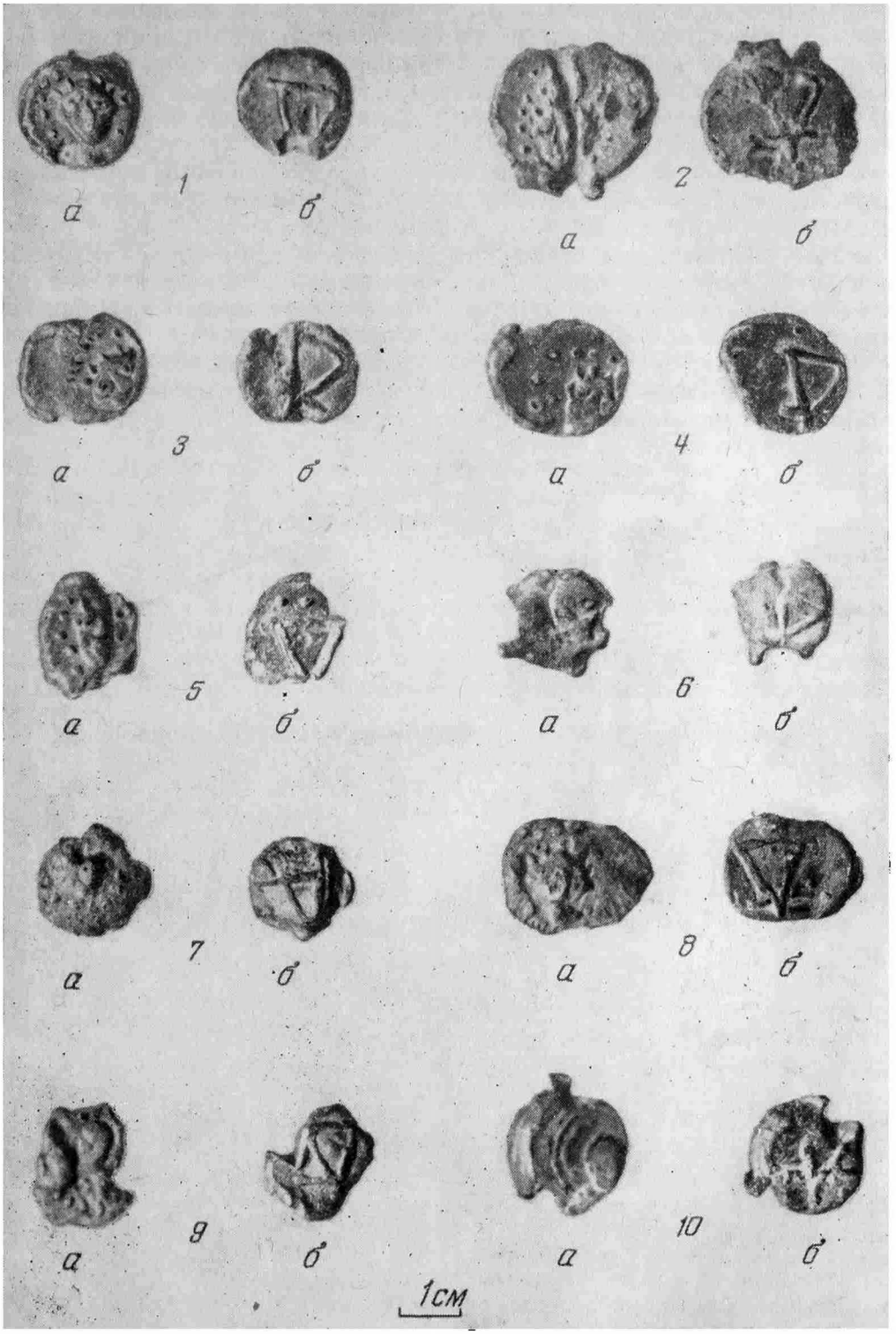


Рис. 1. Фото новгородских свинцовых пломб. *а* — л. с., № *1, 3, 4, 5, 8* — изображение святого в короне (тип Константина); № *7* — изображение безбородого святого в княжеской шапке (Глеб); № *2, 6, 9, 10* — неизвестные святые; *б* — о. с. № *1—10* — изображение княжеского знака в виде двузубца с перечеркнутым отрогом внизу и перекладиной, соединяющей во внутренней части зубцы

изображении Давида, который в сфрагистике также изображался в короне, мы не можем. Князь Давид Святославич, занимавший новгородский стол в 1094—1096 гг., использовал буллу другого типа, несущую на л. с. поясное изображение царя Давида, на о. с.— остатки русской благопожелательной надписи: «Господи помози...», известную нам в одном экземпляре [24].

Одна пломба несет изображение безбородого святого в княжеской шапке (Глеб) [25] и одна определена Н. П. Лихачевым как изображение св. Николая [26].

Выше мы отметили отсутствие изображения Феодора на пломбах группы А. Князь Мстислав Владимирович в крещении получил имя Феодор. Это наблюдение позволило нам отбросить всякие основания искать объяснения этим памятникам в области княжеской сфрагистики.

В этой связи, предприняв сопоставление известных нам имен святых на печатях и пломбах времени Мстислава со списком посадников, мы можем отметить, что часть имен на пломбах соответствует именам посадников списка А.

Посадники	Печати	Пломбы
1. Завид	Евстафий	–
2. Петрята (Петр)	(15 экз.)	–
3. Костянтин (Константин)		Константин (11 экз.)
4. Миронег		–
5. Сава (Савва)		–
6. Улеб		Глеб (1 экз.)
7. Гюрята (Георгий)		–
8. Микула (Николай)		Николай (1 экз.)

Таким образом, становится очевидным, что изображения на пломбах Константина и Николая, вероятно, тезоименны их владельцам — посадникам Костянтину и Микуле. Что касается пломб, несущих на л. с. изображения Глеба, то их владельцев следует искать только в числе двух посадников, известных нам под их языческими именами Миронег и Улеб; мы отдаем предпочтение Улебу, считая, что он в крещении получил имя Глеб. Вероятно, правильным будет полагать, что в числе 18 неопределенных пломб рассматриваемой группы, находятся изображения Петра, Саввы, Георгия.

Итак, атрибутируя пломбы как посадничьи печати, мы полагаем, что начало их бытования приходится на второй период новгородского княжения Мстислава, т. е. на 1096 г., когда они приходят на смену бытовавшим ранее печатям Евстафия-Завида.

Этот вывод не противоречит общему наблюдению над сфрагистическим материалом второй половины XI — начала XII в., когда в русской сфрагистике отмечается возникновение новых сфрагистических типов и осуществляется переход от крупных булл к буллам меньшей величины [27].

Если наше предположение о принадлежности группы маленьких свинцовых пломб-печатей посадникам второго периода новгородского княжения Мстислава можно признать правильным, то тогда представляется возможность более определенно конкретизировать историю политических событий в Новгороде 1094 г. Думается, что возникновение новых форм республиканского управления (отразившееся в появлении посадничей буллы Евстафия-Завида), которому противостояло активное вмешательство Киева, выразившееся в замене князя Мстислава Давидом Свято-

[24] *Янин В. Л.* Актовые печати.... т. 1. с. 71, табл. 44, *113*.

[25] Археологические фонды НИАМЗ, № 2П-119, рис. 1, *7*.

[26] *Лихачев Н. П.* Текст к сфрагистическому альбому, с. 105; Сфрагистический альбом. табл. VIII, *9*.

[27] *Янин В. Л.* Актовые печати..., т. 1, с. 80.

славичем, послужило в свою очередь поводом к серьезному конфликту между новгородцами и Киевом. Вероятно, Киев, отстаивая свою главенствующую роль в политико-административном управлении подвластными ему землями, не желал примириться с возникновением какого бы то ни было института боярской власти, который достаточно активно противостоял политике великого князя, завоевывая себе новые свободы в самостоятельном управлении Новгородом. Это обстоятельство, очевидно, и явилось главным мотивом в деле замены Мстислава киевским ставленником Давидом Святославичем. В этой связи надо думать, что политика Давида в период его новгородского княжения была направлена на ликвидацию тех новых форм боярской государственности, возникновение которых следует связывать с первым периодом новгородского княжения Мстислава Владимировича. Очевидно, Давид Святославич, добиваясь реставрации старых порядков, не достиг успехов, так как уже в 1096 г. он оставляет Новгород, а на его место снова приходит Мстислав Владимирович.

Острота политических столкновений рубежа XI—XII вв. не могла не отразиться на экономических связях Новгорода с Киевом.

Предпринятый Е. А. Рыбиной анализ ряда категорий предметов южного импорта, поступающих в Новгород днепровским путем, убедительно показал резкое сокращение на рубеже XI—XII вв. ввоза шиферных пряслиц, грецких орехов и южных толстостенных амфор[28]. Одна из причин падения южного импорта в конце XI в. является следствием политических столкновений Новгорода с Киевом, когда в ответ на некоторые успехи, достигнутые новгородцами в их борьбе за новгородские вольности, Киев предпринимает экономическую блокаду торговых путей между Киевом и Новгородом.

Таким образом, острота политических столкновений Новгорода в его борьбе с Киевом за республиканские порядки не только носила политический характер, но и достаточно глубоко затрагивала экономическую жизнь Новгорода в этот период.

Второе княжение Мстислава характеризуется дальнейшим развитием системы двоевластия, что должным образом может быть прослежено при сравнении сфрагистического материала. От 20-летнего периода княжения Мстислава известно 10 его печатей: четыре буллы с надписью «ДЬНЪ-СЛОВО» на одной стороне и изображение Феодора — на другой, бытовавшие до 1113 г.[29], шесть печатей иного типа, несущие на себе благопожелательную надпись «Господи помози...» и изображение Феодора.

Таким образом, 10 княжеским печатям противостоит 31 пломба-печать, которые мы связываем с посадниками второго княжения Мстислава Владимировича.

Результатом этих наблюдений может быть вывод о том, что на рубеже XI—XII вв. борьба за новгородские вольности достигает высокого накала в деле защиты тех завоеваний, которые получили новгородцы еще в 1088 г., отстаивая от посягательств со стороны великого князя активно действующий орган представительства от боярства — институт посадничества нового типа. Результаты этой борьбы знаменуются некоторыми завоеваниями новгородцев, которые проявляются в факте изгнания Давида из Новгорода, в новом приглашении Мстислава Владимировича, а также и в организации нового сфрагистического типа посадничьей печати — малых вислых печатей.

Значит, 1096 год является тем периодом, когда новгородцы добиваются еще одной важной победы в борьбе с великим князем, создавая новый тип посадничьей печати, говорящей об активной деятельности посадника в смесном суде уже с 1096 г.

---

[28] *Рыбина Е. А.* Из истории южного импорта в Новгород.— СА, 1971, № 1, с. 260—264.

[29] *Янин В. Л.* Актовые печати..., с. 80—83, табл. 41, *80—83*.

Теперь следует вернуться к княжескому знаку, который занимает о. с. на наших памятниках. Обращая внимание на то, что находки всех пломб группы А происходят из Новгорода, а их л. с. занята изображениями разных святых, тезоименитых владельцам булл, мы не имеем сколько-нибудь веских оснований относить знак тому или иному владельцу печати, чей патрон на ней изображен, но, учитывая то обстоятельство, что время бытования этих памятников приходится на второй период княжения в Новгороде Мстислава, мы очень осторожно относим ему княжеский знак.

Если такая атрибуция может быть принята, то, говоря о сравнительно высокой интенсивности посадничества времени Мстислава, нельзя ни в коей мере умалчивать о значительной роли князя в политической жизни Новгорода. Посадничество признает суверенитет князя, занимавшего новгородский стол. Это признание, на наш взгляд, отражено присутствием княжеского знака на о. с. посадничьей печати, указывающей на развитую систему двоевластия в государственном управлении, которая сложилась уже на рубеже XI—XII вв., где функции князя в политическом управлении Новгородом представлены известными княжескими буллами Мстислава-Феодора. Функции контрольного органа над деятельностью князя сосредоточены в руках бояр-посадников и представлены 31 малыми вислыми посадничьими печатями.

Таким образом, события середины 90-х годов XI в. фиксируют не только возникновение и широкое распространение памятников посадничьей актовой сфрагистики, но и, по-видимому, процесс ее дальнейшего развития.

B. D. Erchevski

LES PLUS ANCIENS SCEAUX DES «POSSADNIKS» DE NOVGOROD (1096-1117)

Résumé

On étudie dans cet article un groupe de sceaux en plomb, trouvés à Novgorod et dans le Goroditché des environs de Novgorod. On donne une classification générale de toute la collection de ces objets selon les types.

On estime que ces sceaux de plomb appartenaient à la sigillographie des actes; ils étaient couramment employés par les «possadniks» (premiers magistrats) de Novgorod pour authentiquer les actes d'Etat du tribunal mixte du possadnik et du prince.

A partir de la fin du XIe s., la charge de possadnik est l'organe actif du pouvoir à Novgorod. Entre le XIe et le XIIe s. apparaît un nouveau type de bulles réservées aux possadniks: ce sont de petits cachets suspendus, qui reflètent d'une façon assez nette l'institution d'un nouveau type de possadnik et la création de sceaux réservés à cette fonction.

Заметки

Л. В. ГРЕХОВА

БИВЕНЬ С НАРЕЗКАМИ ИЗ СТОЯНКИ ЕЛИСЕЕВИЧИ

Во время раскопок позднепалеолитической стоянки Елисеевичи в 1972 г. в группе костей, провалившихся на большую глубину при образовании псевдоморфозы по повторно-жильным льдам, был обнаружен бивень мамонта с нарезками. Вся эта группа костей находилась на 150—250 *см* ниже культурного слоя.

Найденный бивень является или концевой частью длинного бивня, или небольшим целым бивнем. В культурном слое Елисеевичей обнаружены бивни мамонтов самых различных размеров. В 1974 г., например, был обнаружен череп мамонта с очень небольшими короткими бивнями: длина около 500 *мм*, диаметр 51—30 *мм*.

Рассматриваемый бивень является более крупным. Длина его по внешней, выпуклой дуге 790 *мм*, по вогнутой — 680 *мм*, по хорде — 640 *мм*. Окружность у толстого конца 225 *мм*, диаметр 75 *мм*, у тонкого конца окружность 160 *мм* при диаметре 51 *мм*.

На поверхности бивня имеются различные нарезки, царапины, негативы сколов, следы насечек. У толстого конца наиболее четко выделяются надрубы толщиной в одну-две пластины, длиной 22 и 17 *мм*, а также продольный надрез длиной 20 *мм* и поперечный надрез длиной 24 *мм*. Возможно, это следы первоначального отделения бивня, однако способ первоначального членения бивня точно установить не удалось.

Почти по середине вогнутой поверхности бивня идет крупный, продольный, глубокий (до 10 *мм*) и широкий (до 14 *мм*) надрез длиной 560 *мм*. Надрез сделан резцом, по краям остались продольные царапины от соскальзывающего инструмента. Ширина надреза уменьшается от толстого конца к тонкому: самая широкая часть 6—14 *мм* имеет длину 280 *мм*, более узкая — 5—6 *мм* составляет 260 *мм* и 20 *мм* идет очень узкая полоска.

Параллельно крупному надрезу, на расстоянии 10 *мм* с одной стороны и 12 *мм* с другой, идут две мелкие длинные бороздки глубиной около 1 *мм*. Длина одной 140 *мм*, другой — 115 *мм*. Бороздки также выполнены резцом.

На одной из сторон бивня имеются углубления, выдолбленные техникой насечки. Одно из них находится на расстоянии 165 *мм* от толстого конца, имеет размеры 30×40 *мм* и глубину около 7 *мм*. Второе расположено у тонкого конца бивня на расстоянии 425 *мм* от первого. Оно меньше и мельче, находится на расстоянии 85 *мм* от конца, и его размеры 33×21 *мм*, а глубина — 3 *мм*. По-видимому, аналогичное углубление было обнаружено на бивне из раскопок К. М. Поликарповича, который объясняет происхождение этого углубления как результат использования бивня в качестве подставки при обработке кремня или кости [1].

[1] *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968, с. 96, 97, рис. 23.

Симметричное расположение углублений на бивне из раскопок 1972 г., их пропорции (более мелкое и меньших размеров у тонкого конца и более крупное и глубокое у толстого конца) позволяют предполагать преднамеренное нанесение этих углублений и их использование для закрепления бивня на какой-то опоре.

По выпуклой дуге весь бивень покрыт ритмично расположенными тонкими нарезками различной длины. Эти нарезки-штрихи, очевидно, сделаны не резцом, а пластиной, так как при нанесении рисок резцом с самого начала штриха четко отпечатывался бы негатив режущей кромки, какого бы размера она ни была. В данном случае этого не прослеживается. Независимо от длины нарезки в центре она имеет глубину около 1 *мм*, а к краям сходит на нет.

Штрихи имеют длину 15—80 *мм*. Более длинные нарезки расположены в центре, немного смещены к толстому концу. Длина самых коротких насечек у толстого конца вдвое больше (30 *мм*), чем у тонкого (15 *мм*).

Штрихи начинаются на расстоянии 45 *мм* от толстого конца бивня. Всего на выпуклой стороне 66 штрихов и 7 сбоку у основания. Описание их размещения начинается от толстого конца к тонкому. По всей поверхности выпуклой дуги можно выделить несколько групп штрихов. Группы выделяются по плотности нанесения рисок и их длине (рисунок).

Первая группа состоит из 8 штрихов, которые занимают пространство 106 *мм*, расстояние между ними 12—18 *мм*. Эта группа делится на две подгруппы, расстояние между которыми 21 *мм*, в каждой подгруппе по четыре штриха. Далее между первой и второй группами расположен одиночный штрих короче соседних рисок.

Вторая группа располагается на расстоянии 20 *мм* от первой и состоит из 7 штрихов, поставленных довольно часто, расстояние между ними 7—10 *мм*. Эта группа занимает пространство 49 *мм*. Она отделена от следующей короткой, отдельно стоящей риской 24 *мм* длины, которая расположена на расстоянии 12 *мм* от второй и 14 *мм* от третьей группы.

Третья группа включает восемь штрихов и состоит из наиболее длинных и часто поставленных рисок. Длина их 49—80 *мм*, а расстояние между ними 6—9 *мм*. Вся группа занимает пространство 52 *мм* и распадается на подгруппы, которые могут быть обозначены как 3+1+3+ +1 рисок.

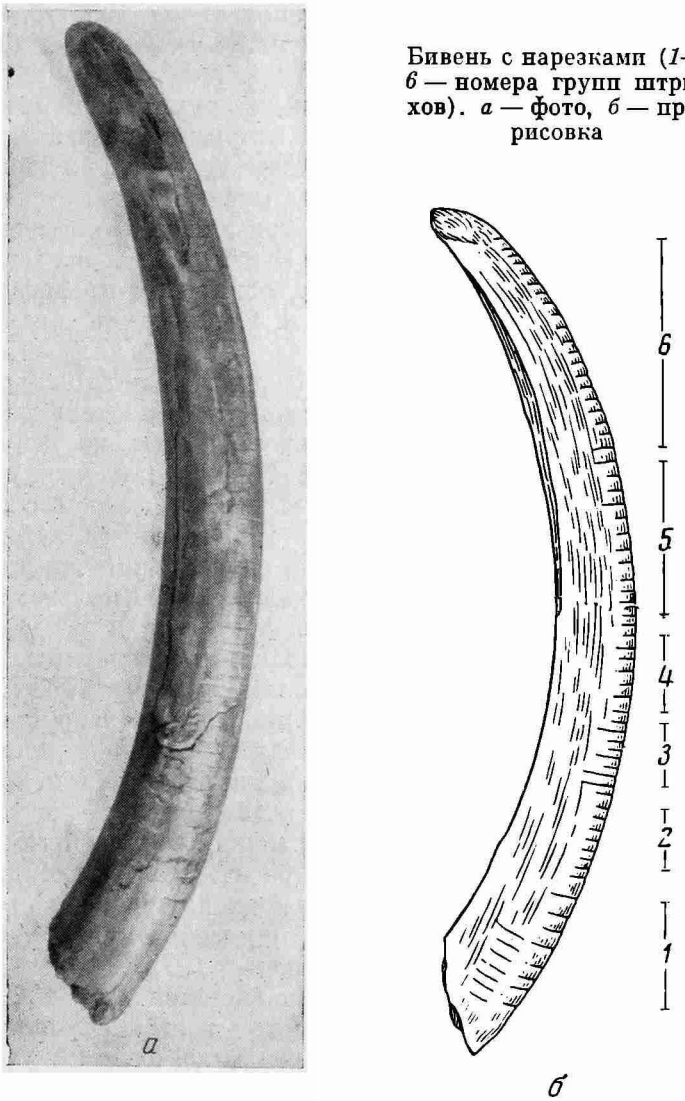
Следующая, четвертая группа находится на расстоянии 8 *мм* от предыдущей и состоит из семи штрихов, из которых первый длинный и шесть коротких, расстояние между ними 9—11 *мм*. Вся группа занимает пространство 62 *мм*. Последний короткий штрих этой группы поставлен под углом к следующему штриху и таким образом четко отделяет четвертую группу от пятой.

Пятая группа отделена от четвертой отдельно стоящей риской, несколько смещенной вниз по отношению ко всем группам, расположенным по дуге. Этот отдельный штрих расположен на одинаковом расстоянии (9 *мм*) от обеих групп. Пятая группа состоит из 12 штрихов общей протяженностью 146 *мм*. Она распадается на три подгруппы по четыре штриха в каждой группе. Каждая подгруппа несколько смещена по длине рисок по отношению к остальным.

Шестая группа штрихов расположена в 12 *мм* от предыдущей и начинается с длинного и глубокого надреза, включает 21 штрих, расстояние между которыми почти одинаково (около 10 *мм*), и занимает пространство длиной 210 *мм* до конца бивня. Последний штрих этой группы расположен в 45 *мм* от конца бивня. По длине рисок и расстоянию между ними группа почти однородна, однако, разделение подгрупп здесь обозначается более глубокими насечками. После глубокого пропила, с которого начинается эта группа, идут четыре одинаковые по длине (40 *мм*) риски, дальше расположена группа из 8 более коротких (23 *мм*)

рисок, а на расстоянии 14 *мм* находится еще 4 коротких штриха и на таком же расстоянии в 14 *мм* — последняя группа из четырех коротких штрихов.

В записи элементов орнамента или нарезок на костяных предметах, которую предлагает применять Б. А. Фролов [2], все штрихи, нанесенные на бивни, в сумме могут быть обозначены так: 8+1+7+1+8+7+1+ +12+21. В этой записи ясно выделяются числа, кратные 4 и 7 с одиночными разделяющими группы рисками в трех случаях.



Бивень с нарезками (*1*—*6* — номера групп штрихов). *а* — фото, *б* — прорисовка

Бивень с нарезками, найденный в 1972 г., не исключительное явление в материалах Елисеевической стоянки.

Бивни с нарезками были найдены К. М. Поликарповичем в Елисеевичах в 1935—1936 гг. (три целых и несколько обломков) [3].

Первый из них имел длину по выпуклой дуге 135 *см*, и на нем было нанесено 40 нарезок, длина нарезок 5—7 *см*, к концам они утончаются. Второй бивень по наружной дуге имел 72 *см*, и на боковых сторонах, заключенных между выпуклой и вогнутой сторонами, было нанесено 76 нарезок. Третий бивень имел 21 нарезку по вогнутой дуге, четвертый крупный фрагмент бивня имел 15 нарезок.

[2] *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.
[3] *Поликарпович К. М.* Ук. соч., с. 89—92.

К. М. Поликарпович обращает внимание на то, что бивни с нарезками на стоянке — явление не случайное, и высказывает предположение, что нарезки на бивнях могли являться своеобразным счетом убитых на охоте животных [4]. К. М. Поликарповичем не проводилось точного анализа расположения нарезок по отдельным группам и подсчета количества насечек в каждой отдельной группе. Более подробно проанализирован второй бивень из раскопок 1936 г. Отмечено, что расстояние между нарезками 1—2 *см* и ближе к тонкому концу длина нарезок уменьшается, четыре нарезки у конца очень короткие. Из-за отсутствия подробного анализа количества нарезок на бивнях из раскопок 1935—1936 гг. мы не можем провести точного сопоставления бивня из раскопок 1972 г. с этими находками.

В материалах Елисеевической стоянки группы поперечных штрихов и нарезок имеются не только на бивнях мамонтов, но и на других костях.

Кроме Елисеевической наиболее четкие группы поперечных штрихов обнаружены и исследованы на костяных предметах из стоянки Авдеево [5]. А подробный анализ подобных материалов для палеолитических стоянок Евразии дан в работе Б. А. Фролова [6]. В сумме всех известных материалов бивни с нарезками из стоянки Елисеевичи не представляют исключительного явления. Поэтому привлекает внимание размещение этих бивней в культурном слое стоянки.

Первый бивень, как пишет К. М. Поликарпович, был найден «воткнутым в почву тонким концом среди скопления костей» раскопа 1935 г. Второй обнаружен в 1936 г. на 3 *м* севернее хода из тазовых костей и лопаток. Еще два крупных фрагмента бивней с нарезками найдены в 1936 г. на квадратах, примыкающих к ходу с южной стороны. Места находок бивней с насечками в раскопах 1935—1936 гг. наводят на мысль о непосредственной связи этих бивней со скоплениями костей, т. е. с развалами каких-то конструкций. По количеству использованных костей, по мощности сооружений, конструкции, вскрытые в 1935—1936 гг. [7], отличаются от хозяйственных ям, заполненных костями, из раскопок 1970, 1974 гг. [8] или «небольшого жилища» из раскопок 1963 г. [9]

Бивень, обнаруженный в 1972 г., также связан с разрушенной мощной конструкцией. В эту конструкцию входили крупные кости мамонтов: черепа, тазовые кости, лопатки, обломки длинных костей, крупные бивни. Подробный анализ сооружения требует специального исследования, но уже сейчас намечаются черты сходства между сооружением, открытым в 1972 г., и ходом, исследованным в 1963 г. И в том и другом случае используются крупные кости только мамонтов: черепа, лопатки, тазовые кости, которые располагаются почти по прямой в виде стенки или хода. В группе костей, среди которых обнаружен в 1972 г. бивень с нарезками, находились и крупные бивни длиной по внешней дуге 100, 150, 205 *см*. Рассмотренный нами бивень (79 *см* длины) в этой группе не мог иметь конструктивного значения. Назначение его было, очевидно, иное.

Сама по себе находка бивня со штрихами, расположенными в определенном порядке и, возможно, являющимися счетными знаками, представляет значительный интерес для реконструкции процесса формирования абстрактных представлений у людей эпохи позднего палеолита.

---

[4] Там же, с. 93.

[5] *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяных изделий Авдеевской стоянки.— МИА, № 39. 1953.

[6] *Фролов Б. А.* Ук. соч.

[7] *Поликарпович К. М.* Ук. соч., с. 37—139.

[8] *Грехова Л. В.* Работа Деснинской экспедиции Государственного Исторического музея.— АО — 1970, М., 1971, с. 46, 47; *ее же.* Деснинская экспедиция Государственного Исторического музея.— АО — 1974. М., 1975, с. 54.

[9] *Будько В. Д., Сорокина Р. А.* Поздний палеолит северо-запада Русской равнины. Природа и развитие первобытного общества. М., 1969, с. 131.

Кроме того, сопоставление этой находки с аналогичными предметами из раскопок 1935—1936 гг. заставляет обратить внимание не только на сам предмет, но и на условия его находки, на связь с определенными конструкциями. Вопрос о назначении конструкций из костей мамонтов во многих случаях остается дискуссионным.

Н. В. ГОЛЬЦЕВА, В. Б. БУКАРСКИЙ

ДВА НОВЫХ ЭКСПОНАТА ИЗ СОБРАНИЯ КИШИНЕВСКОГО МУЗЕЯ

В 1975 г. археологическая коллекция Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР пополнилась двумя новыми экспонатами, относящимися к концу бронзового — началу железного веков.

Один из них представляет собой литой бронзовый меч с листообразным обоюдоострым клинком, овальной в сечении рукоятью, дисковидным вогнутым навершием с кнопкой и дугообразным перекрестием с округлым вырезом (рис. 1.), поступил в музей из Ниспоренского района МССР (?) [1]. Условия находки неизвестны.

Клинок меча отлит в двусторонней литейной форме и прокован. У перекрестия он имеет неглубокие овальные вырезы, наибольшая ширина приходится на нижнюю треть. Посередине клинка проходит уплощенное ребро. В навершии пробито небольшое отверстие для подвязывания меча.

Длина меча 61,5 *см*, длина рукояти 11,5 *см*, длина клинка 54 *см*, максимальная ширина рукояти 3,3 *см* при толщине до 2 *см*, диаметр навершия 6,1 *см*, диаметр кнопки 1,5 *см*.

Клинок украшен орнаментом из четырех врезных линий, проходящих вдоль лезвий от перекрестия до середины лезвий. У перекрестия вдоль овальных вырезов этот орнамент дополняют полосы из полукружий с точкой в центре (рис. 2).

Рукоять разделена тремя рельефными валиками и орнаментирована параллельными врезными линиями и слабо прослеживающимися концентрическими окружностями с точкой в центре. При переходе к навершию рукоять украшена параллельными линиями с «елочным» орнаментом между ними.

Орнамент на внешней части навершия представляет собой две полосы полукружий с точками в центре, разделенные врезными линиями. Внутренняя поверхность навершия украшена богатым меандровым орнаментом и концентрическими окружностями.

Описанный меч относится к мечам с чашевидным навершием, близким мечам липтавского типа. Такое оружие было широко распространено в Центральной Европе [2]. На территории СССР единичные находки подобных мечей известны на западе Украины [3]. Публикуемый меч представляет первую находку оружия этого типа на территории Молдавии, а место нахождения — наиболее восточный пункт их ареала.

Мечи с чашевидным навершием характерны для II фазы позднего бронзового века, они появляются, вероятно, во второй половине HA, бы-

---

[1] Инв. № 14367.

[2] *Hrala J.* Otázka původu a rozšíření mečů Liptovského typu a mečů s čiškovitou rukojeti.— AR, 1954, Roc. VI, № 2, S. 215—226; *Dumitrescu Vl.* L'art prehistorique en Roumanie. Bucarest, 1937, tabl. XV; *Bernjakovič K.* Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten ufergebiet des oberen Thiesstales.— SA, 1960, t. VIII-2, S. 336, 337, tabl. VII, *3*.

[3] *Пеняк С. И., Шаболин А. Д.* Олешниковские клады бронзовых изделий.— СА, 1964, № 2, с. 193—201.

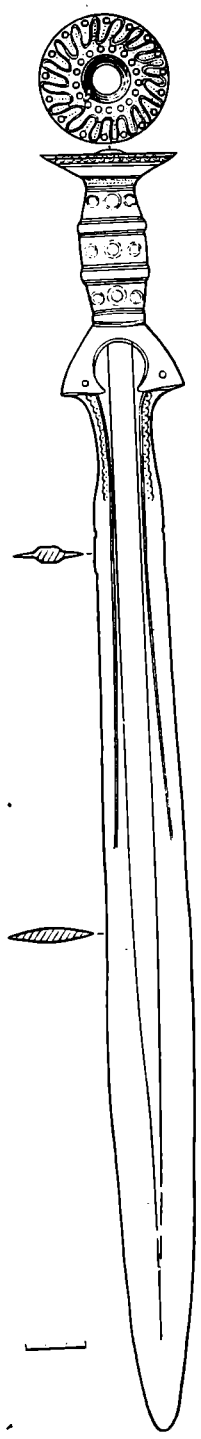


Рис. 1. Меч с чашевидным навершием из коллекции Кишиневского музея

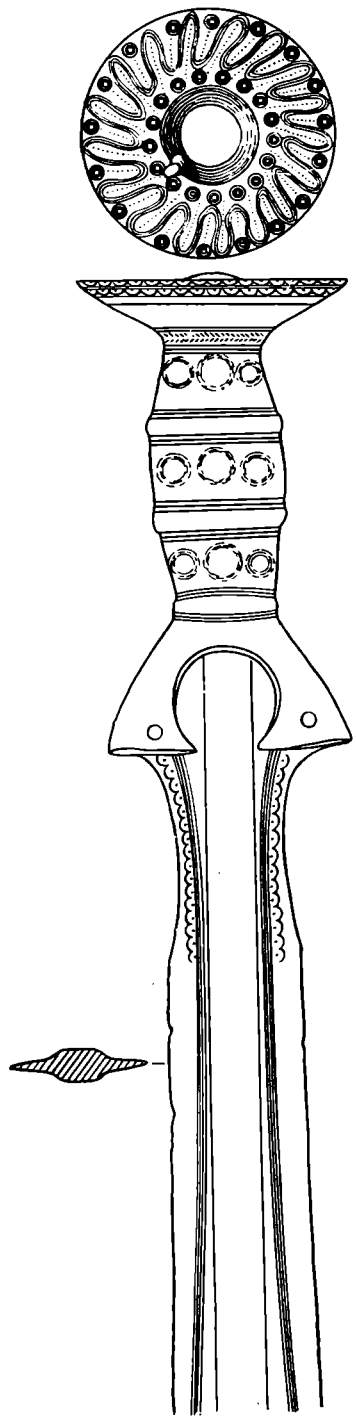


Рис. 2. Орнаментация меча

туют до середины HB [4] и могут быть датированы XI—IX вв. до н. э.

Второй экспонат представляет собой большой бронзовый клепаный котел приземистых очертаний на трех массивных ножках с чуть выпуклым, почти круглым днищем, округлыми стенками, переходящими в вертикальную относительно высокую шейку и горизонтально отогнутый венчик (рис. 3) [5]. Котел двуручный. Ручки котла имеют вид двух выступающих над венчиком петель со сквозными круглыми отверстиями.

Котел был найден в высоком холме, возвышающемся над верхней левой террасой р. Ларгуца на юго-восточной окраине с. Гайдары (Чадыр-Лунгский район МССР) при разработках песчаного карьера. Ко времени поступления в фонды музея котел был значительно деформирован, часть дна, одна ручка-петля были отломаны, две из трех ножек утеряны. Котел изготовлен из широких, горизонтально раскованных полос бронзы толщиной 0,3 *см*. Центральная часть днища округлая, 28 *см* в диаметре, на нее сверху последовательно одна на другую наложены четыре кольцевые полосы шириной в 15—30 *см*, состоящие из двух-четырех частей, скрепленных заклепками из рубленого бронзового прута 0,6 *см* толщиной. Части верхней полосы с ручками-петлями отлиты и подправлены ковкой.

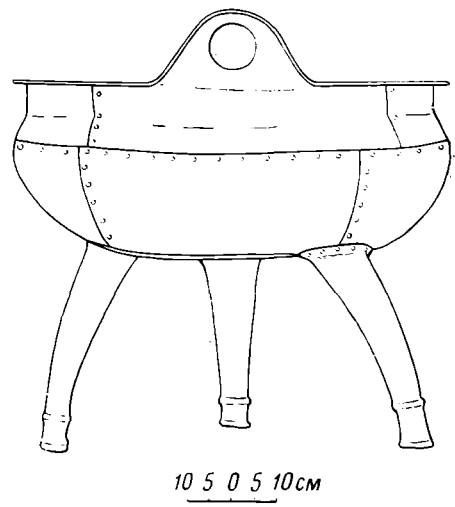


Рис. 3. Котел из с. Гайдары (реконструкция)

Полые ножки котла отлиты в двусторонней форме. Они слегка выгнуты наружу и орнаментированы рельефным валиком в нижней части. Верхние края ножек горизонтально раскованы и заклепками прикреплены на равном расстоянии друг от друга к наружному краю днища.

Высота котла 39 *см*, наибольший диаметр 95 *см*, ручки выступают над венчиком на 16 *см*, диаметр отверстий петли 10 *см*, площадка венчика шириной 3 *см*. Диаметр ножек 6—13 *см*, они поднимают корпус котла от земли приблизительно на 45 *см*.

На внутренней поверхности котла отчетливо видны следы проковки. Котел носит следы длительного использования и покрыт окалиной. Он несколько раз ремонтировался — на венчике и стенках котла наварено несколько заплат. Ручка-петля его треснула и была в древности скреплена заклепками.

Клепаные котлы были распространены в Северном Причерноморье и на Кавказе в предскифскую эпоху. Это котлы так называемого «киммерийского» типа [6] полусферической или яйцевидной формы на высоком поддоне или без него. Классификация и хронологическая периодизация их разработана пока недостаточно полно [7].

Рассматриваемый котел является пока уникальным среди котлов этого типа, и аналогии ему неизвестны. Наиболее близок ему котел из

---

[4] *Hrala J.* Op. cit., S. 224; *Bernjakovič K.* Op. cit., S. 337.

[5] Инв. № 14090.

[6] *Городцов В. А.* К вопросу о киммерийской культуре.— ТСА РАНИОН, 1928, т. II, с. 246—259.

[7] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46, с. 134 сл.; *Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе.— МИА, 1958, № 68, с. 191; *Terenožkin A. J.* Der Bronzekessel der Odesser Musseum Mitteilungen der Antropologischen Gessellschaft in Wien, 1962, XCII (Festschrift Franz Hancer), S. 276. *Бочкарьов В. С.* Кіммерійські казани. Археологія, 1972, № 5.

Кировоградского музея [8], отличающийся меньшими размерами, большей сферичностью, отсутствием широкого горизонтального венчика и ножек. По назначению тринод котла может быть сопоставим с высокими коническими поддонами котлов «киммерийского» типа. Это дает нам основание отнести гайдарскую находку к предскифскому времени, а использование техники литья в изготовлении металлических котлов, распространяющееся в последующую эпоху, позволяет предположить, что он не древнее верхней хронологической границы существования клепаных «киммерийских» котлов, т. е. не ранее VII в до н. э.[9]

Датировка котла «киммерийским» временем косвенно подтверждается и спектроаналитическими данными [10]. В последующую, скифскую эпоху тип уже полностью литых котлов на трех высоких ножках, заменяющий поддон, получает некоторое распространение, находки таких котлов известны как на востоке (Семиречье) [11], так и на западе [12].

---

[8] *Кривцова-Гракова О. А.* Ук. соч., с. 135, рис. 31, *3*.

[9] *Бочкарьов В. С.* Ук. соч., с. 68.

[10] См. Приложение к данной статье: *Барцева Т. Б.* О химическом составе бронзового котла из с. Гайдары.

[11] *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— СА, 1949, XI, с. 352.

[12] *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 117.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т. Б. БАРЦЕВА

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ БРОНЗОВОГО КОТЛА ИЗ с. ГАЙДАРЫ

В лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР был исследован химический состав котла, случайно найденного в с. Гайдары Чадыр-Лунгского района МССР в 1975 г. Спектрально проанализированы ножки, венчик, дно, заклепка-ремонт котла (анализы № 19033, 19035, 19036, 19037, см. таблицу анализов).

В металле котла представлено 11 микропримесей, каждая из которых распределяется следующим образом: олово (Sn) – только в целых %; свинец (Pb), сурьма

Таблица химического анализа бронзового котла из с. Гайдары

Шифр лаборатории	Объект	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
19033	Ножка котла	Основа	6,0	2,0	—	0,04	0,15	2,0	2,5	0,004	0,6	0,03	—	0,001
19035	Дно	»	5,0	0,2	—	0,015	0,1	2,0	0,6	0,01	0,4	0,02	0,01	0,001
19036	Заклепка (ремонт)	»	12,0	2,0	—	0,08	0,1	0,8	0,6	0,01	0,1	0,02	0,01	0,001
19037	Венчик котла	»	6,0	0,3	—	0,02	0,1	0,8	0,6	0,004	0,4	0,02	—	0,001

(Sb), мышьяк (As) — от десятых до целых %; висмут (Bi), кобальт (Co), марганец (Mn) – в сотых долях %; серебро (Ag), никель (Ni) — в десятых долях %; золото (Au) — в тысячных долях %. Микропримеси цинка (Zn) отсутствуют.

Котел был изготовлен из сложного сплава на медной основе с искусственными добавками олова, свинца, сурьмы и мышьяка. Особо при этом следует оговорить низкое содержание свинца (десятые доли процента) в двух деталях – в дне и венчике. Однако эту пониженную концентрацию в указанных частях изделия по сравнению с другими скорее всего нужно связывать с технологией производства, тем более что ножки были литые, а дно – кованое.

При изготовлении котла было использовано сырье одного источника. В этом убеждают химические показатели ряда микропримесей: серебра и никеля, висмута и кобальта.

Конкретизировать источник сырья для исследованного единичного объекта затруднительно. Однако по своим химико-металлургическим показателям это может быть металл западной карпато-трансильванской группы (КТ), выделенной Е. Н. Черных для юго-западных областей в эпоху бронзы [1].

Химико-металлургические показатели металла котла из с. Гайдары полностью совпадают с характеристиками наконечника копья «киммерийского» времени, найденного в 1973 г. Т. А. Щербаковой в Будештах [2]. Подобные совпадения скорее всего могут свидетельствовать об одновременности изготовления обоих изделий кругом мастеров, использовавших не только одну и ту же рецептуру, но и сырьевые источники.

---

[1] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.

[2] Анализ № 19032 наконечника копья сделан в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР по просьбе В. Л. Лапушняна.

Ю. Н. ВОРОНОВ, М. М. ГУНБА

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ

Несмотря на многочисленные разновременные публикации материалов, характеризующих на территории Абхазии колхидскую культуру эпохи позднего бронзового века, она все еще остается одной из наименее изученных. Данная публикация посвящена рассмотрению ряда комплексов и случайных находок, связанных с кладами и погребениями.

1. В 1971 г. в г. Гагра на территории рыбколхоза было разрушено несколько оссуарных захоронений. Сохранился инвентарь одного из них, помещавшийся вместе с трубчатыми костями рук и ног и черепом в большом лепном сосуде из темно-коричневой, пористой от выгоревших примесей глины. Снаружи вдоль края венчик сосуда украшен рядом пальцевых вдавлений (рис. 1, *1*). Помимо костей в урне оказались следующие бронзовые предметы: две булавки с дисковидными головками (рис. 1, *2, 3*), два пластинчатых литых ребристых браслета (рис. 1, *4, 5*), бляшка (рис. 1, *6*), две височных подвески (рис. 1, *7, 8*), 16 одинарных бусин (рис. 1, *9—11*) и одна двойная (рис. 1, *12*), а также шесть спиральных пронизей (рис. 1, *13—18*). Сходные браслеты, височные подвески, спиральные пронизи и бусы, а также бляха и раньше были известны на рассматриваемой территории, где они обычно связаны с комплексами VIII—VII вв. до н. э. [1] Есть, впрочем, и заметные отличия — браслеты, изготовленные из сравнительно узкой пластины, имеющей у концов по три двойных наплыва, которые переходят в четыре ребра. Бляха представляет собой очень низкий полый конус с петлей и шляпкой большого диаметра. Булавки такой формы встречены в Абхазии впервые. Более или менее близкие аналогии им можно встретить среди северокавказских памятников VIII—VII вв. до н. э. [2] и среди находок того

---

[1] *Лукин А. Л.* Материалы по археологии Бзыбской Абхазии.— Тр. ОИПК ГЭ, 1941, т. 1, табл. IV; *Трапш М. М.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды, I. Сухуми, 1970, табл. III, *4, 6*; *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С.* Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР.— СА, 1975, № 2, рис. 2. 9, 14—22.

[2] *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, табл. 7а, 8.

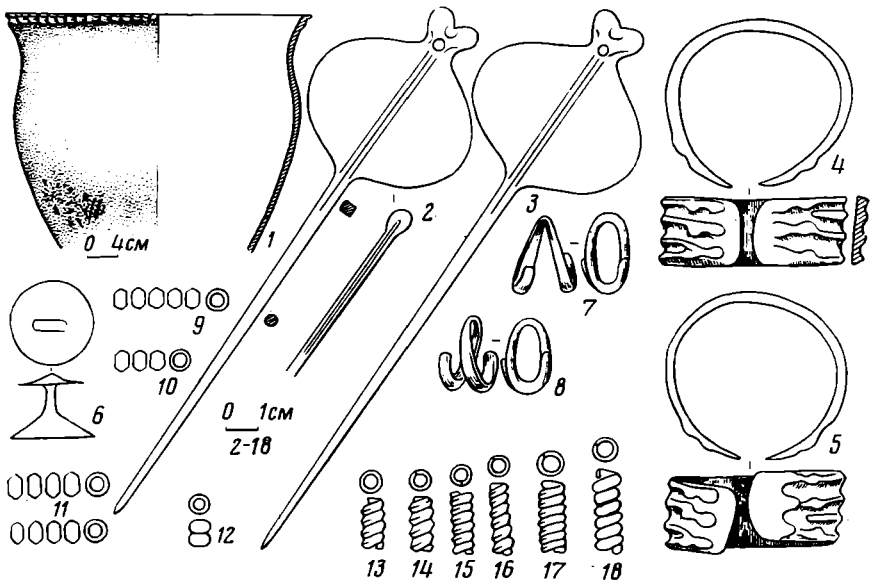


Рис. 1. Гагрское погребение

же или несколько более раннего времени из Тли [3] и Стырфаза [4]. Из последнего пункта происходят также интересные булавки с ажурными дисковидными головками, на которых имеются широко расставленные петлевидные ушки. Эти булавки Б. А. Куфтин датировал периодом развитой поздней бронзы (VIII—VII вв.) [5]. Наиболее архаичный предмет в гагрском комплексе — урна. Она резко отличается своей формой и фактурой от известных ранее на территории Абхазии оссуариев [6]. Все сказанное позволяет предварительно датировать гагрское погребение IX — первой половиной VIII в. до н. э. и считать его наиболее древним из погребальных комплексов колхидской культуры на территории Абхазии.

---

[3] *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, VIII, табл. CXXXII, *8*; *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, 1972, 3, рис. 1, *43, 79, 81, 82.*

[4] *Техов Б. В.* Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974, рис. 33, *1, 4*. Б. В. Техов датирует стырфазские кромлехи, а вслед за этим и погр. 1 из пятого кромлеха, в котором найдены булавки с дисковидными головками, концом XIV—XIII в. до н. э. Можно, однако, предположить и более позднюю дату этого памятника, как и соответствующих материалов из Тли, поскольку здесь же найдены двуспиральная пряжка, аналогии которой на Западном Кавказе известны обычно из комплексов VIII—VII вв. до н. э. (*Трапш М. М.* Ук. соч., с. 193, рис. 17, *2, 4, 5*; *Алексеева Е. П.* Ук. соч., табл. 7а, *13*), цельнолитой бронзовый кинжал «переднеазиатского» типа, ближайшие аналогии которому находим среди ассиро-урартских памятников IX—VIII вв. до н. э. (*Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, рис. 89, *2—3*; *Погребова М. Н.* Урартские мечи из Закавказья.— СА, 1967, 2, рис. 1, *16*), а также среди материалов могильника Сиалк-В (*Деопик Д. В., Мерперт Н. Я.* К вопросу о конце цивилизации Хараппы.— СА, 1957, № 4, рис. 3, *12—14*), датируемого по последним данным VIII—VII вв. до н. э. (*Тереножкин А. И.* Дата Мингечаурских удил.— СА, 1971; № 4, с. 76—78), и множество булавок с пятишишечными головками, на Северном Кавказе датируемых позднекобанским временем (*Алексеева Е. П.* Позднебронзовая культура Центрального Кавказа.— Уч. зап. ЛГУ, XIII. Сер. истор., вып. 85, 1949, с. 221, табл. VIII, *А*, *7*), в Тлийском могильнике найденных в комплексах VII в. до н. э. (*Техов Б. В.* Раскопки Тлийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 1, рис. 12, *6*) и связанных теснейшим образом с пятишишечными навершиями булав из уже упомянутого некрополя Сиалк-В (*Деопик Д. В., Мерперт Н. Я.* Ук. соч., рис. 9, *6*).

[5] *Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. VIII, *3*.

[6] *Трапш М. М.* Древний Сухуми. Труды, т. II. Сухуми, 1969, табл. XVI; *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С.* Ук. соч., рис. 2, *2*.

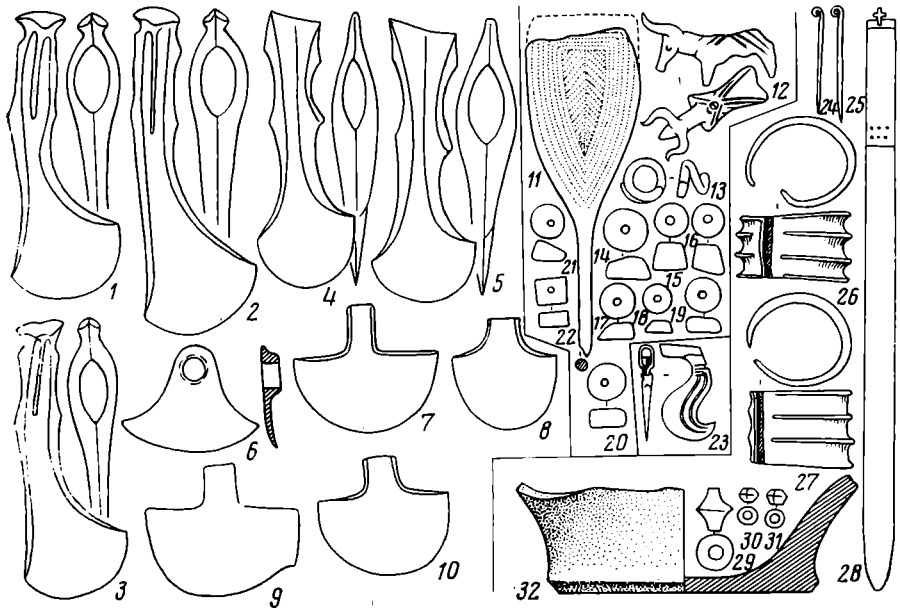


Рис. 2. Гальский клад (*1—10*), комплекс из пос. Бешкардаш (*11—12*), подвеска из с. Бармыш (*23*) и погребение из Звандрипша (*24—32*)

2. С погребением, разрушенным в 1969 г. в пос. Бешкардаш в горах северо-западнее Сухуми, связаны бронзовые предметы: булавка с веслообразной головкой, орнаментированной рядами точек (рис. 2, *11*), литая фигурка быка (рис. 2, *12*) и колечко в полтора оборота (рис. 2, *13*), а также бусы — 13 бронзовых (рис. 2, *14—21*) и одна известняковая (рис. 2, *22*). Близкие по форме веслообразные булавки были широко распространены в северокавказских памятниках VIII—VII вв.[7] Судя по аналогиям с территории Абхазии[8], и остальные предметы комплекса могут датироваться тем же временем.

3. Захоронение в оссуарии обычного для Абхазии типа доследовано в 1969 г. западнее р. Хипсты на южной окраине с. Звандрипш в 3 *км* от берега моря. От оссуария, изготовленного из грубой коричневой глины с примесью песка и слюды и со слегка подлощенной наружной поверхностью, сохранилось днище (рис. 2, *32*). Бронзовый инвентарь включал пояс со следами ремонта с зооморфной пряжкой (рис. 2, *28*), два ребристых браслета (рис. 2, *26, 27*), две проволочных булавки (рис. 2, *24, 25*), бусы: крупную биконическую с заполнением (рис. 2, *29*) и две маленьких (рис. 2, *30, 31*). Все перечисленные материалы по аналогии с инвентарем куланурхвского погребения 1969 г.[9] могут быть отнесены к VIII в. до н. э.

4. Бронзовая подвеска в виде топорика с изогнутым лезвием (рис. 2, *23*) найдена в с. Бармыш. Подобные подвески были широко распространены в VIII—VI вв. на Центральном Кавказе[10]. Первая находка такого рода в Абхазии представляет интерес в связи с вопросом о единстве колхидской и кобанской культур.

---

[7] *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история..., табл. 7б, 20; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, вклейка на с. 136, 137; *Уварова П. С.* Ук. соч., табл. XXVII, *1, 2*, XXVIII, *1, 2*.

[8] *Трапш М. М.* Ук. соч., табл. XI, *9, 10*; *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С.* Ук. соч., рис. 2, *3, 4*.

[9] *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С.* Ук. соч., рис. 2.

[10] *Уварова П. С.* Ук. соч., табл. LXXXVIII, *16*; XCIV, *6*; *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 240, табл. XLIX, *1*.

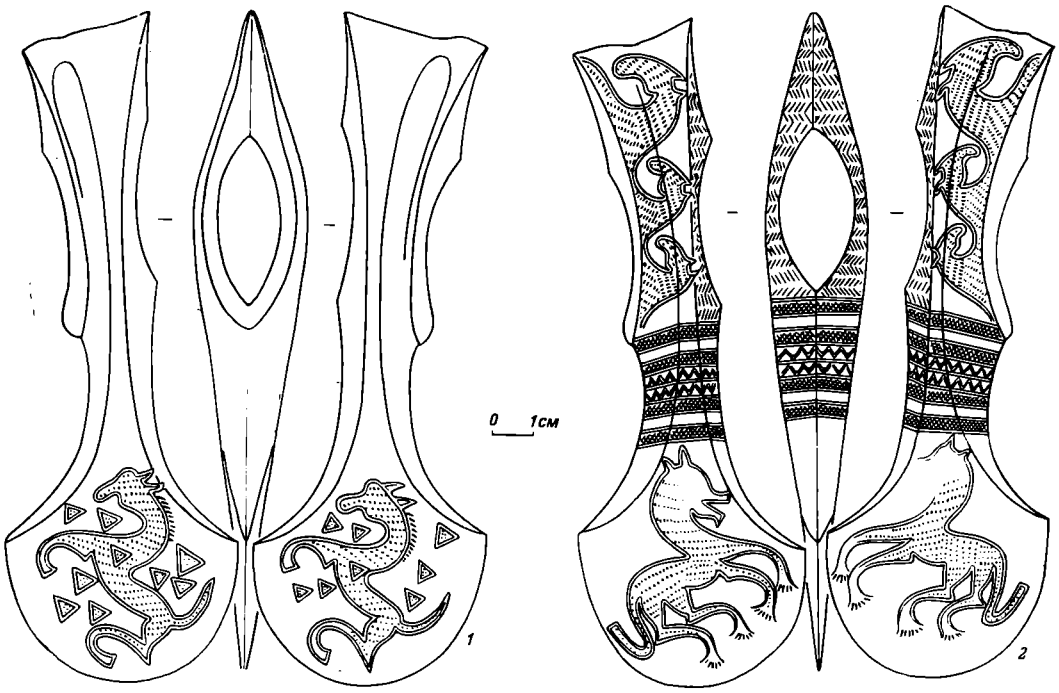


Рис. 3. Ачандарское погребение. Бронзовые топоры

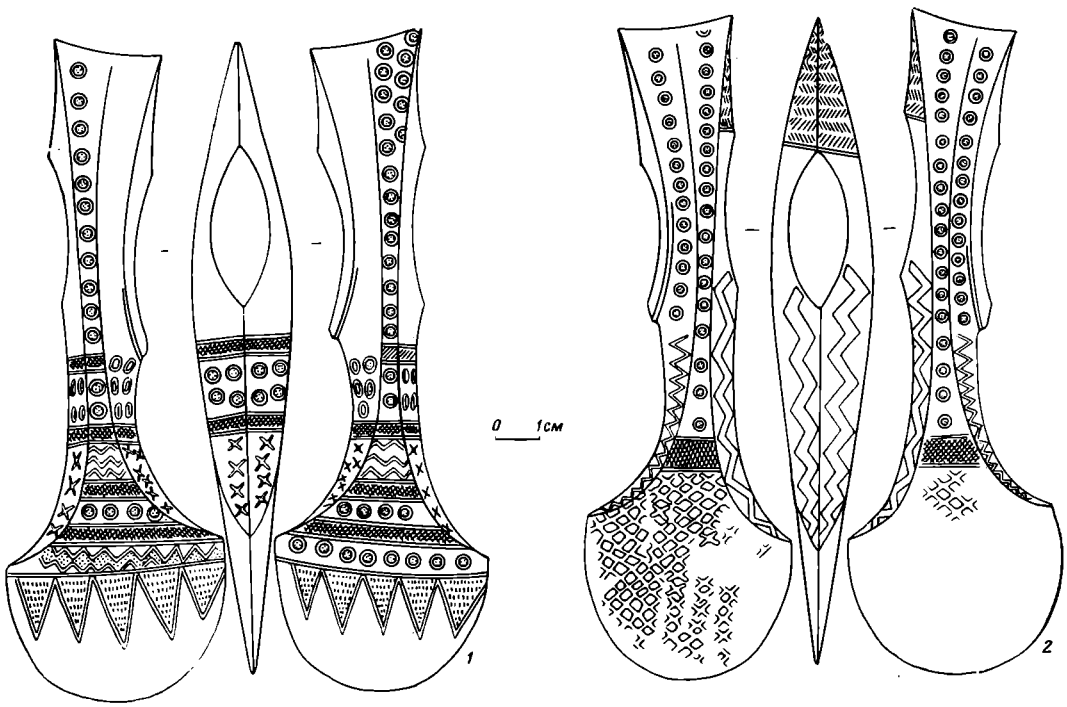


Рис. 4. Ачандарское погребение. Бронзовые топоры

5. Очень интересное погребение с трупоположением было доследовано в 1970 г. в с. Ачандара [11]. Весь инвентарь погребения бронзовый. Он включает пять орнаментированных колхидских топоров первого (рис. 3, *1, 2;* 4, *1, 2*) и третьего (рис. 5, *1*) типов, кинжал (рис. 5, *2*), наконечник копья (рис. 5, *3*), четыре массивных с заполнением «ножных»

[11] *Гунба М. М.* Находка Славика Чхабелия.— «Апсны Капш». Сухуми, 20 мая 1970 г., с. 4 (на абх. яз.).

браслета (рис. 5, *4—7*) и три шейных гривны с закрученными концами (рис. 5, *8—10*). Топоры отличаются разнообразием покрывающего их декора, выполненного гравировкой, в котором выделяются зооморфные изображения и геометрические узоры. Среди первых — фигура коня (рис. 3, *1*), контуры лошадиных голов (рис. 3, *2*), собака (рис. 3, *2*) и, возможно, птички или бабочки (рис. 3, *1*), среди вторых — сетчатые пояски (рис. 3, *1, 2*; 4, *2*; 5, *1*), елочный узор (рис. 3, *2*; 4, *2*; 5, *1*), кружки, заполненные точками (рис. 4, *1, 2*; 5, *1*), простые и двойные зигзаги (рис. 3, *2*; 4, *1, 2*; 5, *1*), ряды треугольников, заполненных точками (рис. 4, *1*; 5, *1*), или ромбов (рис. 5, *1*), сетка на лопасти (рис. 4, *2*), кресты (рис. 4, *1*) и др. В последнее время Л. Н. Панцхава выделила в развитии колхидско-кобанского декора три этапа, охватывающие конец IX — начало VI в. до н. э. По этой схеме ачандарские топоры должны быть датированы второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н. э.[12] Истоки этого декора не выяснены, но не исключено юго-восточное происхождение хотя бы части его компонентов — в росписях сосудов начала I тысячелетия до н. э. из Тепе-Сиалка (некрополь Сиалк-В) можно проследить большинство присутствующих на ачандарских топорах декоративных элементов (ромбы с сетчатой штриховкой, ряды заштрихованных треугольников, сетчатые пояски, зигзагообразные линии, солярные знаки, манера исполнения зооморфных изображений и т. п.) [13]. На ту же дату, что и декор, указывает форма топоров, которые представляют собой наиболее существенный компонент местной материальной культуры на заключительном этапе позднебронзовой эпохи [14]. Время бытования таких топоров здесь до недавнего времени определялось XI—VIII [15], VIII — первой половиной VII [16] или IX—VIII вв. до н. э.[17] В последнее время были предприняты попытки уточнения хронологии развитого этапа местной колхидско-кобанской бронзы. Первое погребение из Куланурхвы, содержавшее несколько орнаментированных бронзовых топоров, было датировано второй половиной VIII — началом VII в. до н. э. [18] и даже концом VII в. до н. э. [19] Особое значение приобретают при этом открытия Б. В. Техова в Тлийском могильнике, материалы которого со всей определенностью свидетельствуют, что на Центральном Кавказе подобные изделия доживают до рубежа VII—VI вв. В погребении Тли-68 колхидский топор первого типа найден вместе со скифскими акинаком, удилами и псалиями, относящимися ко времени не ранее конца VII в. до н. э. [20] Особое значение для определения абсолютной хронологии периода расцвета колхидско-кобанской бронзы имеет погребение Тли-76 [21], в котором вместе с двумя богато орнаментированными топорами второго типа были найдены бронзовая кружка, массивная и облегченная литые фибулы, украшенные елочной насечкой, высокая кобанская пряжка и замечательный бронзовый пояс, на котором среди других оказались изображения пешего и конного воинов, по-види-

---

[12] *Панцхава Л. Н.* К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культуры.— Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975, с. 22.

[13] *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.— Л., 1956, рис. 29, 70.

[14] *Джапаридзе О. М.* Бронзовые топоры Западной Грузии (к вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры).— СА, 1953, № XVIII, с. 180—300.

[15] *Коридзе Д. Л.* Клад из сел. Лыхны и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров.— ВГМГ, 1968, XXV-В, табл. V, VI.

[16] *Трапш М. М.* Памятники эпохи бронзы..., с. 163.

[17] *Трапш М. М.* Древний Сухуми..., с. 173—176.

[18] *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С.* Ук. соч., с. 272.

[19] *Панцхава Л. Н.* Ук. соч., с. 26.

[20] *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии..., рис. 2, *280—286*; *Ильинская В. А.* О происхождении и этнических связях племен скифской культуры Посульско-Донецкой лесостепи.— Археологія, 1966, XX, с. 64, рис. 3.

[21] *Техов Б. В.* Раскопки Тлийского могильника..., рис. 3, *5, 6*; 7, *3, 4*; 9; 10, *1*.

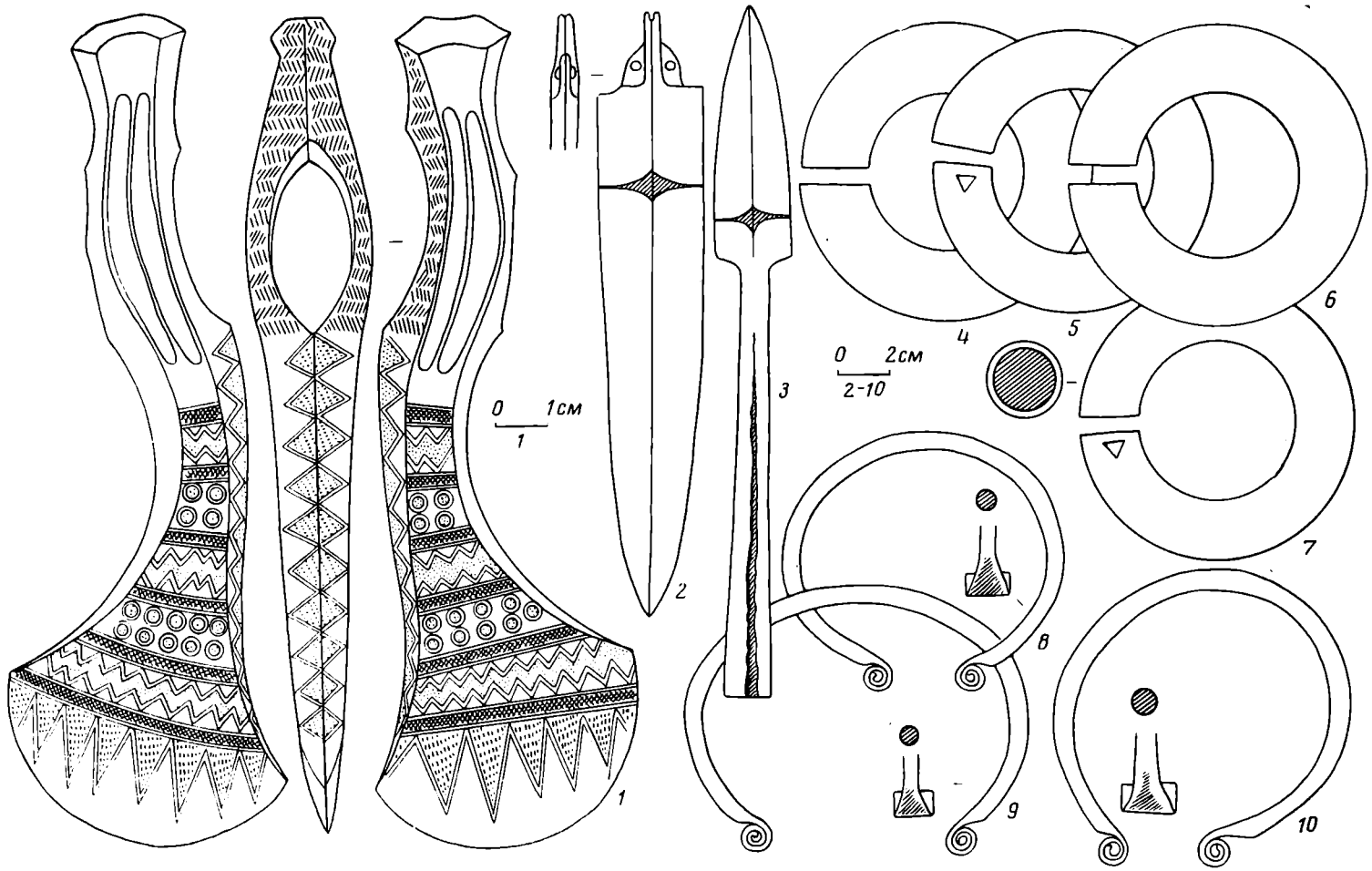


Рис. 5. Ачандарское погребение. Бронзовый инвентарь

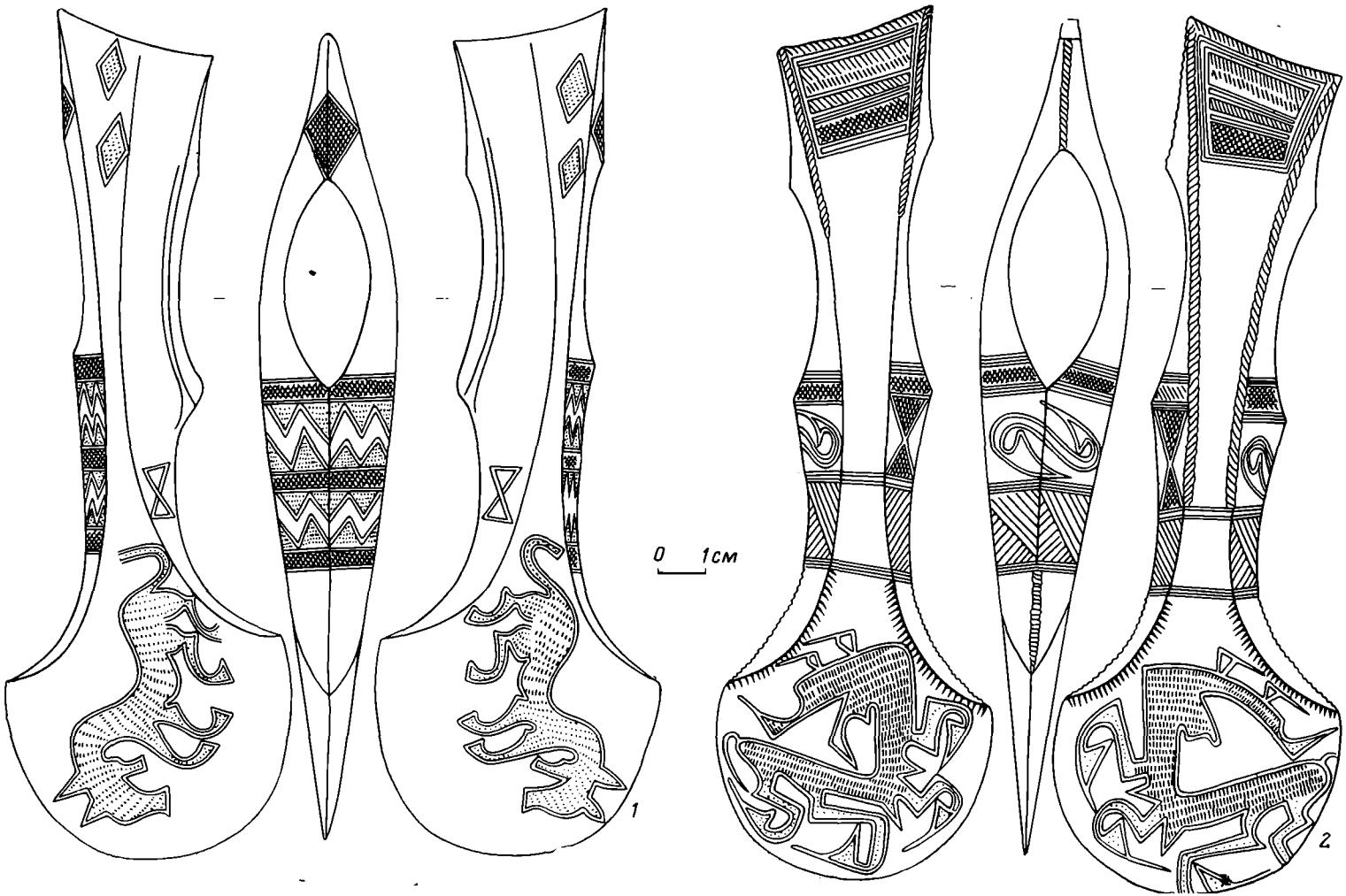


Рис. 6. Бронзовые топоры из Эшеры

мому, скифов [22] со сложными луками в руках, относящимися к тому типу, который распространяется в Передней и Средней Азии в VII—VI вв. до н. э. [23] Наиболее ранние сведения о проникновении скифов в Закавказье относятся к 70-м годам VII в. до н. э. [24] Поэтому, вероятнее всего, дата этого пояса и всего комплекса должна определяться серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. Все сказанное позволяет полагать, что наиболее вероятной датой ачандарского комплекса можно считать первую половину — середину VII в. до н. э.

6. Два бронзовых орнаментированных колхидских топора первого типа происходят из разрушенных оссуарных погребений Эшеры (рис. 6, *1*, *2*) [25]. Их декор включает изображения собаки, в первом случае (рис. 6, *1*) с незначительной стилизацией, во втором (рис. 6, *2*) — предельно стилизованной. Топоры орнаментированы сетчатыми поясками, различными сочетаниями гладких или покрытых точечным орнаментом треугольников, заштрихованными или декорированными точками ромбами, жгутовидным оформлением граней и т. д. Согласно классификации Л. Н. Панцхава, последний топор должен датироваться второй половиной VII — началом VI в. до н. э. [26] На ту же дату указывают и те захоронения из Тли (№ 85, 121, 129 и др.), где бронзовые колхидские топоры со сходными стилизованными изображениями животных и орнаментальными сюжетами найдены вместе с железными акинаками и скифскими наконечниками стрел конца VII — начала VI в. до н. э. [27]

7. Клад бронзовых хозяйственных изделий найден в 1972 г. у железнодорожного вокзала в г. Гали [28]. В составе клада были два колхидских топора первого типа (рис. 2, *4*, *5*) и три топора второго типа (рис. 2, *1*, *2*), мотыга (рис. 2, *6*), четыре целых (рис. 2, *7—10*) и четыре фрагментированных сечки и шесть аморфных слитков общим весом до 5 *кг*. Топоры первого типа отличаются от вышеописанных парадных топоров лишь несколько большей массивностью, грубостью исполнения и отсутствием орнаментации. Второй тип колхидских топоров подобно первому и третьему доживает до рубежа VII—VI вв. На северном Кавказе эти топоры найдены в комплексах VII в. до н. э. (Жемталинский клад, «Индустрия» и др.) [29]. В Тли они неоднократно встречены в сочетании с раннескифским инвентарем конца VII — начала VI в. до н. э. [30] Сходный рабочий топор найден также в составе Новочеркасского клада рубежа VIII—VII вв. до н. э., материалы которого характеризуют предскифский период на Украине. Можно полагать, что рассмотренный вариант колхидских топоров был наиболее распространен во второй половине VIII—VII в. до н. э. Этим временем и следует датировать клад из г. Гали.

---

[22] *Техов Б. В.* Скифские элементы в материальной культуре Юго-Осетии.— ВИНК, 1966, с. 45.

[23] *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на востоке).— СА, 4, 1966, с. 53—68.

[24] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 12, 13.

[25] Авторы приносят свою благодарность канд. истор. наук Г. К. Шамба и археологу И. И. Цвинария за любезно предоставленную возможность опубликовать эти интересные находки. Упоминание о первом топоре см.: *Цвинария И. И.* Находки в с. Нижняя Эшера.— АО — 1970. М., 1971, с. 380.

[26] *Панцхава Л. Н.* Ук. соч., с. 18, 22, 28.

[27] *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии..., рис. 2, *222, 234, 268*.

[28] *Воронов Ю. Н.* Археологические разведки в Абхазии.— АО — 1972, М., 1973, с. 422.

[29] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., табл. XV; *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 128, 250, рис. 18.

[30] *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии..., рис. 2, *222—227*; *231—245*; *268—279*.

В. М. КОСЯНЕНКО, С. И. ЛУКЬЯШКО, В. Е. МАКСИМЕНКО

ДВА ШЛЕМА ИЗ ФОНДОВ РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ

Находок бронзовых шлемов античного времени на территории нашей страны известно немного, поэтому каждое новое поступление вызывает интерес у исследователей. Это обстоятельство побудило нас опубликовать два шлема, находящиеся в фондах Ростовского музея.

В 1963 г. от жителя Ростова-на-Дону А. Пекара в музей поступил бронзовый шлем (рис. 1, 2), который был найден на побережье Черного моря, в районе дома отдыха «Смена» у пос. Советквадже Краснодарского

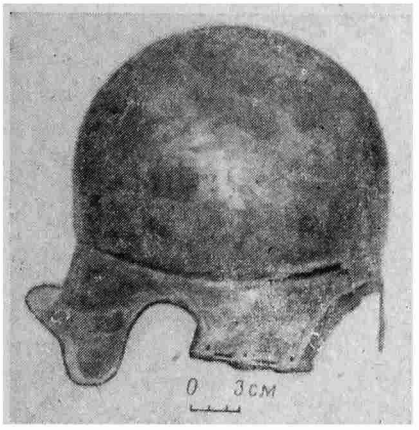


Рис. 1. Шлем из Советквадже (вид сбоку)

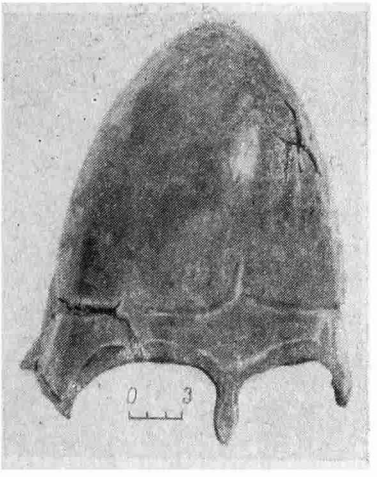


Рис. 2. Шлем из Советквадже (вид спереди)

края. Условия находки неизвестны. Шлем кованый, с посеребренной поверхностью, относится к кругу сравнительно хорошо известных аттических шлемов. Находка сильно пострадала, левая половина шлема была вмята и прорвана. Отсутствуют наушники. На правой внешней стороне прослеживались окислы железа. Шлем подвергался реставрации. Высота шлема 23,5 *см*, длина — 21,5, ширина — 18 *см*.

Форма шлема полуовальная с характерными для данной группы удлиненными пропорциями. Верхняя часть шлема рельефно отделена от нижней. Лицевая часть состоит из налобника, который в середине переходит в лавровидный, сравнительно узкий наносник. Изгибы надбровий подчеркнуты рельефной полосой. Закругляющиеся части налобника составляют нижнюю окаймляющую часть шлема. Нащечники не сохранились, но на боку имеются шарниры с проволочными осями. В нижних боковых частях шлема, за защечниками, имеются овальные, несколько зауженные книзу ушные проемы, усиленные отогнутым коротким краем. Отогнутый край имеется и на затылочной части. Далее в затылочной части нижний край шлема переходит в сильно отогнутый назатыльник.

Как отмечает Е. В. Черненко, все шлемы аттического типа, известные по находкам на территории Северного Причерноморья, различаются между собой лишь второстепенными, несущественными деталями [1]. Так, например, шлем из станицы Темнолесской имеет такие же длинные концы назатыльника и ушные проемы, но несколько отличается по форме и

[1] *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968, с. 85; Е. В. Черненко к моменту публикации его работы было известно 17 аттических шлемов на территории Северного Причерноморья. Шлем из Советквадже дополняет эту сводку.

второстепенным деталям: шлем более округлый в фас, отличается крепление нащечников, рельеф надбровий (рельефная линия проведена выше, рельефный мысок в лобной части шлема гораздо шире) [2]. Так же деталями отличаются и шлемы из станицы Тульской [3] и у с. Пастырское (уроч. Галущино) [4]. У этих шлемов завышенный рельеф, отличная форма мыска, несколько удлиненные ушные проемы. Следует отметить, что шлем из станицы Тульской имеет много общего и со шлемом из Советквадже. Это сильно отогнутый назатыльник, близкая форма длинных

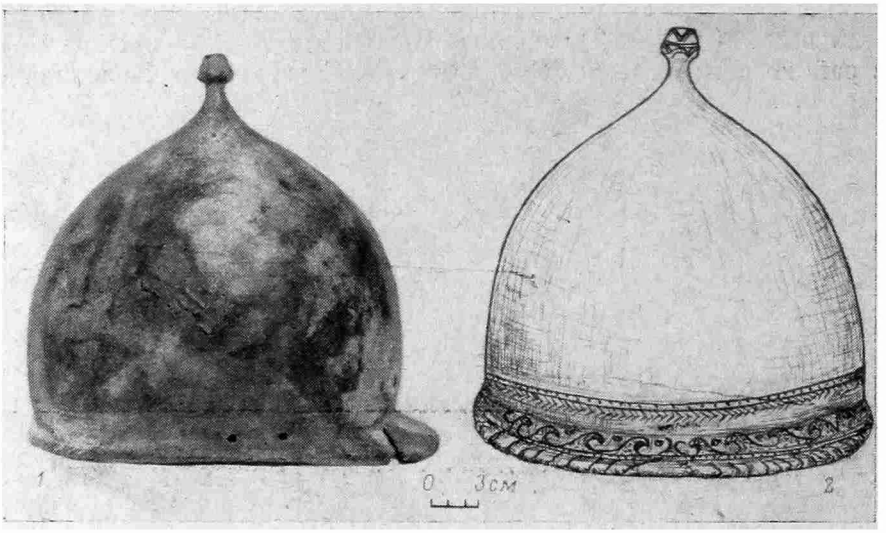


Рис. 3. Бронзовый шлем из хут. Новопрохоровка. *1* — фото; *2* — прорисовка

сторон назатыльника и наносника. Весьма близок шлему из Советквадже шлем, найденный в кургане на территории мирзы Кекуватского [5]. Он имеет такие же удлиненные пропорции, аналогичную форму назатыльника, близкую форму наносника и рельефный мысок на передней части шлема. Можно указать еще на одну близкую аналогию шлема из Советквадже. Это шлем из с. Сбориште (Болгария). Близость прослеживается даже в деталях [6]. На территории Северного Причерноморья шлемы аттического типа суммарно датируются IV в. до н. э.[7] Вероятно, к этому же времени следует отнести и шлем из Советквадже.

Второй шлем (рис. 3, *1*, *2*) был передан в фонды Ростовского музея в 1974 г. жителем хут. Новопрохоровка Родионово-Несветайского р-на Ростовской обл. Е. А. Федоровым. По его сообщению, шлем был найден случайно на вспаханном поле и находился на хранении в местной школе.

Состояние находки хорошее. Лишь с правой стороны он слегка помят и в одном месте прорван. На внешней затылочной части и на внутренней полости шлема хорошо видны следы окислов железа. Шлем имеет почти полушаровидную форму, плавно переходящую в верхней части в небольшой шпиль, увенчанный небольшой пуговицей усеченно-кониче-

---

[2] *Дитлер П. А.* Аттический шлем из станицы Темнолесской.— СА, 1964, № 1, с. 318, рис. 2, *3*.

[3] *Лунин Б. В.* Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станицы Тульской и Даховской близ Майкопа.— ВДИ, 1939, № 3, с. 210, 215, рис. 4.

[4] *Дитлер П. А.* Ук. соч., с. 318, рис. 2, *1*; *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 84, рис. 46, *1*.

[5] *Дитлер П. А.* Ук. соч., с. 318, рис. 2, *1*; *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 84, рис. 46, *2*.

[6] Фракийское искусство и культура болгарских земель. (Каталог выставки). М., 1974, с. 101, 174, 175, илл. 156. Со ссылкой на: *Койчев Н.* Материалы от гробни находки от Новозагорско.— ИАИ, София, 1955, XIX, с. 56, № 3.

[7] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 85.

ской формы. По нижнему краю шлема проходит слабо выдающийся ободок. Шлем имеет небольшой козырек шириной 2,5 *см*. По бокам видны по два отверстия для защитных ушных пластин. Ободок шлема орнаментирован косыми насечками и выделен от остальной части двумя поперечными полосами, расстояние между которыми заполнено точечным орнаментом. Выше отверстий для крепления щитков проходят еще две прочерченные линии, промежуток между которыми заполнен аналогичным орнаментом. Непосредственно под этими линиями идет полоса горизонтального выполненного насечками елочного орнамента, которым украшена тулья. Свободное поле козырька также заполнено орнаментом. От краев к центру козырька изображены морские волны с переливающимися гребнями, заштрихованные точками, а в промежутках между гребнями волн прочерчены кружочки малого диаметра. Верхняя часть шлема (пуговка) имеет орнамент в виде двойных смежных арочек, расположенных в два ряда и отделенных друг от друга двумя круговыми линиями. Высота шлема 20,5 *см*, длина — 20,5, ширина — 19,7 *см*. Находки шлемов подобного типа известны на территории нашей страны. Можно указать на некоторые наиболее близкие аналогии. Это шлем, найденный П. Рау в сарматском погребении на Нижней Волге у дер. Тонкошкуровки[8], случайная находка в Воронежской обл.[9], случайная находка близ с. Марьевки в низовьях Буга[10], шлем из разрушенного кургана близ хут. Веселого Ростовской обл.[11] Для всех этих находок характерна полушаровидная форма, шишечка на шпиле, ободок по краю и короткий козырек. Однако среди указанных экземпляров имеются и определенные отличия. Так, шлем из хут. Веселого имеет явно удлиненные пропорции в фас и рельефный орнамент, чего нельзя сказать в отношении всех других шлемов. Различны формы козырьков и тулий. Пожалуй, наиболее близок шлему из Новопрохоровки шлем из с. Марьевки. Но и он имеет ряд отличий. Короткий опущенный козырек в отличие от почти прямого и относительно широкого козырька шлема из Новопокровки, отсутствие отверстий для крепления щитков. Шлем из с. Марьевки А. Тальгрен отнес к I в. до н. э.[12]

Находки шлемов типа «шапочка жокея» широко известны в странах Европы[13]. Центр производства подобных шлемов до сих пор не ясен[14]. По мнению некоторых исследователей, шлемы данного типа относятся к кругу кельтских изделий[15] или этрусских[16]. Шлем из Новопрохоровки обнаруживает определенное сходство с этрусскими находками. Весьма близкой аналогией ему является шлем из коллекции Британского музея отдела греко-римских древностей[17]. Сходство обнаруживается не только в формах и пропорциях изделий, но и в орнаментальных мотивах.

---

[8] *Rau P.* Prähistorishe Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutchen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, fig. 46.

[9] *Гущина И. И.* Случайная находка в Воронежской области.— СА, 1961, № 2, с. 241, рис. 1.

[10] *Jakounina-Ivanova L.* Une Trouvaille de l'age de la tène dans la Russie méridionale.— ESA, 1927, № 1, S. 101—104.

[11] *Артамонов М. И.* Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1938 гг.— ИГАИМК, вып. 109, 1935, рис. 191.

[12] *Jakounina-Ivanova L.* Une Trouvaille..., s. 101—104, note A. M. Tallgren.

[13] *Ebert M.* Reallexikon der Vorgeschichte, Bd V. Berlin, 1926, S. 295—296; *Dechelette J.* Manuel d'archeologie, II. Paris, 1924, p. 1162, fig. 489, *2*; *Reinecke P.* Ein frühkaiserzeitlicher Bronzehelm aus Donau bei Straubing.— Germania, Bd 29, H. 1/2, Berlin, 1951, S. 37—44.

[14] *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 149.

[15] *Jakounina-Ivanova L.* Une Trouvaille..., S. 101—104.

[16] *Montelius O.* La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux. Stockholm, 1895, ser. B, p. 460 (fig.).

[17] A guide to the exhibition illustrating Greek and Roman life. Second edition. London, 1920, fig. 75.

Те же косые насечки по ободу шлема, так же орнаментирован шпиль. В отличие от кельтско-латенских шлемов у шлема из хут. Новопрохоровка, так же как и у шлема из Британского музея, имелись защитные щитки. В путеводителе Британского музея шлемы подобного типа датируются V—III вв. до н. э.[18] Учитывая, что все ранние разновидности шлемов подобного типа отличаются от более поздних более сложным орнаментом, шлем из Новопрохоровки можно отнести к этому же времени, хотя не исключена возможность, что в среде кочевников Подонья он мог использоваться и в более позднее время.

К более поздней датировке находок шлемов типа «шапочка жокея» на территории нашей страны (шлем из раскопок П. Д. Рау 1962 г., шлем из разрушенного кургана у хут. Веселого, шлем из комплекса вещей у с. Марьевки и др.) склоняется В. П. Шилов, который считает их относящимися к среднесарматскому времени [19].

[18] Ibid., p. 21.
[19] *Шилов В. П.* Ук. соч., с. 146—150.

Е. Н. СИМОНОВА

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕАВАРСКОГО МОГИЛЬНИКА В ФЕЙСЕРЛАК

Могильник расположен на одном из всхолмлений у восточной окраины Фейсерлак-пуста (район Капошвар, область Шомодь, ВНР) при пересечении двух проселочных дорог, в местности, известной под названием Фехер хид. В настоящее время центральная часть территории могильника разрушена проселочной дорогой и оврагом с лесопосадками по краям. По дну оврага некогда протекал ручей. На протяжении многих лет почти вся территория могильника распахивалась. В 1970 г. нами были начаты охранные раскопки, продолженные в последующие годы. За три полевых сезона было вскрыто 74 погребения: 22 — в 1970 г., 43 погребения — в 1971 г. и 10 погребений (одно разрушено более поздней ямой) — в 1974 г.[1]

Большинство погребальных ям продолговатые со скругленными углами, глубиной от 0,4 до 2,8 *м*. Выделяются простые грунтовые ямы и девять ям с уступом (5, 7, 15, 17, 44, 67, 70—72). У всех могильных ям, как правило, вертикальные стенки, ровное или слегка наклонное, реже слегка выпуклое дно. Размеры могильных ям часто значительно превышают рост покойника. В шести глубоких грунтовых ямах (11, 14, 20, 30, 31, 43) и в семи ямах с уступом (5, 7, 17, 44, 67, 70, 71) погребение обложено с боков, а иногда и сверху досками, сохранившимися в виде древесного тлена или угля. В погр. 44 кроме следов дерева найдены в большом количестве обломки железных обручей, скоб и гвоздей. Такие же обломки были обнаружены также и в погребениях 23, 26, 27, 61, 64, где древесный тлен не был обнаружен.

Положение погребенных вытянутое на спине, головой на запад или с некоторыми отклонениями. Положение рук несколько варьируется: при вытянутой левой руке правая находилась на животе (три раза) или, наоборот (погр. 23), левая рука на бедре, правая вытянута (погр. 38),

[1] *Simonova E.* Nouveaux cimétières de la fin de l'epoque avare mis au jour sur le territoire du comitat Somogy. Mitt. Arch. Inst. Beiheft, 1, 1972, S. 129—132; *idem.* Ausgrabungen — № 10 (Toponár).— Mitt. Arch. Inst., 1972, № 3, S. 161—163; *idem.* Ausgrabungen — № 7 (Toponár).— Mitt. Arch. Inst., 1973, № 4, S. 185, 186.

левая рука под поясницей (погр. 9, 17), обе руки под поясницей (погр. 2), обе руки на животе (погр. 19, 68, 74).

Значительное число ограбленных погребений (примерно одна треть) и чрезвычайно интересный погребальный инвентарь, полученный при раскопках, свидетельствуют о том, что могильник был достаточно богат. Необычно отсутствие в погребениях следов заупокойной пищи, которая характерна для могильников аварской эпохи. Только в мужском погр. 45 оказались две птичьи кости. Интересно полное отсутствие керамики. Лишь в двух случаях из 74 (погр. 28 и 45, рис. 2, *2*, *3*) найдены два небольших фрагмента (одно из погребений детское, другое — женское).

Остатки поясов присутствуют в мужских (погребения — 5, *8*, *45*) (рис. 1, *1—6*; 2, *1—8*), женских (погребения — 7, 44, 48) (рис. 1, *15—21*), а также и в детских погребениях (погр. 29). Полный поясной набор, состоящий из 32 шт. бронзовых деталей, происходит из мог. 74, где пол погребенного не определен. Наряду с преобладающим декоративным узором — грифоно-лозовым орнаментом, на поясных бляшках встречается и декор, характерный для вещей круга Надьсентмиклош — Кишкёрёш — Престовац [2], а также мало известный сильно стилизованный орнамент.

Оружие представлено двумя железными наконечниками стрел из погр. 7 и 74 (рис. 1, *25*) и железным боевым топориком из женского погр. 7 (рис. 1, *29*), согласно предварительному определению антрополога Ш. Венгера. Железные ножи обнаружены в 20 погребениях, в количестве от одного до трех в каждом (рис. 2, *10*). В одном случае нож имеет костяную рукоять (погр. 73). Кресала найдены в погребениях 7, 70, 74 (рис. 1, *24*), в каждом по одному; куски кремня в погребениях 13, 45, 57, 70, от одного до четырех в каждом. Шила были найдены в погребениях 13, 15, 74, железные кольца в погребениях — 13, 18, 26, 38, 59, 66 и 71, цепочки в погр. 15 и 59. Кроме того, при погребениях обнаружены железные втулки неизвестного назначения.

Железный наральник, довольно сильно пострадавший от употребления и времени, был обнаружен на осыпающемся песчаном склоне на территории могильника. Длина сохранившейся части — 25 *см*, длина сохранившейся рабочей части — 19 *см*, максимальная ширина ее — 12 *см*. Среди тех немногих аналогий, которые сохранились полностью, следует отметить три: из Пряжова (Чехословакия), из окрестностей Аквинкума и Тац-Фёвенпуста (Венгрия), с которыми наш наконечник совпадает по форме, но не является их полной аналогией, так как верх лопасти и железная втулка нашего наральника расположены в одной плоскости, а не под углом друг к другу.

Украшения представлены бусами, железными и бронзовыми пряжками, бронзовыми браслетами (рис. 2, *11*, *12*), футлярчиком, серьгами, перстнями, бубенчиками (рис. 2, *16*), гривной (рис. 2, *15*), пробитой римской монетой, округлой ажурной бляхой. Стеклянные бусы разнообразны по форме и отделке (рис. 2, *14*). Все они поздних типов, среди них много витых. Единичны бусины, по форме напоминающие семечки арбуза. Браслеты пластинчатые (погр. 26) и граненые (погр. 18, 36, 47), как правило, украшенные геометрическим орнаментом. Маленький кусочек ткани сохранился на пластинчатом браслете из женского погр. 26. Цилиндрическая пластинчатая серебряная капсула из этого же погребения имеет ближайшую аналогию в Тотипусте [3].

Серьги в могильнике представлены шестью типами: 1) обычные серьги с подвеской позднего типа (4 экз. в погребениях 1, 14, 25); 2) обычные

---

[2] *Csallány D.* Kora-avarkori sirleletek.— A Szegedi Városi Museum Kiadványai, № 11. Szeged, 1939, 1—35 old.; *Mavrodinov N.* A nagyszentmiklósi ösbolgár kincs.— AH, XXIX, 1934; *Hampel I.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905; *Fettich N.* Nagyszentmiklósi kincs.— Művészeti Lexikon, № 11, 165, 166 old.

[3] *Bóna I.* A népvándorlás kora Fejér megyében.— In: Fejér megya története az öskorlól a honfoglalásig. I. Székespehérvar, 1971, 307 old, fig. 23.

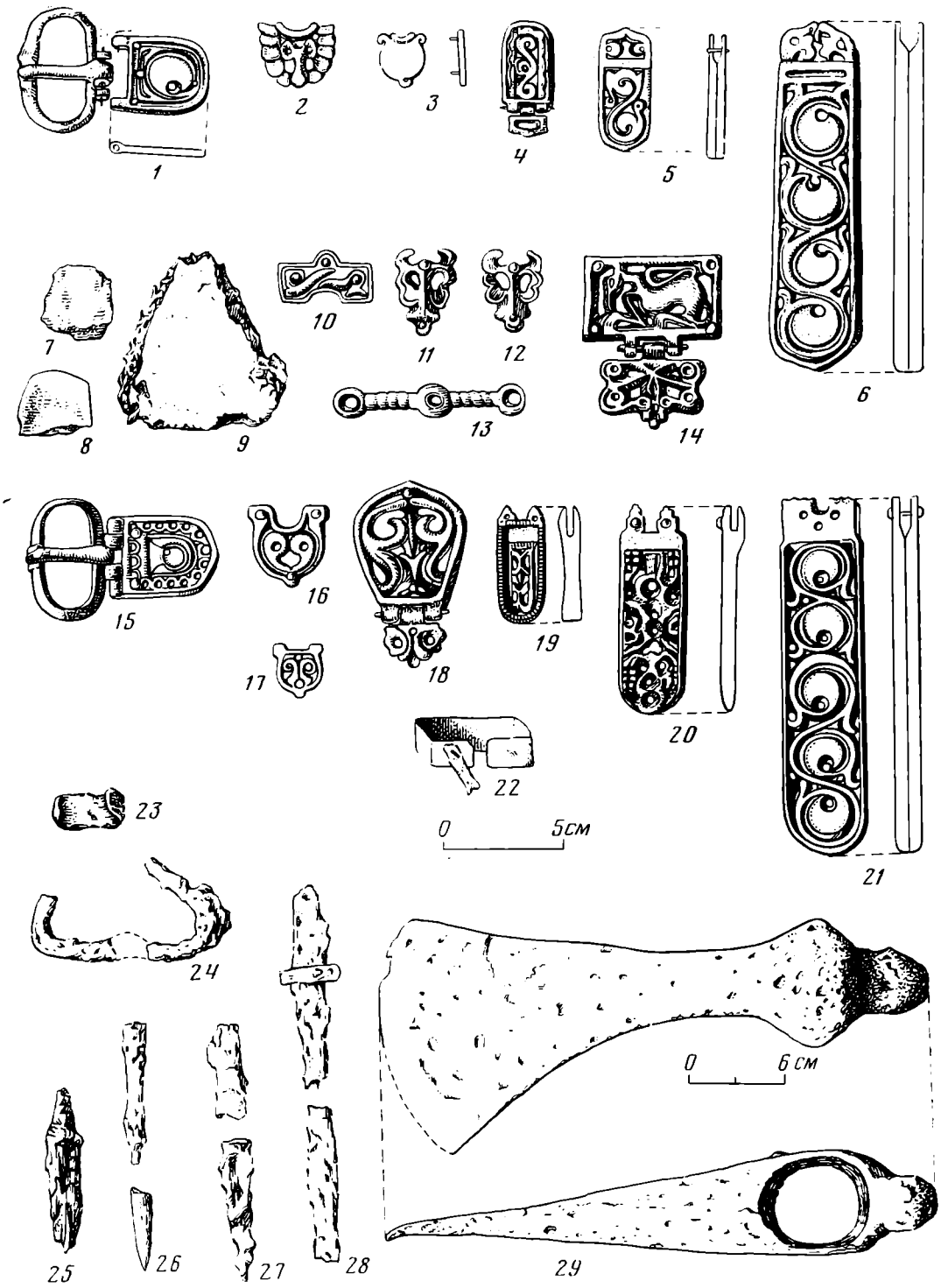


Рис. 1. Находки из погребений 5 (*1—6*), 45 (*7—14*) и 7 (*15—29*) из могильника Фейсерлак.

1, 15 — пряжки; *2(3)*, *3*(13), *4*(15), *10*(1), *11*(1), *12*(1), *14*(3), *16*(3), *17*(3), *18*(7) — поясные бляшки; *5, 6, 19—21* — наконечники поясных ремней; *7—9* — обломки глиняных сосудов; *13* — украшение пояса, напоминающее пропеллер; *22* — петля от пояса; *23. 25—28* — обломки железных предметов; *24* — кресало; *29* — боевой топорик; *1—6, 10—22* — бронза; *23—29* — железо. Цифры в скобках указывают количество предметов

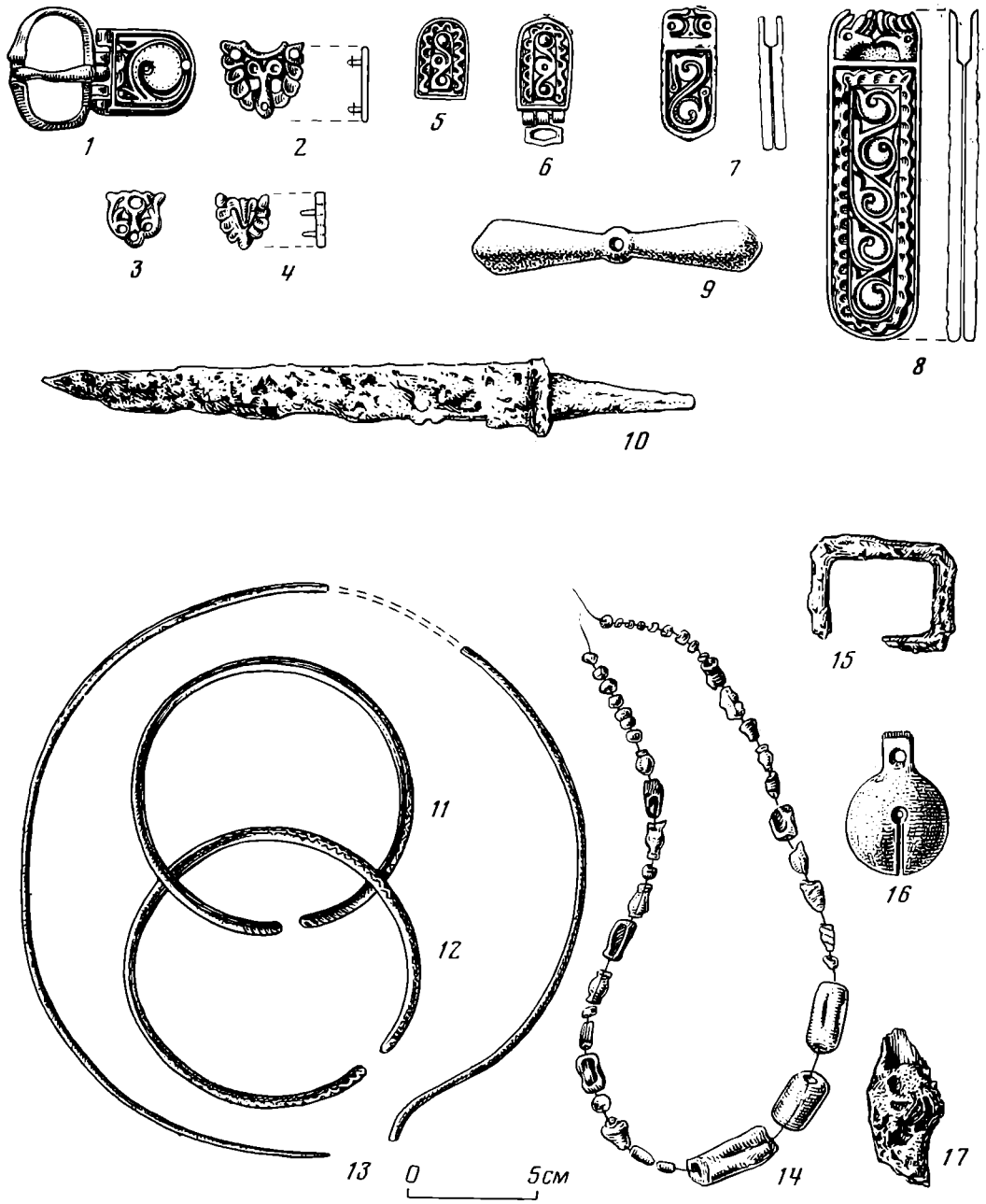


Рис. 2. Находки из погребений 48 (*1—9*), 46 и 47 (*11—17*) из могильника Фейсерлак. *1, 15* — пряжки; *2*(2), *3, 4*(10), *5, 6*(14), *9* — поясные бляшки; *7, 8* — наконечники поясных ремней; *10* — нож; *11, 12* — браслеты; *13* — гривна; *14* — бусы; *16* — бубенчик; *17* — обломок железного предмета; *1—9, 11—13, 16* — бронза; *10, 15, 17* — железо; *14* — стекло. Цифры в скобках указывают количество предметов

серьги с мелкими наварными шариками поздних типов (одна из них позолоченная) — 3 экз. из погребений 23, 36, 61; 3) S-образные височные кольца с тремя, пятью, семью оборотами и крутым завитком в виде треугольника (6 экз. из погребений 1, 11, 31, 35, 41); 4) большие кольцеобразные со сферическими полыми шариками (2 экз. из погр. 26); 5) большие кольцеобразные с цилиндриками, покрытыми тонкой металлической проволокой, образующей растительный орнамент (4 экз. из погр. 23 и 30); 6) в виде несомкнутого кольца (8 экз. из погр. 6, 18, 23, 33, 35, 36, 41).

Период VI—IX вв., по мнению многих исследователей,— это время распада и разложения первобытнообщинного строя, постепенного утверждения новых социально-экономических отношений. Выделенные нами на основании внешних признаков два типа погребений отличаются друг от друга тем, что погребенные в могилах с уступами независимо от пола и возраста, как правило, сопровождаются деревянной погребальной конструкцией и богатым погребальным инвентарем. Видимо, не случайно и то, что богатые могилы находятся поблизости одна от другой и составляют три группы: две крайние (погр. 5, 7, 15 и 67, 70, 71, 72) и одну среднюю (погр. 43 и 44). В позднеаварских могильниках из Чуня [4], Гатера [5] и Дьёра [6] четко прослеживаются ряды погребений. На материалах нашего могильника скорее можно говорить о наличии не продольных, а поперечных рядов погребений, которых насчитывается 17.

Могильник из Фейсерлак, так же как и могильник из Топонар, дал очень редкий, мало представленный в Венгрии материал конца аварской эпохи. Вопрос о датировке могильника может быть решен пока предварительно. На основании имеющихся в нашем распоряжении поздних типов вещей с привлечением аналогий (могильник Шаля II в Чехословакии) [7] он хронологически относится к VIII — началу IX в.

---

[4] *Sötér A.* Asataók a csunyi sirmezön.— AK, 1895, XIX, 87—115 old; *idem.* Csuny. Egy római és egy ismeretlen jellegü temetkezési hely és népvándorláskori (avar) sirmezö.— In: Mosonmegyei Történelmi és Régészeti. Eggesület Emlékkonyre. Magyar-óvár, 1898, 117—165 old.

[5] *Kada E.* Gatéri temetö a régibb kozépkorbol.— AÉ, 1906, № 26.

[6] *Fettich N., Nemeskéri J.* Györ története népvándorláskorban. Györ, 1943, 3—57 old.

[7] *Čilinská Zl.* Dva predvelkomoravské pohzebiská v Sali OKr. Galánta.— AR, 1973, № 5, S. 527—539.

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ, Г. Н. ПРОНИН

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ РАЙОНА ОЗЕРА ВЕРЕСТОВО

Озера Верестово и Ямное образованы течением р. Мологи. Окрестности этих озер являлись центром Бежецкого Верха, входившего в состав новгородских земель. На возвышенностях по берегам Мологи стояли летописные Бежичи, Змень, Езьск, упомянутые в приписке XIII в. к Уставной грамоте 1137 г. князя Святослава Ольговича [1]. На местоположение древних поселений указывают современные топонимы и археологические памятники.

Центром края, давшим ему свое название, были Бежичи, сохранявшие свое значение по крайней мере до XV в. (впоследствии ведущее значение получает Городецко, на месте которого расположен современный город Бежецк) [2]. Современные Бежицы значительно уступают по площади некогда существовавшему поселению. В комплекс сохранившихся здесь археологических памятников входят селище, городище, две группы сопок, три курганные группы. Погребальные памятники полукольцом ограждают поселения, расположенные на пологом коренном берегу оз. Ямное (рис. 1, *1, 2*). Площадь обширного селища не менее 5 *га*, поверхность его, за исключением небольшого останца в южной части, распахивается. Предварительная шурфовка показала, что толщина культурного слоя на поселении в исследованных местах достигает 0,6 *м*. Помимо гончарной керамики XI—XIV вв. встречается также и лепная.

---

[1] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 147, 148.

[2] *Михайлов А. И.* Очерки по истории Бежецкого края. Новгородский период. Тверь, 1924, с. 42.

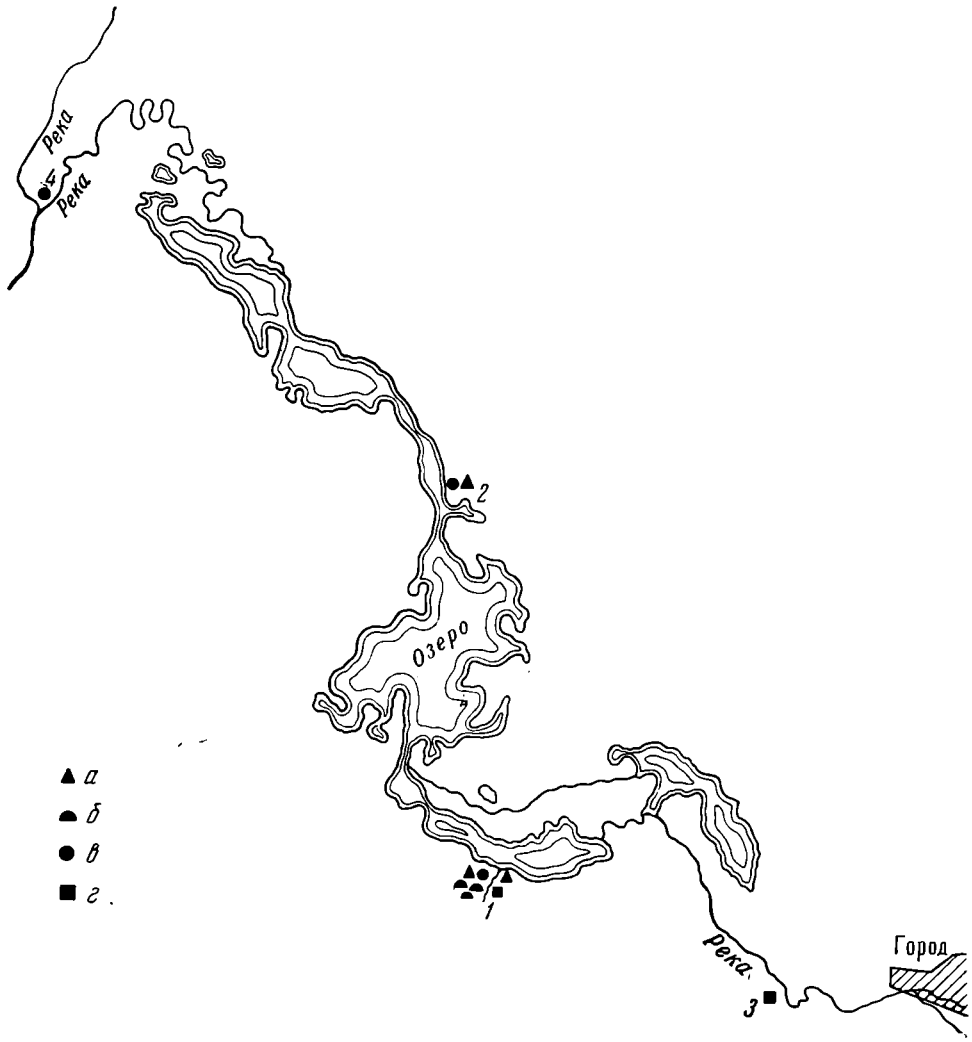


Рис. 1. Схема расположения памятников в районе оз. Верестово. *а* — сопки; *б* — курганы; *в* — селище; *г* — городище. *1* — Бежицы; *2* — Узмень; *3* — Яреневo; *4* — Еськи

С востока к селищу примыкает городище, отделенное от него ручьем. Городище — укрепление мысового типа, ограниченное с двух сторон ручьем и оврагом, а с напольной стороны — валом. Оно подробно описано П. А. Раппопортом [3]. Площадка городища подтреугольной формы и имеет площадь приблизительно 170×120 *м*. Вал сильно распахан и в настоящее время прослеживается лишь местами. Территория городища распахивается. Шурфовка показала отсутствие культурного слоя, что согласуется с наблюдениями других исследователей [4]. Время возникновения укреплений в Бежицах остается пока неясным.

Две группы сопок расположены вблизи селища с западной и восточной стороны. Западная группа состоит из пяти сильно поврежденных насыпей, одна из которых по размерам напоминает скорее курган, нежели сопку. Восточная группа состоит из четырех вытянутых вдоль берега сопок и отделена от селища ручьем. К крайней западной сопке примыкают 20 невысоких курганов.

---

[3] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105, 1961, с. 37.

[4] *Спицын А. А.* Бежецкие древности.— В сб.: Бежецкий край, вып. 1. Бежецк, 1921, с. 19.

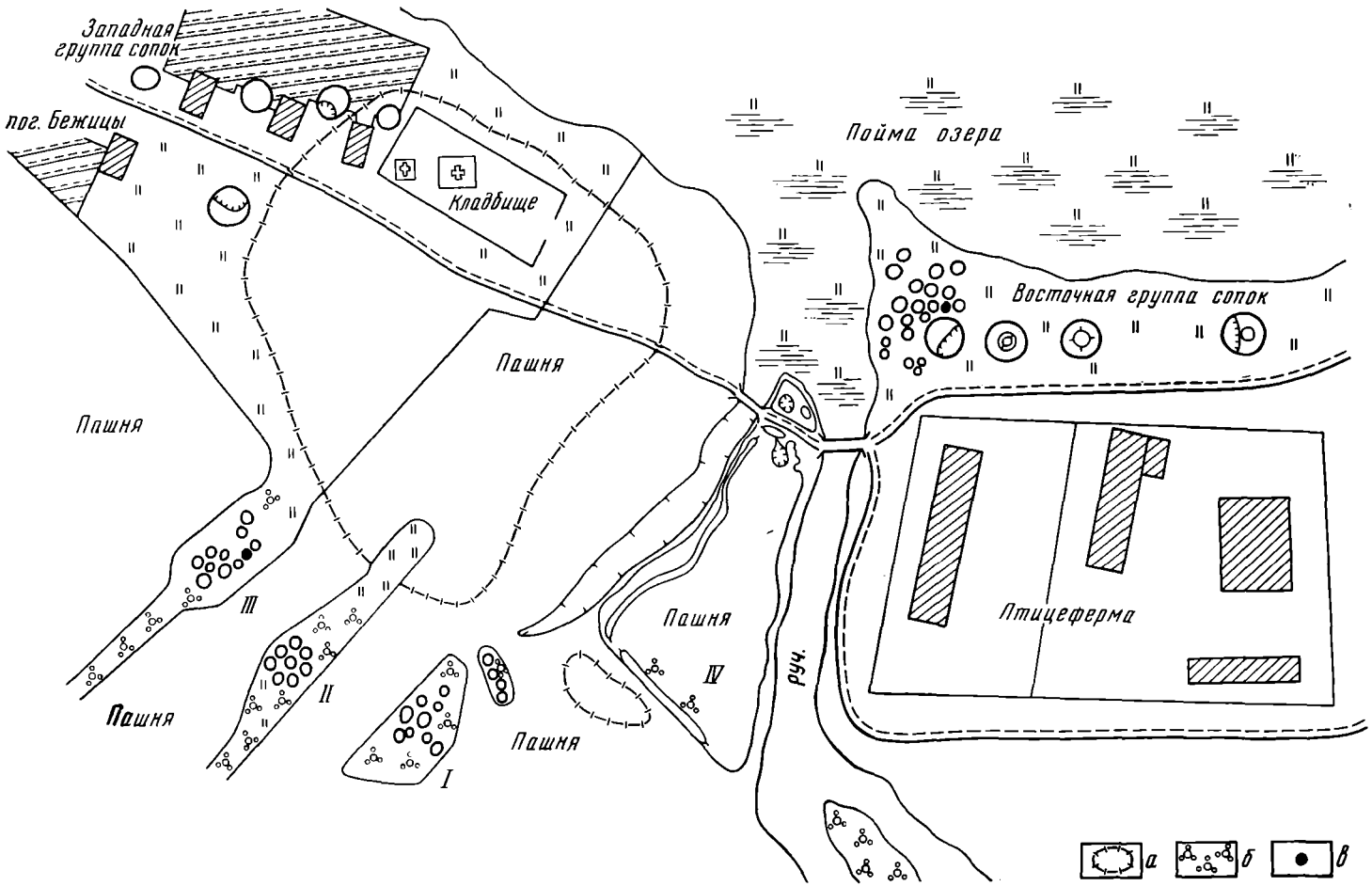


Рис. 2. Археологические памятники у погоста Бежицы. I—III — курганные группы; IV — городище. *а* — граница культурного слоя; *б* — кустарник; *в* — раскопанные курганы

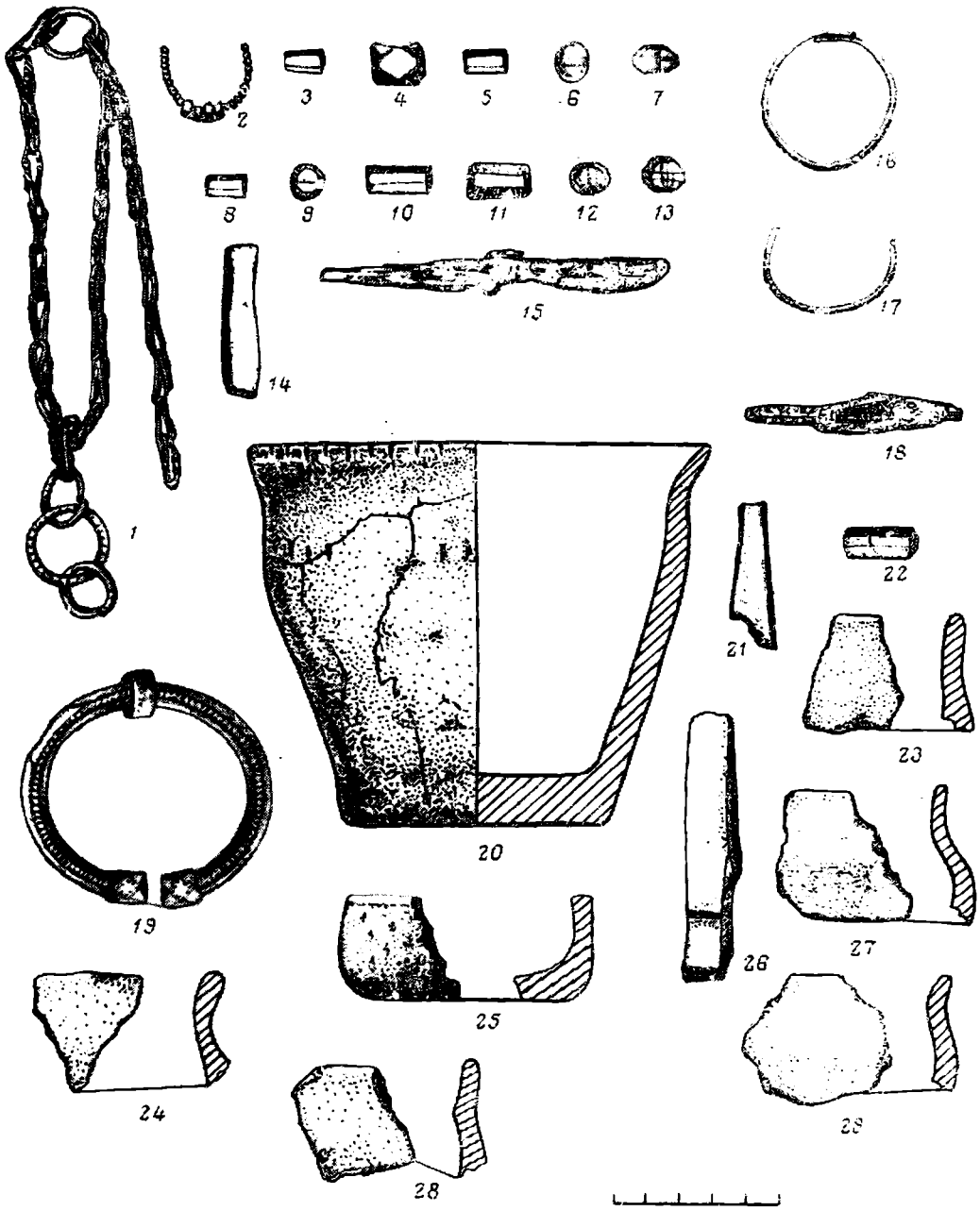


Рис. 3. Вещи из кург. 7: *1—17* — погр. 1; *18, 20—22* — погр. 2; *19, 23—29* — насыпь

Три курганные группы расположены с напольной стороны поселения. Группа I, состоящая из 13 насыпей,— в 100 *м* южнее городища; группа II (8 насыпей) — в 70 *м* к западу от группы I; группа III (10 насыпей) — далее к северо-востоку на таком же расстоянии. В 50 *м* к северу от нее проходит южная граница селища (рис. 2, I—III).

Бежецкие курганы и сопки известны давно. Их раскапывали З. Ходаковский, И. Аспелин, Д. П. Европеус, слушатели Московского археологического института, Н. И. Репников, А. А. Спицын. Результаты этих исследований изложены в работах В. А. Плетнева и А. А. Спицына [5].

[5] *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, с. 407—424; *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в

В 1975 г. в Бежецких группах было раскопано два кургана: 7-й ь восточной группе сопок и кург. 4 в группе III.

Курган 7 представлял собой плоскую, расплывшуюся насыпь высотой 0,55, диаметром 8 *м*. Поверхность кургана задернована, видимых повреждений нет. Раскопки кургана проводились на снос, с оставлением одной бровки, ориентированной в направлении С — Ю. Насыпь кургана состояла из однородного желтого суглинка. В насыпи встречались отдельные фрагменты керамики: в центральной части — мелкие обломки лепных сосудов с примесью в тесте дресвы (рис. 3, *23—25, 27—29*), ближе к северной поле — фрагменты гончарной керамики. Найдена также бронзовая подковообразная фибула с гранчатыми головками и оселок (рис. 3, *19, 26*). Под насыпью кургана открыто два захоронения: одно из них (погр. 1) совершено по обряду трупоположения, другое (погр. 2) —по обряду кремации.

Впускное погребение 1 (женское) обнаружено на глубине 0,42 *м* от поверхности. Костяк ориентирован головой на запад, череп обращен лицом к востоку. Следы ямы не прослежены. В погребении обнаружен богатый инвентарь. У черепа обнаружены: железный нож со следами деревянной рукояти (рис. 3, *15*), бронзовая костыльковая цепочка (рис. 3, *1*), два серебряных проволочных височных кольца с несомкнутыми концами (рис. 3, *16, 17*), набор сердоликовых и хрустальных бус различных форм (рис. 3, *3—13*), большое количество мелкого бисера из черной стеклянной пасты (рис. 3, *2*). В 87 *см* к западу от черепа найден сланцевый оселок (рис. 3, *14*), также, вероятно, относящийся к этому погребению.

Основное погребение — трупосожжение на месте — располагалось на уровне материка, на глубине 0,5 *м* от поверхности. Кострище имело форму неправильного овала, вытянутого в направлении С — Ю. Размеры кострища — 6,50×4,85 *м*. Наиболее интенсивная его часть располагалась ближе к южной поле кургана. Мелкие, сильно кальцинированные кости встречались по всей площади кострища, но особенно большое их количество найдено в центре насыпи в юго-восточном секторе кургана. Инвентарь погребения беден. На расстоянии 0,50 *м* к юго-востоку от центра насыпи найден лепной слабопрофилированный горшок с прямым, слегка отогнутым венчиком, низкой шейкой и практически не выделенными плечиками. По краю венчика и тулову сосуд орнаментирован неглубокими ногтевыми вдавлениями (рис. 3, *20*). Горшок стоял на кострище, дно его было несколько заглублено в кострищный слой. Вблизи сосуда на кострище найден небольшой железный нож без следов пребывания в огне (рис. 3, *18*). В юго-восточном секторе насыпи, в пределах наиболее интенсивного кострищного слоя, обнаружена крупная призматическая сердоликовая бусина. От воздействия огня бусина треснула пополам и имеет белесый оттенок (рис. 3, *22*). В северо-восточном секторе кургана в кострищном слое найден обломок каменного оселка (рис. 3, *21*), а вблизи несколько фрагментов лепной керамики и небольшое скопление кальцинированных костей. Не исключено, что это останки второго погребенного.

Курган 4 располагался в юго-западной части группы III. Насыпь кургана расплывшаяся, полусферическая, округлой в плане формы. Диаметр насыпи: С — Ю — 9 *м*, З — В — 8 *м*. Южная половина насыпи более крутая, северная — пологая. Высота кургана — 1,01 *м*. Курган

археологическом отношении (продолжение).— ЗРАО, т. IX, 1897, с. 280—284; *его же*. Бежецкие древности, с. 14—18. А. А. Спицын упоминал о жальниках в трех верстах от Бежиц, ссылаясь на сведения З. Ходаковского (Обозрение некоторых губерний..., с. 291). На самом деле Ходаковский писал не о трех верстах, а о трех местах у погоста Бежицы. Как явствует из текста, автор под жальниками подразумевал курганы. (*Ходаковский З.* Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуги-Ходаковского.— Русский исторический сборник, т. VII. М., 1844, с. 376, 377.)

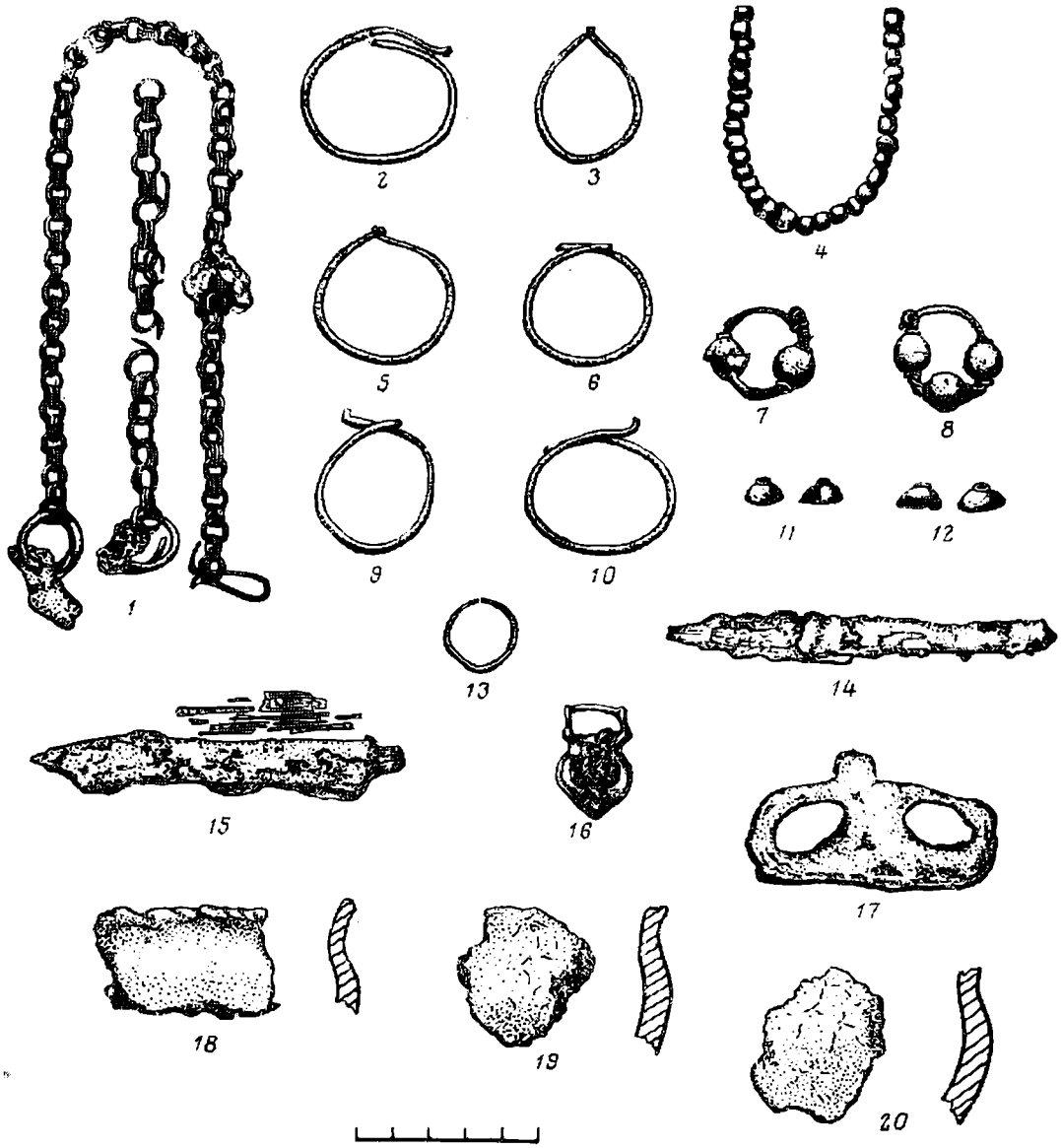


Рис. 4. Вещи из кург. 4: *1—12, 15* — погр. 1; *13* — погр. 2; *14, 16—20* — насыпь

раскапывался на снос, с оставлением двух бровок, ориентированных по странам света. Была также вскрыта поверхность вокруг кургана. Насыпь кургана состояла из однородного коричневого суглинка, по структуре практически не отличавшегося от материка. Следов ровика вокруг насыпи и каких-либо других конструктивных деталей в пределах раскопа не обнаружено.

В насыпи встречались отдельные фрагменты лепной керамики светло-коричневого цвета с примесью в тесте дресвы (рис. 4, *18—20*).

Помимо этого при разборке насыпи найдены: железный нож со следами деревянной рукояти (рис. 4, *14*), бронзовая лировидная пряжка (рис. 4, *16*), калачевидное кресало (рис. 4, *17*).

Под насыпью кургана были обнаружены остатки пяти захоронений по обряду трупоположения. Все захоронения были совершены на уровне погребенного дерна.

Погребение 1 (женское) располагалось в северо-восточном секторе насыпи на глубине 0,53—0,63 *м* от поверхности. Костяк ориентирован в направлении СЗ — ЮВ, лицевые кости черепа обращены к юго-востоку. От скелета сохранились лишь сильно деформированный череп с нижней челюстью, кость левой руки и кости ног с коленными суставами. Погребение сопровождалось богатым инвентарем. У височных костей черепа находились шесть проволочных серебряных височных колец двух типов: с заходящими концами (рис. 4, *2, 6, 9, 10*) и с незаходящими несомкнутыми концами (рис. 4, *3, 5*). У затылочных костей черепа и под ним найдены два биметаллических трехбусинных височных кольца (рис. 4, *7, 8*) и четыре обломка двусоставных серебряных бусин (рис. 4, *11, 12*). У шеи располагалось ожерелье, состоявшее из 30 бочонкообразных и биконических золотостеклянных бус (рис. 4, *4*). На уровне грудной клетки найдены бронзовая цепочка, каждое звено которой было сделано из отдельных тонкопроволочных колечек. На концах цепи имелись два бронзовых кольца, причем в одном из них сохранился кусок какого-то кожаного изделия (рис. 4, *1*). Кусок от этой цепи был обнаружен в юго-восточном секторе кургана. Возле бедер лежал железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 4, *15*).

Погребение 2 обнаружено в северо-западном секторе насыпи на расстоянии 0,80 *м* к западу от центра кургана, на глубине 0,6 *м* от поверхности. Погребение представляет собой захоронение отдельного черепа. При черепе находились два проволочных бронзовых височных кольца с несомкнутыми концами (рис. 4, *13*) и несколько золотостеклянных бус.

Аналогичные захоронения (погребения 3—5) обнаружены в западной половине насыпи. Погребение 3 находилось на расстоянии 0,75 *м* к юго-западу от центра кургана, на глубине 0,94 *м* от поверхности. Череп сильно деформирован, других костей и инвентаря при захоронении не обнаружено.

Погребения 4 и 5 выявлены на глубине 0,71 и 0,73 *м* от поверхности, на расстоянии 0,25 и 0,5 *м* к востоку от погр. 2. Черепа плохой сохранности: уцелели лишь отдельные кости и зубы. Погребальный инвентарь отсутствует.

Полученные материалы свидетельствуют, что погр. 1 в кург. 7 и захоронения в кург. 4 относятся к периоду XI — начала XII в. Основное погребение кург. 7 относится к более раннему времени. Вероятной датой этого трупосожжения является X — начало XI в. Видимо, к этому же комплексу относится и найденная в насыпи бронзовая подковообразная фибула с гранчатыми головками, очевидно, более ранняя, чем впускное погребение того же кургана. В древнерусских памятниках подобные украшения датируются X — началом XI в. и в погребальных памятниках сопутствуют, как правило, трупосожжениям [6]. Захоронения нескольких умерших под одной курганной насыпью, как это было в кург. 4, известны по прежним раскопкам в Бежицах И. Аспелина, Д. П. Европеуса, А. А. Спицына [7].

Второе летописное поселение — Узмень — также сохраняет свое название. Современная деревня, бывший погост, стоит на восточном берегу оз. Верестово (рис. 1, 2). Это древнее поселение сходно с Бежицами. Оно расположено на пологом коренном берегу, незначительной частью заходит в современную пойму озера. С напольной стороны селища расположены пять сопок (раньше их насчитывалось до девяти) [8]. У крайней южной, на которой расположено современное кладбище, сох-

---

[6] *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 159, 181.

[7] *Плетнев В. А.* Ук. соч., с. 412—417, 420; *Спицын А. А.* Поездка в погост Бежицы.— Архив ЛОИА, ф. 5, № 92.

[8] *Плетнев В. А.* Ук. соч., с. 428.

ранилось пять курганов высотой до 1 *м*. Как и в Бежицах, погребальные памятники вытянуты вдоль границы селища на некотором расстоянии от нее. Общая площадь селища составляет около 3 *га* и занята в основном современными постройками.

На селище проведены рекогносцировочные раскопки с целью уточнения хронологии поселения и определения его пригодности для дальнейших исследований. Было вскрыто 172 $м^2$ площади.

Установлено, что основные напластования относятся к X—XIII вв. Толщина культурного слоя на поселении в среднем 0,5—0,7 *м*. Стратиграфически он делится на два горизонта. Верхний, частично испорченный недавними огородами, представляет собой серую супесь с многочисленными включениями обожженных камней, печины, углей. Он соответствует наиболее интенсивному периоду жизни на поселении — XII—XIII вв. Здесь найдены куски кричного железа, шлак, две льячки (рис. 5, *17*). Открыты остатки постройки, связанной с кузнечным ремеслом. Находки представлены обычной для этой эпохи гончарной керамикой и вещами (рис. 5, *6, 8, 9, 11, 13—15, 17*). Одной из датирующих вещей является ключ типа B_1 по классификации Б. А. Колчина (рис. 5, *6*). Подобные появляются только в конце XII в.[9], что подтверждает датировку верхних напластований культурного слоя Узмени. Из особенностей материальной культуры периода XII—XIII в. следует отметить долгое бытование лепной керамики. Она немногочисленна (19% от общего числа найденных фрагментов), но обстоятельства находки некоторых экземпляров не позволяют объяснить попадание лепной керамики в слой только при перекопах. Лепная керамика из слоя XII в. (рис. 6, *1, 2*) обнаруживает сходство с поздними лепными сосудами Белоозера[10]. Интересно также, что шиферные пряслица (4 экз., рис. 5, *11*) найдены только в слое XII—XIII вв.

Нижняя часть культурного слоя отличается более темной окраской. Это отчасти объясняется близостью грунтовых вод. Эта часть культурного слоя менее насыщена камнями и печиной и в то же время содержит большее количество мелких угольков. Толщина темного слоя в разных местах селища колеблется от 0,1 до 0,4 *м*. Датировка этого горизонта — X—XI вв. Находок здесь значительно меньше, чем в слое XII—XIII вв. Хронология определяется находками двойной желтой бусины-лимонки (рис. 5, *5*), относящейся по новгородским аналогиям к X — первой половине XI в.[11], и двух голубых стеклянных бус в форме кубика со сглаженными углами (рис. 5, *2*), обнаруженных в предматериковом слое. По староладожским образцам подобные бусы датируются IX—X вв., равно как и синяя стеклянная глазчатая бусина прямоугольного сечения (рис. 5, *1*), найденная в испорченной перекопами верхней части культурного слоя[12]. К этому же времени относится раннегончарный сосуд, крупный фрагмент которого найден в перемешанном пограничном слое верхнего и нижнего горизонтов (рис. 5, *16*). Отличительная особенность формы сосуда — максимальное расширение тулова, которое приходится на самую верхнюю его часть, непосредственно под венчиком. Точных аналогий в опубликованных древнерусских материалах нет. Сходство в форме наблюдается с ранней гончарной керамикой X в. Городка на Ло-

---

[9] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, с. 82, рис. 67, *5*.

[10] *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 146, рис. 153, *9, 11*.

[11] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, № 55, 1956, с. 173, 174.

[12] *Львова З. В.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— АСб.ГЭ, вып. 10, 1968, с. 90, рис. 4, *45*; с. 70, рис. 1, *29*.

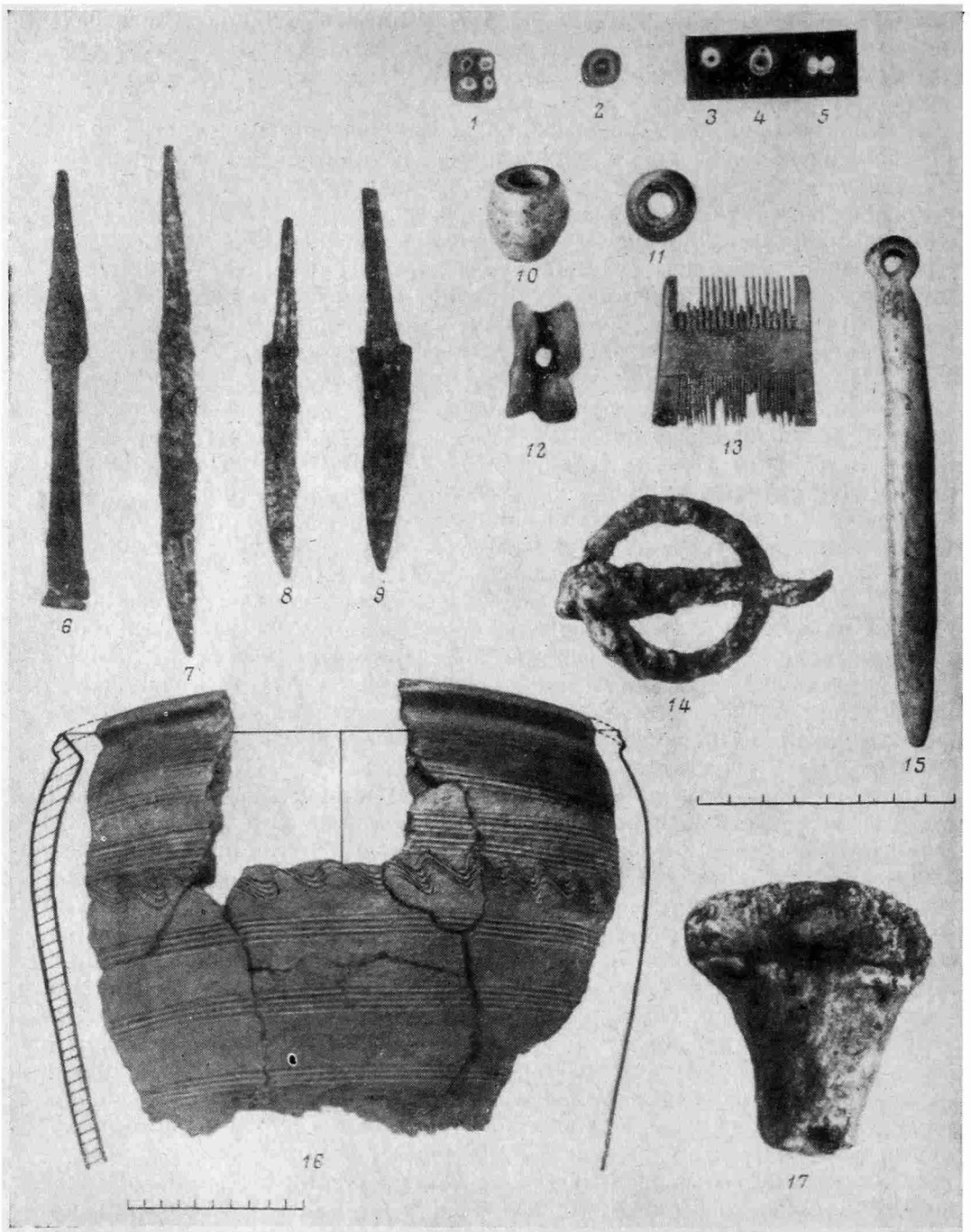


Рис. 5. Вещи из культурного слоя селища Узмень: *1, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 13—15, 17* — слой XII—XIII вв.; *2, 5, 7, 10, 12, 16* — слой X—XI вв.; *1—5* — бусины (*4* — сердолик, остальные — стекло); *6* — ключ; *7—9* — ножи; *10* — глиняное пряслице; *11* — шиферное пряслице; *12* — астрагал со сверлиной; *13* — костяной гребень; *14* — железная пряжка; *15* — костяное орудие; *16* — фрагмент раннегончарного сосуда; *17* — льячка

вати [13], селища на р. Прость [14]. Судя по опубликованным фрагментам, такая же керамика найдена в слое «д» Старой Ладоги [15]. В целом кера-

[13] *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка» на Ловати.— КСИА АН СССР, вып. 139, 1974, с. 77, рис. 24, *14*.

[14] *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода.— СА, 1972, № 2, с. 131, рис. 4, *2, 3*.

[15] *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.— СА, XIV, 1950, с. 167, рис. 19, *3*.

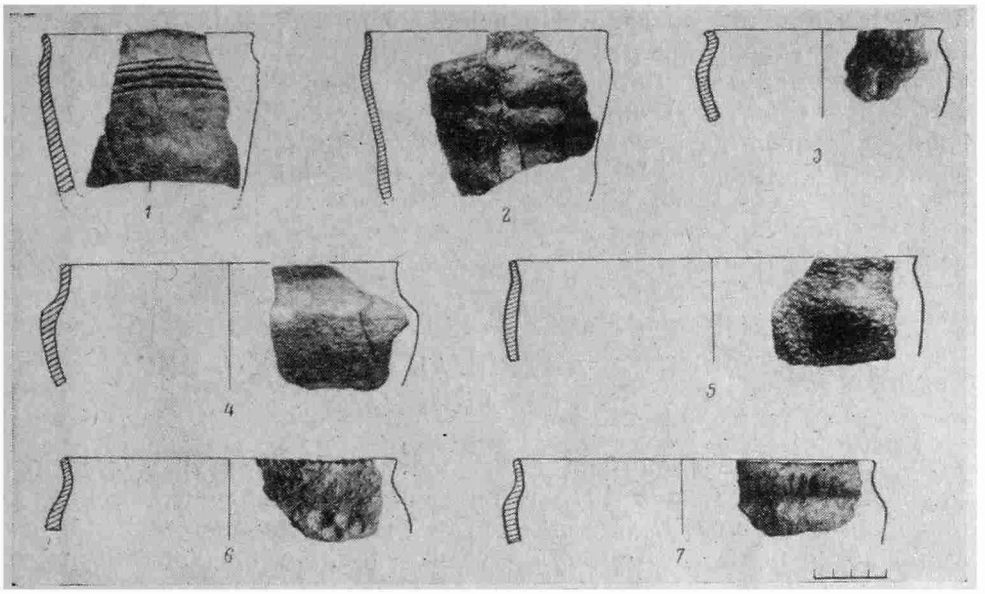


Рис. 6. Лепная керамика селища Узмень: *1, 2* — слой XII—XIII вв.; *3—7* — слой X—XI вв.

мический материал нижнего горизонта характеризуется преобладанием лепной керамики. В предматериковой части культурного слоя и в заполнении материковых ям гончарная керамика отсутствует полностью (исключая участки, испорченные перекопами XII—XIII вв.). Лепная керамика представлена формами, близкими лепной керамике указанных выше памятников и других поселений Северо-Западной Руси IX—X вв.[16] К нижнему горизонту относятся и некоторые бытовые предметы (рис. 5, *3, 4, 7, 12*). Судя по имеющимся данным, первичные напластования селища следует отнести к X в. Не исключено, что поселение возникло раньше, но достаточных оснований для занижения датировки пока нет.

Третье поселение, близкое по времени комплексам Бежиц и Узмени, находится на мысу при слиянии рек Осени и Молоти у с. Еськи (рис. 1, *4*). Сохранившаяся площадь памятника — около 5 тыс. *м*². Селище отличается редкой сохранностью культурного слоя, перекрытого наносным суглинком толщиной от 0,2 до 0,8 *м*. Такая мощность балласта объясняется тем, что ежегодно вплоть до августа мыс поселения бывает залит речной водой. Типологически поселение отличается от Бежиц и Узмени. Оно расположено не на пологом берегу озера (Бежицы, Узмень) или реки (современные Еськи), а на мысу. По площади поселение уступает упомянутым памятникам, курганы и сопки поблизости отсутствуют.

Найденная при рекогносцировочных раскопках керамика — исключительно лепная. Некоторые формы находят аналогии среди узменской керамики (рис. 6, *4, 5*). По предварительным данным селище Еськи можно считать синхронным ранней Узмени или, что вполне вероятно, несколько предшествующим по времени. К летописному Езьску XII—XIII вв. открытое поселение не имеет отношения: слоев указанного времени здесь нет. Поиски в окрестностях современных Есек селища XII—

[16] *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги.— СА, XV, 1951, с. 221, рис. 1; *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода.— Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1961, с. 165, рис. 3; *Носов Е. Н.* Поселение у волховских порогов.— КСИА АН СССР, № 146, 1976, с. 78, рис. 1.

XIII вв. результатов не дали. Не исключено, что, как и в Бежицах, и в Узмени, его территория занята нынешним селом.

Кроме упомянутых памятников на западном берегу р. Мологи у дер. Яренево (рис. 1, *3*) обнаружено хорошо сохранившееся дьяковское городище, которое датируется, судя по материалам, второй половиной I тысячелетия до н. э.— началом I тысячелетия н. э.

Л. Л. ГАЛКИН

ДВУСТОРОННЯЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА XIV ВЕКА ИЗ САРАЙЧИКА

Во время обследования береговых обнажений культурного слоя Сарайчиковского городища в 1973 г. автором была найдена каменная литейная форма (рис. 1) [1]. Она лежала у подножия берегового обрыва в рассыпавшейся рыхлой глыбе культурного слоя, содержавшей фрагменты поливной керамики XIV в. Находка сделана в 150—200 *м* ниже излучины р. Урал, где культурный слой Сарайчика имеет наибольшую мощность и достигает 3—4 *м*. Он разделяется в данном месте городища на

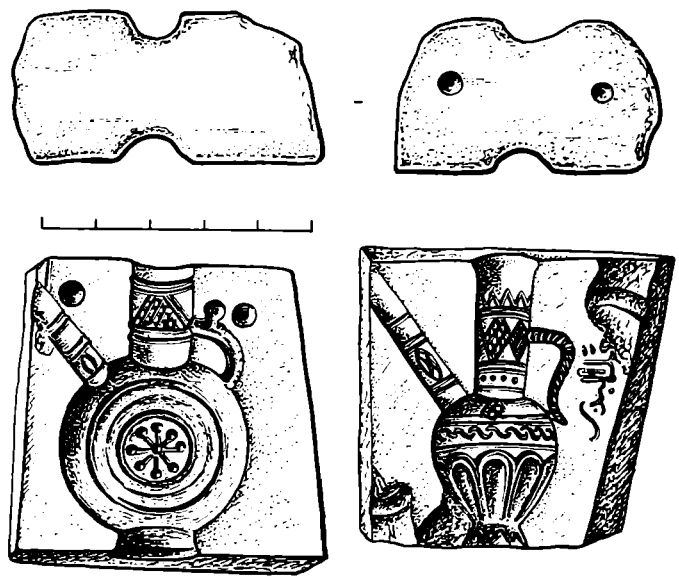


Рис. 1. Прорисовка двусторонней литейной формы

два горизонта. Верхний — мощностью 1—1,5 *м*, образованный развалами сырцовых и кирпичных мазаров и других погребальных сооружений обширного мусульманского кладбища, расположенного на руинах золотоордынского города, может быть датирован XV в. Нижний горизонт мощностью 2—2,5 *м* представляет собой культурный слой городища XIII—XIV вв. Находка представляет собой полированную со всех сторон плитку из серо-зеленого камня, в виде трапеции неправильной формы. Основание трапеции — 54, вершина — 45, толщина каменной плитки 28 *мм*. На полированной поверхности с той и другой стороны вырезаны половины разных миниатюрных сосудов, представляющих собой модели кувшинов для питьевой воды [2] или омовения.

[1] Передана на хранение в Институт археологии АН Казахской ССР. Алма-Ата.

[2] *Пещерова Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М.— Л., 1953, с. 259, 269, рис. 78, 82.

Форма 1 (рис. 2). Вырезан сосуд со сферическим туловом диаметром 32 *мм*, в центре его изображена восьмилучевая розетка, заключенная в ряд концентрических окружностей. Над туловом на 12,5 *мм* поднимается цилиндрическое горло, орнаментированное широким поясом из сетчатых треугольников, заключенных между параллельными линиями. Диаметр горла — 12 *мм*. Слева от горла имеется цилиндрический желобок для отливки носика сосуда. Его диаметр — 5, длина — 22 *мм*. Носик орнаментирован параллельными полосами из двух линий. От середины горла отходит вправо круглая в сечении ручка, орнаментированная спиралевидной насечкой. Верхняя часть ручки украшена круглой шишечкой. Аналогичные шишечки на ручках сосудов известны на болгарской керамике IX—XII вв.[3], керамике Тараза X—XII вв.[4]; на более ранней керамике шишечки на ручках можно видеть на миниатюрных сосудах хотанских древностей VI в.[5] Они, очевидно, являются схематическим повторением налепа в виде головы животного-охранителя. Такие ручки широко бытовали в Центральной [6] и Средней Азии, в Южном Казахстане в I—VI вв.[7]

Форма 2 (рис. 3). На оборотной стороне каменной трапециевидной плиты в той же технике вырезана форма для отливки другого миниатюрного сосуда. Его тулово имеет яйцевидную форму с кольцевым поддоном. Наибольший диаметр сосуда — 20 *мм*; высота от горла до поддона — 25, высота поддона — 4, диаметр нижней части поддона — 12 *мм*.

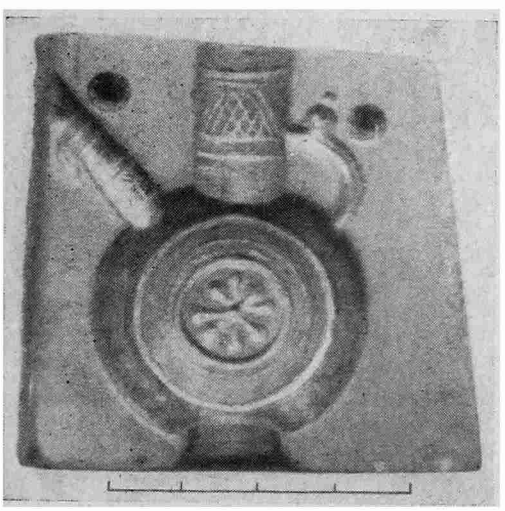


Рис. 2. Литейная форма 1, фотография

Рис. 3. Оборотная сторона. Литейная форма 2, фотография

Снизу до середины тулово орнаментировано аркообразными фестонами, по его центру проходит орнамент в виде бегущей волны или перевитой веревки, снизу и сверху идет ряд параллельных линий. При переходе тулова к горлу изображен ромб, рассеченный перпендикулярными линиями на четыре части. В верхней части тулово сосуда плавно переходит в длинное, узкое, почти прямое горло. Высота его — 24, диаметр в верхней части — 10, внизу у основания — 9 *мм*. Горло орнаментировано треугольниками, ромбами и точками; справа от середины горла под пря-

[3] *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975, рис. 51.
[4] *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, табл. XI, *82*.
[5] *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Хотанские древности. Л., 1960, табл. 37, № 1595.
[6] Там же, табл. 10, *13*.
[7] *Буряков Ю. Ф.* Пекентские наусы.— СА, 1968, № 3.

мым углом к нему отходит ручка, которая, плавно изгибаясь, одной точкой в месте касания крепится к тулову. Нижний конец ручки свободен. Диаметр ручки — 2 *мм*; орнамент, вырезанный в форме, призван был создать впечатление витой ручки. Слева от горла сосуда в форме вырезан желоб для отливки носика. Длина носика — 25, диаметр — 5,5 *мм*. Он орнаментирован ромбами и параллельными линиями, аналогичными орнаменту на других частях сосуда. Наибольшая глубина формы в центральной части тулова сосуда достигает 8 *мм*.

В нижнем левом и верхнем правом углах описываемой стороны формы имеются сколы и выщербина со следами бурого железистого окисла. Верхняя выщербина несколько нарушила начало надписи, исполненной на поверхности формы неглубокой гравировкой, почерком насх. Однако надпись целиком удается прочитать: عمل البدر

— «работа ал-Бадари» [8].

Имя мастера, изготовившего форму, указывает скорее на среднеазиатское, а не кипчакское происхождение. Это имя было распространено среди мусульман Средней Азии, где бытует и по сей день [9].

Был ли мастер, изготовивший форму, одновременно и ее владельцем, сказать трудно. Надо полагать, что данная литейная форма сделана в Сарайчике, поскольку ни в Хорезме, золотоордынские памятники которого значительно лучше изучены, чем Сарайчика, ни в золотоордынских городах Поволжья, где велись многолетние раскопки, нет близких аналогий рассматриваемой форме [10]. Не имеют прямых аналогий и формы сосудов, которые отливались в этих матрицах. Они не известны в неполивной керамике золотоордынских городов Поволжья [11]. Не встречаются подобные сосуды и в поливной золотоордынской керамике.

Рис. 4. Медная сарайская монета последней четверти XIV в.

Отдаленную аналогию форме 1 можно указать в сероглиняной штампованной керамике Сарайчика [12]. Отдельные исследователи указывают, что сероглиняная штампованная керамика подражала формам и орнаменту металлических сосудов [13]. Близкое сходство с формой 2 можно видеть в изображении сосуда на медной сарайской монете последней четверти XIV в. (рис. 4) [14].

Скорее всего в рассматриваемой литейной форме изготовлялись миниатюрные модели бронзовых сосудов. В пользу такого предположения говорит способ крепления нижнего конца витой ручки сосуда формы 2. Этот способ характерен для бронзовых сосудов, изображенных на сред-

---

[8] Приношу глубокую благодарность Арефу Маджиду — аспиранту из Ирака, взявшему на себя труд прочитать надпись.

[9] *Гафуров А.* Лев и Кипарис. М., 1971, с. 168.

[10] Из поволжских центров Золотой Орды известно не менее 50 экз. каменных литейных форм. Большая коллекция их хранится в фондах Саратовского краеведческого музея.

[11] *Михальченко С. Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья.— СА, 1973, № 3.

[12] Археологическая карта Казахстана. (Отв. ред. Акишев К. А.) Алма-Ата, 1960, с. 137, рис. 2.

[13] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 282.

[14] *Янина С. А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг.— МИА, № 42, 1954, с. 451, № 129.

невековых восточных миниатюрах [15], для изделий поздних и современных мастеров [16]. К сожалению, более ранних близких по форме бронзовых сосудов в золотоордынских и среднеазиатских памятниках найти не удается. Дошедшие до нас бронзовые сосуды домонгольского и золотоордынского периодов немногочисленны и не имеют прямых аналогий исследуемым моделям сосудов [17]. На среднеазиатский прототип сосудов, отливавшихся в данной форме, указывает конический поддон — характерная деталь, отмеченная еще на раннесредневековых сосудах Ферганы.

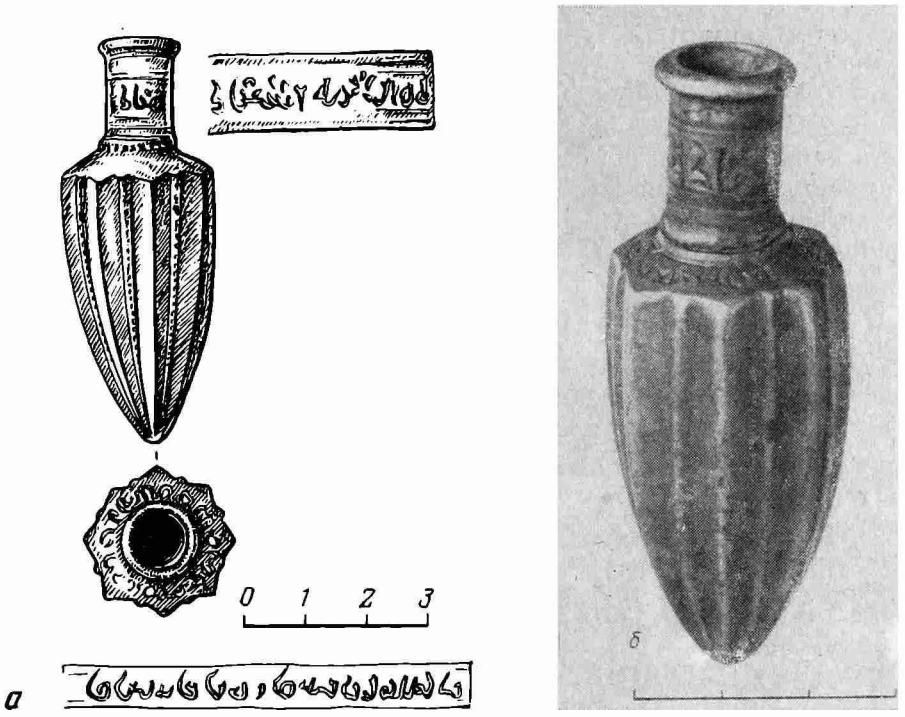


Рис. 5. Амфориск из Хорезма. XII в. *а* — прорисовка; *б* — фотография

Наличие шишечки на верхней части ручки сосуда перекликается с оформлением ручек доисламских сосудов Средней Азии, на которых были изображены головки животных-охранителей [18]. Остается открытым вопрос о назначении миниатюрных сосудов, отливавшихся в этих формах.

Возможно несколько вариантов их использования. Отливки могли служить изображениями сосудов для омовения и являться амулетами-оберегами [19]. Литейные формы могли использоваться для отливки полых сосудов (формы приспособлены для литья навыплеск). При этом полу-

---

[15] *Marek J. and Knizkova H.* The Jenghiz Khan miniatures from the court of Akbar the Great. London, 1963, pl. 8.

[16] *Шилинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.— Л., 1949, рис. 64; *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана. М., 1965, рис. 382.

[17] *Иванов А. А.* О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время.— КСИА АН СССР, № 122, 1970, с. 101—105; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 87.

[18] *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Ук. соч., с. 35.

[19] Примером сакрального значения сосудов для омовения служат их изображения в мечетях. См. *Lezine A.* Trois palais d'epoque ottomane au Caire. La Caire, 1972, pl. XXIB, p. 17. Е. М. Пещерова сообщает легенду, бытовавшую среди кузогаров Средней Азии, о том, что по желанию Аллаха Абубакр изготовил посуду для омовения, из которой Мухаммед омывал руки. *Пещерова Е. М.* Гончарное производство Средней Азии.— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XLII. М.— Л., 1959, с. 359.

чалась отливка с отверстием вместо дна, возможно, использовавшаяся как полуфабрикат. Если допустить возможность последующего впаивания дна, то такие миниатюрные сосуды могли использоваться для хранения косметических средств. В Средней Азии применение косметических средств практиковалось задолго до монгольского времени [20]. Бронзовые сосуды для косметических снадобий не часто встречаются в археологических памятниках. Один из таких сосудов был поднят автором в 1973 г. на руинах поселения хорезмшахского времени (XII в.) вблизи Кызылча-Кала на левом берегу Амударьи в Ташаузском р-не ТуркмССР. Он представляет собой бронзовый полый амфориск высотой 67 *мм*, с наибольшим диаметром тулова 26 *мм* [21]. На шейке и на плечиках амфориска почерком насх выгравировано обычное барака — благопожелания (рис. 5) [22].

Возвращаясь к каменной двусторонней литейной форме, можно предположить, наконец, что она служила для изготовления бронзовых сосудов для хранения воды из святых источников. Высокое мастерство резчика свидетельствует о том подъеме, который Сарайчик, как и многие другие центры Золотой Орды, переживал в XIV в.

---

[20] См. *Бируни*. Минералогия. Пер. А. А. Беленицкого. Л., 1963, с. 22, 23.

[21] Амфориск сдан на хранение в фонды Хорезмской экспедиции.

[22] Выражаю признательность Б. С. Певзнеру, взявшему на себя труд прочитать надпись на амфориске: На горлышке:

— «Благополучие (счастье) и милость (аллаха)». На плечиках:

— «Благословение (аллаха) и ... радость владельцу сего». Отдельные слова надписи не читаются или написаны с ошибками. Неграмотный мастер копировал их с какого-то другого образца.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

БРАСЛЕТ С НАДПИСЬЮ С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

На Селитренном городище в качестве подъемного материала был найден в 1969 г. обломок латунного браслета с надписью и изображением (рис. 1, 2, см. вклейку к стр. 224). Браслет сделан из узкой пластины, вырезанной из плоского, тщательно откованного предмета, украшенного с одной стороны орнаментом в виде прямых линий и листьев (рис. 1). Орнамент нанесен острым зубильцем и каким-то острым орудием, оставлявшем следы в виде буквы «п». Рассматриваемый орнамент сохранился на оборотной стороне браслета. На его лицевую сторону (рис. 2) был нанесен орнамент при помощи штамповки несколькими матрицами. Одна матрица целиком отпечаталась на сохранившейся части браслета. Ею были нанесены параллельные линии рамки и часть надписи, второй матрицей была нанесена другая, правая часть надписи, не полностью сохранившаяся на нашем фрагменте. Хорошо видно место соединения оттисков двух матриц для выбивания надписи: горизонтальные линии рамки не полностью стыкованы.

Все операции были произведены в холодном состоянии и сопровождались промежуточными отжигами металла. О холодной обработке металла говорит повышенное содержание в составе латуни свинца при отсутствии следов красноломкости в ее структуре. Есть основания полагать, что свинец добавлен в латунь в качестве искусственной лигатуры, так как свинец оказывает благоприятное действие на механико-технологические свойства латуней, облегчая их ковку, чеканку и штамповку. Использование свинца в качестве искусственной присадки к латуни в данном случае технологически было оправданно и свидетельствует о достаточно высоком уровне технологических знаний мастера. Состав

металла следующий (в %): Cu — основа, Sn — 0,15, Pb — 1, Zn — 7,5, Bi — 0,007, Ag — 0,004, Sb — 0,005, As — 0,007, Fe — 0,1, Ni — 0,02, Co — 0,003, Mn — 0,02[1].

По краю браслета имеется орнамент в виде кружков, который был нанесен отдельными пунсонами, что хорошо видно под микроскопом. Отдельным штампом оттиснута голова льва анфас с узкими миндалевидными глазами, шерстью на морде, трактованной в виде линий, заканчивающихся кружочками, и с плоским носом.

Плоские браслеты с львиной мордой весьма часто встречаются в Восточной Европе в древностях XIII—XV вв. Много их в Волжской

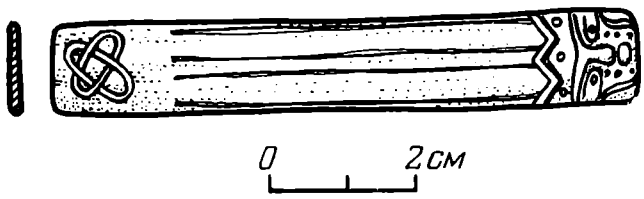
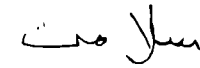
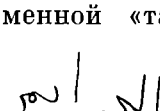


Рис. 3. Браслет с Водянского городища

Болгарии[2], в мордовских древностях[3], в русских городах[4]. Есть они в Крыму[5], известны в Средней Азии[6] и Золотой Орде.

Распрямленный маленький браслет с львиной мордой на одном конце и плетенкой — упрощенным монгольским «узлом счастья» — на другом и с линейным орнаментом между ними был случайно найден ПАЭ на Водянском городище в 1970 г. (рис. 3). Есть варианты этого мотива, на котором представлены два симметрично сидящих льва с большими головами (браслет из Средней Азии). Рассматриваемый браслет интересен не только этим изображением, но и надписью. Надпись сделана арабскими буквами, простым насхом, но резчик штампа допустил ошибку. Надпись усложнена дополнительными значками, грамматически ненужными и, видимо, орнаментальными.

Читаются следующие слова: в середине  («и здоровье») с лишним «алифом» и с характерной для тюркского языка заменной «та марбута» на «та». За ними следует, возможно, эпитет  («вечное»), без последних двух букв. За ним сразу идет сло-

[1] Металлографический анализ был выполнен Н. В. Рындиной в археологической лаборатории исторического факультета МГУ; спектральный анализ — в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР С. Н. Кореневским. Пользуюсь случаем выразить им благодарность.

[2] *Смирнов А. П.* Волжские болгары. М., 1951, табл. V, рис. 78; ОАК за 1900. СПб., 1902, с. 114, рис. 236, 237.

[3] *Алихова А. Е.* Муранский могильник и селище.— МИА, 1954, № 42, с. 277, рис. 18, *6*. Личина упрощена до простого орнамента.

[4] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49, рис. 137, *1*; *Никольская Т. Н.* Кузнецы железу, меди и серебру от вятич.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 129, рис. 2, *7*.

[5] Обломок золотой пластины с мордой льва на конце найден в кладе XIV в. в Судаке. М. А. Фронжуло вряд ли правильно определяет ее как фрагмент ручки сосуда. См. *Фронжуло М. А.* Раскопки в Судаке. Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 148, рис. 10. Вероятно, это обломок распрямленного браслета.

[6] ОАК за 1891. СПб., 1893, с. 127.

во — «благо». Возможно, что самое правое, не полностью сохранившееся слово было тоже «здоровье» (сохранились конечные «лям», «алиф», «мим» и «та», а алиф от артикля следующего слова соединился с конечным «та»).

Браслет дает нам пример искажения арабских традиционных благожелательных надписей, обычных для всего мусульманского мира в варваризованной тюркоязычной среде золотоордынских городов.

В. Г. ПУЦКО

КРЕСТ-МОЩЕВИК XIV ВЕКА

В Государственном Ростово-Ярославском архитектурно-художественном музее-заповеднике хранится небольшой серебряный крест несколько необычного вида (рис. 1) [1]. Он поступил в 1890 г. в Ростовский музей церковных древностей и в выпущенном в 1911 г. путеводителе был описан так: «Крест серебряный, коробчатый, четырехконечный, с заостренными концами и с неправильными четырехугольниками в углах средокрестия. На нем резное изображение Распятия, по-видимому, юного Христа, представленного как бы стоящим. Под десницей и шуйцей буквы: ІС ХС. По сторонам чресел: NH КА. На подвижном ушке образ Нерукотворного Спаса. Профессором Соболевским отнесен к XII в.» [2]. В общем приведенное описание верно, но некоторые детали, как нам представляется, требуют корректив.

Крест четырехконечный, с расширяющимися заостренными концами. В перекрестии почти квадратные выступы с округленными углами, отчего крест по форме напоминает квадрифолий. По типу он может быть отнесен к крестам-мощевикам. Лицевая сторона служила крышкой реликвария, открыть которую можно было, вынув скрепу шарнира, соединяющего крест с оглавием [3]. В нижней части креста другой шарнир, ось которого закреплена неподвижно. Оглавие четырехугольное, граненое.

---

[1] Ив. № Б-197 (ст. инв. № 5647). Высота 10 *см* (с оглавием), ширина 6,5 *см*, толщина 0,7 *см*. Сохранность удовлетворительная. Небольшой обрыв в нижней части оглавия. Позолота стерлась (частично уцелела лишь на оглавии, поперечной перекладине и на боковых гранях).

[2] *Богословский И. Н.* Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. М., 1911, с. 3. Ср. *Иванов Д. А.* Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий, 1912, с. 61.

[3] Сейчас по концам поперечной перекладины имеются позднейшие склепки, не позволяющие открыть реликварий.

Рисунок и надписи исполнены резьбой, заполненной чернью. Фигура распятого Христа передана довольно примитивно: несоразмерно велика голова, большие с крупными кистями руки и очень маленькие ступни ног. Вопреки традиции изображать распятого Христа с головой, склоненной к правому плечу, голова Христа на рассматриваемом кресте наклонена к левому. Христос изображен отнюдь не юным, а с ясно различимой остроконечной бородой. Черты лица трактованы весьма схематично. Окружающий голову нимб с обычным перекрестием, один конец которого украшен четырьмя крестообразно расположенными точками. Набедренная повязка покрыта мелкими штрихами, ее верхняя часть орнаментирована бегунком. Моделировка тела отсутствует, и только грудь отмечена дугообразной чертой. Впрочем, не исключено, что это смещенное на средину груди обозначение раны от копья. От язв рук и ног проведены тонкие линии, идущие к кружочкам. Верхняя часть креста отделена косой линией (очевидно, она была предназначена для надписи). Изображение Нерукотворного Спаса в оглавии гравировано в той же примитивно-условной манере. На скосах углов — «крины». На закрепах верхнего шарнира посажены маленькие жемчужины. Оборотная сторона креста-мощевика гладкая.

А. И. Соболевский, на указание которого ссылается И. Н. Богословский, датировал этот крест, судя по всему, по эпиграфическим признакам надписей, применив нормы, выработанные при работе с рукописями, которые он знал блестяще. При этом он не учел материала и того, что в надписях на вещах графические начертания букв более устойчивы. На публикуемом кресте-мощевике, строго говоря, для эпиграфики мало данных. Наиболее характерна по начертанию «а» с накрытием сверху. Это накрытие у «а» появляется уже к середине XI в.[4], встречается в XII в.[5]; не исчезает оно и в следующем столетии[6]. Такое начертание можно видеть, в частности, на граффито Киевской Софии, содержащем дату 17 февраля 1286 г.[7] На кресте-мощевике «а» имеет большую, спускающуюся под строку петлю с тупым угловатым концом, а также наклонную заднюю черту — признаки XIII в.[8] Начертание К с отходящей от вертикальной мачты правой стороной встречается уже в надписях середины XI в.[9] Наиболее же близкую эпиграфическую аналогию можно указать на каменном кресте Святослава (1234 г.) в Георгиевском соборе Юрьева-Польского[10].

Типологически крест-мощевик близок энколпионам XIII в., имеющим вид четырехконечного равностороннего креста с намечающимся квадратом в средокрестии[11]. Аналогичную форму имеет, в частности, «Иеру-

---

[4] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, с. 16—18, табл. III, *1*; IV, *1* (граффито 1052 г.).

[5] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков.— САИ, вып. Е1-44. М., 1964, с. 20—21, табл. XXI, *1*; XXVI, *2*; XXVII, *3, 4, 6*; *Орешников А. В.* Заметки о потере Переяславль-Залесского собора.— Археологические известия и заметки, 1897, № 11, с. 341, рис. 52.

[6] *Шляпкин И. А.* Палеография. СПб., 1905, с. 15, 16.

[7] *Высоцкий С. А.* Ук. соч., вып. I, с. 96, табл. LI. См. также: *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, № 67, 68, 79; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 годов. М., 1963, № 211, 223.

[8] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., табл. VII—X.

[9] *Высоцкий С. А.* Ук. соч., вып. I, с. 16—18, табл. III, *1*.

[10] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., табл. XVI, *1*.

[11] Ср.: *Леопардов Н. и Чернов Н.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в частных руках, вып. I. Киев, 1899, табл. VI (№ 76); Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова, отд. VIII—XI. М., 1908, с. 191, 193, рис. 175, 177; *Лесючевский В. И.* Культ Бориса и Глеба в памятниках искусства.— СА, 1946, VIII, рис. 5, *3*.

салимский крест» в соборе св. Годегарда в Гильдесгейме (XIII в.) [12], новгородское происхождение которого доказывается фонетическими особенностями имеющихся на нем надписей. Это складень, две створки которого соединены посредством шарнира. Если здесь, как и на рассматриваемом кресте, закругленные концы выявлены отчетливо, то в ковчегемощевике XIV в. в Государственной Оружейной палате в Москве определяющим форму является квадрат с небольшими округленными выступами на гранях [13]. Крест-мощевик из Ростова может быть сопоставлен также с золотым крестом-мощевиком из ризницы Троице-Сергиевой лавры, с изображением Распятия на лицевой стороне. Отнесенный вначале Т. В. Николаевой к произведениям великокняжеской Москвы [14], он позднее был определен ею как новгородское произведение XIV в.[15] Этот вывод Т. В. Николаева аргументировала близостью начертания букв надписей к новгородским берестяным грамотам и отражением в орфографии новгородского произношения [16].

Примитивность исполнения изображения на кресте-мощевике Ростовского музея создает определенные затруднения для датировки последнего. Лаконизм композиционного решения, обводка контура и росчерки по поверхности формы, ровность локального цвета почти без всякой моделировки, опрощение линии — характерные черты новгородской иконописи и книжной миниатюры зрелого XIII в.[17] Рассматриваемый крест-мощевик следует в первую очередь соотнести с произведениями новгородской торевтики. Однако трудно проводить прямые параллели между описанным нами Распятием и изображениями на новгородском панагиаре XIII—XIV вв. из Антониева монастыря [18]. С этим панагиаром, а также с панагиаром XIII—XIV в. из собрания А. С. Уварова (ГИМ) и створкой панагиара Государственного Русского музея, отнесенной Н. В. Малицким к зрелому XIII в.[19], рассматриваемый крест-мощевик сближает лишь преднамеренная архаизация изображения. Упрощенное решение композиции, примитивно выполненные фигуры вызывают в памяти романские образцы [20].

Тип креста, его оглавия, эпиграфические особенности надписей на первый взгляд не внушают сомнений в датировке креста-мощевика концом XIII в. Распятие с как бы стоящим Христом находит аналогии и в византийском искусстве, и в древнерусской металлопластике. При описании мощевика нами были отмечены линии, идущие от язв рук и ног к кружочкам, которые являются либо шляпками гвоздей, либо каплями

---

[12] *Мясоедов В.* «Иерусалимский крест» в ризнице собора в Гильдесгейме.— ЗОРСА, 1918, XII, с. 7—22; *Шляпкин И. А.* Русский крест XII века в Гильдесгейме.— Вестн. археологии и истории, 1914, XXII, с. 36—45. Кресту посвящена обширная литература. Наиболее обстоятельной является монография: *Ludat H.* Das Jerusalemer Kreuz. Ein russisches Reliquiar in Hildesheimer Domschatz. Köln — Graz, 1956.

[13] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 97, 98, рис. 37.

[14] *Николаева Т. В.* Древняя панагия.— Сообщ. Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, т. II, 1958, с. 11—112.

[15] *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, с. 106, 107.

[16] Подобная форма мощевика встречается и в византийских изделиях.

[17] *Попова О. С.* Новгородская рукопись 1270 г.— В кн.: Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 25. М., 1962, с. 184—200.

[18] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.— САИ, вып. Е1-49. М., 1971, с. 44, 45, табл. 14; *ее же.* Прикладное искусство Московской Руси, с. 47—50, рис. 14, 15.

[19] *Троицкий Н. И.* Панагиарий и складень из собрания графа А. С. Уварова.— Древности, т. XXII, вып. 2. М., 1909, с. 265, табл. 1; *Малицкий Н.* Створка панагиара Государственного Русского музея с золоченым изображением Троицы.— В кн.: Материалы по русскому искусству, т. I. Л., 1928, с. 32—36.

[20] Ср.: *Kohlhaussen H.* Das Paar von Bussen.— In: Festschrift Fr. Winkler. Berlin, 1959, S. 32, 33, Abb. 7; *Frolow A.* La medaillon byzantin de Charroux.— Cahiers archéologiques. Paris, 1966, XVI, p. 39, fig. 2.

крови. Последнее более вероятно, так как для шляпок гвоздей кружки непомерно велики. Что бы мы ни предполагали, две линии, идущие от язв ног к одному кружочку, если это гвоздь, можно рассматривать как воздействие западной иконографической традиции, предпочитавшей с XIII в. распятия с ногами, пронзенными одним гвоздем. Если это капли крови, то и в этом случае приходится констатировать опять-таки западные влияния, поскольку почитание крови господней получило широкое распространение преимущественно на Западе, тогда как в православной церкви носило скорее эпизодический характер. Все это как будто говорит в поддержку предположения о связи произведения с Новгородом, который находился в постоянном соприкосновении с западной художественной культурой. Формальные признаки, включая тип креста и характер изображений, не противоречат этому выводу. Особенности крестамощевика позволяют сблизить его с изделиями посадских городских мастеров, которые, по заключению Б. А. Рыбакова, к XIII в. уже в значительной степени были связаны с рынком [21]. Отсутствие надписей с перечислением вложенных реликвий или патрональных изображений на оборотной стороне не дает оснований говорить о выполнении крестамощевика по заказу.

Полученные нами в результате анализа произведения предварительные выводы необходимо сопоставить с результатами изучения предметов княжеского убора — крестов-мощевиков, носившихся на золотой или серебряной цепи [22]. Художественный прием наводить изображения толстой черневой линией только по контуру известен уже в XIII в.[23]. Но на ранних образцах, как справедливо отмечает Т. В. Николаева, рисунок примитивен и схематичен и черневой линией не обозначены черты лица [24]. Из группы предметов княжеского убора наиболее принципиально близкими кресту-мощевику в Ростове являются гравированные изображения на кресте-мощевике середины XIV в. из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля [25].

Публикуемый памятник находит близкие аналогии по форме среди новгородских изделий, к числу которых следует присоединить и крест в собрании Оружейной палаты с черневыми изображениями (середина XIV в.), манера которых, по наблюдениям Т. В. Николаевой, находит себе аналогии среди новгородских древностей [26]. Учитывая эти итоги сопоставлений, мы решаемся датировать крест-мощевик в собрании Ростовского музея первой половиной XIV в. и предположительно связать его происхождение с Новгородом, подчеркнув особо условность этой локализации.

Крест-мощевик — не единственное произведение новгородского искусства в Ростовском музее. Многие вещи, несомненно, завезены в Поволжье новгородцами, переселенными московским правительством в конце XV в.[27] Поступали произведения из Новгорода и в конце прошлого столетия в Ростовский музей церковных древностей [28].

---

[21] История русского искусства, т. I. М., 1953, с. 246.

[22] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси, с. 138—159.

[23] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 321, рис. 83, *е*.

[24] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси, с. 143.

[25] Там же, с. 150—152, рис. 50.

[26] Там же, с. 155, рис. 51, 52.

[27] Подробнее см.: *Пуцко В. Г.* Каменные иконки и кресты в Ростове Великом.— Byzantinoslavica, t. XXVII, 1971, с. 86—96; *его же*. Новгородские художественные памятники и традиции в среднерусских землях (Доклад, прочитанный 12 декабря 1974 г. на конференции «Новгород древний — Новгород социалистический».)

[28] *Богословский И. Н.* Ук. соч., с. 4, 28, 37; *Бочкарева М. Н.* Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 107—110.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

О РЕЙНСКОЙ КЕРАМИКЕ В ПСКОВЕ

В № 4 журнала «Советская археология» за 1975 г. Г. Н. Ивановой опубликованы фрагменты западноевропейских сосудов из раскопок в Пскове, определенные как продукция рейнских мастерских XVI в[1]. Находки рейнской керамики в Пскове не исчерпываются этими двумя фрагментами. Ниже приводятся некоторые дополнительные сведения о наличии и времени бытования в Пскове керамического импорта из прирейнских ремесленных центров [2].

В раскопе 1954 г. (раскопки Г. П. Гроздилова) был обнаружен фрагмент стенки сосуда, сформованного из светло-серой, белесой плотной глины (так называемой Steinzeug — «каменной массы»), покрытого

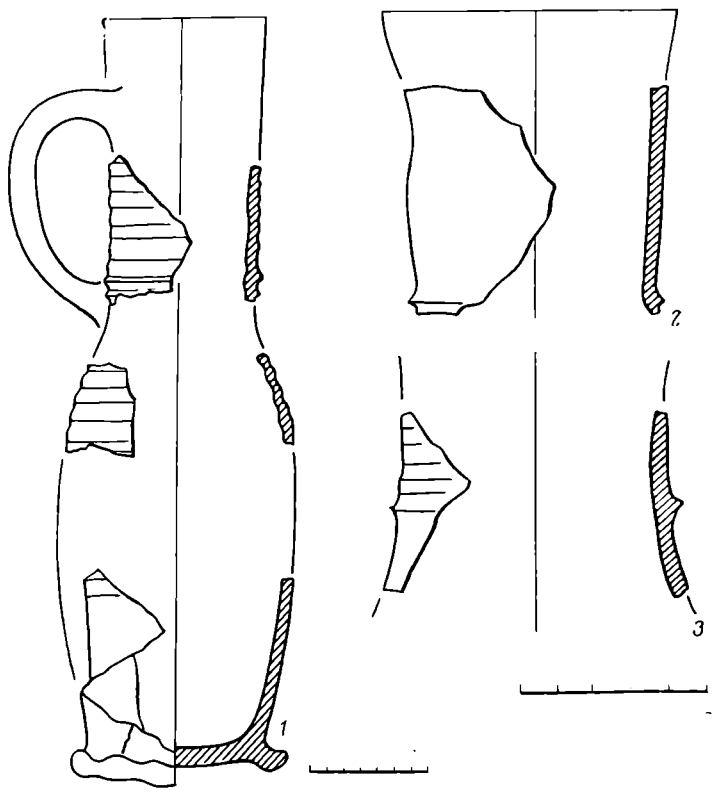


Рис. 1. Jakobäa-Kanne из раскопок в Пскове. 1972 г. (*1*) и 1977 г. (*2, 3*). Вторая половина XIV — первая половина XV в.

снаружи оранжево-желтой соляной глазурью. На наружной поверхности фрагмента хорошо видно слабое рифление. Глазурь покрывала сосуд неравномерно, часть фрагмента, лишенная покрытия, сохраняет светло-серый цвет глины и шершавую поверхность [3]. Вероятнее всего, фрагмент принадлежал небольшой кружке (максимальный диаметр тулова не превышает 10 *см*), аналогичной кружкам XV в., изготавливавшимся в рейнских мастерских [4]. Цвет глазури определяет принадлежность сосу-

[1] *Иванова Г. Н.* Рейнская керамика из раскопок в Пскове.— СА, № 4, 1975, с. 274—276.

[2] Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудника ОИЗЕИ Гос. Эрмитажа О. Э. Михайлову за любезную консультацию.

[3] Фонды ОИРК Гос. Эрмитажа, инв. № п-198.

[4] *Reineking von Bock G.* Steinzeug. Köln, 1971, № 111, 114, 117, 118, 144.

ца к продукции мастерских Зигбурга близ Кёльна[5]. Стратиграфическая дата находки — XV в.

В раскопе 1972 г. (раскопки И. К. Лабутиной) найдены девять фрагментов от одного сосуда, сформованного из Steinzeug светло-желтого, песочного цвета и покрытого снаружи темно-коричневой соляной глазурью[6]. Натек глазури сохранился также изнутри на фрагменте горла. На плоскости дна хорошо видны отпечатки соломы, служившей, вероятно, подстилкой при сушке сосуда перед обжигом. На стенках видно слабое рифление. Удалось подобрать и склеить только фрагменты массивного поддона. Фрагменты стенок не подбираются, но отчетливо реконструируют диаметры соответствующих частей сосуда. Уже предварительная графическая реконструкция сосуда (рис. 1, *1*) не оставляет сомнения в том, что в Пскове найден сосуд, принадлежащий к группе керамических форм, привлекающих специальное внимание западноевропейских исследователей.

Это так называемые Jakobäa-Kanne («кувшины Якобеи») — сосуды вытянутых форм, с высоким вертикальным или воронкообразным горлом, ручкой на месте перехода от горла к плечику, массивным поддоном, оформленным характерными пальцевыми защипами[7]. Производство их связано с мастерскими Зигбурга, откуда кувшины Якобеи широко экспортировались, и прежде всего в больших количествах вывозились в Голландию[8]. Название «кувшины Якобеи» стало употребляться в Голландии применительно к этим сосудам приблизительно с XVII в.[9], так как изготовление их связывали с именем графини Якобеи Баварской[10] — предполагаемого заказчика. В основном кувшины Якобеи изготавливались в XV в., прежде всего в первую половину столетия, хотя начало их производства определяется широко в пределах второй половины XIV в.[11]

Jakobäa-Kanne в основном имели средние размеры (так, в каталоге Steinzeug Кёльнского музея прикладного искусства из четырех воспроизведенных сосудов только один имел высоту 41,5 *см*, три других — соответственно 22, 26,5, 29 *см*[12], три кувшина из раскопок в Дрездене имеют высоту соответственно около 22, около 25 и около 29 *см*[13] и пр.), крупные сосуды встречаются реже и называются Gross-Jakobäa-Kanne[14] («большие кувшины Якобеи»). К этим последним принадлежит сосуд из раскопок 1972 г. в Пскове (высота по реконструкции около 47 *см*). Коричневый цвет глазури предполагает, что изготовление сосуда относится к начальному периоду производства кувшинов Якобеи[15], и он, следовательно, может быть датирован второй половиной XIV — началом XV в. Это совпадает со стратиграфической датой находки.

---

[5] Ibid., Taf. I.

[6] Фонды ПИХАМЗ, инв. № нгпр 1179, 1421. Пользуюсь случаем поблагодарить И. К. Лабутину, предоставившую мне возможность опубликовать находку.

[7] Meyers Konversation Lexikon. 5 Auflage. Leipzig — Wien, 1897, S. 410.

[8] *Reineking von Bock G.* Op. cit., № 156 (Text).

[9] *Dexel W.* Das Hausgerät Mitteleuropas. Wesen und Wandel der Formen in zwei Jahrtausend Deutschland Holland Österreich. Schweiz. Braunschweig — Berlin, 1962, S. 410.

[10] Якобея Баварская (1401—1436 гг.), дочь Вильгельма VI, графа Голландии и Геннегау, с 1416 по 1433 гг.— правительница графства Голландия, скончалась в 1436 г. в Тейлингере. См. *Löher.* Jakobäa von Beiern und ihre Zeit, T. I—II, Nordlingen, 1862, 1869.

[11] *Reineking von Bock G.* Op. cit., № 156.

[12] Там же, № 156—159.

[13] *Mechelk H. W.* Stadtkernforschung in Dresden. Berlin, 1970, S. 138—140. A66.61, *1—3*, Taf. 28—30.

[14] *Reineking von Bock G.* Op. cit., № 158.

[15] Там же, № 104, 107.

Раскопками 1977 г. (раскопки автора) были найдены еще четыре фрагмента от по крайней мере двух кувшинов Якобеи (рис. *1—3*) [16]. Ярко-оранжевый цвет глазури определяет дату находки — первая половина XV в.[17]

Публикуемые сосуды подтверждают неслучайный характер появления в Пскове импорта продукции прирейнских ремесленных центров [18] и являются вещественным свидетельством ганзейских контактов Пскова XIV—XV вв.[19] Этим же временем датируются находки рейнской керамики в других городах на Севере России, находившихся в сфере ганзейских связей [20].

---

[16] Фонды ОИРК Гос. Эрмитажа, инв. № пк-77/V-А$_7$, пк-77/III-А$_4$.

[17] *Reineking von Bock G.* Op. cit., Taf. 1.

[18] По устному сообщению В. И. Кильдюшевского, при раскопках в Пскове 1976 г. в слоях XIV—XV вв. были найдены фрагменты рейнской керамики.

[19] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975, с. 78 сл.

[20] *Рыбина Е. А.* Раскопки Готского двора в Новгороде.— СА, № 3, 1973, с. 125, 126.

Л. М. СПИРИНА

КЛАД МОНЕТ XVII В. ИЗ ЗАГОРСКА

В июне 1976 г. в Загорске, в районе Клементьевской и Болотной улиц, недалеко от Успенской церкви XVIII в., при рытье котлована на глубине 1,5 *м* был найден клад монет XVII в. в хорошо сохранившейся глиняной чернолощеной кубышке (рисунок). Клад был полностью передан в Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник [1]. Это восьмой клад, обнаруженный на территории Загорска и его окрестностей [2].

Клад состоит из 198 серебряных монет XVII в. Из них Василия Ивановича Шуйского (2 экз.), Владислава Сигизмундовича (1 экз.), Михаила Федоровича (102 экз.), Алексея Михайловича (30 экз.), Федора

---

[1] Клад найден и передан в музей М. Т. Халиловым.

[2] Поскольку в книге А. Г. Векслера и А. С. Мельниковой (*Векслер А., Мельникова А.* «Московские клады». М., 1973, № 73, 87, 88, 92, 127, 239, 240) сведения об этих кладах неполные, мы даем здесь их перечень с добавлениями и уточнениями: 1 — дер. Сватково Загорского р-на, 1963 г. Монеты Ивана IV Грозного (12 экз.), ЗГИХМЗ (инв. № 1010 нум., кп. 12558); 2 — пос. Золотилово Загорского р-на, 1958 г., Монеты Ивана IV Грозного и Федора Ивановича (295 экз.), ГИМ (инв. № 88693); 3 — с. Хотьково Загорского р-на, 1897 г. Архив ЛОИА АН СССР, д. 172, 1897, р. V; 4 — г. Загорск, 1941 г. Монеты Ивана IV Грозного и Бориса Годунова (34 экз.), ГИМ (инв. № 81268); 5 — г. Загорск, 1959 г. Монеты Ивана IV Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Ивановича, Василия Ивановича, Владислава Сигизмундовича, ополчения с именем Федора Ивановича (1034 экз.), ЗГИХМЗ (инв. № 1006 нум., кп. 12295); 6 — дер. Короськово Загорского р-на, 1961 и 1962 гг. Монеты Елизаветы Петровны и Екатерины II (2208 экз.), ЗГИХМЗ (инв. № 1007 нум., кп. 12432, 1009 нум., кп. 12496); 7 — с. Кучки Загорского р-на, 1968 г. Монеты Елизаветы Петровны и Екатерины II (185 экз.), ЗГИХМЗ (инв. № 1032 нум., кп. 12876). Кроме перечисленных выше кладов в музей в 1975 г. поступил клад из с. Софрино (бывш. Сафарино), 1731—1916 гг. (808 экз.) (инв. № 1034 нум., кп. 12950). Имеются все основания считать кладом коллекцию монет из основного собрания Троице-Сергиева монастыря (инв. 199/1—18 нум.) — 738 экз. В нее входят монеты Дмитрия Юрьевича Шемяки, Василия II Темного, Ивана III, Ивана IV Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Владислава Сигизмундовича, Василия Ивановича, II народного ополчения с именем Федора Ивановича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича. Подтверждением того, что клады поступали в монастырское собрание, являются сведения в архиве, где упоминается клад, найденный на капустном огороде — «425 серебряных старых копеек весом в полфунт и переданы на хранение в ризницу»; см.: ЦГАДА, ф. 1204, оп. I, ч. II, ед. хр. 2722, 1806.

Алексеевича (15 экз.). Иоанна Алексеевича (2 экз.) и Петра Алексеевича (3 экз.). Кроме того, в кладе 15 монет, дважды проштемпелеванных, и 28 монет, не определенных из-за их сильной потертости.

Ниже приводим более подробное описание монет [3].

Монеты, чеканенные в Новгороде с именем Василия Ивановича Шуйского (1606—1610),— 2 экз. с надписью $\frac{N}{PIN}$ (1610), средний вес одной монеты 0,55 *г*.

Глиняная кубышка, в которой был найден клад

Монеты Владислава Сигизмундовича (1610—1612) — 1 экз., вес 0,47 *г*.

Монеты Михаила Федоровича (1613—1645) — 102 экз., из них: с буквами $\frac{MO}{CKBA}$ — 1 экз., вес. 0,48 *г*; с буквами $\hat{M}$ — 4 экз., средний вес 0,49 *г*; с буквой M″ — 4 экз., средний вес 0,49 *г*; с буквами M или MO — 1 экз., вес 0,48 *г*; с надписью $\frac{MOC}{KBA}$ — 18 экз., средний вес 0,45, 0,48, 0,49 *г*.; с надписью $\frac{OC}{MK}$ — 1 экз., вес. 0,49 *г*.; с монограммой MO — 20 экз., средний вес 0,45 *г*, 0,48, 0,49 *г*.

Монеты Алексея Михайловича (1645—1676) — 30 экз. из них 6 экз. с буквами $\mathring{M}$, средний вес 0,45 *г*.

Монеты Федора Алексеевича (1676—1696) — 15 экз., из них одна с буквами $\mathring{M}$, средний вес 0,39 *г*.

Монеты Иоанна Алексеевича (1682—1696) — 2 экз., из них одна с буквами $\mathring{M}$, средний вес 0,41 *г*.

Монеты Петра Алексеевича (1682—1696) — 3 экз., из них две с буквами $\mathring{M}$, средний вес 0,42 *г*.

Самыми поздними в кладе являются монеты царей Иоанна и Петра Алексеевичей, чеканенные до 1696 г., когда монеты выпускались от имени обоих братьев. Следовательно, клад с большой точностью можно датировать 1696 г., годом смерти Иоанна Алексеевича. После него монеты стали чеканиться от имени одного царя Петра Алексеевича и на них уже ставилась дата.

Клад был обнаружен в районе древнего подмонастырского поселения — бывш. с. Клементьева, расположенного на юго-западе от Троице-Сергиева монастыря, впервые упоминаемого в Кормовом синодике 1592 г. в составе подмонастырских владений [4]. В XVII в это село достигло наивысшего расцвета. По данным 1684 г., здесь значилось «62 двора кре-

---

[3] Определение монет Василия Ивановича Шуйского, Владислава Сигизмундовича и Михаила Федоровича дается по работам И. Г. Спасского (*Спасский И. Г.* Денежное обращение в Русском государстве с 1533 по 1617 гг.— МИА, 1955, № 44 (прилож. табл. 4, *а, б, в*) и А. С. Мельниковой (*Мельникова А. С.* Систематизация монет Михаила Федоровича. Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960, табл. 2, № 1; табл. 1 (ч. 1—2), № 20; № 43, 13, 44, 14, 19, 32, 42, 45, 78, 80, 13—72 (о. с.) 73—75 (о. с.), 84, 99—100 (о. с.), 103—108 (о. с.), 135—138 (о. с.).

[4] Село Клементьево поступило во владение Троице-Сергиева монастыря как вклад радонежского князя Андрея Владимировича в I четверти XV в. См.: *Горский А. В.* Историческое описание Свято Троицкие Сергиевы Лавры, ч. I, гл. XI, М., 1895, с. 210, а также *Голубинский Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра, 1909 г., с. 348. *Арсений* (иеромонах) Село Клементьево ныне часть Сергиевского посада, составляющая один из его приходов.— ЧОИДР, М., 1887, гл. V, с. 1, 2.

стьянских, людей в них 279, да бобыльских 209 дворов, людей в них 615; обоего крестьянских и бобыльских 271 двор, людей в них 894» [5].

Выгодное положение села на пути из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру издавна способствовало развитию здесь разного рода ремесел и торговли. Поэтому можно предположить, что данный клад — скромный капитал мелкого ремесленника или торговца. Причиной же захоронения клада могло послужить новое понижение веса копейки после 1696 г.

С другой стороны, неустойчивая и тревожная политическая обстановка, связанная со стрелецкими бунтами, когда в 1682 и 1689 гг. в центре этих событий был и Троице-Сергиев монастырь, заставляла местных жителей прятать свои сбережения в землю. Одна из таких поклаж и была теперь найдена.

---

[5] *Арсений.* Село Клементьево..., с. 25.

Критика и библиография

Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. «Наукова думка». Киев, 1976, 239 стр., 87 рис., 22 табл.

Публикация монографии И. Г. Пидопличко значительно обогащает сведения о «костяных» палеолитических жилищах Поднепровья и дополняет общую историю жилища и поселения рядом новых ярких черт. Книга отражает исследования автора и группы его сотрудников, проведенные в с. Межиричи с небольшими перерывами в 1965—1974 гг. Всего раскопано около 350 $м^2$ — площадь, занятая остатками трех жилищ, а также отчасти объектами их непосредственного окружения. Расположение современной усадьбы предоставляет возможность полностью раскопать только окружение третьего жилища, но изучить его И. Г. Пидопличко не успел. Хотя до полного исследования имеющихся жилищно-хозяйственных комплексов еще далеко и возможно обнаружение других комплексов, публикация новых и обширных материалов по трем жилищам вполне оправданна и своевременна.

И. Г. Пидопличко стремился осветить палеолитический памятник разносторонне — в геологическом, палеонтологическом, археологическом плане и т. д. При этом рассмотрено или затронуто много новых вопросов. Материалы всех трех жилищ характеризуются одновременно по довольно дробным разделам.

Первый раздел — «О современной природной обстановке района Межирича и во время существования позднепалеолитического поселения» (с. 13—33). По определению автора, поселение возникло на первой надпойменной террасе вскоре после ее формирования. Культурные остатки перекрыты 3—4-метровой толщей делювия, в котором не обнаружено следов погребенных почв. Спорово-пыльцевые анализы лёсса, взятого с уровня пола жилищ, а также перекрывающих и подстилающих горизонтов, указали на сосну, разные виды ив, липу, бук, граб, ольху, березу, дуб, а из травянистых растений — на сложноцветные, лебедовые, осоковые, папоротники, сфагновый мох. Почти все эти растения встречаются и ныне в районе Межиричей благодаря большому разнообразию почв и увлажненности. Отсутствие в очагах угля древесных пород автор объясняет не господством в прошлом тундро-степной растительности, а низким уровнем техники, вынуждавшим использовать в роли топлива траву и ивовые дрова, не оставляющие твердых угольков.

На поселении зарегистрированы костные остатки 110 мамонтов, 73 зайцев, 12 волков, 10 северных оленей, 9 песцов, 8 росомах, 6 зубров, 3 медведей, 2 лошадей и других животных. Большой интерес представляет сообщение автора о том, что примерно из 15 тыс. костных остатков северного оленя, встреченных на палеолитических поселениях Украины, не выделено ни одной кости утробного животного или детеныша, И. Г. Пидопличко не отрицает возможного размножения отдельных групп северного оленя в данной области, но справедливо указывает, что северный олень заходил в пределы Украины, очевидно, в осенне-зимнее время, совершая миграции (с. 26).

В разделе «Некоторые фольклорные и исторические сведения о жилищах и быте древних охотников в связи с изучением Межиричских жилищ» (с. 34—45) рассматриваются примеры того, как кости животных использовались в строительстве жилищ современных народов или упоминания об этом в фольклоре. Приводимые аналогии из быта северных народов не имеют серьезного значения. Но очень ценны

таблицы, в которых указываются виды костей мамонта и их число в остатках каждого жилища и отдельных его частей, а также число особей мамонта, определенное по отдельным видам костей. После дополнения таблиц данными о костных материалах из нераскопанной части поселения они дадут возможность оценить характер использования костей на поселении, а также, вероятно, внести некоторую ясность в давний, но весьма злободневный вопрос о соотношении костей как результата охоты и сбора на местах естественной гибели мамонтов. Отраженное в таблицах распределение костей в разных частях жилища имеет большое значение для изучения их конструкции. Заслуживает внимания распределение костей между жилищами. Мы уже отмечали, что уникальный факт сложения завалинки первого межиричского жилища из 95 нижних челюстей объясняется конструктивной целесообразностью [1]. Обитатели поселения воспользовались преимуществом, которое давали нижние челюсти как стандартные элементы. Благодаря публикации сведений по второму и третьему жилищам стало ясно, что сосредоточение нижних челюстей в завалинке первого жилища компенсируется в завалинках остальных жилищ лопатками и крупными костями конечностей (табл. 3).

В начале раздела «Общие замечания о Межиричских жилищах, их раскопках, фиксации и реконструкции» (с. 46—58) приводятся интересные сведения о применении стаканного бурения на стадии разведки памятника. Мнение автора, что «в условиях равнинных лёссовых захоронений палеолитических памятников перед большими раскопками стаканное разведочное бурение обязательно» (с. 47), звучит излишне категорично, однако безвредность метода для культурных остатков, информативность и удобство делают его достойным более широкого применения. Характер документации раскопок имел серьезные отличия от общепринятой. Судя по исследованию третьего жилища, в котором по приглашению И. Г. Пидопличко принимали участие и мы, массовый материал собирался по квадратам, без предварительной отметки на плане. Концентрации находок, вероятно, отмечались в записях, но в таком случае планы интенсивности распределения предметов (рис. 50—52) отражают лишь зрительные впечатления исследователя. Подобный учет массового материала является анахронизмом. Наибольшее внимание уделялось фиксации крупных костей. Определение костей производилось на месте раскопок и затем уточнялось в лаборатории. Специализация исследователя, его интересы обеспечили наиболее качественную обработку остеологических материалов из проведенных доныне для долговременных палеолитических поселений на территории СССР.

Изучение костей продолжено в разделе «О костях мамонта из Межиричских жилищ, служивших строительным материалом» (с. 59—88). Автор нашел возможным отнести крупные костные остатки мамонта (1753 экз.) к животным пяти возрастов. Возрастная статистика дана по жилищам, кратко охарактеризовано назначение различных костей. В нескольких строках отмечены особенности и положение каждого черепа. Однако, к сожалению, планы положения черепов заменены схемами, что нарушает документальность.

Дробное возрастное деление и соответствующая статистика по существу не использованы в теоретической проработке материалов, так как для традиционного вывода о преимущественно молодом возрасте добытых мамонтов достаточно деления их на две-три группы. Но с накоплением сведений по возрастной статистике остатков животных она несомненно найдет применение в исследованиях. Задача палеонтологов — уточнить прикладное деление на группы и их характеристику.

В разделе «Запасы костей (с. 88—91) описаны два скопления костей мамонта, располагавшиеся к северу и северо-западу от третьего жилища. В их состав входят крупные трубчатые кости, зубы и их обломки, позвонки, ребра, нижние челюсти и некоторые другие кости. В первом скоплении представлены два черепа. Основания скоплений на 0,4—0,8 *м* ниже прилегающего культурного слоя. Автор объясняет это наличием соответствующей ложбины, однако возможно, что оба скопления были помещены в искусственные углубления. Во всяком случае в отношении первого из них

---

[1] *Сергин В. Я.* Новые раскопки поселения охотников на мамонтов.— Природа, 1973. № 5, с. 111.

по непосредственным наблюдениям на раскопках у нас сложилось именно такое впечатление. Отметим, что, земля, вынутая из ям, видимо, шла на сооружение завалинок возле подавляющей части «костяных» жилищ. Поэтому помимо аналогии с жилищно-хозяйственными комплексами других поселений наличие толстой присыпки у основания первого и второго межиричских жилищ (с. 93) позволяет предполагать присутствие еще не обнаруженных ям также и возле них.

Ряд небольших разделов — («Поды жилищ», «Строение цоколей», «Обкладка цоколей», «Надцокольная обкладка», «Крыша и ее покрытие», «Входы в жилища» (с. 92—120) — посвящен вопросам конструкции жилищ. Основания жилищ не были углублены, хотя по наблюдениям И. Г. Пидопличко наружная присыпка иногда создает иллюзию углубленности. Жилое пространство каждого жилища окружали черепа мамонта, за небольшим исключением вкопанные альвеолами бивней в землю и обращенные лбом к центру жилища. Вместе с некоторыми другими костями они составляли, по определению автора, цоколь или фундамент — «опору жилища, соприкасающуюся с землей» (с. 95). На обкладку цоколя использовались различные крупные кости, кроме черепов. Однородностью отличалась лишь упомянутая обкладка первого жилища из 95 нижних челюстей и нескольких других костей. Интересны соображения автора о последовательном наращивании обкладки второго жилища с наиболее подверженной воздействию непогоды северо-западной стороны (с. 103—106). Однако им упущено из вида, что принцип усиления обкладки с северо-запада был свойствен и другим жилищам поселения. В первом жилище он выразился в максимальном сосредоточении нижних челюстей, в третьем — в полукруглом расширении обкладки с помощью трубчатых костей (рис. 18, 20).

Пояс костей, располагавшихся выше цоколя, по наклонным стенам жилища, назван «надцокольной обкладкой». Наряду с различными крупными костями (кроме нижних челюстей) он включал черепа. В конструкции крыши преобладали бивни.

Площади завалов костей на месте жилищ определены соответственно в 42, 28 и 15 $м^2$ (с. 99). Но, судя по планам, завал первого жилища занимает значительно меньшую площадь (рис. 18, 19). Размеры жилой площади вычислены также с преувеличениями: 23, 20 и 12 $м^2$ (с. 97). Границы интерьера, особенно у первого и второго жилищ (рис. 50—52), фактически приближаются к границам завалов костей, а у второго жилища с северной стороны выдвигаются даже далее последних (рис. 19). Преувеличение размеров интерьера связано, по-видимому, с особенностями представлений автора о палеолитических жилищах (об этом ниже). Реальной основой для реконструкции границы жилого пространства являются лишь черепа мамонта и некоторые другие кости, образующие оградку в завале «костяного» жилища, внутри которой концентрируются культурные остатки. Планы оградок, как уже упоминалось, отсутствуют. По схемам размещения черепов (рис. 29) интерьер первого жилища близок к 16 $м^2$, второго — к 14 $м^2$ (судя по рис. 19 — еще менее, порядка 10 $м^2$), третьего — к 10 $м^2$. Эти наметки требуют уточнения.

В каждом из жилищ И. Г. Пидопличко реконструирует наряду с основным входом, обращенным к югу, один-два небольших дополнительных входа. Иллюстративный материал недостаточен для определенного суждения. Но необходимо иметь в виду, что общий характер завалов жилищ и наличие завалинок свидетельствует о всемерном стремлении защитить жилища от холода и влаги. В таких обстоятельствах существование в жилище в течение длительного зимнего времени одновременно двух-трех входов маловероятно. Но при обитании в хорошо утепленных жилищах должна была возникать необходимость усилить вентиляцию — периодически в холодное время и более постоянно в теплое. Для таких целей могли устраиваться «дополнительные входы», по описанию автора, имевшие вид лазов.

О стремлении к утеплению жилищ свидетельствуют остатки пристройки, отмеченные И. Г. Пидопличко у входа во второе жилище. В конструкцию стенки пристройки включались 12 бедренных костей мамонта (с. 116—119, рис. 19, 29, 31, 36). Детали реконструкции пристройки могут быть иными, чем у автора, но несомненно, что в истории изучения палеолитических жилищ Межиричи впервые дали хороший материал для обоснования возможного присутствия пристроек возле некоторых жилищ. Не простым «забором», а частью стенки тамбура представляются нам и кости, вкопанные у входя первого жилища (с. 114, рис. 19, 29, 33, 35). Более того, на-

личие тамбура вероятно и перед входом в третье жилище [2]. Тамбуры, должно быть, сооружались лишь к зиме. Летом они вносили бы большие неудобства в бытовое и хозяйственное использование жилищ. Если эти наши соображения верны, то при уходе из Межиричей община оставила поселение в его зимнем виде, т. е. еще в холодный период, вероятно, весной.

Спорные моменты и противоречия содержит мнение автора о типе межиричского жилища и позднепалеолитических жилищ в целом, а также используемые им термины. Еще ранее он высказал мысль, по которой основным постоянным типом палеолитического жилища, более крупного по размерам, являлась яранга, а временным — чум [3]. Эта мысль пронизывает все содержание настоящей монографии. Сделанные в свое время замечания [4] не были учтены И. Г. Пидопличко, что заставляет вернуться к данному вопросу. Прежде всего выясним, что считается ярангой в этнографии. Знаток жилищ сибирских народов А. А. Попов определял ярангу как корякско-чукотский переносной зимний и летний цилиндрический шалаш, возникновение которого он связывал с заимствованием оленеводства этими группами палеоазиатов у эвенов [5]. Как и всякое переносное жилище, яранга имеет легкий каркас. Основной его опорой служит тренога из трех длинных жердей, связанных вверху через отверстия ремнем. По окружности будущего жилища устанавливаются треноги из коротких, соединенных тем же способом шестов. Последние соединяют поперечными шестами, к которым крепят нижние концы длинных шестов крыши. Вверху шесты крыши приставляют к центральным жердям, которые для устойчивости от ветра привязывают к крупным камням. Каркас обтягивают покрышками из оленьих шкур, обвязывают крышу веревками и укрепляют камнями, придавливая ими нижние края или привязывая к ним последние. Кроме того, покрышку привязывают к тяжелым грузовым нартам, поставленным у стен снаружи. Шесты остова крыши после покрытия шкурами подпирают изнутри жердями с перекладиной. Такова яранга оленных чукчей [6]. Корякская отличалась от нее незначительными деталями [7]. И. Г. Пидопличко, очевидно, причисляет к ярангам непереносной цилиндрический шалаш чукчей и эскимосов. От яранги он отличается тем, что центральной опорой служит обычно одна жердь с перекладиной или развилкой или конструкция из трех-четырех жердей. Каркас стен составляют воткнутые в землю палки или ребра кита, соединенные по верху ребрами или тонкими палками. Остов крыши состоит также из тонких жердей и подпирается изнутри после покрытия. Иногда крыша устроена несколько сложнее, с обручем. Остов снизу обкладывается дерном или камнями в виде низкой стенки [8].

Из описаний следует, что яранга — специализированный тип жилища, возникший в условиях кочевого быта в местах с сильными ветрами. Она сооружается из определенных конструктивных элементов, ни один из которых пока не прослеживается в строительстве «костяных» или каких-либо других палеолитических жилищ. Исключение составляет лишь укрепление покрытия камнями. Но этот прием применяется и при сооружении иных типов каркасных жилищ. Нет оснований отождествлять «костяные» жилища также и со всем ближайшим к яранге кругом цилиндрических каркасных построек, хотя отдельные аналогии в конструкции не исключаются. Черепа ограждения вряд ли составляли вертикальную стенку, характерную для цилиндрического жилища, так как часто их находят наклоненными внутрь жилища. Ни на черепах, ни на кольцевой обвязке из жердей по верху стен, если бы она имелась, нельзя укрепить остов крыши, способный выдержать большие на-

---

[2] Об этом мы говорили И. Г. Пидопличко во время раскопок 1972 г. Причем за вход в жилище нами был принят участок между черепами 23 и 374 (рис. 29), перед которыми выдвинуто несколько крупных плоских и трубчатых костей (рис. 20).

[3] *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, с. 14—17.

[4] *Сергин В. Я.* Рец.: *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.— СА, 1971, № 3, с. 306, 307.

[5] *Попов А. А.* Жилище.— Историко-этнографический атлас Сибири. М.— Л., 1961, с. 159.

[6] Там же, с. 147—148.

[7] Там же, с. 149.

[8] Там же, с. 147.

грузки. В то время как остов перекрытия «костяного» жилища стоял под тяжестью тяжелых костей и шкур, остов цилиндрического жилища приходилось подпирать изнутри, несмотря на отсутствие непосредственной нагрузки. Это свидетельствует о том, что «костяные жилища» имели не покатую коническую или слабовыгнутую форму кровли.

Более вероятно, что черепа ограждения и некоторые другие кости служили боковой опорой для жердей каркаса, вкопанных или воткнутых в землю. В таком случае жерди получали прочную опору и, скрепленные сверху наподобие купола или полусферы, могли даже без дополнительных креплений опор выдержать значительную нагрузку. Тип жилища при этом определяется как каркасное купольное или каркасное полусферическое. По такой схеме практически и произведена натуральная реконструкция остова первого межиричского жилища в Палеонтологическом музее АН УССР (рис. 33) — в противоречии с описательной реконструкцией жилищ (с. 93—120).

Как и ряд других исследователей, И. Г. Пидопличко считал, что кости мамонта на кровле прижимали шкуры к каркасу, но он не пояснил, чем это вызывалось. Ведь, например, у яранги для той же цели достаточно было нескольких веревок с грузами и креплений по низу жилища. Видимо, необходимость нагружать кровлю связана с тем, что она состояла из кусков невыделанных мамонтовых шкур. Куски коробились от перепадов температуры и влаги, образуя щели. Большая толщина шкур обусловливала значительную жесткость деформированной поверхности. Устранить ее, а также предохранить шкуры от сползания и срыва ветром было удобно с помощью костей.

Едва ли можно согласиться с тем, что шкуры свисали только до верха оградки из черепов (что естественно следует из развиваемой автором параллели, с. 108). Реконструкция по типу каркасно-купольного жилища предполагает непосредственное покрытие остова до самой земли, благодаря чему жилище становилось более герметичным. Такой вариант не согласуется с широко распространенной точкой зрения (в том числе и И. Г. Пидопличко — с. 93—95), по которой нижние части жердей остова жилища упирали в кости и обкладывали костями для увеличения срока их службы. Обложить жерди костями столь плотно, чтобы к ним не проникла земля из завалинки, вряд ли возможно. Во всяком случае такие попытки бросались бы в глаза. Но жерди, отгороженные снаружи шкурами, действительно должны были сохраняться лучше, чем при других условиях. Сами же шкуры требовалось изолировать от присыпки костями, корой, ветками и т. п. Заменить истлевающие нижние куски шкур было нетрудно, а замена жердей каркаса значила бы почти то же, что и сооружение нового жилища.

Основания жилищ автор называет не полом, а подом, ссылаясь на то, что в настоящее время понятие «пол» означает деревянный или каменный настил (с. 92) и наряду с этим широко использует термин «цоколь», словно он более созвучен с понятием о первобытном жилище. Нужно заметить, что мощеные камнем полы в палеолите известны (например, в Солвьё, Гийязоне), а в жилищах более поздних эпох первобытности имелись полы и в виде деревянных настилов на почве или сваях, для которых термин «под» не годится. Но даже если бы подобные примеры отсутствовали, руководствоваться семантическими соображенями автора было бы ошибочно, поскольку не только понятие «пол», но и многие другие, касающиеся жилищ, орудий, одежды и т. д., продолжают обогащаться, вбирая в себя новые значения и оттенки.

Термин «цоколь» автор употребил вместо термина «стенка», который вряд ли нуждается в данном случае в замене. Земляная присыпка, укрепленная костями, названная «обкладкой цоколя», имеет в литературе превосходный эквивалент — понятие «завалинка» [9], ранее использовавшееся и самим автором [10]. Но если подразумевать только костную основу, служившую как бы арматурой завалинки, ее можно называть обкладкой основания жилища. В тех же случаях, когда черепа ограждения жилища не вкопаны, кости, о которых идет речь, составляют лишь внеш-

[9] *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965, с. 40.
[10] *Пидопличко И. Г.* Ук. соч., с. 91—93, 124.

нюю часть обкладки основания жилища. Черепа ограждения жилища независимо от того, вкопаны они или нет, по их положению в конструкции правильнее считать частью завалинки, что иногда не исключает их принадлежности также и к другим частям конструкции жилища.

В разделах «Внутренние очаги» и «Наружные очаги» (с. 120—138) дается описание постоянных очагов, обнаруженных внутри жилищ, и временных внешних. Постоянные очаги связаны с углублениями и несколько смещены от центра жилищ. Замечательной бытовой деталью являются в жилищах приочажные приспособления из групп крупных, преимущественно трубчатых костей мамонта. На вертикально вкопанные кости в первых двух жилищах, судя по вполне правдоподобной реконструкции автора, опирались перекладины, состоявшие из толстой кости и воткнутой в нее более тонкой. По мнению И. Г. Пидопличко, последние выполняли функцию вертела. Учитывая их составной характер и закрепление концов на стояках, при котором вертел невозможно было вращать, он назвал их вертельными перекладинами (с. 123—129). Однако неподвижное положение костей в конструкции, большая их толщина и, как можно понять, отсутствие следов обжига свидетельствуют о назначении поперечин из костей в качестве простых перекладин. При приготовлении пищи и в других случаях предметы и приспособления могли прикладывать к ним одной стороной или спускать с них к огню. Внешние и внутренние очаги довольно условно отражены в графике (рис. 29, 42, 44), а яма для очажных и жилищных выбросов возле третьего жилища дана лишь фотографически (рис. 27).

Раздел «Кремневые материалы и изделия» и раздел с неудачным названием «Камневые материалы и изделия некремневого происхождения» (с. 139—157) дают общее представление о предметах из камня, охры и янтаря. В жилищах и поблизости найдено 14 220 экз. кремня, из них 1476 орудий. Приводятся статистические результаты изучения коллекции, выполненного М. И. Гладких, который еще ранее по кремню первого жилища установил большую близость Межиричей и Добраничевки [11].

Богатейший набор костяных изделий, описанный в разделе «Костяные орудия труда и предметы быта» (с. 158—193) включает наконечники копий из бивня (до 40 *см* длины), детали охотничьих ловушек, долотообразные изделия, молотки из рога северного оленя, скребла, лопаточки, острия, шилья, иглы и т. д. Имеется изогнутый стержень из бивня длиною 90 *см*, как полагает автор, часть копья с первоначальной длиною 150 *см*. В связи с этой находкой И. Г. Пидопличко считает необоснованной гипотезу о том, что первобытные люди могли выправлять изгибы подобных изделий посредством распаривания. Прямые сунгирские копья, на его взгляд, изготовлены из бивня нарвала (с. 165). Однако трудно представить, каким образом свежий бивень кита мог попасть на палеолитическое поселение в глубинах материка. Во всяком случае, отрицая способность первобытного человека выправлять стержни из бивня мамонта, при каждой новой находке длинного стержня придется возвращаться к мысли о нарвале. Закономерно это и в отношении Межиричей. Сложная изогнутость бивня мамонта не дает возможности рационально использовать изготовленный из него стержень без предварительного выправления. Стержень с таким изгибом, как у межиричского (рис. 59), непригоден для метания. И если он все же мог быть частью копья, то лишь при допущении, что бивень, как и дерево, при незначительном изменении его структуры в процессе обработки впоследствии постепенно возвращается к первоначальной форме.

Любопытно истолкование назначения двух дисков с отверстиями, сделанных из головок бедренной и плечевой кости мамонта (рис. 74) как накопителей возгорающегося материала при добывании огня путем сверления. А изучение эпифизов головок бедренных костей мамонта с выгоревшей губчатой тканью (рис. 75) является первым вкладом в изучение палеолитических светильников на нашей территории. Но автор полагает, что главное назначение всех перегоревших в жилищах костей также было осветительное, иначе бы их не хватило на определенный им примерно 20-летний срок пребывания людей на поселении (с. 193). Тут нужно учесть, что

[11] *Гладких М. И.* Поздний палеолит лесостепного Приднепровья. Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 17.

кости сжигались и на внешних очагах. Но главное — срок пребывания людей в Межиричах, а также на многих других поселениях, по-видимому, серьезно преувеличивается. Это видно из следующего сравнения. В Пенсеван, где документировано пребывание человека в июне — августе (менее достоверно в мае — сентябре), собрано 16 044 экз. кремня, из них 913 орудий [12]. В Межиричах соотношение 14 220 и 1476 экз. Введение в это сопоставление различных поправок (степень исследованности поселения, сырьевые ресурсы, особенности хозяйства и т. п.) не изменят его существа.

В разделе «Костяные полуфабрикаты» (с. 194) кратко суммированы все соответствующие сведения. В разделе «Кости как топливо» (с. 195—200) автор развивает вышесказанную мысль об осветительном (наряду с жиром) главном назначении сжигаемых костей. Сомнительность этого положения не означает, что древесное топливо не могло играть основной роли в производстве тепла. Заслуживает внимания мысль об использовании крупных костей как аккумуляторов тепла. Тут же излагается интересное наблюдение автора над костями обрубленной задней лапки зайца, вероятно, служившей метелкой или кистью.

В неточно названный раздел «Принадлежности одежды» (с. 201—209) помимо булавки из бивня, предметов, ошибочно определенных как броши, бус из зубов зубра и изделий из янтаря включено рассмотрение двух схематических женских изображений, одного антропоморфного и нескольких крупных частей бивня с обработкой, которые И. Г. Пидопличко склонен был считать антропоморфными «божками-оберегами». Антропоморфное и женское изображения сделаны из бивня и имеют залощенную поверхность, что связывается автором с ношением их поверх одежды или в карманах, возможно, как амулеты.

Описание деталей этих статуэток продолжено в начале раздела «Произведения искусства» (с. 210—214). Воспроизведение статуэток лишь спереди и недостаточная подробность описания затрудняет их изучение. На верхней части одной из них имеются четкие группы поперечных насечек. Поверхность двух лопаточек и некоторых других предметов имеет рисунки. В целом следует отметить геометризм и условность, свойственные проявлениям первобытного искусства в Межиричах. Вместе с другими элементами культуры они делают поселение вполне типичным памятником Поднепровья.

В разделе «Этимологический экскурс во время охотников за мамонтами» (с. 215—217) содержатся отрывочные, далекие от профессиональных интересов автора соображения, по существу не имеющие научного значения. В «Заключении» (с. 218—226) приводятся результаты датировки поселения на основе 200 анализов коллагеновым методом костей мамонта: не свыше 7 тысяч лет и не менее 6 тысяч лет от нашего времени. Дата, установленная более сложным путем,— 7—12 тыс. лет. Ошибочность таких датировок очевидна.

По значимости сведений о домостроении, богатству и разнообразию коллекции Межиричи войдут в число наиболее значительных палеолитических памятников. Освещение деталей памятника, данное в монографии, далеко не равноценно. Изучение Межиричей, в которое И. Г. Пидопличко и его коллектив вложили много труда, необходимо продолжить, стремясь по возможности к максимальной полноте охвата различных явлений. Важное значение приобретает при этом сохранение имеющихся и будущих остеологических коллекций, учет и обработка их по жилищно-хозяйственным комплексам, и поселению в целом по схеме, выработанной И. Г. Пидопличко. Важно также учесть и прежние недостатки, связанные главным образом с археологической фиксацией массового материала, прослоек культурного слоя, углублений, а отчасти скоплений костей. Особого внимания заслуживает и вопрос о месте Межиричей в хронологии и палеогеографии палеолита Восточной Европы.

В. Я. Сергин

[12] *Leroi-Gourhan A. et Brézillon M.* Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien. (La section 36). Paris, 1972, p. 60, 142, 259.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПЕРВОБЫТНОМУ ИСКУССТВУ АЛЯСКИ

Юго-Западная Аляска была заселена еще в глубокой древности, о чем свидетельствуют многочисленные стоянки древнего человека, получившие теперь мировую известность. Кроме поселений древние обитатели этих территорий оставили богатую и своеобразную художественную культуру, одним из видов которой являются наскальные рисунки. Изучать памятники такого рода американские археологи начали с конца прошлого века.

Первые упоминания о галерее наскальных изображений Аляски — рисунках на о. Северный Врангель — появились в литературе благодаря трудам экспедиции А. Ниблака еще в 1890 г.[1]

В 1893 г. вышел в свет первый сводный труд по петроглифам Америки Г. Маллери [2]. В нем также содержалось упоминание о петроглифах о. Врангеля.

В 1917 г. в периодической печати появилось сообщение о петроглифах Кейп Алитак [3].

Петроглифы о. Этолин стали известны науке благодаря работам Г. Эммонса [4]. Эммонс тщательно исследовал рисунки этого района в полевых условиях и составил карту местонахождений петроглифов, обозначив на ней основные территории их распространения. Им впервые была сделана попытка классифицировать собранный материал и разобрать выделенные стилистические группы по элементам. Г. Эммонс попытался также реконструировать процесс создания наскальных рисунков на Аляске, привлекая данные этнографии и фольклора. Благодаря трудам Эммонса многие изображения были спасены от неминуемой гибели и разрушений. Спустя почти 20 лет после работ Г. Эммонса, в 1928 г., Г. Дженнис открывает и публикует петроглифы р. Тудзук [5].

Большой вклад в изучение петроглифов Северо-Восточной Аляски внесла известная исследовательница древностей этого района Фредерика де Лагуна. В 1934 г. она посетила, а затем сделала описание пиктограмм залива Таксинди, о. Беар и пещеры Санди. В 1956 г. она опубликовала пиктограммы о. Мамми, залива Босвелл, островов Хокинс и Палугвик [6]. В 1960 г. исследовательница описала пиктограммы Магпи Поинт, залива Вайт Вотер и Нельтушкин, а также петроглифы р. Ситкон [7].

Собранные рисунки были изучены и систематизированы Ф. де Лагуной. Она привлекла огромный фольклорный и этнографический материал для интерпретации собранного материала. Для выяснения этнической принадлежности произведений наскального искусства она опрашивала местное население. Изданные материалы открывают область обширного и неизвестного доселе мира пиктограмм, оставленных в основном эскимосским населением. Де Лагуна высказала предположение, что эскимосская традиция пиктографического наскального искусства отлична от индейской.

В 1952 г. появилась небольшая статья Ральфа Солески о валуне с выгравированными на нем линиями, который автор обнаружил у Эскимо Хилл на Севере

---

[1] *Niblack A. R.* The coast indians of Southern Alaska and Northern British Columbia. Based on the collections in the U. S. National museum and on the personal observation of the writer in connection with the Survey of Alaska in the seasons of 1885, 1886 and 1887. New York — London, 1970 (переиздание 1890 г.).

[2] *Mallery G.* Picture-writing of the American indians.— X annual report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1893.

[3] Alaska Packer's Association. Petroglyphs on Kodiak Island. Alaska.— Am. Ant., 1917, vol. 10, p. 320—322.

[4] *Emmons G. T.* Petroglyphs in Southeastern Alaska.— Am. Ant., 1908, vol. 10 (N. S.), p. 221—230.

[5] *Jenness D.* Archaeological investigations in Bering Strait.— National museum of Canada. Annual Report for 1926, Bull. 5, 1928, p. 71—80.

[6] *Laguna F. de.* The archaeology of Cook Jnlet. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1934; *idem.* Chugach Prehistory University of Washington Publications in Anthropology, № 13. Seattle, 1956.

[7] *Laguna F. de.* The story of a Tlingit Communiti.— In: A Problem in the Relationship between Arhaeological, Ethnological and Historical Methods Anthropological Papers of the Bureau of American Ethnology, Bull. 172. Washington, 1960.

Аляски[8]. Солески считает, что изображения в виде сетки прямых линий, вырезанные на гладкой поверхности валуна, являются очень древними. Свое предположение автор обосновывает примитивностью сюжета, не учитывая, однако, что тонкие, глубоко врезанные в поверхность камня линии рисунка могли быть сделаны железным инструментом.

Начиная с 40-х годов одно за другим следуют открытия наскальных рисунков. В 1941 г. Г. Гиддингс открывает пиктограммы Муз Крик[9]. В 1961 г. Ирвинг обследовал петроглифы Десперейшн Лэйк[10]. В 1966 г. Рэй посещает р. Тудзук[11].

Кейтан, бывший директор Национального музея Аляски, в 1966 г. опубликовал список местонахождений известных ему петроглифов[12].

До последнего времени петроглифы Аляски ждали своего исследователя, который смог бы обобщить известный материал. Таким исследователем стал молодой ученый Эдвард Стивенс[13].

Основу его книги составляют материалы, собранные в течение сезонов 1971—1974 гг., когда Э. Стивенс работал в составе экспедиции Музея естественной истории г. Фербенкса. Кроме того, Стивенсом были обследованы и вновь проверены все известные ранее по литературе местонахождения наскальных рисунков на Аляске.

В работе Стивенса имеется карта Аляски, на которую нанесены все известные пункты, где обнаружены наскальные рисунки. Всего насчитывается 36 пунктов, из которых 18 были уже известны в литературе: Эскимо Хилл, Десперейшн Лэйк, Кейп Алитак, о. Афогнак, р. Ситкон. В этих местах были найдены петроглифы. Кроме того, существуют местонахождения пиктограмм: р. Тудзук, Муз Крик, пещера Кам, залив Таксидни, острова Беар и Мамми, залив Босвелл, острова Хокинс, Палугвик, Нельтушкин, Магпи Поинт, залив Вайт Вотер.

К уже известным 18 пунктам благодаря исследованиям Стивенса добавилось еще 18: залив Калинин, пещера Синитсин, залив Катлен, острова Мидл и Северный Врангеля, мыс Баблер, Мил Крик, Драй Пасс, Варм шук Инлет, Порт Алис, пещера Шелтер, пещера Хетта, Кит Инлет, пещера Хам, залив Карта, пещера Линдерман, Томас Крик, кроме того, он обнаружил пиктограммы в Иик Инлет.

При работе с рисунками в поле Стивенс обводил их мелом, а затем снимал их на кальку. Такой прием фиксирования изображений был наиболее удобен применительно к рисункам Аляски, так как при плохой степени сохранности большинства рисунков и характере камня, на которую наносились они (базальт, гранит, известняк), этот метод не приносил рисункам никакого вреда. После снятия калек все рисунки обязательно фотографировались, где это было возможно,— без мела.

При описании памятников Э. Стивенс пользуется следующей схемой, дающей полное представление о характере памятника: географическое положение, литературные источники, краткое описание основных сюжетов.

На основе проделанной работы автору удалось выбрать 36 основных, наиболее часто встречаемых элементов рисунка. Эти элементы помогают охарактеризовать весь материал петроглифов Аляски, а также дают развернутое представление о методе классификации, который избрал Стивенс:

1 — чашечные углубления (более широкие и глубокие, чем точки); 2 — точки (плоские пятнышки); 3 — круги; 4 — круги с точками посередине; 5 — концентрические круги; 6 — цепи кругов, чаще всего состоящие из трех соединенных кругов; 7 — овалы (эллипсовидные, без точек) 8 — овалы с отростками по сторонам; 9 — фигуры в виде восьмерки; 10 — солнечные диски; 11 — звезды; 12 — спирали;

---

[8] *Soleski R. S.* A petroglyph in Northern Alaska.— Am. Ant., 1952, vol. 18, № 1, p. 63, 64.

[9] *Giddings J. L.* Ancient men in the Arctic. New York, 1967.

[10] *Irving W. W.* Field work in the Western Brooks.— Arctic Anthropology, 1961, vol. I, № 1. Madison, p. 76—83.

[11] *Ray D.* Pictographs near Bering Strait, Alaska. Polare Notes, 1966, June, № VI, p. 35—40.

[12] *Keithahn E. L.* Alaska for the Curious. Alaska Centennail Edition 1867—1967. Seattle, 1966.

[13] *Stevens E.* Alaskan petroglyphs and pictographs.— A thesis presented to the faculty of the University of Alaska in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts. Fairbanks, 1974.

13 — сдвоенные спирали; 14 — личины (часто оконтуренные, но не напоминающие прямо изображение человеческого лица или морды животного); 15 — перекрещивающиеся формы; 16 — параллельные линии; 17 —О-образные личины; 18— γ-образные личины; 19 — сложные формы со шпоровидными отростками по сторонам; 20 — неправильные линии различной длины и глубины, которые окружают рисунок, их Стивенс называет «заполняющими пространство»; 21 — обоюдосимметричные формы; 22 — форма типа X; 23 — линии, заполняющие пространство (геометрические округлые формы, которые придают видимую законченность изображаемому); 24 — медные щиты («символ благополучия»); 25 — лодки; 26 — морские млекопитающие; 27 — рыбы, чаще всего акула и халибот (палтус); 28 — птицы; 29 — наземные млекопитающие; 30 — чудовища; 31 — U-образные личины; 32— У-образные личины; 33 — лябреты; 34 — лябреты в форме медалей; 35 — вульвы; 36 — антропоморфные фигуры.

Эти 36 элементов рисунка Стивенс выделяет как наиболее часто встречаемые элементы, которые составляют основу традиционного искусства Аляски. Он стремился проследить изменения в стиле рисунков. Это позволило ему выделить ранний, переходный и поздний стиль рисунков, причем оказалось, что со временем они становятся схематичнее в плане исполнения и примитивнее по сюжетам. Самобытный, яркий, лаконичный стиль, господствовавший в раннем периоде творчества древних обитателей Аляски, сменился запутанными линиями орнаментализированных рисунков. Кроме того, со сменой раннего стиля более поздним в петроглифах Аляски все сильнее чувствуется влияние искусства Северо-Западного побережья.

В результате анализа Э. Стивенс определил частоту встречаемости рисунков в тех или иных пунктах, а на этом основании указал на определенные специфические черты каждого пункта в отдельности. Например, он отметил, что петроглифы пункта Кейп Алитак и залива Калинин содержат все 36 элементов и являются своего рода эталонными местонахождениями. Вслед за Кейтаном[14] Стивенс делит все известные наскальные рисунки Аляски на две группы. Первая группа — собственно петроглифы, для которых характерно преобладание «изобразительных» элементов. Вторая — пиктограммы. В них превалируют «неизобразительные», условные элементы. По мысли автора, изобразительные элементы — это те, что легко поддаются расшифровке, то, что можно легко прочесть: фигуры животных, как морских, так и наземных, антропоморфные изображения, личины, лодки. Геометрические же рисунки: точки, углубления, спирали — он относит к разряду неизобразительных, т. е. не несущих информации. Такой подход к памятникам наскального искусства не только одной Аляски, но и мирового фонда петроглифов, конечно, имеет некоторые основания. Следует, однако, иметь в виду, что четкой грани между тем, что входит у Стивенса в группу петроглифов и в противостоящую ей группу пиктограмм, нет. На примере петроглифов Аляски это хорошо видно. Такое деление на практике почти неосуществимо. Удобнее поэтому пользоваться, как это делается в советской археологической литературе, термином «петроглифы», а внутри выделять реалистические и схематические варианты.

Не менее спорными являются термины «изобразительные» и «неизобразительные» по отношению к этим памятникам. По мнению Стивенса, первая категория, «изобразительная», несет определенную информацию. Вторая же категория рисунков никакой информации не дает вообще или дает в какой-то ограниченной степени.

Многие исследователи усматривают в ряде схематических изображений смысловую нагрузку, например связывают ямки с культом плодородия или солнца, а спираль расшифровывают как образ змеи.

Вероятно, следовало бы заменить слова «изобразительные элементы» на «элементы, несущие смысловую нагрузку», а «неизобразительные» — на «элементы, не несущие видимой смысловой нагрузки». Или иначе: на «читаемые» или «нечитаемые».

Переходя к классификации, Стивенс делит петроглифы Аляски на три основные стилистические группы, которые соответствуют трем хронологическим пластам. Самый ранний, первый стиль петроглифов он делит в свою очередь на три типа.

---

[14] *Keithahn E. L.* The petroglyphs of Southeastern Alaska.— AmA, 1940, vol. 6, № 2, p. 123—132.

Первый тип в нем составляют только неизобразительные элементы (спирали, овалы, точки, чашечные углубления и т. д.). Второй тип содержит два основных сюжета: оконтуренные и неоконтуренные У-образные и О-образные личины. В состав третьего типа входят изображения морских животных, человеческие фигуры и лодки [15].

Второй, переходный стиль в искусстве петроглифов автор также делит на два типа: 1) переходные или стилистически условные О-образные и У-образные личины; 2) неоконтуренные личины, напоминающие просто несвязные линии, заполняющие пространство.

Поздний стиль подразделяется снова на два типа: 1-й тип — изображения представлены в профиль; 2-й тип — изображения животных и людей в фас.

Из 36 пунктов наскальных изображений в 26 (73%) были зафиксированы рисунки раннего стиля, в 25 (70%) — переходного и в 12 (32%) — позднего.

Отвлекаясь от деталей, рассматривая материал петроглифов Аляски, обобщенный Стивенсом, можно продолжить его анализ одним важным выводом: имеет место определенное затухание древней традиции. Это подтверждается и цифровыми данными. Тот факт, что интерес к петроглифам вообще падает, снижается, обнаруживается в количественном соотношении памятников. Рисунки позднего стиля найдены только в 12 (33%) пунктах. Обнаруживается упадок и в чисто художественном отношении. Драматические образы, более обширные в композиционном отношении построения а также тщательная манера исполнения — глубокая линия выбивки — уступают место лаконичным произведениям.

Картина этих метаморфоз полностью соответствует общей схеме развития наскальных изображений всего мира. Полные жизни, движения, выразительности эмоциональные образы постепенно сменяются скупыми схематизированными изображениями — символами. Полностью этот процесс можно проследить на примере развития искусства со времен палеолита до железного века на Западе (на территории франко-кантабрийского района до Италии), на Востоке — от Каповой пещеры на Урале до ленских писаниц периода поздних курыкан. Эту принципиальную смену стилей Герберт Кюн обозначил как смену сенсорного стиля имажинативным. Правильнее говорить о смене реалистического стиля схематическим, абстрагирующим.

Классификация петроглифов, упорядочение их хронологической последовательности приводят к постановке следующего, столь важного для исследователей наскальных изображений вопроса — об их смысле, об идейном содержании. Исследование памятников древней культуры коренного населения Аляски приводит к выводам, сближающим взгляды Стивенса с теми, которые сделаны советскими исследователями, в первую очередь В. И. Равдоникасом [16], А. П. Окладниковым [17], Б. А. Фроловым [18] и А. А. Формозовым [19], а за рубежом, в США,— Александром Маршаком [20] и др., считающими, что умственный уровень людей, оставивших нам памятники первобытного искусства со времени верхнего палеолита, был уже достаточно высок для того, чтобы авторы петроглифов в своих представлениях о мире достигли истоков таких областей знания, как математика, астрономия, философия.

Стивенс убежден, что уровень знаний о мире и о вселенной у жителей Аляски был весьма высок. Возможно, что в дальнейшем, в более позднее время, именно

---

[15] *Stevens E.* Op. cit., p. 241.

[16] *Равдоникас В. И.* К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря.— СА, 1936, I, с. 9—50; *его же.* Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря.— СА, 1937, III, с. 3—31.

[17] *Окладников А. П.* Утро искусства. Л., 1967; *его же.* Петроглифы Ангары. Л., 1966.

[18] *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.

[19] *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969; *его же.* Искусство эпохи мезолита и неолита.— В сб.: Каменный век на территории СССР.— МИА, 1970, № 166.

[20] *Marshack A.* Exploring the mind of Ice age man.— National Geographic, 1975, January, vol. 174, № 1, Washington D. C., p. 65—89.

этот культурный опыт авторов петроглифов стал своего рода фундаментом для создания индейских календарей. Так, например, для наблюдения за движением небесных светил, по мнению Э. Стивенса, использовались серии выбитых кругов с точками, в середину которых вставлялись когда-то маленькие палочки, скорее всего деревянные. Приспособления такого рода использовались также для наблюдения за небесными явлениями и за циклом смены времен года [21], они были необходимы для установления точной даты начала жизненного цикла: охоты, хода лосося, от которого зависела жизнь обитателей Юго-Западной Аляски. Что касается наблюдений за природными явлениями, то он приводит еще один интересный пример использования даже естественных ямок и углублений с такой целью, жизненно важной для древнего охотника и рыболова Аляски.

Это валун сложной формы, который в своем углублении хранил воду наиболее значительных лунных приливов. Сдвоенные спирали или круги, расположенные по одной прямой в ряд, друг около друга, являлись графическим отражением такого положения (противостояния) Солнца, Луны и Земли, когда эти небесные тела расположены на одной линии. Такое сочетание вызывает очень сильные приливы.

«Таким образом,— заключает Стивенс,— изображения в виде кругов, выбитых по одной линии, и сдвоенных спиралей могут отражать простейшие астрономические наблюдения древних [22].

Следовательно, одной из функций геометрических рисунков и чашечных углублений могли быть отметки высоты приливов, необходимые в навигационном деле, в рыболовстве. Мысль эта смелая, и в ней, несомненно, имеется рациональное зерно. В археологической литературе обычно такие ямки и лунки связываются с мотивами производственной магии, с магией плодородия, что имеет свои основания в этнографических материалах. Однако столь же плодородна и высказанная Стивенсом идея о рациональном, не религиозном, содержании этих ямок. Одним словом, рациональное и иррациональное в этом «первобытном мышлении», как полагают советские исследователи, переплетались, сочетались в достаточно сложной общей системе.

Попытка интерпретировать петроглифы, вовлекая их в круг астроархеологии, безусловно, заслуживает внимания. Речь идет об отражении реальных знаний, жизненного опыта в петроглифах. То, что Стивенс смог проследить отражение этих знаний на материале петроглифов Аляски, придает особую ценность его работе.

На основе выработанной им стилистической классификации петроглифов Стивенс ставит сложный вопрос об их датировке, об их возрасте. При этом он останавливается сначала на имеющемся уже опыте своих американских коллег.

Как пример он приводит прежде всего датировку наскальных рисунков Аризоны по C^{14}, где рисунки, изображающие козлов, относятся к 3000 г. до н. э. Второй способ определения петроглифов — по росту лишайника, где самые древние образцы дают дату 700 лет. Но наименее надежным, с нашей точки зрения, является способ определения возраста рисунков по степени сохранности [23].

«Древние художники считали одной из своих первоочередных задач,— пишет он,— внимание к технологии своего искусства. От этого зависела долгая жизнь их произведений. Недаром они высекали в камне. Рисунки, сделанные на века, должны были помогать и вдохновлять потомков их отдаленных созидателей. Рисунки, как правило, делались в защищенных местах, исполнялись очень тщательно и всячески оберегались. Но всесильное время при содействии ветров и дождей в каждом отдельном случае влияло на произведение искусства по-разному» [24].

Конечно, он отчасти прав, поскольку, логически рассуждая, самые ранние рисунки должны быть хуже по сохранности, чем позднейшие. Но все же сохранность их зависит от множества таких условий, как твердость камня, способная противостоять выветриванию и дождям, как конкретное расположение изображений

---

[21] *Stevens E.* Alaskan petroglyphs..., p. 324.
[22] Ibid.
[23] *Stevens E.* Op. cit., p. 329.
[24] Ibid., p. 328.

в ландшафте даже по отношению к господствующим ветрам, наличие защитных карнизов и т. д.

Поэтому к построенной таким образом хронологии изображений нужно относиться в каждом отдельном случае с осторожностью и принимать во внимание технические приемы, стилевые различия, даже индивидуальные особенности работы конкретного мастера.

Стивенс предлагает следующую хронологическую схему истории наскального искусства. «Самые древние рисунки найдены среди петроглифов Александрийского архипелага, а именно Kalinin Bay, Sinitsin Cave, Lenderman Cave, Mill Creek»,— пишет он [25]. Далее речь идет о том, что неоконтуренные личины связаны с кониагской (эскимосской) культурной фазой, которую датируют 1200—1000 лет до н. э. Такая датировка основана на сопоставлении с орнаментальными гальками, изучавшимися Хайзером [26], де Лагуной [27], Кларком [28]. Относительно У-образных личин следует иметь в виду, что они тоже, по мнению Кларка, имеют прямые аналогии с искусством Кониагской фазы 4 и Палугвикской фазы 3. Таким образом, именно эти фазы могли дать мотив У-образной личины. Не исключено, однако, по мнению Стивенса, что этот мотив имеет самостоятельное происхождение на Аляске.

Что же касается приблизительной даты появления самых первых рисунков, то он рассуждает так: если советские археологи (видимо, имеется в виду А. П. Окладников) [29] считают, что возраст амурских петроглифов 6—5 тыс. лет до н. э., то на трансформацию сюжета потребовалось 1000 лет. Следовательно, возможная дата появления наскального искусства на территории Аляски — 4 тыс. лет до н. э. [30]

Разумеется, такое решение проблемы слишком просто и условно. И необходимы дальнейшие, более углубленные исследования этой сложнейшей области. Но в целом выводы Стивенса заслуживают внимания как отправная точка для будущих работ.

Определение абсолютного возраста наскальных изображений, поиски в этом направлении приводят Стивенса к проблеме связи петроглифов с определенными этническими группами Аляски, к поискам их конкретных носителей среди предков современного населения Аляски.

На такую связь, по его мнению, указывают расположение петроглифов и даже их размеры, а также взаимоотношение пиктограмм, «неизобразительных» и «изобразительных» рисунков.

Что касается расположения рисунков, то им подмечена одна важная особенность, характеризующая расположение петроглифов и пиктограмм в натуре. Излюбленным местом нанесения изобразительных рисунков, собственно петроглифов, были прибрежные валуны, а пиктограмм — утесы.

Суммируя данные относительно местоположения и сюжетов рисунков, Э. Стивенс составил таблицу, на примере которой видна, как он считает, этническая принадлежность создателей петроглифов и пиктограмм.

	Эскимосы	Индейцы
Местоположение рисунков	Утесы, гроты	Берег (валуны)
Техника	Пиктограммы	Петроглифы
Размеры изображений	Маленькие	Большие
Сюжеты	Фигуры в рост	Головы

Предложенную схему, исходя из текста работы Стивенса, нужно дополнить, указав характерный для эскимосов сюжет — У-образные личины.

---

[25] Ibid., p. 329.

[26] *Heizer R. F.* Archaeology of the Uyak Site Kodial island, Alaska.— University of California Anthropological Records, vol. 91, № 1. Berkeley, 1956.

[27] *Laguna F. de.* Chugach Prehistory. University of Washington Publications in Anthropology, № 13. Seattle, 1956.

[28] *Clark D. W.* Incised figurine tablets from Kodiak, Alaska.— Arctic Anthropology, 1964, vol. 2, № 1, p. 118—134.

[29] *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. М.— Л., 1971, с. 88.

[30] *Stevens E.* Op. cit., p. 317.

Этническая принадлежность другой группы личин, О-образных, остается открытой. Стивенс не приводит никаких расширенных обоснований их этнической принадлежности. Тем не менее он не считает их чисто эскимосским сюжетом, а полагает, что скорее всего их создали индейцы.

Попытка выделить две этнически обусловленные группы наскальных изображений, эскимосских и индейских, сама по себе представляет большой интерес. Главный вывод из нее: пиктограммы принадлежат эскимосам. Собственно петроглифы, т. е. выбитые в камне рисунки, смысл которых виден наглядно, оставлены предками индейцев.

Однако эта схема в целом остается не развернутой, не аргументированной сколько-нибудь подробно и требует более убедительных доказательств.

Второй сюжет из области проблем, связанных с этническим определением наскальных изображений Аляски,— влияние на них искусства индейцев Северо-Западной Америки. Стивенса волнует вопрос: «Повлияло ли наскальное искусство Северо-Запада на развитие культур Аляски?»

Можно было ожидать, что именно богатое искусство индейцев Северо-Запада повлияло на возникновение и развитие наскального искусства Аляски. Однако, по мнению Стивенса, больше всего общего между ними обнаруживается на этапе позднего стиля. Отсюда следует и дальнейший вывод — что контакты с классическим искусством Северо-Запада были здесь не изначальными, а позднейшими и что не они определяли на первых ступенях развитие искусства аборигенов Аляски, а какой-то другой источник. К такому выводу Стивенс и приходит в конце работы.

Третий момент, на котором останавливается Стивенс, важен для нас, поскольку речь идет о еще более широких связях древнего искусства Аляски, на этот раз — с искусством древнего Амура, с нижнеамурскими петроглифами.

И на самом деле, здесь много общего. Так, например, оконтуренные О-образные личины с огромными обведенными глазами и ртами, среди которых встречаются также черепообразные, тяготеют по манере изображения, по драматизму образов к древнему искусству Амура. Существенно поэтому, что в самом конце работы Э. Стивенс возвратился к поставленным им в начале вопросам о возникновении классического искусства Северо-Западного побережья и его взаимосвязи с наскальным искусством Юго-Западной Аляски.

Эдвард Стивенс считает, что классическое искусство индейцев Северо-Западного побережья лишь опосредованно влияло на развитие наскального искусства Аляски: «Петроглифы и пиктограммы Аляски раннего и переходного стиля демонстрируют широкие, но не достаточно аргументированные в плане хронологии, как прямые, так и косвенные связи петроглифов Аляски и наскальными изображениями Амура и Сибири» [31]. Касаясь вопроса о возникновении наскального искусства Аляски, Э. Стивенс в заключении своей работы приходит к выводу, что классическое искусство индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки оказывало влияние на искусство Аляски, когда там развивались более поздние стили наскальных изображений. В качестве источника для наскального искусства Аляски Стивенс, по его собственным словам, «выбрал бы дальневосточный, возможно, амурский прототип для аляскинских О- и У-образных личин» [32].

Как бы то ни было, Стивенс заключает свою работу мыслью о том, что между такими территориально отдаленными культурно-историческими центрами, как центры, в которых развивалось наскальное искусство Сибири, и своеобразным миром петроглифов Аляски существовали в древности связи. Эти связи нашли отражение в совпадении стилей и сюжетов наскального искусства, что находит объяснение в том, что древние жители Аляски и Амура — Сибирского региона, по терминологии Стивенса, обладали не только одинаковым видением мира, но и вели во многом сходный образ жизни.

Положение о том, что в далекой древности существовали культурные контакты, проходившие по берингийскому мосту, между Азией и Америкой, не ново. Еще Хрдличка искал следы предков американских индейцев на Ангаре, в Сибири. Мно-

[31] *Stevens E.* Op. cit., p. 333.
[32] Ibid., p. 332.

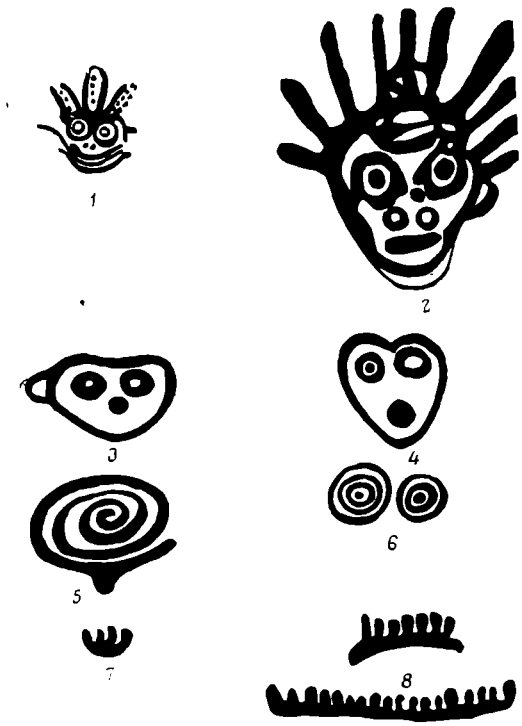


Рис. 1. Наскальные изображения Аляски и района Амура: *1* — Ситкон Ривер, *2* — Сакачи-Алян (р. Амур), *3* — Милл Крик, *4* — о. Северный Врангель, *5* — Сакачи-Алян (р. Амур), *6* — пещера Синитсин, *7* — Сакачи-Алян (р. Амур)

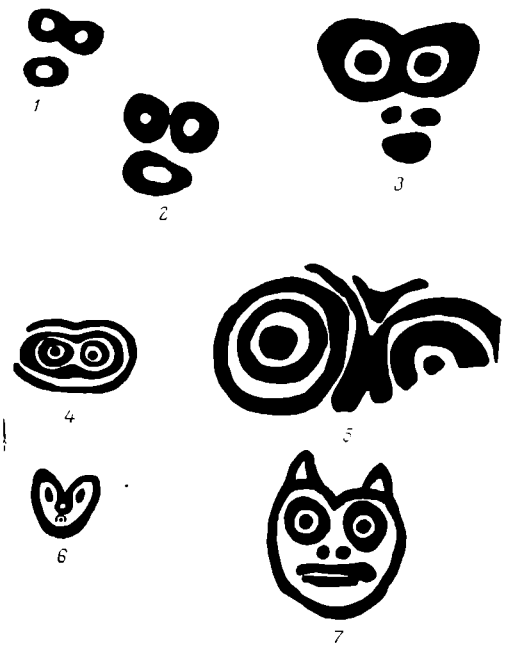


Рис. 2. *1* — о. Северный Врангель, *2* — о. Северный Врангель, *3* — Сакачи-Алян (р. Амур), *4* — пещера Линдерман, *5* — Сакачи-Алян (р. Амур), *6* — пещера Синитсин, *7* — Сакачи-Алян (р. Амур)

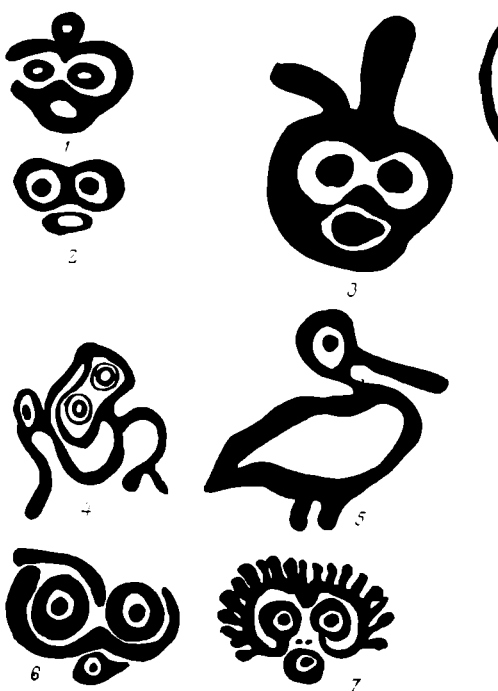


Рис. 3. *1* — пещеры Шелтер, *2* — о. Северный Врангель, *3* — Сакачи-Алян (р. Амур), *4* — пещера Синитсин, *5* — Сакачи-Алян (р. Амур), *6* — залив Калинин, *7* — с. Шереметьево (р. Уссури)

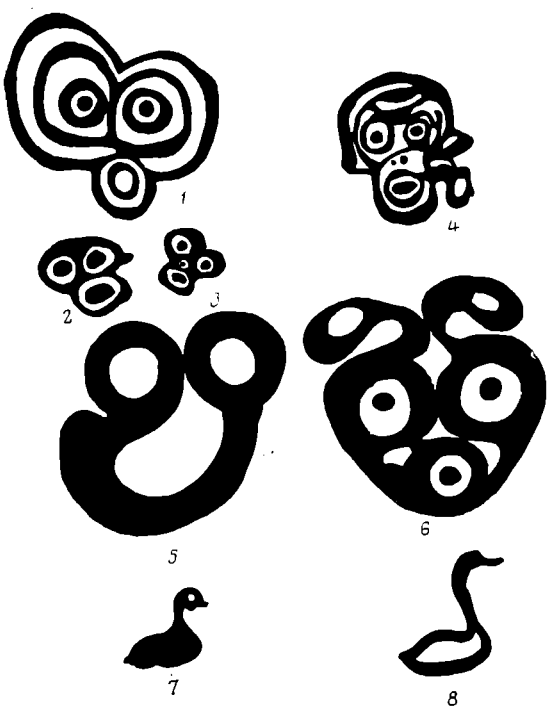


Рис. 4. *1* — пещера Линдерман, *2* — о. Северный Врангель, *3* — Милл Крик, *4* — Сакачи-Алян (р. Амур), *5* — о. Северный Врангель, *6* — р. Кпя, *7* — Милл Крик, *8* — с. Шереметьево (р. Уссури)

гие исследователи, занимавшиеся петроглифами, указывали на возможность взаимовлияния культур Старого и Нового Света [33].

Известно, что первыми переселенцами из Азии в Америку были группы охотников, преследовавших стада северных оленей, мамонтов, шерстистых носорогов и быков. Это происходило около 30 тыс. лет назад и даже ранее. Миграции азиатских племен повторялись неоднократно. Возможно, что одна из таких волн принесла в Америку традиции азиатской культуры петроглифов на Аляску.

Широкое ознакомление с результатами новейших исследований петроглифов Дальнего Востока, с фундаментальной публикацией петроглифов Нижнего Амура и Уссури, выполненной А. П. Окладниковым, повысили интерес к проблеме конкретных контактов этих петроглифов с петроглифами Америки. Таковы, например, взгляды Э. Мида. Так же думает и Стивенс.

Отрицая, как сказано выше, влияние на петроглифы Аляски искусства Северо-Запада, он подчеркивает связь с древним искусством Дальнего Востока.

Но необходимо существенное конкретное уточнение. Мнение Стивенса справедливо только в отношении О-образных личин. У-образные личины в их аляскинском варианте практически не встречаются в репертуаре амурских петроглифов. У-образные личины являются локальным, чисто аляскинским элементом.

Для наглядности при сравнении идентичных сюжетов наскального искусства Аляски и Нижнего Амура мы приводим некоторые, на наш взгляд, совпадающие как в сюжетном, так и в стилистическом плане наскальные изображения из различных местонахождений на Аляске и в районе Амура. На рисунках приведены копии изображений. В двух параллельных столбцах на каждой из таблиц справа представлены наскальные изображения Аляски, а слева — петроглифы рек Амура и Уссури (рис. 1—4).

В целом же интересная по мыслям, насыщенная свежим материалом работа Э. Стивенса ценна тем, что впервые дает возможность представить такой важный источник по искусству и культуре древнего населения Аляски, каким являются петроглифы, в полном его объеме, как нечто единое, целостное, как яркое явление на фоне первобытного искусства вообще.

Не менее важно, что на основе собранных этим автором материалов легче разобраться в истории сложных культурных контактов между древними культурами Азии и Американского континента.

Е. А. Окладникова

---

[33] *Mead E.* Indian rock carvings of the Pacific Northwest. Sidney, 1974, p. 13; *Окладников А. П., Васильевский Р. С.* По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976, с. 15; *Окладникова Е. А.* Петроглифы Амура и Канады: свидетельство древних контактов Азии с Америкой.— В сб.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 5—15.

Б. О. Тимощук. Слов'яни Північної Буковини V—XI ст. Київ, 1976. Тираж 1500 экз.

В последние десятилетия археологами СССР, Польши, Чехословакии, ГДР достигнуты существенные успехи в изучении славянских древностей, относящихся к культурам пражского типа (VI—VII вв. н. э.) и последующего периода (VIII—IX вв.). Однако территория распространения этих древностей от Днепра до Эльбы и от побережья Балтийского моря до Дуная исследована еще очень неравномерно, на ней много белых пятен. Малоизученным и почти полностью лишенным славянских памятников районам представлялась до последнего времени территория Северной Буковины между Средним Днестром и Карпатами. Рядом зарубежных исследователей выдвигалась теория об отсутствии на Буковине оседлого населения во второй половине I тысячелетия н. э. и о позднем появлении здесь славян.

Книга Б. А. Тимощука посвящена славянским древностям V—IX вв., выявленным автором на землях Буковины. Целенаправленные и энергичные поиски привели к открытию более чем 200 памятников этого времени, на 40 из которых Б. А. Тимощук

произвел раскопки. Краткое описание этих памятников — селищ, городищ, погребений — дано в приложении к книге. Таким образом, книга построена на богатом фактическом материале. Тщательный анализ этого материала и хорошо продуманные методы его обработки позволили автору сделать важные и вполне обоснованные исторические выводы. В первую очередь следует подчеркнуть правильную интерпретацию автором археологических данных и отнесение их к культурам пражского типа и типа Луки Райковецкой. Это дало возможность сделать неопровержимый вывод о раннем заселении территории Буковины славянами — с середины I тысячелетия н. э. Археологические памятники Буковины в VI—VII вв. принадлежали к общеславянской культуре и в VIII—IX вв. входили в восточнославянский ареал. Материалы последующих столетий X — начала XIV в., также в большом объеме исследованные автором, свидетельствуют о культурном единстве населения Буковины и других областей Киевской Руси.

На современном этапе изучения славянской культуры наиболее важной задачей представляется точная датировка памятников, в пределах по крайней мере столетия. Такое хронологическое членение материалов позволяет выделить синхронные памятники, проследить развитие культуры, сравнить материалы разных территорий и в конце концов судить о культурной принадлежности населения и о его локальных особенностях. Вопросам периодизации и хронологии славянских древностей Среднего Поднестровья и Буковинского Прикарпатья посвящен первый раздел книги Б. А. Тимощука. Этот раздел книги основан на тщательной типологии массового керамического материала, на скрупулезном анализе стратиграфических данных многослойных памятников, прекрасно раскопанных автором. Проделанная работа является значительным шагом вперед в детализации хронологии славянских древностей.

Основная масса керамики славянских памятников Буковины представлена лепной посудой, среди которой выделяются горшки, сковороды, жаровни, миски и миниатюрные сосуды. Лишь в самом раннем и позднем этапах в комплексах в небольшом количестве встречается гончарная посуда черняховского типа и древнерусская. Ведущей формой лепных горшков являются сосуды с коническим туловом, расширяющимся в верхней части и сужающимся к горлу и ко дну. Как правильно считает автор, со временем происходят изменения главным образом в верхней части сосудов — в форме плечиков, шейки и венчиков, сосуды делаются более толстостенными, их тесто становится грубее, на краю венчика появляется ямочный орнамент. На основании этих особенностей все горшки в работе разделены на 7 подтипов и 11 вариантов. Подробная типология позволила учесть все особенности керамических комплексов из жилищ и свести эти данные в корреляционные таблицы (табл. 1 и 2).

Корреляционные таблицы наглядно показывают хронологические изменения в керамическом материале. Развитие лепных горшков происходило от сосудов с коротким горизонтально срезанным венчиком к сосудам с отогнутым и косо срезанным краем. Параллельно с этим видоизменялись формы сковород и жаровен. Последовательное развитие доказывается материалами многослойных памятников с разновременными жилищами, часто перекрывающими друг друга (Гореча II, Кодын, Колокуча II, Ревна, Добрыновцы), а также поселениями, существовавшими непродолжительное время и являющимися эталонными (Гореча I, Коровия II, Перебыковцы III и др.).

Корреляция керамики по комплексам, стратиграфические данные, отдельные датирующие вещи (железная фибула с поселения Кодын, обломок амфоры позднеримского типа с поселения Гореча, обломок пальчатой фибулы с поселения Неполаковцы, шпоры из Добрыновского городища) и сопоставление материалов с хорошо датированными комплексами на других территориях дали возможность автору разделить все материалы Буковины на два основных периода: V—VII вв.— время существования культуры пражского типа и VIII—IX вв.— время бытования культуры типа Луки Райковецкой (стр. 46). Каждый из этих периодов делится еще на две фазы: A_1— вторая половина V и первая половина VI в., A_2— вторая половина VI—VII вв., B_1— VIII в. и B_2— IX в. Кроме того, автор указывает, что по процентному соотношению разных типов керамики, например по количеству гончарной древнерусской посуды, можно выделить еще более узкие этапы. Так, по материалам Добрыновского городища можно говорить о начале, середине и конце IX в. (стр. 44, 45).

Разработанная в книге датировка вполне обоснована всеми материалами и указывает на в общем синхронное развитие культуры на всей территории Правобережной Украины. Но такой детальной хронологии еще нет для других земель, заселенных во второй половине I тысячелетия славянами, и ее еще предстоит сделать.

Важнейшим достижением автора является выделение ранней фазы славянской культуры, относящейся ко второй половине V — началу VI в. Выделение материалов V в. представляется наиболее сложным в славянской археологии, и к этому пока еще безуспешно стремятся все исследователи. Памятники Буковины дают впервые достоверные материалы для датировки ранней фазы славянской культуры. В комплексах этой фазы наряду с типологически примитивными подтипами и вариантами пражской посуды встречается гончарная и лепная керамика культуры карпатских курганов, прекратившей существование в V в. Такое сочетание материала наблюдается во многих стратиграфически наиболее ранних жилищах поселений Гореча II, Кодын, Каменка, Глубокое. Традиции римского времени прослеживаются в некоторых типах орнамента на сосудах пражского типа (стр. 18), в профилировке утолщенных венчиков подтипа III, повторяющих форму посуды культуры карпатских курганов, в изредка встречающихся в пражских комплексах горшках с округлым профилем (рис. 1, *25*), характерных для первой половины I тысячелетия. Изредка особенности культуры карпатских курганов сохраняются в конструкции стен позднейших жилищ (стены из плетня, обмазанного глиной, у одного жилища поселения Кодын). Все эти данные свидетельствуют о хронологическом стыке культуры пражского типа и культуры карпатских курганов. В славянской культуре Буковины сохраняются некоторые черты культуры предшествующего времени, что придает памятникам некоторое своеобразие, отличающее их от синхронных материалов других областей пражского ареала.

Керамические комплексы, в которых сочетается лепная посуда пражского типа и гончарные сосуды римского времени, обнаружены на двуслойных поселениях, где зафиксированы как сооружения римского времени, так и славянские жилища. Поэтому некоторые из них вызывают сомнения, и сочетание материала может быть случайным. В частности, сомнительными кажутся комплексы двуслойного поселения в Глубоком, особенно жилища 21, к которому примыкал горн с гончарной керамикой. В этом жилище содержалась лепная посуда не первой, а второй фазы развития пражского типа (табл. 1), что опровергает одновременность существования этого жилища и горна (стр. 12, 13). Несмотря на это обилие комплексов с гончарной посудой, распространение в них типологически наиболее ранней керамики пражского типа, наличие однослойных поселений с такими же материалами (поселение Кодын, раскопанное полностью, на котором открыто 30 славянских жилищ и среди них 8 наиболее ранних фазы A_1) доказывает появление славянских памятников с керамикой пражского типа уже в V в. Эта дата основывается и на находке фибулы IV—V вв. на полу жилища 10 в Кодыне (стр. 39). Новые подтверждения хронологического стыка между культурой карпатских курганов и славянской культурой пражского типа дали материалы раскопок 1976 г. на поселении Кодын II.

Если положение автора о том, что культура пражского типа какое-то время сосуществовала с культурой карпатских курганов и традиции последней сохраняются длительное время, можно считать достоверным, то его мнение о генетических связях между этими культурами кажется пока еще недоказанным. Обе культуры резко отличны между собой по керамическому материалу, по характеру поселений, особенностям домостроительства и погребального обряда, по общему уровню развития производства, что Б. А. Тимощук вполне объективно отмечает в разных разделах своей книги. По-видимому, можно говорить лишь о местном субстрате, придавшем некоторое локальное своеобразие памятникам Буковины. Окончательно вопрос о роли предшествующей культуры в сложении культуры пражского типа можно будет решать после досконального изучения культуры карпатских курганов и выделения среди ее материалов наиболее позднего хронологического периода.

На новом материале Б. А. Тимощук решает вопрос о времени появления гончарной древнерусской посуды в славянских комплексах. Этот вопрос до сих пор еще является спорным среди советских археологов. На Добрыновском городище, раскопанном автором, выделяется стратиграфически три строительных периода. В первом

из них найдены лишь единичные обломки гончарной посуды, во втором они составляют 15—20% и по находкам двух шпор датируются IX в. и в третьем периоде их насчитывается до 50% (стр. 28, 29). В VIII в. гончарной посуды еще нет (Перебыковцы III), она появляется в IX в. и постепенно вытесняет лепную, хотя последняя в небольшом количестве встречается еще на памятниках X в. (городище Ревно, селище Белая). Появление гончарной посуды в IX в. подтверждается материалами из других областей Украины (стр. 41, 42).

Интересно наблюдение автора о сходстве в профилировке поздней лепной и ранней гончарной посуды, что также подтверждается материалами из других районов. На памятниках Буковины удалось различить гончарную керамику IX, X и XI вв. (стр. 27—29 и 40, 41), проследить изменение ее профилировки и орнаментации.

Во втором разделе книги дается общая характеристика славянской культуры Среднего Поднестровья и Буковинского Прикарпатья. В этом разделе описываются поселения по хронологическим периодам, выделенным в первой части книги. Поселений пражской культуры известно около 40, тогда как памятников римского времени на той же территории насчитывается около 300. Уменьшение количества населения в VI—VII вв. сказалось и на размерах поселений. Для этого времени характерны небольшие поселения, расположенные на маленьких реках под защитой лесов и болот. В VIII—IX вв. число поселений заметно увеличивается, возрастают и их размеры, что связано с экономическим развитием в это время.

На поселениях раскопано около 100 жилищ. Это типичные для славян прямоугольные постройки с печью-каменкой в одном из углов и с опущенным в материк полом (на 0,2—1 *м*). Ранние жилища обычно бывают мелкими, поздние более глубокие. Стены жилищ были сложены из горизонтально положенных бревен. Автор различает три способа крепления бревен: 1. Бревна прижимались к материковым стенам котлована вертикально стоявшими столбами. При такой конструкции стены не могли возвышаться над поверхностью земли, и крыша построек должна была опираться на землю. 2. Бревна закреплялись в пазах вертикальных столбов. Такие стены могли быть сооружены на любую высоту, и они, как правило, возвышались над неглубоким котлованом. Большинство жилищ с такой конструкцией стен представляло собой полуземлянки. 3. Жилища со срубной конструкцией стен являлись также полуземлянками. Они появились в VIII—IX вв., как это наблюдается и в других областях славянской земли. Эти материалы уточняют общую характеристику славянских жилищ.

Совершенно новым видом памятников, открытых Б. А. Тимощуком на Буковине, являются славянские городища VIII—IX вв. До последнего времени городищ этого периода на территории Правобережной Украины почти не было известно и в этом видели существенное отличие культуры типа Луки Райковецкой от роменской. Трудность открытия и изучения этих городищ состоит в том, что они имели в основном деревянные оборонительные сооружения с невысокими земляными валами-откосами, и на местах этих городищ часто возведены более поздние укрепления. Поэтому большинство этих городищ почти не имеет на поверхности внешних признаков, как, например, Добрыновское.

Таких городищ исследовано 10. Они располагались как на высоких местах, так и на сравнительно низких, окруженных болотами и ручьями. Размеры их также различны: городище в Ломачинцах имело диаметр около 70 *м*, размеры городища в Ревно — 600×400 *м*. Площадки городищ со всех сторон были окружены деревянными оборонительными сооружениями разной конструкции. Это главным образом стены столбовой конструкции, сложенные из горизонтальных бревен и укрепленные с внешней стороны невысокими земляными валами-откосами. С внутренней стороны к ним примыкали наземные деревянные дома. Встречаются и более простые стены-частоколы. Интересным наблюдением автора является то, что славяне в VIII—IX вв. не насыпали земляных валов, а делали с наружной стороны деревянной стены небольшую земляную присыпку — откос. Склон внешнего рва делался крутым и иногда укреплялся надолбами, склоны мысов часто эскарпировались.

Особого внимания заслуживает открытая во время раскопок Добрыновского городища новая, ранее неизвестная для VIII—IX вв. конструкция оборонительных стен. Она представляла собой струбы-опоры, расположенные по периметру городища

на определенном расстоянии друг от друга. Пространство между срубами было укреплено стеной из горизонтальных бревен, скрепленных со срубами путем врубки. Такая конструкция прослежена по восточной линии укрепления на протяжении 63 *м*. Всего на городище открыто 16 срубов-опор, большая часть которых не выступала за оборонительную линию. Лишь три из них выдавались наружу на 1 *м* и, вероятно, служили оборонительными башнями. Башня посредине восточной стены представляла собой сруб, углубленный в материк на 0,9 *м*, и имела два перекрытия из слоев глины и угля. Срубы Добрыновского городища использовались как жилища и мастерские.

Оборонительная система городищ VIII—IX вв. существенно отличается от древнерусской X—XIII вв., когда появляется несколько оборонительных линий и основой деревянных стен и срубов становятся массивные земляные валы. Такие изменения прослежены на городище Ревно, где на месте раннего укрепления в X в. была сооружена новая крепость. При этом площадь городища значительно уменьшилась, оно было окружено земляным валом, скрепленным деревянными и каменными конструкциями, число оборонительных линий доходило до пяти.

Открыты на Буковине и городища-святилища IX—X вв. Это небольшие городища, с площадками правильной круглой или овальной формы, окруженные концентрическими земляными валами. С внешней стороны валов есть специальные площадки для разведения огня. На Ржавинском городище найден большой каменный столб. Культурного слоя на городищах нет, но расположены они в окружении синхронных поселений.

Третий раздел книги посвящен социально-экономическому развитию и политическому положению населения Северной Буковины в V—IX вв. Основные положения этого раздела опираются на конкретные археологические материалы. Так, земледельческий характер хозяйства и развитие скотоводства подтверждаются находками зерен пшеницы и ячменя, отпечатков зерен на глине, орудий земледелия, жерновов, жаровен для просушки зерна, больших горшков — зерновиков, многочисленных костей домашних животных, а также обилием ям-хранилищ на поселениях. Материалы показывают, что по сравнению с предшествующим периодом VI—VII вв. характеризуются значительным экономическим упадком, который проявился в уровне развития и сельского хозяйства и ремесла. В это время были распространены подсечно-огневая и переложная системы земледелия. Такому уровню развития земледелия соответствовали небольшие поселения, занятые родовыми семейными общинами, ведущими коллективное хозяйство (стр. 129). Ремесло носило домашний характер, но существовали и общинные ремесленники. Ремесленные мастерские открыты на поселении Кодын. Это помещения со стенами из плетня, обмазанного глиной, с очагом в центре. В них найдены тигель, железные шлаки, глиняное грузило.

В VIII—IX вв. наблюдается существенный подъем производства. Распространяется пашенное земледелие и возможно двуполье, появляются лемехи и чересла (стр. 103, 104). Поселения становятся большими и многолюдными, на них выделяются индивидуальные усадьбы, жители которых были объединены в территориальные общины (стр. 130). Рост продуктивности земледелия создавал условия для развития ремесел и торговли. Для этого времени известно уже много ремесленных мастерских и, что самое главное, появляются поселки ремесленников.

Ремесленные поселения — это совершенно новое явление, возникшее в VIII—IX вв. Таким поселком было Добрыновское городище, густо застроенное ремесленными мастерскими. В помещениях мастерских находились открытые очаги, нишеподобные печи и часто каменные рабочие площадки. Здесь выделяются уже специализированные мастерские по металлообработке, гончарству, выделке шкур. Рядом с мастерскими располагались жилища с печами-каменками. Такой же ремесленный поселок находился на городище Ревно IX в. Ремесленные поселки снабжали своей продукцией жителей окрестных сельских поселений и были хорошо защищены деревянными стенами и рвами. Возникновение ремесленных поселений накануне создания Древнерусского государства было закономерным явлением, вызванным новыми экономическими и социальными условиями: формированием феодальных отношений, появлением дружинников, развитием сельского хозяйства и специализацией ремесла.

Ремесленные поселки являлись зародышами древнерусских городов. В отличие от этих поселков города складывались обычно из трех основных частей: детинца, где жила феодальная знать, укрепленного посада, заселенного ремесленниками, и окружающих земледельческих поселений. В города перерастали те ремесленные поселки, которые были расположены на важных торговых путях. Такой процесс наблюдается на комплексе памятников в Ревно. Здесь в IX в. существовало укрепленное ремесленное поселение и рядом с ним сельские поселки и городище-убежище. В X в. на месте убежища создается крепость, занятая феодальной знатью, рядом с которой располагался ремесленный посад и сельские поселения (стр. 116, 117).

Интересные материалы приводит Б. А. Тимощук для восстановления общественной организации населения в VIII—IX вв. Поселения этого времени располагались гнездами, в центре которых находились городища-убежища или городища — ремесленные центры. Население таких гнезд объединялось в «мир» или «вервь» и было сплочено единством производства, общественного управления, защиты и религиозными интересами. Характер городищ как общественных, политических и религиозных центров подчеркивается наличием на городищах больших общественных зданий, открытых автором. Общественные здания исследованы на многих городищах. Это большие наземные постройки с глинобитным полом и со стенами, сделанными из плетня и обмазанными глиной. Такой дом на Добрыновском городище имел размеры 20×6 *м*. Общественные дома располагались по краям городищ и непосредственно примыкали к деревянным оборонительным стенам. Внутри зданий находилось несколько открытых очагов, ямы-погреба. В одном из домов Добрыновского городища обнаружено культовое захоронение человека (стр. 122—125). Общественные здания типа контин, по-видимому, служили местом собраний, празднеств, в них совершались религиозные церемонии и хранились общественные запасы. Позднее с переходом к классовым отношениям общественные дома исчезают.

Говоря о территориально-племенной принадлежности населения Северной Буковины, автор отмечает, что это население в VI—VII вв. относилось к культуре пражского типа, принадлежавшей склавинам. В это время — период военной демократии — у славян еще не было прочных союзов племен, создающих свои этнографические особенности. Недолговременным союзом племен было объединение дулебов, куда, возможно, входило и население Буковины. В VIII—IX вв. создаются более прочные союзы племен, племенные княжения, население которых отличалось внутренним единством и сознанием своей особенности.

В VIII—IX вв. на Буковине была распространена культура типа Луки Райковецкой, которая по некоторым особенностям распадается на локальные группы. В частности выделяется территория Прикарпатья и Среднего Поднестровья. Так, в Прикарпатье распространена «обсыпанная» керамика, встречаются дома со стенами, обмазанными глиной, зерновые ямы с обожженными стенками, городища с земляными валами, укрепленными каменной стеной. Все эти детали культуры нехарактерны для Поднестровья, где распространена посуда с примесью слюды. Эти особенности, а также сведения письменных источников позволяют автору прийти к выводу, что население Прикарпатья входило в союз хорватов, а в Поднестровье жили тиверцы (стр. 138, 139).

Как показывает автор, социально-экономическое и политическое развитие населения Северной Буковины накануне создания Киевской Руси соответствовало уровню развития других восточнославянских земель. В X в. территория Буковины являлась составной частью Киевского государства и ее население влилось в древнерусскую народность.

Единственным недостатком книги, который следует отметить, является отсутствие общей карты памятников V—IX вв., описание которых дано в книге. Есть в книге и досадные опечатки. Так, на стр. 134 вместо «орного землеробства» напечатано «одного землеробства». В целом книга хорошо иллюстрирована рисунками керамики и вещей, планами поселений, городищ и жилищ.

Ценность книги Б. А. Тимощука заключается не только в том, что автор вводит в научный оборот совершенно новые и богатейшие материалы, но главным образом в том, что эти материалы методически правильно обработаны. Это позволило автору превратить археологические памятники в первостепенный исторический ис-

гочник и сделать интересные выводы, основанные только на фактах. Хорошо разработанная датировка дала возможность рассмотреть славянскую культуру Буковины в ее динамике и показать процесс создания экономических и социальных предпосылок возникновения Древнерусского государства. Выделение наиболее ранних славянских памятников V в., несомненно, будет содействовать решению еще далеко не выясненного вопроса о происхождении славянской культуры в целом. Единство славянской культуры на огромной территории и сравнительно общие этапы ее развития позволят использовать данные книги для уточнения истории ранних славян.

И. П. Русанова

Жиганов М. Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Мордовское книжное изд-во. Саранск, 1976, 134 стр., 18 табл. Тираж 4000 экз.

Основное внимание в монографии М. Ф. Жиганова сосредоточено на древностях мордовского народа. Как указывается во введении, книга «в популярной форме рассказывает о наиболее значительных памятниках, раскопанных учеными за годы Советской власти и имеющих большое значение для изучения древней и средневековой истории мордовского народа» (с. 4). Такое стремление автора следует только приветствовать, тем более что обобщающих работ по археологии мордовского края не было уже сравнительно давно, и назрела настоятельная необходимость интерпретации довольно большого количества новых памятников. К сожалению, вместо этого М. Ф. Жиганов предлагает читателям дословную перепечатку практически всех своих научных статей, опубликованных в 1958—1963 гг. в специальных журналах и сборниках. Естественно, что написанная таким образом книга, по существу недоступная непрофессионалам, никак не может считаться популярной. В монографии нашли отражение все взгляды и концепции автора почти двадцатилетней давности по ряду важнейших проблем этногенеза мордвы и истории материальной культуры народов Восточной Европы, причем, к сожалению, без учета ряда новых исследований других ученых. Признавая право автора на определенные научные концепции и не вступая с ним в полемику по вопросам, не получившим еще своего определенного решения, никак нельзя признать допустимыми сомнительные методы написания монографии. М. Ф. Жиганов позаимствовал целый ряд мыслей своих предшественников без ссылок на них:

«Ценой огромного напряжения сил, в тяжелейшем труде, преодолевая постоянные трудности, медленно, но упорно овладевало первобытное человечество силами природы и создавало зачатки человеческой культуры...»

(М. Ф. Жиганов, с. 23).

«...ценой огромного напряжения сил, в тяжелом труде, преодолевая бесконечный ряд заблуждений и ошибок, пройдя через бесчисленную массу жертв, медленно, но упорно овладевало первобытное человечество силами природы, покоряло их себе и создавало начатки человеческой культуры»

(М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, с. 9).

Подобных примеров достаточно много (с. 49, 52, 70, 87)[1]. В работе имеются и другие разновидности плагиата.

Описанная методика работы не спасает автора от целого ряда фактических неточностей, повторения устаревших положений и т. д. Глава «По следам каменного

[1] Ср.: *Трубникова Н. В.* Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н. э.— В сб.: Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 60; *Смирнов А. П.* Этногенез мордовского народа по данным археологии I—XV вв. н. э.— Там же, с. 21; *Алихова А. Е.* Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э.— В кн.: *Алихова А. Е.*,

века» (с. 15—23) показывает незнание автором многих общепринятых положений (датировка, характеристика орудий и т. д.). Например, палеолитические рубила им трактуются только как орудия собирательства (с. 15); характеризуя происхождение городецкой культуры, он пишет о наличии в ней компонентов фатьяновской и абашевской культур эпохи бронзы и не упоминает срубную (с. 33). А между тем значительная роль носителей срубной культуры в формировании городецкой культуры общепризнана [2]. Недоразумением объясняется упоминание о наличии волго-камской неолитической керамики на II Березовской стоянке в Примокшанье (с. 20). На этой стоянке керамика вообще не была обнаружена [3]. В свете новых данных устарело положение об одновременном развитии пашенного земледелия во всей средней лесной полосе (с. 65). Ю. А. Краснов на большом материале показал, что оно постепенно распространялось в железном веке по территории Восточной Европы с юго-запада и запада на восток [4].

Целый ряд досадных ошибок в рецензируемой монографии связан с тем, что автор не использует многие последние работы по археологии мордвы. В книге утверждается, что в мордовских могильниках VIII—XIV вв. предметы литейного производства были найдены только в женских погребениях (с. 85). Автору остался неизвестным факт находки льячек в двух мужских погребениях Кельгининского могильника XI—XII вв., что говорит о переходе бронзолитейного дела в руки литейщиков мужчин [5].

Давая описание городища Ош Пандо (с. 53), М. Ф. Жиганов указывает, что оно «было сооружено на мысу двух очень крутых оврагов», тогда как исследователь городища П. Д. Степанов в своей монографии «Ош Панда» (Саранск, 1967, с. 5) пишет, что оно располагалось на мысу, далеко выступающем в долину реки.

В главе «На пороге письменной истории» автор приводит материалы раскопок П. С. Рыкова и особенно обращает внимание на одновременность Армиевского могильника и селища (с. 53). Однако М. Р. Полесских, продолживший раскопки могильника и селища, показал их разновременность [6].

На с. 28 М. Ф. Жиганов упоминает Сабанчеевский клад эпохи бронзы «к сожалению, мало известный исследователям этой эпохи» (с. 28). Но он уже более 10 лет назад опубликован Н. Я. Мерпертом [7].

Формулировки автора порой настолько неопределенны, что мысль остается неясной («Культовые воззрения мордвы на протяжении многих веков были теснейшим образом связаны с домашним лепным способом изготовления посуды», с. 87), иллюстрирует XIII—XIV вв. материалами XVI—XVII вв., никак это не оговаривая (с. 87). На стр. 58 М. Ф. Жиганов говорит о том, что в Перемчалкинском и Томниковском могильниках зафиксированы венчики из трапециевидных подвесок, хотя исследователь Перемчалкинского могильника А. Е. Алихова отмечает, что у погребенной была лопасть, украшенная этими подвесками [8], реконструируя одежду знатных мужчин, он ссылается на присутствие женских украшений в мужских погребениях ряда могильников (с. 69), в частности на погр. 57, 58, 72 и 114 Армиевского могильника. Однако в них кроме сюлгам, браслетов и перстней (эти вещи одинаково типичны для женских и мужских погребений) никаких женских вещей боль-

---

Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, с. 15; *Горюнова Е. И.* Сарлейский могильник.— Археологический сборник, т. 1. Саранск, 1948, с. 54; *ее же.* Коринский могильник.— Там же, с. 65.

[2] *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура.— САИ, Д. 1-14. М., 1965, с. 7.

[3] *Шитов В. Н.* Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье.— В сб.: Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ, 1976, вып. 52, с. 44, 45.

[4] *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— МИА, № 174, 1971, рис. 21—23.

[5] *Алихова А. Е.* Распад первобытнообщинных отношений и становление феодальных отношений у мордвы.— В сб.: Этногенез мордовского народа, с. 67.

[6] *Полесских М. Р.* Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза, 1970, с. 146, 147.

[7] *Мерперт Н. Я.* Сабанчеевский клад.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 149—155.

[8] *Алихова А. Е.* Перемчалкинский могильник.— Археологический сборник, т. 1, Саранск, 1948, с. 179, 184.

ше нет. Правда, в погр. 58 есть трапециевидные подвески и височная привеска, но они связаны с жертвенным комплексом, на что указывает и П. Рыков (с. 62), и, таким образом, не характеризуют костюм мужчины [9].

Для обоснования своих гипотез М. Ф. Жиганов довольно оригинально пользуется гипотезами других ученых. Например, отвергая в одном месте книги без каких-либо доказательств мнения А. Л. Монгайта, П. Н. Третьякова, В. В. Седова, П. Д. Степанова, В. И. Ледяйкина о принадлежности рязано-окских могильников мордве (или даже мордве-эрзи), М. Ф. Жиганов считает возможным в других местах ссылаться на эти могильники как мордовские. Так, на с. 36 он использует работу В. И. Ледяйкина для показа неразрывной связи городецкой культуры с раннемордовскими могильниками, в том числе и рязано-окской группой [10]; для подтверждения мысли о давних связях мордовского и славянского народов он безоговорочно признает мнение А. Л. Монгайта о принадлежности рязано-окских могильников мордве («Исследования в Рязанской области показали, что древнейшим населением, предшествовавшим в Старой Рязани славянам, была мордва», с. 93). Чему же должен верить неподготовленный читатель, ведь на с. 37 он выделяет лишь «две группы памятников мордвы первой половины I тысячелетия н. э.—северную (кошибеевскую) и южную (пензенскую)»?

Настаивая на том, что височная привеска с грузиком и спиралью является племенным украшением мордвы (с. 54, 60 и др.), автор в то же время не объясняет, почему этого украшения нет в Кошибеевском могильнике. И такие противоречия и неувязки идут сплошь и рядом. Декларируемая автором идея об исторической общности эрзи и мокши, которая повторяется во многих местах, отрицается им самим же на с. 39, 43 (связывает погребальный обряд кошибеевских могильников и эрзянских XVII—XVIII вв.), построением самих глав, где он прослеживает генетическое родство пензенских и позднее мокшанских могильников и т. д. М. Ф. Жиганов упорно настаивает на том, что височная привеска с грузиком была общемордовским украшением вплоть до XII в. Но могильники XI в. у эрзи вообще не известны (или мы не знаем пока этих материалов), а наличие XII в.— весьма проблематично, на что указывает Е. И. Горюнова [11]; чтобы доказать преемственность Волчихинского и более поздних эрзянских могильников, автор сравнивает обкладку погребений дубовыми плашками в Волчихинском, Малотерюшевском, Коринском и «Торжок» (с. 43). Но ведь подобные обкладки погребений имели место и в мокшанском могильнике у пос. «Заря», раскопанном М. Ф. Жигановым [12]. На с. 58 он утверждает, что в IX—X вв. по сравнению с VII—VIII вв. инвентарь погребений «получает довольно много новых элементов» и убедительно доказывает этот факт на с. 54—60; а на с. 74 он утверждает, что за 400 лет «не наблюдается существенного изменения всего комплекса украшений в могильниках с VIII по XII в.»; принимая мнение А. Е. Алиховой («Ко второй половине этого тысячелетия (первого) выработались более или менее однообразные черты в материальной культуре мордвы»), М. Ф. Жиганов тут же, на с. 49, сопровождает его своим, противоположным мнением: «Только с середины I тысячелетия н. э. в археологических памятниках начинают выступать различия в элементах материальной культуры мокши и эрзи»!

Возражения вызывает и намеченная автором западная граница могильников кошибеевского типа. Ссылаясь на мнение П. П. Ефименко, он безоговорочно отнес к ним Шатрищенский могильник (с. 37). Ссылка на П. П. Ефименко безосновательна, так как этот могильник всеми исследователями, в том числе и П. П. Ефименко, рассматривался как памятник рязано-окский [13].

Работа М. Ф. Жиганова имеет нечеткую структуру, содержит много дословных повторов. На с. 43 и 71 повторяются рассуждения о роли славянского антского союза в Восточной Европе, на с. 77 и 101 — выдержки из писцовых книг, на с. 64 и 85 — описание женского литейного производства и т. д.

[9] *Рыков П.* Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, с. 61, 62, 72, 78.

[10] *Ледяйкин В. И.* Городецкая культура и мордва. Автореф. канд. дис. М., 1971.

[11] *Горюнова Е. И.* Коринский могильник, с. 58.

[12] *Жиганов М. Ф.* К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э.— СА, 1961, № 4, с. 159.

[13] *Ефименко П. П.* Рязанские могильники.— МЭ, т. 3, вып. 1. Л., 1926, с. 64.

Имеется целый ряд неточностей в иллюстрациях. Кремневый наконечник стрелы с Баевской стоянки изображен два раза (табл. 1, *А*, рис. 1 и табл. 2, *15*), высота Старосиндровского городища над уровнем дна оврага не 105 *м* (табл. 5), а 35—40 *м* (измерялась авторами рецензии в 1973 г.), непонятно, почему бляха от накосника названа нагрудной (табл. 13, *2*), подписи к табл. 17 не соответствуют ее содержанию (первый столбец). Да и графическое исполнение ряда таблиц оставляет желать лучшего.

Ограниченные размеры рецензии не дают возможности остановиться более подробно на всех главах монографии. Особое внимание к III—VI главам объясняется тем, что именно в них история мордовского народа восстанавливается по археологическим материалам. Но и изложенное выше свидетельствует о том, что автор весьма поверхностно отнесся к освещению важных вопросов древней и средневековой истории мордовского народа, не проанализировал большого количества новых материалов.

В. И. Вихляев, В. Н. Мартьянов

Vor-und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18. bis 24 April, 1972. Herausgegeben von H. Jankuhn, W. Schlesinger, H. Steuer. Göttingen, Teil I, 1973; Teil II, 1974.

Медиевисты европейских стран добились важных результатов в изучении средневековых городов. Фонд письменных источников давно мобилизован; развернувшийся ныне цикл исследований во многом обязан успехам археологии. Этой тематике посвящены два тома трудов симпозиума, состоявшегося в 1972 г. в Рейнхаузене под Геттингеном (ФРГ). В этом издании опубликованы доклады ученых ФРГ, Швеции, Норвегии, Дании, Англии, ГДР, Нидерландов, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Доклады касаются как изучения отдельных городов и поселений, так и общих вопросов их происхождения и развития. Такого рода исследования живо интересуют советских историков и археологов [1], поскольку в геттингенских докладах ставится и подчас решается ряд крупных историко-археологических проблем.

На геттингенском симпозиуме присутствовали ученые разных школ и направлений, нередко противоположных. С теоретическими докладами выступили представители западногерманской науки Г. Янкун, Г. Кёблер, Г. Дильхер, Д. Денекке, В. Шлезингер, Г. Людат, В. Витингоф и др. Они сосредоточили внимание на догородской и раннегородской проблематике, обсуждали типы и функции раннесредневекового поселения, роль городского рынка и церкви, оформление права. Нельзя не отметить, что в целом выступления западногерманских историков базируются на субъективистских построениях, широко распространенных в этом разделе современной буржуазной медиевистики [2]. При этом следует подчеркнуть определенные позитивные сдвиги в зарубежной науке, затронувшие даже такие крупные научные центры ФРГ, как Геттинген. Подвергнуты критике или оставлены без внимания недавно еще широко распространенные теории происхождения города — «рыночная», «гильдейская», «топографического дуализма» и др. Особенностью позиций современной медиевистики является поиск и истолкование многочисленных разнообразных факторов и обстоятельств, связанных с историей городов. В частности, торговая (купеческая) функция города уже не оценивается как всеобъемлющая. Доказано, что торговля на европейской почве развивалась, если так можно выразиться, на равных правах с ремеслом, чеканкой монеты, развитием средств транспорта. В докладе Д. Денекке

[1] *Хорошкевич А. Л.* Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке.— В сб.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962, с. 109—134; *Шушарин В. П.* Город.— Раздел в сб.: Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964, с. 51—57.

[2] *Салов В. И.* Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, с. 139—141.

«Географическое понятие «город» и пространственно-функциональный способ изучения типов поселений в соответствии с историческими эпохами их развития» предлагается, например, изучать следующие функции города: политические, административные, правовые, оборонные, культовые, культурные, снабженческие, сельскохозяйственные, ремесленно-промышленные, торговые, путей сообщения.

Советские медиевисты также приходят к выводам о «поликаузальных» оценках и критериях возникновения раннефеодального города, учитывая при этом социальные отношения и факторы классового порядка. К сожалению, в изложении западногерманских историков последняя важная тема обойдена молчанием. То, что историки-марксисты определили бы как одинаковый уровень хозяйственного развития, Герберт Янкун называет «возможным распространением идеи». Речь здесь идет не просто о различии формулировок: за ними стоят диаметрально противоположные методологические позиции. В некоторых выступлениях проявились реакционные тенденции в духе «остфоршунга». Так, Г. Людат в докладе «К понятию «город» в восточноевропейской зоне» остался верен своим остфоршерским концепциям. Правда, одиозный по нынешним временам «Drand nach Osten» у Людата, как и у других современных остфоршеров [3], подменен внешне безобидным «восточным колонизационным движением» (Ostkolonisationsbewegung), но это «движение», рассматривается как имевшее «фундаментальное значение... для социальной, правовой и хозяйственной структуры славянских стран». Для доказательства этого более чем сомнительного тезиса (сам Людат вынужден признать самостоятельность развития западнославянских городов) он пытается установить зависимость славянских терминов для обозначения города — от немецких «бург» и «штадт». Однако карта терминов, составленная Людатом, опровергает эти его положения: эволюция терминов в одном и том же направлении зафиксирована как в пограничных с Германией окраинах славянского мира, так и в глубинных его областях. Людат не учел возможность параллельного развития терминов, связанных с городским устройством у раннефеодальных немецких и западнославянских государств. Речь, несомненно, должна идти не о заимствовании германских понятий западными и южными славянами, а о стадиальном процессе развития городов и соответствующих им терминов, развернувшемся во всей Европе.

Позитивный характер геттингенскому симпозиуму придали не столько специально теоретические штудии, сколько обильные результаты конкретных исследований, осуществленных в последние годы в разных странах Европы.

Особое внимание привлекают последние исследования раннесредневековых городов стран Балтийского бассейна. Эти центры, от Дорестада и Хедебю на западе до Волина и Колобжега на востоке, во многом связаны единством своего развития. Явление тем более примечательное, что одновременно становится все более ясным хронологическое, типологическое и культурное соответствие в истории русских городов [4].

Источниковедческие возможности археологии в изучении северных центров далеко не исчерпаны. Даже такие давно известные памятники, как фризский Дорестад могут неожиданно предстать в новом свете: об этом свидетельствует содержательный доклад о новых раскопках в Дорестаде в 1967—1972 гг., который сделал на симпозиуме голландский археолог В. А. Ван Эс. Последние исследования заставляют пересмотреть сложившиеся представления о топографии и динамике развития «вика» на Рейне, одного из крупнейших торговых центров Северной Европы в VIII—IX вв. Поселение каролингского времени оказалось вдвое больше по размерам, чем считалось ранее: оно простиралось на 2 *км* вдоль рек Рейна и Лека.

Дорестад как торговый и ремесленный город оформился в VIII—IX вв., по-видимому, на основе нескольких более ранних поселений. Древнейшие из них (поселение III) возникли еще в римское время, жизнь здесь, возможно, развивалась непрерывно до VIII—IX вв., когда происходит резкое расширение площади «вика». Подтвердились прежние предположения о развитии разнообразных ремесел в Доре-

---

[3] *Салов В. И.* Ук. соч., с. 11; *Пашуто В. Т.* Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971, с. 14.

[4] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (к проблеме становления города).— В сб.: Культура средневековой Руси (К 70-летию М. К. Каргера). Л., 1974, с. 11—17.

стаде каролингского времени: находки свидетельствуют о существовании ткачества, обработки металла, янтаря, кости и рога. Мы знаем, что изделия фризских ремесленников — гребни, инкрустированная серебряной фольгой керамика и др.— достигали Хедебю, Бирки, Ладоги [5]. Новые открытия расширяют представления о северных «виках» как центрах международной заморской торговли и местного ремесла [6].

Интересный пример использования данных археологии для изучения не только экономических связей, но и социально-политических институтов представляет собой доклад датского ученого Э. Левина Нильсена «Становление города и тинг. Следы поселения эпохи викингов в городе Виборге (Дания) и проблема учреждения ютландского центрального тинга». Датский Виборг, древний культовый центр, языческое святилище в центре Ютландии, располагавшийся среди плодородных ландшафтов, в эпоху викингов становится местом проведения «тингов» — народных собраний, где, по свидетельству одной средневековой хроники, «обсуждали дела толпы народа, собиравшегося со всей Ютландии». Левин Нильсен, на основании данных раскопок, анализирует топографию, фазы застройки, планировку Виборга эпохи викингов и выдвигает тезис о «тинговом городе» как особой категории поселений, развитие которых определялось географическими, политическими и культовыми факторами. Нельзя не заметить определенного параллелизма в постановке данного вопроса с проблематикой «вечевых городов» Древней Руси, в частности Новгорода [7]. Важно отметить, что культовые функции Виборга сочетаются с военно-административными: город находился на скрещении дорог, игравших в жизни средневековой Дании примерно ту же роль, что на Руси Путь из варяг в греки (неоднократно, как зафиксировано летописью, использованный для мобилизации и транспортировки раннефеодальных армий) [8].

Топографии датского торгового центра эпохи викингов, «вика на Шлей» — Хедебю, посвящен доклад К. Шитцеля (ФРГ). Анализируются данные раскопок 1963—1969 гг., подробно характеризующие нижние горизонты поселения IX в. Уже в это время застройка Хедебю, как оказалось, весьма скученная, имела регулярный характер, ось поселения образовывал ручей с деревянными набережными. К нему перпендикулярно примыкали улицы. Дендрохронологические данные пока не позволяют западногерманским археологам установить абсолютную хронологию памятника, но очерчивают общий период жизни поселения — 250 лет. Нужно отметить интересный методический прием использования для дендрохронологии хорошо сохранившегося дерева из колодцев, находившихся внутри усадеб.

Норвежский аналог датскому Хедебю и шведской Бирке — «каупанг» в Ширингсале — вот уже четверть века (с 1950 г.) систематически исследует Ш. Блиндхейм. В слое мощностью всего 40—50 *см* прослежены остатки построек (Блидхейм приводит впечатляющую графическую реконструкцию участка застройки), найдены монеты (причем на 5 западноевропейских приходится 14 арабских дирхемов IX в.), импортная рейнская керамика, следы ремесленного производства по металлу и камню. Норвежский портовый «вик», как отмечает Блиндхейм, не достиг «городской стадии» развития. Его судьба целиком и полностью определялась ситуацией на между-

---

[5] *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, 1968, № 10, с. 54—63; *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги.— Скандинавский сборник, № XVI. Таллин, 1971, с. 123—132.

[6] Под виком большинство современных исследователей понимают раннегородские, обычно купеческие, поселения, отличные от деревни. В противовес этому Г. Кёблер на рассматриваемом семинаре высказал мнение, что vicus или wik в источниках каролингского времени обозначал деревню, точнее, группу поселений без отчетливых следов торгово-ремесленной деятельности. Проблема расшифровки самого ныне имеющего широкое хождение термина, по мнению Г. Янкуна, остается нерешенной. Со своей стороны полагаем, что термином «вик» все же можно пользоваться в целях осторожного обозначения поселений переходных форм от сельских к городским.

[7] *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2, с. 32—61.

[8] *Лебедев Г. С.* Путь из варяг в греки.— Вестн. ЛГУ, 1975, № 20. Сер. история, язык, литература, вып. 4, с. 40.

народных торговых путях, господство над которыми с X в. оказалось в руках других, более жизнеспособных и крупных центров.

Раскопкам Бергена посвящен второй доклад А. Хертейга. Средневековый Берген — столица древненорвежского государства, наряду с Новгородом, Лондоном и Брюгге — важнейшая заграничная база ганзейцев. По преданию (которому не противоречат данные археологии), город был основан около 1070 г. конунгом Олафом Мирным. В это время, как показывают раскопки, поселение занимало узкую береговую зону, отделенную от фьорда полосой деревянных причалов на свайном основании. В XII в. застройка значительно расширяется и уплотняется: появляются параллельные ряды больших построек, отделенных друг от друга узкими переулками. Торцы деревянных домов выходят на набережную; нижние этажи используются как склады.

Вещественные материалы обрисовывают прежде всего торговый характер средневекового Бергена. Хертейг отмечает, что город в силу природных условий не имел сельской округи. Его жизнеспособность определялась прежде всего ролью в международной торговле. Полихромная французская керамика, рейнский виноград, зерно из Руси, моржовая кость из Исландии и Гренландии, итальянские пломбы, кавказские самшитовые гребни — свидетельство активности бергенских купцов на торговых путях Европы в XII—XIII вв.

Важнейшей категорией находок в Бергене являются деревянные палочки с руническими надписями: к 1972 г. их найдено 551 экземпляр, от нескольких сантиметров до полуметра длиной. Отдельные надписи встречены также на изделиях из кожи, кости, камня или металла. Без особых преувеличений «деревянный архив» Бергена можно сравнить с новгородскими берестяными грамотами: в обоих случаях они дают уникальный письменный материал к истории средневекового города, раскрывая различные стороны его повседневной жизни. Это тем более важно, что известные до сих пор рунические надписи — как правило, поминальные (на камнях) или магические [9]. Бергенские руны посвящены реальному быту. Это долговые расчеты, письма торговым компаньонам, извещения о посылке товаров (например, «Торкель чеканщик монет посылает перец») и даже любовные послания. Примерно треть надписей — своего рода бирки с именем владельца, крепившиеся к партии товара. Среди имен есть иностранные, в отдельных случаях речь идет о коллективе владельцев — торговом товариществе.

Посмертно опубликованный доклад одного из патриархов современной скандинавской археологии М. Стенбергера (Швеция) посвящен развитию и хозяйственному укладу поселения Экеторп на о. Эланд. Многослойный памятник, исследовавшийся на протяжении 8 лет, относится к 15 загадочным круглым каменным городищам Эланда, располагающимся цепочкой вдоль восточного побережья острова. Экеторп возник в конце «римской эпохи»; поселок из 20 жилых помещений был окружен низкой каменной стеной шириной 3,5 *м* из валунов и бутового камня, уложенных насухо. В эпоху великого переселения народов первоначальное поселение (Экеторп I) было расширено и окружено кольцевой стеной диаметром 80 *м* (Экеторп II). Ширина укрепления достигала 5 *м*, высота каменной кладки (над которой, наверно, был устроен деревянный бруствер) равнялась 4 *м*. Внутри оборонительных сооружений выявлено примерно 15 дворов с жилищами, стойлами (древнейшими документированными археологически на территории Швеции), хозяйственными постройками. Численность населения Экеторп II, по расчетам Стенбергера, не превышала 150—200 человек. Хозяйственный уклад (земледелие и скотоводство), имущественное равенство, по определению исследователя, характеризуют древний коллектив как «производственную общину с деревенским советом». Эта структура крестьянского общества прослеживается в Швеции и позднее.

Около 700 г. н. э. в связи со стабилизацией обстановки на Балтике значение укреплений Экеторпа, по мнению Стенбергера, резко падает. Городище было заброшено примерно на 300 лет и возобновлено лишь в конце эпохи викингов. Изменилась социальная структура поселения. Застройка (маленькие четырехугольные дома, образующие тесные ряды, разделенные узкими переулками, рыночная центральная

[9] *Энговатов Н. В.* Находки рунических надписей на территории СССР.— Скандинавский сборник, № VI. Таллин, 1963, с. 229—257.

площадь, особый ремесленный квартал, вынесенный за пределы укреплений и обнесенный особым частоколом), кузнечные мастерские, состав находок — все свидетельствует о тенденции к урбанизации поселения XI—XIII вв. Среди 25 тысяч находок — орудия ремесла и сельского хозяйства, оружие и снаряжение всадника, украшения, гребни, предметы туалета, гирьки, чашечки весов, литейные формы, ранние шведские монеты, немецкая импортная посуда. Примечательно большое количество западнославянской керамики и других вещей славянского происхождения; этот неожиданно сильный вклад в культуру Экеторпа после 1000 г. можно, как указывает Стенбергер, объяснить как торговыми связями, так и непосредственным участием славян в жизни «древнейшего поселения городского типа в Швеции».

Другой островной торговый центр эпохи викингов, Павикен на о. Готланд, рассматривается в докладе П. Люндстрема (Швеция). Неукрепленный порт занимал широкий треугольный мыс на оз. Викмюр, широкой протокой связанном с открытым морем. Площадь поселения, по данным фосфатного анализа, около 15 тыс. $м^2$. Слой переотложен, мощность его невелика (20—30 *см*). Прослежены столбовые ямы, очаги, ряды камней. Наиболее интересны остатки верфи: стапели, пристань, а также сосредоточенные вдоль береговой линии находки, связанные с кораблестроением: 2000 корабельных заклепок, деревянные планки для ремонта судов, инструменты.

Наряду с судостроением в Павикене представлены и другие отрасли ремесла: плавка (из привозной руды) и обработка железа, бронзовое литье, косторезное дело, производство стеклянных бус, обработка граната и янтаря. О торговых функциях поселения свидетельствуют находки монет (сасанидских, арабских, английских, немецких) и гирек. Самые ранние находки в Павикене датируются VII в., основная же часть вещей относится к X в.

Ранний этап развития «протогорода» на территории Средней Швеции рассматривается в докладе В. Холмквиста, озаглавленном: «Хельгё — ранняя форма города?». Торгово-ремесленное поселение на о. Хельгё возникло еще в «римскую эпоху», расцвет его относится к V—VII вв.; отдельные находки датируются концом эпохи викингов (XI в). Доклад Холмквиста посвящен не столько характеристике этого монографически опубликованного памятника [10], сколько важной исторической проблеме: соотношению Хельгё и Бирки, торгового города эпохи викингов (IX—X вв.) здесь же, на оз. Меларен.

В. Холмквист стремится обосновать тезис о функциональной преемственности торговых центров V—VII и IX—X вв. Справедливо рассматривая развитие «протогорода» в связи с более широкими социальными процессами, Холмквист предпринял широко задуманную, хотя и спорную попытку реконструкции этих процессов на основе археологических данных. Дописьменный период шведской истории, освещенный археологическими материалами, оказывается достаточно длительным — с V по XI в. В течение этих столетий, полагает Холмквист, шла постепенная эволюция растущей и крепнущей политической организации, по сути дела раннегосударственного образования в Средней Швеции. Уже в эпоху Великого переселения народов (V—VI вв.) «среднешведская коренная область», по Холмквисту, доминировала во всем балтийско-ботническом регионе: здесь находился «силовой центр», влияние которого распространялось на Южную Швецию, о. Готланд, Финляндию и юго-восточную Прибалтику. Торгово-ремесленные функции в области, бывшей источником культурного влияния, и выполняло в IV—VIII вв. поселение на о. Хельгё, а в IX—X вв.— расположенный неподалеку, на о. Бьорко, «вик» Бирка, известный по письменным и археологическим источникам [11].

Социально-политической силой, обеспечившей развитие Хельгё, а затем Бирки, была, по Холмквисту, королевская власть. Холмквист отмечает мирный, по сравнению с Западом, характер викингской экспансии в Восточной Балтике. К началу эпохи викингов эти области были в достаточной мере «пацифизированы», чтобы

---

[10] *Holmqvist W.* Excavations at Helgö. Vol. I, Stockholm, 1959; vol. II. Stockholm, 1961; *Holmqvist W.* (ed.). Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I. Stockholm — Uppsala, 1972.

[11] *Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Stockholm, 1939—1943; *Holmqvist W.* (ed.). Ansgars Birka. En vikingatida handelsplats. Stockholm, 1965.

можно было «мирно и спокойно продвигаться дальше», на юг и на восток, основывая новые опорные пункты «Свейской державы» (Svearmacht).

Нетрудно заметить, что перед нами, хотя и в модифицированной форме, старая, восходящая еще к работам Туре Арне теория «Великой Швеции» (Det stora Svitjod), неоднократно использованная современными норманистами [12]. Гарантом мирного развития, по мнению Холмквиста, оказываются «хорошо организованные силы», локализующиеся в Средней Швеции. Легендарная Свейская держава Инглингов выступает как мощный политический, экономический и культурный лидер, определявший судьбы народов Северной и Восточной Европы на протяжении 500 лет. Письменные и археологические источники противоречат такой трактовке. «Мирный» характер походов шведских викингов во имя одного лишь сбыта товаров опровергают известия русских и других источников. Экспансия норманнов на Востоке (как и на Западе) имела сложный, полифункциональный характер. Торговля и грабеж, различные виды эмиграции, наемничество теснейшим образом переплетались в походах викингов, что и придает этим походам историческое своеобразие. Лишь в ходе норманской экспансии в скандинавских странах разворачивается процесс выделения новых общественных групп — королевской дружины, а также купцов и ремесленников раннесредневековых городов. И если в V—VI вв. в памятниках Средней Швеции можно видеть следы формирования моноцентричного локального объединения (скорее всего племенного союза), то в следующих столетиях положение резко меняется, что согласуется с известиями саг о гибели династии Инглингов и распаде их державы на мелкие королевства [13]. Построение В. Холмквиста не позволяет удовлетворительно объяснить сам факт топографической передвижки торгового центра, упадок в конце VIII — начале IX в. поселения на о. Хельгё и возникновение нового — в Бирке. Очевидно, главной причиной такого превращения были как раз резкие изменения социальной структуры Средней Швеции.

Сообщение шведского археолога Бьорна Амброзиани посвящено новым раскопкам в Бирке. В небольшой разведочной траншее площадью 120 $м^2$ обнаружено более 10 000 фрагментов керамики, 500 фрагментов и изделий из бронзы, 800 бус, 100 гребней, 90 костяных булавок, 250 осколков стекла, 60 гирек, 18 фрагментов монет, огромное количество железа, шлака, обожженной глины и костей. Вскрыты остатки береговых сооружений и жилых построек на каменном фундаменте. Необычайная интенсивность находок, связанных с торговлей и ремеслом, высокая плотность застройки резко выделяют Бирку из числа рядовых, в основном однодворных, поселений Средней Швеции. Анализ находок из культурного слоя позволил исследователю сделать вывод, что наряду с бесспорно важной ролью Бирки в международной торговле «ее большое значение определяется местным производством и потреблением в окружающей аграрной округе. Город Бирка в соответствии с этим — звено в хронологической цепи поселений: Хельгё—Бирка, Сигтуна, местных рыночных центров на оз. Меларен. Экономический фундамент этого городского образования — постоянно растущая аграрная округа в контакте с производящими железо горными округами на северо-западе». Новые перспективы археологического изучения Бирки, до сих пор известной исключительно по материалам могильника, особенно интересны для советских археологов-славистов. И не только потому, что «вик на Меларен» был одним из важных пунктов на Пути из варяг в греки в IX—X вв., но и в связи с развернувшимися в последние годы раскопками синхронных Бирке и исторически с ней связанных крупных торговых поселений Киевской Руси — в Гнездове на Днепре [14] и на Тимеревском поселении под Ярославлем [15], в Ладоге (низовье Волхова).

---

[12] *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.— Л., 1965, с. 31.

[13] *Лебедев Г. С.* Шведские погребения в ладье VII—XI веков.— Скандинавский сборник, вып. XIX. Таллин, 1974, с. 155—185.

[14] *Ляпушкин И. И.* Гнездово и Смоленск.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 33—37.

[15] *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным).— Вестн. ЛГУ, 1975, № 2. Сер. история, язык, литература, вып. 1, с. 65—70.

Проблеме происхождения города в славянских землях — прежде всего в Польше и особенно в балтийском Поморье — посвящен ряд докладов участников геттингенского симпозиума. С общим обзором исследований начала городов в Польше выступил польский археолог-славист В. Хенсель. Рассматривая проблему в широком хронологическом диапазоне, Хенсель ставит ряд важных вопросов. Центральный из них — археологические средства изучения предгородского поселения, «эмбриона города», население которого занималось несельскохозяйственной деятельностью. Хенсель отмечает, что такого рода поселения появляются еще в конце эпохи бронзы и раннем железном веке (в частности, относя к ним известное лужицкое городище в Бискупине). Развитие этих центров позднее прерывается. То же, по-видимому, происходит и с возникшими в римское время агломерациями неукрепленных поселений, в которых ремесло (особенно металлургия) и торговля занимали заметное место. Пока нельзя ответить на вопрос, продолжалось ли развитие этих центров в эпоху Великого переселения народов, или они были уничтожены в первой половине V в.

Для VII—VIII вв. В. Хенсель считает возможным говорить о «регрессии градообразования» на территории Польши. Лишь на юге, в районах, связанных со становлением Великоморавской державы, в IX в. возникают обширные раннегородские поселения-агломерации на площади до 100 *га* .Интенсивное развитие неаграрных поселений, с торгово-ремесленными предградьями, в средней и северной Польше начинается с середины X в. Предградья во второй половине X в. получают столь же мощные укрепления, что и детинцы (Познань, Гнезно).

Интересны демографические данные, приводимые Хенселем: численность населения и площадь крупнейших центров Польши в XI в. не превышали 5 тыс. чел. на 5—7 *га*. Намеченная в докладе польского исследователя картина развития города привлекает внимание сходством и совпадением по времени ее важнейших этапов с аналогичным процессом на Руси — становление города не позднее середины X в., экономический и социальный подъем во второй половине XI—XII вв., расцвет в XII — первой половине XIII в. Хенсель полагает, что, хотя для Польши нет таких достоверных свидетельств, как для Киевской Руси, о борьбе за достижение городских свобод и связанной с ним политической борьбе горожан, эти явления в Польше имели место не позже конца XI в.

Особое место в изучении польских городов занимает Поморье. Здесь, на балтийском побережье, торгово-ремесленные центры, тесно связанные с международной торговлей, возникли уже в IX в. Результатам исследования одного из них посвящен доклад В. Филиповяка «Развитие города Волина с IX по XII столетие». Обобщая результаты многолетних исследований [16], автор констатирует, что уже в IX в. Волин как поселение торгово-ремесленного характера превращается в развитой город. К концу столетия он обладает регулярной застройкой, укреплениями, гаванью и всеми средствами для ремесла и торговли. В конце IX в. оформляется центр города, возникают предградья и «поселения-сателлиты».

В середине XI в. начинается упадок Волина, бывший следствием сокращения транзитной торговли и военных набегов. Однако еще в XII в. значение его было довольно велико, и лишь систематические нападения датчан в 1170-х — 1180-х годах привели к потере городом одной из главенствующих ролей на южном побережье Балтийского моря.

Другой средневековый центр Поморья — Щецин рассматривается в докладе Л. Лециевича. Доклад представляет собой резюме монографической публикации результатов раскопок 1947—1969 гг., изданной польскими археологами вскоре после геттингенского симпозиума [17]. Специфика развития Щецина заключалась в том, что в отличие от Волина, почти не имевшего земледельческой округи, торговый город в устье Одера возник в плотно заселенной местности, освоение которой, начавшееся еще в неолите, привело к появлению в VII—VIII вв. нескольких «гнезд поселений». В середине IX в. по крайней мере одно из поселений, на замковой горе в Щецине,

---

[16] Materiały zachodnio-pomorskie, t. 1. Szczecin, 1955; t. 10, Szczecin, 1964.

[17] *Leciejewicz L., Rulewicz M., Wesołowski S., Wieczorowski T.* La ville de Szczecin des IXe—XIIIe siècles.— Archaeologia Urbium.— Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.

приобретает городские черты: регулярность застройки, наличие торгово-ремесленной деятельности; площадь около 1,2 *га* окружена земляным валом с деревянными, а местами и каменными конструкциями. Во второй половине X в. близ городища появляется предградье, разрастающееся по склону берега к Одеру, также с регулярной застройкой, деревянными мостовыми, пристанью (следует отметить великолепную сохранность дерева в культурном слое древнего Щецина). Наряду с торговлей и ремеслом население города занималось рыболовством. В первой половине XII в. Щецин представляет собой сложный комплекс, состоящий из замка-святилища с укрепленными предградьями и неукрепленным портовым районом (к югу от замка) с населением 5—7 тыс. чел. Находки из поздних слоев замка — оружие, шпоры — свидетельствуют о существовании здесь княжеской резиденции.

Многообразию путей и форм перехода от аграрных поселений к раннему городу в средневековой Европе посвящены «Заключительные обобщения» Г. Янкуна, завершающие двухтомную публикацию материалов геттингенского симпозиума. Янкун суммирует прежде всего результаты конкретных региональных исследований, останавливаясь на тех новых достижениях в современной медиевистике, которые в значительной мере базируются на материалах археологии. Так, именно археологически устанавливается функциональная преемственность позднеантичных и раннесредневековых городских поселений в Кельне, Трире и других старых имперских центрах. Археологически устанавливается возрождение античной традиции «горных городов» — убежищ в восточных Альпах в эпоху Великого переселения народов. Исключительно по данным раскопок стали известны раннесредневековые «вики», такие, как Дорестад, Хедебю, Бирка, Хельгё, Ширингсаль и другие поселения, сосредоточившие в себе торгово-ремесленные, отчасти оборонительные и административные функции.

Истоки этих «протогородов» можно видеть, по мнению Янкуна, в появляющихся с конца римского времени поселениях, где с земледельческими занятиями населения сочетается и специализированный промысел (например, железоделательный). Именно стабильная традиция ремесленного производства, считает Янкун, должна дополнять другие факторы развития, такие, как появление «торговых товариществ» и «дальних торговцев».

Первые центры дальней торговли и ремесла возникли в разных районах Средней и Северной Европы (за пределами Римской империи) уже в VI в. Все они были неукрепленными, часто располагаясь вблизи городищ-убежищ. В IX в. застройка некоторых из этих поселений приобретает регулярный характер, тип жилища отличается от крестьянских домов округи. В X в. появляются укрепления. Возникновение развившихся на основе «вика» городов, следовательно, относится в Средней и Северной Европе ко времени не ранее X в.

Янкун отмечает, что аналогичным был процесс развития раннего города в западнославянских землях. «Вики» в Волине, близ Менцлина, и в других славянских приморских центрах возникли в начале IX в. На рубеже IX и X вв. крупнейшие из них приобретают укрепления. В том же темпе, что у северных и западных соседей, шел у славян процесс развития новых групп городского населения, ремесленников и купцов. Констатация синстадиальности и синхронности развития в славянских и северогерманских землях здесь тем более примечательна, что в своей работе, вышедшей всего за год до геттингенского симпозиума, Янкун весьма скептически оценивал возможность обнаружения типологических параллелей «вику» у славян [18].

Примерно так же изменилось положение с трактовкой развития города у славян Средней Европы. Г. Янкун признает одним из важнейших событий послевоенной археологии открытие великоморавских городов в Чехословакии. Центры племенных союзов, укрепленные городища в VIII—IX вв. обрастают, как показали раскопки Й. Поулика, В. Грубого и других археологов ЧССР, мощными торгово-ремесленными предградьями. Пояса укреплений, каменные храмы, высокоразвитое дифференцированное ремесло, широкая международная торговля — все это результат прогрес-

[18] *Jankuhn H.* Typen und Funktionen vor — und frühwikingerzeitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971, S. 26.

сивного развития производительных сил западнославянских обществ, развития в полной мере самобытного и самостоятельного.

Весьма важен поставленный Янкуном вопрос о судьбах всех этих «городов старшего типа». Многие из этих центров приходят в упадок или гибнут около 1000 г. Одновременно, отмечает Янкун, появляется множество вновь основанных городов. Часть из них принимает на себя функции предшествующих поселений: происходит «перенос городов»: Хедебю сменяет Шлезвиг, Бирку — Сигтуна, славянский Старый Любек уступает место средневековому Любеку и т. д. Начинается подъем центров нового типа, таких, как Берген в Норвегии, Прага в Чехии и т. д. Почти все эти города со временем переросли в «правовой город нового типа», хотя архаические структуры сохранялись еще довольно долго.

В заключение Г. Янкун останавливается на факторах развития средневекового города. К числу их он относит, с одной стороны, римскую (античную) традицию, с другой — тот процесс социального и экономического развития у германцев и славян, который стал предпосылкой для образования примитивных «городов старшего типа». Подчеркивая их неустойчивость, Янкун указывает на необходимость действия дополнительных факторов для стабилизации и упрочения их развития. Таковыми могут быть, по мнению Янкуна, наличие дворца — резиденции властителя; деятельность церкви; портовые функции «виков», развитие кораблестроения, устойчивость и надежность морских путей.

Нетрудно заметить, что в этом интересном перечне проблем пропущен ряд важнейших вопросов социально-экономической истории Европы. Дело не в том, что эти проблемы полностью решены западногерманскими историками. Напротив, Янкун оговаривает, что вопросы, например, развития ремесла и торговли требуют специального рассмотрения и потому не затрагивались на данном симпозиуме. Однако даже без специального рассмотрения наряду с выделенными Янкуном факторами развития города необходимо было бы назвать и многие другие, не менее, если не более, важные. В выступлениях буржуазных историков сознательно или невольно совершенно игнорируется основополагающий процесс становления самого раннефеодального общества. Между тем вне связи с такими явлениями, как феодализация земли, формирование зависимого крестьянства, сложение раннефеодального государства, вопросы истории средневекового города не только не могут быть решены, но даже правильно поставлены. Безусловно, для развития «городов старшего типа» имели значение все названные Янкуном факторы. Но решающим условием их развития и упадка была связь этих центров с определенными социальными условиями, сложившимися накануне и в период становления классового общества. Так, «вики» возникли в обществе в то время, когда подъем производительных сил «варварского общества» привел к быстрому распаду первобытнообщинных отношений, перераспределению средств и ценностей, накоплению богатства в руках господствующей верхушки общества. Неустойчивость, нежизнеспособность «городов старшего типа» объясняется динамичностью социальной ситуации в целом. По мере установления власти класса феодалов, феодальной экспроприации излишков общественного продукта резко сужается социальная база «городов старшего типа». Инициатива из рук широкого слоя свободных общинников переходит к новому господствующему классу. Именно этот, феодальный класс выступает в роли основателя новых, подчиненных ему и обслуживающих его городов, сменивших архаичные «вики». И лишь в долгой борьбе с классом феодалов новоосновавшие города завоевали, наконец, право на «городской мир» и «городскую свободу», превратившие их в «правовой город нового типа».

Игнорирование или затушевывание социальных, классовых противоречий — отличительная черта буржуазной науки. Не вызывает сомнений тот факт, что подобный подход при всей изощренности методических приемов, применяемых к конкретному материалу, не способен привести к позитивному решению исторических проблем. В то же время нельзя не отметить, что в подходе к ряду конкретных вопросов и в западногерманской медиевистике заметен определенный сдвиг в отношении более трезвых и более объективных концепций. Признание общих для всей Европы стадиальных закономерностей, выявление типологически сходных явлений, признание самостоятельности развития и его связь с социально-экономическими

процессами (пусть в «усеченном» виде, без анализа классовых отношений) — несомненно, явления положительные. Мы вправе рассматривать их как непосредственный результат делового и равноправного диалога ученых разных стран, признания реальности и ценности научных изысканий археологов социалистических государств, опирающихся на достижения марксистско-ленинской исторической науки. Остается лишь выразить сожаление, что в материалах геттингенского симпозиума практически не нашли отражения результаты работ советских археологов. Представителей СССР не было среди участников симпозиума, более того — в докладах западных коллег не был упомянут ни один древнерусский город (если не считать некоторых пометок на карте в одиозном выступлении Г. Людата). Ни Киев, ни Новгород, ни Ладога, теснейшим образом связанные со многими из рассматривавшихся на симпозиуме центров, не вспоминались в Рейнхаузене под Геттингеном. Это обстоятельство снижает ценность рецензируемого двухтомника.

Именно поэтому в заключение нашего обзора хотелось бы выделить те сюжеты и темы, обсуждавшиеся на геттингенском симпозиуме, разработка которых с привлечением древнерусских материалов могла бы, на наш взгляд, оказаться одинаково полезной и поучительной как для советских археологов, так и для наших зарубежных коллег. Здесь прежде всего следует выделить вопрос о причинах и процессе возникновения города, о времени зарождения первых городских поселений в определенных регионах: конкретно-исторические формы «протогорода», пути его перехода к городу феодальной эпохи, признаки и функции неаграрных образований. Сюда же относятся экономические факторы развития городов: ремесло, деятельность торговых товариществ, чеканка монеты, дальняя и ближняя торговля, транзит, связи с местным рынком, пути сообщения. Особый интерес представляют вопросы внутренней организации городского населения, включая суд, право и самоуправление с учетом роли политических и церковных институтов. Перспективным является выяснение кончанской организации, с присущими ей административно-церковными приходами и поквартальной планировкой и застройкой.

Одна из поисковых задач общеевропейского масштаба, на наш взгляд,— «кризис городов старшего типа» около 1000 г., проблема переноса городов, образования новых центров, перемещения торговых путей. Специфична, наконец, проблема образования племенных центров и полиэтнических городов и наличия в составе городских образований временных или постоянных поселенческих коллективов и разноязычных иноверческих общин.

Археологическими средствами целесообразнее всего изучить в первую очередь вопросы, связанные с местной и привозной продукцией, домостроительством, с размещением городов, соотношением города и округи; в ряде случаев ценные данные можно получить о территории городов и протогородских центров, характере и плотности застройки, устройстве улиц, мостов и колодцев, появлении регулярной планировки и укреплений. Следует расширять комплексное изучение дома, двора, церкви, пристаней, торговых и других помещений, особенно ремесленных мастерских и купеческих лавок. Пробивают дорогу исследовательские направления, опирающиеся на взаимодействие нескольких наук. Подобным, например, образом идет разработка социальной топографии города, сложения его территории, реконструируемая с помощью письменных источников, включая писцовые и счетные книги.

Таков примерный перечень проблем, связанных с изучением средневекового города, к обсуждению которых в общеевропейском масштабе советские археологи готовы уже сегодня. Несомненно, деловой, непосредственный и непредвзятый обмен мнениями и материалами позволил бы углубить и выявить немало тем, разработка которых возможна только на основе широкого международного научного сотрудничества. Остается выразить надежду, что позиции западных археологов и историков все более будут определяться позитивными, долговременными фактами научного сотрудничества, в полном соответствии с генеральными, определяющими тенденциями международного развития нашего времени.

А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, И. В. Дубов

АРУТЮН АРТАШЕСОВИЧ МАРТИРОСЯН

Наша наука понесла тяжелую утрату — 28 июля 1977 г. в расцвете творческих сил скоропостижно скончался известный советский археолог, заведующий отделом Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, доктор исторических наук, профессор Арутюн Арташесович Мартиросян.

А. А. Мартиросян родился 1 мая 1921 г. в г. Ленинакане (бывш. Александрополь) в семье поэта. Окончив среднюю школу в 1938 г., он поступает на исторический факультет Ереванского государственного университета. Однако начавшаяся Великая Отечественная война прерывает его учебу. В 1941–1945 гг. Арутюн Арташесович служит в рядах Советской армии и принимает участие в боях за Родину на Кавказском и Юго-Западном фронтах. В 1944 г. он вступает в ряды КПСС. После окончания войны Арутюн Арташесович успешно завершает учебу в Ереванском университете и в 1948 г. поступает в аспирантуру Академии наук Армянской ССР по специальности археология и древняя история Кавказа. Для прохождения аспирантского курса А. А. Мартиросян был командирован в Ленинград в Государственный Эрмитаж. Здесь под руководством известного советского археолога и востоковеда Б. Б. Пиотровского им была подготовлена и защищена в 1951 г. кандидатская диссертация на тему «Культура Закавказья в VII–VI вв. до н. э.»

Кипучая и плодотворная научно-исследовательская деятельность Арутюна Арташесовича связана с Институтом археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР. Начиная с 1959 г. он бессменно руководил одним из ведущих подразделений Института – отделом ранней археологии. Здесь А. А. Мартиросян вырос в известного советского археолога и крупнейшего урартолога страны. Он провел большие полевые исследования в Араратской долине и в других районах Армении. В течение многих лет А. А. Мартиросян являлся заместителем начальника Кармирблурской экспедиции, возглавлял комплексную экспедицию по изучению пещер и наскальных изображений Армении, руководил исследованием крупного урартского города Аргиштихинили.

Круг научных интересов Арутюна Арташесовича был широк. Об этом убедительно свидетельствуют его многочисленные труды. А. А. Мартиросяну принадлежат более 100 печатных работ, в том числе десять монографий. Они посвящены изучению древней истории и культуры Армении и Закавказья, периодизации археологических культур эпохи бронзы и раннего железа, установлению связей и взаимоотношений Закавказья с Северным Кавказом и народами Древнего Востока, исследованию формирования раннеармянской культуры и проблеме образования и развития урартских центров в Закавказье. Немало внимания им уделено исследованию духовной культуры первобытной Армении. А. А. Мартиросян является автором таких известных монографических исследований, как «Раскопки в Головино», «Город Тейшебаини», «Наскальные изображения Гегамских гор», «Поселения и могильники эпохи поздней бронзы», «Первобытные иероглифы Армении и их урарто-армянские двойники» и др. Арутюн Арташесович один из авторов многотомного издания «История армянского народа». Особо следует выделить его фундаментальное исследование «Армения в эпоху бронзы и раннего железа», блестяще защищенное им в качестве докторской диссертации в Институте археологии АН СССР в 1965 г. Этот труд получил широкую и заслуженную известность как в нашей стране, так и за рубежом и стал настольной книгой для всех исследователей древней истории и культуры Кавказа и Ближнего Востока. Не меньшее научное значение имеет и его капитальный труд «Аргиштихинили» (1974 г.), представляющий собой первое монографическое исследование этого урартского города.

Человек благородной и щедрой души, А. А. Мартиросян уделял много внимания воспитанию молодых кадров археологов-кавказоведов. Его ученики успешно трудятся сейчас над изучением истории и археологии Армении и Закавказья. Отдел ранней археологии Института археологии и этнографии АН АрмССР превратился под его руководством в крупный центр изучения древних культур Закавказья. Благодаря разносторонним способностям и эрудиции, упорству и исключительному трудолюбию, А. А. Мартиросян внес крупный вклад в развитие советского кавказоведения.

Как настоящий коммунист и гражданин он был большим патриотом своей страны. Его грудь украшали более десяти боевых наград Родины.

Светлый образ Арутюна Арташесовича Мартиросяна, обаятельного человека и замечательного ученого, навсегда сохранится в нашей памяти.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955
АДСВ — Сб.: Античная древность и средние века. Свердловск
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АО — Сб.: Археологические открытия
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИНК — Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси
ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва
ЗГИХМЗ — Загорский Государственный историко-художественный музей-заповедник
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
Изв. Тамбов. УАК — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
ИМКУ — Сб.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР
КБН — Корпус боспорских надписей
КИМ — Киевский исторический музей
КМИ — Крымский медицинский институт
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КОМК — Куйбышевский областной музей краеведения
ЛСА — Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом
МАР — Материалы по археологии России
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского северо-востока
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МЭ — Материалы по этнографии
НИАМЗ — Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИЗЕИ — Отдел истории западноевропейского искусства Гос. Эрмитажа
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОИРК ГЭ — Отдел истории русской культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПИХАМЗ — Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
ПЛ — Псковские летописи, вып. 2 (Под ред. А. Н. Насонова). М., 1955
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САн — Советская антропология
САИ — Свод археологических источников
ССб — Скандинавский сборник
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник
Тр. ГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР
ТОЗПУ — Труды Общества земледелия при Петербургском университете

Тр. ИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР Ташкент
Тр. ИЭ АН СССР — Труды Института этнографии АН СССР
Тр. Тадж. ФАН СССР — Труды Таджикского филиала Академии наук СССР
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских. Москва
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AmA — American Antiquity. Menasha — Salt Lake Sity
AmAnt — American Anthropologist
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AJA — American Journal of Archaeology. Institute of America
AK — Archaeológiai Közlemények
AR — Arheologické rozhledy
BA — Baessler Archiv. Berlin
BMC — British Museum Catalogue. London
CSAE — Columbia Studies in Archaeology and Ethnology. New York
GCAP — Las grandes civilizaciones del Antiguo Peru. Lima
ICA — International Congress of Americanists (Congresso Internacional de Americanistas)
IOSPE — V. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JHS — Journal of Hellenic Studies. London
MA — Monumenta Americana. Berlin
Mitt. Arch. Inst.— Mitteilungen Archeologischen Instituts. Berlin
MTREm — A Mosonmegyei Történelmi és Régészeti Egyesület Emlékkönyve
NP — Ñawpa Pacha. Berkeley
NZ — Numismatische Zeitschrift. Wien
PW RE Pauly — Wissowa Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RN — Revue Numismatic
SA — Slovenská arheólogia. Bratislawa
SMYA — Suomen muinaimuisto-yhdistyksen aikaukskirja. Helsinki
UCPA — University of California Publications in Anthropology. Berkeley — Los Angelos — London
UCPAAE — University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. Berkeley — Los Angelos
UMB — University Museum Bulletin. Philadelphia
VFPA — Viking Fund Publications in Anthropology. New York
ZfHW — Zeitschrift für historische Waffenkunde. Dresden

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная. Сноски также печатаются через два интервала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

I. Книги

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 150.
2. Там же, с. 160.
3. Lacy A. D. Greek pottery in the bronze age. London, 1967; Montelius O. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1906. idem. Die tipologische Methode. Stockholm, 1903.
4. Lacy A. D. Op. cit., p. 12.

II. Журналы и продолжающиеся издания (Труды, Ученые записки, Известия, Сообщения и т. п.)

1. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2, с. 193.
2. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, № 252. Серия истории искусств, вып. 29. 1958; Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
3. Kutscher G. Nordperuanische Keramik,— MA, Bd. 1 1954. Abb. 80; Boul M. I'Art prehistorique dans les Pyrenees. Nouvell decouvert.— L'Anthropologue, 1923, t. 33, № 4, p. 441.

III. Сборники

1. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3; Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— Там же, с. 152.
2. Perkins A. The Relative Chronology of Mesopotamia.— In: Relative Chronologies in Old world Archaeology. Chicago, 1965, p. 145.

IV. Рецензии

Черных Е. Н. Рец.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.— СА, 1976, № 3; Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.— In: East and West. Roma, 1973, vol. 23, № 1—2, p. 204, 205.

V. Авторефераты диссертаций

Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1968; Аскаров А. Низовья Зеровшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962.

VI. Архивные материалы

а) диссертации
Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис. М., 1966. Архив ИА АН СССР, р — 2, № 1959, с. 40.

б) отчеты
Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4876.

в) отчеты за разные годы одного автора
Крушкол Ю. С. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4264, погр. 2, 4; 1970 г. р — 1, № 4310, погр. 23; 1972 г. р — 1, № 4859.

г) повторная ссылка на отчет
Крушкол Ю. С. Ук. отчет за 1970 г., с. 20.

VII. Повторное упоминание работ одного автора

1. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964; его же. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, № 64, 1958, с. 290.
2. Смирнов К. Ф. Меотский могильник..., с. 20.
3. Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10.

VIII. Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

АО — 1969, М., 1970
АИУ — 1970, Киев, 1972
АИМ — 1968, Кишинев, 1970
ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 42.

IX. Оформление сборников типа МИА, КСИА, КСИИМК

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, с. 75 сл.; *Никитин А. В.* Раскопки в Великом Устюге.— КСИА АН СССР, № 96, 1963; *Белов Г. Д.* Раскопки Херсонеса в 1955 г.— КСИА АН УССР, № 7, 1957; *Киселев С. В.* Лугавская стоянка.— КСИИМК, XXV, 1949.

Сноски печатаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается **постатейная** (сквозная). Сноски печатаются через два интервала (как и текст статьи).

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страницу машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на французский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.78 Т-04065 Подписано к печати 29.03.78 Тираж 3385 экз.
Зак. 76 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 29,4+1 вкл. Бум. л. 10¹/₂ Уч.-изд. л. 32,4

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10